
3 1761 06762761 2

ИСТОРІЯ ПРАВА
РУССКАГО НАРОДА.
I.

ИСТОРІЯ ПРАВА РУССКАГО НАРОДА.

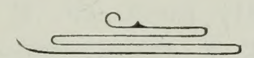
Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права

Н. П. Загоскина,
профессора Императорскаго Казанскаго Университета.

Томъ первый.

ВВЕДЕНІЕ.

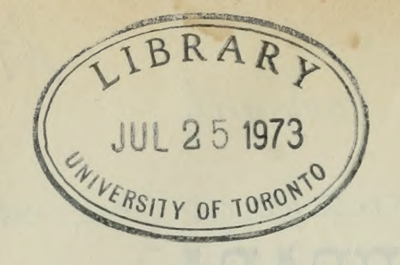
I. НАУКА ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.—II. ФОРМАЦІЯ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1899.

Печатано по опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *Г. Дормидонтовъ.*

Болѣе двадцати лѣтъ назадъ, въ 1877-мъ году, появился въ свѣтъ первый томъ моей „Исторіи права Московскаго государства". Въ 1879-мъ году вышелъ первый выпускъ втораго тома того же труда—и на этомъ выпускѣ изданіе остановилось, исчерпавъ лишь обзоръ источниковъ права, вопросъ объ организаціи верховной власти и исторію земскихъ соборовъ и боярской думы.

Планъ намѣченнаго мною въ ту пору труда по систематизаціи исторіи русскаго права ограничивался, такимъ образомъ, изложеніемъ исторіи права опредѣленнаго, именно московскаго, періода науки. Выборъ этого періода не былъ случаенъ: онъ обусловился самымъ предметомъ моихъ начальныхъ университетскихъ чтеній, которыя я, въ то время, раздѣлялъ съ моимъ учителемъ Сергѣемъ Михаиловичемъ Шпилевскимъ, причемъ на мою долю выпало чтеніе именно московскаго періода исторіи русскаго права.

Скоро выяснилось для меня, что уже въ самой ограниченности плана предпринятаго труда коренились причины его трудновыполнимости. За исключеніемъ небольшаго, хотя и цѣннаго, перваго выпуска „Исторіи русскаго права" проф. Ѳ. И. Леонтовича (1869 г.), передъ моими читателями не было въ то время цѣлостнаго труда по систематизаціи исторіи русскаго права, если не принимать въ расчетъ стенографированнаго курса лекцій проф. М. М. Михайлова (1871 г.), совершенная несистематичность, разбросанность и другія отрицательныя стороны котораго слишкомъ хорошо извѣстны. Неудивительно, поэтому, что, излагая отдѣльные вопросы московскаго періода исторіи русскаго права, мнѣ приходилось возвращаться къ предшествовавшимъ порамъ исторической жизни, выясняя постановку даннаго вопроса въ избранный мною періодъ въ связи съ

состоянiемъ его въ первомъ, удѣльномъ, перiодѣ; это, въ свою очередь, невольно повлекло за собою монографическiй характеръ работы, отдѣльныя части которой стали облекаться въ форму болѣе или менѣе самостоятельныхъ изслѣдованiй, грозившихъ обратить предпринятый мною курсъ—въ сборникъ отдѣльныхъ монографiй и изслѣдованiй. Моя попытка изложенiя отдѣльнаго, притомъ промежуточнаго, перiода исторiи права, отторгнувъ его отъ перiодовъ предшествующаго и послѣдующаго, окончилась, такимъ образомъ, неудачею.

Почти двадцать лѣтъ протекло съ той поры. Не мало накопилось у меня за это время курсовъ чтенiй, различнаго рода законченныхъ и недоконченныхъ работъ, матерiаловъ.... Весьма естественною и законною должна представляться потребность теперь, когда доводится уже серьезно подумывать о подведенiи итоговъ своей четверть-вѣковой научно-преподавательской дѣятельности, разобраться во всемъ этомъ матерiалѣ, привести его въ сколько нибудь обработанный и систематическiй видъ, возстановить въ словѣ все передуманное и переработанное....

Таково происхожденiе предпринимаемаго мною въ настоящее время изданiя, первый томъ котораго нынѣ предлагается благосклонному вниманiю лицъ, интересующихся русскимъ историко-юридическимъ знанiемъ и которое, какъ показываютъ самое заглавiе и размѣры его—отнюдь не претендуетъ на значенiе учебника.

Къ выполненiю настоящаго труда приступлено было мною еще пять лѣтъ тому назадъ, но работа задержалась тѣми трудностями, съ которыми довелось столкнуться при изложенiи *именно введенiя въ науку*, составляющаго предметъ выпускаемаго нынѣ въ свѣтъ тома и въ которомъ пришлось стать лицомъ къ лицу съ отдѣльными историческими, библiографическими и даже этнологическими вопросами, въ всесторонней и полной разработкѣ своей способными дать содержанiе цѣлымъ томамъ самостоятельныхъ изысканiй и изслѣдованiй, но изложенiю которыхъ я счелъ, конечно, возможнымъ придать *лишь пропедевтическiй*, а потому и возможно сжатый, характеръ. Затянувшееся, благодаря этому, печатанiе выпускаемаго тома, часть

листовъ котораго была оттиснута еще въ теченіи 1893—1897 годовъ, является причиною появленія ряда „добавленій" къ тексту, которыя читатели найдутъ въ концѣ книги [1]); явилось даже причиною перепечатанія цѣлаго листа (четвертаго).

Съ выпускомъ въ свѣтъ предлагаемаго тома, вмѣщающаго въ себѣ введеніе къ изложенію историческаго развитія права русскаго народа, моя задача уже въ огромной степени упрощается и я надѣюсь,—если только не встрѣтятся на пути внѣшнія препятствія и, прежде всего, конечно, слишкомъ хорошо знакомыя большинству русскихъ авторовъ препятствія матеріальнаго характера,—*ежегодно выпускать по одному тому* задуманнаго мною труда.

Предпринимаемое мною изданіе „Исторіи права русскаго народа" расчитано на *двѣнадцать томовъ*, изъ которыхъ *первый* (Введеніе въ науку) нынѣ выпускается въ свѣтъ, а остальные предполагается распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

Томъ второй. *Удѣльный періодъ.*—А) Русь удѣльно-вѣчевая: Обзоръ источниковъ и памятниковъ права и исторія политическаго и общественнаго строя удѣльно-вѣчевой Руси.

Томъ третій.—Б) Русь эпохи развитія мѣстныхъ законовъ: 1) Русь Владиміро-Московская, 2) Сѣверо-русскія народоправства (мѣстные памятники вѣчеваго законодательства), 3) Русско-литовское государство и законодательство.

Томъ четвертый. *Московскій періодъ.*—Обзоръ источниковъ и памятниковъ права. Верховная власть и высшія государственныя установленія (земскіе соборы и боярская дума).

Томъ пятый. Центральное (приказы) и областное (намѣстническое, губной институтъ, земское и общинное самоуправленіе, воеводское) управленія.

---

[1]) Авторъ усердно проситъ читателей принимать, при чтеніи, въ соображеніе эти, имѣющіяся въ концѣ книги, дополненія и поправки, что въ значительной степени облегчается для нихъ находящимся въ концѣ же книги алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ.

Томъ шестой. Исторія сословій (служилый классъ, духовенство, посадскіе люди, крестьяне, холопы).

Томъ седьмой. Исторія гражданскаго права.

Томъ восьмой. Исторія уголовнаго права. Процессъ (судоустройство и судопроизводство).

Томъ девятый. *Петербургскій періодъ.*—Реформы Петра Великаго и его преемники до императрицы Екатерины II.

Томъ десятый. Реформы императрицы Екатерины II и императоръ Павелъ I.

Томъ одинадцатый. Реформы императора Александра I и императоръ Николай I (Полное Собраніе Законовъ и Сводъ Законовъ Россійской Имперіи).

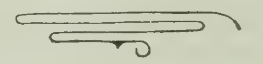
Томъ двѣнадцатый. Реформы императора Александра II.

Не скрою отъ читателя смущенія, которое закрадывается въ мои мысли въ виду обширности намѣченнаго плана работы. Не скрою и того, что невольно напрашивается мнѣ на память роковой афоризмъ: „Ars longa, vita brevis“,—смыслъ котораго долженъ представляться особенно назойливымъ въ виду перспективы свыше десятилѣтняго промежутка времени, на каковой расчитаны мои упованія на благополучное завершеніе начатаго дѣла.....

Удастся ли завершить это послѣднее въ тѣхъ размѣрахъ, которые намѣчены мною—вопросъ, въ весьма многихъ отношеніяхъ, независящаго отъ насъ будущаго; вопросъ, положительное разрѣшеніе котораго стоитъ внѣ доброй воли и горячаго отношенія къ дѣлу, съ которыми приступаю я къ выполненію сложнаго труда, начало котораго предлагается нынѣ вниманію читающей публики.

Н. Загоскинъ.

Казань, 1 января 1899 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отдѣлъ четвертый.

Историческая критика. Соотношеніе исторіи къ другимъ наукамъ. Вспомогательныя для нея отрасли знанія.

Отдѣлъ пятый.

Система изложенія и литература исторіи русскаго права.

Часть вторая.

Формація народа и государства.

Отдѣлъ первый.

Славяне и начало русской самобытности.

Отдѣлъ второй.

Зарожденіе русской государственности.

ВВЕДЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

НАУКА ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

Предварительныя общія понятія о правѣ и исторіи права.

Наука антропологіи и исторіи первобытной культуры свидѣтельствуетъ намъ, что человѣкъ никогда не жилъ внѣ общенія съ себѣ подобными существами и всѣ ученія о первоначальномъ естественномъ состояніи (status naturae), которыми такъ изобиловали XVII-й и XVIII-й вѣка — должны быть признаны лишь искусственными исходными точками отправленія для построенія болѣе или менѣе остроумныхъ теорій и системъ естественнаго права.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ является существомъ, которому, наряду съ другими живыми существами, присущи многоразличныя потребности, необходимыя для удовлетворенія цѣлей его бытія и, прежде всего, бытія физическаго. Инстинктъ каждаго отдѣльнаго недѣлимаго человѣческаго рода подсказываетъ ему и необходимость пользованія тѣми благами, которыя, такъ или иначе, могутъ способствовать удовлетворенію этихъ потребностей. Не требуется особой пытливости ума, что бы задаться вопросомъ: что было бы съ человѣческимъ общежитіемъ, если бы люди, въ совмѣстной жизни своей, руководствовались искючительно побужденіями своихъ животныхъ инстинктовъ, которыя учатъ ихъ заимствовать изъ окружающаго міра наибольшее количество благъ, могущихъ служить средствомъ удовлетворенія многочисленныхъ потребностей ихъ, какъ физическаго, такъ и духовнаго, существованія? Отвѣтъ на

этотъ вопросъ несложенъ: совмѣстная жизнь людей,—жизнь, конечно, разумная, основанная въ извѣстныхъ нравственныхъ, альтруистическихъ началахъ,—была бы немыслимою; при такомъ условіи возможна была бы лишь жизнь стадная, но не жизнь общественная, основанная на взаимномъ согласованіи отдѣльными индивидумами своихъ интересовъ, на томъ великомъ принципѣ общежитія, что бы свобода одного лица была совмѣстима съ свободою его окружающихъ, на совокупномъ преслѣдованіи, наконецъ, человѣчествомъ не только матеріальныхъ, но и духовныхъ цѣлей своего существованія. Извѣстный англійскій мыслитель XVII-го вѣка, Гобссъ или Гобезъ,—одинъ изъ выдающихся послѣдователей ученія естественнаго права,—сдѣлалъ весьма мѣткое заключеніе, что такая жизнь людей внѣ разумно обоснованнаго общества—явилась бы ареною неудержимаго проявленія присущихъ человѣку животныхъ истинктовъ, была бы поприщемъ ожесточенной борьбы за существованіе, „bellum omnium contra omnes", борьбою всѣхъ противъ всѣхъ,—какъ характеризуетъ этотъ мыслитель начертанную имъ картину естественнаго состоянія человѣчества. Эта борьба кровавою рѣкою залила бы свѣтъ разума, которымъ отмѣченъ человѣкъ среди другихъ живыхъ существъ, населяющихъ землю. При такомъ хаотическомъ состояніи жизни человѣчества — немыслимою была бы та грандіозная культура человѣческаго рода, которую переживаемъ мы въ наши дни, на самомъ рубежѣ наступающаго XX-го столѣтія, и которой, повидимому, не предвидится и конца въ ея дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи. . . .

Но въ томъ то и дѣло, что, въ ряду проявленій духовной жизни человѣчества, существуетъ одно начало, которое дѣлаетъ возможною совмѣстную разумную жизнь какъ отдѣльныхъ индивидовъ въ обществѣ, такъ и отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ между собою, которое начертываетъ для каждой единицы всего общежитія определѣнную сферу проявленія ея свободной воли, совмѣстимую съ сферами свободы другихъ единицъ того же общежитія, которое гарантируетъ достиженіе совокупными силами разумныхъ цѣлей бытія какъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и всего общества, которое, короче говоря—дѣлаетъ мыслимою общественную жизнь, въ истинномъ и разумномъ смыслѣ этого понятія.

Этимъ проявленіемъ духовной жизни человѣчества является право, которое, зиждясь на экономическомъ интересѣ, присущемъ каждому отдѣльному члену человѣческаго рода, представляетъ собою, на этой почвѣ, совокупность условій для разумной жизни какъ отдѣльныхъ индивидовъ въ обществѣ, такъ и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ между собою,—и именно для жизни разумной, такъ какъ все то, что противорѣчитъ разуму, не можетъ быть и предметомъ права.

Идея права была издревле присуща самосознанію человѣчества, выражаясь въ тѣхъ или другихъ конкретныхъ формахъ, сообразно съ степенью культуры, на которой стояли въ данное время отдѣльные народы, сообразно съ условіями жизни ихъ, съ господствомъ у нихъ того или другаго міровоззрѣнія, тѣхъ или другихъ идеаловъ и т. п. Очень давно занимаетъ собою мыслящее человѣчество и вопросъ о происхожденіи права—этого высшаго духовнаго начала, обусловливающаго собою разумныя основы общежитія. Различныя стадіи культурной жизни какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ народовъ, даютъ намъ и различные отвѣты на этотъ вопросъ. Попытки разрѣшенія вопроса о происхожденіи права породили цѣлый рядъ представленій и теорій, непрерывная цѣпь которыхъ тянется изъ глубины античныхъ вѣковъ вплоть до новѣйшаго времени. Обзоръ, хотя бы и поверхностный, всего этого разнообразія воззрѣній на происхожденіе права—не можетъ войти въ рамки настоящаго изложенія нашего. Мы считаемъ умѣстнымъ отмѣтить лишь основныя направленія, которыя наблюдаются въ историческомъ развитіи этого вопроса.

Были ученія, которыя строили вопросъ о происхожденіи права на теологической почвѣ, объясняя происхожденіе его въ связи съ религіею. Совокупность такихъ ученій дала мѣсто такъ называемой теологической школѣ въ области интересующаго насъ вопроса. Послѣдователи этого направленія смотрѣли на право, какъ на духовное начало, вселенное въ сознаніе человѣка волею Божества, прежде всего выраженною въ Откровеніи. Въ связи съ этимъ государство представлялось отраженіемъ въ человѣчествѣ Божественнаго распорядка, начертаннаго творческимъ Разумомъ при самомъ мірозданіи. Право признавалось, такимъ образомъ, духовнымъ нача-

ломъ божественнаго происхожденія, искрою Божіею, возженною въ сердцѣ человѣка съ самого появленія его въ качествѣ вѣнца творенія. Смѣшеніе права съ религіею особенно рѣзко бросается въ глаза въ античномъ мірѣ. Здѣсь служители алтаря, жрецы—вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и законодателями, возвѣщая и толкуя волю Божества; они же были и судьями, т. е. верховными блюстителями и охранителями права; священныя книги—вмѣстѣ съ тѣмъ были и законодательными кодексами (Пятикнижіе у евреевъ, Веда у индусовъ). Вообще, древній міръ постоянно смѣшивалъ три духовныхъ начала—религію, право и нравственность, и только у римскихъ юристовъ встрѣчаются первыя попытки разграниченія этихъ трехъ сферъ.

Теологическая постановка вопроса о происхожденіи права пережила паденіе античнаго міра. Въ средніе вѣка христіанская церковь являлась могущественною силою, стремившеюся стать не только наряду съ государствомъ, но даже первенствовать надъ нимъ. Теперь были забыты тѣ положенія, которыя были высказаны римскими юристами, и смѣшеніе права съ религіею и нравственностью возрождается съ новою силою. Такъ продолжалась до конца XVI-го и начала XVII-го в.в.,—до такъ называемой эпохи возрожденія наукъ и искусствъ,—когда двумя великими философскими умами, Бэкономъ и Декартомъ, было положено начало новымъ методамъ разработки наукъ, извѣстнымъ подъ названіемъ методовъ индуктивнаго (анализъ) и дедуктивнаго (синтезъ). Съ этой поры наука освободилась отъ тѣсныхъ и сухихъ рамокъ схоластики, сковывавшей умъ человѣческій и не предоставлявшей ему достаточнаго простора въ дѣлѣ познанія истины—этого конечнаго результата всякаго знанія. Науки быстро обновились и скорымъ шагомъ пошли впередъ по указаннымъ имъ новымъ методамъ разработки. Возродилась къ новой жизни и наука права, которая, занявъ самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ отраслей человѣческаго знанія, стремится теперь отграничиться и отъ теологіи, и отъ этики; на самое право начинаютъ смотрѣть, какъ на самостоятельное духовное начало, отличное и отъ религіи, и отъ нравственности. Впрочемъ, въ лицѣ отдѣльныхъ представителей своихъ, теологическое ученіе о происхожденіи права и государства пережило паденіе теолого-схоластической философіи; еще въ половинѣ

истекающаго XIX-го столѣтія убѣжденнымъ поборникомъ этого ученія выступалъ извѣстный германскій философъ Фридрихъ Шталь.

Высказывались затѣмъ ученія, выводившія право изъ чистаго разума; наиболѣе типичными представителями этого направленія были Эмм. Кантъ, Фихте и ихъ послѣдователи. Это такъ называемая раціоналистическая школа въ ученіи о правѣ, которая смотритъ на право какъ на продуктъ (императивъ) чистаго разума. Разумъ человѣческій, — учатъ раціоналисты, — представляетъ собою такую великую творческую силу, которая, помимо какихъ бы то ни было внѣшнихъ факторовъ, способна вселить въ сердцѣ человѣка идею права и повести эту идею по пути практическаго осуществленія ея въ жизни, подсказавъ человѣку — что справедливо и несправедливо, научивъ его поступать такъ, что бы сдѣлать свою личную свободу и свои интересы совмѣстимыми съ свободою и интересами другихъ людей. Словомъ, чистый разумъ является въ состояніи создать, при посредствѣ свободной воли человѣка, цѣлую систему права, притомъ создать ее изъ себя самаго, игнорируя условія объективнаго характера.

Съ первой половины XVII-го вѣка возникаетъ длинный рядъ ученій естественнаго права, явившихся реакціею противъ теолого-схоластическаго направленія, стѣснявшаго свободу человѣческой мысли и подводившаго ученіе о правѣ въ узкія рамки предопредѣленія, фатума, отказывавшаго свободной волѣ человѣка и условіямъ внѣшняго характера во всякомъ участіи въ дѣлѣ происхожденія и эволюціи права. Это новое ученіе выразилось въ широкомъ циклѣ системъ или теорій естественнаго права. наводнившихъ собою философскую литературу XVII и XVIII вѣковъ и въ половинѣ этого послѣдняго нашедшихъ себѣ фанатичнаго представителя въ лицѣ Ж. Ж. Руссо. Исходя отъ односторонне понятыхъ основныхъ положеній, высказанныхъ еще классическими римскими юристами относительно права природы (jus naturale, jus naturae), послѣдователи ученія естественнаго права выводили идею права изъ самой природы, изъ извѣстныхъ непреложныхъ требованій, которыя предъявляются ею человѣку и съ которыми ему волею-неволею доводится считаться. Положеніе о первоначальномъ естественномъ состояніи людей, когда они жили внѣ общенія между собою и которое рисо-

валось одними писателями въ качествѣ идеальнаго господства мира и взаимнаго благожеланія, другими—въ качествѣ состоянія безпрерывной борьбы (bellum omnium contra omnes) и господства неограниченныхъ животныхъ страстей, затѣмъ выходъ изъ этого естественнаго состоянія или въ силу присущаго человѣку стремленія къ себѣ подобнымъ (caritas), или въ силу стремленій утилитарнаго характера (utilitas) и образованіе основаннаго на договорѣ (contract social Руссо) общежитія съ правовымъ порядкомъ въ его основѣ—таковъ общій остовъ большой части теорій естественнаго права XVII—XVIII вѣковъ, съ преобладаніемъ въ основѣ ихъ субъективнаго воззрѣнія въ вопросѣ объ образованіи права и государства. Не удивительно, что послѣдователи ученія естественнаго права впали въ крайность: они стали разсматривать право, какъ систему нормъ, вытекающую изъ самой природы, общей для всего человѣчества, и, слѣдовательно, общую, въ основныхъ чертахъ своихъ, для всего человѣчества; непреложную, какъ непреложны и самые законы природы; общую и въ равной мѣрѣ пригодную для всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи ихъ жизни, на всѣхъ ступеняхъ ихъ культурнаго развитія.

Эта крайность была огромною ошибкою въ ученіи многихъ, даже лучшихъ, представителей мысли XVII-го и XVIII-го вѣковъ, увлеченіе которою находитъ себѣ, впрочемъ, историческое объясненіе: недовольство существующимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, построеннымъ на отживающихъ свой вѣкъ остаткахъ средневѣковаго феодальнаго режима и стремленіе отрѣшиться отъ него. Отсюда—отрицаніе историческихъ началъ, переставшихъ удовлетворять требованіямъ быстро бѣгущаго впередъ времени, мечты о созданіи для всего человѣчества общей системы права, которая имѣла бы въ своей основѣ вѣчные и непреложные законы и императивы природы. Не выходя сначала изъ области чистой теоріи, ученіе это впослѣдствіе стало выражать тенденцію проникать и въ дѣйствительную жизнь, съ цѣлью пересозданія существующихъ права, общества и государства на началахъ права естественнаго, положивъ въ основу новаго строя жизни требованія природы и разума, отрѣшившись отъ исторіи, съ присущимъ ей началомъ національности, и отъ условій мѣста, времени и культуры. На природу и разумъ стали смотрѣть, какъ на

единственный источникъ права, на философовъ—какъ на единственныхъ его носителей и толкователей. Это направленіе наиболѣе рельефнымъ образомъ отразилось въ событіяхъ великой французской революціи и одинъ изъ столповъ германской науки имѣлъ полное основаніе сказать, что „кто хочетъ имѣть ключь къ уразумѣнію французской революціи, тотъ долженъ познакомиться съ ученіемъ философовъ XVIII-го вѣка“.

Крайности, въ которыя впало ученіе поборниковъ естественнаго права, достигшія своего апогея къ концу XVIII-го вѣка и не замедлившія отразиться на явленіяхъ дѣйствительной жизни—встрѣтили, въ свою очередь, энергичную реакцію со стороны новаго направленія, возникшаго въ началѣ XIX-го столѣтія и извѣстнаго подъ названіемъ ученія исторической школы. Это ученіе зародилось въ Германіи, гдѣ горячими корифеями его явились знаменитые юристы Гуго, Эйхорнъ, Савиньи и Пухта.

Историческая школа категорически отвергла односторонніе взгляды на происхожденіе права какъ чистыхъ раціоналистовъ, такъ и послѣдователей ученія естественнаго права. Эта школа возвѣстила уже устами первыхъ основателей своихъ, что право не должно и не можетъ быть разсматриваемо ни какъ исключительный императивъ разума, ни какъ исключительный продуктъ природы, ни какъ результатъ непосредственной творческой дѣятельности человѣка. Право,—учитъ эта школа,—не можетъ быть, въ своемъ приложеніи къ дѣйствительной жизни, шаблоннымъ построеніемъ системы нормъ, одинаково пригодной для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ; тѣмъ менѣе можетъ оно сводиться къ значенію продукта воли того или другаго законодателя, такъ какъ формула: „sic volo, sic jubeo“—меньше всего примѣнима именно къ сферѣ права.

Но что же такое право, по ученію исторической школы? Историческая школа провозгласила, что *право каждаго отдѣльнаго народа—есть продуктъ всей предшествовавшей исторической жизни его* и что единственнымъ источникомъ права является правовое сознаніе народа, представляющееся органическою частью всего его міровоззрѣнія. А такъ какъ весь складъ міровоззрѣнія каждаго народа является результатомъ всей его предшествовавшей духовной жизни, то, слѣдовательно, и право дол-

жно быть разсматриваемо, какъ одинъ изъ продуктовъ духовной жизни народа. Въ этомъ смыслѣ право положительное, т. е. право, дѣйствующее у даннаго народа, должно быть противопоставлено праву естественному,—если только допустить еще этотъ терминъ,—значеніе котораго теперь сводится, однако, развѣ только къ значенію отвлеченной теоріи права, безъ всякаго конкретнаго примѣненія къ опредѣленному времени, мѣсту и народу.

Изъ сказаннаго выше вытекаетъ, что право каждаго народа, какъ продуктъ духовной жизни его, должно занимать опредѣленное и вполнѣ самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ проявленій этой духовной жизни, каковыми являются: религія, языкъ, нравственность, народная поэзія.... Отсюда вытекаетъ и то положеніе, что право каждаго народа—тѣснѣйшимъ образомъ связано съ его историческимъ прошлымъ, что всѣ явленія правовой жизни народа—прагматически связаны, по закону послѣдовательности явленій и развитія (эволюціи), съ предшествовавшими явленіями этой жизни, что нѣтъ возможности правильно познать существующій правовой бытъ народа безъ знакомства съ его историческимъ развитіемъ. Этимъ путемъ историческая школа выдвинула впередъ не только историческое начало въ правѣ, но возвѣстила и принципъ его національности. Хотя на этой почвѣ историческая школа, въ свою очередь, тоже впала въ крайность, преувеличивъ значеніе національности въ правѣ и придавъ слишкомъ исключительный характеръ объективному моменту въ вопросѣ о происхожденіи права, — благодаря чему ученіе этой школы, въ своемъ первоначальномъ чистомъ видѣ, уже отошло въ область исторіи философіи права, — тѣмъ не менѣе исторической школѣ суждено было оказать огромное вліяніе на теорію права, такъ какъ она произвела коренной переворотъ въ вопросахъ о существѣ, происхожденіи и развитіи права. Въ этомъ заключается великая и незабвенная заслуга исторической школы юристовъ.

Само собою разумѣется, что, созидая ученіе о правѣ на почвѣ исторіи, эта школа должна была выдвинуть впередъ историческое изученіе права какъ отдѣльныхъ народовъ, такъ и права въ его общечеловѣческомъ развитіи. Другими словами, логическимъ послѣдствіемъ ученія, провозглашеннаго историче-

скою школою, явилось возникновеніе новой науки — *науки исторіи права.* Теперь становится для насъ ясною задача науки исторіи права: эта задача сводится къ раскрытію историческаго хода развитія того продукта духовной жизни какъ всего человѣчества, такъ и отдѣльныхъ народовъ, который извѣстенъ подъ названіемъ права. Исторія права стремится раскрыть постепенное образованіе и развитіе правоваго сознанія какъ въ его цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ правовыхъ отношеніяхъ и институтахъ; старается подмѣтить тѣ индивидуальныя черты права, которыми обусловливается національный характеръ его (если рѣчь идетъ объ исторіи права даннаго народа). Но задача исторіи права простирается еще дальше этого: она стремится вывести общіе законы, которымъ подчиняется развитіе права какъ у отдѣльныхъ народовъ, такъ и во всемъ человѣчествѣ—и на этой почвѣ становится въ самую тѣсную связь съ соціологіею и исторіею культуры. Словомъ — исторія права имѣетъ своею задачею постигнуть и объяснить ту крайне медленную, кропотливую и сложную историческую работу, путемъ которой сформировалось современное право.

Съ этой точки зрѣнія исторія права даетъ намъ ключъ къ правильному уразумѣнію существующаго права, къ разумной, критической, оцѣнкѣ его. Здѣсь найдутъ для себя цѣнныя и необходимыя указанія и законодатель, и интерпретаторъ, и судья, и администраторъ, и всѣ, вообще, лица, которымъ приходится имѣть дѣло съ изученіемъ и практическимъ примѣненіемъ дѣйствующаго права. Но особенно важны эти указанія для законодателя. И, дѣйствительно, только будучи хорошо знакомъ съ предшествовавшимъ историческимъ развитіемъ права своего народа, законодатель окажется въ состояніи видѣть недостатки современной ему системы положительнаго права его, сознательно относиться къ этимъ недостаткамъ и изыскивать раціональныя средства ихъ устраненія, руководствуясь при этомъ не произволомъ, не личнымъ усмотрѣніемъ, но основываясь на полномъ поучительности опытѣ всей предшествующей жизни народа. Но и этимъ не исчерпывается практическое значеніе исторіи права. Оно простирается еще шире. Исторія права даетъ возможность заглянуть впередъ въ жизнь народа, даетъ возможность, исходя отъ прошедшаго и настоящаго, предугадать будущія,

болѣе или менѣе ближайшія, потребности правовой жизни народа и заранѣе обезпечить или подготовить ихъ своевременное удовлетвореніе. Извѣстно, что духовная жизнь народа отличается крайнимъ консерватизмомъ и что движеніе ея по пути прогресса совершается медленно и съ большимъ трудомъ. Все это всецѣло относится и къ праву, какъ одному изъ продуктовъ этой жизни. Народное право въ высшей степени консервативно. И вотъ для законодателя открывается сложная задача вносить прогрессъ въ дѣйствующее право, стараясь держать это послѣднее на уровнѣ съ требованіями развивающейся и идущей впередъ жизни народа. Возникаетъ дѣятельность законодателя, направленная уже не на охраненіе только существующаго права, но и на творчество въ области его. Это особенно наглядно сказывается въ такъ называемыя реформаціонныя или преобразовательныя эпохи, неизбѣжно наступающія, отъ времени до времени, въ историчесной жизни каждаго народа. Чѣмъ же, спрашивается, долженъ руководствоваться законодатель въ этой дѣятельности своей? Всякій произволъ—вреденъ, страшенъ, нерѣдко гибеленъ здѣсь, часто внося въ жизнь народа, взамѣнъ ожидаемаго прогресса—лишь регрессъ, подъ-часъ надолго тормозящій поступательное движеніе исторической жизни. Несомнѣнно, что, въ творческой дѣятельности своей, законодатель долженъ имѣть подъ ногами твердую, сознательную почву, иначе онъ рискуетъ внести въ народную жизнь, взамѣнъ блага и прогресса—зло и застой. Здѣсь то и являются ему на помощь данныя, выработанныя исторіею права. Опираясь на нихъ, законодатель въ состояніи будетъ правильно оцѣнить настоящее и разумно отнестись къ будущему.

Мы уже знаемъ, что исторія права можетъ имѣть своимъ предметомъ какъ историческое изученіе права отдѣльныхъ народовъ, такъ и историческое изученіе права въ его развитіи во всемъ человѣчествѣ. Въ послѣднемъ случаѣ задачи исторіи права являются особенно широкими; онѣ стремятся постигнуть историческое развитіе идеи права и ея практическое осуществленіе въ общечеловѣческомъ значеніи, у всѣхъ народовъ, въ различныхъ порахъ ихъ жизни и на всѣхъ сту-

пеняхъ ихъ культурной жизни, изыскивая при этомъ общіе законы, по которымъ совершается эволюція этого продукта духовной жизни человѣчества.

Отсюда возникаетъ различіе всеобщей исторіи права отъ исторіи права отдѣльныхъ народовъ.

Но существуетъ еще средняя ступень историческаго изученія права: это историческое изученіе права племеннаго, т. е. права одноплеменныхъ группъ народовъ, родственныхъ между собою по происхожденію, а слѣдовательно и по всему складу духовной жизни своей, одну изъ существенныхъ составныхъ частей которой представляетъ право. Въ этомъ смыслѣ можетъ идти рѣчь объ историческомъ изученіи права славянскаго, германскаго, романскаго и т. п., причемъ объектомъ изученія явится историческое развитіе права цѣлой группы народовъ одного общаго корня, одного общаго племеннаго происхожденія.

Приходится сознаться, что всеобщей исторіи права еще почти не существуетъ, если не принимать въ соображеніе нѣсколькихъ опытовъ изслѣдованія въ этой области, да и то, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ древнѣйшаго, архаическаго, періода жизни человѣчества,—весьма близко соприкасающихся съ задачами антропологіи. Мало разработана и племенная исторія права, не вышедшая еще изъ области попытокъ и частичныхъ работъ, хотя здѣсь мы и имѣемъ уже образцы изслѣдованій болѣе или менѣе капитальнаго характера. Все это объясняется, конечно, тѣмъ, что исторія права—наука еще очень молодая. Въ области ея не вполнѣ разработана даже исторія права отдѣльныхъ народовъ,—т. е. не разработана философски,—а потому и не имѣется еще въ наличности достаточнаго количества матеріала для построенія зданія даже племенной исторіи права, не говоря уже о всеобщей философской исторіи права, разумѣя послѣднее въ его общечеловѣческихъ идеѣ и развитіи. Сравнительно—историческій методъ всѣми признается, тѣмъ не менѣе, идеаломъ, къ которому должна стремиться исторія права каждаго отдѣльнаго народа. Уже и теперь примѣненіе этого метода дало блестящіе, хотя пока и частичные, результаты. Но не далеко, быть можетъ, то время, когда этому методу суждено будетъ прійти къ выводамъ, которые прольютъ яркій свѣтъ на существо

и на процессъ эволюціи права—этой въ высшей степени важной сферы духовной жизни человѣчества.

Если исторія права должна быть признана наукою, вообще, молодою, то тѣмъ въ большей степени вправѣ мы сказать это про науку исторіи русскаго права, которая стала на путь болѣе или менѣе самостоятельнаго развитія своего не ранѣе конца двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, съ появленіемъ капитальныхъ для своего времени трудовъ Эверса и Рейца. Еще позже включена была эта наука въ кругъ университетскаго юридическаго изученія. Въ нашемъ отечествѣ историческія кафедры впервые учреждены на юридическихъ факультетахъ лишь университетскимъ уставомъ 1863-го года,—если, не принимать въ расчетъ кафедру „правъ значительнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ народовъ“, по уставу 1804 года, для университетовъ Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, и чтеній по исторіи римскаго права, входившихъ, по уставу 1835 года, составною частью въ кафедру римскаго права. Правда, что въ нѣкоторыхъ университетахъ исторія русскаго права читались и до 1863-го года, но дѣйствовавшимъ въ то время общимъ университетскомъ уставомъ чтенія эти оффиціально санкціонированы не были. Но за то университетскій уставъ 1863-го года учреждаетъ три самостоятельныя историко-юридическія кафедры, не считая исторіи римскаго права, пріуроченной къ кафедрѣ системы этого права. Этими тремя кафедрами явились слѣдующія: а) Исторіи русскаго права, б) Исторія славянскихъ законодательствъ и в) Исторія важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ. Такимъ образомъ уставъ 1863 г. признавалъ всѣ три, возможныя и уже извѣстныя намъ, стадіи историческаго изученія права: изученіе исторіи права, дѣйствующаго въ нашемъ отечествѣ, изученіе исторіи права племеннаго (славянскаго) и всеобщую исторію права. Нынѣ дѣйствующій университетскій уставъ 1884 года ограничилъ историческій элементъ въ кругѣ юридическаго преподаванія, сохранивъ значеніе самостоятельной кафедры лишь за исторіею русскаго права.

Полагаю, что, послѣ всего сказаннаго выше, уясненіе себѣ читателемъ предмета науки исторіи русскаго права уже не представитъ трудности. Исторія русскаго права имѣетъ своимъ предметомъ изложеніе постепеннаго хода

развитія той стороны духовной жизни русскаго народа, которая извѣстна подъ названіемъ права; она должна имѣть своею задачею изслѣдованіе генезиса и историческаго развитія русской правовой жизни, въ ея правосознаніи, институтахъ и правоотношеніяхъ, въ связи съ историческими судьбами русскаго народа и развитіемъ его государственнаго и общественнаго строя, какъ той внѣшней формы, въ которой эта правовая жизнь народа находитъ себѣ содержаніе.

Только что сдѣланное опредѣленіе задачъ, преслѣдуемыхъ исторіею русскаго права, уже раскрываетъ намъ весьма тѣсное соприкосновеніе этой науки съ наукою русской исторіи, вообще. Дѣйствительно, задача исторіи всякаго народа сводится къ изученію постепеннаго развитія его политической, физической и духовной жизни. Духовная же жизнь народа слагается изъ цѣлаго ряда проявленій ея, въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ: религію, нравственность, языкъ, науку, народное творчество (словесность, искусство) и, наконецъ—право. Каждое изъ этихъ проявленій духовной жизни народа должно найти себѣ мѣсто въ общей исторіи его; слѣдовательно, должна имѣть здѣсь свое опредѣленное мѣсто и исторія права.

Отсюда открывается неразрывная связь исторіи русскаго права съ исторіею русскаго народа вообще,—связь настолько близкая, что не всегда возможнымъ является даже проведеніе твердый грани между обѣими отраслями знанія. Начало наукѣ исторіи русскаго права было положено историками. Всматриваясь, затѣмъ, въ дальнѣйшее развитіе нашей науки, мы найдемъ, что историки не мало посодѣйствовали разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ въ области исторіи русскаго права, отказавшись отъ стараго, рутиннаго воззрѣнія на исторію, какъ на исторію государства, что они все болѣе и болѣе укрѣпляются на почвѣ соціологіи, на которой и доводится имъ работать рука объ руку съ историками права. Но и историки русскаго права не оставались передъ ними въ долгу, содѣйствовавъ уясненію цѣлаго ряда вопросовъ общей русской исторіи, касающихся государственнаго, общественнаго и правоваго строя жизни русскаго права. Ни одинъ историкъ русскаго права не обойдется безъ пользованія трудами Карамзина, Пого-

дина, Соловьева, Забѣлина, Костомарова, Ключевскаго, Семевскаго; но, съ другой стороны, и каждый историкъ русскаго народа не разъ и не безъ пользы заглянетъ въ труды Неволина, Калачова, Лешкова, Бѣляева, Сергѣевича, Владимірскова-Буданова и другихъ корифеевъ русскаго историко-юридическаго знанія.

Близкая генетическая связь нашей науки съ русскою исторіею вообще — станетъ для насъ совершенно очевидною изъ очерка ея исторіи, въ связи съ развитіемъ русской историографіи, къ которому мы теперь и приступимъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

РУССКАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ЗАРОЖДЕНІЕМЪ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМЪ РАЗВИТІЕМЪ РУССКАГО ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКАГО ЗНАНІЯ.

ГЛАВА I.

Русская історіографія въ XVIII вѣкѣ.

Первыя попытки систематизаціи русской исторіи. — Ѳеодосій Сафоновичъ, Ѳедоръ Грибоѣдовъ, Иннокентій Гизель, А. Манкѣевъ.—Учрежденіе Академіи Наукъ и начало русской исторіи, какъ науки.—Зарожденіе нѣмецкой школы русской історіографіи: Коль, Байеръ, Миллеръ. — Шлецеръ и его дѣятельность. Штриттеръ.—Зарожденіе русской школы: Ломоносовъ, Третьяковскій —Татищевъ и его исторія. — Значеніе Екатериненской эпохи для развитія русскаго историческаго знанія.—Князь Щербатовъ и Болтинъ.—Голиковъ.

Самостоятельная разработка исторіи русскаго права, какъ науки, появилась не ранѣе конца 20-хъ годовъ текущаго столѣтія. До этой поры наука наша не выходила изъ области общей русской исторіи, вслѣдствіе чего начало ея и стоитъ въ самой тѣсной связи съ русскою історіографіею XVII-го и первой четверти XIX-го столѣтій.

Это обязываетъ насъ познакомиться съ зарожденіемъ и ростомъ нашей історіографіи, поставивъ въ связи съ этимъ вопросомъ и развитіе исторіи русскаго права.

Извѣстно, что, до второй четверти XVII-го столѣтія, не существовало научной обработки русской исторіи. Если въ первой четверти XVIII-го вѣка и даже въ XVII-хъ и XVI-хъ вѣкахъ и встрѣчались попытки изложенія, въ видѣ болѣе или

менѣе обширныхъ сборниковъ, событій и фактовъ русской исторіи и даже попытки систематизаціи этихъ послѣднихъ— то эти попытки не представляли научнаго характера, являясь, въ сущности, лѣтописными сводами, составленными на основаніи лѣтописныхъ повѣствованій, хронографовъ и отдѣльныхъ сказаній о событіяхъ и лицахъ. Такой, именно, характеръ носятъ такъ называемая Степенная книга, Царственная книга, Никоновская лѣтопись и другіе аналогичные ей своды, а также рукописная „Хроника“ *Ѳеодосія Сафоновича*, игумена кіевскаго Михайлова монастыря, доводящая сводъ событій русской исторіи до 1290-го года. Такой же характеръ носила, конечно, и попытка изложенія русской исторіи, предпринятая въ третьей четверти XVII-го вѣка (1669 г.) дьякомъ разряднаго приказа *Ѳедоромъ Грибоѣдовымъ*, извѣстнымъ участникомъ въ дѣлѣ составленія проекта Уложенія 1649 года; этотъ трудъ, изложенный въ 96-ти главахъ и поднесенный Алексѣю Михойловичу, былъ щедро награжденъ царемъ, но такъ и остался неизданнымъ.

„Хроника“ Сафоновича послужила однимъ изъ источниковъ для труда архимандрита Кіево-Печерскаго монастыря *Иннокентія Гизеля*: „Синопсисъ, или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ славяно-россійскаго народа и первоначальныхъ князей богоспасаемаго града Кіева“, напечатаннаго въ первый разъ въ 1674-мъ году и затѣмъ выдержавшаго до девяти изданій, послѣднее изъ которыхъ появилось уже въ 1836-мъ году. Трудъ Гизеля написанъ въ ультрапатріотическомъ духѣ, въ жертву которому авторъ очень часто приноситъ требованія исторической критики,—о которой въ сочиненіяхъ разсматриваемой нами категоріи не могло, впрочемъ, быть и рѣчи,—допуская псевдо-патріотическія натяжки и произвольныя толкованія словъ и фактовъ. Въ наши дни невольную улыбку вызываетъ генеалогія, по которой миѳическіе Кій, Щекъ и Хоривъ производятся отъ Мосоха, внука Ноева, Рюрикъ—отъ Прусса, двоюроднаго брата кесаря Августа, или завѣренія въ томъ, что славяне были дѣятельными участниками походовъ Александра Македонскаго. Такое направленіе труда Гизеля было причиною распространенія въ русскомъ обществѣ, и даже въ позднѣйшихъ историческихъ трудахъ, массы ложныхъ свѣдѣній, что дало одному изъ нашихъ исторіографовъ, А. В. Старчевскому, основаніе утверждать,

что Синопсисъ „сдѣлалъ болѣе вреда, чѣмъ пользы отечественной исторіи“. Какъ бы то ни было, но Синопсисъ Гизеля былъ книгою весьма распространенною въ концѣ XVII-го и въ первой половинѣ XVIII-хъ столѣтій и долго оставаясь единственнымъ печатнымъ руководствомъ отечественной исторіи, охотно читался и изучался русскими людьми.

Характеръ, аналогичный труду Гизеля, носитъ и сочиненіе *Андрея Манкѣева*: „Ядро россійской исторіи“, въ основу котораго положены упомянутые выше труды Сафоновича и Гизеля. Манкѣевъ былъ секретаремъ князя А. Я. Хилкова и, вмѣстѣ съ своимъ патрономъ, находился въ шведскомъ плѣну въ г. Вестерросѣ, гдѣ въ 1715 году и окончилъ составленіе своего труда, посвященнаго Петру I. Сочиненіе Манкѣева было впервые издано Миллеромъ въ 1770-мъ году, послѣ чего имѣло еще три изданія (1784, 1791 и 1799 г.г.); прежде трудъ Манкѣева приписывался самому князю Халкова, но ошибка была выяснена извѣстнымъ княземъ М. А. Оболенскимъ. „Ядро“ Манкѣева доводитъ событія русской исторіи до 1712 года.

Разсмотрѣнныя нами сочиненія, не имѣя философской подкладки, будучи неумѣлыми руками сшиты изъ лѣтописныхъ и другихъ сказаній, не освѣщенныхъ свѣтомъ исторической критики и, вслѣдствіе этого, исполненныя вымысловъ, ошибокъ и натяжекъ — конечно не въ состояніи были создать русской исторической науки. Научная разработка отечественной исторіи началась лишь со второй четверти XVIII-го столѣтія, уже послѣ кончины великаго Преобразователя Россіи, во все продолженіе царствованія своего не перестававшаго лелѣять мысль о составленіи русской исторіи. И замѣчательнымъ представляется начало русской исторіографіи: оно положено было нѣмецкими учеными,—первыми членами основанной въ 1726 году С.-Петербургской Академіи Наукъ.

Уже во время путешествія его по чужимъ краямъ, запала въ голову Петра I мысль учредить въ Россіи высшее ученое учрежденіе, въ которомъ соединялась бы задача разработки наукъ съ задачами образованія русскаго юношества. Задумавъ привести эту мысль въ исполненіе, Петръ въ началѣ 1724 года велѣлъ лейбъ-медику Л. Л. Блюментросту представить ему проэктъ учрежденія въ С.-Петербургѣ Академіи Наукъ. По составленному Блюментростомъ проэкту,

Академія должна была состоять изъ трехъ учрежденій, непосредственно между собою связанныхъ: а) Академіи Наукъ, т. е. корпораціи ученыхъ по различнымъ отраслямъ знанія, которые должны были, по уставу Академіи, трудиться „о совершенствѣ художествъ и наукъ, оказывать помощь своими познаніями присутственнымъ мѣстамъ и пещись о распространеніи и заведеніи вольныхъ художествъ и мануфактуръ“, в) Университета, въ которомъ академики должны были преподавать лекціи „о художествахъ и наукахъ“ и с) Гимназіума, въ которомъ преподавались-бы науки въ размѣрѣ требованій средняго образованія. Самому Петру не довелось дожить до открытія Акдеміи Наукъ: она была открыта уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины этого государя, именно 29 декабря 1726 года, въ царствованіе Екатерины I. Вновь учрежденная Академія Наукъ, первымъ президентомъ которой назначенъ былъ составитель ея проэкта, Блюментростъ, заключалась въ то время изъ трехъ отдѣленій: математическаго, физическаго (естественныхъ наукъ) и историческаго.

Одновременно съ разработкой проэкта Академіи, приняты были и мѣры къ образованію ея личнаго состава; за неимѣніемъ русскихъ ученыхъ—на мѣста членовъ русской Академіи Наукъ приглашены были иностранные и, главнымъ образомъ, нѣмецкіе ученые. И вотъ для занятія академическихъ каѳедръ по отдѣленію историческихъ наукъ, уже при самомъ учрежденіи Академіи, вызваны были въ Россію трое нѣмецкихъ ученыхъ: Іоганнъ Коль (въ 1725 г.), Готлибъ Сигфридъ Байеръ (въ 1726 году) и Герардъ Фридрихъ Миллеръ (въ 1725 году). Этимъ ученымъ и, главнымъ образомъ, двумъ послѣднихъ—и суждено было положить основаніе русской исторической наукѣ. Дѣятельность *Коля* была непродолжительна. Посвятивъ себя занятіямъ исторіею церковно-славянской литературы, этотъ ученый подвергся душевной болѣзнѣ, вслѣдствіе которой былъ уже въ 1727 году уволенъ на родину, гдѣ, по выздоровленіи, и издалъ свое „Введеніе въ исторію и литературу славянскую“. Неизмѣримо плодотворнѣе представляется для развитія русской исторіографіи дѣятельность Байера и Миллера, съ самаго начала направившаяся на изученіе русской исторіи и подготовившая почву для дальнѣйшаго развитія этой науки. Уже

съ самого начала занятій своихъ русскою исторіею, *Байеръ* обратилъ вниманіе на ея древнѣйшій періодъ; къ этому побуждало его, между прочимъ, незнаніе русскаго языка, а въ изслѣдованіяхъ вопросовъ изъ области древнѣйшей русской исторіи, — напримѣръ о славянахъ, скиѳахъ, о происхожденіи варяговъ, о византійскихъ отношеніяхъ и т. п.,—ему приходилось пользоваться весьма многими источниками иностранными. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ему доводилось пользоваться русскими источниками, Байеръ прибѣгалъ къ помощи переводчиковъ и это нерѣдко приводило его къ ошибочному пониманію и объясненію текстовъ. Главная заслуга Байера въ русской исторіографіи заключается въ детальномъ разслѣдованіи вопроса о происхожденіи варяговъ - руссовъ, т. е. того племени, изъ среды котораго начальная лѣтопись выводитъ первыхъ князей нашихъ. Байеръ рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу скандинавскаго происхожденія варяговъ-руссовъ и въ этомъ отношеніи онъ является основателемъ такъ называемой скандинавской или норманской школы русской исторіи, послѣдователи которой признаютъ первыхъ князей нашихъ и пришедшихъ съ ними изъ за-моря варяговъ—норманами. Доказательства, положенныя Байеромъ въ подтвержденіе его теоріи—продолжаютъ и до настоящаго времени лежать въ основѣ доводовъ послѣдователей этой школы.

Еще болѣе заслугъ оказалъ русской исторіографіи *Миллеръ*, по истинѣ заслуживающій названія отца русской исторической науки. Дѣятельность Миллера могла получить большее развитіе въ сравненіи съ дѣятельностью Байера уже потому, что Миллеръ озаботился изученіемъ русскаго и славянскаго языковъ. Заслуги Миллера въ русской исторіографіи особенно выдаются въ дѣлѣ собиранія имъ памятниковъ отечественной исторіи. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени плодотворнымъ явилось его участіе въ Сибирской экспедиціи, снаряженной въ 1733 году Академіею Наукъ. Пробывъ цѣлые десять лѣтъ въ Сибири (1733 — 1742 г.), Миллеръ осмотрѣлъ и привелъ въ порядокъ архивы важнѣйшихъ сибирскихъ городовъ и снялъ здѣсь копіи съ громаднаго количества историческихъ документовъ, составившихъ болѣе 30-ти толстыхъ фоліантовъ, понынѣ хранящихся въ С.-Петербургской Академіи Наукъ. Не ограничиваясь приведеніемъ въ

извѣстность историческихъ матеріаловъ, касающихся Сибири, Миллеръ собиралъ здѣсь самыя разнообразныя данныя археологическія, этнографическія и географическія, и въ 1742 году возвратился въ С.-Петербургъ съ богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ для изученія прошлаго и настоящаго состоянія Сибири. Результатомъ наблюденій Миллера явился трудъ его: „Описаніе Сибирскаго царства“ (1750 г.). Историческими матеріалами, собранными Миллеромъ въ Сибири, воспользовался одинъ изъ академиковъ, сопровождавшихъ его въ сибирской экспедиціи—Фишеръ (1697 † 1771, прибылъ въ Россію въ 1730 году), издавшій въ 1768 году, на нѣмецкомъ языкѣ, „Сибирскую Исторію“, въ 1774 году появившуюся и въ русскомъ переводѣ.

Нельзя не отмѣтить также дѣятельности Миллера въ качествѣ управляющаго Московскимъ Архивомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ (нынѣ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ), который былъ приведенъ имъ въ порядокъ и получилъ уже подъ его управленіемъ тотъ научный характеръ, который сохраняется за этимъ учрежденіемъ и въ наши дни; въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ до настоящаго времени хранятся, подъ названіемъ „портфелей исторіографа Миллера“, огромное количество историческихъ матеріаловъ и историческихъ работъ, представляющихъ собою истинную энциклопедію русскаго историческаго знанія. Къ заслугамъ Миллера нельзя не отнести и его издательской дѣятельности. Имѣя въ виду ознакомленіе иностранцевъ съ современнымъ состояніемъ Россіи и съ ея исторіею, Миллеръ съ 1732 года предпринялъ на нѣмецкомъ языкѣ изданіе подъ заглавіемъ: „Sammlung Russischer Geschichte“, т. е. „Сборникъ по русской исторіи“, котораго съ 1732 по 1765 годъ и вышло 9 томовъ. Нѣсколько позже, въ 1755 году, Миллеръ предпринялъ изданіе перваго русскаго историческаго журнала: „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“ (1755—1765 годъ, 20 томовъ), имѣвшаго своею задачею популизировать русскую историческую науку и пріохотить русскихъ читателей къ ознакомленію съ своимъ отечествомъ; впослѣдствіе, именно съ 1786 по 1796 годъ, изданіе это продолжалось Академіею Наукъ подъ названіемъ: „Новыя ежемѣсячныя соединенія“.

Въ числѣ изданій Миллера слѣдуетъ упомянуть: „Исто-

рію“ Татищева (1768—1774 г.), „Ядро Россійской Исторіи“ Манкѣева (1770 г.), „Географическій Словарь“ Полунина (1773), „Письма Петра I къ Шереметеву“ (1774 г.), „Описаніе земли Камчатки“ Крашенинникова (1755 г.) и, въ особенности, изданіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ, какъ то: „Судебника царя Іоанна IV“, въ обработкѣ Татищева (1768 г.), и „Степенной книги“ (1771—1774 г.). Не касаясь цѣлаго ряда историческихъ статей, помѣщенныхъ Миллеромъ въ издававшихся имъ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“ и въ изданіи Новикова „Древняя Росссійская Вивліоѳика“, а также извѣстнаго уже намъ „Описанія Сибирскаго царства“, мы упомянемъ еще сочиненіе Миллера: „Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ“ (1790 г.), — сочиненіе и до нашихъ дней не утратившее значеніе для исторіи русскаго служилаго класса. Въ 1747 году императрица Елизавета Петровна пожаловала Миллеру почетное званіе „россійскаго исторіографа“; Миллеръ былъ первымъ историкомъ, носившимъ у насъ это званіе. Въ вопросѣ о происхожденіи варяго-руссовъ Миллеръ явился послѣдователемъ ученія Байера.

Изъ другихъ академиковъ той-же эпохи заслуживаетъ быть упомянутымъ *Струбе-де-Пирмонтъ* (1704 † 1790 г., прибылъ въ Россію въ 1738 г.), посвятившій себя преимущественно изслѣдованіямъ въ области исторіи русскаго права и оставившій намъ два сочиненія: „Sur l'origine et les changements des lois russiennes“ (1766 г.) и „Dissertation sur les anciens Russes“ (1785 г.). Оба сочиненія вышли и на русскомъ языкѣ, первое подъ заглавіемъ: „Слово о началѣ и перемѣнѣ россійскихъ законовъ“, второе подъ заглавіемъ: „Разсужденіе о древнихъ Россіянахъ“. Здѣсь мы наблюдаемъ, такимъ образомъ, первую попытку выдвинуть историческое изученіе русскаго права изъ общихъ рамокъ русской исторіи.

Въ тѣсной связи съ научною дѣятельностью Миллера стоитъ дѣятельность позднѣйшаго по времени, но не менѣе талантливаго академика—*Августа Людовика Шлёцера* (1735†1809 г.). Вызванный Миллеромъ въ 1761 году въ Петербургъ и получившій здѣсь званіе адъюнкта Академіи Наукъ, Шлёцеръ съ замѣчательною легкостью выучился русскому и славянскому языкамъ и съ самаго начала обратилъ научную дѣятельность свою на критическую обработку памятниковъ русской исторіи и, главнымъ образомъ, лѣтописей.

По мысли Шлёцера, Академія приступила къ изданію памятниковъ русской исторіи и Шлёцеръ принималъ въ этомъ дѣлѣ ближайшее участіе. Такъ, въ 1767 и 1768 годахъ были изданы имъ: „*Русская Правда*“ и „*Судебникъ царя Іоанна IV-го*“, въ обработкѣ Башилова, и двѣ части „*Никоновской лѣтописи*“ (это изданіе окончено уже безъ него, въ 1792 г.). По мысли же Шлёцера, Академія Наукъ пришла къ сознанію необходимости составить изъ византійскихъ хроникъ сводъ извѣстій, касающихся Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ. Этотъ колоссальный трудъ, для котораго нужно было пересмотрѣть 36 громадныхъ фоліантовъ византійскихъ лѣтописей, возложенъ былъ на адъюнкта академіи *Іоганна Готлиба Штриттера*, который въ теченіи 1771—1779 г.г. и издалъ на латинскомъ языкѣ четыре большихъ тома сдѣланныхъ имъ извлеченій, подъ заглавіемъ: „Memoriae populorum etc.“ („Записки о народахъ, обитавшихъ въ древности при Дунаѣ, Черномъ и Азовскомъ морѣ, Кавказскихъ горахъ, Каспійскомъ морѣ и далѣе къ сѣверу, выбранныя изъ писателей византійской исторіи“). Не смотря на то, что уже съ 1765 года Шлёцеръ былъ произведенъ въ ординарные академики, онъ въ 1769 г. вышелъ изъ русской службы и возвратился на родину, гдѣ занялъ каѳедру въ Геттингенскомъ университетѣ. Продолжая и въ Германіи обработывать критическимъ образомъ русскія лѣтописи, Шлёцеръ въ теченіи 1805 — 1809 г.г. издалъ въ Геттингенѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, 5 томовъ своего „Нестора“ („Nestor, Russische Annalen“); русскій переводъ этого труда, сдѣланный Языковымъ, появился въ свѣтъ, въ трехъ частяхъ, въ С.-Петербургѣ, въ теченіи 1809—1819 г.г. Въ „Несторѣ“ Шлёцера мы имѣемъ результатъ занятій его критическою обработкою русскихъ лѣтописей. Сводъ этотъ доведенъ до княженія Ярополка включительно: смерть помѣшала автору довести изданіе до 1054 г., какъ это было имъ продположено.

Обзоръ дѣятельности нашихъ академиковъ - нѣмцевъ XVIII-го столѣтія на пользу отечественной исторіи мы заключимъ указаніемъ на *Іоганна Готлиба Штриттера* (1740†1801 г.), вызваннаго въ 1766 году въ С.-Петербургскую Академію Наукъ и занявшаго здѣсь должность адъюнкта академіи и конректора академической гимназіи. Мы уже знаемъ заслугу Штриттера, заключающуюся въ составленіи и изданіи имъ „Записокъ о народахъ и проч“. Переведенный въ 1779

году по ходатайству Миллера, бывшаго въ то время начальникомъ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, въ это послѣднее учрежденіе, Штриттеръ въ 1783 году, по смерти Миллера, заступилъ его мѣсто по управленію Архивомъ. Кромѣ свода извѣстій византійскихъ хроникъ, касающихся Россіи, Штриттеръ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ „Россійскую исторію“, доведенную имъ до 1462 года, часть которой, именно три книги (изъ восьми), издана была и на русскомъ языкѣ, — но этотъ трудъ долженъ быть признанъ слабымъ и неудовлетворительнымъ.

Такова была дѣятельность иностранцевъ - академиковъ XVIII вѣка, положившихъ основаніе научной разработкѣ русской исторіи. Всматриваясь въ эту дѣятельность и отдавая полную дань справедливости, талантамъ и трудолюбію ихъ,— мы должны тѣмъ не менѣе указать на односторонность и даже нѣкоторую тенденціозность результатовъ этой дѣятельности, весьма естественную въ лицахъ, смотрѣвшихъ на источники русской исторіи, какъ на сухой матеріалъ для ученыхъ работъ, не имѣвшихъ возможности постигнуть оживляющаго эти источники народнаго духа и, вслѣдствіе плохаго знанія русскаго языка, не бывшихъ даже въ состояніи съ надлежащею ясностью понимать ихъ. На всѣ явленія древней русской жизни смотрѣли эти ученые съ своей нѣмецкой точки зрѣнія и силились подводить эти явленія подъ рамки исторіи западно - европейской. Признавая восточно - славянскія племена, населявшія западно - европейскую часть нынѣшняго отечества нашего, стоявшими въ половинѣ IX-го вѣка на весьма низкой степени культуры и общественнаго развитія—нѣмецкіе академики приписывали громадное цивилизующее значеніе германскому элементу, проникшему въ среду этихъ племенъ въ лицѣ первыхъ варяжскихъ князей и пришедшихъ съ ними нормановъ; по воззрѣнію этихъ ученыхъ, норманы явились какими-то благодѣтелями, носителями культуры, пришедшими на восточную равнину Европы внести свѣтъ въ жизнь населявшихъ ее варварскихъ народовъ и давшими имъ германскія формы жизни, германскія учрежденія, германскіе законы. Развивая подобнаго рода воззрѣнія и разработывая русскую исторію въ такомъ одностороннемъ направленіи—первые наши академики создали такъ называемую нѣмецкую школу русской исторіографіи, школу на долго затормозившую самобытное національное развитіе

отечественной исторіи, школу, изъ подъ гнетущаго давленія которой съ великимъ трудомъ освобождалась впослѣдствіе русская наука. Нельзя и винить за это даровитыхъ основателей русской исторіографіи: они не были сынами призвавшей ихъ Россіи, имъ чуждъ былъ духъ русской народности, они не могли трезво смотрѣть на явленія древнѣйшей русской исторіи и, такъ сказать, инстинктивно чувствовать и понимать ихъ значеніе въ исторіи русской жизни. Все это не умаляетъ, конечно, заслугъ первыхъ академиковъ нашихъ. Не говоря уже о постановкѣ ими русской исторіи на почву научной разработки, самая односторонность и тенденціозность ихъ принесла свою долю пользы наукѣ: она впослѣдствіе возбудила горячіе споры по многимъ вопросамъ древней русской исторіи и послужила поводомъ къ самому тщательному пересмотру, критикѣ и изученію ея первоисточниковъ.

Замѣчательно, что уже въ половинѣ XVIII-го столѣтія возникъ протестъ противъ односторонности и тенденціозности выводовъ нѣмецкой школы. Протестъ этотъ раздался изъ устъ перваго русскаго ученаго — *М. В. Ломоносова*, оставившаго слѣдъ своего дарованія и въ наукѣ русской исторіи. Подъ вліяніемъ убѣжденій друзей своихъ, а въ особенности русскаго мецената половины прошедшаго столѣтія Шувалова, извѣстнаго основателя Московскаго университета, Ломоносовъ съ 1752 года принялся за составленіе русской исторіи и на этомъ поприщѣ вступилъ въ полемику съ нѣмецкими учеными. Окончивъ первый томъ своей исторіи, Ломоносовъ не издавалъ его до самой смерти своей и лишь черезъ годъ послѣ его кончины, въ 1766 году, изданъ онъ былъ подъ заглавіемъ: „Древняя Россійская исторія отъ начала россійскаго народа до кончины великаго князя Ярослава І-го или до 1054 года“. Но, взамѣнъ этого, въ 1760 году изданъ былъ Ломоносовымъ „Краткій россійскій лѣтописецъ съ родословіемъ“, — расположенный по царствованіямъ краткій конспектъ русской исторіи, доведенный до кончины Петра І-го. Полемизируя съ Миллеромъ по вопросу о происхожденіи варяго-руссовъ, Ломоносовъ отказывался признавать ихъ скандинавами и силился доказать ихъ славянское происхожденіе; по мнѣнію Ломоносова, варяго-руссы происходили изъ Балтійскихъ, именно Прусскихъ, Славянъ. Ломоносовъ положилъ основаніе такъ называемой славянской школы русской исторіи: эта

школа отвергала какое-бы то ни было коренное иноземное вліяніе на складъ древней русской жизни, и, въ противоположность нѣмецкой школѣ, признавала за первыми князьями нашими и прибывшими съ ними варягами — происхожденіе славянское.

Съ подобными-же побужденіями занимался изслѣдованіями въ области древней русской исторіи и *В. К. Третьяковскій* (1703 † 1769 г.), безспорно одинъ изъ образованныхъ людей своего времени, но оставившій по себѣ слѣдъ въ исторіи русской литературы въ качествѣ піиты болѣе нежели сомнительнаго достоинства. Третьяковскій написалъ въ одной книгѣ, озаглавленной: „Три разсужденія о трехъ главныхъ древностяхъ“ — три историческія изслѣдованіи: а) „О первенствѣ Славянскаго языка предъ Тевтоническимъ“, в) „О первоначаліи Россовъ“ и с) „О варягахъ-руссахъ славянскаго званія, рода и языка“ (издана въ 1773 году). Въ послѣднихъ двухъ изслѣдованіяхъ Третьяковскій является противникомъ ученія Байера о скандинавскомъ происхожденіи варяго-руссовъ и силится доказать ихъ славянское происхожденіе. При этомъ, однако, онъ дѣлаетъ болѣе нежели смѣлыя филологическія сближенія, вслѣдствіе желанія вездѣ и повсюду видѣть преобладаніе славянскаго элемента; по его толкованію, слово „варяги“ — происходитъ отъ глагола „предварять“, „Германія“ — это славянская страна „Холманія“, т. е. страна холмовъ, „Италія“ — „Удалія“, т. е. страна удаленная, „амазонки“ — это „омуженныя“, т. е. мужественныя жены, „Британія“ ведетъ свое названіе отъ слова „борода“ и т. п.

Первымъ отечественнымъ историкомъ XVIII вѣка изъ ррсскихъ слѣдуетъ считать *Василія Никитича Татищева* (1686 † 1750 г.), несомнѣнно образованнѣйшаго человѣка и администратора первой половины прошедшаго столѣтія. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, Татищевъ въ 1704 году посланъ былъ Петромъ I, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими русскими юношами, для обученія въ чужія края, — и эта поѣздка имѣла, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе на развитіе природнаго ума Татищева. Занятія свои отечественною исторіею Татищевъ началъ уже съ 1719 года. Результатомъ тридцатилѣтнихъ трудовъ явилась его „Исторія Россіи съ самыхъ древнихъ временъ“, представляющаяся, въ сущности, не столько исторіею, сколько сводомъ русскихъ лѣтописей и другихъ источниковъ, снабженнымъ комментаріями и доведеннымъ

до смерти царя Θеодора Іоанновича. Главное значеніе „Исторіи“ Татищева сводится къ тому, что авторъ пользовался значительнымъ количествомъ древнихъ списковъ лѣтописей и другими источниками, нынѣ уже не существующими; имѣется указаніе, что собранный Татищевымъ драгоцѣнный и обильный матеріалъ, заключавшійся въ древнихъ рукописяхъ, погибъ вскорѣ послѣ смерти его отъ пожара, случившагося въ его имѣніи; въ числѣ погибшихъ рукописей находилась и такъ называемая „Іоакимовская лѣтопись“, извлеченія изъ которой напечатаны въ I-мъ томѣ исторіи Татищева. Гибель источниковъ, которыми пользовался Татищевъ, давала поводъ нѣкоторымъ писателямъ обвинять его въ историческихъ подлогахъ, будто бы допущенныхъ имъ въ своей исторіи; но въ настоящее время съ Татищева снято это тяжелое обвиненіе и доказано только, что онъ не всегда критически относился къ источникамъ, не всегда умѣлъ отграничить въ нихъ истину отъ вымысловъ. Вслѣдствіе этого, слѣдуетъ рекомендовать крайнюю осторожность въ пользованіи исторіею Татищева.

Исторія Татищева не была издана при жизни самого автора, такъ какъ на нее пало обвиненіе въ вольности мыслей, допущенныхъ авторомъ во многихъ примѣчаніяхъ, да и самаго Татищева современники укоряли въ религіозномъ и политическомъ вольнодумствѣ. Лишь въ 1768 году поручено было извѣстному уже намъ исторіографу Миллеру напечатать исторію Татищева, сдѣлавъ въ ней необходимыя поправки и исключенія. Исключивъ изъ этого труда много примѣчаній, казавшихся для того времени слишкомъ либеральными, Миллеръ съ 1768 по 1774 годъ выпустилъ въ свѣтъ три части исторіи Татищева; четвертая часть была издана въ 1784 году, а пятая лишь въ текущемъ столѣтіи, въ „Чтеніяхъ“ за 1848 г., издаваемыхъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Кромѣ своей исторіи, Татищевъ извѣстенъ открытіемъ двухъ важныхъ памятниковъ древняго русскаго права: „Русской Правды“ и „Судебника царя Іоанна IV“, къ которымъ онъ написалъ весьма цѣнныя примѣчанія; съ этими примѣчаніями оба памятника и были впослѣдствіе изданы, первый — Шлецеромъ, въ 1767 году, второй—Миллеромъ, въ 1768 году.

Новая эра для развитія русской исторической науки наступаетъ въ царствованіе императрицы Ека-

терины II-ой, которая любила русскую исторію, поощряла историческія занятія и даже сама занималась русскою исторіею, написавъ шесть томовъ „Записокъ касательно русской исторіи“ (изд. 1787 — 1795, затѣмъ въ 1801 г.); эти записки представляютъ собою послѣдовательный пересказъ лѣтописныхъ извѣстій до 1276 года. Въ царствованіе Екатерины было весьма много сдѣлано для разработки отечественной исторіи. Собраны были лѣтописи, хранившіяся въ монастырскихъ библіотекахъ, и приступлено было къ печатанію нѣкоторыхъ списковъ ихъ; при Московскомъ университетѣ учреждено въ 1771 году Вольное Россійское Собраніе—первое русское ученое общество, начавшее съ 1774 года изданіе „Обозрѣнія Трудовъ“ своихъ, въ которыхъ печаталось не мало историческихъ матеріаловъ; извѣстный издатель того времени *Н. И. Новиковъ* предпринялъ многотомное изданіе, подъ заглавіемъ: „Древняя Россійская Вивліоѳика“ (Спб., 1773—1775 гг., 10 частей; 2-ое изданіе. М. 1788—1791 гг., въ 20 частяхъ), въ которое вошла масса историческихъ и историко-юридическихъ памятниковъ и безъ котораго даже въ настоящее время трудно обходиться русскому историку и историку-юристу.

Изъ историковъ Екатериненской эпохи первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, князю *Михаилу Михаиловичу Щербатову* (1733—1790), написавшему „Исторію Россіи“ въ 5 томахъ и 15-ти частяхъ, доведенную имъ до 1610 года и напечатанную въ промежутокъ времени 1770 — 1792 годовъ. Князь Щербатовъ былъ поставленъ въ самыя лучшія условія для своихъ историческихъ занятій: по повелѣнію императрицы, ему открытъ былъ доступъ во всѣ государственные архивы и, сверхъ того, ему дано было Высочайшее порученіе разобрать кабинетный архивъ Петра Великаго. Трудъ князя Щербатова представляется первою попыткою прагматической русской исторіи, т. е. такой исторіи, въ которой объясняется связь причинъ съ послѣдствіями, въ которой каждое историческое явленіе находитъ себѣ объясненіе, причину, въ предшествовавшихъ явленіяхъ жизни, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ изслѣдуемаго явленія. Но, стремясь сдѣлать свою исторію прагматическою, князь Щербатовъ черезъ чуръ увлекся этою задачею и, въ своихъ попыткахъ давать причинныя объясненія различнымъ явленіямъ древней русской жизни, нерѣдко

доходитъ до самыхъ невозможныхъ выводовъ: такъ, напримѣръ, причину покоренія русской земли татарами—видитъ онъ въ господствѣ аскетическаго идеала въ древней русской жизни, и т. п. Любитъ князь Щербатовъ также проводить паралель между русскою исторіею и исторіею западно-европейскихъ государствъ, хотя нельзя сказать, чтобы дѣлаемыя имъ въ этой области сближенія могли считаться всегда удачными. Но, если исторія князя Щербатова и далеко не чужда недостатковъ, то, съ другой стороны, она даетъ цѣнный матеріалъ, благодаря многочисленнымъ актамъ и выпискамъ изъ источниковъ, въ настоящее время уже утраченныхъ для науки. Кромѣ „Исторіи Россіи", князь Щербатовъ издалъ: „Журналъ Петра Великаго" въ двухъ томахъ, 1770—1772 гг., „Записныя тетради 1704—1706 годовъ" (1774), извлеченныя изъ кабинетнаго архива Петра I, и написалъ любопытный публицистическій памфлетъ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи".

Исторія Россіи князя Щербатова послужила поводомъ къ горячей и ожесточенной полемикѣ автора ея съ однимъ изъ современныхъ любителей и знатоковъ русской исторіи, генералъ-маіоромъ *И. Н. Болтинымъ* (1735 † 1790 г.). Полемика эта возбуждена была по слѣдующему поводу. Въ 1784 году нѣкто Леклеркъ издалъ въ Парижѣ обширный трудъ въ пяти томахъ, подъ заглавіемъ: „Histoire phisique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne". Сочиненіе Леклерка было написано въ духѣ недоброжелательномъ къ Россіи; въ своихъ нападкахъ на ея прошедшее и настоящее, авторъ не остановился передъ голословными заявленіями, искаженіями историческихъ явленій и даже несомнѣнною ложью и клеветою. Читая книгу Леклерка, Болтинъ, до тѣхъ поръ никогда не выступавшій въ качествѣ историческаго писателя, сталъ дѣлать лично для себя критическія замѣчанія на его книгу, а затѣмъ, побуждаемый къ тому друзьями и, въ особенности, княземъ Потемкинымъ, рѣшился издать эти замѣчанія, которыя и вышли въ 1788 году въ свѣтъ въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Примѣчанія на исторію древнія и новѣйшія Россіи г. Леклерка", будучи напечатаны по повелѣнію императрицы, на ея собственный счетъ. Полемизируя съ Леклеркомъ, Болтинъ затронулъ исторію князя Щербатова и послѣдній уже въ слѣдующемъ 1789 году напечаталъ

отвѣтъ Болтину подъ заглавіемъ: „Письмо къ пріятелю въ оправданіе на нѣкоторыя скрытыя и явныя охуленія, учиненныя отъ г. генералъ-маіора Болтина“. Болтинъ, въ свою очередь, не остался въ долгу и въ томъ-же году напечаталъ возраженіе: „Отвѣтъ генералъ-маіора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи“, гдѣ обращаетъ свое критическое оружіе уже непосредственно на исторію Щербатова, а затѣмъ написалъ и болѣе подробный разборъ этого труда: „Критическія примѣчанія на исторію князя Щербатова“ (посмертное изданіе 1793 — 94 г., 2 тома). Въ этой оживленной полемикѣ побѣда осталась за Болтинымъ, вообще стоявшимъ выше Щербатова и по таланту, и по познаніямъ и, въ особенности, по критическимъ пріемамъ. Высказывая на исторію русской жизни національное воззрѣніе, преемственно проводимое черезъ всѣ ея явленія, Болтинъ можетъ считаться раннимъ предшественникомъ будущаго славянофильскаго направленія русской исторіографіи.

Къ эпохѣ Екатерины II относится и дѣятельность *И. И. Голикова*, занимавшагося исторіею Петра I-го. Голиковъ, по происхожденію курскій купецъ, будучи освобожденъ отъ суда по милостивому манифесту, изданному по поводу открытія въ С.-Петербургѣ памятника Петру Великому, тогда же далъ обѣщаніе посвятить всю свою жизнь составленію исторіи Преобразователя Россіи. Результатомъ трудовъ Голикова явились, изданные въ теченіи 1788 — 1790 гг., двѣнадцать томовъ „Дѣяній Петра Великаго, мудраго Преобразователя Россіи“, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1790 — 1798 гг., 18 томовъ „Дополненій“ къ нимъ; второе изданіе этого капитальнаго труда явилось въ 1837 году, въ 15 томахъ. Не смотря на главный недостатокъ труда Голикова — отсутствіе исторической критики, трудъ его весьма важенъ и для настоящаго времени, благодаря многочисленнымъ архивнымъ матеріаламъ, которыми пользовался авторъ.

———

ГЛАВА II.

Русская исторіографія въ XIX вѣкѣ.

Карамзинъ и его «Исторія государства Россійскаго».—Графъ Н. П. Румянцевъ и его время.—Коммиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ.—П. М. Строевъ, Я. И. Бередниковъ и археологическая экспедиція.—Археографическая Коммиссія и ея труды.—Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ.—Митрополитъ Евгеній.—Нѣмецкіе историки первой половины XIX вѣка: Кругъ, Нейманъ, Эверсъ, Рейцъ, Тобинъ.—Эверсъ и зарожденіе теоріи родоваго быта древней Руси.—Скептическая школа. М. П. Каченовскій, Н. С. Арцыбышевъ и Н. А. Полевой.—Славянская школа. Д. И. Иловайскій, И. Е. Забѣлинъ.—Норманская школа. М. П. Погодинъ.—Дальнѣйшее развитіе теоріи родоваго быта. С. М. Соловьевъ, К. Д. Кавелинъ, И. Е. Забѣлинъ.—Славянофилы.—К. С. Аксаковъ и зарожденіе теоріи общиннаго быта древней Руси.—Послѣдователи теоріи общиннаго быта. И. Д. Бѣляевъ, В. Н. Лешковъ.—Значеніе Московскаго университета въ 40-хъ и 50-хъ годахъ.

Во главѣ историковъ XIX-го вѣка стоитъ незабвенное имя *Николая Михаиловича Карамзина* (1766 † 1826); появленіе въ свѣтъ его „Исторіи Государства Россійскаго“—навсегда останется эпохою въ русской исторіографіи. Этотъ трудъ открылъ широкій путь послѣдующимъ русскимъ историкамъ, освѣтивъ этотъ путь приведеніемъ въ извѣстность и критикою подавляющей массы разнообразнаго матеріала, остававшагося до тѣхъ поръ или разбросаннымъ или даже вовсе неизвѣстнымъ; въ этомъ отношеніи трудъ Карамзина является не только капитальнымъ историческимъ сочиненіемъ, но и богатою христоматіею по русской исторіи. Въ этомъ трудѣ была сведена вся наличность доступнаго въ ту эпоху матеріала; въ этомъ трудѣ былъ данъ сводъ всего предшествовавшаго развитія русской исторической науки—и не одинъ изслѣдователь древней русской жизни, какихъ-бы сторонъ этой жизни онъ не изслѣдовалъ, до сихъ поръ не можетъ обойтись въ своихъ работахъ безъ пособія Карамзина. Здѣсь найдетъ для себя матеріалъ и историкъ литературы, и историкъ искусства, и историкъ-юристъ, не говоря уже объ изслѣдованіяхъ въ области политической и бытовой исторіи, для которыхъ трудъ Карамзина представляется необходимою настолько книгою. Если мы присовокупимъ ко всему этому строгую послѣдовательность содержанія, неслыханную до тѣхъ поръ чистоту и

легкость русскаго языка, литературное и нерѣдко возвышающееся до художественности изложеніе, массу характеристикъ лицъ и событій, горячую любовь къ родинѣ, которою проникнутъ весь этотъ трудъ—то мы легко поймемъ тотъ восторгъ, тотъ энтузіазмъ, съ которыми было встрѣчено появленіе въ свѣтъ „Исторіи Государства Россійскаго".

Къ собиранію матеріаловъ для своего обширнаго труда Карамзинъ приступилъ еще съ 1803-го года. Въ этомъ году, Высочайшимъ именнымъ указомъ, ему пожаловано было званіе исторіографа, съ ежегоднымъ окладомъ въ двѣ тысячи рублей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открытъ доступъ въ Государственный и въ другіе гражданскіе и духовные архивы. На самое изданіе исторіи Карамзина отпущено было изъ казны 60 тысячъ рублей. Въ 1816 году вышли въ свѣтъ первые восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго", но скоро уже потребовалось второе изданіе ихъ, къ которому и приступлено въ 1818 г., а къ 1824 году всего выпущено было 11 томовъ этого труда (изъ нихъ первые 8—вторымъ изданіемъ, остальные три—вновь); 12-й томъ явился въ свѣтъ въ 1829 году, уже послѣ смерти автора. Всѣхъ изданій „Исторіи Государства Россійскаго" было до семи, изъ которыхъ лучшимъ считается 5-ое изданіе Эйнерлинга, въ 3-хъ томахъ, 1842—43 гг. Смерть помѣшала Карамзину привести трудъ свой къ окончанію: двѣнадцатый томъ обрывается на 1612 году, т. е. на смутномъ времени. Въ концѣ каждаго тома „Исторіи Государства Россійскаго" отведено обширное мѣсто примѣчаніямъ; здѣсь Карамзинъ приводитъ громадное количество выписокъ изъ лѣтописей, актовъ и другихъ источниковъ, причемъ нѣкоторые приводитъ почти цѣликомъ; здѣсь-же находимъ мы и критику источниковъ. Эти примѣчанія составляютъ истинную сокровищницу русскаго историческаго знанія. Въ концѣ XII-го тома приложены родословныя таблицы князей и государей Рюрикова дома и карта Россіи IX вѣка. Въ примѣчаніяхъ къ своей Исторіи, Карамзинъ приводитъ комментированныя извлеченія изъ весьма многихъ источниковъ историко-юридическаго характера, которыя дѣлаютъ этотъ трудъ весьма цѣннымъ и для историка русскаго права. Можно смѣло сказать, что „Исторія Государства Россійскаго"—даетъ отвѣтъ по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ древняго русскаго права.

Изъ дѣятелей первой четверти XIX-го вѣка, давшихъ

толчекъ къ дальнѣйшей разработкѣ отечественной исторіи, нельзя обойти молчаніемъ заслугъ государственнаго канцлера, графа *Николая Потровича Румянцева* (1754 † 1826). Не говоря уже о просвѣщенной и страстной любви его къ русскимъ древностямъ и отечественной исторіи, о неоскудѣвавшей щедрости въ дѣлѣ изданія историческихъ памятниковъ—графъ Румянцевъ извѣстенъ въ качествѣ мецената, умѣвшаго отыскивать даровитыхъ молодыхъ людей и направлять ихъ на путь изученія отечественной старины: имъ вызванъ къ научной дѣятельности цѣлый рядъ молодыхъ талантовъ, принесшихъ обильную лепту русской исторіографіи. По инициативѣ графа Румянцева, при Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1811 году учреждена была Коммиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, согласно плану, выработанному управлявшимъ въ то время архивомъ *Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ.* Задачею этой Коммиссіи поставлено было изданіе древнихъ русскихъ государственныхъ грамотъ и актовъ: великихъ и удѣльныхъ князей, новгородскихъ, царскихъ, актовъ дипломатическихъ сношеній, грамотъ объ избраніи и восшествіи на престолъ государей и т. п. важнѣйшихъ памятниковъ русской старины. Въ этой коммиссіи начали свою дѣятельность нѣкоторые молодые люди, оставившіе по себѣ почетное имя въ русской исторической наукѣ. Въ теченіе 1813—1828 гг. Коммиссіею выпущено было четыре огромныхъ тома изданія: „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", а въ 1837 году начато при Академіи Наукъ печатаніе пятаго тома этого изданія, неоконченнаго и понынѣ. Кромѣ упомянутаго изданія, при Коммиссіи было издано, главнымъ образомъ ея чиновниками, много другихъ книгъ, заключающихъ въ себѣ памятники отечественной исторіи.

Изъ среды ученыхъ, вышедшихъ изъ школы графа Румянцева и начавшихъ научную дѣятельность свою при Коммиссіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, слѣдуетъ упомянуть *К. Ѳ. Калайдовича* и *П. М. Строева*, которымъ русская историческая наука обязана многими образцовыми изданіями древнихъ памятниковъ и отдѣльными историческими и историко-литературными трудами.

П. М. Строевъ въ особенности извѣстенъ своимъ археографическимъ путешествіемъ по Россіи. Дѣло въ томъ, что

въ 1828 году Императорская Академія Наукъ, желая привести въ извѣстность и собрать историческіе матеріалы, хранящіеся по областнымъ архивамъ, монастырямъ и церквамъ, а равно и у частныхъ лицъ, рѣшила снарядить съ этою цѣлью особую археографическую экспедицію по Россіи, проектъ которой, составленный Строевымъ, и былъ въ томъ же году Высочайше одобренъ. Выполненіе задуманнаго предпріятія возложено на Строева, который весною 1829 года и отправился въ путешествіе. Въ 1830 году составъ экспедиціи усиленъ прикомандированіемъ въ помощь Строеву чиновника Академіи *Я. И. Бередникова.* Раздѣливъ между собою трудъ осмотра различныхъ мѣстностей, Строевъ и Бередниковъ съ 1830 по 1834 годъ объѣхали большую часть сѣверной и сѣверо-восточной Россіи, осмотрѣвъ до 200 областныхъ архивовъ и библіотекъ. Въ 1834 году экспедиція возвратилась съ громаднымъ запасомъ собранныхъ ею матеріаловъ и въ Академіи Наукъ сталъ вырабатываться планъ ихъ изданія. Между тѣмъ, труды и результаты экспедиціи обратили на себя вниманіе императора Николая Павловича и 24 декабря 1834 года Высочайше повелѣно было учредить при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія особую Археографическую Коммиссію, для изданія матеріаловъ, собранныхъ экспедиціею; въ распоряженіе Коммисіи передана хранившаяся при Академіи Наукъ сумма въ 40 тыс. рублей, пожертвованная гр. Румянцевымъ на изданіе памятниковъ русской исторіи. Нечего и говорить о томъ, что Строевъ и Бередниковъ, зачисленные въ Коммисію, сдѣлались ея дѣятельнѣйшими членами.

Открывъ свою дѣятельность съ 1835 года и непрерывно продолжая ее до настоящаго времени, Археографическая Коммиссія издала массу древнихъ актовъ и другихъ историческихъ матеріаловъ, размѣщенныхъ по различнымъ ея изданіямъ; эти изданія оказали уже громадную пользу дѣлу русской исторической и историко-юридической науки, представивъ богатѣйшій, новый и все еще до сихъ поръ далеко не исчерпанный матеріалъ для историческихъ изслѣдованій, которыя въ изобиліи и стали появляться съ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Изъ изданій Археографической Коммиссіи особеннаго вниманія заслуживаютъ, съ точки зрѣнія исторіи русскаго права, слѣдующія:

„Акты Археографической Экспедиціи“, въ четырехъ томахъ (1836 г.).

„Акты Историческіе“, въ пяти томахъ (1841—1842 гг.).

„Дополненія къ Актамъ Историческимъ“, которыхъ вышло 12 томовъ (1843—1872 гг.).

„Акты Юридическіе“, 1 томъ (1838 г.).

„Акты относящіеся до юридическаго быта древней Россіи“, два тома (1-й—1857 г., 2-й—1864 года).

„Акты относящіеся къ исторіи западной Россіи“, 7 томовъ (1846—1853 г.).

„Акты относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи“, 8 томовъ (1861—1872 гг.) и др.

Съ 1872 года Археографическая Коммиссія издаетъ „Русскую Историческую Библіотеку“, замѣнившую собою издававшіяся до тѣхъ поръ, подъ разнообразными названіями, сборники историческихъ актовъ. Этого изданія вышло по 1890-й годъ 12 томовъ.

Сверхъ упомянутыхъ сборниковъ, Археографическая Коммиссія съ 1846 года предприняла изданіе отечественныхъ лѣтописей, подъ заглавіемъ: „Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей“, которыхъ съ 1841-го по 1889 годъ вышло 11 томовъ (съ I по IX и XV—XVI); первые томы вышли въ теченіи послѣдняго двадцатипятилѣтія вторымъ изданіемъ и, сверхъ того, нѣкоторыя лѣтописи изданы также въ роскошныхъ фотолитографическихъ снимкахъ. Археографическая Коммиссія издавала также „Писцовыя книги“, издаетъ „Четьи-Минеи“, т. е. житія святыхъ, и много другихъ сборниковъ и книгъ, детальное перечисленіе которыхъ мы считаемъ возможнымъ опустить.

Укажемъ теперь и на другое учрежденіе, принесшее и продолжающее приносить огромную пользу изученію отечественной исторіи. Этимъ учрежденіемъ является Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, первая идея основанія котораго принадлежала еще Шлецеру. Будучи учреждено въ 1804 году при Московскомъ университетѣ, это общество давало и даетъ на страницахъ своихъ изданій богатые историческіе матеріалы. Изъ изданій этого общества укажемъ: „Труды и Лѣтописи“ его (1815—1837 гг., 8 том.), „Русскія достопамятности“ (3 тт., 1815—1844 гг.), „Русскій Историческій Сборникъ“ (7 тт., 1837—1846 гг.), „Чтенія въ въ Московскимъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, выходившія съ 1846 по 1849 годъ; съ 1849 года Общество

стало издавать, вмѣсто Чтеній—„Временникъ", котораго съ 1849 по 1858 г. вышло 25 томовъ, но съ 1858 года возобновляется изданіе „Чтеній", по 4 книги въ годъ, которое продолжается и до настоящаго времени.

Обильный историческій матеріалъ представляли на своихъ страницахъ и журналы, изданіе которыхъ развилось у насъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Сюда относятся, напримѣръ, журналы: „Вѣстникъ Европы", издававшійся съ 1802 по 1830 г., послѣдовательно, Карамзинымъ и Каченовскимъ; „Отечественныя Записки", Свиньина, съ 1818 по 1830 г.; „Московскій Телеграфъ", Полеваго, съ 1825 по 1834 г.; „Московскій Вѣстникъ", Погодина, съ 1827 по 1830 г. и др.

Изъ русскихъ историковъ первой четверти XIX-го столѣтія слѣдуетъ упомянуть также Кіевскаго *митрополита Евгенія* (Болховитинова, 1767 † 1837 г.), положившаго основаніе изученію русской церковной исторіи и составившаго извѣстные „Словари" духовныхъ и свѣтскихъ писателей, писавшихъ въ Россіи.

Мы видѣли какъ, подъ вліяніемъ начавшейся съ половины XVIII вѣка разработки русской исторіи, расширялся кругъ русскихъ писателей, занимавшихся изученіемъ отечественной исторіи.

Укажемъ теперь нѣмецкихъ ученыхъ первой половины текущаго столѣтія, находившихся въ русской службѣ и разработывавшихъ русскую исторію. Длинный рядъ ихъ Шлецеромъ не окончился; нѣсколько выдающихся представителей науки русской исторіи изъ нѣмцевъ дала намъ и первая половина XIX вѣка. Сюда должны быть отнесены имена: Круга, Неймана, Эверса, Рейца и Тобина.

Ф. Кругъ (1764 † 1844 гг.), ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, извѣстенъ своими критическими изслѣдованіями въ области византійской хронологіи, въ ея примѣненіи къ древней русской исторіи, а также своими изслѣдованіями въ области русской нумизматики.

И. Г. Нейманъ (впослѣдствіе профессоръ русскаго права въ Казани) въ 1811—1814 гг. занималъ въ Дерптскомъ университетѣ каѳедру государственнаго и народнаго права; онъ оставилъ сочиненіе: „Entwickelung des Russischen Rechts nach der ersten bis zum zweiten Prawda" (Дерптъ, 1830).

Густавъ Эверсъ († 1830 г.), профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, извѣстенъ какъ основатель такъ называемой теоріи родоваго быта древней Россіи, т. е. такого взгляда на древнѣйшій бытъ русскихъ славянъ, который признаетъ ихъ жившими родовыми союзами, т. е. союзами лицъ, связанныхъ единствомъ происхожденія и находящихся подъ властью или общаго родоначальника, или въ томъ случаѣ, если его уже нѣтъ въ живыхъ—подъ властью старѣйшаго изъ родичей. Въ своемъ мѣстѣ мы подробнѣе познакомимся съ этою теоріею, въ настоящее же время считаемъ возможнымъ ограничиться сдѣланнымъ краткимъ ея опредѣленіемъ. Сверхъ многихъ отдѣльныхъ монографій и сборниковъ, касающихся русской исторіи, Эверсъ имѣлъ намѣреніе составить учебникъ русской исторіи; но этотъ учебникъ не былъ, къ сожалѣнію, оконченъ и вышелъ лишь первый томъ его, появившійся въ 1816 году, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Geschichte der Russen" („Исторія Руссовъ") и доведенный до Іоанна IV. Изъ другихъ сочиненій Эверса замѣчательны: „О происхожденіи русскаго государства" (1808 г.), на нѣмецкомъ языкѣ; „Предварительныя критическія изслѣдованія по Русской Исторіи" (1814 г.) и „Das aelteste Recht der Russen" (1826 г.). Послѣднее сочиненіе явилось въ 1835 году и въ русскомъ переводѣ И. Платонова, подъ заглавіемъ: „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи". Это—первая попытка общаго изслѣдованія въ области исторіи древняго русскаго права. Въ вопросѣ о происхожденіи варяго-руссовъ, Эверсъ отклоняется отъ ученія своихъ предшественниковъ, историковъ—нѣмцевъ XVIII вѣка: онъ признаетъ ихъ хазарами.

Филиппъ Рейцъ,—профессоръ русскаго права въ Дерптскомъ университетѣ и ученикъ Эверса,—замѣчателенъ, какъ авторъ перваго опыта систематическаго изложенія исторіи русскаго права. Сочиненіе Рейца, представляющее собою этотъ опытъ, носитъ заглавіе: „Versuch ueber die geschichtliche Ausbildung der Russischen Staats— und Rechtsverfassung" (1829 г.). Оно появилось въ 1836 г. въ русскомъ переводѣ Ѳ. Морошкина, подъ заглавіемъ: „Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ". Этотъ трудъ можетъ считатьси началомъ систематической разработки исторіи русскаго права.

Э. С. Тобинъ въ 40-хъ годахъ занималъ въ Дерптскомъ же университетѣ каѳедру русскаго законовѣдѣнія. Онъ оставилъ трудъ: „Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des russischen Rechts“ (Дерптъ, 1844) и нѣсколько другихъ работъ въ области исторіи русскаго права, съ которыми мы въ своемъ мѣстѣ познакомимся.

Выше, говоря о Карамзинѣ, мы отмѣтили тотъ энтузіазмъ, то увлеченіе, съ которыми принята была его „Исторія государства Россійскаго“. Но не всѣ современные писатели, занимавшіеся русскою исторіею, слѣпо преклонялись передъ авторитетомъ исторіографа, какъ ни казались въ то время смѣлыми, почти дерзкими, попытки колебать авторитетъ творца „Исторіи государства Россійскаго“. Направленіе Карамзина встрѣтило отпоръ со стороны такъ называемой скептической школы русскихъ историковъ. Эта школа проводила мысль о недостовѣрности источниковъ древнѣйшей русской исторіи; не безъ основанія осуждая предшествовавшее направленіе русской исторіографіи за излишнее довѣріе къ этимъ источникамъ и, въ особенности, къ лѣтописи, приписывавшейся Нестору, она требовала внесенія въ изученіе древней русской исторіи самой строгой исторической критики. Появленіе скептической школы въ русской исторіографіи имѣетъ свое объясненіе въ новомъ направленіи историческихъ наукъ, возникшемъ въ то время на Западѣ, подъ вліяніемъ критики Нибура, который своими изслѣдованіями въ области римской исторіи доказалъ недостовѣрность ея и отвергъ въ древнѣйшей римской исторіи многія событія, признавъ ихъ баснословными или искаженными послѣдующими римскими историками. Въ тоже время появились во Франціи славные историки Гизо и Тьерри, которые дѣятельно прилагали строгій критическій методъ къ своимъ историческимъ розысканіямъ.

Подъ вліяніемъ направленія только что указанныхъ западно-европейскихъ историковъ получаетъ развитіе скептическая школа и въ русской исторіографіи. Основателемъ ея долженъ считаться Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, профессоръ Московскаго университета.

М. Т. Каченовскій (1775 † 1842) съ 1804 года сдѣлался издателемъ журнала „Вѣстникъ Европы“; здѣсь то и были напечатаны имъ первыя его статьи по русской исторіи, въ которыхъ уже выразилось скептическое отношеніе его къ ея

источникамъ; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны статьи Каченовскаго: „Объ источникахъ русской исторіи“ и „Паралельныя мѣста въ русскихъ лѣтописяхъ“. Здѣсь Каченовскій проводитъ мысль, что въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ первыхъ двухъ столѣтій русской исторической жизни находится много событій баснословныхъ или заимствованныхъ изъ чужеземныхъ источниковъ, для пополненія пробѣловъ древнѣйшей русской исторіи. Сомнительными кажутся Каченовскому и договоры Олега и Игоря съ греками, какъ несоотвѣтствующіе, будто бы, той ступени культуры, на которой стояли славяне и варяги X-го вѣка. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, затрогивая вопросъ о происхожденіи варяго-руссовъ, Каченовскій склоняется къ мысли о скандинавскомъ происхожденіи ихъ и въ этомъ отношеніи является сторонникомъ ученія нѣмецкой школы.

Особенно сильно выразилось скептическое направленіе историческихъ изслѣдованій Каченовскаго послѣ появленія въ свѣтъ знаменитаго труда Нибура о римской исторіи. Эти изслѣдованія касались трехъ существенныхъ вопросовъ древнѣйшей русской исторіи: a) древнѣйшей русской лѣтописи, приписываемой Нестору, b) древнѣйшаго русскаго сборника права, извѣстнаго подъ названіемъ Русской Правды и c) вопроса объ употребленіи въ древней Руси кожаныхъ денегъ. По отношенію къ первому вопросу, Каченовскій подвергъ Нестора неумолимой критикѣ,—такой же строгой критикѣ, какой подвергъ и Нибуръ своего Тита Ливія,—и, отвергая достовѣрность извѣстій нашей начальной лѣтописи по отношенію къ древнѣйшему періоду русской исторіи, пришелъ къ признанію особаго баснословнаго періода русской исторіи; короче говоря—Каченовскій пришелъ къ убѣжденію въ полной недостовѣрности нашей древнѣйшей исторіи. Въ своемъ изслѣдованіи о Русской Правдѣ, Каченовскій пришелъ къ выводу, что памятникъ права, извѣстный подъ этимъ названіемъ, не можетъ быть относимъ, даже въ первоначальной редакціи своей, къ эпохѣ великаго князя Ярослава I, какъ признаетъ это господствующее въ русской исторіографіи мнѣніе. Каченовскій, признавая вліяніе на Русскую Правду законодательствъ германскихъ народовъ, полагаетъ, что Русская Правда есть произведеніе позднѣйшаго времени и что первоначально этотъ законодательный памятникъ возникъ не въ Новгородской обла-

сти, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись и господствующее мнѣніе, но въ южной Руси и, какъ предполагаетъ Каченовскій, въ Руси Галицкой. По отношенію къ вопросу о кожаныхъ деньгахъ, обращавшихся къ древнѣйшей Руси, Каченовскій приходитъ къ отрицательному результату и признаетъ, что древнія русскія названія денежныхъ цѣнностей „бѣлками", „бѣлями", „лобками", „кунами" и т. п.—представляютъ собою не мѣха или ихъ отдѣльныя части, но металлическія монеты.

Каченовскій, въ основномъ направленіи и основныхъ пріемахъ своихъ, породилъ цѣлый рядъ послѣдователей своего ученія, и такимъ образомъ возникла скептическая школа въ русской исторіографіи. Ученіе писателей скептической школы—съ одной стороны, и многочисленныя опроверженія этого ученія—съ другой стороны, породили цѣлую литературу. Изъ послѣдователей скептической школы особенно выдаются: С. М. Строевъ, Станкевичъ и, въ особенности, Арцыбышевъ и Полевой. Мы остановимся лишь на послѣднихъ двухъ писателяхъ.

Н. С. Арцыбышевъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ историческихъ трудовъ своихъ, извѣстенъ какъ авторъ „Повѣствованія о Россіи" (3 тома, 1838—1841 гг.), которое представляетъ собою сводъ лѣтописей и разнаго рода грамотъ, доведенный до 1700 года. Хотя трудъ этотъ и не носитъ характера самостоятельности, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ весьма удобный сводъ для справокъ.

Н. А. Полевой († 1846 г.) оставилъ по себѣ въ наукѣ память писателя, задавшагося цѣлью изложить русскую исторію на совершенно новыхъ началахъ. Увлекшись критическимъ направленіемъ Нибура, Полевой популизировалъ его на страницахъ издававшагося имъ журнала „Московскій Телеграфъ", а вслѣдъ затѣмъ здѣсь же помѣстилъ критическій разборъ „Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина. Въ этомъ разборѣ Полевой выступилъ ярымъ противникомъ направленія нашего исторіографа. Выставляя на видъ вліяніе на Карамзина историческаго направленія XVIII вѣка, т. е. эпохи, когда не существовало еще философской идеи исторіи—Полевой заявляетъ, что Карамзинъ не можетъ считаться историкомъ современнымъ, что его трудъ является анахронизмомъ при возникшемъ уже въ началѣ XIX-го столѣтія критическомъ направленіи въ разработкѣ исторіи. Далѣе Полевой укоряетъ автора „Исторіи Государства Россійскаго" въ ложно-класси-

ческомъ направленіи, въ отсутствіи философской подкладки въ трудѣ его и въ излишней идеализаціи русской исторической жизни, выразившейся въ томъ, что Карамзинъ патріотическому чувству своему нерѣдко жертвуетъ правдою и требованіями исторической критики.

Не удовлетворяясь трудомъ Карамзина, Полевой задался намѣреніемъ написать свою собственную русскую исторію, строго соображаясь съ требованіями современнаго направленія историческаго знанія. Результатомъ работъ Полеваго въ этомъ направленіи и явилась его „Исторія русскаго народа", вышедшая въ свѣтъ въ 1829—1833 гг., въ 6 томахъ, но доведенная лишь до Іоанна Грознаго. Трудъ этотъ посвященъ авторомъ Нибуру. Въ предисловіи къ своему труду, Полевой, повторяя свои нападки на Карамзина, укоряетъ его въ томъ, что онъ написалъ „исторію государей", а не „исторію народа", причемъ заявляетъ, что названіе его собственнаго труда—„Исторія русскаго народа"—уже показываетъ существенное различіе его взгляда на исторію отъ взгляда, господствовавшаго въ Россіи до него. Въ своихъ воззрѣніяхъ на источники древней русской исторіи, Полевой является послѣдователемъ ученія скептической школы, хотя онъ и не доходитъ до крайнихъ выводовъ, сдѣланныхъ ея основателемъ, Каченовскимъ. Не смотря на безусловно вѣрную мысль, положенную Полевымъ въ основу его исторіи,—мысль написать исторію народа, а не исторію государей,—трудъ его не можетъ считаться удачнымъ: не будучи достаточно подготовленнымъ для задуманнаго имъ дѣла, Полевой не справился съ обширностью задачи. Не мало повредилъ успѣху „Исторіи русскаго народа" и полемическій характеръ этого труда; Карамзинъ имѣлъ въ то время слишкомъ много поклонниковъ и открыто возставать противъ него съ тѣми средствами, какія имѣлъ въ своемъ распоряженіи Полевой—представлялось болѣе нежели смѣлымъ. Но особенно неудачнымъ является въ трудѣ Полеваго желаніе повсюду искать въ русской исторіи явленій, общихъ съ явленіями западно-европейской исторической жизни; увлекаясь стремленіемъ найти въ русской жизни тѣже самыя явленія, критической разработкой которыхъ занимались въ западноевропейской исторической литературѣ его излюбленные образцы—Нибуръ, Гизо и Тьерри, Полевой не стѣсняясь прилагаетъ начала римской и французской исторіи къ явленіямъ

и событіямъ отечественной исторіи, и въ этомъ отношеніи приходитъ къ совершенно неожиданнымъ, ошибочнымъ и невѣроятнымъ выводамъ.

Само собою разумѣется, что ученіе послѣдователей скептической школы должно было вызвать протестъ со стороны писателей, признававшихъ достовѣрность источниковъ нашей древнѣйшей исторіи. Къ числу противниковъ скептической школы принадлежитъ *П. Г. Бутковъ* († 1857 г.), рѣзко выступившій противъ отрицательнаго направленія, основаннаго Каченовскимъ, въ вышедшемъ въ 1840 году сочиненіи своемъ: „Оборона лѣтописи русской отъ навѣтовъ скептиковъ“, въ которомъ, опровергая доводы скептиковъ, онъ, однако же, въ свою очередь впадаетъ въ противоположную крайность, уже слишкомъ довѣряясь древнимъ источникамъ русской исторіи и придавая значеніе вѣроятности свидѣтельствамъ, носящимъ признаки несомнѣнно баснословнаго характера.

Со второй четверти XIX-го столѣтія возникаетъ въ русской исторіографіи еще новое направленіе. Это — школа славянская, имѣющая своею исходною точкою крайнюю идеализацію древняго періода русской исторіи, а основною идеею своею — мысль о преобладаніи во всеобщей исторіи славянской народности. По ученію послѣдователей этой школы, славянскій элементъ является преобладающимъ въ древней исторіи Европы; славяне были главными дѣятелями въ переселеніи народовъ; гунны, готы, авары, волжскіе булгары —все это славяне, вслѣдствіе чего славянскій элементъ играетъ первенствующую роль въ связанномъ съ переселеніемъ народовъ разложеніи и созданіи государствъ. Само собою разумѣется, что послѣдователи славянской школы безусловно отвергали скандинавское происхожденіе варяго-руссовъ и считали послѣднихъ, а вмѣстѣ съ ними и первыхъ князей нашихъ —славянами. Мы уже знаемъ, что въ началѣ второй половины XVIII-го вѣка зачатки ученія славянской школы положены были еще Ломоносовымъ; но въ ту пору ученіе Ломоносова не нашло себѣ послѣдователей: слишкомъ гнетуще и сильно было еще вліяніе школы нѣмецкой. Во второй четверти текущаго столѣтія направленіе, внесенное въ русскую исторіографію Ломоносовымъ, воскресло въ лицѣ цѣлой славянской школы. Наиболѣе видными представителями ея явились: *Ю. И. Венелинъ* и ученики его — *Н. В. Савельевъ-Ростиславичъ*, *Ѳ. Л. Морошкинъ* и др.

Въ новѣйшее время представителемъ славянской школы можетъ быть признанъ *Д. И. Иловайскій*, являющійся въ своихъ трудахъ: „Розысканія о началѣ Руси“ (1876 г.) и „Исторія Россіи“ (3 тома, 1876—1890 гг.)—поборникомъ туземнаго, славянскаго, происхожденія первыхъ русскихъ князей, а съ другой стороны примыкающій и къ направленію скептиковъ, отвергая достовѣрность древнѣйшихъ лѣтописныхъ сказаній, и *И. Е. Забѣлинъ*, отстаивающій въ своей „Исторіи русской жизни“ происхожденіе варяговъ изъ балтійскихъ славянъ.

Со второй четверти XIX столѣтія научная разработка русской исторіи дѣлаетъ громадный шагъ впередъ и съ той поры продолжается съ замѣчательною интенсивностью. Подъемъ университетской науки, открытіе и обнародованіе массы новыхъ источниковъ, научныя работы въ архивахъ, учрежденіе ученыхъ обществъ, столкновеніе различныхъ мнѣній, взглядовъ и гипотезъ и вытекающая отсюда критическая оцѣнка первоисточниковъ—все это дало могучій толчокъ русской исторіографіи. Въ задачи нашего изложенія не можетъ войти подробное обозрѣніе развитія русской исторической науки, начиная съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія. Мы остановимся, поэтому, лишь на важнѣйшихъ направленіяхъ русской исторіографіи и на наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ ея за этотъ промежутокъ времени.

Норманская или скандинавская школа, начало которой было положено въ XVIII-мъ вѣкѣ Байеромъ и другими академиками-нѣмцами, получила въ текущемъ XIX-мъ столѣтіи яраго и фанатичнаго адепта въ лицѣ профессора Московскаго университета Михаила Петровича *Погодина* (1800 † 1875 гг.). Въ 1825 году вышелъ въ свѣтъ первый историческій трудъ Погодина: „О происхожденіи Руси“ (магистерская диссертація автора). Этотъ первый трудъ опредѣлилъ послѣдующее историческое направленіе Погодина: онъ выступилъ въ немъ ярымъ защитникомъ норманскаго происхожденія варяго-руссовъ и впослѣдствіе, до самой смерти своей, ревностно отстаивалъ норманскую теорію противъ появлявшихся на нее нападокъ и возраженій. Слѣдовательно, по отношенію къ этому вопросу, Погодинъ непосредственно примкнулъ къ историкамъ нѣмецкой школы. Въ дальнѣйшей своей научно-литературной дѣятельности, Погодинъ высказал-

ся противникомъ какъ скептической школы, такъ и школы славянской. Оспаривая ученіе скептической школы, Погодинъ дѣятельно защищалъ подлинность древнѣйшихъ памятниковъ отечественной исторіи, являясь въ этомъ отношеніи противникомъ Каченовскаго. Оспоривая ученіе славянской щколы, Погодинъ проводилъ мысль о весьма значительномъ вліяніи нормановъ на древнѣйшій складъ русской жизни; норманское вліяніе усматриваетъ онъ и въ древнѣйшемъ нашемъ государственномъ устройствѣ, и въ обычаяхъ, и въ законодательствѣ, и даже въ самомъ народномъ характерѣ, вслѣдствіе чего весь періодъ русской исторіи отъ призванія князей до смерти великаго князя Ярослава I-го (862—1054 годъ) Погодинъ назвалъ періодомъ норманскимъ. Методъ, которому слѣдовалъ Погодинъ въ своихъ историческихъ изысканіяхъ и который самъ онъ назвалъ „математическимъ", заключался въ томъ, что онъ выписывалъ всѣ мѣста изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, относящіяся къ тому или другому вопросу, а затѣмъ изъ всей суммы полученныхъ такимъ образомъ свидѣтельствъ выводилъ извѣстное заключеніе.

Оставивъ съ 1845 года университетскую каѳедру, Погодинъ собралъ свои лекціи, замѣтки и различнаго рода работы по русской исторіи, которыя, въ теченіи 1846—1859 г., и были изданы въ семи томахъ, на средства Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ заглавіемъ: „Изслѣдованія, лекціи и замѣчанія М. П. Погодина о русской исторіи"; по богатству матеріала и мыслей— этотъ трудъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ русской исторіографіи. Первый томъ этого труда посвященъ обозрѣнію источниковъ русской исторіи и, главнымъ образомъ, лѣтописи, приписываемой Нестору: здѣсь Погодинъ полемизируетъ съ Каченовскимъ и другими послѣдователями скептической школы; второй томъ заключаетъ въ себѣ доказательства норманскаго происхожденія варяго-руссовъ; третій томъ посвященъ изложенію норманскаго періода; остальные четыре тома обнимаютъ собою удѣльный періодъ русской исторіи. Въ 1859 году издана Погодинымъ выборка изъ третьяго тома его „Изслѣдованій, лекцій и замѣчаній", подъ заглавіемъ: „Норманскій періодъ русской исторіи". Нельзя не отмѣтить и дѣятельности Погодина въ журналистикѣ: въ этомъ отношеніи слѣдуетъ упомянуть объ изданіи имъ въ 1827—1830 годахъ „Московскаго Вѣстника" и въ 1841—1856 годахъ „Москви-

тянина“,—журналовъ, отводившихъ на своихъ страницахъ не послѣднее мѣсто матеріаламъ и изслѣдованіямъ по русской исторіи. Въ 1872 году появился въ свѣтъ трудъ Погодина: „Древняя русская исторія до Монгольскаго ига“, въ трехъ томахъ, съ атласомъ рисунковъ, который заключаетъ въ себѣ какъ-бы итоги всѣхъ предшествовавшихъ занятій автора древнѣйшею русскою исторіею.

Много потрудился М. П. Погодинъ на пользу отечественной исторіи: перечисленіе всѣхъ его изданій и помѣщенныхъ имъ въ различныхъ журналахъ и сборникахъ изслѣдованій и замѣтокъ—могло бы легко утомить читателя. Нельзя обойти молчаніемъ и еще одной стороны дѣятельности Погодина. Путешествуя по славянскимъ землямъ, онъ собралъ весьма много цѣнныхъ славянскихъ рукописей, которыя, вмѣстѣ съ замѣчательнымъ собраніемъ русскихъ рукописей и древностей, составили его знаменитое „древнехранилище“, какъ покойный самъ назвалъ свои собранія; древнехранилище (музей) Погодина еще при жизни его пріобрѣтенъ былъ правительствомъ. Послѣдній періодъ жизни Погодина былъ омраченъ жестокими нападками на его излюбленную теорію норманизма; такъ, еще въ 1860 году онъ публично диспутировалъ въ Петербургѣ съ Н. И. Костомаровымъ, доказывавшимъ литовское происхожденіе варяговъ-руссовъ. Съ тѣхъ поръ неустанно боролся Погодинъ съ представителями „новыхъ историческихъ ересей“—какъ называлъ покойный противниковъ норманской теоріи. Погодинъ такъ и скончался, не поступившись ни одною іотою изъ своей излюбленной, хотя,—нельзя въ этомъ не сознаться,—доведенной имъ до крайности теоріи норманизма.

Преемникомъ Погодина по каѳедрѣ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ явился молодой историкъ *Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ* (1820 † 1879 г.г.); оставляя въ 1845 г. каѳедру, Погодинъ самъ указалъ на Соловьева, въ числѣ рекомендованныхъ имъ себѣ преемниковъ. Первыми значительными историческими трудами Соловьева были—его магистерская диссертація: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ (1845 г.) и докторская диссертація: „Исторія родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома“ (1847 г.). Мы не будемъ перечислять всѣхъ многочисленныхъ изслѣдованій и статей Соловьева, но остановимся лишь на основномъ и колоссальномъ трудѣ его: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, котораго при жизни автора вышло въ свѣтъ, съ

1851 по 1878 годъ, 28 томовъ; послѣдній томъ, 29-й—вышелъ въ свѣтъ уже послѣ его кончины. Исторія Соловьева, какъ и Исторія Карамзина, осталась трудомъ неоконченнымъ,—но Соловьевъ довелъ ее до несравненно болѣе позднихъ временъ; тогда какъ трудъ Карамзина обрывается на смутномъ времени, трудъ Соловьева доведенъ до половины царствованія императрицы Екатерины II-й. „Исторія Россіи“ Соловьева, какъ по своей обширности, такъ и по объему вложеннаго въ нее труда и знанія—представляется трудомъ гигантскимъ, небывалымъ въ русской исторіографіи; этому труду доведется очень долго занимать весьма почетное мѣсто въ русской исторической литературѣ. Особенное значеніе представляетъ трудъ Соловьева благодаря обильному архивному матеріалу, положенному въ его основаніе: посѣщая московскіе архивы Министерства Юстиціи и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—можно было ежедневно видѣть маститаго, но бодраго духомъ и тѣломъ старца, съ поразительною регулярностью являвшагося сюда черпать въ сокровищницахъ этихъ архивовъ драгоцѣнные матеріалы для своей „Исторіи Россіи“.

Само собою разумѣется, что такой колоссальный трудъ, какимъ представляется „Исторія Россіи“ Соловьева—не можетъ избѣгнуть нѣкоторыхъ нарѣканій даже съ внѣшней стороны, со стороны самаго изложенія, не говоря уже о многихъ воззрѣніяхъ автора, съ которыми не всегда можно согласиться. Съ внѣшней стороны слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе въ трудѣ Соловьева систематичности, рельефности содержанія—что въ значительной степени обусловливается отрицаніемъ авторомъ дѣленія исторіи по періодамъ; далѣе слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторую сухость изложенія, нерѣдко какъ бы даже облекающагося въ лѣтописную форму, небрежность въ цитатахъ и ссылкахъ и, наконецъ, совершенное игнорированіе предшествовавшей литературы предмета.

Со стороны историческихъ убѣжденій своихъ, Соловьевъ является ярымъ послѣдователемъ т е о р і и р о д о в а г о б ы т а, начало которой положено было, какъ мы знаемъ, профессоромъ Эверсомъ. Соловьевъ развилъ эту теорію до крайнихъ предѣловъ и положилъ ее въ основу своей „Исторіи Россіи“. По воззрѣнію Соловьева, вся русская исторія представляетъ собою картину борьбы древнихъ родовыхъ началъ жизни съ началомъ государственнымъ; этою борьбою обоихъ началъ и

постепеннным торжествомъ начала государственности надъ началомъ родовымъ—объясняетъ Соловьевъ весь ходъ русской исторической жизни, причемъ окончательная побѣда втораго начала надъ первымъ совершилась уже въ эпоху послѣдовавшую за Петровскими реформами.

Изъ другихъ послѣдователей теоріи родоваго быта особенно выдается покойный историкъ-юристъ *Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ*, преподававшій въ Московскомъ университетѣ съ 1844 по 1848 годъ исторію русскаго законодательства. Историческія воззрѣнія Кавелина и его теорія родоваго быта особенно рѣзко выразились въ его статьѣ: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ („Современникъ“ 1847 года, а затѣмъ вошла въ первый томъ его „Сочиненій“, 1859 г., 4 тома). Кромѣ этого, относительно ранняго, труда, К. Д. Кавелинъ оставилъ еще цѣлый рядъ изслѣдованій и замѣтокъ въ области исторіи русскаго права, исторіи вообще, словесности, не говоря уже объ его философскихъ и публицистическихъ трудахъ.

Въ послѣднее время представителями теоріи родоваго быта являются въ русской исторической литературѣ: *И. Е. Забѣлинъ*, въ своей „Исторіи русской жизни“ (2 тома, 1876—1879) и *А. И. Никитскій*, въ своемъ сочиненіи: „Очерки внутренней исторіи Пскова“ и въ статьѣ: „Взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси“. Но теоріи Забѣлина и Никитскаго являются уже несравненно болѣе умеренными, сравнительно съ теоріями Соловьева и Кавелина.

Въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія зарождается въ Москвѣ новое историческое направленіе, явившееся протестомъ противъ крайняго развитія ученія о государственности и о внѣшнемъ, механическомъ, ходѣ русской исторической жизни, причемъ послѣдователи этого направленія проводили мысль о необходимости обращенія бóльшаго вниманія на народность, на историческія задачи русской жизни и на ея совершенно самобытное и строго національное развитіе. Естественными результатами такого историческаго направленія явились: противопоставленіе „здоровыхъ основъ“ славянской жизни, вообще, и русской, въ частности, устарѣвшимъ и отжившимъ свой вѣкъ началамъ жизни „гнилаго Запада“ и отрицательное отношеніе къ реформамъ Петра I-го, какъ нарушившимъ естественный ходъ развитія русской на-

родной жизни прививкою къ ней чуждыхъ ей основъ жизни западно-европейской. Это историческое направленіе извѣстно подъ названіемъ славянофильскаго, а послѣдователи его подъ названіемъ—славянофиловъ. Заставивъ глубже вдуматься въ народную жизнь, пріучивъ русское общество съ бóльшимъ уваженіемъ относиться къ своей народности и пробудивъ въ русскомъ обществѣ затемненное въ XVIII-мъ и въ первой трети XIX столѣтій народное наше самосознаніе, славянофильское направленіе, при всѣхъ своихъ крайностяхъ, принесло русской жизни быть можетъ не достаточно еще оцѣненную услугу. Говоря о Болтинѣ, мы замѣтили, что, въ извѣстномъ смыслѣ, уже Болтинъ можетъ считаться раннимъ предшественникомъ школы славянофиловъ. Но словянофильскую школу, въ собственномъ смыслѣ слова, создали: *Д. А. Валуевъ* († 1845 г.), *А. С. Хомяковъ* († 1860 г.) и, въ особенности, патріархъ славянофиловъ—*Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ* († 1859 г.); къ Аксакову и Хомякову примыкалъ цѣлый кружокъ славянофиловъ, имѣвшій въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и свой собственный органъ въ Москвѣ, въ лицѣ журнала „Русская Бесѣда“ (1857—1860 гг.).

Славянофильское направленіе не принимало ученія послѣдователей теоріи родоваго быта и, въ противоположность ей, въ лицѣ корифея своего К. С. Аксакова выдвинуло впередъ теорію общиннаго быта древней Руси. Эта теорія утверждаетъ, что русскіе славяне въ ту эпоху, отъ которой дошли до насъ древнѣйшія историческія извѣстія, уже вышли изъ первоначальнаго родоваго быта и жили не родами, въ смыслѣ союзовъ, основанныхъ на единствѣ родства, но союзами, называемыми общинами и составляющимися изъ цѣлой совокупности семей. Община имѣетъ въ основѣ солидарности сочленовъ своихъ уже не единство происхожденія, но интересы экономическіе и соціальные: общинное самоуправленіе, общее владѣніе землею, общинную взаимную защиту и вспомоществованіе, круговую поруку и т. п. Послѣдователи теоріи общиннаго быта развивали мысль, что община — представлялась основною жизненною силою древней Руси; что общинное начало проникало собою всѣ отношенія ея жизни; что только въ общинѣ, какъ членъ ея, получалъ отдѣльный индивидъ извѣстную сферу правъ, извѣстное общественное положеніе.

Основанія теоріи общиннаго быта развиты были *К. С. Аксаковымъ* въ статьѣ: „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“ („Московскій Сборникъ“ 1852 г., также въ первомъ томѣ его „Сочиненій“), въ которой Аксаковъ выступилъ рѣзкимъ антагонистомъ теоріи родоваго быта. Другими наиболѣе видными послѣдователями теоріи общиннаго быта представляются профессора-юристы Московскаго университета: Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ (1853—1873 г.) и Вас. Николаевичъ Лешковъ (1839—1881 г.).

И. Д. Бѣляевъ извѣстенъ, какъ авторъ массы изслѣдованій и статей по различнымъ вопросамъ древней русской исторіи и права, какъ глубокій знатокъ архивовъ и издатель многихъ историческихъ матеріаловъ; главныя статьи и матеріалы его помѣщались въ изданіяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій И. Д. Бѣляева укажемъ на его изслѣдованіе: „Крестьяне на Руси“ (1860 г., затѣмъ изданія 1879 и 1891 г.г.), представляющее собою исторію этого сословія съ древнѣйшихъ временъ, „Разсказы изъ русской исторіи“ (3 вып., 1861—1867 г.) и, наконецъ, посмертное изданіе его „Лекцій по исторіи русскаго законодательства“ (изданія 1879 и 1888 гг.).

В. Н. Лешковъ, кромѣ многочисленныхъ изслѣдованій и статей, разсѣянныхъ по различнымъ изданіямъ, оставилъ классическое сочиненіе: „Русскій народъ и государство“ (1858 г.), дающее отвѣты почти на всѣ важнѣйшіе вопросы до-Петровскаго склада правовой и общественной русской жизни.

Изъ предшествовавшаго краткаго обзора могли мы усмотрѣть то дѣятельное участіе, какое принималъ Московскій университетъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ текущаго столѣтія въ дѣлѣ развитія русской исторической науки. Здѣсь создавались и боролись различныя историческія направленія; здѣсь раздавалось авторитетное слово лучшихъ представителей русскаго историческаго знанія, дававшее тонъ и направленіе не только всей русской исторической наукѣ, но и всему славянству. Сороковые и пятидесятые года—могутъ быть, по всей справедливости, названы золотымъ вѣкомъ Московскаго университета и русской исторіографіи.

ГЛАВА III.

Русская исторіографія послѣднихъ десятилѣтій и современные ея представители.

Постановка историческаго и историко-юридическаго преподаванія въ русскихъ университетахъ.—Университеты: Московскій, С.-Петербургскій, Св. Владиміра. Харьковскій, Новороссійскій, Варшавскій, Юрьевскій и Казанскій.—Важнѣйшія пособія въ области исторіографіи и исторической библіографіи.

Нашъ очеркъ развитія русской исторіографіи, въ связи съ развитіемъ науки исторіи русскаго права, былъ бы не полонъ, если бы мы оставили безъ вниманія послѣдній періодъ ея, начинающійся съ конца 40-хъ годовъ текущаго столѣтія.

Постараемся же сдѣлать попытку краткаго очерка постановки, за этотъ промежутокъ времени, исторической и историко-юридической науки въ нашихъ университетахъ,—этихъ разсадникахъ отечественнаго знанія,—не касаясь вторично профессоровъ, о которыхъ шла у насъ рѣчь выше.

Начинаемъ съ Московскаго университета. Съ 1860 года преподаваніе русской исторіи раздѣлялъ здѣсь съ С. М. Соловьевымъ профессоръ *Н. А. Поповъ* († 1891 г.), перемѣщенный въ Москву изъ Казани и посвящавшій себя, преимущественно, изслѣдованіямъ въ области XVIII-го вѣка („Татищевъ и его время“, М. 1861 г., и др. труды). Преемникомъ Соловьева по каѳедрѣ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ выступилъ *В. О. Ключевскій*, еще при своемъ предмѣстникѣ читавшій здѣсь русскую исторію въ качествѣ приватъ-доцента, авторъ раннихъ изслѣдованій въ области „Сказаній иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“ (1866) и вопроса о „Древне—русскихъ житіяхъ святыхъ,

какъ историческомъ источникѣ" (1871), обширнаго и выдающагося труда: „Боярская Дума древней Руси" (М. 1882 и 1883), нѣсколькихъ работъ въ области исторіи крестьянства, цѣнностей („Русскій рубль XVI—XVIII вѣковъ", 1884), исторіи земскихъ соборовъ („Составъ представительства на земскихъ соборахъ", 1890—1891) и ряда др. работъ.

Изъ представителей историческаго знанія, начавшихъ свою научную дѣятельность въ Московскомъ университетѣ, слѣдуетъ отмѣтить трехъ приватъ-доцентовъ: *П. Н. Милюкова* (съ 1896 г. профессоръ исторіи въ „Великой Школѣ", т. е. университетѣ г. Софіи, въ Болгаріи), автора многихъ трудовъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ два изслѣдованія о разрядныхъ книгахъ („Оффиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей разрядной книги", 1887 г.), два труда по исторіи русской культуры („Очерки по исторіи русской культуры", I—II, Спб. 1896—97 гг., и „Главныя теченія русской исторической мысли", I, Спб. 1897 г.) и трактата историко-юридическаго характера: „Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго" (Спб. 1891, а также въ Ж. М. Нар. Пр. за 1890 г.); *В. Е. Якушкина,* автора изслѣдованія: „Очеркъ по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вѣкахъ" (М. 1890), и *И. А. Линниченко* (нынѣ профессоръ Новороссійскаго университета, о немъ см. ниже). Въ настоящее время, въ качествѣ приватъ-доцентовъ, читаютъ въ Московскомъ университетѣ курсы русской исторіи: *Д. И. Эварницкій*, авторъ ряда работъ по исторіи казачества и южный Россіи („Архивные матеріалы для исторіи Запорожья", 1886, „Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края", 1889, „Исторія запорожскихъ казаковъ, I—II, 1892—94, „Вольности запорожскихъ казаковъ", 1898, и др.) и *М. К. Любавскій*, обращающій преимущественное вниманіе на исторію Литовско-Русскаго государства („Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута", 1893, и „Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ", 1894).

Обращаясь къ профессорамъ-юристамъ Московскаго университета, мы должны прежде всего остановиться на четырехъ крупныхъ силахъ, блиставшихъ здѣсь въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Это—Н. В. Калачовъ, Б. Н. Чичеринъ, Ѳ. М. Дмитріевъ и

К. П. Побѣдоносцевъ. *Н. В. Калачовъ*,—преемникъ Кавелина по кафедрѣ исторіи русскаго права,—извѣстенъ какъ выдающійся архивистъ, издатель массы памятниковъ и авторъ многочисленныхъ изслѣдованій и монографій, изъ которыхъ мы отмѣтимъ его: „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“ (1846 и 1880), „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права“ (1850), „О Судебникѣ царя и великаго князя Іоанна IV Васильевича“ (1841 г.), не перечисляя длиннаго ряда другихъ его работъ. Въ 1850—1861 г.г. Калачовъ послѣдовательно издазалъ: „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (3 книги въ четырехъ частяхъ) и „Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (12 книгъ),—сборники, вмѣстившіе въ себѣ множество историко-юридическихъ матеріаловъ; кромѣ того, Калачовъ редактировалъ изданіе „Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи“ (1857—1884), по порученію Археографической Коммиссіи, и „Писцовыя книги Московскаго государства“ (1877), по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Крайне плодотворною является дѣятельность Н. В. Калачова въ качествѣ управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи и учредителя и перваго директора С.-Петербургскаго Археологическаго Института. *В. Н. Чичеринъ*, профессоръ государственнаго права въ Московскомъ университетѣ, является авторомъ изслѣдованія объ „Областныхъ учрежденіяхъ въ Россіи“ (М. 1856) и нѣсколькихъ работъ по изслѣдованію договорныхъ и духовныхъ грамотъ князей и по исторіи крестьянской общины, собранными въ его „Опытахъ по исторіи русскаго права“ (1858). *Ѳ. М. Дмитріевъ*, профессоръ по кафедрѣ исторіи иностранныхъ законодательствъ, обезсмертилъ себя въ литературѣ исторіи русскаго права классическимъ трудомъ: „Исторія судебныхъ инстанцій въ Россіи“ (М. 1859). *К. П. Побѣдоносцевъ*, читавшій въ Московскомъ университетѣ гражданское право, помимо нѣсколькихъ статей по исторіи крѣпостнаго права и другихъ печатныхъ трудовъ („Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права“, 1858 г., „Учрежденіе крѣпостнаго права въ Россіи“, 1861 г., „Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII—XVIII в.в.“, 1887., „Матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи“, 1890 г., и др.), оказалъ большую

заслугу исторіи русскаго права своимъ замѣчательнымъ „Курсомъ гражданскаго права“ (изданія 1868—1896 г.г.), въ которомъ, слѣдуя историко-догматическому методу, К. П. Побѣдоносцевъ отводитъ видное мѣсто и историческому развитію въ Россіи различныхъ институтовъ гражданскаго права. Отмѣтимъ также два сборника К. П. Побѣдоносцева: „Историческія изслѣдованія и статьи“, 1876 г., и „Московскій сборникъ“, 1896 г.

Вслѣдъ за Н. В. Калачовымъ исторію русскаго права читалъ въ Московскомъ университетѣ уже извѣстный намъ профессоръ И. Д. Бѣляевъ, занимавшій эту кафедру до самой кончины своей (въ 1873 году). Его непродолжительнымъ преемникамъ явился доцентъ *С. А. Петровскій* (впослѣд. издатель-редакторъ Московскихъ Вѣдомостей), авторъ изслѣдованія „О Сенатѣ при Петрѣ Великомъ“ (1875): его въ 1876 году, въ свою очередь, смѣнилъ профессоръ *И. Н. Мрочекъ-Дроздовскій*, занимающій въ Московскомъ университетѣ кафедру исторіи русскаго права по настоящее время. И. Н. Мрочекъ-Дроздовскій, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ работъ, извѣстенъ какъ авторъ изслѣдованій въ области Русской Правды („Изслѣдованія о Русской Правдѣ“, вып. I—II, 1881—1885) и областнаго управленія XVIII вѣка („Областное управленіе въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, до учрежденія о губерніяхъ“, 1876), печатнаго курса своихъ лекцій („Исторія русскаго права“, М. 1894) и актовой рѣчи: „О древне-русской дружинѣ по былинамъ“ (1897). Преподаваніе исторіи русскаго права раздѣлялъ съ г. Мрочекъ-Дроздовскимъ до 1892 года приватъ-доцентъ *А. Н. Филипповъ*, въ этомъ послѣднемъ году получившій кафедру государственнаго права въ Юрьевскомъ университетѣ (см. ниже), а въ настоящее время раздѣляетъ его, въ званіи сверхштатнаго ордин. профессора, *Д. Я. Самоквасовъ* („Исторія русскаго права“, 1878 и 1888 гг., „Лекціи по исторіи русскаго права“, I—II, 1896, „Изслѣдованія по исторіи русскаго права“, I—II, 1896, „Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ“, 1876 и 1884 гг. и нѣкот. др. труды). Съ 1893 г. при кафедрѣ исторіи русскаго права состоитъ еще приватъ-доцентъ *Н. И. Числовъ*.

Въ высшей степени почтенна историко-юридическая дѣятельность покойнаго († 16 авг. 1898 г.) профессора церковнаго права въ томъ же университетѣ (до 1875 г.—въ Но-

вороссійскомъ, а до 1869 г.—въ Казанскомъ) *А. С. Павлова*, автора замѣчательнаго изслѣдованія о „Первоначальномъ славяно-русскомъ Номоканонѣ“ (1869), „Историческаго очерка секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи въ XVI вѣкѣ“ (1871), трактака о „50-й главѣ Кормчей книги, какъ источникѣ русскаго брачнаго права“ (1887) и ряда другихъ работъ. Нельзя обойти молчаніемъ и трудовъ по исторіи полиціи въ Россіи („Личное задержаніе“, 1877, „Исторія русской полиціи“, 1884, „Полицейскій арестъ въ Россіи въ XVIII в.“, 1885) профессора полицейскаго права въ Московскомъ университетѣ *И. Т. Тарасова*.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ, одновременно съ тѣмъ, какъ въ Московскомъ университетѣ русскую исторію читали Погодинъ, а затѣмъ Соловьевъ, туже кафедру занималъ *Н. Г. Устряловъ* († 1870 г.), авторъ „Русской Исторіи“ (5 т. т., первое изданіе 1837—41 г.г.), издатель нѣсколькихъ важныхъ памятниковъ отечественной исторіи („Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“, 1831—34 гг., „Сказанія князя Курбскаго“, 1836 г.), и составитель „Исторіи царствованія Петра Великаго“—труда не оконченнаго, котораго вышло пять томовъ (I—IV и VI, 1858—64 г.г.).

Преемникомъ Устрялова выступилъ въ 1859 году *Н. И. Костомаровъ*, авторъ ряда историческихъ изслѣдованій и монографій („Сѣверно-русскія народоправства“, „Исторія смутнаго времени“, „Очерки домашняго быта великорусскаго народа“, „Очеркъ торговли Московскаго государства“, „Федеративное начало въ древней Руси“, „О происхожденіи Руси“, „Начало единодержавія въ Россіи“ и др.), изъ которыхъ многія носятъ историко-юридическій характеръ; всѣ эти отдѣльные труды собраны въ 19-ти томахъ его „Историческихъ монографій и изслѣдованій“ (Спб. 1863—1887). Съ 1873-го года Костомаровъ издавалъ свою „Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, носящую, какъ показываетъ самое названіе ея, характеръ монографическій. Еще въ 1862 году Костомаровъ вынужденъ былъ оставить кафедру русской исторіи, которая съ 1865 года и перешла къ *К. Н. Бестужеву-Рюмину* (впосл. академикъ, † 2 янв. 1897 г.), занимавшему ее до 1886 года; не перечисляя ряда критико-библіографическихъ и другихъ трудовъ этого почтеннаго ученаго, остановимся лишь н его „Русской Исторіи“ (томъ I

и перв. выпускъ II, 1872 и 1885), изслѣдованіи о „Колонизаціи великорусскаго племени“ (1867) и „Причинахъ различныхъ взглядовъ на Петра Великаго“ (1872). Преподаваніе русской исторіи раздѣлялъ съ Бестужевымъ - Рюминымъ *Е. Е. Замысловскій*, послѣ выхода перваго изъ университета въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (до 1891 г.) остававшійся его преемникомъ, извѣстный работами въ области исторической географіи и исторіи сношеній Россіи съ государствами Западной Европы и образцовымъ обозрѣніемъ источниковъ для исторіи царствованія Ѳеодора Алексѣевича („Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича“, т. I, 1870).

Въ настоящее время (съ 1890 года) каѳедру русской исторіи занимаетъ въ Петербургскомъ университетѣ профессоръ *С. Ѳ. Платоновъ*, авторъ крупнаго труда: „Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени, какъ историческіе источники“ (1888), „Замѣтокъ о земскихъ соборахъ“ (1883) и нѣкоторыхъ другихъ работъ и журнальныхъ статей изъ области смутнаго времени и второй половины XVI вѣка (въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр.“ 1897 — 98 гг.). Русскую же исторію, въ качествѣ приватъ-доцентовъ, читаютъ въ Петербургскомъ университетѣ: *А. С. Лаппо-Данилевскій* (онъ же профессоръ русской исторіи въ Импер. историко - филологическомъ институтѣ), авторъ изслѣдованій: „Иноземцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича“ (1885 г.), „Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смутнаго времени до эпохи преобразованій“ (1890), „Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в.в.“ („Истор. Обозр“. 1891), „Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе имп. Екатерины II“ (Ж. М. Н. Пр. 1895) и нѣкот. др. трудовъ; *Н. Д. Чечулинъ*, авторъ трудовъ: „Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка“ (1889), „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“ (1889), „Проектъ Императорскаго Совѣта въ первый годъ царствованія импер. Екатерины II“ (1894), „Замѣтки о внѣшней политикѣ Россіи въ царств. Екатерины II“ (1895) и др. работъ; *С. М. Середонинъ* („Анлійскія извѣстія о Россіи вт. пол. XVI в.“, 1885, „Сочиненіе Флетчера, какъ историческій источникъ“, 1891, и др.; *С. В. Рождественскій* („Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в.“, 1894, „Изъ исторіи секуляриза-

ціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI в."). Нельзя обойти молчаніемъ трудовъ профессора всеобщей исторіи въ Петербургскомъ университетѣ *В. Г. Васильевскаго* въ области норманизма и византизма („Варяго-русская дружина въ Константинополѣ XI—XII вѣковъ", 1874—75 г.г., „О варягахъ-руссахъ", 1875 г., „Византія и печенѣги", 1872 г., „Русско-византійскіе отрывки", 1875, „О синодальномъ спискѣ Эклоги Льва и Константина и о двухъ спискахъ земледѣльческаго закона", 1879 г., и др.), какъ непосредственно входящихъ въ область русской исторіи и, отчасти, исторіи русскаго права. Слѣдуетъ упомянуть и о другомъ профессорѣ всеобщей исторіи въ томъ же университетѣ, *Н. И. Карѣевѣ*, который, кромѣ ряда изслѣдованій въ области польско-литовской исторіи, далъ намъ статью о „Земскихъ соборахъ древней Руси" (Юрид. Вѣстн. за 1886 г.).

Переходя къ историкамъ-юристамъ С.-Петербургскаго университета, мы должны начать съ *К. А. Неволина* (†1856 г.), профессора энциклопедіи права (перемѣщеннаго въ петербургскій университетъ изъ кіевскаго, гдѣ онъ началъ свою ученую дѣятельность) Кромѣ извѣстнаго курса „Энциклопедіи законовѣдѣнія", К. А. Неволинъ оставилъ цѣлый рядъ историко-юридическихъ трудовъ, вѣнецъ которыхъ составляетъ его „Исторія русскихъ гражданскихъ законовъ" (3 тома, 1857—58 г.г),— до сихъ поръ единственный цѣлостный трудъ въ области этого, въ высшей степени важнаго, вопроса. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить изслѣдованіе Неволина „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ" (1853 г.) и рядъ историко-юридическихъ монографій („Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго", „О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго" и др.), вошедшихъ въ шестой томъ „Полнаго собранія сочиненій" его (1859).

Кафедру исторіи русскаго права занялъ въ Петербургскомъ университетѣ, по уставу 1863 года, профессоръ *М. М. Михайловъ*, авторъ двухъ монографій по исторіи процесса („Исторія образованія и развитія русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія царя Алексѣя Михаиловича", 1848 г., и „Русское гражданское судопроизводство отъ Уложенія 1649 г. до изданія Свода Законовъ", 1856 г.) и болѣе нежели слабаго курса исторіи русскаго права („Исторія русскаго права", 1871). Михайлова съ 1872 года блестящимъ

образомъ замѣнилъ собою, перемѣщенный въ Петербургскій университетъ изъ Московскаго, съ кафедры государственнаго права, профессоръ *В. И. Сергѣевичъ*, авторъ классическаго изслѣдованія: „Вѣче и Князь, русское государственное устройство и управленіе во времена князей-Рюриковичей“ (1867), совершившаго въ наукѣ переворотъ въ воззрѣніяхъ на удѣльно-вѣчевые устои древнѣйшей русской жизни; попытки изложенія „Русскихъ юридическихъ древностей“ (томъ I—Территорія и населеніе, 1890, томъ II—Власть, 1893—1896 г.г.); превосходной статьи о „Земскихъ соборахъ въ Московскомъ государствѣ“ (1875); статьи „О причинахъ неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи 1767 г.;“ (1878); печатнаго курса „Лекцій и изслѣдованій по исторіи русскаго законодательства“ (изданія 1883 и слѣд. г.г.) и др. работъ. Съ половины 80-хъ годовъ,—сначала въ качествѣ приватъ-доцента, а въ настоящее время ординарнаго профессора,—преподаваніе исторіи русскаго права раздѣляетъ съ проф. Сергѣевичемъ *В. Н. Латкинъ*, авторъ изслѣдованій: „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи“ (1887), „Земскіе соборы древней Руси“ (1885), „Комитетъ министровъ въ началѣ царствованія Александра I“ (1889 г.), печатнаго курса „Лекцій по внѣшней исторіи русскаго права“ (изд. 1888 и 1889 г.г.), „Проекта новаго уложенія 1754—1766 гг.“, (1893 г.) и др. трудовъ. Въ высшей степени почетное мѣсто сохранятъ въ лѣтописяхъ Петербургскаго университета имена профессоровъ: полицейскаго права—И. Е. Андреевскаго († 1891 г.) и государственнаго права — А. Д. Градовскаго († 1889 г.). *И. Е. Андреевскій*, составитель руководствъ русскаго государственнаго права (1886) и полицейскаго права (2 тома, 1871—1874 г.г.), заключающихъ въ себѣ множество историческихъ указаній, оставилъ по себѣ и нѣсколько капитальныхъ изслѣдованій въ области исторіи русскаго права, какъ то: „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ“ (1855), „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ“ (1864), „О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія на престолъ Іоанна III“ и нѣк. др. *А. Д. Градовскій*, кромѣ курса русскаго государственнаго права (томы I, II и первая часть III, 1875—1883), обильнаго ссылками и указаніями на исторію предмета, является авторомъ цѣнныхъ изслѣдованій: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“

(1768), „Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генералъ-прокуроры“ (1866) и др., вошедшихъ, отчасти, въ изданный имъ сборникъ: „Политика, исторія и администрація“ (1871).

Изъ современныхъ профессоровъ Петербугскаго университета представляютъ значительный интересъ труды: профессора церковнаго права прот. *М. И. Горчакова* („Монастырскій приказъ“, 1868 г., „О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода“, 1871 г.) и профессора уголовнаго права *Н. Д. Сергѣевскаго* („Наказаніе въ русскомъ правѣ XVIII вѣка“, 1888 г., „Проекъ уголовнаго Уложенія 1754—1766 гг.“, 1882 г., а также автора ряда другихъ работъ по исторіи уголовнаго права).

Въ университетѣ Св. Владиміра представителями науки русской исторіи являются: В. С. Иконниковъ и В. Б. Антоновичъ. *В. С. Иконниковъ*, кромѣ ряда историческихъ монографій и статей (упомянемъ: „Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“, 1869, „Арсеній Мацѣевичъ“, 1879, „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, 1873, „Кто былъ первый Самозванецъ?“, 1865 г., „Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени“, 1889), пользуется извѣстностью выдающагося библіографа—и въ этой области труды его увѣнчались началомъ колоссальнаго труда: „Опытъ русской исторіографіи“ (Томъ I, книги 1-я и 2-я, Кіевъ, 1891—92, стр. 1539 + CCCLXXI + 149), которому суждено служить настольною книгою даже и въ настоящемъ, еще незаконченномъ, видѣ, для всякаго, занимающагося тою или другою отраслью историческаго знанія. *В. Б. Антоновичъ* направляетъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, на изслѣдованіе исторіи Литовской и юго-западной Руси („Исторія великаго княжества Литовскаго“, 1878, „Изслѣдованіе о городахъ юго-западной Россіи“, 1870, „О крестьянахъ юго-западной Россіи“, 1870 г. и др.). Русскую же исторію началъ читать въ Кіевѣ въ званіи приватъ-доцента, нынѣ профессоръ, *П. В Голубовскій*, занимающійся, главнымъ образомъ, изученіемъ исторіи инородческихъ племенъ (хазаръ, болгаръ, печенѣговъ, половцовъ, торковъ), имѣющихъ соотношеніе къ древней русской исторіи. Изъ представителей историческаго знанія въ Кіевскомъ университетѣ мы должны упомянуть профессора всеобщей исторіи *И. В. Лучицкаго*, труды котораго въ области литовско - рус-

ской исторіи („Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в.“, 1882, „Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Полтавской губ. въ XVIII в.“, 1883, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общественныхъ земель и угодій въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в.“, 1884, „Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII в.“, 1884, „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи“, 1889 и др.) представляютъ несомнѣный интересъ и для исторіи русскаго права.

Переходя къ профессорамъ-юристамъ Кіевскаго университета, мы должны помянуть покойнаго *Н. Д. Иванишева* († 1874 г.), читавшаго здѣсь въ 40-хъ—60-хъ годахъ законы государственнаго благоустройства и извѣстнаго своими трудами въ области сравнительно-историческаго изученія славянскаго права и исторіи юго-западнаго края („О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, въ сравненіи съ германскою вирою“, 1840 г., „Древнее право чеховъ“, 1830 г., „Идея личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ“, 1842 г., „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи, 1857 г., и др.), вошедшими въ посмертное изданіе его „Сочиненій“ (Кіевъ, 1876 г.); Иванишевъ является первымъ русскимъ ученымъ, обратившимъ серьезное вниманіе на необходимость внесенія сравнительно-историческаго метода въ изученіе древняго славянскаго права, вообще, и русскаго, въ частности.

Кафедру исторіи русскаго права съ 1875 года занимаетъ въ Кіевскомъ университетѣ профессоръ *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, переведенный сюда изъ Ярославскаго Демидовскаго Лицея, авторъ многочисленныхъ изслѣдованій и монографій въ области нашей науки, превосходно составленной и комментированной „Христоматіи по исторіи русскаго права“ (три выпуска, Ярославль и Кіевъ, разл. изданія 1872—1889 г.г.) и „Обзора исторіи русскаго права“ (сокращенное изложеніе курса, изданія 1886 и 1888 г.г.). Изъ отдѣльныхъ трудовъ проф. Владимірскаго-Буданова мы отмѣтимъ: „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“ (1868), „Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка“ (1874), „Литовскій статутъ и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича“ (1877), „Неизданные законы юго-западныхъ славянъ“ (1881) г.), „Задружная теорія и древне-русское землевладѣніе“ (1884 г.), „Очерки изъ исторіи литовско-рус-

скаго права“ (1890) и др. Приватъ-доцентомъ при кафедрѣ исторіи русскаго права состоитъ здѣсь же молодой ученый *М. Н. Ясинскій*, авторъ изслѣдованія „Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства“ (1889), курса „Лекцій по внѣшней исторіи русскаго права“ (1898) и одинъ изъ участниковъ дѣла составленія описей актовыхъ книгъ кіевскаго центральнаго архива.

Кафедру государственнаго права занимаетъ въ Кіевѣ профессоръ *А. В. Романовичъ-Славатинскій*, авторъ капитальнаго труда: „Дворянство въ Россіи“ (1870), изслѣдованій: „Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія губерній 1775 года“ (1859) „Государственная дѣятельность графа Сперанскаго“ (1873) и „Системы русскаго государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи“ (часть I, 1886).

Въ Харьковскомъ университетѣ наука русской исторіи имѣетъ своими представителями профессоровъ Д. И. Багалѣя и П. Н. Буцинскаго. *Д. И. Багалѣй* обращаетъ свои изслѣдованія, преимущественно, на исторію колонизаціи и на прошлое южной украйны русскаго государства („Къ исторіи заселенія степной окраины Московскаго государства“, 1886, „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства въ XVI—XVIII столѣтіяхъ“, 1886, „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства“, 1887, „Магдебургское право въ лѣвобережной Украйнѣ“ (1892), „Украинская старина“, 1896, и др., а въ настоящее время выступаетъ въ качествѣ исторіографа Харьковскаго университета, въ виду приближающагося столѣтія его существованія („Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, т. I (1802 — 1815 г.г., X. 1892 — 1898). Аналогичный характеръ носитъ и научная дѣятельность *П. Н. Буцинскаго* („Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ его насельниковъ“, 1889).

Кафедру исторіи русскаго права до 1890 г. занималъ въ Харьковскомъ университетѣ профессоръ *И. И. Дитятинъ*, переведенный отсюда въ Дерптъ, гдѣ, послѣ непродолжительной душевной болѣзни, даровитый труженикъ науки нашелъ себѣ въ концѣ 1892 г. преждевременную могилу. Научная дѣятельность Дитянина представляется замѣчательно плодовитою и разностороннею. Писалъ покойный ученый и объ „Ека-

териненской коммиссіи 1767 г. для сочиненія проекта новаго Уложенія“ (1879 г.), и объ „Исторіи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ 1785 года“ (1885 г.), и о земскихъ соборахъ („Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства“, 1880 г., и „Къ вопросу о земскихъ соборахъ“, 1883), и о „Верховной власти въ Россіи XVIII столѣтія“ (1881 г.),—но самыми капитальными трудами Дитятина являются два изслѣдованія по исторіи городовъ въ Россіи: „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи: города Россіи въ XVIII столѣтіи“ (1875) и „Городское самоуправленіе въ Россіи: судьба Екатерининскаго городоваго положенія до 1870 года“ (1877). Нѣкоторыя работы покойнаго Дитятина вошли въ посмертное изданіе: „Статьи по исторіи русскаго права“ (1896).

Преемникомъ Дитятина явился профессоръ *И. М. Собѣстіанскій* († 8 дек. 1895 г.), выступившій представителемъ сравнительно-славянскаго направленія въ области нашей науки, какъ показываетъ это самое содержаніе его работъ: „Взглядъ славянскихъ ученыхъ на институтъ круговой поруки“ (1885 г.), „Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства“ (1886 и 1888) и, наконецъ, послѣдній трудъ его: „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“ (1892). Въ настоящее время кафедра исторіи русскаго права занята здѣсь приватъ-доцентомъ *Н. Максимейко* (авторомъ изслѣдованія: „Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута“, 1894, и вступительной лекціи: „Сравнительное изученіе исторіи права“, 1898).

Въ Новороссійскомъ университетѣ русскую исторію читаютъ два профессора: *Г. И. Перетятковичъ*, авторъ двухъ весьма солидныхъ трудовъ по исторіи Поволжья („Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ“, 1877, и „Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка“, 1882), и (съ 1896 г.) *И. А. Линниченко*, преимущественно посвящающій свои труды исторіи юго-западной Руси и Польши („Вѣче въ Кіевской области“, 1881, „Взаимныя отношенія Руси и Польши“, 1884, „Архивы въ Галиціи“, 1888, „Критическій обзоръ литературы по исторіи Галицкой Руси“, 1891, „Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной Руси“, 1894, и др.). Кафедра русской исторіи имѣетъ здѣсь и двухъ приватъ-доцентовъ—*П. А.*

Иванова („Историческія судьбы Волынской земли съ древн. временъ до конца XIV в.“, 1895) и *А. Е. Бѣлюгова*. Изъ предшествовавшихъ одесскихъ профессоровъ исторіи укажемъ *А. И. Маркевича* („Юрій Крижаничъ“, 1876, „Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ“, 1879, „Григорій Котошихинъ и его сочиненіе“, 1895, и нѣк. др. труды) и *Ѳ. К. Бруна* († 1882 г.), спеціализировавшагося на изученіи древнѣйшей исторіи сѣвернаго Черноморскаго побережья (сборникъ „Черноморье“, 1879).

Съ самаго преобразованія Одесскаго университета изъ бывшаго Ришильевскаго лицея, кафедру исторіи русскаго права занималъ здѣсь до 1891 года профессоръ *Ѳ. И. Леонтовичъ*, являющійся непосредственнымъ продолжателемъ Н. Д. Иванишева въ дѣлѣ разработки исторіи сравнительно-славянскаго права. Въ послѣднемъ отношеніи должны быть отмѣчены слѣдующіе труды Ѳ. И. Леонтовича: „Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права“ (1865 г.), „О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ“ (1867 г.), „Древнее хорвато-далматское законодательство“ (1868 г.), „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи“ (1874 г.) и интересный трудъ: „Старый земскій обычай“ (1889), представляющій собою цѣнный сводъ данныхъ о древнѣйшемъ славянскомъ обычномъ правѣ. Изъ работъ Ѳ. И. Леонтовича въ области исторіи русско-литовскаго права укажемъ: „Русская Правда и Литовскій Статутъ“ (1865 г.), „Источники русско-литовскаго права“ (1894 г.), „Очерки исторіи литовско-русскаго права“, (1894), „Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“ (1896—97 г.), „Сельскіе промышленники въ литовско-русскомъ государствѣ“ (1897). Затѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ изслѣдованій въ области изученія исторіи права русскихъ инородцевъ („Къ исторіи права русскихъ инородцевъ: древній монголо-калмыцкій или Ойратскій уставъ взысканій“, 1879, „Калмыцкое право: Уложеніе 1822 года“, 1880, „Адаты кавказскихъ горцевъ“, 1883), проф. Леонтовичъ въ 1869 г. предпринялъ попытку изданія курса „Исторіи русскаго права“, построеннаго на широкомъ приложеніи сравнительно-историческаго метода, но эта попытка не пошла далѣе перваго выпуска (1869), не исчерпавшаго

даже введенія въ науку. Преемникомъ Ѳ. И. Леонтовича явился профессоръ *В. В. Сокольскій*, авторъ работъ: „О договорахъ Олега съ греками“ (1870), „Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска“ (1871), „О значеніи вѣщателей права въ первобытныхъ обществахъ“ (1875), „Къ ученію объ организаціи семьи и родства въ первобытныхъ обществахъ“ (1881 г.) и нѣкот. др. До начала 80-хъ годовъ профессоръ *В. В. Богишичъ*, — авторъ ряда работъ по исторіи славянскаго права и составитель Черногорскаго уложенія, — читалъ въ Одесскомъ университетѣ исторію славянскихъ законодательствъ.

Въ Варшавскомъ университетѣ кафедра русской исторіи раздѣляется между профессорами *Д. В. Цвѣтаевымъ*, дѣятельность котораго направлена, главнымъ образомъ, на изслѣдованіе положенія иностранцевъ и иностранныхъ исповѣданій въ Россіи („Положеніе протестантовъ въ Россіи до временъ Петра Великаго“, 1883, „Обрусѣніе иноземцевъ-протестантовъ въ Московскомъ государствѣ“, 1886, „Иностранцы въ Россіи въ XVI — XVII вѣкахъ“, 1887, „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій“, 1890, „Къ исторіи изученія вопроса объ иностранцахъ въ Россіи“, 1891, „Медики въ Московской Россіи и первый русскій докторъ“, 1896, и др.) и *И. П. Филевичемъ*, авторомъ изслѣдованія: „Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Волынское наслѣдіе“ (1890), „Угорская Русь и связанные съ нею вопросы и задачи русской историч. науки“, 1894, и перваго тома „Исторіи древней Руси“ (Населеніе и Территорія, 1896).

Исторію русскаго права по 1892 годъ читалъ въ Варшавскомъ университетѣ профессоръ *Д. Я. Самоквасовъ*, въ этомъ году назначенный на должность управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи, съ перемѣщеніемъ на его кафедру, изъ Одессы, профессора Леонтовича. Особенность Варшавскаго университета составляетъ то, что здѣсь имѣется кафедра исторіи славянскихъ законодательствъ, замѣщенная профессоромъ *Ѳ. Ѳ. Зигелемъ*, авторомъ нѣсколькихъ цѣнныхъ работъ въ области сравнительно—славянскаго права.

Въ Юрьевскомъ университетѣ (бывшемъ Дерптскомъ) русскую исторію до 1891 года читалъ профессоръ *Г. А. Брикнеръ* († 1896 г.), извѣстный изслѣдованіями о Посош-

ковѣ и Юріѣ Крыжаничѣ, объ Екатериненской коммиссіи 1767 г., популярными иллюстрированными исторіями Петра I и Екатерины II и рядомъ монографій въ области XVIII-го столѣтія. Въ настоящее время преподаваніе русской исторіи въ Юрьевскомъ университетѣ ведетъ профессоръ *Е. Ф. Шмурло*, авторъ трудовъ: „Петръ Великій въ русской литературѣ“ (Спб. 1889), „Письма и бумаги Петра Великаго“ (Томъ I—II, Спб. 1887—1889) и нѣсколькихъ журнальныхъ работъ и замѣтокъ.

Представителями историко-юридическаго знанія въ Юрьевскомъ университетѣ являются: маститый профессоръ русскаго гражданскаго права *И. Е. Энгельманъ* (авторъ выдающихся трудовъ: „Гражданскіе законы Псковской Судной Грамоты“ Спб. 1858) и „О давности по русскому гражданскому праву, историко-догматическое изслѣдованіе“, Спб. 1868), профессоръ исторіи русскаго права *М. А. Дьяконовъ*, весьма удачно выступившій въ наукѣ съ своей монографіею: „Власть Московскихъ государей“ (Спб. 1889) и авторъ нѣсколькихъ другихъ работъ историческаго и историко-литературнаго характера, и профессоръ государственнаго права *А. Н. Филлиповъ*, авторъ нѣсколькихъ статей по обычному праву и весьма солиднаго изслѣдованія: „О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою“ (М. 1891), а въ настоящее время начавшій печатаніемъ, въ Ученыхъ Запискахъ Юрьевскаго университета, свое изслѣдованіе: „Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета“, которое явится, такимъ образомъ, прямымъ продолженіемъ уже упомянутаго нами выше труда С. А. Петровскаго.

Намъ остается еще разсмотрѣть судьбы историческаго знанія въ Казанскомъ университетѣ. Кафедру русской исторіи съ конца 1839 по 1856 годъ занималъ здѣсь профессоръ *Н. А. Ивановъ* († 1869 г.), въ этомъ послѣднемъ году перемѣщенный въ Дерптъ, гдѣ профессура его продолжалась всего лишь три года. Ивановъ былъ ближайшимъ участникомъ, если не всецѣлымъ авторомъ, извѣстнаго, приписываемаго Ѳ. Булгарину, труда: „Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ“ (6 томовъ, Спб. 1837—38), представляющаго собою попытку изложенія русской исторіи сравнительно съ обще-европейскою исторіею, вообще, и славянскою, въ частности, а также авторомъ двухъ монографій о русскихъ лѣтописяхъ и хроногра-

фахъ („Краткій обзоръ русскихъ временниковъ“ и „Общее понятіе о хронографахъ“, Учен. Зап. Казанск. унив. за 1843 г.); въ началѣ 1844 г. проф. Ивановъ читалъ въ Казани серію публичныхъ лекцій „О Петрѣ Великомъ“, въ свое время появлявшихся in extenso въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Послѣ Иванова, съ 1856 по 1861 годъ, кафедру русской исторіи преемственно занимали въ Казанскомъ университетѣ: *С. В. Ешевскій* (труды его собраны въ его „Сочиненіяхъ“, части I—III, М. 1870—71), *Н. А. Поповъ* (см. выше: Московскій у-тъ) и *А. П. Щаповъ*, извѣстный своими изслѣдованіями въ области исторіи русскаго раскола старообрядчества („Русскій расколъ старообрядчества“, К. 1859, „Земство и расколъ“, Спб. 1862 г.), въ которыхъ онъ проводитъ собственный взглядъ на это явленіе русской жизни, въ области общаго культурнаго развитія русскаго народа („Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“, Спб. 1870, и др. статьи его) и внесеніемъ въ изученіе русской исторіи земско-областнаго начала („Великорускія области и смутное время“, Отеч. Зап. 1861 г., „Городскіе мірскіе сходы, историческій очеркъ древне-русскихъ вѣчей“, Вѣкъ за 1862 г. и др).

Съ 1861 г.,—года увольненія Щапова,—кафедру русской исторіи въ теченіи 32-хъ лѣтъ занимаетъ въ Казанскомъ университетѣ профессоръ *Н. А. Ѳирсовъ*, обращавшій свои научныя занятія, преимущественно, на изученіе исторіи колонизаціи и положенія инородцевъ сѣверо-восточной Росссіи, придавая имъ тѣмъ самымъ мѣстно-областное направленіе („Обзоръ внутренней жизни инородцевъ передъ вступленіемъ ихъ въ составъ Московскаго государства“, въ Уч. Зап. Казан. унив. за 1864 г., „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ“, К. 1866, и „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація Закамскихъ земель“, К. 1869). Во второй половинѣ 60-хъ годовъ трудъ преподаванія русской исторіи раздѣлялъ съ Ѳирсовымъ профессоръ *Н. Я. Аристовъ* (впослѣдствіе профессоръ Варшавскаго и Харьковскаго у-въ, а затѣмъ инспекторъ Нѣжинскаго лицея), авторъ трудовъ: „Промышленность древней Руси“ (Спб. 1866), „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи“ (Варш. 1871), „О землѣ Половецкой“ (Кіевъ, 1877), „Первыя времена хри-

стіанства въ Россіи“ (Спб. 1888) и многихъ другихъ монографій и статей.

Съ 1872 года началъ чтеніе своихъ лекцій въ Казанскомъ университетѣ по кафедрѣ русской исторіи (первоначально въ званіи доцента) профессоръ *Д. А. Корсаковъ*, авторъ интереснаго этно-археолого-историческаго изслѣдованія: „Меря и Ростовское княжество, очерки изъ исторіи Ростовско-Суздальской земли“ (К. 1872), труда: „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны“ (К. 1880), актовой рѣчи: „Объ историческомъ значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на востокъ“ (К. 1889) и цѣлаго ряда монобіографическихъ работъ въ области исторіи XVIII вѣка („Артемій Петровичъ Волынскій“ и др.), отчасти собранныхъ въ книгѣ проф. Корсакова: „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“ (К. 1891). Слѣдуетъ упомянуть и труды приватъ-доцента Казанскаго университета (фактически къ чтенію лекцій не приступавшаго по настоящее время), *Н. П. Лихачева*: „Разрядные дьяки XVI-го вѣка“ (Спб. 1888) и „Бумага и бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ (Спб. 1891).

Историко-юридическая наука, если не принимать въ соображеніе нѣсколькихъ сомнительнаго свойства работъ болѣе ранняго времени, изъ которыхъ пріятное исключеніе составляетъ изслѣдованіе *А. Г. Станиславскаго*: „Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества“ (К. 1842), возникла въ Казанскомъ университетѣ лишь съ 50-хъ годовъ. Въ первый годъ этого десятилѣтія появилось здѣсь довольно обстоятельное для своего времени изслѣдованіе *Н. Янишевскаго*: „О расходахъ на государственную защиту въ Россіи до конца XVII столѣтія“ (Учен. Зап. у-та за 1850 г.), а вслѣдъ затѣмъ появляются весьма солидные труды: профессора финансоваго права *Е. Г. Осокина*: „Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи“ (К. 1850), „О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи“ (К. 1856), и кандидата *А. И. Вицына*: „Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра Великаго до изданія общаго учрежденія министерствъ“ (К. 1855). Въ 1855 году *Д. И. Мейеръ*, бывшій въ то время профессоромъ гражданскаго права въ Казани, издалъ „Юридическій Сборникъ“ (К. 1855), въ которомъ былъ помѣщенъ цѣлый рядъ историко-юридическихъ трудовъ нѣкоторыхъ преподавателей и кандидатовъ Казанскаго университета, а именно слѣдующихъ:

Чеглокова П.—„Объ органахъ судебной власти въ Россіи до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича“, Кури В.— „О прямыхъ налогахъ въ древней Руси“, Станиславскаго А.— „Изслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнихъ памятникахъ русскаго законодательства“, Мейера Д.—„Древнее русское право залога“ и „Юридическія изслѣдованія относительно торговаго быта Одессы“, Капустина С.—„Древнее русское поручительство“, Бржозовскаго О.— „Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части“, Киндякова К.—„Опытъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ Актахъ Юридическихъ“, Чулкова М.—„Исторія законодательства о табачной промышленности въ Россіи до Екатерины II“ и Осокина Е.—„Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права“.

Съ 1861-го года началъ чтеніе лекцій по исторіи русскаго права, а затѣмъ занялъ и кафедру этого предмета въ Казанскомъ университетѣ, *С. М. Шпилевскій.* Уже первый годъ ученой службы здѣсь С. М. Шпилевскаго ознаменовался появленіемъ въ свѣтъ замѣчательной для своего времени актовой рѣчи его: „Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства“ (К. 1862); впрочемъ уже до того у г. Шпилевскаго имѣлись двѣ весьма основательныя работы: „О благоустройствѣ по Уложенію и современнымъ ему памятникамъ“ (Временникъ М. Общ. Ист. и Др., кн. 24-я, за 1856 г.) и „Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Ивана IV“ (Юрид. Журн. Салманова за 1861 г.). Первое время ученой дѣятельности проф. Шпилевскаго въ Казани было посвящено работамъ въ области сравнительно-славянской исторіи права, которыя и отлились у него въ два изслѣдованія: „Союзъ родственной защиты у древнихъ славянъ и германцевъ“ (К. 1866) и „Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ“ (К. 1869), но впослѣдствіе проф. Шпилевскій увлекся изученіемъ мѣстной исторіи и археологіи, результатомъ чего и явились нѣсколько статей и публичныхъ чтеній, а также капитальный трудъ: „Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“ (К. 1877). Съ 1875 года чтеніе лекцій раздѣлялъ съ проф. Шпилевскимъ (до 1878 г. въ званіи приватъ-доцента) пишущій эти строки, а съ 1885 г., съ перемѣщеніемъ перваго на должность директора

Демидовскаго лицея, занялъ эту кафедру самостоятельно. Авторъ настоящей книги, по причинамъ, вполнѣ понятнымъ, отклоняетъ отъ себя какую бы то ни было характеристику своей собственной скромной научной дѣятельности.

Представленный нами очеркъ развитія русской исторіографіи, въ связи съ развитіемъ русской историко-юридической науки, и обзоръ современнаго положенія этихъ отраслей знанія въ нашемъ отечествѣ — весьма далеки отъ претензіи полнаго и всесторонняго изложенія этихъ вопросовъ, которое потребовало бы самостоятельнаго и весьма обширнаго труда. Этотъ очеркъ и этотъ обзоръ претендуютъ лишь на скромное пропедевтическое значеніе въ общей послѣдовательности дальнѣйшаго изложенія предпринятаго нами. Мы не коснулись огромнаго количества научныхъ дѣятелей и отдѣльныхъ изслѣдованій и работъ въ области русскаго историческаго и историко-юридическаго знанія, разсчитывая дѣлать на нихъ указанія въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ нашего труда.

Смѣемъ думать, что даже предложенный нами общій очеркъ русской исторіографіи способенъ дать представленіе о весьма значительномъ развитіи такихъ сравнительныхъ еще юныхъ отраслей знанія, какъ русская исторія, вообще, и исторія русскаго права, въ частности.

Ростъ литературы русскаго историческаго знанія идетъ быстрыми шагами впередъ и не представляется возможнымъ сколько нибудь обстоятельно прослѣдить его въ предѣлахъ, намѣченныхъ нашимъ настоящимъ трудомъ. Дѣятельность правительственныхъ установленій, ученыхъ и учебныхъ учрежденій, спеціальныхъ коммиссій и комитетовъ, архивовъ, работы ученыхъ обществъ, журнальная дѣятельность и труды отдѣльныхъ лицъ—не перестаютъ обогащать собою русскую исторію и исторію русскаго права.

Каждый, желающій болѣе детальнымъ образомъ познакомиться съ русскою историческою и историко-юридическою литературою, можетъ обратиться къ слѣдующимъ общимъ трудамъ и пособіямъ по исторіографіи и библіографіи [1]):

---

[1]) Излагаются въ хронологическомъ порядкѣ своего появленія въ свѣтъ.

А) Въ области русскаго историческаго знанія, вообще.

1) *Строевъ П.* — Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія, до начала XVIII столѣтія (Ж. М. Нар. Пр. 1834, ч. I).

2) *Старчевскій А.*—Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина (Спб. 1845).

3) *Веселовскій К.*—Историческое обозрѣніе трудовъ Академіи Наукъ на пользу Россіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ (Спб. 1865).

4) *Иконниковъ В.*—Очеркъ разработки русской исторіи въ XVIII вѣкѣ (Харьк. 1867).

5) *Его-же.* — Общій взглядъ на развитіе науки русской исторіи (Кіев. Ун. Изв. 1868, № 10).

6) *Лашнюковъ И.*—Очерки русской исторіографіи и исторіи (Кіев. Ун. Изв. 1869, № 8, 1872, №№ 4—6, 9).

7) *Бестужевъ-Рюминъ К.* — Научная обработка русской исторіи (X-ая глава введенія въ первый томъ его „Русской исторіи", Спб. 1872).

8) *Иконниковъ В.*—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 г.г. (Русск. Старина 1880, а также отдѣльно).

9) *Кояловичъ М.*—Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ (Спб. 1884).

10) *Полетаевъ Н* — Разработка русской исторической науки въ первой половинѣ XIX столѣтія (Спб. 1892).

11) *Иконниковъ В.*—Опытъ русской исторіографіи (Кіевъ, 1891—1892, двѣ книги перваго тома).

Б) Въ области исторіи русскаго права.

1) *Морошкинъ Ѳ.*—Обзоръ литературы исторіи русскаго права, въ предисловіи къ переводу сочиненія Рейца: „Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ" (М. 1836).

2) *Станиславскій А.*—Систематическій указатель сочиненій юридическаго характера, изданныхъ въ Россіи съ 1830 по 1852 г. (Ж. М. Нар. Пр. 1853 г.).

3) *Мулловъ П.*, *Пискаревъ И.*, *Андреевскій И. и Горбуновъ А.* — Указатель матеріаловъ и изслѣдованій по исторіи

русскаго права, изданныхъ до 1856 года (Архивъ истор. и практич. свѣдѣній о Россіи, издав. Калачовымъ, 1859, кн. 6).

4) Тоже, съ 1856 по 1860 годъ (тамъ же, 1860—61 г., кн. 6).

5) *Пфафъ В.*—Систематическій каталогъ книгъ на русскомъ языкѣ Императорской публичной библіотеки по части правовѣдѣнія (Спб. 1863).

6) *Межовъ В.*—Библіографическій указатель книгъ и статей по части правовѣдѣнія, съ 1859 по 1867 г.г. (Журн. Мин. Юст. 1864, т. XX, № 4, 1865, т. XXV, № 4, 1866, т. XXIX, № 7, 1867, т. XXXIV).

7) *Его-же.*—Литература русскаго правовѣдѣнія за 1859—1866 г.г. (Спб. 1867).

8) *Самоквасовъ Д.*—Обозрѣніе литературы исторіи русскаго права, въ его „Исторіи русскаго права“ (Томъ I, глава 1-я и 2-я, Варш. 1878 г.).

9) *Милюковъ П.*—Юридическая школа въ русской исторіографіи: Соловьевъ, Кавелинъ, Чичеринъ, Сергѣевичъ (Русск. Мысль, 1886 г., № 6).

10) *Поворинскій А.*—Систематическій указатель русской литературы по гражданскому праву (Спб. 1886).

11) *Загоскинъ Н.* — Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. Библіографическій указатель (Каз. 1891).

12) *Шершеневичъ Г.*—Наука гражданскаго права въ Россіи (Каз. 1893).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОСТЕПЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА, КАКЪ НАУКИ, И СОВРЕМЕННАЯ ЕЯ ПОСТАНОВКА.

ГЛАВА I.

Русское историко-юридическое знаніе до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія.

Эпоха до-Петровская.—Заботы Петра I и Анны Іоанновны о насажденіи въ Россіи юридическаго знанія. — Татищевъ и его открытія.—Историческая наука и общество во второй четверти XVIII вѣка.—Струбе де Пирмонтъ.—Вѣкъ Екатерины II.—Значеніе Московскаго университета въ дѣлѣ развитія русской юриспруденціи.—Первые ученые русскіе юристы.—Десницкій и его послѣдователи.—Первая четверть XIX столѣтія благопріятствуетъ развитію у насъ историко-юридическаго знанія.—Зарожденіе исторіи русскаго права, какъ науки.—Эверсъ и его «Древнѣйшее русское право».—Рейцъ и его «Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ».—Посылка за-границу молодыхъ русскихъ юристовъ и результаты этой мѣры. — Русская историко-юридическая наука становится на твердую почву своей разработки.

Наука исторіи русскаго права—наука совсѣмъ молодая, не насчитывающая еще и трехъ четвертей вѣка своего существованія. Мы видѣли, что въ теченіи всего XVIII и первой четверти XIX столѣтій о самостоятельной научной постановкѣ исторіи русскаго права не можетъ еще идти и рѣчи, что зачатки русскаго историко-юридическаго знанія совершенно заслонялись въ ту пору развивающеюся наукою общей русской исторіи. Да врядъ-ли можетъ идти до конца XVIII вѣка рѣчь и о русской наукѣ правовѣдѣнія, вообще.

Зарожденіе на Руси юриспруденціи — явленіе позднее, непосредственно связанное съ основаніемъ Московскаго университета (1755 г.), въ которомъ уже съ самаго начала учреждается юридическій факультетъ съ тремя каѳедрами: а) Натуральныхъ и народныхъ правъ, съ узаконеніями римской, древней и новой исторіи, б) Юриспруденціи россійской и в) Политики. Нельзя, однако, сказать, что бы не встрѣчалось и болѣе раннихъ попытокъ ввести у насъ обученіе правовѣдѣнію, хотя эти попытки и носили узкій и совершенно примитивный характеръ. Извѣстно, что еще царь Іоаннъ IV Васильевичъ издалъ узаконеніе, обязывавшее священниковъ заводить при домахъ своихъ училища, въ которыхъ преподавались бы законъ Божій и законъ градскій.

Болѣе широкія попытки къ насажденію въ Россіи правовѣдѣнія сдѣланы были Петромъ Великимъ. Преобразователь Россіи, совершая свои реформы, всегда сталкивался съ весьма ощутительнымъ препятствіемъ въ дѣлѣ проведенія въ жизнь своихъ предначертаній: это препятствіе сводилось къ недостатку въ людяхъ, способныхъ быть надежными проводниками его начинаній, такъ какъ Московская Русь не выработала правовѣдовъ, а развѣ только казуистовъ, которые, по подлинному выраженію Петра, законами „играли, какъ въ карты, подбирая масть къ масти“ и учиняя „всякія мины подъ фортецію правды“. Нужно было найти людей, свѣдущихъ „въ правостяхъ“, для занятія должностей во вновь заводимыхъ Петромъ государственныхъ установленіяхъ. Съ этою цѣлью Петръ обращаетъ взоры свои на чужіе края, откуда почерпнуты были преобразователемъ Россіи и самыя начала его реформъ. Еще въ 1715 г., задумавъ учредить коллегіи и озабочиваясь подборомъ ихъ будущаго личнаго состава, Петръ поручилъ генералу Вейде пригласить изъ Ливоніи иноземныхъ ученыхъ и „въ правостяхъ (т. е. правахъ) искуссныхъ людей“, а если въ Ливоніи таковыхъ не сыщется, то выписать ихъ „изъ заморскихъ академій“. Этимъ путемъ служащихъ Петру добыть не удалось, поэтому въ концѣ того же года онъ поручаетъ Веселовскому, русскому резиденту при австрійскомъ дворѣ, сыскать въ русскую службу людей изъ „шрейберовъ или изъ иныхъ не гораздо высокихъ чиновъ“, а когда и эти мѣры не привели къ желаемому результату, тогда царь сталъ наби-

рать людей для службы въ своихъ коллегіяхъ изъ водворенныхъ въ Сибири шведскихъ военноплѣнныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ заботился и о приготовленіи гражданскихъ служащихъ и „въ правостяхъ искуссныхъ" людей дома, въ Россіи, изъ русскихъ людей, — заботился о насажденіи у насъ хотя бы элементарныхъ началъ правовѣдѣнія. Въ 1715 г. Петръ предписываетъ своему послу при вѣнскомъ дворѣ достать ему двѣ книги: „Лексиконъ универсалисъ", изданный въ Лейпцигѣ, такой же „Лексиконъ универсалисъ, въ которомъ есть всѣ художества", лондонскаго изданія, и „книгу юриспруденціи", подрядивъ кого нибудь для перевода этой послѣдней на русскій языкъ. Особенною любовью Петра пользовался трактатъ Пуффендорфа: „De officiis hominis et civis", который переводился на русскій языкъ и печатался подъ личнымъ наблюденіемъ царя. По Пуффендорфу, а также по Гуго Гроцію и Домату, изучалъ юриспруденцію царевичъ Алексѣй Петровичъ. Съ цѣлью обученія ихъ наукамъ, а въ числѣ послѣднихъ и правовѣдѣнію, Петръ посылалъ русскихъ молодыхъ людей въ чужіе края,—въ университеты Парижскій, Кенигсбергскій, Галльскій и Пражскій,— а въ планѣ учрежденія у насъ, при Академіи Наукъ, университета, намѣтилъ въ числѣ предметовъ въ немъ политику, этику и право натуры; извѣстно, что изъ числа посланныхъ Петромъ за-границу, для обученія, молодыхъ русскихъ людей вышелъ и В. Н. Татищевъ, имя котораго неразрывно связано съ зарожденіемъ у насъ историко-юридическаго знанія. Съ тою же цѣлью при коллегіяхъ заведены были особые практическіе курсы, на которыхъ молодые люди,—такъ называвшіеся „юнкера коллегій",—подготовлялись, подъ руководствомъ секретарей, къ гражданской службѣ.

Мѣры къ насажденію у насъ правовѣдѣнія принимались и при ближайшихъ преемникахъ Петра I. Такъ, при учрежденіи въ 1731 году императрицею Анною Іоанновною Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса, въ числѣ предметовъ преподаванія въ немъ указана и юриспруденція,—„понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, такожъ въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе", а въ 1737 году повелѣно было распредѣлить находящихся въ столицѣ дворянскихъ недорослей между сенатомъ, коллегіями и канцеляріями, для подготовки къ служ-

бѣ и для обученія наукамъ „къ шляхетству и гражданству пристойнымъ“, а въ числѣ ихъ—„законамъ и правамъ государственнымъ“ [1]).

Въ такомъ видѣ представляется, совершенно эмбріональное, состояніе на Руси правовѣдѣнія вплоть до основанія Московскаго университета. Понятно, что если не было у насъ въ ту пору науки права, то тѣмъ менѣе могла существовать исторія права. Слѣдуетъ, однако же, сознаться, что уже въ XVIII вѣкѣ начинаетъ слагаться матеріалъ, изъ котораго впослѣдствіе суждено было образоваться фундаменту нашей науки. Въ людяхъ науки не малый интересъ должно было возбудить къ минувшимъ судьбамъ русской правовой жизни открытіе памятниковъ этой послѣдней, во главѣ которыхъ должны быть поставлены двѣ въ высшей степени важныя находки, сдѣланныя во второй четверти XVIII вѣка извѣстнымъ историкомъ нашимъ В. Н. Татищевымъ. Это—открытіе имъ, въ одной Новгородской лѣтописи, списка Русской Правды и, у одного частнаго лица, списка Судебника царя Іоанна IV Васильевича (въ 1734 г.), поднесеннаго Татищевымъ, въ качествѣ „вещи дивной“, императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Эти двѣ драгоцѣнныя находки не были оставлены втунѣ. Татищевъ сдѣлалъ „съ крайней прилежностью“ копію съ найденнаго имъ списка Русской Правды и, снабдивъ ее переводомъ и комментаріями, представилъ свою рукопись въ 1738 г. въ Академію Наукъ, а въ 1767 г. появилось въ свѣтѣ и первое печатное изданіе этого памятника, предпринятое Шлецеромъ. Еще болѣе тщательной обработкѣ подвергъ Татищевъ открытый имъ списокъ Судебника Іоанна IV. Добывъ еще нѣсколько списковъ этого памятника, сличивъ ихъ и присовокупивъ къ нимъ дополнительные къ Судебнику указы, Татищевъ раздѣлилъ весь полученный имъ сводъ на 173 статьи, сдѣлалъ къ нему многочисленныя поясненія и примѣчанія и представилъ и этотъ трудъ на усмотрѣніе Академіи Наукъ, гдѣ онъ пролежалъ до 1768 года прежде, нежели появился въ этомъ году въ печати, одновременно съ другимъ изданіемъ того же памятника, сдѣланнымъ С. Башиловымъ. Въ высшей степени любопытныя примѣчанія къ Судебнику Татищева, который, по мѣткому выраженію Ѳ. Л. Морошкина, еще „былъ свидѣтелемъ захо-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., №№ 5811 и 7201.

дящаго солнца старинныхъ подъячихъ", не утратили значенія и для нашихъ дней. Извѣстно, что Татищевъ, по его собственному признанію, лелѣялъ даже мысль о составленіи исторіи русскаго законодательства.

Люди зарождавшейся русской науки съ восторгомъ привѣтствовали, конечно, эти драгоцѣнныя открытія, призывая общество ко вниманію по отношенію къ нимъ если не изъ побужденій научнаго характера, то хотя бы изъ простого „любопытства",—изъ такого же любопытства, съ какимъ современное общество разсматривало „монстровъ и раритеты", собранные въ петровской академической кунсткамерѣ. „Древніе законы,—пишетъ Миллеръ въ предисловіи къ изданію Судебника Іоанна IV въ обработкѣ Татищева (М. 1768),—сколь бы отдалены отъ нашихъ временъ ни были, заслуживаютъ вниманія нашего не токмо по тѣмъ причинамъ, для которыхъ оные сочинены, то есть для спознанія прежнихъ правъ и оныхъ производства, но и по случайнымъ обстоятельствамъ, любопытство всякаго человѣка возбуждать имѣющимъ.... Сіе разсуждая,—продолжаетъ Миллеръ,—покойный тайный совѣтникъ Татищевъ много старался въ собраніи и изъясненіи древнихъ россійскихъ законовъ". Равнымъ образомъ и Б а ш и л о в ъ, выпуская въ томъ же 1768 году свое изданіе Судебника, считаетъ необходимымъ пояснить обществу, что „сей Судебникъ очевидно подтвердить можетъ ту истину, что законы... представляютъ живое начертаніе того времени и тѣхъ людей, въ которое и для которыхъ они установлены, а сіе есть то, что исторія з а п е р в ѣ й ш і й с в о й п р е д л о г ъ признавать долженствуетъ". Башиловъ уже ясно сознаетъ и популизируетъ, хотя и нѣсколько фигуральнымъ путемъ, тѣсную связь между исторіею, вообще, и исторіею права, въ частности: „Когда исторія,—пишетъ онъ,—долженствуетъ описывать прежде бывшее состояніе государства, его приращенія, упадки и различныя перемѣны, то ей для познанія сихъ подробностей необходимо надобно брать прибѣжище къ законамъ; ибо и слово г о с у д а р с т в о, которое она описываетъ, ничего другаго ей не представляетъ, какъ только нѣкоторое огромное зданіе, означенное подъ крышкою, о выгодности и способности къ пребыванію котораго разсуждать не можно, не узнавъ раздѣленія, величины и качества покоевъ; сіе огромнаго государственнаго зданія раздѣленіе весьма обстоятельно показываетъ

законъ, въ которомъ разныя чиноначинанія довольно ясно даютъ знать, кому изъ обитателей гдѣ отъ холода и насильства погоды укрываться надобно, куда кому для сохраненія своего спокойствія прибѣгать должно и гдѣ найти можетъ отдохновеніе тотъ, который о благосостояніи и цѣлости сего дому большее предъ прочими имѣлъ попеченіе".

Но современное общество плохо внимало этимъ сентенціямъ и туго усвоивало себѣ представленіе о цѣлесообразности изученія „огромнаго зданія, означеннаго подъ крышкою", а на изданіе памятниковъ древняго права смотрѣло, какъ на „дѣло поносное", какъ на дѣло болѣе „во вредъ и поношеніе, нежели на пользу и честь" служить могущее [1]). Тѣмъ не менѣе, уже въ самомъ началѣ второй половины XVIII-го вѣка появляется попытка болѣе или менѣе систематическаго изложенія исторіи русскихъ законовъ. Это—рѣчь Струбе-де-Пирмонта (Strube de Pyermont): „Discours sur l'origine et les changements des lois russiennes"…. (Спб. 1756 г.), въ томъ же году появившаяся и въ русскомъ переводѣ С. Нарышкина, подъ заглавіемъ: „Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ". Этотъ первый опытъ въ области исторіи русскаго законодательства обратилъ на себя вниманіе людей, интересующихся наукою. Это видно изъ того, что переводъ рѣчи Струбе не замедлилъ появиться и въ нѣмецкихъ переводахъ, впервые познакомивъ Европу съ минувшими судьбами нашего права: въ 1757 г. такой переводъ появился въ лейпцигскомъ изданіи: „Allgemeines Magazin", а въ 1769 г. Шлецеръ помѣщаетъ ту же рѣчь, in extenso, въ рижскомъ изданіи: „Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland"; даже въ 1780 г. рѣчь Струбе еще появляется въ „С.-Петербургкомъ Вѣстникѣ", подъ заглавіемъ: „О происхожденіи и разныхъ перемѣнахъ россійскихъ законовъ". Трудъ Струбе-де-Пирмонта долженъ, такимъ образомъ,

---

[1]) «Не безъизвѣстно и сіе,—пишетъ Татищевъ въ предисловіи къ открытой имъ Русской Правдѣ,—что невѣдующіе пользы изъ того (т. е. изъ изданія памятниковъ), оныя древности не только складомъ и нарѣчіемъ порицаютъ, но ихъ печатать болѣе *за вредъ и поношеніе*, нежели за пользу и честь почитаютъ, говоря: когда ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втунѣ, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства *поносны*» (Продолженіе Древн. Росс. Вивліоѳики, ч. I, Спб. 1786).

почитаться эмбріономъ, изъ котораго развилась впослѣдствіе наука исторіи русскаго права.

Наставшій вслѣдъ за тѣмъ вѣкъ Екатерины II былъ весьма благопріятенъ для развитія русскаго историко-юридическаго знанія. Въ началѣ этого царствованія даетъ первые плоды основанный передъ тѣмъ (въ 1755 г.) Московскій университетъ, въ лицѣ первыхъ русскихъ ученыхъ юристовъ, Десницкаго и Третьякова, доканчивавшихъ свое образованіе въ Англіи и принесшихъ оттуда къ намъ начала европейской науки права. По свидѣтельству Морошкина, профессоры-юристы Московскаго университета, съ Дильтеемъ во главѣ, „начали постепенно вводить студентовъ въ изученіе догматики посредствомъ всей внѣшней исторіи“. Сама молодая императрица, воспитанная на идеяхъ западно-европейскихъ философовъ половины XVIII вѣка, съ страстностью предается мысли реформировать русское законодательство на провозглашенныхъ ими гуманитарныхъ началахъ; задается широкимъ планомъ привлеченія къ дѣлу законодательства народнаго представительства, созываетъ въ Москву для этой цѣли депутатовъ, предписавъ составленіе для нихъ по всему широкому лицу земли русской наказовъ; розыскиваетъ подлинный уложенный столбецъ 1649 г., наконецъ—сама пишетъ свой знаменитый Большой Наказъ въ руководство депутатамъ, созываемымъ ею отъ всѣхъ областей и отъ всѣхъ сословій государства. Все это не могло, конечно, не возбуждать толковъ, сужденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интереса къ отечественному законодательству и къ его минувшимъ судьбамъ. Въ 1768 году появляется въ свѣтъ миллеровское изданіе судебника Іоанна IV съ подстрочными комментаріями Татищева, дающими отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ изъ области древняго русскаго права, процесса и администраціи; въ столицѣ собираются изъ провинціи рукописи, многія изъ которыхъ, въ томъ числѣ лѣтописцы, предаются тисненію; заводится первое русское ученое общество („Вольное россійское собраніе“) и ведется первый русскій историческій журналъ („Ежемѣсячныя сочиненія“); Новиковъ предпринимаетъ изданіе своей „Древней Россійской Библіотеки“, на страницахъ которой помѣщается цѣлый рядъ грамотъ и актовъ историко-юридическаго характера; является печатное изданіе Русской Правды, а выходящія съ типографскихъ стан-

ковъ исторіи Татищева и Щербатова—вводятъ читателя въ область многихъ вопросовъ древняго русскаго права и законодательства....

Сѣмя русскаго историко-юридическаго знанія было, такимъ образомъ, брошено, и интеллигентный русскій человѣкъ начинаетъ теперь все болѣе и болѣе сознавать, что изданіе и изученіе древняго права—не есть занятіе „поносное", занятіе только „вредъ и поношеніе" приносящее, но представляетъ собою нѣчто полезное, поощряемое даже съ высоты престола, нѣчто могущее удовлетворять не только „случайное любопытство", но и приводить къ извѣстнаго рода благимъ практическимъ результатамъ. Стали интересоваться историческимъ изученіемъ права даже лица высокопоставленныя; такъ, оберъ-секретарь *О. Т. Князевъ*,—это „прорицалище закона", какъ называлъ его профес. Десницкій,—сдѣлалъ выборку изъ законовъ о дворянствѣ, „съ приличными къ тому примѣчаніями, заимствуя ихъ изъ исторіи сего сословія" [1]). Въ этой мысли стремятся утвердить современное имъ общество и русскіе юристы той эпохи. Появляется рядъ сочиненій, направленныхъ къ тому, что бы внушить русскому обществу пользу знакомства съ отечественнымъ правомъ, а равно указать ему и самыя средства къ ознакомленію съ этимъ правомъ. На этомъ поприщѣ выступаетъ первый русскій ученый юристъ—*Десницкій*, изучавшій право въ Гласговскомъ университетѣ, куда онъ посланъ былъ съ этою цѣлью Московскимъ университетомъ и первый (если не считать его учителя, нѣмца Дильтея) начавшій прививать у насъ зачатки научнаго изученія русскаго права. Десницкій уже вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ заграницы провозгласилъ необходимость соединенія трехъ элементовъ въ дѣлѣ изученія отечественнаго права: *историческаго*, философскаго и теоретическаго. Эта мысль выражена Десницкимъ въ „Словѣ о прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію юриспруденціи", произнесенномъ имъ 20 іюня 1768 года: здѣсь высказываетъ онъ пожеланіе, что бы законовѣдѣніе преподаваемо было „порядкомъ историческимъ, метафизическимъ и политическимъ, снося законы россійскіе съ натуральнымъ объ нихъ разсужденіемъ",—мысль тѣмъ болѣе замѣчательная,

---

[1]) См. введеніе Морошкина къ переводу сочиненія Рейца: «Опытъ исторіи и пр.».

что въ эпоху Десницкаго о такомъ сліянія методовъ не помышляли еще и представители западно-европейской юридической науки [1]). Десницкій и впослѣдствіе не переставалъ популизировать необходимость изученія отечественнаго права; такой именно характеръ носятъ его позднѣйшіе труды: „Юридическое разсужденіе о пользѣ знанія отечественнаго законодательства и пр.“ (М. 1878) и новое отдѣльное изданіе его, цитированнлго уже выше, „Слова“ (М. 1786).

Идеи Десницкаго относительно метода изученія права туго прививались, однако, въ зарождающейся русской юридической наукѣ. По замѣчанію Станиславскаго, этому содѣйствовали два теченія, съ которыми имъ приходилось бороться: съ одной стороны—чрезмѣрная привязанность къ умозрѣніямъ иностранныхъ философовъ и къ иностраннымъ законодательствамъ, въ особенности къ римскому праву, вслѣдствіе чего затемнялось изученіе права отечественнаго; съ другой стороны—нападки на науку со стороны приверженцевъ стараго приказнаго порядка, прикрывавшагося именемъ „практики“. Тѣмъ не менѣе, уже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія появляется трудъ, дѣлающій не только попытку изложенія историческихъ основъ русскаго права, но даже попытку, конечно примитивную, сравнительно — историческаго его изложенія; это—трудъ одного изъ учениковъ Десницкаго, *А. Артемьева*: „Краткое начертаніе римскаго и русскаго права, съ показаніемъ купно обоихъ, равномѣрно какъ и чиноположенія оныхъ исторій“ (М. 1777). Другимъ послѣдователемъ Десницкаго явился *З. Горюшкинъ*, преподаватель того же Московскаго университета, который въ вступительной къ чтеніямъ своимъ рѣчи: „О нуждѣ всеобщаго знанія россійскаго законоискусства“, произнесенной 5 сентября 1790 г., проводитъ замѣчательную для того времени мысль о недостаточности одного теоретическаго и практическаго изученія права и о настоятельной необходимости присоединить къ нему изученіе исторіи и древностей.

Уже изъ сказаннаго выше открывается та видная роль, какая принадлежала во второй половинѣ XVIII столѣтія юному

---

[1]) Станиславскій А. Г.: «О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія» (Актовая рѣчь), Каз. 1853.

Московскому университету въ дѣлѣ постановки у насъ не только догматическаго, но и историческаго изученія отечественнаго права. Несомнѣнно, что мысль о необходимости внесенія въ это изученіе историческаго метода—не оставалась платоническимъ пожеланіемъ, но что эта мысль пропагандировалась и въ стѣнахъ университетскихъ аудиторій.

Начало XIX-го столѣтія встрѣтило, такимъ образомъ, почву, уже подготовленную для возникновенія науки исторіи русскаго права. Изслѣдованія и работы историко-юридическаго направленія были въ значительной степени облегчены теперь и появленіемъ сборниковъ законовъ, изложенныхъ то въ алфавитномъ, то въ хронологическомъ порядкѣ, и явившихся плодомъ частной иниціативы, направленной къ восполненію недостатка оффиціальной кодификаціи. Извѣстно, что рядъ кодификаціонныхъ коммиссій, почти непрерывною цѣпью простирающихся черезъ весь XVIII и первую четверть XIX столѣтій и имѣвшихъ своею задачею составленіе новаго кодекса законовъ, долженствовавшаго замѣнить собою разбросанное русское законодательство, съ устарѣвшимъ Уложеніемъ 1649 г. въ основѣ—оставался безплоднымъ вплоть до 30-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда были составлены Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи и построенный на немъ Сводъ Законовъ. Между тѣмъ практика была положительно подавлена огромнымъ законодательнымъ матеріаломъ, оріентироваться въ которомъ представлялось дѣломъ нелегкимъ даже и для опытнаго законовѣда. И вотъ, начиная съ конца восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія появляются частныя собранія законовъ, послѣдовательно идущія одно за другимъ подъ разнообразными наименованіеми: „словарей“, „указателей“, „руководствъ“ и „памятниковъ“ законовъ [1]).

Первымъ изъ такихъ собраній явился „Словарь Юридическій или сводъ россійскихъ узаконеній по азбучному порядку“, составленный *Ф. Лангансомъ* (М. 1788, второе изданіе въ Полоцкѣ, 1791 г.), въ которомъ помѣщены извлеченія изъ узаконеній, начиная съ Уложенья 1649 г. и кончая 1787-мъ годомъ; въ этомъ словарѣ содержатся 475 словъ,

[1]) Подробный обзоръ трудовъ этого рода см. въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній», изд. Калачова, 1860—1861 г., кн. 5-ая (Спб. 1863 г.).

относящихся къ различнымъ частямъ законовѣдѣнія. Почти втрое болѣе обширнымъ является второй трудъ того-же рода: „Словарь Юридическій или сводъ россійскихъ узаконеній, временныхъ учрежденій, суда и расправы“, составленный сенатскимъ секретаремъ *М. Чулковымъ* (М. 1792—1795, въ 2-хъ частяхъ и пяти книгахъ) и обнимающій собою узаконенія съ 1649 по 1796 годъ; первая часть этого труда заключаетъ въ себѣ ссылки на узаконенія въ алфавитномъ порядкѣ (1611 словъ), вторая—хронологическій перечень ихъ. Далѣе слѣдуетъ, по хронологическому порядку выхода въ свѣтъ, обширный трудъ *Ф.* и *А. Правиковыхъ*: „Памятникъ изъ законовъ“ (10 частей, различныя изданія Спб., М., Влад., 1798—1827 г.г.), продолженный затѣмъ издателемъ Глазуновымъ (еще 7 частей), обнимающій собою узаконенія съ 1649 по 1825 годъ; расположеніе этого собранія смѣшанное: отчасти—алфавитное, а отчасти хронологическое, но съ преобладаніемъ перваго. Затѣмъ слѣдуетъ изданіе доктора правъ *Льва Максимовича*: „Указатель россійскихъ законовъ, временныхъ учрежденій, суда и расправы, изданный съ Высочайшаго соизволенія“ (14 частей, М. и Спб., 1803—1812), заключающій въ себѣ узаконенія начиная отъ эпохи Св. Владиміра и до 1803 года. Укажемъ, наконецъ, на труды: *Алексѣева*—„Собраніе межевыхъ законовъ“, съ 1664 по 1811 г. (1811 г.), *Хавскихъ и Петровыхъ* — „Собраніе россійскихъ законовъ“ (22 части, 1818—1828), обнимающее собою узаконенія 1649—1825 гг., и *А. Щербакова*: „Ключъ на книги законовъ“ (2 части, 1820—21), представляющій собою указатель къ приведеннымъ выше изданіямъ Чулкова, Правиковыхъ и Хавскаго.

Всѣ эти изданія, въ которыхъ былъ сведенъ, болѣе или менѣе полно и обстоятельно, конечно, наличный историко-юридическій матеріалъ, открыли въ началѣ XIX вѣка путь къ изслѣдованіямъ въ области исторіи русскаго права, интересъ къ которымъ не могъ не возбуждаться и крупными государственными реформами, ознаменовавшими собою начальное царствованіе Александра I.

Первая четверть заканчивающагося столѣтія была въ высшей степени благопріятна для развитія русскаго историко-юридическаго знанія. Государственныя реформы императора Александра, открытіе въ различныхъ частяхъ импе-

ріи новыхъ университетовъ: Казанскаго и Харьковскаго (1805 г.), С.-Петербургскаго (1819 г.), а также лицеевъ и Главнаго училища правовѣдѣнія (1805 г.), открытіе новыхъ памятниковъ и источниковъ права (такъ, въ 1817 г. Строевъ и Калайдовичъ открываютъ и издаютъ Судебникъ вел. князя Іоанна III), возникновеніе исторической критики (М. Т. Каченовскій), основаніе при Московскомъ университетѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, появленіе въ свѣтъ богатой историко-юридическими данными „Исторіи государства россійскаго“ Карамзина, учрежденіе Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ и начало ея капитальнаго изданія, наконецъ, выходъ въ свѣтъ цѣлаго ряда работъ, затрогивающихъ вопросы изъ области исторіи нашего законодательства — все это подготовило появленіе науки исторіи русскаго права.

Мы видѣли, что уже въ 1777 году Артемьевъ предпринимаетъ попытку историческаго освѣщенія отечественнаго права. Эта попытка не замедлила вызвать послѣдователей. Въ 1803 году членъ академіи *Т. Мальгинъ* печатаетъ свой „Опытъ историческаго изслѣдованія старинныхъ судебныхъ мѣстъ“ (Спб. 1803); въ 1811 году появляется замѣчательный трудъ харьковскаго профессора *Г. Успенскаго*: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ россійскихъ“ (Х. 1811—12 и 1818, двѣ части), дающій отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ исторіи русскаго права, и изслѣдованіе харьковскаго же профессора *И. Тимковскаго*: „О помѣстьяхъ“ (Х. 1811), а профессоръ Московскаго университета *М. Каченовскій* печатаетъ въ своемъ „Вѣстникѣ Европы“ цѣлый рядъ историко-юридическихъ статей и замѣтокъ (о судебныхъ поединкахъ, о начальной лѣтописи, о Русской Правдѣ); митрополитъ *Евгеній* печатаетъ свои статьи: „О разныхъ родахъ присягъ у славяно-руссовъ“ (Вѣстн. Евр. 1813 г., т. IV) и „О уставныхъ и губныхъ грамотахъ“ (тамъ же, 1813 г., т. VI); дерптскій профессоръ *Г. Эверсъ* помѣщаетъ въ 1814 году въ своемъ изданіи: „Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen“ изслѣдованіе объ источникахъ Русской Правды („Ueber die Quellen der Prawda“); *Ѳ. Карецкій* печатаетъ статью „О мѣстничествѣ“ (Вѣстн. Евр. 1815 г., т. III), *М. Грибовскій* пишетъ изслѣдованіе „О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи“ (Х. 1816), а въ „Сочиненіяхъ Харьковскаго Ученаго Общества“

(1817 г.) появляется „Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ“; въ 20-хъ годахъ *И. Васильевъ* печатаетъ „Историческое извѣстіе о помѣстьяхъ и вотчинахъ въ Россіи“ и „Историческій взглядъ на правежи“ (Вѣстн. Евр. 1823 г., т. III и Труды Москов. Общ. Ист. и Др., 1826 г.); *Б. Өедоровъ* занимается вопросомъ „О формѣ присяги въ Россіи отъ временъ языческихъ“ (Спб. 1824), дерптскій профессоръ *А. Рейцъ* трактуетъ объ исторіи опеки въ Россіи („Dorpater Jahrbuecher“, 1821 и 1825 г.г.); *С. Руссовъ* излагаетъ „Варяжскіе законы“ (Спб. 1824), съ точки зрѣнія ихъ аналогіи съ древне-русскими, а въ Варшавѣ появляется въ 1820 году замѣчательный трудъ *И. Раковецкаго*: „Prawda Ruska, czyli Prawda wielkiego xiecia Iaroslawa Wladymirowicza etc.“, изслѣдующій договоры русскихъ князей съ греками и Русскую Правду и совершающій переворотъ въ воззрѣніяхъ на этотъ послѣдній памятникъ.

Историческій элементъ вводятъ въ свои труды и авторы первыхъ русскихъ руководствъ къ познанію права: *Г. Терлаичъ* („Краткое руководство къ систематическому познанію гражданскаго частнаго права Россіи“, Спб. 1810), *Горюшкинъ* („Руководство къ познанію россійскаго законодательства“, Спб. 1811—1816), *В. Кукольникъ* („Россійское частное гражданское право“, Спб. 1815), *В. Вельяминовъ-Зерновъ* („Опытъ начертанія россійскаго частнаго гражданскаго права“ (Спб. 1815), *И. Васильевъ* („Новѣйшее руководство къ познанію россійскихъ законовъ“, М. 1827). Появлялись труды, имѣющіе своимъ предметомъ и непосредственное разсмотрѣніе внѣшней исторіи русскаго права. Сюда относятся: рѣчь *Г. Успенскаго*: „О древности и достоинствѣ россійскихъ законовъ до изданія царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ Соборнаго Уложенія и о сходствѣ сего послѣдняго съ нѣкоторыми бывшими у насъ узаконеніями“ (Х. 1814), статьи *П. Львова*: „Примѣчаніе о древнихъ русскихъ законахъ“ (Сынъ Отеч. 1814 г, №№ 33 и 46), *Васильева*: „Историческое обозрѣніе древняго россійскаго законодательства“ (Вѣстн. Евр. 1822, № 7), рѣчь *К. Михаловскаго*: „О началѣ и происхожденіи россійскаго законодательства“ (Х. 1823), трудъ митрополита Евгенія (?): „Историческое обозрѣніе россійскаго законоположенія“ (Спб. 1824) и статья *Коровецкаго*: „Историческое обозрѣніе россійскаго гражданскаго и уголовнаго права“ (Сынъ Отеч. и Сѣв. Арх. 1829 г., № 48).

Всѣ эти рѣчи, брошюры и статьи—не могли, однако же, создать науки исторiи русскаго права. Странное совпаденiе явленiй: какъ начало русской исторiи положено было нѣмецкими учеными, такъ и исторiя русскаго права зародилась, какъ наука, въ нѣмецкомъ дерптскомъ университетѣ, въ трудахъ нѣмецкихъ профессоровъ этого университета — *Эверса* и *Рейца*. Къ этимъ трудамъ мы теперь и перейдемъ.

Мы уже знаемъ, что еще Татищевъ помышлялъ о составленiи исторiи россiйскаго законодательства, безъ сомнѣнiя побужденный къ этому сдѣланными имъ важными историко-юридическими открытiями. Въ концѣ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтiя такую же мысль лелѣялъ извѣстный цивилистъ, профессоръ Московскаго университета Ѳ. Л. Морошкинъ. Въ ту пору уже успѣли проникнуть въ Россiю и усвоиться здѣсь идеи исторической школы, а вслѣдъ затѣмъ въ умахъ представителей русской юриспруденцiи слагается воззрѣнiе на необходимость оплодотворить догму права внесенiемъ въ изученiе его историческаго элемента. Морошкинъ явился горячимъ сторонникомъ этого направленiя, раннимъ предтечею котораго былъ въ Московскомъ университетѣ еще Десницкiй, и, по порученiю университета, временно читалъ курсъ исторiи русскаго законодательства. Тогда то и запала въ его голову мысль детально познакомиться съ литературою и первоисточниками предмета, съ тѣмъ, что бы приступить къ обработкѣ руководства исторiи русскаго законодательства, причемъ Морошкинъ намѣревался принять за образецъ трудъ берлинскаго профессора Эйхорна: „Deutsche Staats—und—Rechtsgeschichte“ (1821—1823). Но этому начинанiю, къ сожалѣнiю, не суждено было осуществиться, благодаря появленiю въ свѣтъ труда А. Рейца: „Versuch ueber die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats-und-Rechtsverfassung“ (Митава, 1829). Этотъ трудъ дерпскаго ученаго охладилъ рвенiе Морошкина: „Съ чувствомъ нѣкотораго прискорбiя,—пишетъ онъ въ своемъ введенiи къ изданному имъ русскому переводу книги Рейца,—что даже въ исторiи русскаго законодательства насъ предупреждаютъ (нѣмцы), я оставилъ намѣренiе быть оригинальнымъ и удовольствовался честью перваго издателя сего сочиненiя на русскомъ языкѣ“.

И. Ф. Г. Эверсъ (J. Ph. Gustav Ewers), домашній наставникъ въ помѣстьи Ваймела, въ Лифляндіи, извѣстный уже и ранѣе своими научными трудами и даже состоявшій корреспондентомъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, былъ въ 1810 году опредѣленъ на кафедру русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, на мѣсто приглашеннаго отсюда въ Кенигсбергъ д-ра А. Х. Гаспари,—перваго профессора русской исторіи въ Дерптѣ. Прекрасный знатокъ права, Эверсъ щедро вводилъ въ свой курсъ русской исторіи элементъ историко-юридическій, такъ что съ этой стороны онъ могъ называться столько же историкомъ, сколько и историкомъ-юристомъ. Занимая каѳедру русской исторіи въ продолженіи десяти лѣтъ, Эверсъ въ 1820 году оставилъ Дерптскій университетъ, но въ 1826 году снова занялъ здѣсь кафедру,—на этотъ разъ уже на юридическомъ факультетѣ, именно кафедру положительнаго государственнаго и народнаго права и политики. Эверсъ уже рано обратилъ вниманіе на необходимость не только систематическаго, но и критическаго изслѣдованія памятниковъ древняго русскаго права; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ преподаватель права, онъ стоялъ вполнѣ на высотѣ современнаго ему направленія германской юридической науки и почиталъ въ высшей степени существеннымъ историческій элементъ въ дѣлѣ изученія правовѣдѣнія. Историко-юридическое направленіе сказывается уже въ его „Предварительныхъ критическихъ изслѣдованіяхъ по русской исторіи" (1814), гдѣ Эверсъ даетъ цѣлое изслѣдованіе объ источникахъ Русской Правды, а въ своей „Исторіи Руссовъ" (1816 г.) онъ присовокупляетъ обзоръ древняго русскаго права. Но главная заслуга Эверса въ области исторіи русскаго права выразилось его трудомъ: „Das aelteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung" (Дерптъ, 1826 г.), который черезъ девять лѣтъ появился и въ русскомъ переводѣ И. Платонова, подъ заглавіемъ: „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи" (Спб. 1835).

„Древнѣйшее русское право" Эверса представляетъ собою первую попытку систематическаго изслѣдованія въ области исторіи русскаго права и въ этомъ отношеніи должно почитаться исходною точкою дальнѣйшаго развитія нашей науки, какъ таковой. Трудъ дерптскаго профессора далеко не обнимаетъ собою всей исторіи русскаго права,—онъ огра-

ничиваетъ свои предѣлы лишь древнѣйшею эпохою, заканчиваясь изслѣдованіемъ Русской Правды. Разсматриваемое нами сочиненіе Эверса заключается изъ введенія, въ которомъ авторъ развиваетъ свои воззрѣнія на родовой бытъ древнѣйшей Руси, и двухъ книгъ. Первая изъ нихъ, носящая заглавіе: „Времена язычества“, разсматриваетъ княженіе языческихъ князей русскихъ и изслѣдуетъ договоры руссовъ съ греками; вторая книга, озаглавленная: „Времена христіанства“, посвящена княженію первыхъ трехъ христіанскихъ князей (Владиміра, Святополка и Ярослава) и изслѣдованію Русской Правды; въ концѣ книги имѣется особое прибавленіе, въ которомъ Эверсъ приводитъ объясненный текстъ Правды сыновей Ярослава и Правды XIII-го вѣка.

Особенность разсматриваемаго труда Эверса—это широкое совмѣщеніе въ немъ элемента чисто-историческаго и элемента историко-юридическаго; исторія и право стоятъ здѣсь рука объ руку, взаимно освѣщая другъ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, весь трудъ Эверса проникнутъ одною общею руководящею идеею: выясненія гражданскаго и правоваго состоянія общества, переходящаго отъ примитивныхъ условій быта родоваго—къ условіямъ быта государственнаго, и съ этой то стороны своихъ историческихъ воззрѣній авторъ нашъ справедливо считается въ русской исторіографіи отцомъ теоріи родового быта. Можно, конечно, соглашаться или не соглашаться съ его историческими воззрѣніями въ этомъ направленіи, но уже самое стремленіе Эверса найти руководящее, исходное начало для своихъ изслѣдованій въ области древняго русскаго права—должно быть отмѣчено, какъ явленіе новое въ русской историко-юридической литературѣ того времени, хотя явленіе и не удивительное, въ виду основательнаго знакомства автора „Древнѣйшаго русскаго права“ съ положеніемъ западно-европейскаго знанія. Вполнѣ правъ былъ переводчикъ этой книги, Платоновъ, замѣчая по этому поводу въ предисловіи къ своему переводу, что если основанные на этой исходной точкѣ воззрѣнія Эверса и „покажутся кому неправильными, насильственными, то все же согласнѣе съ разумомъ видѣть многозвѣнную цѣпь дѣяній (фактовъ) прикрѣпленною къ какой нибудь точкѣ, нежели висящею ни на чемъ“, какъ это и было, на самомъ дѣлѣ, у большинства предшественниковъ и современниковъ Эверса. Если мы доба-

вимъ къ этому и строгій критическій анализъ источниковъ, то должны будемъ признать трудъ Эверса стоящимъ на высотѣ современныхъ ему европейскихъ научныхъ требованій и поймемъ тотъ интересъ, съ которымъ встрѣчено было появленіе въ свѣтъ „Древнѣйшаго русскаго права". Эверсъ не ограничивается простымъ перефразомъ и объясненіемъ памятниковъ древняго русскаго права—Договоровъ съ греками и Русской Правды; онъ подвергаетъ ихъ процессу критическаго анализа: пытается ограничить, въ первыхъ—греческій элементъ отъ элемента собственно русскаго, а въ отношеніи къ Русской Правдѣ—стремится объяснить ея происхожденіе современными условіями политическаго строя, выдѣляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльныя наслоенія, изъ которыхъ образовался этотъ памятникъ (Правда Ярослава, Правда сыновей его, Правда XIII вѣка). Не касаясь отдѣльныхъ недостатковъ „Древнѣйшаго русскаго права", объясняемыхъ какъ односторонностью воззрѣній автора, являющагося представителемъ уже знакомаго намъ нѣмецкаго направленія въ русской исторіографіи, такъ и не всегда правильною интерпретаціею имъ отдѣльныхъ статей памятниковъ, нельзя не поставить Эверсу въ упрекъ игнорированіе имъ источниковъ древняго русскаго церковнаго права (церковные уставы Владиміра и приписываемый Ярославу), а также церковно-византійскаго права (Номоканомъ или Кормчая книга); въ послѣднемъ отношеніи оправданіемъ Эверсу можетъ служить то, что только три года спустя по выходѣ въ свѣтъ его книги появилось извѣстное изслѣдованіе о Кормчей книгѣ барона Розенкампфа, которое впервые освѣтило роль этого памятника въ системѣ древняго русскаго права

Какъ бы то ни было, но книга Эверса положила твердое основаніе систематической разработкѣ исторіи русскаго права и дерптскій ученый долженъ былъ вызвать подражателей и продолжателей его попытки. Послѣдователь Эверсу нашелся въ томъ же Дерптѣ, въ лицѣ мѣстнаго профессора А. Рейца.

А. фонъ-Рейцъ (A. von Reitz), ученикъ Эверса и Неймана, былъ, въ промежутокъ времени съ 1825 по 1840 годъ, первымъ профессоромъ русскаго законовѣдѣнія въ Дерптскомъ университетѣ, преподававшимъ здѣсь не только систему, но и исторію русскаго законодательства. Работая въ этомъ по-

слѣднемъ направленіи, Рейцъ въ 1829 году издалъ въ свѣтъ свой, уже извѣстный намъ, трудъ: „Versuch ueber die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats-und-Rechtsverfassung“ (Митава, 1829 г.), въ 1836 г. вышедшій въ русскомъ переводѣ профессора Ѳ. Морошкина подъ заглавіемъ: „Опытъ исторіи россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“ (М. 1836 г.).

Появленіе въ тридцатыхъ годахъ руководства исторіи русскаго права вызывалось практическою необходимостью, обусловленною указаніемъ министра народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, на усиленіе историческаго элемента въ университетскомъ преподаваніи юридическихъ наукъ; очевидно, что и Уваровъ находился подъ вліяніемъ историческаго направленія, которое господствовало тогда въ западной Европѣ. По крайней мѣрѣ, въ своемъ посвященіи министру сдѣланнаго имъ перевода книги Рейца, проф. Морошкинъ мотивируетъ это начинаніе свое именно тѣмъ, что С. С. Уваровъ, при двукратномъ посѣщеніи Московскаго университета, „изъявилъ требованіе исторической методы въ раскрытіи отечественныхъ наукъ“ и даже „лично руководствовалъ преподавателей законовѣдѣнія въ приложеніи ея ко всѣмъ предметамъ юридическаго ученія“. Да и самъ Рейцъ объясняетъ причину появленія въ свѣтъ его книги „необходимостью, основанною на законномъ основаніи, что преподаватели въ русскихъ университетахъ должны имѣть руководство при изложеніи своей науки“.

Такой практической потребности сочиненіе Эверса, какъ чисто ученый трактатъ, притомъ не выходящій изъ предѣловъ древнѣйшей исторіи русскаго права—удовлетворить, конечно, не могъ. Книга Рейца идетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи гораздо дальше. Она обнимаетъ собою историческое развитіе всѣхъ отраслей русскаго права до Уложенія царя Алексѣя Михайловича включительно, т. е. не только въ удѣльный, но и въ московскій періодъ русской исторической жизни, причемъ авторъ дѣлитъ свое изложеніе на три періода: а) Древнѣйшій періодъ—„отъ основанія государства до перваго начертанія закона“ (Русской Правды), т. е. отъ половины IX-го до половины XI-го вѣка, б) „Періодъ образованія княжествъ, при первенствѣ великаго князя, до введенія монархіи“, т. е. отъ половины XI-го до половины XVI-го

вѣка и в) „Образованіе монархіи и царства Московскаго и всея Россіи", отъ 1550 до 1649 года. Особый, дополнительный, отдѣлъ книги Рейца образуетъ разборъ внутренняго содержанія Уложенія 1649 года; въ русскомъ переводѣ этотъ отдѣлъ выпущенъ, такъ какъ Морошкинъ полагаетъ, что Уложеніе не должно пріурочиваться къ древнему періоду исторіи русскаго права, но открываетъ собою новый періодъ ея, на разработку котораго въ ближайшемъ будущемъ онъ и выражаетъ полную надежду. Но за то Морошкинъ добавилъ къ переводу, въ концѣ книги, четыре главы своего собственнаго произведенія, въ которыхъ онъ излагаетъ слѣдующіе вопросы: а) Происхожденіе руссовъ, б) Варяги, в) Договоръ Олега съ греками и г) Русская Правда; эти добавленія представляютъ самостоятельный интересъ и помимо своего соотношенія къ книгѣ Рейца. Каждый изъ трехъ періодовъ, намѣченныхъ Рейцомъ и составляющихъ въ его книгѣ особые большіе отдѣлы, открывается указаніемъ источниковъ, послѣ чего авторъ послѣдовательно разсматриваетъ историческое развитіе институтовъ и отношеній правъ публичнаго, уголовнаго (за исключеніемъ перваго періода), частнаго и судопроизводство.

Рейцъ прекрасно сознавалъ трудности принятой имъ на себя задачи и самъ называетъ свой трудъ лишь „опытомъ", вызваннымъ требованіями необходимости и считаетъ быть можетъ даже „слишкомъ смѣлымъ издавать сочиненіе объ историческомъ развитіи политическаго и частнаго права въ Россіи, не имѣя ни многолѣтнихъ трудовъ Эверса и Карамзина, ни средствъ сего послѣдняго". Тѣмъ не менѣе, задача выполнена была Рейцомъ,—по условіямъ того времени, конечно,—настолько удачно, что появленіе въ свѣтъ его книги заставило Морошкина отказаться, какъ мы это уже видѣли, отъ мысли составить собственное руководство исторіи русскаго права,—„ибо г. Рейцъ, пишетъ Морошкинъ, исчерпалъ всѣ источники древняго и средняго права и ни одинъ замѣчательный предметъ не избѣгнулъ его вниманія; изъ государственныхъ и частныхъ грамотъ, до которыхъ наши историки права почти не касались, онъ извлекъ драгоцѣннѣйшія извѣстія для внутренней исторіи законодательства; исторія Карамзина пройдена имъ по всѣмъ указаніямъ и повѣрена съ источниками, однимъ словомъ—всѣ матеріалы, извѣстные до

1829 года, приняты въ соображеніе и, гдѣ нужно, приведены въ подтвержденіе положеній“. Морошкинъ одобряетъ и внѣшнюю сторону труда Рейца, приходя къ убѣжденію, что въ этомъ трудѣ „выборъ и содержанія и формы—удовлетворяетъ вполнѣ современному требованію науки“.

Являясь послѣдователемъ своего учителя въ воззрѣніяхъ на древнѣйшій бытъ нашихъ предковъ, Рейцъ, однако же, смягчаетъ крайности ученія Эверса о родовомъ бытѣ ихъ, допуская уже, даже для эпохи первоначальнаго образованія государства, переходную ступень къ общественнымъ устоямъ народной жизни. Съ другой стороны, Рейцъ неправильно усвоилъ себѣ древне-русскія вѣчевыя начала жизни, не отводя имъ подобающаго мѣста въ общемъ складѣ политической жизни и въ отношеніяхъ земщины къ княжеской власти; вообще, взаимныя соотношенія трехъ элементовъ древне-русскаго государственнаго строя: князя, дружины и земщины—не поняты нашимъ авторомъ. Но за то Рейцъ вводитъ уже въ кругъ исторіи русскаго права право церковное (сомнѣваясь, однако, въ подлинности древнихъ русскихъ церковныхъ уставовъ), съ его византійскими отношеніями; указываетъ на важное значеніе обычая, какъ источника и формы древняго русскаго права; отмѣчаетъ роль монгольскаго вліянія въ дѣлѣ измѣненія въ XIV—XV вѣкахъ условій русской политической и общественной жизни, выдвигая его четвертымъ факторомъ, воздѣйствовавшимъ на исторію русскаго народа (первые три — славянскій элементъ, норманское вліяніе и византизмъ). Конечно и Рейцъ, подобно Эверсу, является представителемъ нѣмецкой школы русской исторіографіи и не всегда былъ въ состояніи правильно смотрѣть на тѣ или другія явленія русской исторической жизни, не могъ „имѣть того ударенія мысли,—какъ выражается Морошкинъ,—которое дается живымъ сознаніемъ народности, живымъ ощущеніемъ старины въ настоящемъ“ и которое можетъ быть присуще только сыну того народа, исторія котораго возстановляется по мертвымъ и сухимъ лѣтописнымъ и инымъ источникамъ. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что, въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, сочиненіе Рейца даже и для нашихъ дней не утратило еще своего значенія, а еще сравнительно недалеко то время, когда его книга являлась единственнымъ руководствомъ для систематическаго ознакомленія съ нашимъ до-Петровскимъ правомъ.

Начало систематическому изученію исторіи русскаго права было, такимъ образомъ, положено, и наука наша быстро двинулась впередъ по пути своего дальнѣйшаго развитія. Могучій толчекъ данъ былъ ей изданіемъ Полнаго Собранія Законовъ (перваго), въ которомъ собраны и снабжены были подробными алфавитными (предметными) и хронологическими указателями русскія узаконенія, состоявшіяся съ 1649 по 1825 годъ, представляя, такимъ образомъ, обширный, готовый и систематизированный матеріалъ для работъ въ области новыхъ эпохъ исторіи русскаго права (съ Уложенія царя Алексѣя Михаиловича). То, что сдѣлали для новой исторіи права Сперанскій съ своими сотрудниками, то совершила для древней исторіи права Археографическая Коммиссія, начиная съ 1836 года дѣятельно дарящая русскую науку цѣлымъ рядомъ въ высшей степени важныхъ собраній актовъ и лѣтописей, общій обзоръ которыхъ въ своемъ мѣстѣ уже былъ нами сдѣланъ.

Нива была подготовлена и ожидала только дѣятелей, которые внесли бы въ русскую науку права историко-юридическіе методы изученія, господствовавшіе въ ту пору въ западной Европѣ и болѣе или менѣе отчетливое сознаніе о необходимости приложенія которыхъ къ русской наукѣ жило у насъ уже съ конца 90-хъ годовъ, которые дали бы дальнѣйшій импульсъ уже зародившемуся у насъ новому научному направленію. И на этотъ разъ на помощь намъ пришла западная Европа. Въ виду желанія правительства расширить и поставить у насъ на новыхъ началахъ университетское преподаваніе правовѣдѣнія, состоялось Высочайшее повелѣніе о посылкѣ въ чужіе края, съ цѣлью пріобрѣтенія тамъ юридическаго образованія и занятія впослѣдствіе университетскихъ кафедръ, нѣсколькихъ русскихъ молодыхъ людей. Въ исполненіе Высочайшей воли, въ началѣ 1828 года выбрано было нѣсколько лучшихъ воспитанниковъ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ, которые, получивъ предварительную подготовку въ Петербургскомъ университетѣ и при Второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи, были осенью 1829 года, по выдержаніи испытанія, отправлены въ Берлинскій университетъ, гдѣ и ввѣрены руководительству профессора Савиньи,—этого знаменитаго корифея исторической школы. Въ эту первую заграничную командировку попали: К. Неволинъ, С. Богородскій, А. Бла-

говѣщенскій, В. Знаменскій и С. Орнатскій. Занятія будущихъ ученыхъ шли въ Берлинѣ весьма успѣшно и Савиньи давалъ объ нихъ самые лестные отзывы, а отпуская своихъ русскихъ учениковъ на родину знаменитый романистъ писалъ, что, по полученіи надлежащихъ ученыхъ степеней, они „достойны были бы занять кафедры въ германскихъ университетахъ". Въ устахъ Савиньи такая аттестація чего нибудь да значила! По возвращеніи въ 1832 году въ Петербургъ, молодые ученые были прикомандированы для ознакомленія съ очечественнымъ законодательствомъ ко Второму Отдѣленію, гдѣ, подъ руководствомъ Сперанскаго, шли въ то время горячія кодификаціонныя работы, а затѣмъ, по выдержаніи особо установленнаго для нихъ докторскаго экзамена, Неволинъ, Богородскій и Орнатскій (остальные двое сотоварищей скончались къ этому времени) получили кафедры во вновь основанномъ кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра. Съ научною дѣятельностью К. А. Неволина мы уже знакомы. Вѣрный началамъ, вынесеннымъ имъ изъ школы великаго Савиньи, Неволинъ, не смотря на теоретическую кафедру энциклопедіи права, которую онъ занималъ въ университетѣ кіевскомъ, а затѣмъ и петербургскомъ, съумѣлъ внести въ изложеніе этого предмета историческій элементъ, удѣливъ здѣсь обширное мѣсто внѣшней исторіи права, вообще, и русскаго, въ особенности, и не переставая работать надъ самыми разнообразными вопросами въ области этого послѣдняго; достаточно указать хотя бы только на его трехтомную „Исторію россійскихъ гражданскихъ законовъ", до сихъ поръ не имѣющую подражанія, что бы признать имя Неволина обезсмерченнымъ въ нашей наукѣ.

Первымъ опытомъ посылки за-границу молодыхъ русскихъ юристовъ дѣло не ограничилось: такія же командировки повторялись въ 1830, 1836, 1841 и 1843 годахъ (не говоря, конечно, о позднѣйшихъ)—и въ результатѣ каждаго изъ такихъ начинаній являлось обогащеніе русской юридической науки новыми силами, стоявшими на высотѣ западно-европейскаго знанія и методологіи. Такимъ путемъ были пріобрѣтены для русской юридической науки 40-хъ и послѣдующихъ годовъ: Я. И. и С. И. Баршевы, Н. И. Крыловъ, И. В. Платоновъ, П. Г. Рѣдкинъ, П. Д. Калмыковъ, Н. Д. Иванишевъ, В. Н. Лешковъ, Д. И. Мейеръ, Е. Г.

Осокинъ,—имена все громкія и почетныя въ наукѣ русской юриспруденціи, изъ которыхъ нѣкоторыя занимаютъ видное мѣсто и въ исторіи русскаго права.

Благодаря всѣмъ указаннымъ выше причинамъ, историческій методъ въ юриспруденціи, начало которому такъ удачно положено было у насъ нѣмецкими учеными Дерптскаго университета, получаетъ у насъ съ конца 30-хъ годовъ полное право гранжданства и, благодаря экспансивности русской натуры, не остающейся безъ слѣдовъ и въ области науки, быть можетъ превзошелъ даже тѣ рамки, которыя были отведены ему германскою наукою права, и профессоръ С. М. Шпилевскій не безъ основанія могъ сказать въ 1866 году,—и по отношенію къ тому времени такое заключеніе не было парадоксомъ,—что „большинство русскихъ юридическихъ сочиненій относятся къ исторіи русскаго права" [1]). Начиная съ 30-хъ годовъ, масса изслѣдованій, монографій, статей и замѣтокъ по исторіи русскаго права и тѣсно соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія—не прекращаютъ и до настоящаго времени обогащать собою нашу литературу. Не удивительно, что уже довольно рано сказалась потребность въ трудахъ, которые имѣли бы своею задачею изложеніе исторіи развитія и библіографію русскаго юридическаго знанія.

Еще въ 1830 году въ журналѣ „Московскій Телеграфъ" появляется статья: „О систематическихъ сочиненіяхъ, кои могутъ служить руководствомъ при изученіи россійскаго права" (1830 г., ч. XII), и въ томъ же 1830 году въ Германіи, въ гейдельбергскомъ журналѣ: „Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes" помѣщается статья Ф. Г. Бунге [2]) подъ заглавіемъ: „Versuch einer Geschichte des Studiums und der Litteratur des russischen Rechts und der Rechtswissenschaft in Russland ueberhaupt". Въ слѣдующемъ 1831 г. появляется статья проф. П. Дегая: „Пособія и правила изученія россійскихъ законовъ

---

[1]) См. «Статьи, написанныя для произнесенія въ торжественномъ собраніи Казанскаго университета въ столѣтній юбилей Карамзина», Каз. 1866 г., стр. 208.

[2]) Извѣстнаго составителя хронологическаго собранія русскихъ законовъ и учрежденій (1710—1801 г.г.) для Остзейскаго края.

или матеріалы къ энциклопедіи, методологіи и исторіи литературы россійскаго права“ (М. 1831), затѣмъ рѣчь Морошкина: „Объ участіи Московскаго университета въ образованіи отечественной юриспруденціи“ (Учен. Зап. Моск. унив. 1834, ч. III), статья Благовѣщенскаго: „Исторія и методъ ученаго законовѣдѣнія въ Россіи съ царствованія императора Петра I до нашихъ временъ“ (Ж. М. Нар. Пр. 1835, №№ 6 и 7), рѣчь проф. А. Станиславскаго „О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія“ (Каз. 1853); другіе относящіеся сюда труды уже указаны нами выше (см. стр. 83—84.).

Въ задачи настоящаго очерка не можетъ, само собою разумѣется, войти обозрѣніе всей литературы исторіи русскаго права, начиная съ конца 20-хъ годовъ и кончая послѣдними годами, тѣмъ болѣе, что желающіе детально ознакомиться съ нею могутъ воспользоваться нашимъ трудомъ: „Наука исторіи русскаго права. Библіографическій указатель“ (Каз. 1891 г.), гдѣ систематическій обзоръ литературы нашей науки доведенъ до конца 1890 года; кромѣ того, отдѣльныя библіографическія указанія сдѣланы нами выше и будутъ даваться въ соотвѣтствующихъ частяхъ нашего настоящаго труда. Сдѣлавъ эту оговорку, мы считаемъ теперь возможнымъ приступить къ разсмотрѣнію тѣхъ главныхъ направленій, которыя высказывались въ историческомъ развитіи нашей науки начиная съ конца 20-хъ годовъ текущаго столѣтія и кончая нашими днями.

ГЛАВА II.

Очеркъ направленій, господствовавшихъ и высказывавшихся въ исторіи русскаго права съ первой четверти текущаго столѣтія.

Теорія норманизма и антинаціональное направленіе въ разработкѣ исторіи древнѣйшаго русскаго права.—Зарожденіе сравнительно - славянскаго направленія и его основанія.—Раковѣцкій и его ученіе.—Мацѣевскій, Губе, Кухарскій.—Значеніе 40-хъ и 50-хъ годовъ въ дѣлѣ развитія славизма и позднѣйшія попытки приложенія его къ исторіи права.—Иванишевъ.—Леонтовичъ и его труды.—Варяжскій вопросъ въ приложеніи его къ исторіи русскаго права.—Византизмъ и его отношеніе къ нашей наукѣ.—Монгольскій элементъ въ исторіи русскаго права.—Литовско-русское право и его связь съ правомъ древне-русскимъ.—Pia desideria науки исторіи русскаго права.

Мы уже знаемъ, что нѣмецкая школа русской исторіо-

графіи, начало которой было положено въ прошедшемъ столѣтіи нашими германскими академиками и которая въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія нашла себѣ живой отголосокъ среди профессоровъ Дерптскаго университета, создала скандинавскую или норманскую теорію въ области древней русской исторіи, выводящую варяго-руссовъ изъ Скандинавіи и допускающую могущественное вліяніе норманскаго элемента на различныя стороны древнѣйшей русской жизни. Это направленіе не замедлило отразиться и въ наукѣ исторіи русскаго права, причемъ типичными представителями его явились въ первой трети текущаго столѣтія дерптскіе профессора (Нейманъ, Эверсъ, Рейцъ), а затѣмъ оно стало находить себѣ послѣдователей и среди русскихъ ученыхъ (Каченовскій, Карамзинъ, наконецъ—Погодинъ, доводившій его до крайности). Это направленіе допускало рѣшительное воздѣйствіе норманскаго элемента на весь складъ древней русской политической и правовой жизни, объясняя норманскимъ вліяніемъ и нашъ древній государственный строй, и обычаи, и нравы, и самые законы (Русскую Правду). Скандинавскіе законы,—шведскіе и датскіе,—выставляются источникомъ, изъ котораго наша Русская Правда черпала свое содержаніе; Погодинъ дѣлаетъ даже попытку указать тѣ статьи этого памятника, которыя будто бы непосредственно заимствованы изъ этихъ законовъ. Но на скандинавскихъ законахъ дѣло не остановилось. Увлеченные пыломъ историческихъ сопоставленій и сближеній, ученые стали обращаться и къ другимъ народностямъ, отыскивая въ ихъ быту источники древняго русскаго права. Дальше всѣхъ зашелъ въ этомъ отношеніи Эверсъ, а за нимъ и Морошкинъ, въ своей попыткѣ объяснить происхожденіе Русской Правды заимствованіемъ изъ законовъ Салическихъ и Рипуарскихъ франковъ (см. его „Критическія изслѣдованія и пр.“); это мнѣніе, бьющее въ глаза своею парадоксальностью, Эверсъ основываетъ на сходствѣ многихъ опредѣленій Русской Правды съ отдѣльными статьями только что указанныхъ законовъ, а возможность заимствованія объясняетъ сношеніями съ Западною Европою, которыя завязались у насъ при Ярославлѣ I, выдавшемъ даже, какъ извѣстно, дочь свою Анну за франкскаго короля Генриха I. Морошкинъ, съ своей стороны, склоненъ думать, что „Русская Правда есть чадо одной семьи съ варварскими кодексами, особенно близкое къ

Саксонскому, Англо-Веринскому, Фризскому и Салическому" и что они, быть можетъ, даже „прибыли къ намъ въ какомъ нибудь письменномъ видѣ" [1]). Объясненіе нашего древнѣйшаго права заимствованіями изъ такъ называемыхъ „варварскихъ законовъ" (leges barbarorum)—было, вообще, пріемомъ, довольно распространеннымъ среди нашихъ историковъ прежняго времени. Такимъ образомъ, древнѣйшій періодъ исторіи русскаго права всецѣло подвергся въ свое время общему направленію, господствовавшему въ русской исторіи со второй половины XVIII столѣтія,—направленію, которое, подъ вліяніемъ ученія историковъ нѣмецкой школы, съ непонятною страстностью стремилось отказывать въ національныхъ основахъ всему государственному и общественному строю древнѣйшей русской жизни, которое силилось доказать заимствованіе основъ жизни отдаленныхъ предковъ нашихъ у всевозможныхъ народностей, съ какими только доводилось вступать имъ въ тѣ или другія отношенія. Достаточнымъ считалось малѣйшей аналогіи, что бы тотчасъ же поднимать вопросъ о заимствованіи, о воздѣйствіи, объ отсутствіи національности. Весьма мѣтко охарактеризовалъ это странное направленіе, еще въ 1848 году, нашъ извѣстный историкъ-юристъ, покойный К. Д. Кавелинъ: „...Не только русская археологія, даже русская исторія,—писалъ Кавелинъ („Сочиненія", IV, стр. 43),—долго разрабатывалась по этой ложной мысли.... Замѣтитъ ли изслѣдователь какое нибудь сходство между нашимъ обычаемъ и еврейскимъ—онъ смѣло и не обинуясь говоритъ, что обычай этотъ заимствованъ у евреевъ; съ греческими или римскими—отъ грековъ или римлянъ; съ персидскимъ, индійскимъ—отъ персовъ, индусовъ. Нѣтъ исторической невозможности, очевидной нелѣпости, черезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только что бы вывести нашъ древній обычай за тридевять земель, изъ тридесятаго царства, все равно какаго: была бы тѣнь сходства, слабѣйшая аналогія". Будучи такъ падки на объясненіе бытовыхъ и правовыхъ началъ древнѣйшей жизни русскаго народа заимствованіемъ отъ чуждыхъ ему народностей, писатели этого направленія упускали изъ вида тотъ законъ человѣческой культуры, который учитъ насъ,

---

[1]) «Русская Правда»—въ прибавленіяхъ Морошкина къ переводу книги Рейца, стр. 392.

что извѣстныя стороны жизни какъ единичныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ, имѣютъ общечеловѣческій характеръ и въ весьма близкихъ, а подъ-часъ и тожественныхъ, чертахъ выливаются у отдѣльныхъ индивидовъ и народовъ, стоящихъ въ одинаковыхъ условіяхъ своего физическаго, умственнаго и нравственнаго существованія. Игнорируя это соображеніе, мы рисковали бы дойти до самыхъ невѣроятныхъ выводовъ, впасть въ самые нелѣпые парадоксы. Въ настоящее время, съ развитіемъ исторіи человѣческой культуры и съ раціональною постановкою сравнительно-историческаго метода, это безплодное шатаніе по всевозможнымъ странамъ и народностямъ, съ цѣлью разысканія источниковъ нашей древнѣйшей культуры—безповоротно отошло уже въ область исторіи науки.

Впрочемъ, зачатки раціональнаго сравнительно-историческаго метода проявляются у насъ, относительно, уже довольно рано, и, именно, въ примѣненіи его къ изученію исторіи древняго русскаго права въ связи съ правомъ всѣхъ народностей славянскаго племени, вообще. Это направленіе, которое въ развитіи нашей науки удобнѣе всего можетъ быть названо сравнительно-славянскимъ,—названіе, которое мы за нимъ и удержимъ,—всецѣло пріурочивается къ той второй, средней, формѣ возможнаго приложенія историческаго метода къ изученію права, о которой мы говорили въ вступленіи къ настоящей книгѣ (см. стр. 13).

Извѣстно, что каждый народъ входитъ въ общечеловѣческую семью черезъ посредство высшей, по отношенію къ нему, единицы человѣчества—племени, къ которому онъ и относится, какъ часть къ цѣлому. Если въ средѣ человѣчества, вообще, наблюдаются общіе законы движенія ихъ культуры и общечеловѣческія черты духовной жизни, въ такомъ случаѣ изъ родственной связи, существующей между народами одного племени, легко возникаетъ предположеніе, что какъ языкъ, характеръ, склонности, міровоззрѣніе ихъ проявляютъ признаки болѣе или менѣе тѣснаго родства, такъ и правовое сознаніе ихъ, а слѣдовательно и выраженіе его во внѣшнихъ формахъ, должно носить на себѣ слѣды такого же родства и большей или меньшей идентичности. И эти признаки родства, идентичности, должны обозначаться все рельефнѣе и многостороннѣе по мѣрѣ того, какъ

мы станемъ все болѣе и болѣе углубляться въ минувшіе вѣка жизни соплеменныхъ народовъ, и въ этомъ отношеніи исторія права проявляетъ разительное сходство съ исторіею языка: чѣмъ далѣе идетъ впередъ жизнь соплеменныхъ народовъ— тѣмъ болѣе модифицируются, по отношенію къ первоначальному корню и подъ воздѣйствіемъ разнообразнаго характера условій и вліяній, какъ формы нарѣчій ихъ, такъ и формы ихъ правоваго быта, расходясь отъ первоначальнаго корня своего, теряющагося во мракѣ отдаленныхъ вѣковъ, подобно тому, какъ радіусы расходятся изъ одного общаго центра. Но, если въ математикѣ, имѣя хотя бы только нѣсколько радіусовъ, мы можемъ опредѣлить центръ, – то почему не допустить такой же возможности и въ исторіи культуры соплеменныхъ народностей? На всемъ сказанномъ нами выше и строится какъ зданіе племенной исторіи права, вообще, такъ и возможность приложенія ея къ исторіи права отдѣльныхъ народовъ,—методъ, на почвѣ котораго уже достигнуты весьма значительные результаты.

Славяно-сравнительный методъ, въ приложеніи его къ исторіи русскаго права, зарожденіемъ своимъ восходитъ къ началу 20-хъ годовъ XIX столѣтія. Первую и, для своего времени, весьма удачную попытку примѣненія его даетъ намъ польскій писатель *И. В. Раковѣцкій*, еще въ 1820 году выступившій съ изслѣдованіемъ: „O stanie cywilnym dawnych Slowian“ (т. е. „О гражданскомъ бытѣ древнихъ славянъ“, Варш. 1820), а въ слѣдующихъ годахъ издавшій въ свѣтъ крупный трудъ свой: „Prawda Ruska, czyli Prawda wielkiego xiecia Jaroslawa Wladymirowicza; tudziez traktaty Olga и Jgora Kijowskich z cezarzami greckimi y Mscislawa Dawidowicza Smolenskiego z Ryga zawarte, ktôrych texta obok z polskiém tlomaczeniem poprzeda Rys historyczny zwyczaiow, obyczaiow, religiy. praw y iezyku dawnych slowianskich y slowiansko-russkich narodów“ (2 тома, Варшава, 1820—1822 г.г.; русскій переводъ заглавія: „Правда Русская или Правда великаго князя Ярослава Владиміровича, съ присоединеніемъ договоровъ Олега и Игоря Кіевскихъ съ греческими императорами и Мстислава Давидовича Смоленскаго съ Ригою и пр.“

Въ этомъ трудѣ своемъ, въ то самое время, какъ историки наши скитались по скандинавскимъ и франкскимъ дебрямъ, розыскивая чужеземное происхожденіе памятниковъ

нашего древнѣйшаго права, Раковѣцкій впервые возвѣстилъ ихъ славянское происхожденіе, доказывая это послѣднее объясненіемъ религіи, обычаевъ, языка и права славянъ, вообще, и русскихъ славянъ, въ частности, сопоставленіемъ ихъ (главнымъ образомъ—Русской Правды) какъ между собою, такъ и съ древними правовыми нормами другихъ славянскихъ народовъ, и критическимъ объясненіемъ отдѣльныхъ словъ и выраженій древнихъ памятниковъ права. Въ результатѣ Раковѣцкій приходитъ къ убѣжденію, что наша Русская Правда—есть памятникъ права національнаго, самобытнаго, стоящій въ самой тѣсной связи съ древнимъ общеславянскимъ правомъ, что она представляетъ собою одну изъ отраслей древнѣйшаго права, по началамъ котораго съ незапамятныхъ временъ регулировало жизненныя отношенія свои, когда то еще нераздѣльное, славянское племя. Раковѣцкій настаиваетъ, въ концѣ концовъ, на необходимости допустить существованіе общеславянскаго права, ни одна изъ отраслей котораго не можетъ быть плодотворно изучаема въ историческомъ отношеніи безъ таковаго же изученія всего цѣлаго. Выводы Раковѣцкаго представляются въ высшей степени замѣчательными для эпохи появленія его книги, когда русское историко-юридическое знаніе находилось подъ гнётомъ ученія нѣмецкой школы, отрицавшей національныя основы развитія нашего древнѣйшаго права.

Краеугольный камень славяно-сравнительнаго метода положенъ былъ польскимъ писателемъ. Польская историко-юридическая литература дала намъ и ближайшаго послѣдователя Раковѣцкаго, въ лицѣ *В. А. Мацѣевскаго*, автора объемистаго труда: „Historya prawodawstw Słowiańskich“ („Исторія славянскихъ законодательствъ“, первое варшавско-лейпцигское изданіе 1832—35 г.г., въ 4-хъ т.т.; второе изданіе, варшавское, 1856—65 г.г., въ 6-ти т.) [1]. Этотъ трудъ представляетъ собою первый починъ въ дѣлѣ систематической обработки славянскаго права, и этимъ обстоятельствамъ весьма

[1]) Къ сожалѣнію, полнаго перевода труда Мацѣевскаго на русскій языкъ не появилось. Въ 1835 г. въ «Телескопѣ» было напечатано въ русскомъ переводѣ лишь введеніе къ этому сочиненію, а въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. за 1858 г. (кн. I и III) появились, въ русскомъ же переводѣ, лишь отрывки изъ него.

естественно объясняются его недостатки; тѣмъ не менѣе, лишь послѣ выхода въ свѣтъ „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ открывается дорога для широкой разработки исторіи славянскаго права какъ въ его цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Къ группѣ польскихъ же дѣятелей на пользу разработки исторіи славянскаго права примыкаютъ: *Р. Губе*, въ своихъ изслѣдованіяхъ: „Wywod praw spadkowych slowianskich“ (Варш. 1832), „Znaczenie prawa rzymskiego i rzymsko-byzantynskiego u narodow slowianskich“ (въ журналѣ „Biblioteka Warszawska“ за 1868 г., т. IV) и „Исторія древняго наслѣдственнаго права у славянъ“ („Сборникъ историч. и статистич. свѣд. о Россіи, изд. Д. Валуевымъ, 1845 г., т. I), и *А. Кухарскій*, составитель труда: „Antiquissima monumenta juris slovenici“ (Варш. 1838).

Съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія получаетъ большое развитіе дѣло изученія славянства; въ особенности же плодотворными явились въ этомъ отношеніи 40-ые и 50-ые года. Матеріалы, сборники и изслѣдованія славянскихъ ученыхъ, трудившихся за послѣдніе полвѣка какъ на поприще славянской исторіи и словесности, такъ и непосредственно въ области права, дали цѣнный матеріалъ для сравнительной исторіи славянскаго права. Для примѣра можно сослаться на труды: Шафарика („Славянскія древности“, русск. перев. 1837 г., въ 6-ти т. т.), *Палацкаго* („Stare prawo slovanské“, въ „Casopis etc“. 1837; „Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими постановленіями чеховъ и руссовъ“, рус. перев. въ „Чтеніяхъ“ Общ. Ист. и Др. Росс. за 1845—46 г.г.; „Prawo staroslovanske“, въ сборникѣ „Radhost“, Прага, 1872), Караджича, Лелевеля, Бандке, Обреновича, Челяковскаго, Ригера, Эрбена, Кукулевича-Сакцинскаго, Миклошича, Ганеля, Брандля, Воцеля, *Г. Ирњчка* („О жупныхъ судахъ“, русск, перв. въ Архивѣ ист. и практ. свѣд. Калачова, 1859-61 г.г., кп. VI; „О древнемъ славянскомъ правѣ, сравнительно съ греко-римскимъ и германскимъ“, въ сборникѣ; „Rozprawy z obozu historie etc“, ve Vidni, 1860; „Slovanské právo v Cechach a na Moravé“, Прага 1863, п нѣмецк. переводъ: „Das Recht in Boehmen und Machren“, Пр. 1865), *В. Богишича* („Pravni obicaja и Slovena“, Загребъ 1867; „Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u juznich Slovena“,

Аграмъ 1874 [1]); „О научной разработкѣ исторіи славянскаго права“, въ журн. „Заря“ за 1870 г., № 6, и отдѣльно: Спб. 1870 и мн. др.). Не мало потрудились на этомъ поприщѣ, или въ качествѣ историковъ-юристовъ, или въ качествѣ издателей древнихъ памятниковъ, или же, наконецъ, въ качествѣ филологовъ, этнографовъ, историковъ, бытописателей, путешественниковъ—и русскіе писатели и ученые. Здѣсь могутъ быть указаны: Д. Ходаковскій, Ю. Венелинъ, Н. В. Савельевъ-Ростиславскій, В. Н. Лешковъ („О семейныхъ правахъ римлянъ, германцевъ и славянъ“, лекція въ Импер. Ак. Наукъ), О. М. Бодянскій, А. Поповъ, В. Макушевъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, А. Аѳанасьевъ, В. И. Ламанскій, К. С. Аксаковъ, А. Майковъ, С. М. Шпилевскій („Союзъ родственной защиты у древнихъ славянъ и германцевъ“ и „Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ, Каз. 1866 и 1869), П. Л. Лавровскій, А. Котляревскій („Древности юридическаго быта Балтійскихъ славянъ, опытъ сравнительнаго изученія сланскаго права“, Прага 1874 г., и „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“, М. 1868), І. Первольфъ, А. Будиловичъ, А. М. Евреинова („О задружномъ началѣ“ и „Рефератъ по южно-славянскому праву“, въ Юрид. Вѣстн. за 1878 г.), М. Ф. Владимірскій-Будановъ („Неизданные законы юго-западныхъ славянъ“, Ж.М. Нар. Пр. за 1881 г., ч. 215), Ѳ. Ѳ. Зигель („Истори-ческій очеркъ земскаго самоуправленія въ Чехіи и Польшѣ“, Варш. 1883, „Законникъ Стефана Душана“), В. Дьячанъ („Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до XIV и XV вѣковъ,“ въ Варшав. Унив. Изв. за 1881 и 1882 г.г.), А. Филипповъ („Очерки по обычному праву южно-славянскому и русскому“, Юрид. Вѣстн. 1886 г.), И. А. Собѣстіанскій („Круговая поручка у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодатульства“, Прага 1886 и 1888; „Ученіе о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“, Харьк. 1892) и нѣкот. др.

---

[1]) Замѣчательные труды Богишича въ области обычнаго права южныхъ славянъ вызвали въ русской литературѣ: замѣтку Н. А. Попова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1875 г., № 3) и рефератъ Ѳ. Демелича—В. Гецевича (Юрид. Вѣстн. 1876 и 1877 г.г.).

Мысль о цѣлесообразности изученія исторіи русскаго права въ связи съ исторіею права другихъ народовъ славянскаго племени—блеснула въ русской литературѣ довольно уже рано, быть можетъ подъ вліяніемъ трудовъ Раковѣцкаго и Мацѣевскаго. Эта мысль была вскользь брошена *Ѳ. Л. Морошкинымъ* въ 1836 году, въ послѣднихъ строкахъ его добавленій къ переводу книги А. Рейца. Здѣсь, трактуя о Русской Правдѣ и безплодно скитаясь по разнымъ германскимъ странамъ для объясненія отдѣльныхъ мѣстъ этого памятника, Морошкинъ внезапно осѣняется блестящею мыслью, которою и заканчиваетъ свой трудъ: „Но нигдѣ, мнѣ кажется,—пишетъ онъ,—нельзя такъ много почерпать къ объясненію русскаго законодательства, какъ въ исторіи богемскихъ правъ: развиваясь паралельно русскимъ, они попадаютъ въ однѣ и тѣ же формы развитія, въ одну и ту же терминологію; одна и таже славянская природа... безъ сомнѣнія могла поддерживать родство богемскихъ обычаевъ съ русскими“ [1]).

Заслуга перваго практическаго примѣненія въ русской наукѣ сравнительно-историческаго метода изученія славянскаго права, вообще, и русскаго, въ частности, принадлежитъ профессору Кіевскаго университета *Н. Д. Иванишеву*, который и долженъ быть почитаемъ основателемъ сравнительно-славянскаго направленія въ исторіи русскаго права. Выступивъ въ 1840 году съ докторскою диссертаціею на тему: „О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ, въ сравненіи съ германскою вирою“ (Кіевъ, 1840, а также въ его „Сочиненіяхъ“, К. 1876), Иванишевъ въ предисловіи къ этому труду уже совершенно категорично, хотя и не въ вполнѣ удачной формѣ, высказывается за настоятельную необходимость сравнительно-историческаго изученія правъ славянскихъ народовъ: „Для объясненія памятниковъ россійскаго законодательства,—читаемъ мы здѣсь,—необходимо сравнительное изученіе законодательствъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Каждое племя имѣетъ отличительный характеръ мысли точно такъ, какъ оно имѣетъ свою отличительную физіономію.... Когда племя дѣлится на народы, то, не смотря на отдѣльную историческую судьбу каждаго изъ нихъ, мысль, съ нѣкоторыми измѣненіями, удержи-

[1]) Рейцъ: „Опытъ исторіи и пр.“, стр. 413—414.

ваетъ общій характеръ племени, если только вліяніе иноплеменныхъ народовъ не подавитъ ея. Поэтому законодательство каждаго отдѣльнаго народа, какъ выраженіе народной мысли, можетъ быть понятно только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствами другихъ одноплеменныхъ народовъ... Для древняго россійскаго законодательства, — продолжаетъ Иванишевъ,—изслѣдованіе славянскихъ законодательствъ не только важно потому, что можетъ прояснить намъ древніе наши законодательные памятники, но и потому, что оно даетъ намъ возможность рѣшить вопросъ: считать ли намъ древніе памятники россійскаго законодательства произведеніями, заимствованными у германцевъ, или—чисто славянскими"? Въ этихъ словахъ брошенъ былъ Иванишевымъ прямой вызовъ по адресу послѣдователей нѣмецкой школы. Въ результатѣ своихъ изслѣдованій Иванишевъ приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что древне-славянскія испытанія водою и желѣзомъ—установленія чисто національныя, незаимствованныя у германцевъ, что начала древне-русскаго уголовнаго права—представляютъ характеръ чисто—славянскихъ обычаевъ, что самая плата за убійство въ правахъ богемскомъ, моравскомъ, польскомъ, литовско-русскомъ и древне-русскомъ—представляетъ одно и тоже понятіе, не только не заимствованное у германцевъ, но прямо противоположное германской вирѣ [1]). Направленіе, выраженное Иванишевымъ въ его докторской диссертаціи, проводится и въ двухъ трудахъ его по исторіи славянскаго права: „Древнее право чеховъ" (Ж. М. Нар. Пр. 1840, № 2, и Сочиненія") и „Объ идеи личности въ правахъ богемскомъ и скандинавскомъ" (актовая рѣчь, Ж. М. Нар. Пр. 1842, № 10, и „Сочиненія").

Мысль, провозглашенная Иванишевымъ въ началѣ 40-хъ годовъ, съ тѣхъ поръ уже не умирала, чему не мало способствовалъ возбудившійся въ Россіи интересъ къ изученію славянскаго міра, все большее и большее усвоеніе идеи о славянской взаимности и, наконецъ, ученіе славянофиловъ. Мы видѣли, что сравнительное изученіе славянскаго права не переставало съ тѣхъ поръ имѣть на Руси своихъ адептовъ, временами отливаясь въ форму болѣе или менѣе обширныхъ трудовъ,

[1]) Иванишевъ: «Сочиненія» (К. 1876) стр. 6—7 и 81.

какими являются труды: Шпилевскаго, Котляревскаго, Зигеля, Дьячана, Собѣстіанскаго.... Но самымъ виднымъ представителемъ сравнительно-славянскаго направленія въ исторіи русскаго права за послѣднее двадцатипятилѣтіе долженъ быть признанъ профессоръ Новороссійскаго (а съ 1892 года Варшавскаго) университета *Ѳ. И. Леонтовичъ.* Въ этомъ отношеніе за проф. Леонтовичемъ останется въ исторіи русскаго права большая заслуга: явившись дѣятельнымъ продолжателемъ направленія, внесеннаго въ нашу науку Иванишевымъ, Леонтовичъ развилъ его, поставилъ на твердую почву и намѣтилъ для будущихъ дѣятелей на этой почвѣ ясный и сознательный путь, который и обѣщаетъ привести въ будущемъ къ блестящимъ результатамъ въ области науки исторіи русскаго права.

Ѳ. И. Леонтовичъ дебютировалъ на поприщѣ сравнительно-славянскаго изученія древняго русскаго права въ 1867 году, статьею: „О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ“ (Ж. М. Нар. Пр. 1867 г., ч. 134-я), въ которой авторъ прибѣгаетъ къ сравнительно-историческому методу для выясненія значенія „верви“ Русской Правды,—вопросъ въ вышей степени темный, въ области котораго наши историки и юристы не выходили изъ круга догадокъ и гипотезъ. Пользуясь указаніями на вервь въ Русской Правдѣ и Полицкомъ Статутѣ, — одномъ изъ памятниковъ права хорвато-далматскаго,—Леонтовичъ сравниваетъ „вервь“ этихъ двухъ памятниковъ съ аналогичными обществеными расчлененіями у юго-западныхъ славянъ и приходитъ къ выводу, что наша древняя вервь и вервь Полицкаго Статута — ничто иное, какъ современная семейная община или „задруга“ юго-западныхъ славянъ,—исконное учрежденіе, лежавшее когда то въ основѣ общественннаго быта всего славянскаго племени. Открытіе было—столь же важное, сколько и любопытное, которое не могло не возбудить къ себѣ интереса ученаго міра какъ русскаго, такъ и славянскаго, вообще, и не дать проф. Леонтовичу импульса къ продолженію дальнѣйшихъ работъ въ томъ же направленіи. Прежде нежели приступить къ нимъ, Ѳ. И. Леонтовичъ пришелъ, повидимому, къ сознанію необходимости выяснить наличность источниковъ, пособій и литературнаго матеріала, имѣющагося въ области исторіи славян-

скаго права—и вотъ въ томъ же 1867 году появляется его „Указатель источниковъ и изслѣдовній по исторіи славянскихъ законодательствъ“ (Ж. М. Нар. Пр. за 1867 г., ч. 135-я), что, однако, не помѣшало ему въ этомъ же году напечатать новую статью: „Государственное устройство стараго Дубровника“ (Ж. М. Нар. Пр за 1867 г., ч. 136-я). Слѣдующій 1868 годъ подарилъ науку весьма капитальнымъ изслѣдованіемъ Ө. И. Леонтовича: „Древнее Хорвато-Далматское законодательство“ (Записки Новорос. унив. 1868 г., т. I, вып. 3 и 4), въ которомъ авторъ производитъ сравнительное изслѣдованіе памятниковъ права отдѣльныхъ славянскихъ общинъ, разбросанныхъ по восточному и сѣверо-восточному берегамъ Адріатическаго моря и которыя уже очень рано знакомы были съ писанными законами (Вѣчевой уставъ 914 г., Книга законовъ короля Сильвестра 985 г., Полицкій Статутъ, Винодольскій Законъ конца XIII в., Загребскій Статутъ 1242 г. и др.); Леонтовичъ приходитъ къ убѣжденію, что памятники древняго хорвато-далматскаго права, и въ особенности Полицкій Статутъ, всецѣло построенный на нормахъ древняго славянскаго обычнаго права и въ первоначальной своей редакціи, быть можетъ, современный Русской Правдѣ—должны дать вѣрный ключъ къ объясненію многихъ темныхъ сторонъ древне-славянскаго права, вообще, и русскаго права, въ частности.

Въ 1869 году появился въ свѣтъ первый и до настоящаго времени, къ сожалѣнію, единственный выпускъ задуманнаго Ө. И. Леонтовичемъ курса „Исторіи русскаго права“ (Од. 1869); здѣсь между прочимъ, имѣется отдѣлъ, озаглавленный: „Докняжескій періодъ: обычное право древнихъ славянъ, вообще, и русскихъ, въ особенности“, въ которомъ авторъ дѣлаетъ интересную для своего времени попытку возстановить характеръ древнѣйшаго славянскаго права, какъ общаго источника, отъ котораго получило свое начало развитіе правъ всѣхъ отдѣльныхъ народовъ славянскаго племени, хотя для нашихъ дней эта попытка и представляется уже устарѣвшею, тѣмъ болѣе, что авторъ пользовался, какъ однимъ изъ краеугольныхъ источниковъ, такимъ матеріаломъ, какъ пресловутая и болѣе нежели сомнительная Краледворская рукопись.

Мы видѣли, что проф. Леонтовичъ уже въ 1867 году затронулъ вопросъ объ идентичности древне-русской верви

съ задругою юго-западныхъ славянъ. Въ 1874 году онъ снова возвращается къ тому же вопросу и, анализируя политическій строй древней Руси, приходитъ къ выводу, что въ основѣ его не лежалъ ни родовой, ни общинный бытъ, въ ихъ чистой формѣ,—какъ проповѣдовали это послѣдователи двухъ уже извѣстныхъ намъ теорій общественнаго строя древней Руси,—но бытъ задружно-общинный, построенный на семейныхъ общинахъ („задруга“), каковой еще и въ наши дни наблюдается въ юго-западной Руси. Относящіяся сюда изслѣдованія Леонтовича, которыя привели къ коренному пересмотру вопроса объ основахъ древнѣйшей жизни русскихъ славянъ, изложены имъ въ статьѣ: „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи“ (Ж. М. Нар. Пр. 1874 г., ч.ч. 173-я и 174-я). Наконецъ въ 1889 году появляется трудъ Ѳ. И. Леонтовича: „Старый земскій обычай“ (Труды VI-го Археологическаго съѣзда въ Одессѣ, а также отдѣльно: Одесса, 1889), въ которомъ авторъ, начиная съ генезиса понятій „правды“ и „права“, детально разсматриваетъ происхожденіе, значеніе и архаическія основы обычнаго права, начала его санкціи, вѣщанія и охраненія и т. п., давая цѣнный рядъ указаній для характеристики древнѣйшаго права, вообще, и славянскаго, въ особенности.

Такимъ то путемъ положены были твердыя основы сравнительно-славянскому направленію въ изученіи исторіи русскаго права; этому направленію, въ связи съ сравнительно-историческимъ методомъ вообще, можно предсказать, въ болѣе или менѣе близкомъ, плодотворную будущность, хотя, не смотря на многое, уже сдѣланное въ этомъ отношеніи по настоящее время, разработка въ этомъ направленіи нашей науки все еще должна быть признана находящеюся въ зачаточномъ состояніи.

Сравнительно - славянскимъ направленіемъ разработка исторіи русскаго права ограничиться не могла. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на историческій ходъ жизни русскаго народа, что бы убѣдиться въ томъ, что ему доводилось стоять въ близкомъ соотношеніи съ нѣкоторыми другими народностями, въ болѣе или менѣе значительной степени воздѣйствовавшими на ходъ русской исторической жизни, а, слѣдовательно—и на исторію русскаго права.

Прежде всего, въ порядкѣ исторической постепенности, русскому народу довелось столкнуться съ варяго-руссами, — элементомъ, съ которымъ ставится въ связь самое зарожденіе русской государственности. Вопросъ о происхожденіи варяго-руссовъ, не смотря на свою полуторовѣковую давность, остается вопросомъ до сихъ поръ спорнымъ въ русской исторіографіи. Какъ бы то ни было, но извѣстная доля воздѣйствія варяжскаго вліянія на условія древнѣйшаго развитія русской исторической жизни уже *a priori* должна быть допущена,—а это обусловливаетъ собою необходимость возникновенія въ русской исторіографіи особаго варяжскаго вопроса, на разрѣшеніе котораго и было, на самомъ дѣлѣ, потрачено не мало силъ и дарованій. Послѣ нѣмецкихъ академиковъ XVIII вѣка, наиболѣе фанатичнымъ и убѣжденнымъ послѣдователемъ ихъ, признававшимъ варяго-руссовъ нашей начальной лѣтописи за нормановъ — явился *М. П. Погодинъ*, всѣ основныя изслѣдованія котораго по вопросу о происхожденіи варяго-руссовъ и о степени вліянія ихъ на складъ древнѣшей русской жизни собраны во второмъ и третьемъ томахъ его „Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о русской исторіи“ (М. 1846); здѣсь Погодинъ детально касается и вопроса о воздѣйствіи скандинавскаго права на древне-русскій правовой бытъ, а въ IX-й главѣ третьяго тома, носящей заглавіе: „Право“, старается доказать непосредственное вліяніе норманизма въ дѣлѣ образованія Русской Правды. Не впадая въ крайности Погодина, историку русскаго права, разъ онъ допуститъ варяговъ за скандинавскій этнологическій элементъ—неминуемо доведется столкнуться съ изученіемъ скандинавскаго политическаго, общественнаго и правоваго быта, что бы быть въ состояніи имѣть фактическій критерій для сужденія о степени воздѣйствія варяго-руссовъ на древнѣйшую русскую правовую жизнь, что бы имѣть подъ ногами почву при рѣшеніи вопроса: что остается въ древне-русскомъ правѣ элементомъ національнымъ, славянскимъ, и что является въ немъ элементомъ заноснымъ, скандинавскимъ?

Весьма рано стала древняя Русь въ близкія отношенія къ Византіи. Эти отношенія, начало которыхъ уходитъ за кругозоръ исторіи, поддерживались воинскими набѣгами восточно-славянскихъ племенъ въ византійскіе пре-

дѣлы, торговыми сношеніями, походами и мирными трактатами первыхъ русскихъ князей, принятіемъ отъ Византіи свѣта христіанской вѣры и перваго христіанскаго духовенства, наконецъ византійскимъ вліяніемъ, вторгнувшимся въ русскую жизнь во второй половинѣ XV вѣка, послѣ паденія Византіи и брака в. к. Іоанна III съ греческою царевною Софіею Палеологъ. Византизму суждено было играть выдающуюся роль въ историческихъ судьбахъ русскаго народа вплоть до возникновенія московскаго царства; вмѣстѣ съ тѣмъ и византійскому праву, какъ мы это впослѣдствіе увидимъ, суждено было оказать весьма значительное вліяніе на его прававой быть и на древне-русское право. Слѣдовательно, вопросъ о вліяніи византизма и византійскаго права на древнее русское право—вотъ еще одна весьма важная сфера изученія, которую не въ правѣ игнорировать наша наука, а на этой почвѣ историкамъ русскаго права приходится волею-неволею сталкиваться и съ изученіемъ памятниковъ римско-византійскаго законодательства.

Мы видѣли, что еще въ 1777 году А. Артемьевъ дѣлаетъ попытку изложенія „купно обоихъ правъ"—римскаго и русскаго. Но могущественный толчокъ изученію у насъ византійскаго права, въ связи съ исторіею русскаго права, данъ былъ появленіемъ въ 1829 году въ свѣтъ весьма замѣчательнаго труда барона *Г. А. Розенкампфа*: „Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ" (М. 1829, второе измѣненн. изд. Спб. 1839), въ которомъ авторъ исторически разслѣдываетъ вопросъ о Кормчей книгѣ или греческомъ Номоканонѣ, памятникѣ византійскаго церковно-свѣтскаго права, перенесенномъ къ намъ вслѣдъ за принятіемъ христіанства и не перестававшемъ оказывать вліяніе на русское право и на русскую правовую жизнь въ продолженіи всей до-Петровской эпохи русской исторической жизни. Уже въ 1838 году появляется изслѣдованіе *Э. Тобина*: „Nonnula de vi, quam jus Romanum in jus Rossicum temporibus antiquissimis habuerit" (Дерптъ, 1838), а вскорѣ послѣ того изслѣдованіе *Н. Рождественскаго*: „Разсужденіе о вліяніи греко-римскаго права на россійскіе гражданскіе законы" (Спб. 1843).

Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ появляются въ свѣтъ два капитальныхъ труда *Н. В. Калачова*: „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права" (Чтенія Моск.

Общ. Ист. и Др. за 1847 г., №№ 3—4, и отдѣльно М. 1850) и „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“ (М. 1846, второе изд. Спб. 1880; см. отдѣленіе IV-е), которые окончательно и безповоротно рѣшаютъ вопросъ о необходимости включенія памятниковъ греко-византійскаго права, собранныхъ въ Кормчей книгѣ, въ кругъ источниковъ исторіи русскаго права; къ трудамъ Калачова примыкаютъ и двѣ монографіи *К. А. Неволина*: „О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго“ (Спб. 1847 и „Сочиненія“, т. VI) и „О собраніяхъ и ученой обработкѣ церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи“ (Спб. 1859 г. „Сочиненія“ т. VI).

Изъ послѣдующихъ изслѣдованій въ томъ же направленіи, не касаясь собственно историковъ церкви, отмѣтимъ труды: *В. С. Иконникова* („Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи“, Кіевъ, 1869), *Н. Л. Дювернуа* („Источники права и судъ въ древней Россіи“, М. 1869, глава IV, и „Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву“, вып. I, Спб. 1889), *Н. А. Попова* („О значеніи германскаго и византійскаго вліяній на русскую историческую жизнь въ первые два вѣка ея развитія“, актовая рѣчь, Моск. Унив. Изв. 1871 г., № 1), *В. Г. Васильевскаго* („Русско-византійскіе отрывки“, Ж. М. Нар. Пр. 1875 и слѣд. г г.), *М. И. Горчакова* („О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й главы Кормчей книги“, Спб. 1880), *М. А. Дьяконова* („Власть Московскихъ государей“, гл. I—III, Спб. 1889) и нѣкот. др. Но особенно много потрудился за послѣднее время на разсматриваемомъ нами поприщѣ профессоръ *А. С. Павловъ*, выдающееся изслѣдованіе котораго: „Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ“ (Казань, 1869) окончательно и авторитетно рѣшило спорный вопросъ о времени появленія на Руси греческаго Номоканона въ славянскомъ переводѣ, рѣшило въ сторону появленія его у насъ уже вслѣдъ за введеніемъ христіанства; изъ другихъ трудовъ проф. Павлова отмѣтимъ: „Книги законныя, содержащія въ себѣ въ древне-русскомъ переводѣ византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные“ (Спб. 1885), „Къ вопросу о времени, мѣстѣ и характерѣ первоначальнаго перевода византійскаго

земледѣльческаго устава на славянскій языкъ“ (Ж. М. Нар. Пр. 1886, ч. 247-я) и „50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права“ (М. 1887). Не смотря на многое, уже сдѣланное въ этомъ направленіи, нельзя не сознаться въ томъ, что вопросъ о рецепціи византійскаго права въ древней Россіи—во многихъ частяхъ своихъ остается вопросомъ открытымъ, ожидающимъ еще своихъ изслѣдователей.

Во второй четверти XIII вѣка древняя Русь пришла въ столкновеніе съ монголами, подъ владычествомъ которыхъ она и томилась въ теченіи $2^1/_2$ вѣковъ. На этой почвѣ возникаетъ еще новый историческій вопросъ—вопросъ о монгольскомъ вліяніи на историческія судьбы русскаго народа. Этотъ вопросъ не можетъ оставаться чуждымъ и исторіи русскаго права, какъ въ виду непосредственнаго вліянія, оказаннаго монголами въ дѣлѣ измѣненія въ XIV—XV вѣкахъ основъ русскаго политическаго и общественнаго строя (высказывались даже мнѣнія, будто власть московскихъ царей—была продолженіемъ власти хановъ ордынскихъ, а московская приказная система—подражаніемъ правительственнымъ учрежденіямъ монголовъ), такъ хотя бы уже и потому, что въ число источниковъ русскаго права XIII—XIV вѣковъ входятъ ханскіе ярлыки, которые монгольскіе повелители давали русскому духовенству. Изъ писателей, затрогивавшихъ вопросъ о вліяніи монголовъ на русскую жизнь XIII—XVI вѣковъ,—а вопросъ этотъ затрогивается какъ всѣми авторами полныхъ исторій Россіи, такъ и почти всѣми монографистами въ предѣлахъ только что указанной эпохи,—мы укажемъ слѣдующіе труды, представляющіе интересъ для исторіи русскаго права: *П. Наумова*: „Объ отношеніяхъ россійскихъ князей къ монгольскимъ и татарскимъ ханамъ отъ 1224 до 1480 года“ (1823), *В. В. Григорьева*: „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству“ (Спб. 1842, также въ его сборникѣ „Россія и Азія“, Спб. 1876), *Г. С. Саблукова*: „Состояніе православной россійской церкви въ царствѣ Кипчакской или Золотой орды“ (Учен. Зап. Казанск. унив. 1842, II), *И. Н. Березина*: „Внутреннее устройство Золотой орды“ (Ж. М. Нар. Пр. 1849, ч. 68-я) и „Ханскіе ярлыки“ (Казань, 1850—51), *кн. М. А Оболенскаго*: „Ярлыкъ хана Тохтамыша“ (М. 1850), *С. М. Соловьева*: „Взглядъ на исто-

рію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго“ (Спб. 1852 и „Сочиненія“, Спб. 1882), *Н. И. Костомарова*: „Начало единодержавія въ Россіи“ (Вѣстн. Евр. 1870 г., № 11, и „Монографіи“, т. XII), *П. В. Полежаева*: „Московское княжество въ первой половинѣ XIV вѣка“ (Спб. 1878), *Ѳ. И. Леонтовича*: „Къ исторіи права русскихъ инородцевъ; древній монголо-калмыцкій или Ойратскій уставъ взысканій“ (Од. 1879), гдѣ авторъ проводитъ мысль о монгольскомъ вліяніи на образованіе московскихъ приказовъ, *В. Тизенгаузена*: „Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды“ (Спб. 1884) и др.

Существуетъ и еще одна отрасль исторіи права, которая должна неминуемо входить въ общій циклъ науки исторіи русскаго права. Это — исторія литовско-русскаго права, т. е. права той части русской земли,—Руси Западной,—которая послѣ татарскаго погрома подпала подъ власть Польско-Литовскаго государства и только въ позднѣйшіе вѣка была, мало по малу, снова соединена съ Русью Восточною. Вопросъ о необходимости включенія въ кругъ исторіи русскаго права и исторіи права литовско-русскаго—былъ поднятъ въ 1865 году профессоромъ *Ѳ. И. Леонтовичемъ* въ трудѣ, озаглавленномъ: „Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права“ (Кіевскія Унив. Изв. 1865 гг., №№ 2—4; Прилож. къ II т. Записокъ Императ. Ак. Н., № 4). Дѣло въ томъ, что, занимаясь частичными изысканіями въ области литовско-русскаго права XV—XVI столѣтій (въ 1863 году имъ издано было изслѣдованіе о „Крестьянахъ юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI столѣтіи“, К. 1863), проф. Леонтовичъ напалъ на слѣды близкаго родства Литовскаго Статута, памятника права Литовской Руси (первоначальная редакція котораго относится къ 1529 году), съ нашею Русскою Правдою. Фактъ сходства узаконеній Руси Западной и Руси Восточной подмѣченъ былъ *А. В. Семеновымъ* еще въ первой половинѣ 50-хъ годовъ (А. С — ва: „О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси“, Временникъ М. О. Ист. и Др. 1854 г., кн. 19-я), но Ѳ. И. Леонтовичъ впервые поставилъ вопросъ этотъ на научно-историческую почву, указавъ въ этомъ направленіи путь позднѣйшимъ изслѣдователямъ. Сходство

отдѣльныхъ опредѣленій Литовскаго Статута съ таковыми же опредѣленіями памятниковъ нашего древняго права — одною Русскою Правдою не ограничивается: изученіе внутренняго содержанія нѣкоторыхъ дополнительныхъ къ Судебнику 1550 г. указовъ, въ особенности такъ называемаго Эрмитажнаго списка ихъ (Архивъ истор. и юридич. свѣд. Калачова, кн. II, полов. 1-я), обнаруживаетъ также близкое сходство ихъ къ постановленіями Литовскаго Статута; такое же сходство обнаруживается при сличеніи нашихъ уставныхъ грамотъ XIV — XVI вѣковъ съ литовско-русскими уставными грамотами и другими памятниками литовскаго законодательства [1]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ не представляется никакой надобности прибѣгать къ предположеніямъ о заимствованіяхъ, къ которымъ такъ любили у насъ прибѣгать въ старые годы, и сходство права Восточной Руси съ правомъ Западной Руси—вполнѣ естественнымъ образомъ объясняется духовнымъ родствомъ обоихъ: обѣ системы права черпали свое содержаніе, свой духъ, изъ одного общаго источника—с т а р а г о р у с с к а г о о б ы ч н а г о п р а в а, которое только получало въ нихъ письменную формулировку и законодательную санкцію съ добавленіемъ, для памятниковъ литовско-русскаго права—указной дѣятельности польско-литовскихъ государей и нормъ Магдебургскаго муниципальнаго права, представлявшагося западно-русскимъ городамъ; отдѣльныя же опредѣленія Русской Правды, бывшей когда то правовымъ сборникомъ, общимъ для обѣихъ половинъ, тогда еще нераздѣльной, русской народности, даже цѣликомъ вошли въ Литовскій Стітутъ. Таковы тѣ, въ высшей степени серьезныя, основанія, которыя заставляютъ включить памятники литовско-русскаго права въ кругъ исторіи русскаго права и тѣмъ самымъ открываютъ еще одно, обширное и пока весьма мало тронутое, поле для дѣятельности русскихъ историковъ-юристовъ

Мы уже имѣемъ цѣлый рядъ изслѣдованій по исторіи памятниковъ литовско-русскаго права, появившихся какъ до приведеннаго выше труда проф. Леонтовича, такъ и послѣ него. Въ числѣ первыхъ можно указать: *Даниловича* „Historyszny rzut oka na prawodawstwo litowskie“ (Вильно, 1837),

---

[1]) См. Н. Загоскина: «Уставныя грамоты XIV—XVI вв. и пр.,» вып. II. (Каз. 1876).

и „Взглядъ на литовское законодательство и литовскіе статуты“ (Юрид. Зап. Рѣдкина, М. 1841, т. I). Въ числѣ послѣднихъ: *Чарнецкаго*: „Исторія Литовскаго Статута“ (Кіевск. унив. изв. 1866 и 1867 г.г.), *А. Ѳ. Кистяковскаго*: „Очеркъ историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи подъ заглавіемъ: Права, по которымъ судится малороссійскій народъ“ (Кіевск. унив. изв. 1878 г., №№ 11—12), *Н. А. Попова*: „Источники и судьба малорусскаго права“ (Ж. М. Нар. Пр. 1878 г., № 7), *В. Н. Баршевскаго*: „Краткая исторія Литовскаго Статута“ (Кіевск. Унив. изв. 1882 г., № 6, и отдѣльно: К. 1882), *Каманина*: „Изъ исторіи городскаго самоуправленія по Магдебургскому праву“ (Кіевск. Унив. изв. 1885 г., № 2), *М. Ясинскій*: „Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства“ (Кіевск. унив. изв. 1889 г., и отдѣльно: К. 1889). Дѣятельнымъ адептомъ разсматриваемаго нами новаго направленія въ изысканіяхъ по исторіи русскаго права выступилъ и проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, авторъ изслѣдованій: „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“ (Ж. М. Нар. Пр. 1868 г. ч.ч. 139 и 140, отдѣльно: Спб. 1868), „Черты семейнаго права Западной Россіи въ половинѣ XVI вѣка“ (Чтенія въ Кіевск. Общ. Нестора лѣтописца, 1890 г., кн. IV), „Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права“ (2 вып., К. 1890) и „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литвѣ“ (1892).

Въ самое послѣднее время на почву сравнительно-историческаго изученія литовско-русскаго права снова обратился и *Ѳ. И. Леонтовичъ*, начавшій печатать съ мартовской книжки Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія за 1893 г. свои „Очерки исторіи литовско-русскаго права“.

Мы разсмотрѣли тѣ историческія направленія, которыя должны предвходить въ общую область науки исторіи русскаго права и уже теперь достаточно ясно обрисовываютъ собою ближайшія задачи сравнительно-историческаго метода, въ его приложеніи къ нашей наукѣ, и болѣе или менѣе всестороннее выполненіе которыхъ должно подготовить ее къ воспріятію этого метода въ несравненно болѣе широкомъ видѣ—въ примѣненіи его къ изученію исторіи русскаго права въ связи съ исторіею права въ его всемірно-человѣческомъ развитіи. Но эта послѣдняя задача—задача весьма неблизкаго будущаго, остающаяся пока въ числѣ pia desideria нашей науки:

приступивъ къ выполненію ея съ тѣми средствами, которыя находятся въ настоящее время въ распоряженіи исторіи русскаго права, мы неминуемо рисковали бы попасть на тотъ ложный путь, по которому шла наша юридическая исторіографія до конца первой половины текущаго столѣтія,— путь неудачныхъ и своевольныхъ сближеній, сопоставленій, гипотезъ и догадокъ.

Спрашивается, однако же: располагаетъ ли въ наши дни наука исторіи русскаго права средствами для выполненія и тѣхъ, относительно ограниченныхъ, задачъ сравнительно-историческаго изслѣдованія, которыя были выше отмѣчены нами? На этотъ вопросъ доводится дать отвѣтъ въ весьма значительной степени отрицательный. И сравнительная исторія славянскаго права, и право скандинавское (если допустимъ норманское происхожденія варяговъ-руссовъ, конечно), и право византійское, и право монгольское, и право литовско-русское, разработаны еще весьма мало,—что бы не сказать: почти вовсе не разработаны, — въ ихъ приложеніи къ исторіи русскаго права.

Всѣ эти сферы историческаго знанія представляютъ собою едва тронутую новь, ожидающую своихъ воздѣлывателей. Тѣмъ не менѣе, пути по этой нови уже ясно намѣчены и надо надѣятся, что будущіе дѣятели ея не за горами.

ГЛАВА III.

Опыты систематическаго изложенія науки исторіи русскаго права послѣ Рейца

А) *До конца 60-хъ годовъ:* Тобинъ. — Неволинъ. — Рождественскій. — Шпилевскій.—Б) *Съ конца 60-хъ годовъ:* Леонтовичъ.—Михайловъ.—Загоскинъ.—Самоквасовъ. — Бѣляевъ.—Сергѣевичъ. — Владимірскій — Будановъ. — Новый опытъ Самоквасова.—Латкинъ.—Печатные университетскіе курсы. — Интересный починъ Сергѣевича.—Христоматіи по исторіи русскаго права.—Лазаревскій и Утинъ.—Владимірскій—Будановъ.

Познакомившись съ генезисомъ исторіи русскаго права и съ направленіями, намѣченными въ этой наукѣ, въ связи съ самою исторіею ея, намъ остается въ настоящее время разсмотрѣть еще труды, имѣющіе своею задачею системати-

ческое и болѣе или менѣе полное изложеніе исторіи русскаго права.

Извѣстные уже намъ труды Эверса (1826 г.) и Рейца (1829 г.) должны быть почитаемы первыми попытками систематическаго изложенія исторіи русскаго права, какъ науки. Задачу обоснованія исторіи русскаго права, какъ науки, преслѣдуютъ и труды профессора Дерптскаго же университета Э. Тобина: „Введеніе въ исторію русскаго права" и „Взглядъ на основныя начала русскаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до Уложенія о наказаніяхъ 1845 года" (Ж. М. Нар. Пр. за 1845 г., ч. 48-я, и 1847 г., ч. 54-я). Сороковые же года дали намъ и два опыта внѣшней исторіи русскаго законодательства. Первый изъ нихъ принадлежитъ *К. А. Неволину* и помѣщенъ во второмъ томѣ его „Энциклопедіи законовѣдѣнія" (Кіевъ, 1840); второй изданъ *Н. Рождественскимъ*, отдѣльною небольшою книжкою, подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе внѣшней исторіи законодательства" (Спб. 1849).

Таковы были немногочисленные труды по систематизаціи исторіи русскаго права, появившіеся до начала 60-хъ годовъ текущаго столѣтія. Между тѣмъ историко-юридическій матеріалъ,—въ видѣ изданія памятниковъ и актовъ, изслѣдованій, монографій, журнальныхъ статей и замѣтокъ,—принялъ уже настолько широкій размѣръ, что стала чувствоваться настоятельная потребность не только разобраться въ этомъ матеріалѣ (попытку къ чему и предпринимаютъ въ 1859—1861 годахъ Мулловъ и К°, помѣстивъ на страницахъ „Архива историч. и практич. свѣд." Калачова указатель литературы по исторіи русскаго права), но и имѣть полное руководство по исторіи русскаго права. Если въ началѣ 60-хъ годовъ такого руководства и не было составлено, то за то въ 1862 году появилась въ высшей степени замѣчательная актовая рѣчь молодаго въ то время адъюнкта Казанскаго университета, ближайшаго ученика покойнаго И. Д. Бѣляева, *С. М. Шпилевскаго*: „Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I" (Актъ Казанск. унив. 1862 г., Учен. Зап. того же унив. 1862 г., вып. II, отдѣльно: Каз. 1862). Этотъ почтенный трудъ, значеніе котораго не въ достаточной степени оцѣнено въ литературѣ нашей науки, на ограниченномъ пространствѣ $4^3/_4$ печатныхъ

листовъ, даетъ отвѣты на всѣ основные и существеннѣйшіе вопросы историческаго развитія права и государства, намѣчая всѣ тѣ направленія, которыя должны быть приняты въ соображеніе въ нашей наукѣ и во многихъ отношеніяхъ какъ бы прозрѣвая отдѣльныя стороны ея развитія и намѣчая пути, по которымъ впослѣдствіе, дѣйствительно, и пошли наши ученые. Въ этой рѣчи, въ формѣ легкаго, сжатаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящнаго и сильнаго изложенія, проф. Шпилевскій затрогиваетъ вопросы: и о древнѣйшемъ славянскомъ обычномъ правѣ, какъ основномъ источникѣ русскаго права въ его историческомъ развитіи, и здѣсь предваряетъ послѣдующія работы въ этомъ направленіи проф. Леонтовича, и о значеніи вѣча въ политическомъ быту нашихъ отдаленныхъ предковъ,—вопросъ глубоко разслѣдованный черезъ нѣсколько лѣтъ проф. Сергѣевичемъ, и о роли земщины во взятые имъ два первые періода русской исторической жизни, и о вліяніи византизма и рецепціи византійскаго права; даетъ мѣткую характеристику памятниковъ древняго русскаго права, въ особенности Русской Правды и Уложенія, указываетъ на начало областности въ русской исторіи, высказываетъ вѣрный взглядъ на явленіе московской централизаціи, на наши земскіе соборы, на смутное время,—словомъ, даетъ цѣлый проспектъ внѣшней, а отчасти и внутренней, исторіи развитія русскаго права и русскаго государства. Второе, пересмотрѣнное, изданіе рѣчи проф. Шпилевскаго было бы положительно умѣстнымъ и для нашихъ дней, какъ прекрасное пропедевтическое пособіе для приступающихъ къ изученію нашей науки.

За послѣднее двадцатипятилѣтіе первая широко задуманная, но оставшаяся почти при самомъ зарожденіи своемъ, попытка составленія полной и систематической исторіи русскаго права, которая обнимала бы собою и внѣшнюю и внутреннюю исторію его, относится къ 1869 году. Это — уже знакомый намъ трудъ профессора Новороссійскаго университета *Ѳ. И. Леонтовича*: „Исторія русскаго права" (выпускъ первый, Од. 1869, стр. VIII+151). Задуманный съ идеею широкаго приложенія къ древнѣйшей исторіи русскаго права сравнительно-историческаго метода, трудъ проф. Леонтовича остановился, къ сожалѣнію, лишь на первомъ выпускѣ, въ которомъ авторъ даетъ введеніе къ предположенному полному изложенію исторіи русскаго права, трактуетъ о дѣленіи ея на внѣшнюю и

внутреннюю и на періоды, говоритъ объ источникахъ нашей науки и объ ея научной разработкѣ и литературѣ (стр. 5 — 65), и вводитъ первый отдѣлъ намѣченной первой части своего труда („Внѣшняя исторія русскаго права“), въ которомъ разслѣдуетъ вопросъ объ „обычномъ правѣ древнихъ славянъ вообще и русскихъ въ особенности, до призванія князей“ (стр. 67 — 107), иллюстрируя этотъ вопросъ выписками изъ источниковъ (римскіе, греческіе, византійскіе, германскіе и арабскіе писатели, наша начальная лѣтопись, Краледворская рукопись, старосербскія пѣсни), сведенными имъ въ двухъ приложеніяхъ къ его книгѣ (стр. 109—151). Вотъ все, что даетъ проф. Леонтовичъ въ единственномъ выпускѣ задуманной имъ „Исторіи русскаго права“. Не смотря на свою далекую незаконченность, этотъ трудъ заслуживаетъ вниманія, какъ опытъ широкаго приложенія сравнительно-славянскаго метода къ изученію древнѣйшаго русскаго права, и по любопытнымъ мыслямъ и указаніямъ, которыя найдетъ въ немъ изслѣдователь этого послѣдняго, если только отклонитъ ссылки автора на пресловутую Краледворскую рукопись.

Въ 1871 году вышелъ въ свѣтъ довольно объемистый, стенографированный, общій университетскій курсъ лекцій профессора С.-Петербургскаго университета *М. М. Михайлова*: „Исторія русскаго права“ (Спб. 1871 г., лекціи I—LXXIX, стр. 468 + 262, выходилъ выпусками, всего въ количествѣ четырехъ). Курсъ этотъ хотя и доведенъ до Судебныхъ Уставовъ 1864 г. включительно, тѣмъ не менѣе долженъ быть признанъ въ высшей степени неудовлетворительнымъ. Несистематичность, разбросанность изложенія, крайняя несоразмѣрность въ отдѣльныхъ частяхъ, невѣрное пониманіе русской исторической и историко-юридической жизни, поверхностное знакомство съ одними источниками и совершенное незнакомство съ другими—таковы отрицательныя стороны, въ силу которыхъ книга проф. Михайлова должна подлежать исключенію изъ круга литературныхъ пособій нашей науки, а лицамъ, самостоятельно не оріентировавшимся еще въ исторіи русскаго права, можно лишь посовѣтовать и не брать въ руки этого злосчастнаго произведенія бывшаго петербугскаго профессора.

Третьею, за послѣднее двадцатипятилѣтіе, попыткою

(впрочемъ частичною) изложенія исторіи русскаго права былъ трудъ профессора (въ то время привать-доцента) Казанскаго университета *Н. П. Загоскина*: „Исторія права Московскаго государства“ (томъ первый, Казань 1877 г., стр. XII + 344; тома втораго выпускъ первый, Казань 1879 г., стр. 156). Въ первомъ томѣ этого труда, имѣвшаго обнять собою, какъ это усматривается изъ самаго заглавія его, только одинъ Московскій періодъ нашей науки, дается введеніе, въ которомъ излагаются, между прочимъ, условія и явленія, содѣйствовавшія успѣху дѣла московской централизаціи; затѣмъ слѣдуетъ внѣшняя исторія права (обозрѣніе источниковъ) и, наконецъ, начало внутренней исторіи права (государственнаго), заключающее въ себѣ исторію верховной власти въ Московскомъ государствѣ, со включеніемъ сюда монографическаго изслѣдованія о земскихъ соборахъ. Первый выпускъ втораго тома всецѣло посвященъ исторіи Боярской Думы въ Московскомъ государствѣ. — но на этомъ выпускѣ трудъ и остановился, такъ какъ авторъ намѣтилъ составленіе курса исторіи русскаго права въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чему выпускомъ въ свѣтъ настоящей книги имъ и кладется начало.

Слѣдующею попыткою систематическаго изложенія науки исторіи русскаго права является трудъ бывшаго профессора Варшавскаго университета *Д. Я. Самоквасова*: „Исторія русскаго права“ (Два выпуска: первый — Варш. 1878 г., стр. XII + 272 + 74; второй—Варш. 1884 г., стр. X + 145). Первый выпускъ труда проф. Самоквасова посвященъ изложенію литературы, источниковъ и методовъ ученой разработки источниковъ и заключаетъ въ себѣ три главы: 1) „Очеркъ литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ славянъ въ эпоху призванія князей“, въ которомъ авторъ подробно излагаетъ всѣ теоріи, сюда относящіяся, начиная съ Татищева и кончая новѣйшими изслѣдователями; 2) „Критическій анализъ основаній литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ славянъ въ эпоху призванія Рюрика“ и 3) „Источники познанія началъ политико-юридическаго быта русскихъ славянъ въ эпоху призванія Рюрика и методы ихъ ученой разработки“, гдѣ авторъ, исходя изъ точки зрѣнія недостаточности существующихъ источниковъ для постановки вопроса объ условіяхъ политико-общественнаго быта древнѣйшихъ

предковъ нашихъ на почву положительнаго знанія, предлагаетъ новый источникъ—археологію, которая, путемъ изслѣдованія вещественныхъ памятниковъ (кургановъ, городищъ, кладовъ, монетъ и урочищъ) въ мѣстахъ разселенія восточныхъ славянъ, должна возстановить черты внутренняго быта этихъ послѣднихъ, причемъ г. Самоквасовъ,—извѣстный русскій археологъ,—подкрѣпляетъ свою мысль результатами огромнаго числа раскопокъ, произведенныхъ имъ въ предѣлахъ губерній Черниговской, Полтавской, Курской и Харьковской, преимущественно въ районѣ разселенія древне-славянскаго племени Сѣверянъ. Такимъ образомъ, проф. Самоквасовъ является основателемъ *археологическаго метода* въ его приложеніи къ изученію древнѣйшей русской исторіи и древнѣйшаго русскаго права. Во второмъ выпускѣ своего труда Д. Я. Самоквасовъ изслѣдуетъ, въ двухъ главахъ, вопросы: о происхожденіи славянъ, вообще (гл. 1-я), и о происхожденіи русскихъ славянъ, въ частности (гл. 2-я). Здѣсь авторъ выступаетъ съ своею собственною теоріею происхожденія славянъ, считая ихъ, вмѣстѣ съ германцами, литовцами, булгарами, казарами, гуннами, аланами и друг. народностями—потомками скиѳовъ, вытѣсненныхъ римлянами изъ первоначальныхъ мѣстъ жительства своего, что г. Самоквасовъ и основываетъ на нумизматическихъ данныхъ (находки римскихъ монетъ). Проф. Самоквасовъ является убѣжденнымъ защитникомъ сдѣланныхъ имъ выводовъ: приложеніе предлагаемаго имъ археологическаго метода способно будетъ выяснить, говоритъ г. Самоквасовъ, что „исторія славяно-руссовъ языческой эпохи не бѣднѣе исторіи германцевъ того же времени“, а его теорія скиѳскаго происхожденія народовъ сѣверной и восточной Европы — многое освѣтитъ въ древней исторіи этой послѣдней.

Въ 1879 году вышло въ свѣтъ посмертное изданіе курса лекцій по исторіи русскаго права покойнаго профессора Московскаго университета *И. Д. Бѣляева*, подъ весьма неудачнымъ заглавіемъ: „Лекціи по исторіи русскаго законодательства“ (М. 1879 г., стр. VIII + 728; второе изданіе 1888 г.),—заглавіемъ неудачнымъ потому, что задачи исторіи п р а в а далеко не исчерпываются исторіею з а к о н о д а т е л ь с т в а и это заглавіе стоитъ, въ силу этого, въ противорѣчіи съ самымъ содержаніемъ книги. Изданіе предпринято на сред-

ства одного изъ почитателей и друзей покойнаго И. Д. Бѣляева, А. И. Кошелева, подъ редакціею ученика и недолговременнаго преемника его, С. А. Петровскаго. Напечатанный курсъ проф. Бѣляева, сильно проникнутый отпечаткомъ славянофильскаго направленія, представляетъ весьма существенные недостатки, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить почти совершенное отсутствіе исторической критики въ пользованіи источниками, иногда довольно сомнительнаго характера, безсистематичность и несоразмѣрность въ отдѣльныхъ частяхъ курса, бездоказательность многихъ положеній, въ особенности въ предѣлахъ древняго періода, тяжелая форма изложенія и даже не всегда точное разграниченіе юридическихъ понятій. Вообще, курсъ проф. Бѣляева долженъ быть признанъ стоящимъ далеко не на уровнѣ современнаго положенія нашей науки. Кропотливый архивистъ, плодовитый, неутомимый и талантливый монографистъ, проф. Бѣляевъ не былъ удачнымъ систематизаторомъ массы находившихся въ его распоряженіи научныхъ средствъ и историческихъ данныхъ. Мы склонны, впрочемъ, объяснить значительную часть недостатковъ курса Бѣляева неудачнымъ выборомъ редакціи лекцій изъ множества записокъ, оставшихся у бывшихъ слушателей покойнаго профессора. Печатный курсъ лекцій Бѣляева доведенъ до изданія Свода Законовъ Россійской Имперіи; впрочемъ, новый періодъ исторіи русскаго права изложенъ здѣсь въ высшей степени конспективно, такъ какъ всѣ симпатіи покойнаго, какъ и другихъ нашихъ историковъ славянофильскаго оттѣнка, были направлены на древніе, удѣльно-вѣчевой и, въ особенности, московскій періодъ русской исторической жизни. Гг. Кошелевъ и Петровскій сдѣлали бы несравненно большее для памяти покойнаго Бѣляева, если бы, взамѣнъ курса, предприняли изданіе избраннаго собранія его, разбросанныхъ и не всегда доступныхъ, сочиненій. Со стороны системы своего изложенія, книга проф. Бѣляева заключаетъ въ себѣ: введеніе, гдѣ трактуется о значеніи исторіи законодательства вообще и о дѣленіи исторіи русскаго права на періоды, а затѣмъ слѣдуетъ изложеніе самаго курса, по четыремъ слѣдующимъ періодамъ: 1-ый—языческій, до 988 года; 2-ой—отъ введенія христіанства до завершенія дѣла объединенія русскихъ княжествъ, отъ 988 до 1497 г. (съ подраздѣленіемъ на два раздѣла: 988—1237 г.г. и 1237—1497 г.г.); 3-й—отъ

изданія перваго Судебника до Уложенія (1497 — 1649 г.г.); 4-й—отъ Уложенія 1649 г. до изданія Свода Законовъ.

Въ 1883 году появилось первое печатное изданіе курса лекцій профессора С.-Петербургскаго университета *В. И. Сергѣевича*: „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“ (Спб. 1883, стр. VIII + 997; были еще послѣдующія, исправленныя и дополненныя, изданія 1886—87 и 1889—90 годовъ). Курсъ этотъ, со стороны внутренняго содержанія своего, отличается всѣми тѣми достоинствами, которыя присущи, вообще, трудамъ почтеннаго ученаго и доводится имъ до изданія Свода Законовъ Россійской Имперіи. Съ внѣшней стороны можно отмѣтить неравномѣрность въ обработкѣ курса (въ чемъ сознается и самъ авторъ), благодаря монографическому характеру отдѣльныхъ его частей, которыя широкою рукою черпаются авторомъ изъ другихъ печатныхъ трудовъ его (напримѣръ—объ отношеніяхъ вѣча и князя въ древней Руси, земскіе соборы, Екатерининская законодательная коммиссія); вслѣдствіе этого, однѣ части курса изложены весьма детально, вполнѣ законченно и даже принимаютъ характеръ цѣлыхъ вставныхъ монографій, между тѣмъ какъ, въ сравненіи съ ними, другіе отдѣлы его излагаются кратко, подъ-часъ даже конспективно. Весь свой курсъ, помимо введенія, въ которомъ авторъ трактуетъ о задачѣ исторіи и о законахъ историческаго развитія, о сравнительномъ методѣ, о характеристикѣ древнѣйшаго состоянія человѣка и о методологіи собственно исторіи русскаго права, проф. Сергѣевичъ дѣлитъ на двѣ, почти равныя, части: 1) Исторія права при князьяхъ и 2) Исторія права при царяхъ и императорахъ. Въ каждой изъ этихъ двухъ частей заключается по 5 главъ, посвященныхъ слѣдующимъ сферамъ изученія: а) источники, б) государственное право (два отдѣла: устройство и управленіе), в) уголовное право, г) гражданское право (три отдѣла: семейный союзъ, вещное право и наслѣдственное право) и д) судопроизводство. Литература предмета указывается въ началѣ каждой главы,—что весьма удобно для цѣлей учебныхъ. Система курса проф. Сергѣевича строго, такимъ образомъ, выдержана, облегчая всякаго рода литературныя и историческія справки въ его книгѣ, которая и должна быть рекомендована, какъ весьма хорошій учебникъ исторіи русскаго права и пріобрѣтетъ еще бóльшія достоинства, если авторъ приведетъ ее къ болѣе соразмѣренному изложенію отдѣльныхъ частей.

Слѣдующею въ хронологическомъ порядкѣ попыткою изложенія курса исторіи русскаго права выступаетъ трудъ профессора Кіевскаго университета *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: „Обзоръ исторіи русскаго права" (Кіевъ, 1886, въ 2-хъ выпускахъ, стр. X + VIII + 225 и XII + 282; второе дополненное и исправленное изданіе въ одномъ томѣ: Кіевъ, 1888, стр. XXVI + 542). „Обзоръ" проф. Владимірскаго - Буданова „не есть изложеніе науки исторіи русскаго права въ полномъ учебномъ ея объемѣ; онъ долженъ служить только пособіемъ при слушаніи лекцій, предполагая изложеніе дѣйствительнаго содержанія ея посредствомъ устнаго изложенія",— какъ оговаривается самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ. Богатый своимъ внутреннимъ содержаніемъ и наглядымъ представленіемъ исторіи развитія, въ предѣлахъ данныхъ эпохъ, отдѣльныхъ институтовъ и правоотношеній, „Обзоръ" профессора Владимірскаго-Буданова страдаетъ, на нашъ взглядъ, слишкомъ большою подробностью своей системы, въ ущербъ прагматичности изложенія, вслѣдствіе чего сводится скорѣе къ исторіи институтовъ и отдѣльныхъ правовыхъ отношеній, нежели къ исторіи права въ его историческомъ развитіи, паралельно съ историческою жизнью самаго народа. „Обзоръ" проф. Владимірскаго-Буданова, которому предшествуетъ введеніе (понятія о наукѣ, ея предметѣ и методѣ, періодахъ и литературѣ исторіи русскаго права), распадается на двѣ части, которымъ соотвѣтствуютъ два выпуска въ первомъ изданіи. Первая часть имѣетъ своимъ предметомъ исторію государственнаго права; вторая — исторію правъ уголовнаго, гражданскаго и процессуальнаго. Первая часть, т. е. исторія государственнаго права, раздѣляется на три періода—земскій, московскій и императорскій, причемъ каждый изъ нихъ, въ свою очередь, вмѣщаетъ въ себѣ по пяти раздѣловъ: а) територія, б) населеніе, в) власть, г) управленіе и д) законодательство. Во второй части исторія уголовнаго права распадается на три періода—эпоху Русской Правды, московскій и императорскій, съ дальнѣйшими подраздѣленіями сообразно общей системѣ уголовнаго права Исторія гражданскаго права раздѣлена на пять основныхъ отдѣловъ: 1) лице, б) семейственное право, в) наслѣдственное право, г) вещное право и д) обязательственное право,—причемъ дѣленію по періодамъ отводится здѣсь уже второстепенное значеніе, такъ что каждый

изъ только что исчисленныхъ отдѣловъ гражданскаго права, а иногда даже и отдѣльные институты, послѣдовательно проводятся черезъ періоды земскій, московскій и императорскій. Въ исторіи процесса періоды снова выдвигаются на первый планъ и фигурируютъ главными рубриками этого послѣдняго отдѣла книги проф. Владимірскаго-Буданова. Такая дробность и, даже, не строгая выдержанность системы „Обзора", пестрая и, мѣстами, дѣланная классификація отдѣловъ, раздѣловъ, періодовъ, главъ и болѣе мелкихъ рубрикъ — не даютъ читателю возможности такъ быстро оріентироваться въ предметѣ и бросить на него взглядъ съ высоты, такъ сказать, птичьяго полета, какъ онъ можетъ сдѣлать это въ курсѣ проф. Сергѣевича. Все это не умаляетъ, впрочемъ, значенія труда г. Владимірскаго-Буданова какъ цѣннаго, по богатству фактическаго содержанія, пособія при изученіи нашей науки. Литературныя указанія приведены здѣсь, какъ и у проф. Сергѣевича, во главѣ соотвѣтствующихъ рубрикъ книги.

Мы уже знакомы съ неоконченною попыткою профессора *Д. Я. Самоквасова* предпринять составленіе полнаго курса исторіи русскаго права (1878—1884 гг.). Придя, повидимому, къ убѣжденію въ невыполнимости этой задачи по первоначально задуманному имъ плану, слѣдуя которому авторъ сталъ не на путь составленія печатнаго курса исторіи русскаго права, но на весьма скользкій путь самостоятельныхъ работъ въ области до-исторической эпохи жизни восточной Европы, притомъ въ совершенно новомъ и вполнѣ оригинальномъ направленіи,—проф. Самоквасовъ въ 1888 году выступаетъ съ новою попыткою въ томъ же родѣ, въ результатѣ чего и появляется снова въ свѣтъ его: „Исторія русскаго права (университетскій курсъ), книга первая" (Варш. 1888 г., стр. 400). на этотъ разъ въ уже измѣненной системѣ, приноровленной къ „экзаменнымъ требованіямъ, коимъ должны удовлетворять испытуемые въ коммиссіи юридической", т. е. къ изученію „постепеннаго развитія основныхъ институтовъ правъ государственнаго, гражданскаго, уголовнаго, торговаго, финансоваго и церковнаго". Эта первая книга новой попытки проф. Самоквасова заключаетъ въ себѣ вступительныя понятія (общія свѣдѣнія о правѣ, исторіи права, вообще, и исторіи русскаго права, въ частности) и начало изложенія перваго періода— „періода языческихъ или племенныхъ славяно-русскихъ госу-

дарствъ“, какъ называетъ его авторъ. Здѣсь г. Самоквасовъ предлагаетъ обзоръ источниковъ, являясь и на этотъ разъ пропагандистомъ археологическаго метода изученія, въ примѣненіи его къ этой эпохѣ, причемъ подробно излагаетъ вопросъ о договорахъ русскихъ князей съ греками, переходитъ къ вопросу о происхожденіи славяноруссовъ, оставаясь вѣрнымъ своей теоріи скиѳскаго происхожденія ихъ и, наконецъ, разсматриваетъ, въ предѣлахъ языческаго періода, сущность и развитіе отношеній и институтовъ: экономическаго, религіознаго, государственнаго и процессуальнаго. Уже по первой книгѣ „Исторіи русскаго права“ проф. Самоквасова можно было прійти къ заключенію, что и эта попытка далѣе первой книги не пойдетъ. Неудачная система, принятая авторомъ, которая свелась, въ сущности, къ отсутствію всякой системы, являясь въ видѣ хаотическаго конгломерата произвольныхъ рубрикъ и массы самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, хотя подъчасъ и весьма цѣнныхъ и интересныхъ, но разбросанныхъ по книгѣ часто безъ всякой взаимной связи и имѣющихъ съ наукою исторіи русскаго права весьма мало общаго—все это должно было связать автору руки и запутать его самаго въ научномъ лабиринтѣ, который представляетъ собою его новая попытка. И дѣйствительно: проф. Самоквасовъ обѣщалъ въ предисловіи къ новому труду своему выпустить въ теченіи 1889 года дальнѣйшія двѣ книги своей исторіи права, между тѣмъ продолженія ея и до сихъ поръ не появлялось.

Въ 1888 же году появился въ свѣтъ курсъ чтеній профессора С.-Петербургскаго университета *В. Н. Латкина*: „Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права“. Московское государство и Россійская имперія“ (Спб. 1888 г., стр. 4+6+372; втор. изд. 1890 г.), который, какъ показываетъ самое заглавіе, заключаетъ въ себѣ лишь историческій обзоръ внѣшней исторіи памятниковъ русскаго законодательства за московскій и петербургскій періоды исторіи русскаго права, и, въ этихъ предѣлахъ, представляетъ собою очень хорошее пособіе. въ которомъ приняты во вниманіе всѣ новѣйшія открытія и изслѣдованія въ области даннаго вопроса.

Въ слѣдующемъ 1889 году вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ университетскихъ чтеній бывшаго профессора Одесскаго университета *Ѳ. И. Леонтовича*: „Краткій очеркъ исторіи русскаго права. Выпускъ I: Источники права земскаго

періода“ (Од. 1889) и печатное изданіе лекцій *В. Н. Латкина*: „Лекціи по исторіи русскаго права“ (Спб. 1889). Этихъ книжекъ, представляющихъ собою печатныя изданія профессорскихъ лекцій и въ общую продажу, повидимому, не поступавшихъ—мы подъ руками не имѣемъ. Болѣе нежели вѣроятно, что нами упущены изъ виду и нѣкоторыя другія изданіе этого же рода.

Къ числу трудовъ, имѣющихъ своею задачею систематизацію русскаго историко-юридическаго знанія, долженъ быть, безспорно, отнесенъ и предпринятый профессоромъ *В. И. Сергѣевичемъ* трудъ: „Русскія юридическія древности. Томъ первый: Территорія и населеніе“ (Спб. 1890 г., стр, XII + 517), въ которомъ авторъ, систематизируя историко-юридическія данныя, касающіяся двухъ основныхъ элементовъ государственности,—территоріи и населенія,—до конца XVII вѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ по всѣмъ затрогиваемымъ имъ вопросамъ выписки изъ подлинныхъ памятниковъ, что бы, какъ поясняетъ самъ проф. Сергѣевичъ, желающіе могли изъ первыхъ рукъ познакомиться съ источниками, такъ какъ только такое знакомство съ ними „можетъ дать живое пониманіе древности“. Трудъ проф. Сергѣевича распадается па двѣ книги: 1) Государственная территорія (волости, города и пригороды, княженія, удѣлы, отчины, возникновеніе Московскаго государства и т. п.) и 2) Населеніе, причемъ вторая книга, въ свою очередь, заключаетъ въ себѣ 4 главы: а) Несвободные (полные и кабальные холопы), б) Свободное населеніе (смерды, закупы, крестьяне, изгои, числяки, ордынцы и дѣлюи, закладни, купцы, гости, посадскіе люди, бояре, вольные слуги, дѣти боярскіе, путные бояре), в) Дворовые чины (бояре введенные, окольничіе, дворецкіе и пр.) и г) Дьяки. Настоящій листъ нашего труда былъ уже въ корректурѣ, когда полученъ былъ нами второй томъ этого почтеннаго труда проф. Сергѣевича (Спб. 1893), посвященный вопросу о „власти“, что лишаетъ насъ возможности представить общій проспектъ содержанія этого тома.

Литература исторіи русскаго права даетъ намъ и образецъ „*Повторительнаго курса* по исторіи русскаго права“ (Кіевъ, 1891 г., стр. III + 200), представляющаго собою не всегда удачную выборку изъ печатныхъ лекцій профессоровъ Владимірскаго-Буданова и Сергѣевича, съ преобладающимъ,

однако, вліяніемъ перваго; хотя и нелишенная недосмотровъ, эта книжка неизвѣстнаго компилятора можетъ, тѣмъ не менѣе, служить небезполезнымъ бревіаріемъ въ области элементарнаго изученія исторіи русскаго права.

Самостоятельное и плодотворное изученіе исторіи права не можетъ быть достигнуто, какъ вѣрно замѣтилъ это В. И. Сергѣевичъ въ своихъ „Юридическихъ древностяхъ“, безъ подлиннаго ознакомленія учащагося съ памятниками. Сознаніе необходимости такого ознакомленія вызывало въ литературѣ нашей науки попытки составленія хрестоматій по исторіи русскаго права.

Мы имѣемъ два опыта въ этомъ направленіи. Первый относится еще къ 1859 году. Это — „Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права“ (Спб. 1859 г., стр. VIII + 428), составленное *П. Лазаревскимъ и Я. Утинымъ*. Сюда вошли: договоры руссовъ съ греками, договоры смоленскихъ князей съ нѣмцами, Русская Правда трехъ редакцій, образцы междукняжескихъ договоровъ и договоровъ Новгорода съ князьями, уставныхъ и жалованныхъ грамотъ, Судебники 1497 и 1550 гг. съ дополнительными къ нимъ указами, церковные уставы русскихъ князей и, наконецъ, ханскіе ярлыки. Собраніе Лазаревскаго и Утина очень скоро разошлось и къ началу 70-хъ годовъ сдѣлалось книгою относительно рѣдкою. Вновь возникшей потребности въ повтореніи изданія подобнаго же характера удовлетворилъ профессоръ Ярославскаго Демидовскаго лицея, нынѣ Кіевскаго университета, *М. Ф. Владимірскій - Будановъ*, изданіемъ своей „Хрестоматіи по исторіи русскаго права“ (три выпуска, Ярославль 1872—75 гг., стр. VI + 229, II + 211, II + 270; впослѣдствіе было еще нѣсколько кіевскихъ изданій, пересмотрѣнныхъ и дополненныхъ), въ которую вошли всѣ важнѣйшіе памятники древняго русскаго права до Уложенія 1649 года: въ первомъ выпускѣ—X—XIV вѣковъ, во второмъ—XIV—XVI вѣковъ, а третій выпускъ весь отведенъ весьма важнымъ записнымъ указнымъ книгомъ приказовъ. Важное значеніе хрестоматіи проф. Владимірскаго-Буданова усугубляется тѣмъ, что помѣщенные здѣсь памятники права обильно снабжены комментаріями, объясненіемъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, сопоставленіями и литературными указаніями.

Вотъ все, что мы имѣемъ, за послѣднее двадцатипяти-

лѣтіе, въ области систематическаго изложенія науки исторіи русскаго права. Съ одной стороны можно сказать—м а л о, если судить абсолютно; но съ другой стороны доведется сказать—д о в о л ь н о, если принять во вниманіе юность нашей науки. Много видѣли мы въ этой области недоконченнаго, много встрѣчали благихъ, хотя и не выполненныхъ, начинаній, попадались намъ и кое-какія несовершенства и недочеты—тѣмъ не менѣе твердое начало полному и систематическому построенію нашей науки должно считаться положеннымъ и дѣятели русскаго историко-юридическаго знанія истекающаго XIX-го вѣка оставляютъ своимъ преемникамъ наступающаго XX-го столѣтія не совсѣмъ уже бѣдное наслѣдіе, на составленіе котораго всѣ они не мало потрудились по мѣрѣ своихъ способностей, силъ и умѣнія.....

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ЗНАНІЯ.

Изученіе какой бы то ни было отрасли знанія всегда предполагаетъ существованіе ея источниковъ. Подъ источникомъ мы разумѣемъ все то, что можетъ дать намъ возможность познать истины, раскрытіе которыхъ составляетъ предметъ данной науки, такъ какъ цѣль всякаго человѣческаго знанія—открытіе истины.

Исходя изъ этого общаго положенія, мы можемъ опредѣлить понятіе источниковъ исторіи даннаго народа, какъ совокупность матеріала, при посредствѣ котораго получаемъ мы возможность изучать явленія минувшей жизни этого народа, въ ихъ постепенномъ развитіи, и выяснить законы, которымъ подчинялось это послѣднее. Все то, что способно послужить намъ средствомъ къ познанію минувшей жизни народа,—будутъ ли это письменныя повѣствованія, рукописные документы и акты, устныя преданія, произведенія устной и письменной словесности, прежніе и современные народные обычаи, законодательные памятники, остатки стариннаго дѣлопроизводства, вещественные памятники (древніе курганы, городища, могилы, утварь, оружіе, предметы одѣяніе и украшенія и т. п.),—тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ значеніе источниковъ къ познанію исторіи этого народа.

Источники русскаго историческаго знанія, вообще, и русскаго историко-юридическаго знанія, въ частности—неразрывно связаны между собою. Да оно иначе быть и не можетъ: право каждаго народа настолько глубоко проникаетъ собою всѣ стороны его и физической и духовной жизни, что для по-

знанія этого права намъ сплошь и рядомъ приходится затрогивать такія стороны жизни народа, которыя, съ перваго взгляда, могутъ показаться стоящими внѣ всякаго, или, по крайней мѣрѣ, внѣ тѣснаго соотношенія къ области права. Это тѣмъ болѣе относится къ изученію исторіи права народа, на почвѣ котораго историку-юристу то и дѣло доводится вторгаться въ область общей исторіи, какъ и дѣятелю этой послѣдней—не обойтись безъ содѣйствія исторіи права. Отсюда и раскрывается идентичность источниковъ русской исторіи, вообще, и исторіи русскаго права, въ частности, что и заставляетъ насъ разсматривать ихъ подъ одною общею рубрикою.

И въ самомъ дѣлѣ: памятники народной словесности, напримѣръ, относятся къ источникамъ историческаго знанія, вообще, и даже, ближайшимъ образомъ, историко-литературнаго знанія—между тѣмъ историку-юристу доводится весьма часто пользоваться ими, въ качествѣ источниковъ, находя въ нихъ цѣнныя историко-юридическія данныя и даже цѣлыя произведенія юридическаго характера; мемуары иностранцевъ или лѣтописи—памятники историческіе, но наши историко-юристы уже издавно смотрятъ на нихъ, какъ на источники и своей науки и т. п. Съ другой стороны: Русская Правда, уставныя и др. грамоты, Уложеніе, Полное Собраніе Законовъ, богатое содержимое московскихъ правительственныхъ архивовъ, памятники государственнаго и юридическаго быта — все это ближайшіе источники нашей науки, между тѣмъ общіе русскіе историки никогда не поступились бы ими, въ качествѣ источниковъ и своей области знанія. Какъ неразрывно связаны между собою историческая жизнь народа и его право, такъ же неразрывно должны быть связаны между собою и источники этихъ двухъ сферъ знанія. Такъ представляется a priori; такимъ является все сказанное и въ дѣйствительности.

По способу своего происхожденія, историческіе источники могутъ представляться двоякими: во первыхъ—первоначальными, во вторыхъ — производными. Первоначальными источниками являются такіе, въ которыхъ непосредственно, такъ сказать изъ первыхъ рукъ, отразились извѣстныя стороны жизни народа за ту или другую эпоху. Напротивъ, къ производнымъ источникамъ должны быть отнесены тѣ, въ которыхъ извѣстныя стороны народной жизни отразились только посредственно, черезъ заимствованіе и перера-

ботку источниковъ перваго рода, такъ что, анализируя эти производные источники, мы всегда можемъ дойти до обнаруженія тѣхъ первоначальныхъ источниковъ, которые легли въ ихъ основаніе. Но само собою разумѣется, что понятіе первоначальности или производности извѣстнаго источника—представляется весьма растяжимымъ и условнымъ; легко можетъ случиться, что первоначальный источникъ, послужившій къ образованію производнаго источника — утратится для науки: тогда этотъ производный источникъ получаетъ для насъ уже значеніе первоначальнаго источника, какъ непосредственное, какъ первое средство знакомства съ извѣстнымъ историческимъ явленіемъ. Съ другой стороны, бываютъ нерѣдко случаи, что тотъ или другой источникъ, долго считавшійся первоначальнымъ, современемъ утрачиваетъ такое значеніе, такъ какъ историческая критика, анализъ, обнаруживаютъ неизвѣстные дотолѣ первоначальные источники, послужившіе ему матеріаломъ. Къ производнымъ источникамъ изученія исторіи должны быть отнесены и такъ называемыя литературныя пособія, т. е. все то, что было писано и заявлено въ литературѣ или по отношенію ко всей исторіи народа, или по отношенію къ извѣстнымъ сторонамъ его исторіи, составляющимъ предметъ нашего изученія.

Въ виду крайней растяжимости понятія источниковъ первоначальныхъ и производныхъ и, что главное, въ виду далеко несовершенной еще разработки самихъ источниковъ русскаго историческаго знанія, мы, въ дальнѣйшемъ обзорѣ источниковъ его, не будемъ дѣлить ихъ на указанныя категоріи и, исключивъ изъ этого обзора литературу предмета, предложимъ обзоръ источниковъ русскаго историческаго знанія въ слѣдующихъ семи рубрикахъ: 1) Памятники вещественные, 2) Лѣтописи и хронографы, 3) Памятники государственнаго и юридическаго быта, 4) Памятники устной и письменной словесности, 5) Записки (мемуары) и письма современниковъ и 6) Сказанія иностранцевъ.

ГЛАВА I.

Вещественные памятники.

Понятіе вещественныхъ памятниковъ.—Археологія.—До-историческая археологія и ея основы.—До-историческая археологія, какъ подспорье для историческаго знанія.—Начало и задачи русской до-исторической археологіи.—Примѣненіе ея къ изслѣдованію древнѣйшей русской исторіи и къ исторіи русскаго права.—Результаты изслѣдованія до-историческихъ памятниковъ Приднѣпровья.—Археологія историческая и ея задачи.—Главнѣйшіе русскіе археолого-историческіе музеи.

Подъ вещественными памятниками исторической жизни извѣстнаго народа, въ противоположность памятникамъ устнымъ и письменнымъ, разумѣются вещественные, матеріальные, остатки или слѣды жизни этого народа. Къ числу такихъ памятниковъ относятся, напримѣръ: древнія могилы, слѣды древнихъ поселеній и городовъ, древняя утварь, оружіе, украшенія, одежды и др. остатки стариннаго быта, древнія зданія и другія сооруженія; древніе памятники письменности (съ внѣшней ихъ стороны), искусства и т. п. Изученіе вещественныхъ памятниковъ древняго быта составляетъ задачу обширной отрасли знанія, извѣстной подъ названіемъ *археологіи* или *науки о древностяхъ*, а самые памятники подобнаго рода носятъ названіе *памятниковъ археологическихъ*. Мы ставимъ вещественные памятники во главѣ источниковъ русскаго историческаго знанія, во-первыхъ, потому, что, въ порядкѣ исторической постепенности, они даютъ намъ древнѣйшія свѣдѣнія о самыхъ отдаленныхъ эпохахъ жизни народа,—такихъ эпохахъ, воспоминаніе о которыхъ умерло въ памяти народа и о которыхъ не дошло до насъ никакихъ другихъ извѣстій, а во-вторыхъ, потому, что вещественные памятники служатъ намъ средствомъ лучшаго пониманія, объясненія, провѣрки и восполненія древнѣйшихъ извѣстій, почерпаемыхъ изъ другихъ источниковъ. Вещественные памятники перваго рода принято называть *до-историческими*, вещественные памятники втораго рода—*историческими*. Изслѣдованіе до-историческихъ памятниковъ быта составляетъ задачу такъ называемой *до-исторической археологіи*.

Успѣхи, достигнутые до-исторической археологіею въ

западной Европѣ, могутъ быть названы уже огромными, не смотря на относительную молодость этой отрасли знанія; вспомнимъ, хотя бы, блестящіе результаты египетскихъ, вавилоно-ассирійскихъ и мало-азіятскихъ археологическихъ изысканій, проливших массу новаго свѣта на исторію древняго міра. Въ нашемъ отечествѣ до-историческая археологія получила право гражданства не болѣе трехъ-четырехъ десятилѣтій тому назадъ, серьезное-же занятіе ею началось, строго говоря, не ранѣе перваго археологическаo съѣзда (т. е. съ 1866 года); но и въ этотъ краткій промежутокъ времени, въ особенности же въ теченіи послѣдняго двадцатилѣтія, она успѣла сдѣлать быстрые и неожиданные успѣхи. Съ помощью археологическихъ изслѣдованій, мы теперь изучаемъ разселеніе и до-историческій бытъ древнѣйшихъ обитателей нынѣшняго отечества нашего, населявшихъ его за-долго до Рождества Христова, населявшихъ его въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за много тысячелѣтій до нашихъ дней, такъ какъ были случаи нахожденія остатковъ первобытнаго человѣка восточной Европы совмѣстно съ костями ископаемаго мамонта.

Въ основѣ ученія до-исторической археологіи лежитъ представленіе о трехъ періодахъ развитія человѣческой культуры, извѣстныхъ подъ наименованіемъ вѣковъ: каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго. Подъ каменнымъ вѣкомъ разумѣется та первобытная ступень человѣческой культуры, на которой человѣку не было еще извѣстно употребленіе металловъ и онъ вынужденъ былъ изготовлять себѣ оружіе, рабочія орудія, украшенія и т. п. изъ камня и изъ костей животныхъ; каменный вѣкъ, въ свою очередь, подраздѣляется на эпоху „отбивныхъ орудій“, древнѣйшую по времени, въ которой человѣкъ, не умѣя шлифовать изготовляемыхъ имъ каменныхъ орудій, выдѣлывалъ ихъ приданіемъ куску камня требуемой формы ударами объ него другаго камня, и на эпоху „шлифованныхъ орудій“, въ которой человѣкъ научился шлифовать свои каменныя орудія, придавая имъ нерѣдко довольно изящную форму. Наконецъ, человѣку извѣстнымъ дѣлается употребленіе нѣкоторыхъ металловъ, и, прежде всего, мѣди: желѣзо и его драгоцѣнныя качества все еще остаются неизвѣстными ему. Но мѣдь въ чистомъ видѣ своемъ не пригодна для изготовленія орудій, и вотъ человѣкъ улучшаетъ ея качества примѣсью къ ней олова или свинца, вслѣдствіе

чего получается сплавъ, извѣстный подъ названіемъ бронзы. Орудія, выдѣлываемыя изъ этого сплава, характеризуютъ собою такъ называемый бронзовый вѣкъ; бронзовыя орудія начала этого вѣка по формѣ своей весьма близки еще къ орудіямъ каменнаго вѣка, изготовляются еще по ихъ образцамъ, но, мало по малу, отклоняются отъ этихъ примитивныхъ образцовъ и становятся все болѣе и болѣе разнообразными. Наконецъ, человѣкъ ознакомляется съ искусствомъ ковки желѣза; вмѣстѣ съ этимъ бронзовыя орудія уступаютъ, мало по малу, мѣсто орудіямъ желѣзнымъ и человѣческая культура вступаетъ въ третій и послѣдній періодъ своего развитія—въ вѣкъ желѣзный. Древнѣйшія историческія извѣстія застаютъ старинныхъ обитателей Европы уже въ культурѣ желѣзнаго вѣка, хотя у нѣкоторыхъ народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, напримѣръ у нѣкоторыхъ дикарей Полинезіи, и до нашихъ дней не вышли еще изъ употребленія каменныя орудія.

Указанныя стадіи развитія культуры являются общими для всего человѣчества: археологическія изысканія обнаруживаютъ, что эти ступени культуры проходили и древнѣйшіе обитатели восточной Европы, жившіе на протяженіи нынѣшняго отечества нашего. Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность изучать до-историческія судьбы нынѣшняго отечества нашего за много, много вѣковъ до самыхъ отдаленнѣйшихъ историческихъ извѣстій; можемъ изучать разселеніе его первобытныхъ обитателей, пути, которымъ слѣдовала ихъ колонизація, можемъ искать слѣдовъ ихъ древнѣйшаго культурнаго быта, можемъ прослѣживать и пути другихъ народностей, которыхъ и позже Азія отъ времени до времени выбрасывала въ Европу черезъ южныя степи нынѣшняго отечества нашего. Эти аборигены и позднѣйшіе выходцы оставили намъ свои слѣды въ видѣ многочисленныхъ могильныхъ насыпей, такъ называемыхъ „кургановъ“, подъ которыми хоронили они своихъ покойниковъ, кладя съ ними въ могилы оружіе, сосуды, украшенія, утварь, нерѣдко сожигая самые трупы и, вмѣстѣ съ ними, заколотые трупы женъ, рабовъ, коней и жертвенныхъ животныхъ. Оставили они намъ свои слѣды и въ видѣ древнихъ мѣстъ поселенія, укрѣпленныхъ или самою природою (на мысахъ рѣкъ или на стрѣлкахъ горныхъ кряжей и овраговъ), или же путемъ искусственнымъ (рвами и вала-

ми); это такъ называемыя „городища“ или „городки“. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что не всѣ курганы и городища относятся къ до-историческимъ вѣкамъ; нѣкоторые принадлежатъ и историческимъ эпохамъ: различать тѣ и другіе — задача археологической критики. Изслѣдованіе направленія кургановъ и городищъ,—обыкновенно по теченію рѣкъ съ ихъ притоками, или по великимъ степнымъ путямъ,—даютъ данныя для изученія древнихъ переселеній и разселеній народовъ; изслѣдованіе городищъ и другихъ мѣстъ древнихъ поселеній, на которыхъ почти всегда попадаются различные предметы быта и кости животныхъ—даютъ данныя для сужденія объ образѣ жизни древнихъ обитателей извѣстной мѣстности, знакомятъ насъ съ бывшими имъ извѣстными домашними животными или съ животными, употреблявшимися ими въ пищу и т. п. Наконецъ, раскопки кургановъ открываютъ намъ возможность познакомиться съ погребальными обычаями древнихъ обитателей страны, и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени и съ ихъ религіозными понятіями; древніе предметы, здѣсь находимые, сличаемые съ таковыми же предметами изъ другихъ кургановъ и городищъ — даютъ руководительную нить для различнаго рода выводовъ относительно древности и родственной связи племенъ, оставившихъ намъ эти вещественные памятники. Послѣдняя задача особенно много облегчается сравнительнымъ изученіемъ череповъ, извлекаемыхъ изъ различныхъ кургановъ (ученіе о черепахъ,—краніологія,—составляетъ часть науки антропологіи, т. е. ученія о человѣкѣ вообще). Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, результаты, которые могутъ быть достигаемы изученіемъ до-исторической археологіи въ ея даже самомъ элементарномъ приложеніи къ исторіи.

Не менѣе существенную пользу доставляетъ и изученіе древнѣйшихъ вещественныхъ памятниковъ народовъ, которыхъ застаетъ уже исторія, слѣдовательно—народовъ историческихъ: здѣсь изученіе этихъ вещественныхъ памятниковъ часто способно бываетъ восполнить тѣ, большею частію весьма скудныя и отрывочныя, извѣстія, которыя сохранились до насъ отъ древнѣйшихъ эпохъ жизни того или другаго народа. Мы не будемъ говорить о томъ, къ какимъ поразительнымъ результатамъ привело въ западной Европѣ изученіе вещественныхъ памятниковъ египетскихъ, ассирійскихъ и др., восполнившее скудныя историческія свидѣтельства,—мы отмѣ-

тимъ лишь, на сколько плодотворнымъ представляется изученіе вещественныхъ памятниковъ историческихъ народовъ и племенъ, издревле населявшихъ нынѣшнее отечество наше и давшихъ контингентъ для образованія русской народности.

Извѣстно, какъ скудны, отрывочны и темны историческія свидѣтельства о внутреннемъ бытѣ славянскихъ, финскихъ и тюркскихъ племенъ, населявшихъ нынѣшнее отечество наше передъ эпохою основанія русскаго государства; эти свидѣтельства, почерпаемыя изъ начальной лѣтописи нашей и сказаній византійскихъ и арабскихъ историковъ и географовъ—даютъ обильную пищу для самыхъ разнорѣчивыхъ предположеній, для построенія самыхъ противорѣчивыхъ теорій. Казалось, что нѣтъ никакого исхода изъ этого лабиринта спорныхъ вопросовъ, но вотъ на помощь исторіи явилась археологія—и дѣло стало принимать другой оборотъ. Есть надежда, что изученіе вещественныхъ памятниковъ, оставленныхъ этими племенами въ видѣ громаднаго количества кургановъ и городищъ, помогутъ дать хотя сколько нибудь ясный отвѣтъ на вопросы, передъ которыми безсильными и безотвѣтными представлялись свидѣтельства историческія. Лѣтъ съ тридцать пять тому назадъ пробудилось въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости сохраненія и изслѣдованія древнѣйшихъ вещественныхъ памятниковъ отечественной исторіи; стали основываться археологическія общества, музеи древностей, организованы были (съ 1866 года) періодическіе археологическіе съѣзды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начали производиться археологическія изысканія въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, населенныхъ въ древности славянскими и инородческими племенами. Еще въ 50-хъ годахъ начаты были археологическія раскопки кургановъ древняго финскаго племени Мери (въ предѣлахъ нынѣшней Владимірской губ.) покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ, по истинѣ заслужившимъ названіе отца русской археологіи и явившимся иниціаторомъ и основателемъ русскихъ съѣздовъ археологовъ и Московскаго Археологическаго общества; блистательные результаты раскопокъ графа Уварова изложены имъ въ обширномъ изслѣдованіи: „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“ (въ „Трудахъ“ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ). Затѣмъ, въ теченіи послѣдняго двадцатипятилѣтія, предприняты были археологическія изысканія въ предѣ-

лахъ земель древнихъ славяно-русскихъ племенъ, именно: членомъ С.-Петербургскаго Археологическаго общества Л. К. Ивановскимъ—въ предѣлахъ территоріи Ильменскихъ или Новгородскихъ Славянъ, членомъ Московскаго Археологическаго общества М. Ф. Кусцинскимъ—въ предѣлахъ бывшей области Славянскаго племени Кривичей, профессоромъ Кіевскаго университета В. Б. Антоновичемъ—въ землѣ древне-славянскаго племени Полянъ (или кіевскихъ славянъ) и, наконецъ, профессоромъ Варшавскаго университета Д. Я. Самоквасовымъ—въ территоріи занятой въ древности славянскимъ племенемъ Сѣверянъ. Основанное уже болѣе полвѣка тому назадъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, старѣйшее русское археологическое общество, Одесское Общество Исторіи и Древностей—давно уже посвятило себѣ изслѣдованію скиѳскихъ древностей сѣвернаго побережья Чернаго моря, а существующее съ 1878 года Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи—направило свою дѣятельность на изученіе вещественныхъ памятниковъ финскихъ и тюркскихъ племенъ, издревле населявшихъ территорію бывшаго Булгаро-Казанскаго царства. Не ограничивая дѣятельности своей какимъ либо опредѣленнымъ пространствомъ территоріи, собираютъ и изучаютъ русскія древности: Императорская Археологическая Коммиссія, учрежденная при Министерствѣ Двора, и Императорскія Археологическія Общества—С.-Петербургское и Московское.

Не смотря на относительную молодость науки русской археологіи, и теперь въ области ея получены уже весьма значительные результаты, проливающіе свѣтъ на общественный и домашній бытъ племенъ, населявшихъ въ древности нынѣшнюю Россію и во многомъ объясняющіе, восполняющіе и исправляющіе имѣющіяся историческія свидѣтельства.

Такъ, напримѣръ, упомянутыя выше курганныя раскопки, произведенныя въ Приднѣпровьи, дали возможность провѣрить свидѣтельства о погребальныхъ обычаяхъ древнихъ славянъ, оставленныя намъ нашею начальною лѣтописью и арабскими писателями. Или—другой примѣръ. Исходя изъ точки зрѣнія христіанскаго міровоззрѣнія и сопоставляя христіанскія начала жизни временамъ языческимъ, начальная лѣтопись наша характеризуетъ самыми мрачными чертами

образъ жизни и обычаи приднѣпровскихъ славянъ, выдѣляя изъ нихъ только Полянъ, уже весьма рано узнавшихъ свѣтъ новой вѣры и изъ среды которыхъ происходилъ самъ лѣтописецъ. „Живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотски: избиваху другъ друга (кровавая месть?), ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываша, но умыкиваху у воды дѣвицы (языческая форма брака – умыканіе невѣстъ)“,—такъ характеризуетъ лѣтописецъ—аскетъ бытъ этихъ племенъ, добавляя, что они „живяху въ лѣсу, яко же всякій звѣрь“ и т. п. Основываясь на этой характеристикѣ, прежніе историки, а въ особенности послѣдователи нѣмецкой школы, представляли себѣ приднѣпровскія славянскія племена стоявшими передъ эпохою призванія, будто бы культивировавшихъ ихъ, норманскихъ выходцевъ—на самой низкой ступени культуры. Между тѣмъ, этимъ свидѣтельствамъ начальной лѣтописи и основаннымъ на нихъ воззрѣніямъ противорѣчили свидѣтельства иноземныхъ источниковъ, другихъ лѣтописныхъ сводовъ и даже той же начальной лѣтописи, изъ которыхъ мы узнаемъ, что въ ту пору, къ которой относятся эти обличительныя свидѣтельства, эти племени поддерживали уже обширныя торговыя сношенія съ окрестными странами, Византіею и даже восточнымъ Халифатомъ, имѣли извѣстную политическую организацію, города, своихъ племенныхъ князей....

И вотъ, на долю археологіи выпало въ этомъ вопросѣ рѣшающее слово: раскопки въ районѣ разселенія древне-славянскихъ приднѣпровскихъ племенъ, въ особенности же раскопки Д. Я. Самоквасова въ мѣстахъ поселенія племени Сѣверянъ—выяснили существованіе у нашихъ отдаленныхъ предковъ, еще задолго до призванія варяжскихъ князей, политическихъ союзовъ съ племенными князьями во главѣ, городовъ, ремеслъ, земледѣльческой промышленности, классовъ населенія, торговли,—словомъ, признаковъ уже относительно развитаго политическаго и общественнаго быта. Мы уже знаемъ, что проф. Самоквасову принадлежитъ починъ въ дѣлѣ приложенія данныхъ археологіи къ изученію древнѣйшаго русскаго права и что, въ этомъ смыслѣ, онъ является основателемъ археологическаго метода въ нашей наукѣ. Къ сожалѣнію, вполнѣ реальная, само по себѣ, наука археологіи, безусловно заслуживающая названія положительнаго знанія, далеко не всегда пользуется въ нашемъ обществѣ вниманіемъ

и симпатіями: весьма многіе, и даже интеллигентные, люди все еще смотрятъ на нее такъ, какъ во времена Татищева смотрѣли на изданіе и изученіе древнихъ памятниковъ права—какъ на „дѣло поносное, болѣе на вредъ и поношеніе, нежели на пользу и честь служащее“.

До сихъ поръ мы говорили о древностяхъ такъ называемыхъ „первобытныхъ или до-историческихъ“, заключающихся въ древнихъ курганахъ, могилахъ, городищахъ и другихъ остаткахъ древнихъ поселеній, вмѣстѣ съ извлекаемыми изъ нихъ предметами. Но весьма важнымъ источникомъ являются и другіе вещественные памятники, относящіеся, большею частію, къ эпохамъ сравнительно позднѣйшимъ, историческимъ, какими являются, напримѣръ: древнія зданія или остатки ихъ, произведенія искусствъ, старинныя утварь, одежды и оружіе, наконецъ—медали, монеты, печати и т. п. Всѣ эти памятники даютъ намъ указанія на состояніе культуры въ извѣстныя эпохи народной жизни, на степень и характеръ развитія эстетическаго чувства и его выраженія въ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ образахъ, на характеръ и степень развитія въ данную эпоху ремеслъ и промышленности, на чужеземныя вліянія, дѣйствовавшія на народное искусство и промышленность и т. п. Монеты, напримѣръ, пріобрѣтаютъ крайне важное значеніе для исторіи цѣнностей и торговли, а нахожденія въ нашемъ отечествѣ, въ различныхъ мѣстностяхъ, кладовъ съ иноземными монетами—даютъ указанія на характеръ и направленіе древне-русской торговли; нахожденіе монетъ въ могилахъ и на городищахъ—могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ указывать время, къ которому относятся эти памятники. Наконецъ, монеты и медали нерѣдко пополняютъ историческія данныя своими „легендами“, т. е. надписями, на которыхъ часто обозначается имя владѣтельнаго лица, при которомъ онѣ биты, а также годъ и мѣсто чеканки; такъ, по монетамъ, открыто нѣсколько новыхъ Босфорскихъ царей и нѣсколько неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ хановъ Золотой орды. Въ дѣлѣ примѣненія нумизматики (т. е. монетовѣдѣнія) къ изученію отечественной исторіи—мы имѣемъ труды Ходаковскаго, Савельева, Григорьева, Прозоровскаго, Самоквасова и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Въ числѣ древнихъ вещественныхъ памятниковъ видное мѣсто занимаютъ

надписи и изображенія на различнаго рода предметахъ, напримѣръ на стѣнахъ зданій, на иконахъ, церковной и домашней утвари, на вазахъ, оружіи, рукописяхъ и книгахъ, и, наконецъ, надписи могильныя,—на надгробныхъ камняхъ, плитахъ и памятникахъ.

Въ видахъ собиранія, храненія и разработки для научныхъ цѣлей вещественныхъ памятниковъ древности и старины, во многихъ городахъ Россіи учреждены и учреждаются, кромѣ ученыхъ обществъ, также археологическіе и историческіе музеи, или-же отводится мѣсто для предметовъ древности въ музеяхъ, преслѣдующихъ болѣе общія задачи. Во главѣ такихъ музеевъ должны быть поставлены: С.-Петербургскій Императорскій Эрмитажъ (скиѳскія и босфорскія древности) и Императорскій Московскій Историческій Музей, Московская Оружейная Палата, Московскій Румянцевскій Музей, Музей Московскаго Археологическаго Общества и другія центральныя древнехранилища наши; музеи древностей существуютъ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ русскихъ (въ особенности замѣчателенъ музей южно-русскихъ древностей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей), а также имѣются таковые и у частныхъ лицъ.

ГЛАВА II.

Лѣтописи и хронографы.

Общее понятіе о *лѣтописяхъ*; ихъ происхожденіе и редакціи. — Начальная лѣтопись.—Ея мѣсто въ ряду другихъ памятниковъ того же рода; ея происхожденіе и составъ.—Кіевская лѣтопись.—Лѣтопись Галицко-Волынская.—Сѣверо-западныя лѣтописи: Новгородскія и Псковскія.—Сѣверо-восточныя лѣтописи.—Московскіе лѣтописные своды: Софійскій Временникъ, Воскресенская и Никоновская лѣтописи.—Областныя и иныя лѣтописи.—Значеніе лѣтописей въ древней Россіи.—Ихъ государственный и юридическій характеръ.—Печатныя изданія лѣтописей.—Общее понятіе о *хронографахъ*.—Ихъ происхожденіе, редакціи и составъ.—Хронографы, какъ переходная ступень къ систематизаціи русской исторіи.—Первыя попытки этой послѣдней.

А.—ЛѢТОПИСИ.

Подъ названіемъ „лѣтописей“, „лѣтописаній“, какъ показываетъ уже самое названіе это, разумѣются погодныя за-

писи наиболѣе выдающихся событій. Лѣтописи ведутъ свое начало отъ пасхальныхъ таблицъ, т. е. такихъ таблицъ, въ которыхъ на извѣстное число лѣтъ вычислялось время пасхи и стоящихъ въ связи съ нею подвижныхъ праздниковъ; и вотъ лица, пользовавшіяся такими таблицами, дѣлали иногда противъ нѣкоторыхъ годовъ замѣтки о наиболѣе выдающихся событіяхъ, какъ многіе дѣлаютъ это и въ наши дни на календаряхъ. Таково первоначальное происхожденіе лѣтописныхъ записей, обыкновеніе вести которыя несомнѣнно перешло къ намъ изъ Греціи, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Впослѣдствіе, лѣтописныя записи отдѣлились отъ пасхальныхъ таблицъ и получили самостоятельное значеніе.

До нашихъ дней дошло весьма большое количество древне-русскихъ лѣтописей, которыя распадаются на извѣстные „разряды", обусловливаемые или временемъ, которое обнимаетъ собою лѣтописное повѣствованіе, или мѣстностью, событія которой оно воспроизводитъ; такимъ образомъ, возникаютъ понятія: лѣтописи первоначальной, лѣтописей XII, XIII и послѣдующихъ вѣковъ, лѣтописи Кіевской, новгородскихъ, сѣверо-восточныхъ и т. п. Но этимъ дѣленіемъ не ограничивается различіе дошедшихъ до насъ отдѣльныхъ лѣтописей: списки лѣтописей одного и того же разряда представляютъ нерѣдко болѣе или менѣе значительныя уклоненія, варіанты,—а отсюда возникаетъ распаденіе списковъ лѣтописей одного и того-же разряда на редакціи или „изводы". Разбирая составъ различныхъ списковъ русскихъ лѣтописей, наши изслѣдователи открыли, что всѣ списки до начала XII-го вѣка, именно до 1110-го года, въ основѣ своей имѣютъ одинъ и тотъ-же лѣтописный сводъ, которымъ составители ихъ и пользовались при описаніи событій, имѣвшихъ мѣсто до этого послѣдняго года; только начиная съ 1110-го года отдѣльные списки, составлявшіе до этого года одну общую лѣтопись, развѣтвляются на лѣтописи мѣстныя и только съ этого года отдѣльные списки лѣтописей распадаются на разряды. Все это заставило изслѣдователей прійти къ заключенію, что до 1110-го года лѣтопись наша является въ видѣ одного первоначальнаго и нераздѣльнаго свода, вошедшаго впослѣдствіе въ основу всѣхъ другихъ списковъ для промежутка времени до начала XII вѣка. Этотъ первоначальный и основной лѣтописный сводъ назвали Начальною лѣтописью;

онъ извѣстенъ также подъ неудачнымъ названіемъ лѣтописи Нестора.

Такъ называемая *Начальная или Несторова лѣтопись* въ подлинникѣ до насъ не дошла, какъ и, вообще, не дошло до насъ древнѣйшихъ списковъ лѣтописей: древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ списковъ — это списокъ Лаврентьевскій, названный такъ потому, что въ 1377 году написанъ былъ инокомъ Лаврентіемъ для Суздальскаго князя Димитрія Константиновича. Второй по старшинству изъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи—есть списокъ Ипатьевскій, относящійся къ концу XIV или началу XV вѣка, названный такъ по Костромскому Ипатьевскому монастырю, въ которомъ онъ былъ найденъ. Въ обоихъ указанныхъ нами спискахъ, и въ Лаврентьевскомъ и въ Ипатьевскомъ, во главѣ стоитъ начальная или Несторова лѣтопись, а такъ какъ Лаврентьевская лѣтопись — древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ по времени написанія, то, слѣдовательно, и включенная въ нее начальная лѣтопись представляетъ собою древнѣйшій изъ извѣстныхъ доселѣ списковъ этой лѣтописи. Кромѣ указанныхъ двухъ лѣтописныхъ списковъ, начальная лѣтопись сохранилась также и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ (Радзивиловскомъ, Софійскомъ, Воскресенскомъ и Никоновскомъ). Во всѣхъ упомянутыхъ лѣтописныхъ спискахъ—до 1110-го года идетъ общая начальная лѣтопись, а съ 1110-го года повѣствованія отдѣльныхъ списковъ расходятся, такъ какъ каждый лѣтописатель, изложивъ событія до 1110-го года по лѣтописи начальной, служившей, такимъ образомъ, общимъ источникомъ для древняго періода, и исчерпавъ все ея содержаніе, съ 1111-го года уже самъ продолжаетъ ее, давая своему повѣствованію мѣстный, областной, колоритъ. Но во всѣхъ лѣтописныхъ спискахъ, въ которыхъ включена начальная лѣтопись, эта послѣдняя сохранилась, однако, не въ первоначальной чистотѣ своего текста, такъ какъ позднѣйшіе списатели имѣли обыкновеніе дѣлать въ ея текстѣ, при перепискѣ, различныя измѣненія, вставки и дополненія, и чѣмъ болѣе позднимъ по времени написанія является тотъ или другой списокъ, тѣмъ болѣе варіантовъ и добавленій находимъ мы въ находящейся во главѣ списка лѣтописи начальной.

Такъ какъ Лаврентьевская лѣтопись древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ (написана въ 1377 году), то, вслѣдствіе

этого, и находящійся въ ней списокъ начальной лѣтописи долженъ почитаться наиболѣе близкимъ къ утраченному подлиннику. Лаврентьевскій списокъ и считается основнымъ изъ имѣющихся списковъ Начальной или Несторовой лѣтописи. Замѣтимъ здѣсь кстати: то обстоятельство, что въ начальную лѣтопись дѣлались впослѣдствіе различныя вставки и дополненія, наводитъ на мысль, что паралельно съ Нестеровою лѣтописью нѣкогда существовали, нынѣ утраченныя, и другія древнѣйшія лѣтописи, повѣствовавшія о событіяхъ IX, X и XI-го вѣковъ; и въ самомъ дѣлѣ, откуда могли позднѣйшіе писатели заимствовать свои вставки и дополненія? Очевидно, изъ бывшихъ у нихъ подъ руками еще другихъ, древнѣйшихъ, лѣтописей.

Составленіе дошедшаго до насъ свода начальной лѣтописи относятъ къ первой четверти XII вѣка, именно на основаніи слѣдующей приписки, находящейся въ Лаврентьевской лѣтописи послѣ 1110-го года,—года, которымъ, какъ мы знаемъ, заканчивается начальная лѣтопись: „Игуменъ Селивестръ святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ“ (то есть: „Селивестръ, игуменъ монастыря св. Михаила, написалъ эту книгу, лѣтопись, въ надеждѣ получить милость отъ Бога, во время княженія въ Кіевѣ князя Владиміра (Мономаха) и моего игуменствованія въ монастырѣ св. Михаила, въ 1116 году, въ 9-е лѣто индикта: а кто будетъ читать эту книгу—да помянетъ меня въ молитвахъ своихъ“). Уже съ перваго взгляда на эту приписку должно естественно прійти на мысль, что игуменъ Селивестръ и былъ составителемъ начальной лѣтописи. Но до сихъ поръ еще нерѣдко можно также встрѣтить указанія на инока Кіевскаго Θеодосьева-Печерскаго монастыря, преподобнаго Нестора, какъ на составителя начальной лѣтописи—откуда и ведетъ свое начало наименованіе этой лѣтописи „Несторовою“. Мнѣніе, приписывающее преподобному Нестору составленіе начальной лѣтописи, основывается на нѣкоторыхъ данныхъ, съ которыми мы сейчасъ познакомимся: 1) Начальная лѣтопись начинается слѣдующимъ заглавіемъ: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ началъ первѣе кня-

жити и откуда русская земля стала есть“, причемъ во всѣхъ спискахъ, за исключеніемъ одного только Лаврентьевскаго, изъ котораго мы привели это заглавіе, послѣ словъ: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ“, прибавлены слова: „черноризца Ѳедосьева монастыря Печерскаго“, а въ одномъ спискѣ, такъ называемомъ Хлѣбниковскомъ, прибавлено даже: „Нестора черноризца Ѳедосьева монастыря Печерскаго“. Извѣстный намъ историкъ прошлаго столѣтія, Татищевъ, свидѣтельствуетъ, что у него подъ руками находились еще три списка начальной лѣтописи, въ которыхъ въ заглавіи также стояло имя черноризца Нестора. Это—первый и главный доводъ, приводимый въ доказательство составленія начальной лѣтописи монахомъ Несторомъ. 2) Далѣе въ защиту составленія начальной лѣтописи Несторомъ приводятъ посланіе монаха Кіево-Печерскаго монастыря Поликарпа къ Акиндину, помѣщенное въ Печерскомъ Патерикѣ, въ которомъ говорится, что „Несторъ лѣтописецъ“ составилъ житія святыхъ Даміана, Іереміи, Матѳія и Исакія, которыя и вошли въ начальную лѣтопись; указываютъ далѣе, что въ эту лѣтопись вошло и сказаніе объ убіеніи святыхъ князей Бориса и Глѣба, о которомъ достовѣрно извѣстно, что оно написано тѣмъ-же Несторомъ. 3) Наконецъ, приводятъ въ защиту того же мнѣнія и третій, весьма вѣскій, доводъ: въ Воскресенскомъ спискѣ начальной лѣтописи, при описаніи открытія мощей св. Ѳеодосія, лѣтописатель заявляетъ, что онъ—Печерскаго монастыря инокъ и „лѣтописаніе се въ то время писахъ“, т. е. писалъ въ то-же самое время лѣтопись, а въ Печерскомъ Патерикѣ этотъ лѣтописецъ, присутствовавшій на указанномъ церковномъ торжествѣ, прямо названъ—Несторомъ.

Изъ всего вышесказаннаго съ несомнѣнною ясностью вытекаетъ лишь то заключеніе, что въ Ѳеодосьевскомъ Печерскомъ монастырѣ дѣйствительно былъ въ началѣ XII вѣка монахъ Несторъ, авторъ нѣсколькихъ духовно-литературныхъ произведеній и писатель лѣтописи. Но можетъ ли быть приписано Нестору составленіе всей начальной лѣтописи, въ полномъ ея составѣ—это иной вопросъ, разрѣшаемый въ отрицательномъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что въ начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ указанія и на другихъ составителей ея, такъ что, въ сущности, лѣтопись эта не можетъ быть признаваема произведеніемъ одного лица. Такъ, мы знаемъ

уже, что въ припискѣ къ начальной лѣтописи, въ качествѣ составителя ея, указывается игуменъ Кіевскаго Михаилова монастыря Селивестръ; кромѣ этого послѣдняго, подъ 1097 годомъ, при изложеніи событій, которыми сопровождалось ослѣпленіе князя Василько, говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ какой то „Василій", игравшій активную роль въ этихъ событіяхъ и который, очевидно, и былъ составителемъ этой части лѣтописнаго повѣтствованія. Весьма замѣчательно также и то, что между сказаніемъ объ убіеніи св. Бориса и Глѣба, завѣдомо принадлежащемъ перу монаха Нестора, и между повѣствованіемъ о томъ же начальной лѣтописи—встрѣчаются существевственныя противорѣчія: могло ли бы это быть, если бы Несторъ былъ дѣйствительно составителемъ этой лѣтописи? Подобнаго рода противорѣчія встрѣчаются и между другими отдѣльными сказаніями лѣтописи, а это, опять таки, наводитъ на мысль, что отдѣльныя части начальной лѣтописи составлены различными лицами. Различаются отдѣльныя части лѣтописи и самымъ характеромъ и тономъ изложенія. Наконецъ, покойнымъ профессоромъ И. И. Срезневскимъ доказано, что я самое сказаніе объ убіеніи св. Бориса и Глѣба, находящееся въ начальной лѣтописи, составлено не Несторомъ, а Іаковомъ Черноризцемъ. Такимъ образомъ, мы находимъ уже нѣсколько лицъ, трудами которыхъ составилась начальная лѣтопись, именно: Нестора, какого-то Василія, Іакова Черноризца и, наконецъ, игумена Селивестра. Спрашивается теперь: кому же принадлежитъ окончательная редакція, окончательный сводъ начальной лѣтописи, въ томъ видѣ, въ какомъ дошла она до насъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ? Отвѣтъ несложенъ: очевидно тому лицу, которое само свидѣтельствуетъ въ припискѣ, что оно предприняло этотъ трудъ, т. е.—игумену Селивестру; возможность приписанія послѣднему окончательной редакціи начальной лѣтописи подтверждается и нѣкоторыми другими данными хронологическаго характера, которыхъ мы касаться не будемъ. Нельзя вслѣдствіе всего этого не согласиться съ замѣчаніемъ Костомарова, что начальная лѣтопись скорѣе можетъ быть названа „Селивестровою", нежели „Несторовою".

Итакъ—окончательный выводъ тотъ, что начальная лѣтопись не есть произведеніе одного какого-либо лица, но представляетъ сводъ со-

вершенно самостоятельныхъ составныхъ частей,—сводъ, изложенный въ 1116 году въ послѣдовательное лѣтописное повѣтствованіе игуменомъ Селивестромъ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію составныхъ частей лѣтописнаго свода, сдѣланнаго игуменомъ Селивестромъ и извѣстнаго подъ названіемъ „начальной“ или „Несторовой“ лѣтописи.

Сводъ начинается слѣдующимъ заглавіемъ: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ: черноризца Ѳедосьева монастыря Печерьскаго), откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда русская земля стала есть“. Это заглавіе по всей справедливости пріурочиваютъ не ко всей начальной лѣтописи, но лишь къ началу ея, и полагаютъ, что это повѣствованіе составляло совершенно самостоятельное литературное произведеніе, составленное еще до XII-го вѣка и цѣликомъ включенное въ сводъ составителемъ послѣдняго, но не въ первоначальной послѣдовательности содержанія, а съ различнаго рода вставками и дополненіями. Эта то „Повѣсть времянныхъ лѣтъ“ и является первою составною частью начальной лѣтописи. Но эта „Повѣсть“ въ свою очередь можетъ быть разложена на тѣ составныя части, изъ которыхъ она образовалась. Такими составными частями ея являются: 1) Отрывки изъ греческой хроники Георгія Амартолы, 2) Дополненія къ нимъ русскаго составителя повѣсти, 3) Легенда о св. апостолѣ Андреѣ Первозванномъ и о его проповѣди въ предѣлахъ нынѣшняго отечества нашего и 4) Отрывки изъ повѣствованія объ исторіи славянскаго племени Полянъ. Всѣ эти составныя части Повѣсти временныхъ лѣтъ являются перепутанными въ ея изложеніи; начавъ съ изложенія одной изъ составныхъ частей ея, составитель Повѣсти внезапно переходитъ къ другой, затѣмъ снова возвращается къ первой и т. д. Уже самое поверхностное разсмотрѣніе содержанія Повѣсти обнаруживаетъ, что она составлена изъ отдѣльныхъ отрывковъ, искусственно сшитыхъ между собою.

Повѣсть временныхъ лѣтъ начинается разсказомъ о раздѣленіи сыновьями Ноя, послѣ потопа, всей земли между собою, съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ странъ, доставшихся каждому изъ трехъ братьевъ, повѣствованіемъ о столпотвореніи Вавилонскомъ и о послѣдовавшемъ за тѣмъ раздѣленіи человѣчества на 72 языка. Эта часть Повѣсти (Пол-

ное Собраніе Лѣтописей, томъ I, страницы 1—3) заимствована изъ греческой хроники Георгія Амортолы, причемъ составителемъ повѣсти сдѣлана вставка, заключающаяся въ перечисленіи сѣверныхъ народовъ (Руси, Чуди, Мери, Муромы, Веси, Мордвы, Варяговъ, Свѣевъ и др.), включенныхъ въ удѣлъ Ноева сына Іафета. Послѣ повѣствованія о раздѣленіи языковъ по столпотвореніи Вавилонскомъ, прерывается заимствованіе изъ Георгія Амортолы и слѣдуетъ русская вставка о разселеніи славянъ и краткое описаніе водныхъ путей, орошающихъ территорію нынѣшняго отечества нашего (П. С. Л. I, стр. 3). Затѣмъ слѣдуетъ легенда о св. апостолѣ Андреѣ Первозванномъ и о проповѣди его въ Приднѣпровьи и въ области новгородскихъ славянъ (П. С. Л. I, стр. 3—4). За легендою о св. Андреѣ слѣдуетъ вставка изъ исторіи Полянъ, съ изложеніемъ преданія о полянскихъ князьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ (П. С. Л. I, стр. 4), за которою слѣдуетъ вставочное повѣтствованіе о разселеніи восточныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ (П. С. Л. I, стр. 5); это повѣствованіе прерывается краткимъ разсказомъ о судьбахъ придунайскихъ славянъ (стр. 5), послѣ котораго снова возобновляется прерванное повѣствованіе о разселеніи восточныхъ славянъ (стр. 5). Далѣе слѣдуетъ изложеніе нравовъ и обычаевъ отдѣльныхъ племенъ восточныхъ славянъ (стр. 6) и затѣмъ, какъ бы въ паралель ему, изложеніе, на основаніи опять таки хроники Георгія Амартолы, нравовъ и обычаевъ другихъ народовъ (стр. 6—7). За этою выпискою изъ хроники Амартолы снова возобновляется прерванное выше изложеніе исторіи племени Полянъ (стр. 7).

Разсмотрѣнная нами первая часть „Повѣсти временныхъ лѣтъ“—составляетъ какъ бы предисловіе къ начальной лѣтописи; она представляетъ непрерывное повѣствованіе, не разбитое по годамъ. Но далѣе (съ конца 7-й стр. I тома Полнаго Собранія Лѣтописей) слѣдуетъ уже лѣтопись въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. повѣствованіе, разбитое по лѣтамъ, по годамъ, начинающееся словами: „Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля“. Но это еще не означаетъ, будто здѣсь оканчивается Повѣсть временныхъ лѣтъ: она продолжается и далѣе, по дѣло только въ томъ, что теперь ея текстъ разбивается по годамъ. Одинъ изъ изслѣдователей состава начальной лѣтописи,

Н. П. Костомаровъ, полагаетъ, что текстъ Повѣсти времянныхъ лѣтъ, прерываемый другими вставками составителя свода, простирается до второй четверти XI-го вѣка, захватывая собою эпоху великаго князя Ярослава I и заканчиваясь за нѣсколько годовъ до смерти этого князя. Разсмотримъ теперь слѣдующіе два вопроса: а) почему именно съ 6360-го года отъ сотворенія міра, т. е. съ 852 года отъ Р. Х., начинается изложеніе повѣствованія по годамъ, тогда какъ до сихъ поръ оно излагалось безъ такого раздѣленія, и б) когда и кѣмъ сдѣлано было это раздѣленіе по годамъ? Первый вопросъ разрѣшается весьма просто: только съ 6360 (852) года, т. е. съ перваго года воцаренія греческаго императора Михаила, получается основаніе для дальнѣйшей хронологіи русской исторіи, такъ какъ въ 14-й годъ царствованія Михаила, т. е. въ 6374 (866) году, византійскія хроники впервые упоминаютъ о Руссахъ, по поводу набѣга ихъ на Царьградъ. Слѣдовательно, лѣтопись не безъ основанія замѣчаетъ, что только съ этого времени „начася прозывати Руска земля...., яко при семъ царѣ приходиша Русь на Царь-городъ, якоже пишется въ лѣтописаньи гречестѣмъ: тѣмъ же отселѣ почнемъ и числа положимъ“. Начиная съ 852-го года правильная и непрерывная хронологія ведется уже черезъ всѣ послѣдующія событія русской исторіи. Не труднымъ представляется и отвѣтъ на второй изъ постановленныхъ нами вопросовъ: въ первоначальной Повѣсти временныхъ лѣтъ, находившейся въ рукахъ составителя свода начальной лѣтописи, не было раздѣленія по годамъ; оно сдѣлано было самимъ составителемъ свода, т. е. игуменомъ Селивестромъ. Это можно доказать слѣдующими соображеніями. Указавъ на воцареніе императора Михаила, какъ на исходную точку русской хронологіи и заявивъ, что оно „отселѣ числа положитъ“— лице, разбившее повѣствованіе по годамъ, даетъ исчисленіе лѣтъ, протекшихъ отъ Адама до потопа, отъ потопа до Авраама, отъ Авраама до Моисѣя и т. д., восходя постепенно до смерти великаго князя Святополка Изяславича (1113 г.). Это значитъ, что лице, „положившее числа“ и разбившее повѣствованіе по годамъ—жило при преемникѣ великаго князя Святополка, т. е. при великомъ князѣ Владимірѣ Мономахѣ, и тогда же предприняло эту работу; а мы знаемъ, что въ эту эпоху, именно въ 1116 году, игуменъ Селивестръ „написалъ

книгу лѣтописецъ". Ясно отсюда, что этотъ то игуменъ Селивестръ и былъ составителемъ свода, извѣстнаго подъ названіемъ Начальной или Несторовой лѣтописи, и онъ же былъ лицемъ „положившемъ числа" русской хронологіи, разбившимъ по годамъ текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Не желая утомлять вниманіе читателей дальнѣйшимъ послѣдовательнымъ анализомъ содержанія начальной лѣтописи или Селивестровскаго лѣтописнаго свода, представимъ теперь лишь общій очеркъ составныхъ частей, внесенныхъ въ него его составителемъ:

1) Повѣсть временныхъ лѣтъ неизвѣстнаго автора, составленная, въ свою очередь, изъ византійскихъ и русскихъ источниковъ и, въ числѣ послѣднихъ, изъ древняго повѣствованія объ исторіи Полянъ и изъ устныхъ преданій и легендъ, внесенныхъ въ нее ея составителемъ (какъ, напримѣръ, о смерти Олега, о мести Ольги за смерть Игоря и мног. др.). Начало Повѣсти временныхъ лѣтъ, имѣющее характеръ предисловія къ своду, не раздѣлено по годамъ; такое раздѣленіе начинается лишь съ 852 года и сдѣлано уже самимъ составителемъ свода. Изложеніе Повѣсти не слѣдуетъ въ сводѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ: оно перебито вставками изъ другихъ источниковъ и, отчасти, замѣчаніями и сентенціями самаго составителя свода.

2) Древнѣйшія лѣтописныя записи,—быть можетъ въ видѣ простыхъ пасхальныхъ таблицъ съ замѣтками,—которыя были подъ руками у составителя свода и размѣщены имъ подъ соотвѣтствующими годами послѣдняго. Такія записи могли вестись уже весьма рано,—въ X-мъ и даже въ концѣ IX-го вѣка; впослѣдствіе увидимъ мы, что имѣются несомнѣнныя указанія на существованіе у нашихъ предковъ письменности въ эту отдаленную эпоху. Что у составителя свода были подъ руками такія записи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: многія событія древнѣйшей эпохи являются записанными съ замѣчательною хронологическою точностью; такъ, подъ 911 годомъ записано, что „явися звѣзда велика на западѣ, копѣйнымъ образомъ"—и, дѣйствительно, въ этомъ году видна была комета, какъ это извѣстно по историко-астрономическимъ даннымъ.

3) Лѣтописи монастырскія и церковныя, слѣды которыхъ ясно даютъ замѣтить себя въ общемъ составѣ

начальной лѣтописи и которыя послужили матеріаломъ для Селивестровскаго свода. Изъ лѣтописей этого рода особенно рельефно выдѣляется лѣтопись Θеодосьева Печерскаго монастыря, вѣроятнымъ составителемъ которой можно принять преподобнаго Нестора вслѣдствіе соображеній, изложенныхъ уже выше,—именно: въ патерикѣ Печерскаго монастыря говорится о немъ, какъ о лѣтописцѣ этой обители. Печерская лѣтопись отдѣльными частями входитъ въ общій составъ начальной лѣтописи съ 6559 (1051) года—именно подъ этимъ годомъ помѣщенъ отрывокъ объ основаніи этого монастыря, взятый цѣликомъ изъ лѣтописи послѣдняго и начинающійся словами: „Боголюбивому князю Ярославу любяще Берестовое и т. д.“ (П. С. Л. I, стр. 67 — 69). По окончаніи этого отрывка, съ 6560 года, снова возобновляется общее лѣтописное повѣтствованіе. Далѣе снова встрѣчаемся съ вставками изъ Печерской лѣтописи: подъ 6582 (1074) годомъ, гдѣ помѣщено житіе преподобнаго Θеодосія, основателя монастыря, и нѣкоторыхъ другихъ сподвижниковъ его; подъ 6599 (1091) годомъ, при описаніи обрѣтенія мощей преподобнаго Θеодосія, и подъ 6604 (1096) годомъ, при описаніи нашествія Боняка на монастырь. Во всѣхъ этихъ отрывкахъ прежній тонъ и характеръ изложенія рѣзко измѣняется и, взамѣнъ обычнаго объективнаго повѣствованія, разсказъ ведется въ первомъ лицѣ, отъ имени самаго монастырскаго лѣтописателя; составитель свода не счелъ даже нужнымъ измѣнить изложеніе, согласовавъ его съ общимъ тономъ предъидущаго и послѣдующаго повѣствованія.

4) Житія святыхъ, обращавшіяся въ древней Руси въ видѣ отдѣльныхъ сказаній, которыя и занесены въ лѣтописный сводъ его составителемъ. Сюда относятся: житіе св. св. Кирилла и Меθодія, первоучителей славянскихъ, бывшее весьма распространеннымъ, въ различныхъ редакціяхъ, у всѣхъ славянскихъ народовъ и помѣщенное въ начальной лѣтописи подъ 6406 (898) годомъ; разсказъ о крещеніи св. княгини Ольги (подъ 6463=955 годомъ); исторія обращенія въ христіанство св. великаго князя Владиміра (подъ 6494=986 годомъ) и извлеченіе изъ сказанія объ убіеніи св. св. князей Бориса и Глѣба, составленнаго Іаковомъ Черноризцемъ, но прежде ошибочно приписывавшагося преподобному Нестору (подъ 6523=1015 годомъ).

5) Государственные акты. Сюда относятся, вошедшіе въ начальную лѣтопись во всей полнотѣ своего текста, договоры русскихъ князей съ греками: Олега—907 и 912 годовъ, Игоря—945 года, и Святослава—971-го года.

6) Поученія и назиданія. Сюда относятся, во первыхъ—Поученіе Владиміра Мономаха къ дѣтямъ (подъ 6604=1096 годомъ), а во вторыхъ—благочестивыя назиданія, въ которыхъ можно предполагать церковныя проповѣди того времени и которыя, обращаясь въ различныхъ сборникахъ и спискахъ, были внесены въ начальную лѣтопись при изложеніи тѣхъ событій, которыми они были вызваны. Въ видѣ образцовъ подобныхъ произведеній можно указать назиданія: подъ 1067 и 1093 годами, по поводу случившихся въ этихъ годахъ набѣговъ половцевъ, подъ 1078 годомъ, по поводу смерти вел. князя Изяслава, и нѣкот. другія.

7) Извлеченія изъ византійскихъ и болгарскихъ хроникъ и писателей. Мы уже знаемъ, что составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ широкою рукою черпалъ матеріалъ для своего повѣствованія изъ византійскихъ источниковъ, въ особенности же изъ хроники Георгія Амартолы; къ этимъ источникамъ охотно прибѣгаетъ и составитель свода начальной лѣтописи. Такъ, къ разсказу о младенцѣ-уродѣ, вытащенномъ сѣтями рыбаковъ въ 1064 году, въ чемъ повѣствователь видитъ дурное предзнаменованіе, приплетаются извѣстія, почерпнутыя изъ византійскихъ источниковъ, о различнаго рода необычайныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе нѣкоторыхъ римскихъ и византійскихъ императоровъ; или, напримѣръ, передавая баснословный разсказъ нѣкоего лица о племени Югрѣ, замуравленномъ въ полунощныхъ горахъ, повѣствователь присовокупляетъ разсказъ о племени, заключенномъ во внутренность горъ Александромъ Македонскимъ,—разсказъ, почерпнутый у Меѳодія Натарскаго.

8) Русскія отдѣльныя сказанія и преданія, бывшія подъ руками у составителя свода и отчасти, быть можетъ, лично имъ записанныя. Слѣды подобнаго рода сказаній довольно ясно выдѣляются въ общемъ составѣ начальной лѣтописи. Сюда долженъ быть отнесенъ, напримѣръ, извѣстный эпизодъ объ единоборствѣ русскаго юноши съ печенѣжскимъ богатыремъ (992 года); разсказъ (подъ 1071 годомъ) о кудесникахъ въ Ростовской и Новгородской областяхъ и о

чудскихъ волхвахъ; извѣстные уже намъ разсказы о младенцѣ-уродѣ и о Югрѣ, заключенной въ горахъ; наконецъ, занесенное въ начальную лѣтопись подъ 1097 годомъ повѣствованіе какого-то Василія о несчастной судьбѣ князя Василько.

9) Ко всѣмъ указаннымъ источникамъ нашей начальной лѣтописи слѣдуетъ, наконецъ, прибавить и собственныя воспоминанія и записки игумена Селивестра, несомнѣнно вошедшія въ составленный имъ лѣтописный сводъ, а также и данныя, почерпнутыя имъ отъ другихъ лицъ. Такъ, подъ 1106 годомъ, составитель свода упоминаетъ, что въ этомъ году умеръ маститый старецъ Янъ, на 90-мъ году жизни,—„отъ него-же,—пишетъ составитель,—и азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ отъ него-же слышахъ".

Таковъ составъ и источники начальной лѣтописи нашей. Какъ мы уже замѣтили это выше—этотъ составъ подвергался болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ со стороны позднѣйшихъ составителей лѣтописныхъ сводовъ; мы легко убѣдимся въ этомъ, если сравнимъ, напримѣръ, составъ начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку (древнѣйшему, какъ извѣстно) и составъ ея по такъ называемому Никоновскому своду или Никоновской лѣтописи.

Повѣствованіе начальной лѣтописи прерывается, какъ мы знаемъ, на 1110-мъ году.

Непосредственнымъ продолженіемъ начальной лѣтописи служитъ *Кіевская лѣтопись*, примыкающая къ Селивестрову своду и обнимающая собою событія южной, кіевской, Руси, въ теченіи XII вѣка. Кіевская лѣтопись дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, довольно близкихъ между собою и доведенныхъ до 1200-го года (именно списки: Ипатьевскій, Хлѣбниковскій, Ермолаевскій и Погодинскій), изъ которыхъ старый только одинъ — Ипатьевскій, относящійся къ концу XIV или къ началу XV вѣка. Во всѣхъ этихъ спискахъ до 1110 года идетъ начальная лѣтопись, а съ этого года и вплоть до 1200 года—излагается уже лѣтопись Кіевская. Что касается Лаврентьевскаго списка, то въ немъ, послѣ 1110 г., т. е. послѣ окончанія начальной лѣтописи, слѣдуетъ смѣшанная лѣтопись, составленная, очевидно, изъ сокращенной Кіевской лѣтописи и древняго свода лѣтописи Суздальской, съ преобладаніемъ послѣдней. И такъ, Ипатьевскій списокъ,

какъ наиболѣе древній и полный—долженъ считаться основнымъ спискомъ Кіевской лѣтописи, а всѣ остальные списки—варіантами къ нему. Изучая составъ Кіевской лѣтописи, мы убѣдимся, что и она, подобно начальной лѣтописи, разлагается на отдѣльныя составныя части и не могла быть всецѣло произведеніемъ одного лица; она представляетъ собою такой же сводъ, какимъ является и начальная лѣтопись. Содержаніе Кіевской лѣтописи до 1146 года представляется сжатымъ и отрывочнымъ; но съ 1146 года содержаніе дѣлается полнѣе, изложеніе болѣе оживленнымъ и нерѣдко принимающимъ даже поэтическій колоритъ: видно, что со второй половины XII вѣка лѣтописное повѣствованіе начинаетъ излагаться лицами, бывшими очевидцами и современниками описываемыхъ событій. Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что Кіевская лѣтопись носитъ въ своемъ составѣ слѣды заимствованій изъ другихъ областныхъ лѣтописей; такъ, напримѣръ, сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго — очевидно взято изъ лѣтописей сѣверо-восточныхъ. Съ 1200 года, т. е. года, съ котораго прерывается Кіевская лѣтопись, мы не найдемъ уже извѣстій о Кіевскихъ событіяхъ мѣстнаго, кіевскаго, повѣствованія. Съ начала XIII вѣка извѣстія эти должны быть почерпаемы изъ лѣтописей другихъ областей и, главнымъ образомъ, изъ лѣтописей сѣверо-восточной Руси.

Въ самой тѣсной связи съ Кіевскою лѣтописью стоитъ *лѣтопись Галицко-Волынская*. Начинаясь 1202 годомъ и заканчиваясь 1305-мъ—эта лѣтопись описываетъ событія юго-западной Руси, той самой Руси, которая впослѣдствіе подпала подъ власть Польши. Галицко-Волынская лѣтопись непосредственно примыкаетъ къ Кіевской: во всѣхъ спискахъ послѣдней, она слѣдуетъ тотчасъ же за ея окончаніемъ; такъ, въ Ипатьевской лѣтописи 1200-мъ годомъ кончается лѣтопись Кіевская, а далѣе, 1202-мъ годомъ, начинается Галицко-Волынская. Значитъ, и списки обѣихъ лѣтописей—одни и тѣже (т. е. древнѣйшій—Ипатьевскій, а затѣмъ: Хлѣбниковскій, Ермолаевскій и Погодинскій). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ этой лѣтописи нѣтъ: взамѣнъ ея продолжается въ немъ описаніе событій сѣверо-восточной (Суздальской) Руси. Существуютъ основанія думать, что Галицко-Волынская лѣтопись первоначально писана была безъ годовъ, которые и были разставлены позднѣйшимъ сводчикомъ, примкнувшимъ ее къ Кі-

евской лѣтописи. Изложеніе этой лѣтописи отличается образностью, поэтическимъ колоритомъ, сильными характеристиками и вполнѣ мірскимъ направленіемъ, — что даетъ поводъ думать, что она составлялась лицами свѣтскими и, вдобавокъ, современнниками, близкими участниками описываемыхъ событій. Кромѣ исторіи Галицкой и Волынской Руси, разсматриваемая лѣтопись представляетъ также богатый источникъ и для исторіи Литвы въ XIII вѣкѣ.

До сихъ поръ мы говорили о южныхъ и юго-западныхъ разрядахъ лѣтописей, которыхъ и разсмотрѣли три: начальную лѣтопись, кіевскую лѣтопись и галицко-волынскую лѣтопись. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію сѣверо-западныхъ разрядовъ лѣтописей. Такихъ разрядовъ существуетъ два: новгородскія и псковскія лѣтописи.

Своды *новгородскихъ лѣтописей* дошли до насъ въ спискахъ не ранѣе XIV вѣка. Самый ранній списокъ новгородскихъ лѣтописей представляетъ собою такъ называемый синодальный списокъ, относящійся къ XIV вѣку, хотя имѣются слѣды лѣтописнаго свода, составленнаго еще въ XIII вѣкѣ; можно думать, вообще, что записываніе лѣтописныхъ извѣстій началось въ Новгородѣ весьма рано. До нашего времени напечатано четыре новгородскія лѣтописи, изданныя Археографическою Коммиссіею (въ „Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей“, томы III и IV); эти лѣтописи принято называть „первою“, „второю“, „третьею“ и „четвертою“ новгородскими лѣтописями. Первая новгородская лѣтопись, напечатанная по древнѣйшему синодальному списку (къ сожалѣнію безъ начала), обнимаетъ собою событія съ 1016 года по 1444 годъ; вторая новгородская лѣтопись обнимаетъ собою промежутокъ времени съ 911-го по 1587 годъ; третья —съ 989 по 1716 годъ, и, наконецъ, четвертая—съ 1113 по 1496 годъ. Новгородскія лѣтописи скупы, вообще, на сообщеніе извѣстій, имѣвшихъ мѣсто до первой четверти XII вѣка; но съ этой послѣдней эпохи онѣ представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи новгородской области. Новгородскія лѣтописи характеризуются сжатымъ, лаконическимъ, какъ-бы дѣловымъ изложеніемъ; здѣсь не встрѣтимъ мы ни того поэтическаго колорита, ни тѣхъ вставочныхъ размышленій и сентенцій, которыми такъ богаты лѣтописи южно-рус-

скихъ разрядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ отмѣтить чисто-мѣстный характеръ новгородскихъ лѣтописей: онѣ содержатъ въ себѣ, главнымъ образомъ, изложеніе мѣстныхъ, новгородскихъ, событій; событія другихъ областей русскихъ излагаются здѣсь весьма рѣдко, да и то лишь на столько, на сколько имѣютъ они соотношеніе къ исторіи новгородской области.

Псковскія лѣтописи относятся къ эпохѣ болѣе поздней, сравнительно съ лѣтописями новгородскими. Основою ихъ послужила Повѣсть о псковскомъ князѣ Довмонтѣ (1266—1299 г.г.), составленная въ концѣ XIII столѣтія и вошедшая во всѣ псковскія лѣтописи. Съ князя Довмонта началось самобытное существованіе Пскова; съ князя же Довмонта началось и самобытное существованіе псковской лѣтописи. Въ Полномъ Собраніи Русскихъ Лѣтописей напечатаны двѣ псковскія лѣтописи, подъ названіями „первой" и „второй". Первая начинается съ 859 года и простирается до 1609 года; вторая начинается, приблизительно, съ той-же эпохи и простирается до 1650 года. Свѣдѣнія, сообщаемыя обѣими лѣтописями до второй половины XIII вѣка, до князя Довмонта, представляются въ высшей степени скудными и несомнѣнно заимствованными изъ начальной лѣтописи и изъ первой новгородской лѣтописи; лишь съ эпохи князя Довмонта принимаютъ онѣ самостоятельный и мѣстно-областной характеръ. Что касается взаимнаго соотношенія обѣихъ Псковскихъ лѣтописей, то нельзя не замѣтить, что до XV столѣтія вторая Псковская лѣтопись весьма близка къ первой, и только съ XV столѣтія пріобрѣтаетъ она самостоятельный характеръ и подробно останавливается на весьма многихъ событіяхъ, изложенныхъ въ первой лѣтописи или слишкомъ кратко, или даже вовсе опущенныхъ ею. Псковскія лѣтописи носятъ со второй половины XIII вѣка строго мѣстный колоритъ, который всецѣло сохраняется ими даже послѣ эпохи паденія самобытности Пскова, и въ этомъ отношеніи онѣ представляются драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи политическаго и общественнаго быта Псковскаго народоправства.

Третью группу лѣтописныхъ сводовъ составляютъ разряды *лѣтописей сѣверо-восточной, ростовско-суздальской, Руси*,—той Руси, въ которую, со второй половины XII вѣка, переходитъ, мало по малу, центръ русской государственной

жизни и въ которой зарождается съ начала XIV вѣка великое княженіе Московское, которому суждено было впослѣдствіе объединить подъ властью своею всѣ отдѣльныя области русскія, создавъ единое Московское государство. Записываніе лѣтописныхъ извѣстій, по всей вѣроятности, началось здѣсь уже весьма рано. Это видно, во первыхъ, изъ того, что событія Сѣверо-Восточной Руси являются записанными уже въ начальной лѣтописи, а во вторыхъ изъ того, что мы имѣемъ отъ начала XIII вѣка извѣстіе о существованіи „стараго лѣтописца Ростовскаго"; именно, въ посланіи Симона къ Поликарпу, относящемуся къ этой эпохѣ, встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: „Аще хощеши все увѣдати, почти (т. е. прочитай) лѣтописца с т а р а г о Ростовскаго",—значитъ, существовала ростовская лѣтопись, считавшаяся уже старою даже по отношенію къ началу XIII вѣка.

Первый сохранившійся до нашихъ дней сводъ сѣверовосточной (именно Суздальской) лѣтописи относится по времени составленія своего къ XIII-же вѣку; это видно изъ того, что всѣ лѣтописи, заключающія въ себѣ сѣверо-восточные своды, до начала XIII вѣка, именно до 1206 года, имѣютъ между собою весьма близкое сходство, и только съ этой эпохи расходятся,—слѣдовательно, онѣ имѣли общій источникъ, заключавшійся въ первоначальномъ сѣверо-восточномъ сводѣ, простиравшемся до начала XIII вѣка Этотъ первоначальный сводъ сохранился въ такъ называемомъ Радзивиловскомъ спискѣ, доведенномъ до 1206 года; онъ вошелъ также въ составъ Лаврентьевскаго списка, гдѣ обнимаетъ собою промежутокъ времени съ 1110 по 1206 годъ. Но этотъ сводъ еще не можетъ быть названъ чисто Суздальскимъ: въ немъ извѣстія сѣверо-восточной Руси перемѣшаны съ событіями Кіевской Руси (какъ мы видѣли это выше, говоря о Кіевской лѣтописи) и онъ составился, очевидно, изъ смѣшенія сѣверовосточныхъ лѣтописныхъ записей съ сокращенною редакціею лѣтописи Кіевской (Ипатьевскаго списка). Вообще, до эпохи татарскаго завоеванія — мы не имѣемъ чисто Суздальскихъ лѣтописей; лѣтописи, заключающія въ себѣ извѣстія о сѣверо-восточной Руси, носятъ на себѣ смѣшанный характеръ, но отличаются при этомъ преобладаніемъ въ нихъ сѣверовосточнаго элемента. Лишь послѣ эпохи татарскаго завоеванія лѣтописи эти принимаютъ спеціально сѣверо-восточный

колорптъ и начинаютъ, сверхъ того, различаться по мѣстностямъ, къ которымъ онѣ относятся.

Изъ списковъ сѣверо-восточныхъ лѣтописныхъ сводовъ извѣстны: Лаврентьевскій (1110—1305 гг.), Троицкій (1110—1419 г.г.) и Радзивиловскій (1110—1206 г.г.). Всѣ эти списки примыкаютъ къ начальной лѣтописи; затѣмъ, съ 1110 по 1206 годъ, представляютъ общій сводъ, смѣшанный изъ извѣстій сѣверо-восточной и кіевской Руси; затѣмъ, съ 1206 года, Радзиловскій списокъ обрывается, а Лаврентьевскій и Троицкій принимаютъ, мало по малу, спеціальный сѣверовосточный оттѣнокъ. Чисто областной характеръ носитъ и особая *Тверская лѣтопись*, начинающая свое повѣствованіе съ древнѣйшихъ временъ (пользуясь при этомъ начальною и другими предшествовавшими лѣтописями) и доведенная до 1499 года; существуютъ указанія, что составитель этой лѣтописи пользовался и болѣе ранними тверскими же лѣтописными сводами.

Съ первой половины XIV вѣка во всѣхъ сѣверо-восточныхъ лѣтописныхъ сводахъ начинаютъ преобладать извѣстія, касающіяся исторіи Московскаго великаго княженія, а вслѣдъ затѣмъ Москва является естественнымъ центромъ, вокругъ котораго концентрируются всѣ русскія лѣтописныя повѣствованія.

Наконецъ, въ Москвѣ возникаютъ обширные *лѣтописные сборники*, которые могутъ быть уже названы обще-русскими сводами и въ которые, въ качествѣ источниковъ, входятъ всѣ разсмотрѣнныя уже нами областныя лѣтописи. Къ разсмотрѣнію этихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ мы въ настоящую минуту и обратимся. Такихъ сборниковъ извѣстно и издано три: Софійскій Временникъ, Воскресенская лѣтопись и Никоновская лѣтопись.

Софійскій Временникъ дошелъ до нашихъ дней въ двухъ редакціяхъ, извѣстныхъ подъ названіями лѣтописей „Софійской первой“ и „Софійской второй“. И та и другая имѣются въ нѣсколькихъ спискахъ, первая—XV и XVI вѣковъ, вторая—XVI и XVII вѣковъ, причемъ крайній предѣлъ повѣствованія первой лѣтописи—есть 1524 г., второй—1534 годъ; но въ изданіи Археографической коммиссіи (Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, томы V и VI) обѣ

лѣтописи напечатаны по спискамъ, доведеннымъ только: первой Софійской лѣтописи — до 1507, второй—до 1552 года. Софійскій Временникъ, будучи сводомъ лѣтописей предшествовавшаго времени—представляется, тѣмъ не менѣе, весьма важнымъ источникомъ и для русской исторіи до—московскаго періода, такъ какъ въ него вошли многія повѣствованія и различнаго рода дополненія, или представляющія значительные и, нерѣдко, подробнѣйшіе варіанты сравнительно съ прежними лѣтописными сводами; или, наконецъ эпизоды и дополненія, вовсе не вошедшіе въ послѣдніе и заимствованные, какъ надо полагать, изъ лѣтописныхъ источниковъ, уже утраченныхъ для настоящаго времени.

Софійскій Временникъ начинается начальною лѣтописью или Селивестровымъ сводомъ, — конечно со многими варіантами и измѣненіями, — и въ этой части своего изложенія, вплоть до 1076 года, является до нѣкоторой степени близкимъ къ Лаврентьевскому списку, съ тѣмъ однако же отличіемъ отъ послѣдняго, что онъ не заключаетъ въ себѣ нѣкоторыхъ частей содержанія начальной лѣтописи (напримѣръ большой части отрывковъ Печерской монастырской лѣтописи); другія части начальной лѣтописи являются въ немъ переработанными и, что въ особенности характерно, заключаютъ въ себѣ весьма много подробныхъ и интересныхъ извѣстій касающихся Новгорода: это заставляетъ думать, что древняя часть Софійскаго Временника составилась изъ компиляціи переработанной начальной лѣтописи и неизвѣстной въ наше время новгородской лѣтописи. Начиная съ 1076 года, различіе между Софійскимъ Временникомъ и Лаврентьевскимъ сводомъ становится все болѣе и болѣе ощутительнымъ и оба свода все болѣе и болѣе расходятся между собою.

Съ конца XI вѣка до половины XIII вѣка—въ Софійскомъ Временникѣ слѣдуетъ смѣшанное изложеніе событій Кіевской и Новгородской Руси, къ которому, съ половины XII вѣка, присоединяются и событія сѣверо-восточной, Суздальской, Руси, а съ половины XIII вѣка (т. е. послѣ татарскаго покоренія) начинаетъ преобладать изложеніе новгородскихъ событій въ такой сильной степени, что Временникъ принимаетъ характеръ новгородской лѣтописи, съ примѣсью извѣстій псковскихъ и суздальскихъ, а затѣмъ и московскихъ. Особенно подробно излагаетъ Временникъ (съ Москов-

ской, однако же, точки зрѣнія) исторію паденія Новгородской (1471—1478 г.г.) и Псковской (1510 г.) независимости, послѣ чего онъ становится уже лѣтописью обще-русскою, Московскою.

Что касается собственно *второй* Софійской лѣтописи, то она является съ характеромъ варіанта общаго Софійскаго Временника, составомъ и содержаніемъ своимъ отклоняющагося отъ послѣдняго съ конца XIV вѣка (съ 1392 г.) и доводящаго свое повѣствованіе до 1552 года, заканчивая его на этомъ годѣ подробнымъ описаніемъ взятія Казани царемъ Іоанномъ IV. Вторая Софійская лѣтопись представляетъ источникъ весьма цѣнный для русской исторіи XV и XVI вѣковъ, благодаря замѣчательной обстоятельности въ изложеніи подробностей различныхъ событій и массѣ вставокъ, заключающихся въ отдѣльныхъ повѣствованіяхъ, очевидно самостоятельнаго происхожденія, грамотахъ, письмахъ и т. п. матеріалахъ; въ числѣ послѣднихъ находимъ подробнѣйшее описаніе борьбы Іоанна III-го съ Новгородомъ и исторію паденія послѣдняго, а также замѣчательное литературное произведеніе второй половины XV вѣка—путешествіе въ Индію тверскаго купца Аѳанасія.

Воскресенская лѣтопись и *Никоновская лѣтопись*—могутъ быть названы лѣтописями развѣ только по внѣшней формѣ своего изложенія. Это, въ сущности — историческіе сборники, составленные въ теченіи XVI и XVII вѣковъ изъ отдѣльныхъ частей различныхъ лѣтописныхъ сводовъ и изложенные по годамъ, въ лѣтописной формѣ. Какъ Воскресенская, такъ и Никоновская лѣтописи—дошли до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Отдѣльные списки Воскресенской лѣтописи доходятъ до 1541 г., а одинъ даже до 1560 года; Никоновской лѣтописи—до 1558 года, а далѣе, въ отрывочныхъ замѣткахъ, до 1572 года Кромѣ изданія Никоновской лѣтописи, въ полномъ ея составѣ, въ 1767—1792 г.г., при Императорской Академіи Наукъ (въ восьми томахъ), отдѣльные списки ея были въ XVIII вѣкѣ издаваемы подъ различными названіями, какъ—то: Царственная книга (1769), Царственный лѣтописецъ (1772), Древній лѣтописецъ (2 части, 1774—1775 г.); начало одного изъ списковъ той-же лѣтописи напечатано въ IX томѣ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей (по 1176 годъ); наконецъ,

часть одного изъ списковъ издана въ 1860 году Археографической Коммиссіею, съ воспроизведеніемъ находящихся въ текстѣ его рисунковъ, подъ заглавіемъ: „Сказаніе о князьяхъ и царяхъ русскихъ“. Существовали и другіе лѣтописные сборники, болѣе или менѣе близкіе къ Никоновскому, изъ которыхъ нѣкоторые были издаваемы въ концѣ прошедшаго столѣтія—но мы считаемъ возможнымъ не останавливаться на нихъ.

Лѣтописные сборники Воскресенскій и Никоновскій, равно какъ и другія произведенія аналогичнаго характера, хотя они въ значительной степени и составлены изъ отрывковъ предшествовавшихъ лѣтописныхъ сводовъ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя фантастическія, даже тенденціозныя, измышленія (напримѣръ—родословіе московскихъ государей Рюрикова дома, выводимое отъ римскаго кесаря Августа и т. д.)—не должны быть, тѣмъ не менѣе, игнорируемы въ качествѣ источниковъ русской исторіи: это обусловливается тѣмъ, что эти сборники черпали многія извѣстія свои изъ утраченныхъ нынѣ источниковъ, въ которыхъ только и заключались сообщаемыя ими свѣдѣнія, или въ которыхъ эти свѣдѣнія имѣлись въ болѣе подробномъ видѣ, нежели въ дошедшихъ до насъ источникахъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ общихъ областныхъ лѣтописей, существовали также *лѣтописи спеціально—областныя*, исключительно посвященныя изложенію исторіи жизни отдѣльныхъ областей. Сюда относятся, напримѣръ, лѣтописи: Нижегородская (издана въ XVIII томѣ „Древней Россійской Вивліоѳики“ Новикова), Двинская (издана тамъ-же), лѣтописи Сибирскія нѣсколькихъ списковъ (изъ нихъ Строгановская издана въ 1821 году Спасскимъ, въ С.-Петербургѣ, Строгановская и Есиповская г. Небольсинымъ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1849 годъ, т. 63-й), Вятская (хранится въ Императорской Публичной Библіотека въ рукописи) и др.

Имѣются также списки *монастырскихъ лѣтописей*, записывавшихся при монастыряхъ и излагавшихъ важнѣйшія событія жизни ихъ.

Наконецъ, близкое отношеніе къ русской исторіи имѣютъ лѣтописи *Литовскія* и лѣтописи *Малороссійскія*—на которыхъ мы останавливаться, впрочемъ, не будемъ.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ: какое значеніе имѣли въ древней Руси лѣтописи, дошедшія до насъ въ такомъ разнообразіи списковъ (изъ которыхъ далеко не всѣ и изданы), такъ какъ это разнообразіе и обильное количество обращавшихся у нашихъ предковъ лѣтописныхъ списковъ невольно наводитъ на мысль о практическомъ значеніи ихъ?

Первоначальное побужденіе къ записыванію наиболѣе выдающихся современныхъ событій, а равно преданій, разсказовъ и различныхъ другихъ матеріаловъ,—или представлявшихъ интересъ для современной жизни, или особенно поразившихъ умъ записывающаго,—должно было возникнуть уже весьма рано и, на первыхъ порахъ, имѣло своею цѣлью удовлетвореніе естественному въ человѣкѣ чувству любознательности. Здѣсь—первое зерно стремленія къ историческому знанію: съ любопытствомъ читая предъидущія лѣтописныя записи, слушая отъ маститыхъ старцевъ повѣствованія о событіяхъ сѣдой старины, о походахъ князей, объ ихъ славныхъ дѣяніяхъ и порокахъ, о боевыхъ схваткахъ, о церковныхъ событіяхъ, о народныхъ бѣдствіяхъ, о небесныхъ явленіяхъ—какой-нибудь монахъ, уединенный отъ міра въ своей кельи, желая передать эти свѣдѣнія позднѣйшему потомству, переписывалъ бывшія у него подъ руками лѣтописныя записи, дополнялъ ихъ однѣ другими, а также и извѣстіями, почерпнутыми имъ или изъ опыта самой жизни, или изъ устныхъ сказаній стариковъ, и, наконецъ, годъ за годомъ, начиналъ лично продолжать составленный имъ такимъ образомъ лѣтописный сводъ извѣстіями о событіяхъ текущей жизни. Такъ возникали русскія лѣтописи,—и мы, дѣйствительно, имѣемъ указанія на то, что первоначально лѣтописи велись при монастыряхъ, а главными лѣтописателями нашими были—монахи, какъ и, вообще, около монастырей сосредоточивалась въ древней Руси книжность и начало литературы и просвѣщенія. Невольно возстановляется въ нашей памяти величественно-спокойный, безстрастный, полный жизни и исторической правды, типъ монаха-лѣтописца Пимена, возпроизведенный нашимъ безсмертнымъ поэтомъ въ его „Борисѣ Годуновѣ“, въ знаменитой ночной сценѣ въ келіи Чудова монастыря; именно таковы должны были быть древніе наши подвижники лѣтописанія—Несторъ, Селивестръ, Лаврентій и

др., которые видѣли въ своемъ призваніи „даръ, завѣщанный отъ Бога“, и трудами которыхъ создались наши лѣтописи,— эти драгоцѣнные источники отечественной исторіи.

Лѣтописаніе считалось у нашихъ предковъ занятіемъ почетнымъ, даже болѣе того—дѣломъ богоугоднымъ, подвижничествомъ, путемъ котораго можно было заслужить милость Бога, вѣчное спасеніе и молитвы потомства Мы знаемъ, что Селивестръ говоритъ въ припискѣ къ своему лѣтописному своду, что онъ предпринялъ его составленіе „надѣяся отъ Бога милость пріяти“ и проситъ читателей поминать составителя въ своихъ молитвахъ. Составитель сознательно пишетъ свою лѣтопись для потомства: „да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшія судьбы“,—какъ выражается пушкинскій Пименъ; онъ сознаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что потомство будетъ ему благодарно за его трудъ, поминая имя его въ молитвахъ своихъ. Такъ же точно и въ одной изъ литовскихъ лѣтописей составитель ея заявляетъ въ припискѣ, что этотъ трудъ предпринятъ имъ „на жизнь вѣчную и на отпущеніе грѣховъ“. И чистою же радостью веселился лѣтописатель, доведя свой трудъ до желаннаго окончанія! Монахъ Лаврентій, списатель извѣстнаго Лаврентьевская свода, дописавъ его до конца, съ благодушною радостью заканчиваетъ свой трудъ слѣдующими словами: „Радуется купецъ, получившій прибыль; радуется кормчій, достигшій пристани; радуется странникъ, прибывшій на родину; такъ-же радуется и книжный списатель, доведя трудъ до окончанія. Радуюсь и я, худой, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій, монахъ Лаврентій“. Далѣе, обозначивъ время начала и окончанія труда, а также имена князя и епископа, при державтельствѣ которыхъ списана была лѣтопись, Лаврентій обращается къ читателю съ слѣдующею просьбою: „И нынѣ, господа отцы и братія, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны (ветхи), а умъ молодъ, не дошелъ; слышите Павла апостола глаголюща: не кляните, но благословите“......

Въ послѣдующія времена значеніе лѣтописей пошло далѣе значенія средства для удовлетворенія простой историческoй любознательности, средства для передачи потомству знанія о минувшихъ историческихъ судьбахъ родной земли: лѣ-

тописи пріобрѣтаютъ практическое значеніе, пріобрѣтаютъ государственный и юридическій интересъ, а нѣкоторыя лѣтописи облекаются оффиціальнымъ характеромъ; на основаніи лѣтописей доказываются тѣ или другія права, изъ лѣтописей почерпаются свѣдѣнія о существующихъ законахъ. Большіе московскіе лѣтописные сборники XVI и XVII вѣковъ несомнѣнно носятъ оффиціальный характеръ, хотя можно полагать, что нѣкоторыя лѣтописи уже довольно рано получаютъ такой же характеръ и ведутся по инициативѣ и подъ контролемъ верховной власти. Такъ, въ Никоновской лѣтописи читаемъ мы, что „первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся.... написывати“; значитъ, еще въ древности князья приказывали заносить въ лѣтописи всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя могли представлять интересъ для послѣдующаго теченія государственной жизни. Въ Галицко-Волынской лѣтописи читаемъ мы отъ конца XIII вѣка (1289 г.) извѣстіе, что князь Мстиславъ, въ наказаніе за крамолу, наложилъ на населеніе города Берестья особую повинность—„ловчее“, и повелѣлъ вписать извѣстіе объ этомъ „въ лѣтописецъ“. Извѣстно далѣе, что князь Юрій Димитріевичъ, судясь въ Ордѣ съ племянникомъ своимъ Василіемъ Василіевичемъ (Темнымъ), доказывалъ передъ ханомъ права свои на Московскій престолъ на основаніи „лѣтописцевъ и старыхъ списковъ“; равнымъ образомъ и великій князь Іоаннъ III, выступивъ въ 1471-мъ году въ походъ противъ великаго Новгорода, взялъ съ собою дьяка Брадатаго, умѣвшаго читать „по старымъ лѣтописцамъ“, который, на основаніи лѣтописей, могъ бы доказать права великаго князя на этотъ городъ. Наконецъ, въ дошедшей до насъ описи царскаго архива второй половины XVI вѣка (1575—1584 г.г.), при описаніи ящиковъ, въ которыхъ хранились документы, читаемъ: „Ящикъ 224-й.—А въ немъ списки, что писати въ лѣтописецъ, лѣта новые прибраны отъ 7068 до лѣта 7074 и до 76“ (т. е. „Ящикъ 224-й.—Заключаетъ въ себѣ списки матеріаловъ, выбранныхъ для включенія въ лѣтопись, за новые годы, съ 1560 по 1568 годъ“), причемъ тутъ же отмѣчено: „Въ 76 году (1568 г.) лѣтописецъ и тетради посланы ко Государю“. Это ясно указываетъ намъ на то, что во второй половинѣ XVI вѣка существовали оффиціальныя лѣто-

писи, веденіе которыхъ было дѣломъ правительственнымъ, находившимся подъ ближайшимъ наблюденіемъ государя. Принимая въ Московскомъ государствѣ все болѣе и болѣе оффиціальный характеръ, лѣтописи приближаются постепенно къ типу такъ называемыхъ „разрядныхъ книгъ“ и, наконецъ, совершенно сливаются съ ними; что разумѣлось въ до-Петровской Руси подъ названіемъ „разрядныхъ книгъ“— съ этимъ мы познакомимся въ своемъ мѣстѣ.

Юридическій характеръ носили древнія лѣтописи благодаря тому обстоятельству, что въ нихъ вписывались памятники законодательства и юридическаго быта древней Руси; такъ, въ лѣтописяхъ включены договоры первыхъ русскихъ князей съ греками, Русская Правда, различные договоры князей между собою, духовныя грамоты князей и т. п. матеріалы историко-юридическаго характера. Такимъ образомъ, лѣтописи являлись источникомъ познанія современнаго русскаго права, что придавало имъ значительный практическій интересъ, дѣлало ихъ въ глазахъ современниковъ необходимою справочною книгою.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о существующихъ печатныхъ изданіяхъ русскихъ лѣтописей.

Основное и главное изданіе русскихъ лѣтописей принадлежитъ Археографической Коммиссіи, предпринявшей его въ многотомномъ изданіи своемъ: „*Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей*“. Начало этому изданію положено въ 1846 году и по настоящее время вышло его 11 томовъ, съ I-го по IX включительно и затѣмъ томы XV и XVI (промежуточные томы не выходили). Разсмотримъ содержаніе каждаго тома въ отдѣльности.

I-й томъ (1846 г.) заключаетъ въ себѣ: а) Лаврентьевскую лѣтопись, б) Троицкую лѣтопись (сѣверо - восточнаго разряда; она напечатана здѣсь съ 1206 года,—года, съ котораго она отклоняется отъ Лаврентьевской) и в) Приложенія, заключающія въ себѣ выписки изъ рукописей, вошедшихъ въ составъ начальной лѣтописи.

II томъ (1843 г.) заключаетъ въ себѣ: а) Ипатьевскую лѣтопись, затѣмъ, въ видѣ прибавленія къ ней, в) Густинскую лѣтопись (западно-русскую компиляцію изъ сокращенія Ипатьевской лѣтописи и нѣкоторыхъ польскихъ и утра-

ченныхъ русскихъ лѣтописей) и в) нѣсколько краткихъ приложеній.

III томъ (1841 г.) заключаетъ въ себѣ: первую, вторую и третью Новгородскія лѣтописи, съ прибавленіями къ нимъ.

IV томъ (1848 г.) заключаетъ въ себѣ: а) четвертую Новгородскую лѣтопись и б) первую Псковскую лѣтопись, съ прибавленіями къ нимъ.

V томъ (1851 г.) заключаетъ въ себѣ: а) вторую Псковскую лѣтопись, съ прибавленіями къ ней, и б) начало первой Софійской лѣтописи.

VI томъ (1853 г.) заключаетъ въ себѣ: а) продолженіе первой Софійской лѣтописи, съ прибавленіями къ ней, и б) вторую Софійскую лѣтопись, съ прибавленіями къ ней.

VII (1856 г.) и VIII (1859 г.) томы содержатъ въ себѣ Воскресенскую лѣтопись.

IX томъ (1862 г.) содержитъ въ себѣ начало Никоновской лѣтописи (доведена до 1176 года).

XV томъ (1863 г.) содержитъ въ себѣ Тверскую лѣтопись.

XVI томъ (1889 г.) содержитъ такъ называемую „лѣтопись Авраамки".

Въ виду того, что первые томы „Полнаго Собранія Русскихъ лѣтописей" уже давно вышли изъ продажи, Археографическая Коммиссія съ начала 70-хъ годовъ предприняла новое изданіе ихъ, въ значительно улучшенномъ видѣ сравнительно съ первымъ, и, такимъ образомъ, появились въ свѣтъ: „Лѣтопись по Лаврентьевскому списку" (2-е изданіе I тома П. С. Р. Л.), „Лѣтопись по Ипатьевскому списку" (2-е изд. II тома П. С. Р. Л.), „Новгородскія лѣтописи", (2-е изд. второй и третьей Новгородскихъ лѣтописей изъ III тома П. С. Р. Л.), и, сверхъ того, еще три роскошныя фото-литографическія изданія, сдѣланныя непосредственно съ подлинныхъ рукописей: „Повѣсть временныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку", „Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатьевскому списку" и „Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку" (первая Новгородская лѣтопись).

Археографическая Коммиссія предприняла также изданіе „Алфавитнаго указателя къ первымъ восьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей"; въ вышедшихъ выпускахъ этого изданія помѣщены указанія на буквы А—І.

Кромѣ изданія лѣтописей Археографической Коммиссіею, были также изданія различныхъ списковъ лѣтописей—академическія, синодальныя и частныя; особенно богата была такими изданіями вторая половина прошедшаго столѣтія. Такъ, Никоновская лѣтопись, въ полномъ составѣ своемъ, издана была въ 8-ми томахъ въ 1767—1792 г.г. при Академіи Наукъ (это до сихъ поръ единственное полное изданіе ея); Воскресенская лѣтопись издана была въ 1793—94 г.г., въ двухъ томахъ (неокончена); Софійскій Временникъ изданъ былъ въ 1821 году, въ двухъ частяхъ, П. Строевымъ; было и много другихъ изданій лѣтописей, отъ перечисленія которыхъ мы воздержимся.

Покончивъ съ лѣтописями, переходимъ къ хронографамъ,—близкимъ къ нимъ источникамъ познанія древней исторіи нашего отечества.

Б.—ХРОНОГРАФЫ.

Подъ хрониками и хронографами разумѣлись византійскіе сборники историческаго содержанія, весьма рано перешедшіе къ намъ изъ Греціи вслѣдъ за принятіемъ христіанства. Греческіе хронографы могли весьма рано перейти къ намъ въ славянскомъ переводѣ, такъ какъ уже въ X-мъ вѣкѣ въ Болгаріи переведены были на славянскій языкъ греческія хроники Іоанна Малолы и Георгія Амартолы; составитель „Повѣсти Временныхъ лѣтъ", вошедшей въ нашу начальную лѣтопись, пользовался обѣими хрониками и даже ссылается на вторую.

Греческіе сборники разсматриваемаго вида весьма близки между собою по своему внутреннему составу: начиная свое изложеніе отъ самаго сотворенія міра, они послѣдовательно ведутъ его черезъ ветхо-завѣтную исторію, присоединяя къ ней краткую исторію древняго міра и, такимъ путемъ, переходятъ къ исторіи византійской.

Переходя изъ Византіи въ наше отечество, греческія хроники стали дополняться здѣсь какъ источниками русскаго происхожденія, такъ и русскими переводами изъ сочиненій различнаго содержанія (историческаго, космографическаго, географическаго, естественно-историческаго), такъ что хронографы, обращавшіеся въ до-Петровской Руси, въ сущности

представляютъ собою русскія компиляціи изъ самыхъ разнообразныхъ отечественныхъ и иноземныхъ источниковъ, съ лежащими въ основѣ ихъ переводными греческими хрониками.

Хронографы, обращавшіеся у нашихъ предковъ, сложились въ окончательную форму и получили опредѣленную редакцію не ранѣе начала XVI вѣка. Обыкновенно принимаютъ три редакціи русскихъ хронографовъ. Первая редакція ихъ относится къ 1512 году. Особенность этой редакціи заключается въ преобладаніи въ ней византійскихъ и южнославянскихъ источниковъ (болгарскихъ и сербскихъ), съ добавленіемъ ихъ русскими историческими извѣстіями, заимствованными изъ лѣтописей; эта редакція хронографовъ заключаетъ въ себѣ 208 главъ, изъ которыхъ послѣдняя разсказываетъ исторію взятія въ 1453 году турками Константинополя и паденія Византійской имперіи. Вторая редакція хронографовъ относится къ 1617 году. Отличіе ея отъ первой заключается въ дополненіи ея свѣдѣніями изъ западноевропейской исторіи и географіи (которыхъ нѣтъ въ хроникахъ византійскихъ) и извѣстіями о различныхъ чудесныхъ явленіяхъ и предзнаменованіяхъ; эти дополненія заимствованы изъ польскихъ и латинскихъ хроникъ (Мартина Бѣльскаго и Кондрада Ликостена). Повѣствованіе о событіяхъ русской исторіи доводится въ этой редакціи до восшествія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича. Третья редакція хронографовъ пріурочивается къ эпохѣ 1620—1646 гг. и отличается отъ редакціи 1617 года подробною переработкою повѣствованія о русской исторіи (также до воцаренія царя Михаила) по новымъ источникамъ второй половины XVI и начала XVII вѣковъ, съ особенно подробнымъ изложеніемъ исторіи смутнаго времени. Источниками для исторіи смутнаго времени служили историческія сказанія и повѣствованія начала XVII вѣка, по характеру своему примыкающія къ московскимъ лѣтописнымъ сборникамъ, какъ-то: „Сказаніе о самозванцахъ“ (напечатано во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. XVI-я), такъ называемый „Новый лѣтописецъ“ (изданъ тамъ-же, кн. XVIII-я), „Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о раззореніи Московскаго государства“ (издана въ 1771 и 1778 годахъ,—весьма важный источникъ для исторіи смутнаго времени) и т. п. Кромѣ хронографовъ, могущихъ быть

подведенными подъ одну изъ указанныхъ трехъ редакцій, встрѣчаются еще хронографы, которые не могутъ быть къ нимъ пріурочены: ихъ принято называть хронографами „особаго состава“.

Во всѣхъ, вообще, хронографахъ встрѣчается обыкновенно много приложеній, выписокъ изъ различнаго рода сочиненій и даже цѣлыхъ сказаній (напримѣръ о взятіи турками Царьграда, о сивиллахъ, о созданіи храма св. Софіи, о путешествіяхъ Америго Веспучи, сказаніе о Казанскомъ царствѣ, повѣсть о бѣломъ Клобукѣ, „книга глаголемая космографія“ и мн. др.). Всѣ эти вводныя статьи придавали хронографамъ самый разнообразный характеръ, дѣлали ихъ истинными энциклопедіями, изъ которыхъ предки наши черпали всякаго рода свѣдѣнія—историческія, географическія, политическія, естественно-историческія, космографическія и т. п. Этимъ образовательнымъ значеніемъ хронографовъ объясняется распространенность ихъ въ до-Петровской Россіи и то громадное количество списковъ, въ которыхъ сохранились до насъ памятники этого рода.

Распространеніе многочисленныхъ списковъ лѣтописей и хронографовъ естественно должно было подготовить почву для попытокъ систематизаціи русской исторіи. Попытками подобнаго рода можно уже, до извѣстной степени, считать составленіе большихъ московскихъ лѣтописныхъ сборниковъ XVI и XVII вѣковъ—Воскресенской и, въ особенности, Никоновской лѣтописей. Но древнѣйшею попыткою подобной систематизаціи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, является такъ называемая Степенная Книга, получившая окончательную редакцію уже около половины XVI вѣка; начало ея составленія приписываютъ митрополиту Кипріану, но главнымъ составителемъ ея считается митрополитъ Макарій (полов. XVI вѣка), хотя Степенная Книга продолжала дополняться и послѣ него. Названіе свое получилъ этотъ историческій сборникъ отъ того, что событія русской исторіи излагаются въ ней „по степенямъ“ (обыкновенно въ числѣ 17-ти) русскихъ государей, начиная отъ великаго князя Владиміра Святаго до Іоанна Грознаго (въ одномъ изъ списковъ даже до смерти царя Алексѣя Михаиловича). Источникомъ составленія Степенной Книги послужили лѣтописи и отдѣльныя сказанія и житія; но эти источники являются въ ней уже въ

переработанномъ видѣ. Степенная Книга издана была въ 1775 году исторіографомъ Миллеромъ (въ двухъ томахъ).

Ко второй половинѣ XVII вѣка относится извѣстная уже намъ „Хроника“ игумена Ѳеодосія Сафоновича, до сихъ поръ еще не изданная, представляющая собою также опытъ систематизаціи русской исторіи. Эта „Хроника“, какъ мы знаемъ, въ свою очередь, послужила источникомъ для историческихъ компиляцій—Иннокентія Гизеля: „Синопсисъ или краткое описаніе о началѣ славянскаго народа и проч.“ (конца XVII вѣка) и Манкѣева: „Ядро Россійской исторіи“. Но эти послѣднія произведенія уже стоятъ на рубежѣ научной разработки русской исторіи и мы говорили объ нихъ въ историческомъ очеркѣ развитія отечественной исторіографіи.

Кромѣ историческихъ сборниковъ и хроникъ, имѣвшихъ своею задачею изложеніе событій общей русской исторіи, были также попытки составленія частныхъ хроникъ, излагавшихъ событія, тѣсно соприкасающіяся съ этою исторіею. Сюда относится, напримѣръ, весьма распространенная въ рукописныхъ спискахъ; „Казанская исторія“ неизвѣстнаго сочинителя, излагающая исторію Казанскаго царства отъ его основанія до покоренія русскими, обыкновенно приписываемая (кажется, въ цѣломъ составѣ—неосновательно) попу Іоанну Глазатому, 20 лѣтъ находившемуся въ казанскомъ плѣну; сюда-же относятся: „Скиѳская исторія“ священника Лызлова (1692 г.) и „Написаніе вкратцѣ о царѣхъ Московскихъ и проч.“, Сергѣя Кубасова.

Въ заключеніе обзора лѣтописей и хронографовъ—укажемъ наиболѣе доступные труды по изученію памятниковъ этого рода. Собственно говоря, изслѣдованіе этихъ памятниковъ можно найти во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи русской словесности и письменности, а также и въ общихъ трудахъ по русской исторіи. Не упоминая снова объ извѣстныхъ уже намъ трудахъ Шлёцера, Каченовскаго, Погодина, Буткова и другихъ, мы укажемъ лишь на нѣсколько, наиболѣе доступныхъ, изслѣдованій, которыя можно рекомендовать для самостоятельнаго ознакомленія съ этимъ вопросомъ, именно—Бестужева-Рюмина: „О составѣ русскихъ лѣтописей“ (Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи, IV) и его-же: „Русская исторія“ (т. I, стран. 18—37);

Срезневскаго: „Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ" (Записки Академ. наукъ, II); Костомарова: „Лекціи по русской исторіи. Лѣтописи" (Спб. 1861 г.); Иванова: „Краткій обзоръ русскихъ временниковъ" и „Общее понятіе о хронографахъ" (Ученыя Записки Казанск. университета, 1843 г.); А. Попова: „Обзоръ хронографовъ русской редакціи" (2 вып., М. 1868—69 г.) и др.

ГЛАВА III.

Памятники государственнаго и юридическаго быта.

Понятіе памятниковъ государственнаго и юридическаго быта.—Юридическія древности.—Архивы и архивовѣдѣніе.—Важнѣйшія изданія архивныхъ матеріаловъ.—Изданія Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. Величества Канцеляріи, высшихъ государственныхъ установленій и археографическихъ коммиссій.—Областныя и фамильныя собранія актовъ.—А) *Памятники государственнаго быта.*—Памятники исторіи внѣшнихъ сношеній.—Памятники организаціи верховной власти.—Памятники центральнаго управленія.—Памятники мѣстнаго управленія и самоуправленія.—Б) *Памятники юридическаго быта*, въ тѣсномъ понятіи ихъ.—Обычное право, законодательство и памятники послѣдняго, въ связи съ его историческимъ развитіемъ.—Памятники гражданскаго оборота и процессуальнаго права. — В) *Современное обычное право* русскаго народа.—Основаніе для включенія его въ кругъ источниковъ нашей науки.—Историческій элементъ въ современномъ обычномъ правѣ.—Настоящее состояніе вопроса.

Всякое человѣческое общежитіе регулируется извѣстными нормами, которыя имѣютъ своею задачею какъ самое устройство этого общежитія, въ смыслѣ совокупности составляющихъ его отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и опредѣленіе отношеній отдѣльныхъ индивидовъ, съ одной стороны—къ цѣлому, съ другой стороны—между собою. Мы уже знаемъ, что это регулирующее начало носитъ названіе п р а в а. Безъ права немыслима никакая разумная форма общежитія, а тѣмъ менѣе мыслима безъ него та совершенная форма его, которую представляетъ собою г о с у д а р с т в о.

Общее понятіе права распадается на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, сообразно различію тѣхъ отношеній, которыя

оно регулируетъ. Право, регулирующее отношенія отдѣльныхъ гражданъ между собою, называется правомъ частнымъ или гражданскимъ; право, регулирующее устройство и дѣятельность государства, а равно отношенія къ нему, какъ къ коллективному цѣлому, отдѣльныхъ индивидовъ—составляетъ понятіе права публичнаго, въ свою очередь распадающагося на цѣлую систему отдѣльныхъ видовъ права (право государственное, полицейское или право управленія, права финансовое, уголовное, процессуальное, кононическое, военное); наконецъ, нормы, регулирующія отношенія отдѣльныхъ государствъ между собою, даютъ содержаніе праву международному.

Государство, преслѣдуя задачи своего существованія, проявляетъ, въ лицѣ общественной власти своей, извѣстные виды дѣятельности, направленные на установленіе, примѣненіе и охраненіе правъ. Дѣятельность государственной власти, направленная на установленіе нормъ права, т. е законовъ, носитъ названіе дѣятельности законодательной, являющейся осуществленіемъ того вида власти, который называется властью законодательною; дѣятельность государственной власти, направленная на приведеніе законовъ въ исполненіе—принято называть дѣятельностью (властью) исполнительною; наконецъ, дѣятельность ея, имѣющая своею задачею охраненіе и возстановленіе правъ—составляетъ понятіе дѣятельности или власти судебной. Совокупность условій и отношеній, какъ самаго государства, такъ и отдѣльныхъ членовъ его къ государству и между собою, дающая содержаніе праву—составляетъ понятіе государственнаго и правового быта, который можетъ быть разсматриваемъ или въ его современномъ состояніи (дѣйствующее право) или въ его историческомъ развитіи (исторія права). Всѣ тѣ источники, изъ которыхъ могутъ быть почерпаемы свѣдѣнія о государственномъ и юридическомъ бытѣ даннаго народа въ ту или другую эпоху его исторической жизни—носятъ названіе памятниковъ государственнаго и правового быта, а самое возстановленіе этимъ путемъ отдѣльныхъ сторонъ, чертъ, отношеній и институтовъ древняго правового быта общества—ведетъ насъ къ понятію изученія юридическихъ древностей.

Уже самое понятіе памятниковъ государственнаго и правового быта раскрываетъ намъ высокое значеніе и интересъ

ихъ для изученія исторической жизни народа, вообще, такъ какъ государство представляетъ собою ту внѣшнюю форму, въ которую отливается жизнь народа, а право есть то духовное начало, которымъ обусловливается самая возможность разумнаго общежитія. Но особенно важно, само собою разумѣется, изученіе этихъ памятниковъ для исторіи права; здѣсь памятники государственнаго и правоваго быта являются источникомъ основнымъ, краеугольнымъ, по отношенію къ которому всѣ остальные носятъ характеръ второстепенныхъ, дополнительныхъ. Это и побуждаетъ насъ остановиться съ нѣкоторою подробностью на обозрѣніи этой группы источниковъ нашей науки.

Большая часть памятниковъ государственнаго и правоваго быта (хотя и не исключительно, какъ увидимъ ниже) представляется въ видѣ памятниковъ письменныхъ, сохранившихся до нашихъ дней отъ различныхъ, иногда весьма отдаленныхъ, эпохъ исторической жизни русскаго народа. Весьма многіе изъ такихъ памятниковъ являются напечатанными и, слѣдовательно, общедоступными для цѣлей какъ практическихъ, такъ и для цѣлей научнаго изученія ихъ. Но огромное, подавляющее количество ихъ остаются неизданными, сохраняясь, въ рукописномъ видѣ, по различнымъ архивамъ, собраніямъ рукописей и библіотекамъ. Въ особенности много такихъ памятниковъ государственнаго и правоваго быта хранятъ въ себѣ архивы,—т. е. особыя учрежденія, существующія именно для цѣлей храненія письменныхъ актовъ и документовъ. Это храненіе ихъ здѣсь первоначально преслѣдуетъ цѣли чисто практическія: акты и документы хранятся здѣсь въ видахъ того, что въ практикѣ легко можетъ встрѣтиться надобность справиться въ дѣлахъ прежнихъ лѣтъ. Но впослѣдствіе, съ развитіемъ въ данномъ государствѣ историческихъ знаній, когда появляется сознаніе важности этихъ документовъ и актовъ для цѣлей научныхъ, храненіе архивныхъ матеріаловъ начинаетъ преслѣдовать эти интересы научные, которые уже и заслоняютъ собою интересы практическіе: въ этихъ матеріалахъ видятъ богатый источникъ для историческаго изученія, и если бы даже явилась увѣренность въ томъ, что извѣстные акты и документы для цѣлей практики уже никогда болѣе не понадобятся, ихъ, если они представляютъ собою какой нибудь историческій интересъ, продолжаютъ сохранять потому, что

они могутъ пригодиться для науки. Въ силу всего этого, архивы разбираютъ, приводятъ содержимое ихъ въ извѣстность и порядокъ, располагаютъ его въ систему, составляютъ ему описи и указатели, заботятся о наиболѣе цѣлесообразномъ устройствѣ архивовъ, открываютъ доступъ въ нихъ для научныхъ занятій, наконецъ издаютъ въ свѣтъ сохраняющіеся здѣсь, нерѣдко драгоцѣнные въ историческомъ отношеніи, матеріалы. На этой почвѣ создалась даже цѣлая отрасль знанія—а р х и в о в ѣ д ѣ н і е, имѣющая своею задачею изученіе наилучшихъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ организаціи архивнаго дѣла. Ниже, говоря объ отрасляхъ знанія, вспомогательныхъ для нашей науки, мы подробнѣе скажемъ объ архивовѣдѣніи и объ архивномъ дѣлѣ, причемъ познакомимся и съ постановкою этого дѣла въ нашемъ отечествѣ, теперь же считаемъ достаточнымъ отмѣтить, что въ то самое время, какъ въ западной Европѣ архивовѣдѣніе уже давно получило полное право гражданства, у насъ эта отрасль знанія представляется еще совершенно юною, причемъ заслуга насажденія ея въ нашемъ отечествѣ въ огромной степени принадлежитъ покойному историку-юристу и глубокому знатоку архивнаго дѣла, сенатору Н. В. К а л а ч о в у, явившемуся и основателемъ Археологическаго Института въ Петербургѣ,—учрежденія, съ которымъ мы въ своемъ мѣстѣ также познакомимся.

Въ нашемъ отечествѣ сохранилось огромное количество старинныхъ письменныхъ памятниковъ, актовъ и документовъ, не смотря на неблагопріятныя условія,—непріятельскія нашествія (татаръ въ XIII—XV вв., поляковъ въ началѣ XVI в., французовъ въ 1812 г.), пожары, невѣжество, — благодаря которымъ погибла масса драгоцѣнныхъ памятниковъ старины. Вспомнимъ, что еще наши историки XVIII вѣка, Татищевъ и Щербатовъ, пользовались многими рукописными источниками, въ наши дни уже безслѣдно утраченными для науки. Особенно гибельнымъ оказался въ этомъ отношеніи 1812 годъ, сопровождавшійся нашествіемъ французовъ и коллоссальнымъ пожаромъ Москвы, — этой истинной сокровищницы русскаго историческаго знанія. Въ эту роковую годину безвозвратно уничтожены были драгоцѣнные историческіе матеріалы и сильно пострадали московскіе аривы; такъ, документы одного изъ богатѣйшихъ русскихъ архивовъ,—Московскаго Архива Министерства Юстиціи,—около мѣсяца валялись въ одномъ изъ

кремлевскихъ рвовъ, подвергаясь вліянію стихій и осенней непогоды, слѣды которыхъ до сихъ поръ еще можно видѣть на нихъ. Тѣмъ не менѣе русскіе архивы,—съ московскими во главѣ,—представляютъ собою богатѣйшій и едва лишь початый источникъ русскаго историческаго и историко-юридическаго знанія.

Архивные матеріалы не всегда могутъ быть, однако, доступны всѣмъ лицамъ, которыя желали бы пользоваться ими. Главные и наиболѣе цѣнные въ научномъ отношеніи архивы сосредоточены въ столицахъ, притомъ занятія въ нихъ требуютъ много навыка, времени и въ высшей степени кропотливы, не смотря на всѣ удобства и приспособленія, которыя предоставляются здѣсь желающимъ работать. Поэтому архивные матеріалы не всегда достигали бы цѣли, если бы не принимались мѣры къ постепенному изданію важнѣйшихъ изъ нихъ въ печати, что представляется настоятельнымъ и въ предупрежденіе опасности отъ возможной гибели, нерѣдко драгоцѣнныхъ, подлинниковъ.

Капитальная попытка изданія въ свѣтъ собранія старинныхъ грамотъ и актовъ имѣется уже отъ XVIII вѣка. Это—уже знакомое намъ (см. выше стр. 29) изданіе Новикова: „Древняя россійская вивліоѳика", продолжавшееся, затѣмъ, Академіею Наукъ. Изъ собраній актовъ и грамотъ, появившихся въ XIX вѣкѣ, намъ также извѣстны уже: „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ" (см. выше стр. 34) и многочисленныя изданія Археографической Коммиссіи (стр. 35—36), не изсякающія и до настоящаго времени. Поэтому, не касаясь этихъ изданій, а равно описаній архивовъ и ихъ повременныхъ изданій, разсмотримъ важнѣйшія собранія грамотъ и актовъ, появившіяся въ текущемъ столѣтіи, впередъ оговариваясь, что мы далеки отъ мысли исчерпать все разнообразіе изданій этого рода.

Первое мѣсто должно быть отведено здѣсь бывшему Второму Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ которомъ съ 1826 г. сосредоточивались кодификаціонныя работы и которое, сверхъ того, не мало потрудилось и въ дѣлѣ изданія историко-юридическихъ памятниковъ. Самое капитальное изданіе Отдѣленія—это, конечно, „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи", составленіе котораго было предпринято

съ 1826 года, по инициативѣ и по плану графа М. М. Сперанскаго, и которое заключаетъ въ себѣ хронологическое изложеніе текста узаконеній, состоявшихся съ 1649 года, т. е. съ изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича; послѣднее и вошло сюда первымъ номеромъ перваго тома. Это обширное изданіе заключается изъ двухъ, вполнѣ законченныхъ собраній, *перваго*—обнимающаго собою узаконенія, изданныя съ 1649 года по 12 декабря 1825 годъ, т. е. день изданія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая I (46 томовъ въ 50-ти частяхъ, Спб. 1830), и *второе*—обнимающее собою узаконенія съ 12 декабря 1825 года по 1 марта 1881 года, т. е. за время царствованія императоровъ Николая I и Александра II (55 томовъ въ 125 книгахъ, Спб. 1830—1884); съ 1-го марта 1881 г., то есть со дня восшествія на престолъ императора Александра III, стало выходить *третье* „Полное Собраніе З. Р. И.", продолжающееся и понынѣ. Первые два собранія снабжены подробными алфавитными (предметными) и хронологическими указателями, въ весьма значительной степени облегчающими пользованіе ими. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи представляется источникомъ въ высшей степени важнымъ для исторіи русскаго права, безъ котораго не обойдется ни одинъ историко-юридическій трудъ, затрогивающій вопросы русской правовой жизни, начиная съ половины XVII вѣка,— но справедливость требуетъ замѣтить, что это Собраніе является полнымъ только по названію: новѣйшія архивныя изслѣдованія обнаружили, что сюда не вошло весьма значительное количество узаконеній, которыхъ не имѣли въ виду составители Собранія. Въ 1874 г. предпринята была Е. П. Карновичемъ попытка частнаго переизданія Полнаго Собранія Законовъ, подъ заглавіемъ: „Собраніе узаконеній Россійскаго государства", но это изданіе не пошло далѣе перваго тома, соотвѣтствующаго первому же тому оффиціальнаго изданія.

Далѣе, тѣмъ же Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи были изданы: „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными" (10 т.т., Спб, 1851—71), представляющіе собою богатый матеріалъ для исторіи русской дипломатіи; „Дворцовые разряды" (4 т.т, Спб. 1850—55), т. е. дворцовыя записи XVI—XVII вѣковъ

о важнѣйшихъ придворныхъ событіяхъ, церемоніалахъ, царскихъ выходахъ, назначеніяхъ; „Разрядныя книги“ (2 т.т. съ указателемъ къ нимъ, Спб. 1853—56), т. е. записныя книги съ означеніемъ различныхъ служебныхъ назначеній, посольскихъ и воеводскихъ отпусковъ, военныхъ дислокацій, мѣстническихъ счетовъ и, вообще, важнѣйшихъ происшествій, имѣющихъ отношеніе къ государственной службѣ и ратному дѣлу, которыя велись при Разрядномъ приказѣ, вѣдавшемъ службу и служилый классъ.

Печатаніе своихъ архивныхъ матеріаловъ предпринимали и ведутъ нѣкоторыя высшія государственныя установленія: Государственный Совѣтъ („Архивъ Государственнаго Совѣта“, съ 1869 г.), Правительствующій Сенатъ („Сенатскій Архивъ“, съ 1888 г., и „Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правит. Сенатѣ въ царствованіе Петра В.“, (3 т.т. 1880—88), Комитетъ Министровъ („Журналъ Комитета Министровъ“, съ 1888 г.).

Много актовъ издано также временными и постоянными коммиссіями для разборки древнихъ актовъ и центральными областными архивами, напримѣръ: Виленскою Археографическою коммиссіею („Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ“, В. 1858, „Акты Виленской Археограф. коммиссіи“, съ 1868 г.), Кавказскою Археологическою Коммиссіею („Акты“, съ 1866 г.), Кіевскою временною коммиссіею („Памятники“, 4 т.т. 1845—59, „Архивъ юго-западной Россіи“, съ 1859 г.), Кіевскимъ центральнымъ архивомъ при университетѣ св. Владиміра („Сборникъ историческихъ матеріаловъ“, съ 1890 г:), Кіевскимъ архивомъ губернскаго правленія („Историческіе матеріалы“, съ 1882 г.), Витебскимъ центральнымъ архивомъ („Историко-юридическіе матеріалы“, съ 1871 г.) и др.

Имѣются собранія актовъ областныхъ и отдѣльныхъ городовъ, напримѣръ: Остзейскаго края (Бунге Ф.: „Liev-Esth-und Kurlaendisches Urkundenbuch“, I—VIII, Ревель 1852—85; „Сборникъ матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края“, 4 т.т., Рига 1877—83), Воронежской губерніи (Вейнбергъ: „Матеріалы для исторіи и пр.“), Воронежско-Азовскаго края (Александровъ-Дольниковъ К. и Второвъ П.: „Древнія грамоты и другіе письменные памятни-

ки и пр.", I—III, Вор. 1851—53), Минской губерніи („Собраніе древнихъ актовъ и грамотъ", М. 1848), Пермской губерніи (Берха: „Древнія государственныя грамоты, собранныя и пр.", Спб. 1821), Ярославской губерніи („Акты и пр.", изд. Бычкова, Яр. 1889), Казанской губерніи (Мельниковъ С.: „Акты историческіе и юридическіе и пр.", К. 1859), Рязанскаго края (Пискаревъ: „Древнія грамоты и акты и пр.", Спб. 1854), города Шуи (Борисовъ В.: „Старинные акты и пр.", М. 1853), Кунгура („Кунгурскіе акты", изд. Титова, Спб. 1888), Углича („Угличскіе акты", Временникъ Яросл. лицея за 1889—90 г.г.), Вильно, Ковно и Трокъ (Семеновъ: „Собраніе древнихъ актовъ и грамотъ и пр.", В. 1843) и мн. др.

Не мало издано было и актовъ изъ фамильныхъ архивовъ,—какъ то: Шереметевыхъ (А. Барсуковъ: „Родъ Шереметевыхъ", 6 т.т. Спб. 1881—92); Разумовскихъ (А. Васильчиковъ: „Семейство Разумовскихъ", 4 т.т., Спб. 1887), князей Вяземскихъ („Архивъ кн. Вяземскаго", Спб. 1881), князей Воронцовыхъ („Архивъ князя Воронцова", М., съ 1870 г.), князей Куракиныхъ („Архивъ князя Ѳ. Куракина", изд. Семевскаго, Спб. съ 1890 г.), князей Баюшевыхъ (Н. Загоскина: „Архивъ князя В. И. Баюшева", К. 1882), дворянъ Голохвастовыхъ (Чтенія М. О. И. и Др., 1847—48, III—V), Иванчиныхъ-Писаревыхъ (тамъ же, 1846—47, IX), Кикиныхъ (Симбирскій Сборникъ изд. Валуева, М. 1844) и др.

Не мало древнихъ актовъ печаталось и продолжаетъ печататься въ изданіяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Императорскаго Русскаго Историческаго Общества и другихъ ученыхъ обществъ, въ изданіяхъ губернскихъ архивныхъ коммиссій, въ губернскихъ вѣдомостяхъ и памятныхъ книжкахъ, въ историческихъ журналахъ и т. п. и т. п. Мы вынуждены положительно отказаться отъ детальнаго перечисленія всего, сдѣланнаго на этомъ поприщѣ.

Теперь, познакомившись съ понятіемъ памятниковъ государственнаго и правоваго быта и съ общимъ положеніемъ дѣла ихъ изученія и выясненія въ нашемъ отечествѣ, мы можемъ приступить къ систематическому обозрѣнію этихъ важныхъ и основныхъ источниковъ науки исторіи русскаго права. Считаемъ необходимымъ впередъ оговориться, что разгра-

ничить твердою чертою памятники быта государственнаго и памятники быта правоваго—дѣло весьма трудное, настолько же трудное, насколько труднымъ представляется разграничить сферу государства отъ сферы права. Въ силу этого, обозрѣніе нами ниже этихъ памятниковъ въ отдѣльныхъ рубрикахъ—будетъ носить характеръ весьма относительный и условный.

Въ силу соображеній, которыя будутъ въ своемъ мѣстѣ приведены нами, мы включаемъ въ кругъ памятниковъ правоваго быта и современное обычное право русскаго народа.

А.—ПАМЯТНИКИ ГОСУДАРСТВЕННАГО БЫТА.

Обзоръ памятниковъ русскаго государственнаго быта мы начнемъ съ памятниковъ внѣшнихъ международныхъ сношеній нашихъ предковъ съ иноземными государствами.

Древнѣйшими изъ памятниковъ этого рода являются *договоры первыхъ князей русскихъ съ Византіею*, которые, по счастливой случайности, сохранились до нашихъ дней, во всей своей полнотѣ, въ текстѣ начальной лѣтописи. Такихъ договоровъ извѣстно три: договоръ великаго князя Олега 907—912 года, договоръ великаго князя Игоря, 945 года, и договоръ великаго князя Святослава, 971 года; всѣ три договора явились результатами войнъ съ Византіею, которыя велись этими князьями. Эти договоры знакомятъ насъ съ государственнымъ устройствомъ и внутреннимъ состояніемъ русской земли въ X вѣкѣ; знакомятъ съ характеромъ и условіями древнѣйшей торговли нашихъ предковъ; знакомятъ насъ, наконецъ, и съ правомъ древнихъ руссовъ.

Далѣе слѣдуетъ рядъ *договоровъ съ сѣверо-германскими ганзейскими городами*, которые заключались западно-русскими городами—Новгородомъ, Смоленскомъ и Полоцкомъ. Кромѣ указаній на характеръ древне-русской торговли, всѣ эти договоры весьма важны для изученія древняго государственнаго устройства русской земли и древняго русскаго права, въ его конфликтѣ съ правомъ германскимъ.

Для изученія исторіи позднѣйшихъ международныхъ отношеній нашихъ къ иноземнымъ государствамъ—обильный матеріалъ представляютъ такъ называемые *статейные списки*, т. е. описанія посольствъ, какъ отправлявшихся русски-

ми государями въ чужіе края, такъ и принимавшихся ими изъ послѣднихъ, причемъ, обыкновенно, кромѣ внѣшняго описанія событій подобнаго рода, здѣсь, въ болѣе или менѣе подробной формѣ, передается порядокъ и самая сущность переговоровъ отечественныхъ и иноземныхъ дипломатовъ. Описанія посольствъ попадаются въ весьма многихъ сборникахъ актовъ и историческихъ матеріаловъ, но основнымъ источникомъ для изученія памятниковъ этого рода являются упомянутыя уже нами выше изданія: „Разрядныя книги", „Дворцовые разряды" и, главнымъ образомъ — „Памятники дипломатическихъ сношеній"; не мало матеріала въ этомъ отношеніи даетъ и „Древняя Россійская Вивліоѳика" Новикова; для исторіи позднѣйшихъ международныхъ сношеній мы имѣемъ „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ" и „Полное Собраніе Законовъ".

Переходимъ къ разсмотрѣнію памятниковъ, отражающихъ въ себѣ исторію *древне-русскаго государственнаго устройства и управленія.* Памятники этого рода въ высшей степени многочисленны и разнообразны, представляясь въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ, указовъ, отписокъ, наказовъ, книгъ и т. п.; ими буквально переполнены всѣ существующія изданія старинныхъ актовъ и сдѣлать полное обозрѣніе отдѣльныхъ видовъ памятниковъ этого рода, а тѣмъ болѣе представить сколько нибудь полное исчисленіе самыхъ изданій, въ которыхъ они встрѣчаются — дѣло положительно немыслимое. Вслѣдствіе этого, мы представимъ обозрѣніе лишь важнѣйшихъ памятниковъ этого рода.

Для *исторіи организаціи верховной власти въ древней Россіи,* по отношенію къ древнѣйшему, до-Московскому, періоду, важное значеніе представляютъ *договоры князей съ Новгородомъ, договоры князей между собою и духовныя грамоты ихъ.* Новгородъ, въ эпоху своей самобытности, какъ и другіе города русскіе въ теченіи удѣльно-вѣчеваго періода, самъ избиралъ себѣ князей изъ среды членовъ Рюрикова дома, причемъ избранный князь, придя въ Новгородъ на княженіе, договаривался съ Новгородскимъ вѣчемъ относительно взаимныхъ правъ и обязанностей; договоры подобнаго рода излагались на письмѣ, въ формѣ „договорныхъ грамотъ". Нѣтъ сомнѣнія, что подобные договоры заключались съ князьями и другими городами русскими, и мы имѣемъ на это несомнѣн-

ныя указанія въ лѣтописяхъ, но, къ сожалѣнію, до нашихъ дней сохранилось только нѣсколько договоровъ Новгорода съ своими князьями, образцы которыхъ интересующіеся могутъ найти въ первомъ томѣ „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ" и въ первыхъ томахъ „Актовъ Историческихъ" и „Актовъ Археографической Экспедиціи", а общее изслѣдованіе этихъ памятниковъ—въ сочиненіи профессора Соловьева: „Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ" (1846 г.), также въ „Чтеніяхъ" Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1846—47 г.г. Въ договорахъ удѣльныхъ князей съ великими князьями и между собою, а также и въ духовныхъ грамотахъ князей—мы находимъ ярко очерченную картину государственныхъ понятій и государственнаго строя того времени, значенія государственной власти и различныхъ сторонъ государственной жизни русской земли въ XIV—XVI вѣкахъ, для исторіи которыхъ памятники этого рода и являются важнѣйшими, послѣ лѣтописей, источниками. Какъ междукняжескія договорныя грамоты, такъ и духовныя грамоты князей, изданы въ первомъ томѣ „Собранія Государственныхъ грамотъ и Договоровъ"; для общаго-же ознакомленія съ памятниками этого рода можно рекомендовать изслѣдованіе бывшаго профессора Московскаго университета Б. Н. Чичерина: „Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей" (въ сборникѣ того же автора: „Опыты по исторіи русскаго права", М. 1858 г.).

Для ознакомленія съ характеромъ и организаціею верховной власти въ Московскомъ государствѣ важны *окружныя грамоты* (напечатаны въ „Актахъ Археографической Экспедиціи", въ „Актахъ историческихъ" и въ „Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ"), которыми области извѣщались о вступленіи на престолъ новаго царя, *подкрестныя или крестоцѣловальныя грамоты* (тамъ-же), по которымъ области присягали царямъ и, наконецъ, *утвержденныя грамоты* (напечатаны въ „Актахъ Археографической Экспедиціи", въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ" и въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ"), т. е. торжественные утвердительные акты, составлявшіеся при избраніи на престолъ царей новой династіи. Съ историческими памятниками, уясняющими существо и организацію верховной власти, непосредственно соприкасаются *акты и приговоры земскихъ соборовъ*

(напечатаны въ „Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“), т. е. собраній выборныхъ представителей отъ различныхъ областей и состояній русской земли, которыя созывались царями въ Москвѣ для совѣщанія по важнѣйшимъ вопросамъ какъ внѣшней, такъ и внутренней, политики. Указанные памятники даютъ намъ обстоятельную картину организаціи земскихъ соборовъ; передаютъ порядокъ соборныхъ засѣданій, знакомятъ съ мнѣніями и челобитьями, представлявшимися царю соборными людьми и, наконецъ, съ рѣшеніями или приговорами земскихъ соборовъ. Для второй половины XVII вѣка и для послѣдующихъ эпохъ оффиціальные источники, служащіе къ исторіи организаціи у насъ верховной власти, заключаются въ „Полномъ Собраніи Законовъ“; здѣсь особенно важно „Учрежденіе объ Императорской фамиліи“, отъ 5 апрѣля 1797 г., лежащее въ основѣ нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи основныхъ законовъ объ организаціи верховной власти.

Органами *центральнаго управленія* являлись въ Московской Руси Боярская Дума и Приказы. До нашихъ дней дошло огромное количество грамотъ и различнаго рода актовъ, являющихся памятниками дѣятельности этихъ правительственныхъ учрежденій. Сюда относятся: „доклады“ приказовъ Боярской думѣ и состоявшіеся по этимъ докладамъ „царскіе приговоры“, царскіе указы приказамъ, „памяти“, которыми сносились приказы между собою и „указы“, которые посылались приказами, отъ царскаго имени, органамъ мѣстнаго управленія и т. п. памятники приказнаго дѣлопроизводства, которыми буквально переполнены изданія Археографической Коммиссіи и другіе сборники актовъ. Для исторіи управленія въ древней Россіи весьма важное значеніе представляютъ собою такъ называемыя *записныя книги приказовъ*, которыя велись при всѣхъ приказахъ и въ которыя заносились всѣ важнѣйшія узаконенія и распоряженія, касавшіяся вѣдомства каждаго отдѣльнаго приказа. Нѣкоторыя записныя книги приказовъ напечатаны въ третьемъ выпускѣ „Христоматіи по исторіи русскаго права“ проф. Владимірскаго-Буданова и въ другихъ изданіяхъ, но большое количество памятниковъ этого рода остается до сихъ поръ неизданнымъ, сохраняясь въ архивахъ и, главнымъ образомъ, въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Изъ общей массы остатковъ московскаго приказнаго дѣлопроизводства, особенно важны памятники дѣятельности Разряднаго приказа или Разряда. Сюда относятся *разрядныя книги*, съ сущностью которыхъ мы уже познакомились, *боярскія книги*, т. е. списки служилыхъ людей, съ означеніемъ ихъ службъ; съ конца XVII вѣка въ этомъ же приказѣ сосредоточено веденіе *родословныхъ книгъ* московскихъ служилыхъ родовъ. Большая часть памятниковъ дѣлопроизводства Разряднаго приказа хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Весьма важное значеніе играло въ древней Руси *управленіе военное и финансовое*; до нашихъ дней сохранилось не мало памятниковъ и этихъ двухъ видовъ управленія. Памятниками военнаго управленія являются десятные списки или книги, т. е. списки служилыхъ людей по отдѣльнымъ городамъ (служилые люди, приписанные къ каждому городу, составляли его „десятню“), въ которыхъ указывалась служебная годность каждаго отдѣльнаго служилаго человѣка, съ обозначеніемъ тѣхъ средствъ, съ которыми можетъ онъ являться на службу; далѣе книги сеунчей, въ которыя заносились извѣстія „сеунщиковъ“, т. е. гонцевъ, присылавшихся воеводами съ театра войны; книги строильныя, заключавшія въ себѣ описаніе строенія городовъ и ихъ укрѣпленій; книги засѣчныя, заключавшія въ себѣ описаніе „засѣкъ“, т. е. стратегическихъ линій лѣсовъ по южной украинѣ государства, часто подвергавшейся нападенію крымцевъ и т. п. Памятниками финансоваго управленія являются: книги писцовыя, переписныя, дозорныя, приправочныя, которыя заключали въ себѣ подробное описаніе городскихъ и уѣздныхъ податныхъ единицъ и на основаніи которыхъ производилась раскладка податей и повинностей, далѣе таможенныя книги и грамоты, служившія руководствомъ при сборѣ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, т. е. особыхъ сборовъ съ торговли и сопряженныхъ съ нею дѣйствій. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ, напримѣръ писцовыя книги, неоднократно издавались въ печати, но подавляющее большинство ихъ до сихъ поръ составляютъ достояніе архивовъ. Начиная съ 1649 года, основнымъ источникомъ для познанія исторіи центральнаго управленія является Полное Собраніе Законовъ.

Переходимъ къ памятникамъ, сохранившимся отъ *областнаго или мѣстнаго управленія.* Органами мѣстнаго управленія являлись: въ древнѣйшую эпоху русской исторической жизни—посадники, которыхъ съ XIV вѣка смѣняютъ намѣстники и волостели, а съ конца XVI вѣка начинаетъ развиваться управленіе воеводское. Мѣстное управленіе регулировалось въ XIV—XVI вѣкахъ уставными грамотами, опредѣлявшими порядокъ правительственнаго управленія, въ которыхъ точно обозначались права и обязанности лицъ, стоящихъ во главѣ мѣстнаго управленія, а въ эпоху воеводскаго управленія воеводскими наказами, въ которыхъ, нерѣдко съ замѣчательною подробностью, предусматривались различныя стороны и вопросы областнаго управленія; наказы давались и всякаго рода должностнымъ лицамъ, вообще, получавшимъ тѣ или другія правительственныя назначенія или порученія. Инструкціи для отправленія суда, дававшіяся органамъ мѣстнаго управленія — носили названіе судныхъ грамотъ; онѣ довольно близки къ грамотамъ уставнымъ.

Областные правители получали отъ центральнаго правительства, царя и приказовъ —указы, съ Москвою сносились отписками, а между собою—памятями. Въ предѣлахъ областей, ввѣренныхъ мѣстнымъ правителямъ, нѣкоторыя учрежденія, корпораціи и отдѣльныя лица пользовались нерѣдко тѣми или другими привиллегіями, изъятіями изъ общаго порядка управленія и суда,—напримѣръ освобождались отъ финансовыхъ повинностей или отъ общей, нормальной, подсудности; такія изъятія предоставлялись жалованными грамотами, которыя получали еще названіе грамотъ тархынныхъ или несудимыхъ, если предоставляли судебные иммунитеты, т. е. привиллегіи, и грамотами обѣльными, если освобождали отъ платежа податей. Жалованныхъ грамотъ сохранилось до нашихъ дней весьма много: онѣ давались частнымъ лицамъ, общинамъ, духовнымъ лицамъ, церквамъ и монастырямъ. Тѣ льготныя грамоты, которыя давались въ эпоху татарскаго владычества ханами русскому духовенству, носятъ названія ханскихъ ярлыковъ.

Не мало сохранилось до нашихъ дней и памятниковъ, свидѣтельствующихъ о *самоуправленіи*, которымъ пользовались отдѣльныя области и общины, или по всѣмъ вообще вопро-

самъ мѣстнаго управленія, или только по отношенію къ нѣкоторымъ предметамъ его. Сюда относятся уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ земскаго самоуправленія, которое со второй половины XVI вѣка предоставлялось областямъ, съ полною отмѣною при этомъ казенныхъ правителей,—намѣстниковъ и волостелей,—и органами котораго являлись выборныя земскія власти. Сюда же относятся губныя грамоты, предоставлявшія областямъ такъ называемое „губное право", т. е. право преслѣдованія, суда и каранія первоначально разбоевъ, а впослѣдствіе и другихъ высшихъ уголовныхъ преступленій, черезъ посредство своихъ собственныхъ, выборныхъ отъ самаго населенія, судей. Наконецъ, памятниками самоуправленія и самодѣятельности земщинъ служатъ многочисленныя челобитья государямъ, въ которыхъ земскіе люди указывали свои нужды и потребности, испрашивали себѣ какихъ либо милостей и привиллегій, или, наконецъ, заявляли свои жалобы на притѣсненія и обиды со стороны должностныхъ лицъ; къ этой-же категоріи памятниковъ относятся земскіе и общинные приговоры по общественнымъ дѣламъ, выборы въ различныя общественныя должности, поручныя, т. е. поручительныя грамоты по лицамъ, избраннымъ въ какую либо должность, или принимаемымъ въ общину, или берущимъ на себя исполненіе тѣхъ или другихъ работъ или порученій и нѣкот. др.

Образцы всѣхъ приведенныхъ выше памятниковъ имѣются въ „Актахъ Археографической Экспедиціи", „въ Актахъ Историческихъ" съ „Дополненіями" къ нимъ, въ „Актахъ Юридическихъ", „Актахъ относящихся до юридическаго быта древней Россіи" и въ др. сборникахъ актовъ, а съ 1649 года—и въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Б.—ПАМЯТНИКИ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА, ВЪ ТѢСНОМЪ СМЫСЛѢ ЭТОГО ПОНЯТІЯ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію памятниковъ юридическаго быта, служащихъ источниками для науки исторіи русскаго права. Здѣсь мы прежде всего остановимся на дошедшихъ до насъ *памятникахъ законодательства.*

Въ первоначальномъ правомъ быту всякаго народа, всѣ юридическія отношенія опредѣляются исключительно такъ называемымъ обычнымъ правомъ, т. е. такими нормами

права, которыя не созданы законодательною властью, но, вытекая непосредственно изъ склада народнаго духа, изъ народнаго міровоззрѣнія, живутъ въ сознаніи народа, освященныя продолжительнымъ и однообразнымъ примѣніемъ своимъ къ тѣмъ или другимъ отношеніямъ дѣйствительной жизни. Формою выраженія обычнаго права во внѣшности является—правовой обычай. На первыхъ ступеняхъ развитія правовой жизни народа, это обычное право представляется даже неписаннымъ, но устнымъ, живущимъ въ памяти народа и передаваемымъ, какъ священный завѣтъ, отъ предковъ потомкамъ, отъ поколѣнія къ поколѣніямъ, а вѣщателями нормъ этого неписаннаго обычнаго права являются старѣйшины, древніе „судные мужи“, „судные цѣловальники“, люды просвѣщенные долголѣтнимъ опытомъ жизни, которые и возвѣщаютъ это право на судѣ и наставляютъ въ немъ молодыя поколѣнія. Со временемъ обычное право начинаетъ записываться, и, такимъ образомъ, возникаютъ старинные сборники нормъ обычнаго права, существующіе наряду съ устнымъ обычнымъ правомъ.

Наконецъ, рано или поздно, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія правовой жизни народа и усложненія и развитія отношеній этой жизни, обычное право, какъ развивающееся весьма медленно и, кромѣ того, весьма туго поддающееся прогрессу—становится уже безсильнымъ регулировать правовой бытъ народа, не успѣваетъ слѣдить за его развитіемъ, начинаетъ отставать отъ естественнаго роста народной жизни. Тогда возникаетъ законодательная дѣятельность, т. е. творчество верховной власти въ дѣлѣ созданія и развитія права. На первыхъ порахъ своего существованія, законодательная дѣятельность является средствомъ созданія права лишь вспомогательнымъ, дополнительнымъ по отношенію къ обычному праву и обыкновенно сводится, главнымъ образомъ, къ формулированію на письмѣ и къ санкціи существующаго устнаго обычнаго права. Но, въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ, законодательная дѣятельность начинаетъ все болѣе и болѣе усиливать свое значеніе, начинаетъ все болѣе и болѣе возвышаться надъ обычнымъ правомъ и, наконецъ, становится преобладающею формою регулированія правовой жизни народа; вмѣстѣ съ тѣмъ обычное право, хотя и продолжаетъ еще сохранять свое значеніе средства регулированія правовой жизни народа, но оно отходитъ уже на второй планъ и ста-

новится формою выраженія права второстепенною, подчиненною по отношенію къ законодательству.

Указанныя выше ступени развитія права наблюдаются въ жизни всѣхъ народовъ безъ исключенія; онѣ наблюдаются и въ историческомъ ходѣ развитія жизни русскаго народа. Древнія славянскія и финскія племена, образовавшія русскую народность, долго регулировали правовую жизнь свою нормами обычнаго права; такъ, начальная лѣтопись наша, описывая бытъ этихъ племенъ, свидѣтельствуетъ, что они „имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, каждо свой нравъ“. Обычнымъ правомъ продолжала регулироваться правовая жизнь предковъ нашихъ и послѣ образованія русскаго государства; законодательная дѣятельность возникаетъ въ нашемъ отечествѣ уже на глазахъ исторіи. Но эта законодательная дѣятельность долго зиждится на обычномъ правѣ, оставаясь формою права только дополнительною по отношенію къ этому послѣднему и всецѣло черпая изъ него свое содержаніе; вслѣдствіе этого русское законодательство, вплоть до начала новаго развитія своего, которое можетъ быть пріурочено къ эпохѣ изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича (1649 г.), представляетъ собою яркое отраженіе обычнаго права русскаго народа, являясь письменною формулировкою и законодательною санкціею отдѣльныхъ нормъ этого обычнаго права. Обычное право не утрачивало жизненнаго значенія своего и въ послѣдующія эпохи русской жизни; извѣстно, что почти исключительно обычнымъ правомъ и до нашихъ дней регулируетъ свою правовую жизнь наше крестьянство, т. е. огромное большинство русскаго народа.

Исходною точкою развитія русскаго законодательства слѣдуетъ признать уже упомянутые нами выше договоры великихъ князей Олега (907—912 г.). и Игоря (945 г.) съ Византіею; въ этихъ договорахъ впервые записываются и получаютъ законодательную санкцію нѣкоторыя нормы обычнаго права древнихъ руссовъ, здѣсь впервые упоминаются „уставъ и законъ русскій“. Въ 988-мъ году совершилось принятіе на Руси христіанства, въ качествѣ государственной и господствующей религіи. Это событіе не могло остаться безъ вліянія на историческій ходъ развитія русской жизни, вообще, и правовой жизни, въ частности: съ этого событія начинается воздѣйствіе на русскую жизнь и на рус-

ское право греко-византійскихъ началъ; съ этого момента возникаетъ историческій вопросъ о вліяніи византизма на строй древней русской жизни. Греческое духовенство, явившееся къ намъ послѣ введенія христіанства, нашло здѣсь почву, мало подготовленную для усвоенія началъ христіанскаго ученія, нашло здѣсь и право, построенное на началахъ языческаго міровоззрѣнія, которое совершенно не удовлетворяло идеаламъ христіанства и воззрѣніямъ греческаго духовенства, а впослѣдствіе и воспитаннаго въ его духѣ русскаго духовенства. Въ этомъ то и кроется причина того, что духовенство, немедленно послѣ появленія своего на Руси, сразу заняло у насъ высокое положеніе и пріобрѣло важное государственное значеніе, и, въ силу естественнаго хода вещей, должно было взять на себя воспитательную роль не только по отношенію къ молодой русской церкви, но и по отношенію къ гражданскому обществу; и, дѣйствительно, церковь взяла въ свое вѣданіе обширный кругъ отношеній гражданскагаго характера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обширный кругъ отношеній свѣтскаго права. Духовенство принесло съ собою въ русскую землю и греческій сборникъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ, которыми отнынѣ должны были регулироваться какъ жизнь русской церкви, такъ и тѣ отношенія и вопросы свѣтскаго права, которые поступили въ вѣданіе церкви или должны были отнынѣ обсуживаться съ христіанской точки зрѣнія. Такимъ сборникомъ явился греческій Номоканонъ, заключавшій въ себѣ, съ одной стороны--свѣтскія узаконенія византійскихъ императоровъ, а съ другой стороны—каноническія постановленія Св. Апостоловъ, св. отцевъ церкви, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ; отъ этого смѣшаннаго содержанія ведетъ свое начало и самое названіе этого сборника, составленнаго изъ двухъ греческихъ словъ: „номосъ“, т. е. законъ свѣтскій, и „канонъ“, т. е. законъ церковный. Въ нашемъ отечествѣ Номоканонъ получилъ названіе К о р м ч е й к н и г и, т. е. книги руководительной, книги, имѣющей значеніе „кормчаго“ для молодой русской церкви и для неокрѣпшаго еще въ христіанствѣ народа. Руководствуясь Кормчею книгою, духовенство стало проводить въ русскую жизнь и въ русское законодательство греко-византійскія начала. Но русская національная жизнь и русское правовоззрѣніе не легко поддавались этому внѣшнему вліянію; отсюда тотъ

дуализмъ, та двойственность, та борьба византизма и началъ русской жизни, которая послѣдовательно проходитъ черезъ послѣдующіе вѣка историческаго развитія русской жизни, вообще, и исторіи русскаго права, въ частности, и слѣды которой усматриваются во многихъ памятникахъ русской правовой жизни. Вслѣдъ за введеніемъ христіанства появляются въ русской землѣ, кромѣ Кормчей книги, и русскіе памятники церковнаго права,—именно церковные уставы русскихъ князей. Первый церковный уставъ изданъ, по крайней мѣрѣ въ краткой своей редакціи, самимъ просвѣтителемъ русской земли, великимъ княземъ Владиміромъ: это—Церковный Уставъ св. Владиміра. Слѣдующій памятникъ приписывается сыну и преемнику св. Владиміра, великому князю Ярославу: это такъ называемый Церковный уставъ в. к. Ярослава. Въ послѣдующее время издано было еще нѣсколько церковныхъ уставовъ, какъ-то: грамота псковскаго князя Всеволода—Гавріила, данная церкви св. Іоанна на Опокахъ, грамота князя Святослава Олеговича и грамота князя Ростислава Мстиславича, данная Смоленской епископіи и нѣк. др. Во всѣхъ указанныхъ церковныхъ уставахъ и грамотахъ, кромѣ постановленій собственно церковныхъ, мы находимъ попытки приложенія христіанскихъ началъ къ условіямъ русской жизни, вообще, и правовой, въ частности, видимъ проявленіе борьбы началъ христіанскихъ съ началами языческими—и въ этомъ отношеніи памятники эти весьма важны для русской исторіи и для исторіи русскаго права XI—XIII вѣковъ.

Наряду съ церковно-гражданскимъ законодательствомъ, памятниками котораго явились Кормчая книга и церковные уставы и грамоты русскихъ князей, въ удѣльномъ періодѣ русской исторической жизни возникаетъ и памятникъ исключительно свѣтскаго права,—памятникъ, въ которомъ живо отразилось древнее обычное право руссовъ. Этимъ памятникомъ является такъ называемая Русская Правда. Въ сущности своей, Русская Правда не явилась продуктомъ единовременной законодательной дѣятельности,—напротивъ, этотъ законодательный сборникъ явился результатомъ болѣе нежели двухвѣковаго развитія законодательства и изученіе его обнаруживаетъ въ немъ постепенное наслоеніе отдѣльныхъ поста-

новленій, формулировавшихся въ различныя эпохи и, по мѣрѣ появленія своего, приписывавшихся къ основной Правдѣ. Поэтому, совершенно неосновательнымъ должно быть признано названіе Русской Правды, во всемъ ея объемѣ—„Ярославовою", названіе которое, однакоже, весьма нерѣдко употребляется. Дѣло въ томъ, что законодательной дѣятельности великаго князя Ярослава принадлежитъ далеко не вся Русская Правда, но только первыя семнадцать статей этого памятника по такъ называемому Академическому списку, т. е. та Правда, которая извѣстна въ наукѣ подъ названіемъ „Краткой Русской Правды"; все же остальное содержаніе Русской Правды, вся такъ называемая „Подробная Русская Правда"—является уже позднѣйшимъ наслоеніемъ законодательныхъ нормъ къ этой основной Правдѣ самаго Ярослава. Да и самая подробная Русская Правда не признается сборникомъ оффиціальнымъ, но продуктомъ труда частныхъ лицъ, списывавшихъ въ одинъ сборникъ, для цѣлей практическаго пользованія, дѣйствующія нормы права; этимъ и объясняется разнообразіе отдѣльныхъ редакцій, въ которыхъ дошли до насъ списки Русской Правды. Краткая Русская Правда, т. е. та Правда, которая приписывается самому Ярославу (первыя 17 статей), изданіемъ своихъ относится ко второму десятилѣтію XI вѣка, подробная-же Русская Правда является отраженіемъ законодательной дѣятельности всего XI, XII и, быть можетъ, даже XIII вѣковъ.

Законодательство XIV и первой половины XV вѣковъ развивалось исключительно путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ, которыя, имѣя ближайшею задачею своею регламентацію областнаго управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ касались и нѣкоторыхъ сторонъ права, преимущественно уголовнаго и процессуальнаго; сюда относятся уже извѣстныя намъ грамоты жалованныя, судныя и уставныя. Лишь во второй половинѣ XV вѣка появляются въ русской землѣ болѣе или менѣе обширные законодательные своды, возникаетъ дѣятельность кодификаціонная и, прежде всего, въ сѣверно-русскихъ народоправствахъ Псковскомъ и Новгородскомъ. Здѣсь возникаютъ два въ высшей степени важные памятника права, извѣстные подъ названіемъ Псковской Судной Грамоты и Новгородской Судной грамоты (названіе этихъ памятниковъ „грамотами"—не совсѣмъ пра-

вильно: они представляются „сборниками“, притомъ первый изъ нихъ даже весьма обширнымъ). Появленіе обоихъ памятниковъ права вызвано было совершенно одинаковыми обстоятельствами: во второй половинѣ XV вѣка усиливающееся Московское великое княженіе стало угрожать политической самобытности Пскова и Новгорода, и для послѣднихъ стало ясно, что близко уже то время, когда настанетъ и для нихъ очередь склониться передъ централизиціонною политикою и силою Москвы; и вотъ псковичи и новгородцы, желая, по крайней мѣрѣ, спасти свое право, спасти тѣ законы, по которымъ привыкли судиться они сами, ихъ отцы и прадѣды — постановляютъ на вѣчахъ составить сборники дѣйствовавшихъ у нихъ законовъ для того, чтобы эти послѣдніе не были забыты послѣ присоединенія къ Москвѣ обоихъ народоправствъ. Такъ возникли, въ 1467 году – Псковская Судная Грамота, а въ 1471 году — Новгородская Судная Грамота, памятники первостепенной важности для изученія права и внутренняго быта Новгорода и Пскова XV и XVI вѣковъ. Первый памятникъ особенно цѣненъ для исторіи русскаго гражданскаго права.

Въ самомъ концѣ XV вѣка, именно въ 1497 году, появляется первый законодательный сборникъ Московскаго государства — Судебникъ великаго князя Іоанна III-го. Появленіе этого памятника имѣетъ важное историческое значеніе. Москва объединила передъ этимъ подъ своею властью почти всѣ отдѣльныя, бывшія прежде самостоятельными, области русскія, совершила централизацію территоріальную, — и теперь стремится объединить и законодательство этихъ областей, стремится восполнить территоріальную централизацію централизаціею законодательною, давъ въ первомъ Судебникѣ своемъ сборникъ законовъ, уже общій для всѣхъ областей русскихъ. Судебникъ не создавалъ новаго права: онъ именно только объединилъ мѣстное законодательство; сюда, кромѣ опредѣленій, заимствованныхъ изъ Русской Правды, вошли опредѣленія изъ Псковской Судной Грамоты, изъ предшествовавшаго законодательства Московскаго великаго княженія (особенно грамоты судныя и уставныя) и, по всей вѣроятности, изъ утраченныхъ для нашихъ дней и другихъ памятниковъ мѣстнаго права.

Въ 1550 году появляется второй законодательный сборникъ Московскаго государства, объединившаго теперь подъ своею властью уже всѣ области русскія: это—Судебникъ царя и великаго князя Іоанна IV-го, называемый также судебникомъ царскимъ, въ отличіе отъ перваго, называемаго княжескимъ. Судебникъ Іоанна IV представляетъ собою лишь исправленіе и дальнѣйшее развитіе перваго Судебника, поэтому, и по отношенію къ его историческому значенію и по отношенію къ вошедшимъ въ него источникамъ—къ нему примѣнимо все то, что было сказано о Судебникѣ Іоанна III-го.

Къ эпохѣ царя Іоанна IV относится и составленіе сборника Стоглава, весьма замѣчательнаго памятника церковнаго законодательства половины XVI вѣка. Какъ и Судебники, Стоглавъ имѣетъ непосредственное соотношеніе къ завершившейся передъ тѣмъ территоріальной, политической, централизаціи: если Судебники могутъ быть признаны выраженіемъ централизаціи законодательной, то Стогловъ представляется попыткою централизаціи духовно-религіозной, попыткою объединить всю духовно-религіозную жизнь русскаго народа. Усмотрѣвъ многіе недостатки нравственно - религіозной жизни своего народа, подмѣтивъ многія темныя стороны въ церковномъ устройствѣ и въ жизни духовенства и мірянъ, царь Іоаннъ рѣшился принять мѣры къ ихъ искорененію; съ этою цѣлью въ Москвѣ созванъ былъ въ 1551 году соборъ изъ митрополита Макарія и высшихъ представителей русской церковной іерархіи—и на этомъ соборѣ царь указалъ духовенству недостатки нравственно - религіозной жизни русскаго народа, прося соборъ дать отвѣты на поставленные имъ вопросы относительно средствъ исправленія этихъ недостатковъ. Отвѣты собора, вмѣстѣ съ вопросами царя, были редактированы въ видѣ сборника, раздѣленнаго на сто главъ, откуда онъ и получилъ названіе „Стоглава", а самый соборъ сталъ называться—„стоглавымъ". Стоглавъ—памятникъ высокаго интереса для изученія условій внутренней жизни русской церкви и русскаго общества половины XVI вѣка,—жизни, еще полной борьбы христіанскихъ началъ съ началами языческими и переживаній языческаго періода жизни нашихъ предковъ.

Послѣ изданія Судебника 1550 года русское законодательство снова вступаетъ на путь развитія своего путемъ

изданія отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, восполняющихъ и развивающихъ теперь Судебникъ. Всѣ эти отдѣльные законодательные памятники, изданные въ промежутокъ времени отъ 1550 года (годъ изданія Царскаго Судебника) по 1649 г. (годъ изданія Уложенія царя Алексѣя Михаиловича), извѣстны подъ названіемъ дополнительныхъ къ Судебнику указовъ; они даютъ богатый матеріалъ для изученія государственной и правовой жизни русскаго народа во второй половинѣ XVI и въ первой половинѣ XVII-го вѣковъ. Дополнительные указы, касавшіеся предметовъ вѣдомства отдѣльныхъ приказовъ, записывались при послѣднихъ въ особыя книги и такимъ образомъ возникли указныя или записныя указныя книги приказовъ; многія изъ этихъ книгъ дошли до нашихъ дней и часть ихъ издана въ свѣтъ. Всѣ приведенные выше памятники законодательства (кромѣ Кормчей книги и Стоглава) изданы, для цѣлей учебныхъ, профессоромъ Кіевскаго университета М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ въ трехъ выпускахъ его „Христоматіи по исторіи русскаго права“, гдѣ всѣ памятники снабжены толкованіями и указаніемъ ихъ литературы; отдѣльныя грамоты законодательнаго характера приведены здѣсь, конечно, только въ образцахъ. Кормчая Книга и Стоглавъ имѣются отдѣльными изданіями.

Наконецъ, въ 1649 году появляется третій законодательный памятникъ Московскаго государства — Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича. Этотъ обширный законодательный памятникъ свелъ, такъ сказать, итогъ всему предшествовавшему развитію русскаго права, отразилъ въ себѣ, какъ въ оптическомъ фокусѣ, все предшествовавшее развитіе русскаго права и стоитъ уже на рубежѣ древняго и новаго русскаго законодательства. Уложеніе 1649 года часто называется также „Соборнымъ Уложеніемъ“, такъ какъ оно было составлено при участіи созваннаго для этой цѣли земскаго собора. Въ царствованіе же Алексѣя Михаиловича, именно въ 1653 году, была въ первый разъ напечатана Кормчая книга, обращавшаяся до тѣхъ поръ въ рукописныхъ спискахъ.

Послѣ Уложенія наше законодательство снова начинаетъ развиваться посредствомъ изданія отдѣльныхъ узаконеній, вся совокупность которыхъ съ 1649 года по 1696 годъ (начало

единодержавнаго царствованія Петра I-го) извѣстна подъ названіемъ Новоуказныхъ статей. Начиная съ Уложенія, памятники русскаго законодательства находятся уже напечатанными въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, въ которомъ Уложеніе и помѣщено во главѣ перваго тома. Съ начала XVIII столѣтія развитіе русскаго законодательства совершается посредствомъ изданія отдѣльныхъ законовъ самаго разнообразнаго вида и содержнія — регламентовъ (такъ регламенты даны Петромъ I учрежденнымъ имъ, взамѣнъ приказовъ, коллегіямъ), учрежденій, уставовъ, положеній, наказовъ, указовъ, манифестовъ и т. п. Несмотря на неоднократныя попытки кодификаціи, вызывавшіяся въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка громаднымъ накопленіемъ законодательнаго матеріала, общаго сборника дѣйствующихъ законовъ или „новаго Уложенія“ у насъ не появлялось вплоть до 1832 года, когда былъ изданъ нынѣ дѣйствующій Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Подобно Уложенію и новоуказнымъ статьямъ, памятники русскаго законодательства XVIII и XIX столѣтій напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ которомъ всѣ вновь появляющіеся законодательные акты продолжаютъ въ такомъ же порядкѣ печататься и по настоящее время.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ законодательства, памятниками правоваго быта нашихъ предковъ представляются также и *акты частнаго гражданскаго оборота*. Сюда относятся: духовныя грамоты, договоры (рядныя грамоты), купчія крѣпости, мѣновныя данныя и другія записи, межевыя грамоты, заемныя кабалы и т. п. акты. Затѣмъ сюда же должны быть отнесены *акты процессуальнаго производства*: жалобницы, явки и челобитныя (по которымъ вчинались иски), приставныя, зазывныя и срочныя грамоты (которыми тяжущіеся вызывались на судъ), судные списки (протоколы судоговоренія), обыски (допросы), сказки (показанія лицъ, участвующихъ въ процессѣ), правыя и безсудныя грамоты (изложеніе судебныхъ рѣшеній), поручныя записи (которыми тѣ или другія лица давались на поруки) и мн. др. Акты подобнаго рода напечатаны, главнымъ образомъ,

въ „Актахъ Юридическихъ“ и въ Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи“, изданныхъ Археографической Коммиссіею.

В.—СОВРЕМЕННОЕ ОБЫЧНОЕ ПРАВО РУССКАГО НАРОДА.

Выше, говоря объ историческомъ ходѣ развитія юридическаго быта каждаго народа, мы указали, что, на первоначальныхъ ступеняхъ его жизни, всѣ правоотношенія регулируются исключительно обычнымъ правомъ, съ сущностью котораго мы тогда же познакомились. Это обычное право, являясь результатомъ непосредственнаго творчества народнаго духа, являясь продуктомъ народнаго склада ума, воли и чувства— не помнитъ своего начала, таящагося въ отдаленныхъ вѣкахъ сѣдой древности, не помнитъ, чтобы кто нибудь установилъ его, подобно тому, какъ и другой продуктъ духовной жизни народа,—языкъ,—не помнитъ, что бы кто нибудь изобрѣлъ его. Исторія человѣческой культуры и исторія права давно уже констатировали ту громадную, непоколебимую силу, какую представляетъ собою обычное право не только у народовъ, всецѣло еще регулирующихъ свою правовую жизнь этою первичною формою выраженія права, но даже и у народовъ, у которыхъ, наряду съ обычнымъ правомъ, уже возникла и вторая форма выраженія права—законодательство. Одна изъ характерныхъ особенностей обычнаго права—это его упорный консерватизмъ. Этотъ консерватизмъ является результатомъ не только самаго характера образованія и прекращенія обычая,— совершающихся крайне медленно, цѣлыми вѣками,—но особенно является онъ результатомъ привязанности народа къ своимъ обычаямъ: народъ дорожитъ ими, ревностно оберегаетъ ихъ отъ забвенія, считаетъ соблюденіе ихъ дѣломъ священнымъ, угоднымъ божественной волѣ и, наоборотъ, измѣну установившемуся обычаю — считаетъ дѣломъ дурнымъ, преступнымъ, противнымъ волѣ божества. Многіе народы простираютъ на столько далеко авторитетность и силу своего обычнаго права, что вырабатываютъ представленіе о божественномъ происхожденіи своихъ обычаевъ.

Обычаями регулировали свою правовую жизнь и наши

предки въ ту отдаленную эпоху, о которой дошли до насъ древнѣйшія историческія указанія. Такъ, „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, вошедшая въ нашу начальную лѣтопись, характеризуя древнѣйшій бытъ восточно-славянскихъ племенъ передъ призваніемъ князей, заявляетъ, что эти племена „имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ“. И впослѣдствіе славяно-руссы всегда отличались привязанностью къ своимъ обычаямъ, къ „закону и преданьямъ отецъ своихъ“, представлявшимися имъ стариною, пошлиною, т. е. началами жизни, которыя пошли изъ глубины вѣковъ, которыя составляютъ священный завѣтъ, унаслѣдованный ими отъ отцовъ и дѣдовъ. Призвавъ варяго-русскихъ князей, новгородскіе славяне, по преданію, обязуютъ ихъ судить и рядить „по праву“; и въ послѣдующіе вѣка новгородцы, заключая „ряды“, т. е. договоры, съ своими князьями, всегда требовали отъ нихъ обѣщанія держать ихъ „по старинѣ“, „по старымъ пошлинамъ“. Мы увидимъ впослѣдствіе, что эти „старыя пошлины“ во Псковѣ систематически облекались въ письменную форму („приписки псковскихъ пошлинъ“) и включались въ систему писаннаго права, которое отлилось во второй половинѣ XV-го вѣка въ грандіозный памятникъ вѣчеваго законодательства — Псковскую Судную Грамоту; мы увидимъ, что и другой, болѣе ранній памятникъ русскаго права,— Русская Правда,—явилась отраженіемъ, письменною формулировкою, древне-славянскаго обычнаго права. Нѣкоторыя сферы древне-русскаго обычнаго права, построенныя на почвѣ языческаго міровоззрѣнія, — напримѣръ отношенія права брачнаго, — долго и упорно боролись впослѣдствіе съ началами христіанства и отраженія этихъ древнихъ, до-христіанскихъ, началъ—и до настоящаго времени еще могутъ быть наблюдаемы въ обычаяхъ русскаго крестьянства; свадебные и похоронные обычаи, многія празднества и игрища нашего крестьянства—носятъ несомнѣнные слѣды переживанія древнѣйшей, языческой, поры жизни нашего народа.

Начало упорнаго консерватизма, которымъ характеризуется обычное право всякаго народа, вообще, и русскаго народа, въ частности; свидѣтельства исторіи о той упорной борьбѣ, съ какою неоднократно противостояло русское обычное право попыткамъ законодательства внести въ него измѣ-

ненія [1]); наконецъ то обстоятельство, что цѣлые десятки милліоновъ русскаго крестьянства,—оставшіеся во многихъ отношеніяхъ внѣ вліяній, которыя въ теченіе XVIII и XIX столѣтій бороздили складъ жизни другихъ классовъ населенія,—до сихъ поръ регулируютъ свой правовой бытъ почти исключительно обычнымъ правомъ, жизненную силу котораго должно было признать само законодательство, предоставивъ ему полную свободу примѣненія въ крестьянскихъ и, до недавняго еще времени, въ мировыхъ судахъ,—все это даетъ историку-юристу основаніе искать въ современномъ обычномъ правѣ рускаго народа переживаній его древняго юридическаго быта.

Разработка современнаго обычнаго права русскаго народа—дѣло у насъ еще новое, хотя нельзя не сказать, что на этомъ поприщѣ уже имѣются весьма почтенные труды, которые и теперь даютъ возможность интересныхъ сопоставленій началъ этого обычнаго права съ исторіею права русскаго народа. Такъ, остатки договорнаго воззрѣнія па бракъ, многіе свадебные обряды, принципъ наслѣдственнаго права, по которому „сестра при братьяхъ не вотчинница"; обычай, въ силу котораго отцовскій дворъ достается младшему брату (Русская Правда установляетъ: „а дворъ безъ дѣлу отень всякой меншему сынови"); цѣлый рядъ отношеній общиннаго быта и условій общиннаго землевладѣнія — все это явленія, которыя устанавливаются въ генетическую связь съ историческимъ развитіемъ русской правовй жизни.

Отсюда понятнымъ становится, почему современное обычное право русскаго народа—должно занять свое мѣсто въ ряду источниковъ исторіи русскаго права, на первое время примкнувъ къ кругу памятниковъ юридическаго быта. Нѣтъ, однако-же, сомнѣнія въ томъ, что, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ изученія обычнаго права нашего народа и съ внесеніемъ въ это изученіе историко-сравнительнаго метода (въ особенности примѣнительно къ обычному праву и исторіи права другихъ славянскихъ

---

[1]) Вспомнимъ исторію развитія русскаго брачнаго и наслѣдственнаго права (Петровскій законъ 1814 г. объ единонаслѣдіи), исторію русской общины, общинное землѣвладѣніе и т. п. стороны правоваго быта, въ которыхъ особенно интенсивно проявлялась устойчивость русскаго обычнаго права.

народовъ) — современное обычное право получитъ значеніе вполнѣ самостоятельнаго источника русской историко-юридической науки. Пока же въ этой области сдѣланы только отдѣльныя, и притомъ частичныя, попытки.

ГЛАВА IV.

Памятники устной и письменной словесности.

Значеніе памятниковъ слвесности, какъ историческаго источника.—А) *Памятники устной сл)вгсности.*—Миѳическій, героическій и историческій періоды устной словесности.—Былины, историческія и бытовыя пѣсни.—Сказки и пословицы.—Б) *Памятники письменной словесности.*—Ея древнѣйшій характеръ.—Пастырскія посланія.—Сочиненія полемическаго характера.—Житія святыхъ.—Печерскій Патерикъ и Четьи Минеи. — Памятники свѣтской словесности. — Сочиненія поучительныя. — Легенды. — Повѣсти и сказанія.— Хожденія.—Біографіи.

Извѣстно, что народная словесность — является олицетвореніемъ идеаловъ, которыми руководствовались или руководствуется народная жизнь въ тѣ или другія эпохи своего историческаго развитія. Въ произведеніяхъ народной словесности живо отражается жизнь народа въ извѣстныя историческія эпохи ея; въ нихъ воплощается народный духъ, народное міровоззрѣніе, стремленія и задачи народной жизни; на произведеніяхъ народной словесности можемъ мы наблюдать постепенное развитіе и смѣну идеаловъ и стремленій народной жизни; произведенія народной словесности являются, такъ сказать, зеркаломъ, въ которомъ отражается вся духовная жизнь народа, а, слѣдовательно—и право. Уже изъ сказаннаго открывается живая связь, существующая между исторіею народной словесности и исторіею народа вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и съ исторіею права.

Изъ сказаннаго выше понятнымъ становится также, что произведенія народной словесности должны получить свое законное мѣсто въ ряду источниковъ русскаго историческаго знанія. Исторія народной словесности имѣетъ своею задачею

изученіе произведеній ея, слѣдовательно—изученіе историческаго развитія идеаловъ народной жизни,—а исторія народа, въ смыслѣ его самосознанія, не можетъ быть правильно понимаема безъ усвоенія тѣхъ идеаловъ, которыми проникалась народная жизнь, которые давали ей содержаніе, указывали извѣстныя жизненныя задачи, освѣщали путь къ цѣлесообразному достиженію послѣднихъ. Были - ли эти идеалы, въ тѣ или другія эпохи народной жизни, правильными, вѣрными, или они были ложными, призрачными, ошибочными—они, тѣмъ не менѣе, въ высшей степени цѣнны для историка: они непосредственно вліяли на условія народной жизни и, при историческомъ изученіи послѣдней, могутъ дать ключь къ уразумѣнію многихъ явленій, могущихъ показаться съ перваго взгляда темными, неясными, трудно объяснимыми. Неоцѣнимое значеніе имѣютъ для историка произведенія народной словесности еще и потому, что въ нихъ часто отражаются многія бытовыя стороны народной жизни въ извѣстныя эпохи ея развитія, нравы современнаго общества, взаимныя отношенія между различными элементами его, а часто даже отражается болѣе или менѣе полная картина внутренней жизни общества, со всѣми ея нуждами и стремленіями, со всѣми ея хорошими и темными сторонами, со всѣми ея доблестями, пороками, недостатками. Въ этомъ смыслѣ произведенія народной словесности способны доставлять историку указанія, которыхъ не можетъ почерпнуть онъ изъ всѣхъ другихъ источниковъ, находящихся въ его распоряженіи.

Какъ извѣстно, народная словесность и ея произведенія распадаются на два вида: на словесность устную и на словесность письменную. Въ историческомъ ходѣ развитія народной словесности — письменная словесность появляется несравненно позже устной; начало ея совпадаетъ съ тою эпохою народной жизни, когда у народа появляется письменность, когда народъ научается закрѣплять въ твердой письменной формѣ произведенія своего духовнаго творчества.

Значеніе источниковъ изученія русской исторіи, вообще, и исторіи русскаго права, въ частности—представляютъ оба вида произведеній народной словесности, т. е. какъ произведенія устной, такъ и произведенія письменной словесности, почему мы и должны будемъ разсмотрѣть и тѣ и другія.

А.—ПАМЯТНИКИ УСТНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Направленіе развитія устной словесности всякаго народа, вообще, слѣдовательно и русскаго народа, въ частности, тѣсно связано съ направленіемъ развитія самой народной жизни и, вмѣстѣ съ послѣднимъ, сводится къ тремъ преемственнымъ періодамъ: миѳическому, героическому и историческому. Въ первомъ и древнѣйшемъ періодѣ, миѳическомъ — характерную черту народнаго творчества представляетъ созданіе миѳовъ, т. е. древнѣйшихъ сказаній, въ которыхъ первобытная народная жизнь, подавленная явленіями физической природы, то благопріятствующими ей, то ей противодѣйствующими, враждебными—стремится олицетворить руководящія этими явленіями силы природы въ идеѣ высшаго Божества; развиваемая народною фантазіею, эта идея ведетъ къ образованію народной миѳологіи, въ которой выражается религіозное и космическое міровоззрѣніе народа. Въ миѳахъ народное творчество выражаетъ свои представленія о происхожденіи міра, о высшемъ Божествѣ, о добромъ и зломъ началѣ и о ихъ обоюдной борьбѣ, о вліяніи этой борьбы на судьбы міра и человѣчества и объ отношеніяхъ боговъ къ людямъ. Первоначальный характеръ народной миѳологіи носитъ отпечатокъ космическій, стихійный; въ своихъ первоначальныхъ божествахъ народъ олицетворяетъ стихіи и силы природы: небо, землю, огонь, воздухъ, воды, вѣтры, громъ, молнію. Въ послѣдующемъ развитіи народной миѳологіи, космическій періодъ ея смѣняется періодомъ *антропоморфизма*, въ которомъ творчество народа, не удовлетворяясь уже олицетвореніемъ божества въ таинственныхъ силахъ природы, стремится облечь понятіе божества въ болѣе реальныя, осязательныя формы, и, какъ наиболѣе реальную изъ этихъ формъ, выбираетъ физическую и духовную природу человѣка. При этомъ богамъ приписываются всѣ физическія и духовныя особенности человѣческой природы,— тѣже стремленія, потребности и страсти; съ другой стороны, фантазія народа стремится олицетворить въ богахъ тѣ или другія качества и добродѣтели, недостатки и пороки самой природы человѣка, признаетъ извѣстныхъ боговъ — своими покровителями, другихъ боговъ—своими противниками. Божества представляются при этомъ въ самыхъ близкихъ, чув-

ственныхъ отношеніяхъ къ человѣку и непосредственнымъ образомъ вліяютъ на все направленіе и условія жизни его.

Въ исторіи русской словесности памятникомъ этого первоначальнаго миѳическаго періода народной жизни представляется циклъ такъ называемыхъ „миѳическихъ“ пѣсней; эти пѣсни называется также „обрядовыми“, потому что онѣ поются при различнаго рода игрищахъ, празднествахъ и обрядахъ, которые унаслѣдованы отъ древнѣйшихъ языческихъ временъ жизни нашихъ предковъ и представляютъ въ себѣ отраженіе древнѣйшихъ миѳологическихъ представленій ихъ. Какъ остатки языческаго періода жизни—эти игрища, празднества и обряды преслѣдовались русскою церковью съ самаго введенія на Руси христіанства и вызывали упорную борьбу съ собою церковнаго законодательства, борьбу, проходящую черезъ всѣ вѣка историческаго развитія русской народной жизни; извѣстно, что эти слѣды языческой эпохи до сихъ поръ живы въ нашемъ народѣ, давая намъ возможность хотя смутно возстановить древнѣйшія миѳологическія воззрѣнія нашихъ предковъ, а по этимъ воззрѣніямъ—судить также и объ условіяхъ и обстановкѣ самой жизни ихъ. Изъ миѳическихъ или обрядовыхъ пѣсней нашего народа упомянемъ пѣсни „колядскія“ и „авсеневыя“, которыми сопровождалось у нашихъ предковъ празднованіе зимняго солнцеповорота—остатокъ древняго культа солнца, какъ источника жизни, свѣта и плодородія; къ нимъ примыкаютъ пѣсни „святочныя“, которыми сопровождаются святочныя игры и гаданія, въ которыхъ отражаются слѣды того-же солнечнаго культа и которыя составляютъ продолженіе празднествъ колядскихъ. Далѣе слѣдуютъ: пѣсни „весеннія“, соединяемыя съ игрищами и празднествами масляничными, пасхальными и троицкими; въ своей основѣ эти празднества являются остатками того-же культа солнца, въ лицѣ весны одерживающаго побѣду надъ зимою, какъ олицетвореніемъ темнаго начала, враждебнаго свѣтлому солнечному божеству. Къ тому-же кругу пѣсень относятся и „хороводныя“ весеннія пѣсни. Остатками культа водныхъ божествъ являются „русальныя“ и „семицкія“ пѣсни, которыми сопровождались языческія игрища и празднества въ честь водныхъ божествъ—русалокъ, въ которыхъ предки наши олицетворяли, кажется, души умершихъ; эти празднества въ настоящее время пріурочиваются къ такъ называемой Красной Горкѣ,

дню Св. Троицѣ и Семику. Слѣды лѣтнихъ языческихъ празднествъ совпадаютъ въ настоящее время съ празднованіемъ дня св. Іоанна Крестителя (Иванъ Купала), св. Петра и Павла и св. пророка Ильи; воспоминаніе объ этихъ лѣтнихъ празднествахъ сохранилось въ такъ называемыхъ „купальскихъ“ пѣсняхъ. Кромѣ указанныхъ выше пѣсней, въ которыхъ живетъ въ нашемъ народѣ воспоминаніе о древнихъ языческихъ празднествахъ, слѣды языческихъ вѣрованій нашихъ предковъ отражаются также въ „свадебныхъ“ обрядовыхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ, вмѣстѣ съ соединяющимися съ ними обрядами, мы можемъ почерпать указанія на формы и значеніе брака у нашихъ предковъ въ древнѣйшую, до-историческую и языческую, эпоху жизни ихъ.

Вторымъ періодомъ народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вторымъ періодомъ развитія народной устной словесности— является такъ называемый періодъ героическій, богатырскій. Въ этомъ періодѣ народъ поглощенъ устройствомъ внутренняго быта своего и, стремясь къ упроченію своей самостоятельности, ведетъ упорную борьбу, съ одной стороны— съ внѣшнею природою, съ другой стороны—съ своими врагами, или внѣшними, въ видѣ сосѣднихъ народовъ и племенъ, или внутренними, въ видѣ элементовъ, препятствующихъ упроченію правовой жизни. Характерную черту этого періода развитія народной словесности представляетъ идеализація памяти выдающихся дѣятелей этой борьбы,—героевъ, богатырей, — которымъ приписываются необычайные подвиги храбрости, смѣлости, ловкости и которымъ въ высшей степени усвоиваются различнаго рода физическія и духовныя качества. Преданія объ этихъ герояхъ, облекаясь въ форму народнаго творчества и украшаясь вымыслами народной фантазіи—принимаютъ характеръ болѣе или менѣе обширныхъ повѣствованій, характеръ эпоса. Героическій эпосъ, идеализируя своихъ героевъ, вноситъ въ свое повѣствованіе элементъ чудеснаго, сверхъестественнаго—чѣмъ онъ и соприкасается весьма близко съ предшествовавшимъ періодомъ миѳическимъ: черты и качества миѳическихъ боговъ переносятся очень часто на героевъ, являющихся, такимъ образомъ, полу-богами, олицетвореніемъ тѣхъ-же стихійныхъ началъ, передъ которыми благоговѣлъ народъ въ первомъ періодѣ своего развитія. Въ

этомъ смыслѣ героическій періодъ народной словесности составляетъ непосредственное продолженіе миѳическаго періода ея и, во многихъ случаяхъ, представляются значительныя трудности, а иногда и невозможность, ясно разграничить оба періода, ясно отмѣтить, гдѣ кончается первый и гдѣ начинается второй.

Въ исторіи русской народной словесности героическій, богатырскій періодъ ея—выражается въ такъ называемыхъ былинахъ (отъ слова „быль“), т. е. въ народныхъ разсказахъ о быдыхъ временахъ народной жизни,—временахъ, воспоминаніе о которыхъ сохранилось въ памяти народа, передаваясь отъ предковъ къ потомкамъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ формѣ устнаго преданія. Главными дѣйствующими лицами въ нашихъ былинахъ являются „богатыри“, лица одаренныя сверхъестественными физическими и духовными особенностями своей природы, лица, въ которыхъ олицетворяются идеалы и силы, присущія народу въ героическомъ періодѣ его жизни. Кругъ дѣятельности нашихъ богатырей пріурочивается былинами, главнымъ образомъ, къ эпохѣ великаго князя Владиміра Краснаго Солнышка, являющагося, въ свою очередь, идеализаціею древне-славянскаго князя; богатыри же наши являются идеализаціею дружиннаго быта древней Руси, а отчасти и идеализаціею земскихъ силъ ея, силъ становящихся въ извѣстное отношеніе какъ къ князю, такъ и къ его дружинѣ. На этой почвѣ древне-русскія былины даютъ намъ не мало чертъ, представляющихъ непосредственный интересъ для исторіи древнѣйшаго русскаго права. Эпоха в. к. Владиміра Святославича не могла не врѣзаться въ народную память: въ эту эпоху русская земля достигла высокой степени силы, стала на твердую почву своего внутренняго развитія и народной фантазіи было весьма естественнымъ пріурочить къ этой эпохѣ всѣ свои силы и идеалы, олицетворяющіеся въ древнихъ богатыряхъ; съ другой стороны, при Владимірѣ введено было на Руси христіанство и съ этого времени возникаетъ упорная борьба христіанскихъ началъ съ началами языческими,—борьба, которая нашла себѣ также отголосокъ въ былинахъ нашего героическаго эпоса.

Третій періодъ развитія народной жизни и непосредственно связаннаго съ нею развитія народной словесности—

есть періодъ историческій. Въ этомъ періодѣ народная жизнь уже складывается въ опредѣленныя и ясно намѣченныя формы государственности; эпоха первоначальнаго образованія общества, броженія въ немъ элементовъ и борьбы его за существованіе—смѣняется сознательнымъ идеаломъ государственной жизни, сознательнымъ развитіемъ всѣхъ силъ, присущихъ обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ области народнаго творчества исчезаетъ миѳическій элементъ, а элементъ героическій лишается присущихъ ему чертъ баснословія и сверхъестественности и обращается въ историческое повѣствованіе, облекаемое въ ту или другую форму народнаго творчества.

Историческій періодъ развитія русской народной словесности представляется такъ называемыми историческими пѣснями. Всѣ, болѣе или менѣе выдающіяся, событія русской исторической жизни оставили воспоминаніе въ народной словесности въ видѣ историческихъ пѣсней, сложившихся подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго этими событіями на народную жизнь. Эти пѣсни дороги для историка, какъ указаніе на непосредственное отношеніе, непосредственное воззрѣніе народа на тѣ или другія историческія событія, какъ указаніе на то, какъ отразились эти событія на народной жизни, какъ народъ къ нимъ относился, насколько согласны или несогласны были они съ присущими народной жизни идеалами; эти пѣсни являются живымъ звѣномъ, связывающимъ народное міровоззрѣніе съ нерѣдко сухими историческими свидѣтельствами объ этихъ событіяхъ. Какъ Кіевъ былъ средоточіемъ, вокругъ котораго группируются всѣ сказанія героическаго эпоса, такъ Москва, центръ обще-русской народной жизни, становится средоточіемъ, вокругъ котораго группируются историческія пѣсни русскаго народа.

Въ порядкѣ послѣдовательности русской жизни—въ историческихъ пѣсняхъ прежде всего отразилось воспоминаніе о тяжелыхъ временахъ татарщины; пѣснями этого вида, находящимися еще въ тѣсномъ родствѣ съ былинами, нерѣдко даже смѣшивающимися съ послѣдними, историческій періодъ русской народной словесности естественнымъ образомъ связывается съ эпосомъ героическимъ.

Эпоха Іоанна Грознаго, — перваго русскаго царя, —

съ ея завоеваніями, кровавыми казнями и борьбою съ боярствомъ—ярко отразилась въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа; убіеніе Іоанномъ своего сына, женитьба его на иноземкѣ Марьѣ Темрюковнѣ, покореніе Казани и Сибири—всѣ эти событія царствованія Іоанна IV-го воспроизведены были народнымъ творчествомъ. Отразилась въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа и тяжелая эпоха смутнаго времени, къ которой пріурочиваются пѣсни о царевнѣ Ксеніи Годуновой, о Димитріѣ Самозванцѣ, объ отравленіи князя Скопина-Шуйскаго. Къ эпохѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича относится пѣсня о въѣздѣ въ Москву изъ польскаго плѣна патріарха Филарета; къ эпохѣ царствованія Алексѣя Михаиловича—пѣсни объ осадѣ Соловецкаго монастыря и пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, къ которымъ примыкаетъ обширный кругъ пѣсней разбойничьихъ и казачьихъ, весьма интересныхъ для изученія внутренней жизни русскаго народа во второй половинѣ XVII-го вѣка.

Особый циклъ народныхъ пѣсней представляютъ пѣсни бытовыя. Въ общемъ смыслѣ слова—бытовыми пѣснями слѣдуетъ, вообще, называть всякаго рода народныя пѣсни, въ которыхъ отражается народный бытъ; слѣдовательно, сюда могли бы быть отнесены и пѣсни обрядовыя. Но, въ виду того, что обрядовыя или миѳическія пѣсни служатъ, прежде всего, отраженіемъ древнихъ вѣрованій народа и такъ называемаго миѳическаго періода его жизни, онѣ обыкновенно выдѣляются изъ понятія бытовыхъ пѣсней въ самостоятельный кругъ пѣсней,—а подъ бытовыми пѣснями, въ собственномъ смыслѣ этого выраженія, разумѣютъ тѣ именно пѣсни, въ которыхъ изображаются различныя черты нравовъ народа. Къ нимъ относятся „пѣсни свадебныя“ и „пѣсни семейныя“. Пѣсни свадебныя знакомятъ насъ съ древними воззрѣніями нашихъ предковъ на брачный союзъ, знакомятъ съ его условіями, обрядами и часто содержатъ въ себѣ драгоцѣнные указанія на древнѣйшія, архаическія, формы брака. Пѣсни семейныя естественно примыкаютъ къ пѣснямъ свадебнымъ, служатъ какъ-бы ихъ продолженіемъ, дополненіемъ, давая намъ указанія на основы семейной жизни нашихъ предковъ, на положеніе женщины въ древней семьѣ, на значеніе и характеръ родительской власти—и въ этомъ отношеніи эти пѣсни, вмѣстѣ съ пѣснями свадебными, представляютъ источникъ,

котораго не можетъ игнорировать изслѣдователь исторіи внутренней, бытовой, жизни народа, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и историкъ русскаго права. Къ бытовымъ пѣснямъ могутъ быть пріурочены и такъ называемыя „похоронныя причитанія“.

Второй видъ произведеній русской народной словесности составляютъ сказки, т. е. вымышленныя повѣствованія, въ которыхъ преобладаетъ фантастическій элементъ, съ изображеніемъ отношеній, лицъ и предметовъ не существующихъ въ дѣйствительной жизни, или же съ изображеніемъ дѣйствительно существующихъ отношеній, лицъ и предметовъ, но получившихъ баснословную окраску, надѣленныхъ такими особенностями физическаго или духовнаго характера, какія на самомъ дѣлѣ имъ не присущи. Происхожденіе чудовищнаго, баснословнаго элемента въ сказкахъ — объясняется отраженіемъ миѳическаго періода народной жизни; съ этой стороны въ народныхъ сказкахъ, какъ и въ обрядовыхъ пѣсняхъ, могутъ быть почерпаемы указанія на древнѣйшія основы міровоззрѣнія и языческихъ вѣрованій народа.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ народной жизни, въ сказкахъ начинаетъ преобладать нравоописательный элементъ, обыкновенно въ смѣшеніи съ элементомъ нравоучительнымъ, а иногда даже и сатирическимъ; при этомъ весьма часто и чудесный элементъ языческій смѣняется чудеснымъ элементомъ христіанскимъ. По большей или меньшей примѣси въ сказкѣ миѳическаго элемента — можетъ быть опредѣлена и большая или меньшая древность самой сказки. Отражая въ себѣ слѣды древняго міровоззрѣнія народа, давая указанія на различнаго рода понятія и отношенія внутренней, бытовой жизни — сказка, наравнѣ съ другими произведеніями устной словесности, должна имѣть свое мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ. Встрѣчаются даже сказки чисто юридическаго характера: такова сказка „О Ершѣ Щетинниковѣ“, представляющая поразительно мѣткую сатиру на старинное русское судопроизводство и сутяжничество XVI и XVII вѣковъ.

Наконецъ, послѣднюю группу произведеній устной народной словесности представляютъ пословицы, загадки и заговоры. Мы остановимся только на пословицахъ, какъ имѣющихъ соотношеніе къ юридическому быту народа и могущихъ служить однимъ изъ памятниковъ его.

Подъ пословицами разумѣются краткія, сжатыя

но, вмѣстѣ съ тѣмъ, звучныя изрѣченія, въ которыхъ народъ излагаетъ впечатлѣнія, навѣянныя на него различными условіями его жизни физической, нравственной и умственной; въ пословицахъ народъ выражаетъ свои вѣрованія, суевѣрія, предубѣжденія и правила житейской мудрости; въ пословицахъ же народъ часто выражаетъ свои воззрѣнія на тѣ или другія историческія событія, которыя онъ переживалъ или которыхъ былъ онъ свидѣтелемъ. Дошедшія до насъ пословицы относятся къ весьма различнымъ эпохамъ: древнѣйшія носятъ еще на себѣ слѣды миѳическихъ вѣрованій; болѣе новыя по времени—часто относятся къ какимъ либо историческимъ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто даже въ относительно недавнее время.

Весьма многія пословицы заключаютъ въ себѣ воззрѣнія народа на тѣ или другія правовыя начала и отношенія. Такимъ путемъ является цѣлый кругъ пословицъ юридическихъ, въ которыхъ непосредственно отливается правовое сознаніе народа и которыя, въ силу этого, являются источникомъ познанія народнаго правосознанія — слѣдовательно, и источникомъ для изученія постепеннаго хода развитія послѣдняго. Въ этомъ отношеніи юридическія пословицы близко соприкасаются съ такъ называемыми юридическими формулами, съ которыми онѣ, однако, не должны быть смѣшиваемы и съ которыми мы подробнѣе познакомимся въ своемъ мѣстѣ: являясь, подобно юридическимъ пословицамъ, выраженіемъ въ словѣ народнаго представленія о правѣ, юридическія формулы отличаются отъ нихъ тѣмъ, что онѣ создаются во имя самаго права, для цѣлей его практическаго примѣненія, являясь принадлежностью древнѣйшаго процесса, между тѣмъ какъ юридическія пословицы, будучи простымъ выраженіемъ въ словѣ правовыхъ понятій народа, такихъ практическихъ цѣлей не преслѣдуютъ.

Б.—ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Извѣстно, что книжность возникла въ нашемъ отечествѣ вслѣдъ за принятіемъ христіанства и, вмѣстѣ съ послѣднимъ, принесена къ намъ изъ Византіи. Здѣсь—корень двухъ характерныхъ чертъ, которыми надолго опредѣляется дальнѣйшее развитіе русской книжной словесности: съ одной сторо-

ны—она принимаетъ духовно-религіозное направленіе, съ другой стороны—принимаетъ греко-византійскій отпечатокъ; византійскіе образцы дѣлаются шаблономъ, котораго старательно придерживаются наши старинные книжники. Даже сочиненія свѣтскаго содержанія,—напримѣръ описательныя и историческія,—носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ духовно-византійскихъ образцовъ.

То обстоятельство, что книжная словесность наша возникла на почвѣ византизма, было естественною причиною и того явленія, что самостоятельное развитіе ея было надолго задержано: переводъ и списываніе произведеній византійской и болгарской письменности—были первоначально преобладающею формою русской книжной словесности, а византійско-болгарскіе сборники духовно-литературнаго направленія—были любимымъ и весьма распространеннымъ чтеніемъ у нашихъ предковъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ котораго складывалось умственное развитіе ихъ. Къ числу произведеній византійско - болгарской письменности, имѣвшихъ обращеніе среди нашихъ предковъ, прежде всего относятся книги Св. Писанія, толкованія на нихъ, творенія св. Отцевъ и учителей Церкви, какъ въ отдѣльности, такъ и въ сборникахъ, житія святыхъ (патерики, прологи), хронографы и, наконецъ, цѣлый рядъ духовно-литературныхъ компилятивныхъ сборниковъ, обращавшихся въ древней Россіи подъ разнообразными названіями, какъ то: Златоструй, Златоустъ, Пчелы, Маргаритъ (т. е. жемчугъ, перлы), Измарагдъ (т. е. изумрудъ), Златая Цѣпь и т. п.

Первою формою, въ которой выразилась собственно русская письменная словесность — была форма духовно - пастырскихъ с л о в ъ, поученій и посланій. И это вполнѣ естественно. Утвержденіе въ народѣ христіанства вызывало дѣятельность древняго духовенства нашего, направленную, съ одной стороны—на просвѣщеніе массъ свѣтомъ ученія новой религіи, а съ другой стороны — на борьбу съ остатками языческаго міровоззрѣнія, которые сильны были еще въ жизни русскаго народа и давали древнему духовенству нашему поводъ укорять его въ двоевѣріи, въ смѣшеніи имъ началъ христіанской религіи съ началами и предразсудками древнихъ языческихъ вѣрованій. Борьба съ этимъ двоевѣріемъ и стремленіе къ нравственному усовершенствованію современнаго общества—

составляютъ основной мотивъ словъ и поученій древнихъ пастырей русской церкви. Такое значеніе имѣютъ: поученія новгородскаго архіепископа Луки Жидяты, св. Илларіона, митрополита кіевскаго, и Θеодосія, игумена печерскаго, относящіяся къ XI вѣку; поученія св. Кирилла, архіепископа туровскаго, св. Нифонта, епископа новгородскаго, данныя имъ въ видѣ отвѣтовъ на вопросы черноризца Кирика (такъ называемые вопросы Кирика и отвѣты Нифонта), относящіяся къ XII вѣку; Правило Кирилла II, митрополита кіевскаго, поученія св. Серапіона, епископа владимірскаго, и анонимныя два слова св. Іоанна Златоуста, относящіяся къ XIII-му вѣку.

Всѣ указанныя нами поученія и слова—представляютъ въ высшей степени серьезный историческій источникъ; обличая современную жизнь рускаго общества, выставляя на видъ ея двоевѣріе, ея недостатки, пороки и языческія начала — они даютъ въ руки историка цѣнный матеріалъ для возстановленія условій внутренняго быта и духовнаго развитія нашихъ предковъ XI—XIII вѣковъ.

Съ начала XIV столѣтія центръ русской государственной жизни мало по малу переходитъ въ Москву; Москва, послѣ перенесенія сюда митрополитомъ Петромъ своей каθедры, становится и центромъ духовно-религіозной жизни русскаго народа. Московскіе іерархи продолжаютъ духовно-просвѣтительную дѣятельность, начатую ихъ предшественниками кіевскаго періода. Преобладающимъ видомъ духовной словесности XIV—XVI вѣковъ являются п о с л а н і я, въ формѣ которыхъ московскіе церковные пастыри преподавали руководительныя правила государству и церкви, наставляли народъ въ правилахъ вѣры и благочестія, боролись съ народнымъ двоевѣріемъ и ересями, убѣждали области покоряться волѣ великихъ князей московскихъ и, наконецъ, обращались къ самимъ князьямъ, въ качествѣ посредниковъ въ спорахъ ихъ, или же съ своими совѣтами по тѣмъ или другимъ вопросамъ государственнаго управленія и частной жизни ихъ. Уже изъ этой краткой характеристики пастырскихъ посланій XIV-го—XVI-го вѣковъ открывается несомнѣнная важность этого рода памятниковъ; изученіе ихъ обнаруживаетъ ту значительную долю участія, которая принадлежала высшимъ представителямъ русской церковной іерархіи въ событіяхъ, которыми сопровождалось явленіе такъ называемой Московской централизаціи, и съ этой стороны мно-

гія пастырскія посланія представляютъ непосредственный интересъ для исторіи русскаго права. Въ числѣ духовныхъ пастырей этой эпохи особенно выдаются: митрополиты св. Петръ и св. Алексѣй, епископъ сарайскій Матѳей, митрополиты Кипріанъ, Іона, Геронтій и Филиппъ, препод. Кириллъ, игуменъ бѣлозерскій, митрополитъ Фотій, епископъ новгородскій, св. Геннадій, преподобный Іосифъ Волоцкій, препод. Нилъ Сорскій и, наконецъ, извѣстный Максимъ Грекъ, въ своихъ сочиненіяхъ явившійся строгимъ критикомъ внутренней жизни современнаго русскаго общества.

Со второй половины XIV вѣка возникаетъ въ исторіи русской словесности еще одинъ родъ произведеній духовной литературы: это—произведенія полемическаго характера, которыя были вызваны появленіемъ въ Россіи различныхъ еретическихъ ученій; такъ въ XIV вѣкѣ возникаетъ ересь стригольниковъ, въ XV вѣкѣ—ересь жидовствующихъ, въ XVI вѣкѣ—ересь Бакшина и Косаго. Борьбою съ ересью стригольниковъ ознаменовалъ себя митрополитъ Фотій (1410—1431 г.), борьбою съ ересью жидовствующихъ—новгородскій архіепископъ Геннадій (1485—1504 г.), преподоб. Іосифъ Волоцкій и Максимъ Грекъ, борьбою съ ересью Ѳеодосія Косаго—инокъ Отенскаго монастыря Зиновій. Сочиненія всѣхъ этихъ духовныхъ учителей весьма важны для исторіи религіозныхъ движеній въ русскомъ народѣ въ XIV-мъ—XVI-мъ вѣкахъ.

XVII-й вѣкъ выдвинулъ впередъ расколъ старообрядчества. Историкъ, посвящающій себя изслѣдованіямъ въ сферѣ жизни русскаго народа въ XVII вѣкѣ — не можетъ обойти вниманіемъ этого въ высшей степени замѣчательнаго явленія русской жизни XVII вѣка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ не остановиться и на произведеніяхъ словесности, возникшихъ на почвѣ раскола; не можетъ не остановиться, какъ на защитѣ старообрядцами своего ученія, такъ и на сочиненіяхъ, написанныхъ противъ раскола. Защитниками ученія раскола явились уже его первые наставники, съ протопопомъ Аввакумомъ во главѣ—однимъ изъ наиболѣе книжныхъ людей своего вѣка. Дѣятельнымъ защитникомъ ученія раскола явился также дьяконъ Ѳеодоръ, писавшій обличительныя посланія противъ православія. Весьма замѣчательны и челобитныя раскольниковъ, въ которыхъ наставники раскола защищали

и поддерживали свое ученіе передъ правительствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ протестуя въ нихъ противъ различнаго рода нововведеній въ области церковной и гражданской жизни; изъ такихъ челобитныхъ особенно извѣстны: челобитная расколоучителя Никиты Пустосвята, священника Лазаря и соловецкихъ раскольниковъ. Изъ духовныхъ писателей, писавшихъ противъ раскола, замѣчательны: Симеонъ Полоцкій („Жезлъ правленія"), патріархъ Іоакимъ („Увѣтъ духовный"), Юрій Крыжаничъ („Опровerженіе Соловецкой челобитной") и два автора, сочиненія которыхъ особенно важны для исторіи раскола—митрополитъ сибирскій Игнатій („Окружныя посланія") и св. Димитрій, епископъ ростовскій („Розыскъ о брынской вѣрѣ").

Особый родъ произведеній древне-русской духовной словесности представляютъ собою житія святыхъ, которыя считаются весьма древними, даже одними изъ первыхъ, памятниками русской письменности. Особенно много появлялось житій святыхъ въ теченіи XIV и XV вѣковъ, когда сталъ съ полною силою господствовать у насъ аскетическій идеалъ и получила значительное развитіе монастырская жизнь, а вмѣстѣ съ нею стали часто встрѣчаться случаи выдающагося религіозно-нравственнаго подвижничества. Мы знаемъ уже, что отдѣльныя житія святыхъ входили составною частью въ древнія лѣтописи наши; такъ, уже въ начальной лѣтописи находимъ мы заимствованія изъ житій св. княгини Ольги, св. князя Владиміра, св. князей Бориса и Глѣба, преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго. Житія святыхъ очень часто встрѣчаются также въ различнаго рода духовно-литературныхъ сборникахъ; существовалъ даже спеціальный видъ духовныхъ сборниковъ, посвященныхъ именно житіямъ святыхъ; это—такъ называемые прологи или синаксары, въ которыхъ, по днямъ мѣсяца, располагались краткія житія святыхъ, обыкновенно въ перемежку съ поученіями на тѣ или другіе дни года. Кромѣ указанныхъ выше древнѣйшихъ житій, относящихся къ XII вѣку и составителями которыхъ являются черноризецъ Іаковъ и преподобный Несторъ, имѣются указанія на существованіе нѣкогда весьма древняго житія св. Антонія (основателя Кіевскаго Печерскаго монастыря) относившагося, вѣроятно, такъ же къ XII вѣку, но до настоящаго времени, къ сожалѣнію, еше неизвѣстнаго. Къ XII-же вѣку относятся житія: св. Леонтія и Исаіи Ростовскихъ и св. княжны Евфросиніи Полоцкой. Отъ

XIII вѣка имѣемъ мы житія св. Авраамія Смоленскаго и весьма интересныя посланія св. Симона, епископа владимірскаго, къ Кіево-Печерскому иноку Поликарпу, и Поликарпа къ Кіево-Печерскому архимандриту Анкудину. Поликарпъ, инокъ Кіево-Печерскаго монастыря, имѣя неудовольствія съ своимъ архимандритомъ Анкудиномъ, два раза уходилъ изъ обители и, въ посланіи къ епископу владимірскому, Симону, выражалъ свое недовольство монастырскими порядками. Симонъ, самъ начавшій подвижничество свое въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, написалъ къ Поликарпу обширное посланіе, въ которомъ убѣждалъ его покориться Анкудину и оставаться въ обители, выставляя при этомъ на видъ высокое значеніе послѣдней въ русской религіозной жизни и представляя примѣры подвижничества, имѣвшіе мѣсто въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ; такимъ образомъ, въ этомъ посланіи своемъ, Симонъ кладетъ начало собиранію житій подвижниковъ нашей славной обители. Убѣжденный Симономъ, Поликарпъ смирился и, по порученію архимандрита Анкудина, занялся жизнеописаніемъ тѣхъ изъ Кіево-Печерскихъ подвижниковъ, которыхъ не успѣлъ коснуться епископъ Симонъ; результатъ трудовъ своихъ Поликарпъ изложилъ въ видѣ посланія къ Анкудину, въ которомъ онъ и представилъ жизнеописанія 13-ти печерскихъ отцевъ. Оба указанныя посланія (Симона и Поликарпа) послужили основою для такъ называемаго П е ч е р с к а г о П а т е р и к а (отъ слова pater — отецъ), т. е. монастырской хроники, въ которой помѣщены житія замѣчательныхъ подвижниковъ Кіево-Печерскаго монастыря, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ повѣствованій церковно-нравственнаго содержанія; Печерскій Патерикъ дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ (древнѣйшая XV вѣка), а напечатанъ былъ въ первый разъ въ 1661-мъ году. Образцомъ для Патерика служили греческіе сборники подобнаго же содержанія, съ которыми онъ и представляетъ весьма много общаго; византійская духовная литература служила, вообще, постояннымъ образцомъ, шаблономъ, для древне-русскихъ духовныхъ писателей, которые не только форму, но отчасти и самое содержаніе своихъ произведеній старались подводить подъ этотъ завѣтный образецъ. Это всего болѣе замѣтно именно на житіяхъ святыхъ.

Въ XV вѣкѣ славились, въ качествѣ жизнеописателей

святыхъ, іеромонахъ Епифаній и Пахомій Лагоѳетъ (сербъ по происхожденію); первому принадлежатъ житія преподобныхъ Сергія Родонежскаго и св. Стефана, первоучителя Пермскаго, второму—житія св. Варлаама Хутынскаго, новгородскихъ архіепископовъ Евѳимія и Моисея, Кирилла Бѣлозерскаго, митрополита Св. Алексѣя и нѣкот. др. святыхъ.

Къ XVI вѣку относятся житія преп. Зосима и Савватія, угодниковъ Соловецкихъ; къ этой же эпохѣ относится трудъ св. Іосифа Волоколамскаго: „Сказаніе о св. отцѣхъ, бывшихъ въ рустѣхъ монастырехъ“, весьма важный для изученія исторіи древней русской монастырской жизни.

Въ удѣльный періодъ русской исторической жизни и даже до самой половины XVI вѣка—почитаніе святыхъ носило у насъ вполнѣ мѣстный характеръ; каждая область имѣла своихъ особо чтимыхъ святыхъ и каждый святой чтился преимущественно въ той области, гдѣ онъ жилъ и прославился. Москва, сдѣлавшись центромъ политической жизни русскаго народа, стремится вслѣдъ затѣмъ объединить и духовно-религіозную жизнь его, стремится объединить, сдѣлать обще-русскимъ, почитаніе мѣсто-областныхъ святыхъ, иконъ и праздниковъ; такъ, въ 1547 году было сдѣлано распредѣленіе, какіе святые должны считаться обще-русскими, а слѣдовательно и чествоваться во всей Россіи, и какіе должны считаться областными и чествоваться только мѣстно, причемъ опредѣлено было составить службы и житія тѣхъ изъ святыхъ, которые таковыхъ еще не имѣли. Результатомъ этого опредѣленія было появленіе около половины XVI вѣка цѣлаго ряда новыхъ житій святыхъ; но задача объединенія свѣдѣній о святыхъ, чтимыхъ русскою церковью, вполнѣ выполнена была лишь митрополитомъ московскимъ Макаріемъ, въ составленномъ имъ сборникѣ житій святыхъ, извѣстномъ въ исторіи литературы подъ названіемъ Четій—Миней митрополита Макарія (въ отличіе отъ позднѣйшихъ Четій-Миней св. Димитрія Ростовскаго). Трудъ собиранія матеріаловъ для этого сборника предпринятъ былъ Макаріемъ еще въ бытность его архіепископомъ въ Новгородѣ и, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, трудъ этотъ выполнялся имъ въ продолженіи 12 лѣтъ. Кромѣ житій святыхъ русской и греческой церквей (жизнеописаній русскихъ святыхъ насчитывалось здѣсь до 39-ти), въ Четьи-Минеи митрополита

Макарія вошли поученія и слова на различные праздники и памяти святыхъ, цѣлыя книги св. Писанія съ толкованіями на нихъ (евангелисты, посланія апостоловъ и др.), творенія различныхъ св. отцевъ церкви (Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Двоеслова и др), патерики греческіе и русскіе и, вообще, всякаго рода книги, обращавшіяся въ то время на Руси. Отсюда явствуетъ, что сборникъ этотъ носитъ характеръ истинной энциклопедіи древней русской письменности до второй половины XVI вѣка. Весь собранный митрополитомъ Макаріемъ матеріалъ расположенъ по мѣсяцамъ, а въ предѣлахъ каждаго мѣсяца—по днямъ недѣлей. Съ 1868 года Археографическая Коммиссія предприняла изданіе Четій-Миней митрополита Макарія.

Вторымъ сборникомъ житій святыхъ русской церкви представляются Четьи-Минеи св. Димитрія, епископа и чудотворца Ростовскаго, составленіе которыхъ относится ко второй половинѣ XVII вѣка Подобно Четій-Минеямъ митрополита Макарія, это произведеніе включаетъ въ себѣ самое разнообразное содержаніе и вставочныя историческія разсужденія, хотя въ него и не входятъ въ полномъ составѣ книги св. Писанія и творенія отцевъ церкви, которыя придаютъ столь обширный видъ первому труду. Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго распадаются, по системѣ своего изложенія, на четыре четверти (по три мѣсяца въ каждой); четверти распадаются на мѣсяцы, а въ каждомъ мѣсяцѣ содержаніе излагается по числамъ. Первое изданіе этого труда относится къ 1689—1705 г.г.; впослѣдствіе было еще нѣсколько изданій, которые заключаютъ въ себѣ двѣнадцать томовъ, по числу мѣсяцевъ въ году.

Житія святыхъ представляются источникомъ весьма важнымъ для исторіи древней жизни русскаго народа и, главнымъ образомъ, для бытовой исторіи. Дѣло въ томъ, что жизнеописанія святыхъ излагаются здѣсь большею частью со всею обстановкою общественной жизни той эпохи, въ которую жили они; здѣсь найдемъ мы указанія на нравы, на домашній и общественный бытъ, на умовоззрѣнія описываемой эпохи,— не говоря уже о томъ, что житія святыхъ даютъ обильный матеріалъ для церковной исторіи, а отчасти и для исторіи политической. Само собою разумѣется при этомъ, что пользованіе житіями святыхъ, какъ историческимъ источникомъ,

требуетъ значительной осторожности и критическихъ пріемовъ, такъ какъ составители ихъ старались придерживаться греческихъ образцовъ, и, кромѣ того, смотрѣли на современныя имъ явленія жизни съ духовной, аскетической, точки зрѣнія, —слѣдовательно не могли избѣгнутъ нѣкоторой односторонности во взглядахъ и сужденіяхъ. Вопросу о житіяхъ святыхъ, какъ историческомъ источникѣ, посвящено спеціальное изслѣдованіе В. О. Ключевскаго: „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ (М. 1871 г.).

Выше мы замѣтили, что духовно-религіозное направленіе письменной словесности нашей долго не давало мѣста развитію собственно свѣтской словесности, да и тѣ немногіе образцы послѣдней, которые появились въ древнѣйшей Руси, носили на себѣ сильный отпечатокъ вліянія этого направленія. Въ числѣ древне-русскихъ произведеній свѣтской словесности находимъ мы: сочиненія поучительныя, легенды и повѣсти, сочиненія историческія и описанія путешествій.

Древнѣйшимъ изъ сочиненій поучительныхъ представляется извѣстное „Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ“, сохранившееся въ Лаврентьевской лѣтописи. Этотъ памятникъ имѣетъ весьма важное значеніе для познанія государственнаго строя и характера княжеской власти XI—XII вѣковъ: здѣсь яркими красками рисуется типъ князя удѣльно-вѣчеваго періода, очерчивается его религіозность и набожность, его образъ жизни, занятія, отношенія къ дружинѣ и подданнымъ. Къ этой же категоріи памятниковъ относится „Слово Даніила Заточника“ (XII вѣка). Даніилъ, находившійся въ заточеніи за какую-то вину на озерѣ Лачѣ (въ нынѣшней Олонецкой губерніи), написалъ оттуда посланіе къ князю, съ цѣлью разжалобить его и склонить къ облегченію своей участи. Таково происхожденіе этого памятника. Въ своемъ „Словѣ“ Даніилъ затрогиваетъ и обличаетъ весьма многія стороны современной ему жизни и, въ свою очередь, рисуетъ идеалы жизни; понятно, что это произведеніе должно имѣть большую цѣну въ глазахъ историка, хотя и должно къ нему относиться съ значительною осторожностью и критикою, помня, что авторъ его писалъ подъ вліяніемъ раздраженія и страсти, которыя плохо маскируются шутливымъ, насмѣшливымъ тономъ повѣствованія. Описавъ свое

бѣдственное положеніе, Даніилъ проводитъ паралель между княземъ щедрымъ и скупымъ, мужемъ мудрымъ и безумнымъ, рѣзко нападаетъ на княжескихъ должностныхъ лицъ, говоритъ о добрыхъ и злыхъ думцахъ (совѣтникахъ) княжескихъ и, наконецъ, разражается ожесточенною сатирою на злыхъ женъ, въ родѣ слѣдующихъ замѣчаній: „Что есть злая жена? Мірской мятежъ, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы, поборница грѣха, засада спасенія“,—или: „лучше вола ввести въ домъ, нежели взять за себя злую жену: волъ не молвитъ и не мыслитъ зла, а злая жена біема бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ другихъ осуждаетъ“ и т. п. „Слово Даніила Заточника“ представляетъ значительный интересъ и съ точки зрѣнія исторіи русскаго права.

Отъ XVI вѣка дошелъ до насъ въ высшей степени любопытный въ историческомъ и литературномъ отношеніи сборникъ нравоучительныхъ правилъ, извѣстный подъ названіемъ „Домостроя“. Этотъ памятникъ, обыкновенно приписываемый попу Селивестру (въ настоящее время выяснено, что самому Селивестру можетъ быть приписана лишь сравнительно незначительная часть всего памятника), представляетъ намъ замѣчательную картину домашней, семейной жизни нашихъ предковъ и является отраженіемъ нравовъ и идеаловъ этой жизни въ XVI вѣкѣ. Здѣсь находимъ мы правила, касающіяся вѣры и благочестія, наставленія къ „праведному и богобоязненному житію“, изложеніе внутренняго распорядка семейной жизни, отношеній отца семьи къ женѣ, дѣтямъ, слугамъ и всѣмъ, вообще, домочадцамъ, указывается право главы семьи учить и наказывать всѣхъ этихъ лицъ; далѣе слѣдуетъ изложеніе правилъ благоразумнаго домоводства, распредѣленіе занятій и работъ по дому, преподаются совѣты экономическіе и т. п. Такимъ образомъ, Домострой принимаетъ характеръ кодекса домашней, религіозной, семейной и экономической, жизни нашихъ предковъ до эпохи Петровскихъ реформъ, которую онъ пережилъ въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, до настоящаго времени находя себѣ отголосокъ во многихъ слояхъ современнаго намъ общества.

Изъ произведеній словесности XVI вѣка нельзя не упомянуть также о „Посланіи царя Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“, — памятникѣ весьма любопытномъ какъ въ бытовомъ отношеніи, въ особенности для изученія

современнаго состоянія монастырской жизни, такъ и для характеристики личности Грознаго. Посланіе это написано царемъ въ обличеніе монастырскихъ нестроеній и упадка жизни монашествующихъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію слѣдующей группы произведеній древне-русской свѣтской письменной словесности— легендъ и повѣстей.

Легенды могутъ быть въ равной степени отнесены какъ къ произведеніямъ духовной, такъ и къ произведеніямъ свѣтской словесности. Если, съ одной стороны, главными дѣйствующими лицами въ легендахъ являются или святые, или лица, прославившіяся своимъ религіознымъ подвижничествомъ, или лица, оставившія память по себѣ благочестіемъ и праведнымъ житіемъ, то, съ другой стороны, въ легендахъ находимъ мы и чисто мірскія основы повѣствованія—разсказы о замѣчательныхъ историческихъ событіяхъ, семейныя преданія отдѣльныхъ родовъ, многія черты нравовъ, домашняго быта и, вообще, внутренней жизни современнаго общества, причемъ повѣствованіе принимаетъ обыкновенно чудесный характеръ, въ которомъ истинныя происшествія смѣшиваются съ вымыслами и часто принимаютъ эпическую окраску. Легенды были въ древнемъ отечествѣ нашемъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ и любимыхъ предметовъ чтенія. Какъ сама древне-русская жизнь находилась подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ духовно-религіозныхъ идеаловъ и воззрѣній, такъ и въ легендахъ можно видѣть начало свѣтской повѣствовательной словесности, подчиненной еще условіямъ и требованіямъ духовной словесности.

Изъ легендъ могутъ быть отмѣчены, какъ наиболѣе замѣчательныя: „Ростовская легенда объ Ордынскомъ царевичѣ блаженномъ Петрѣ“, по содержанію своему относящаяся къ XIII вѣку и весьма любопытная въ историко-юридическомъ отношеніи, такъ какъ въ ней описывается тяжба передъ ханскимъ посломъ ростовскаго Петропавловскаго монастыря съ ростовскими удѣльными князьями изъ за земли и озера; далѣе смоленская легенда „О св. Меркуріи“, въ которой повѣствуется о чудесномъ спасеніи Смоленска отъ нашествія Батыя; „Легенда о двухъ сестрахъ Маріи и Маѳѣ“, являющаяся протестомъ противъ господствовавшаго въ древне-русской жизни обычая мѣстничества и родовыхъ счетовъ, а съ другой стороны рисующая идеалъ взаимной любви и привязанности

двухъ сестеръ, разлученныхъ мѣстническими спорами мужей своихъ; весьма важна также въ историческомъ отношеніи „Легенда о Муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи“, живо рисующая положеніе князя удѣльно-вѣчевой эпохи, его отношенія къ своимъ вельможамъ и дающая не мало цѣнныхъ бытовыхъ указаній, а съ другой стороны идеализирующая супружескую вѣрность и любовь даже за предѣлами земной жизни.

Что касается свѣтскихъ повѣстей, то этотъ видъ произведеній письменной словесности не могъ получить въ древней Руси вполнѣ самостоятельнаго развитія: этому препятствовало господствовшее духовно-религіозное направленіе развитія русской книжности. Тѣмъ не менѣе, древняя русская литература даетъ намъ довольно значительное количество отдѣльныхъ повѣстей или сказаній, часто составленныхъ не только современниками, но даже очевидцами описываемыхъ событій,—а отсюда понятнымъ становится, что произведенія этого рода, болѣе или менѣе подробно излагая извѣстныя событія, вмѣстѣ съ тѣмъ воспроизводятъ, въ живомъ разсказѣ, бытовыя стороны и условія современной жизни, недоступныя для сжатаго и сухаго лѣтописнаго повѣствованія.

Отдѣльныя сказанія сохранились до нашихъ дней отъ древней Руси, главнымъ образомъ, въ лѣтописяхъ, куда они заносились составителями послѣднихъ, а также и въ различнаго рода литературныхъ сборникахъ. Присутствіе такихъ сказаній въ лѣтописяхъ можно прослѣдить по самому языку и способу изложенія ихъ: языкъ и изложеніе лѣтописнаго разсказа рѣзко измѣняется и оживляется, какъ скоро мы дочитываемся до повѣствованія о какомъ либо событіи, заимствованнаго изъ отдѣльнаго сказанія. Разсматривая составъ нашей начальной лѣтописи, мы имѣли уже случай замѣтить, что слѣды присутствія въ ней отдѣльныхъ сказаній являются весьма ощутительными. Еще значительнѣе и яснѣе сказывается присутствіе отдѣльныхъ сказаній въ лѣтописяхъ, продолжающихъ начальную; сюда относятся напримѣръ: сказаніе объ убіеніи великаго князя Андрея Боголюбскаго, о походѣ Игоря Святославича на половцевъ, о битвѣ при рѣкѣ Липицѣ (1216 г.) и др. Изъ самостоятельныхъ сказаній той же эпохи особенно выдѣляется извѣстное „Слово о полку Игоревѣ“, въ которомъ передается изложенный въ эпической формѣ

разсказъ о походѣ въ 1185 г. на половцевъ сѣверскаго князя Игоря Святославича и о его плѣнѣ въ землѣ Половецкой; это „Слово“ особенно цѣнно сохранившимися въ немъ воспоминаніями о древнѣйшемъ миѳическомъ и героическомъ періодахъ жизни нашихъ предковъ.

Весьма богата отдѣльными сказаніями эпоха татарскаго погрома; бѣдствія этой тяжелой эпохи живо отразились и въ современной письменной словесности. Зло, нанесенное русской землѣ татарами—съ одной стороны, и доблести князей, бывшихъ въ ту пору защитниками и страдальцами за русскую землю—съ другой стороны, давали обильную пищу для русскихъ повѣствователей XIII — XV вѣковъ. Къ этому кругу сказаній относятся: сказаніе о Батыевомъ нашествіи на русскую землю, сказаніе объ убіеніи князя Михаила Черниговскаго въ Ордѣ, сказаніе объ убіеніи князя Михаила Тверскаго ханомъ Узбекомъ, сказаніе о взятіи Москвы Тохтамышемъ, повѣсть о чудесномъ избавленіи Москвы отъ нашествія Тамерлана и нѣсколько сказаній о Куликовской битвѣ,—бывшихъ особенно распространенными въ древней Руси. Къ началу татарской эпохи относятся по своему содержанію и два псковскихъ сказанія: сказаніе о подвигахъ князя Александра Невскаго и сказаніе о псковскомъ князѣ Довмонтѣ. Отъ XV столѣтія сохранилась повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ, приписываемая іеромонаху Симеону, бывшему на этомъ соборѣ, а отъ конца этого столѣтія—вошедшее во многія лѣтописи сказаніе о войнѣ Іоанна III съ Великимъ Новгородомъ и о паденіи послѣдняго. Отъ начала XVI столѣтія имѣемъ мы сказаніе о паденіи Пскова, а отъ второй половины этого вѣка нѣсколько сказаній о паденіи Казани. Не касаясь цѣлаго ряда другихъ повѣстей и сказаній XV—XVI вѣковъ, приближающихся къ чисто историческимъ произведеніямъ (напримѣръ: повѣсть о созданіи и взятіи Цареграда, повѣсть о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, сказаніе Ивана Пересвѣтова о турскомъ царѣ Магомедѣ, сказаніе о Петрѣ, волосскомъ воеводѣ и др.), отмѣтимъ лишь, что большая часть этихъ повѣствованій не представляетъ интереса для изслѣдователя древней бытовой исторіи нашихъ предковъ, да и самое содержаніе ихъ не всегда оригинально, являясь переводнымъ или компилятивнымъ. Болѣе замѣчательны повѣсти XVII вѣка, нерѣдко почерпаемыя изъ обыденной

жизни и изображающія нравы и современное состояніе русскаго общества. Сюда относятся, напримѣръ: „Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ“, „Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи“ и, наконецъ, „Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Ордына-Нащокина Аннушкѣ“,—повѣсть непосредственно выхваченная изъ современной внутренней жизни русскаго общества и составляющая уже переходъ къ роману.

Послѣдній видъ произведеній свѣтской письменной словесности представляютъ описанія путешествій русскихъ людей въ чужія края и, преимущественно, въ мѣста священныя. Этимъ описаніямъ путешествій присваивается особое названіе хожденій. Въ этихъ хожденіяхъ авторы ихъ передаютъ свои путевыя впечатлѣнія, описываютъ всѣ тѣ предметы, которые болѣе или менѣе поражали ихъ своею святостью или невиданностью, и весьма часто высказываютъ свои собственныя мысли и взгляды по тѣмъ или другимъ вопросамъ, часто мѣтко характеризующія современное міровоззрѣніе русскаго человѣка. Древнѣйшими изъ подобнаго рода описаній представляются: „Хожденіе въ Іерусалимъ игумена Даніила“, относящееся къ XII вѣку, и относящееся къ концу того-же вѣка „Хожденіе въ Царь-Градъ новгородскаго архіепископа Антонія“. Къ XIV вѣку относятся: „Хожденія въ Іерусалимъ и Царьградъ“ новгородца Стефана, діакона Игнатія и дьяка Александра; къ XV вѣку—„Хожденія“: іеродіакона Зосима—по святымъ мѣстамъ, іеромонаха Симеона — въ Италію, на Флорентинскій соборъ. и, наконецъ, въ высшей степени замѣчательное „Хожденіе въ Индію тверскаго купца Аѳанасія Никитина“. Изъ путешествій XVI вѣка сохранилось описаніе путешествія въ Іерусалимъ. Египетъ и на Синай московскихъ купцовъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова, посланныхъ въ эти мѣста царемъ Іоанномъ Грознымъ съ милостынею на поминовеніе души убитаго имъ сына. Изъ путешествій XVII вѣка извѣстны: путешествіе въ Грецію и Палестину строителя Богоявленскаго монастыря Арсенія Суханова (названное имъ „Проскинитаріей“), путешествіе въ 1634 году въ Палестину и Египетъ казанца Василія Гагары, путешествіе въ 1623—1624 гг. въ Персію купца Ѳедота Котова и, наконецъ, описаніе посольства въ Китай Ѳедора Байкова, сибирскаго воеводы, относящееся къ 1654 году.

Къ числу произведеній свѣтской письменной словесности должны быть отнесены и біографіи, въ смыслѣ жизнеописаній дѣятелей, оставившихъ свой слѣдъ на поприщахъ служенія государству, церкви, наукамъ, литературѣ или искусствамъ; само собою разумѣется, что біографіи являются источникомъ для историческаго знанія на столько, на сколько находятся въ нихъ указанія на различнаго рода историческія событія или на сколько отражаются въ нихъ современный бытъ, современное состояніе и условія общественной жизни. Въ древней Россіи біографіи государей и замѣчательныхъ дѣятелей обыкновенно включались въ лѣтописи; въ послѣднихъ часто можно находить слѣды біографій, большею частью съ характеромъ некрологовъ, относительно которыхъ можно думать, что онѣ заимствованы сюда изъ другихъ источниковъ и, главнымъ образомъ, изъ надгробныхъ словъ. Въ новой Россіи имѣютъ свои біографіи почти всѣ болѣе или менѣе выдающіеся государственные и общественные дѣятели. Весьма важный матеріалъ представляютъ, напримѣръ, для русской исторіи и для исторіи русскаго права, описанія царствованія отдѣльныхъ государей; сошлемся, для образца, на трудъ Голикова: „Дѣянія Петра Великаго", представляющій собою цѣлую энциклопедію русскаго историческаго знанія для послѣдней четверти XVII и для первой четверти XVIII вѣковъ. Ни одинъ историкъ-юристъ не обойдетъ, затѣмъ, біографій графа М. М. Сперанскаго, графа Н. С. Мордвинова, графа Д. Н. Блудова и другихъ государственныхъ дѣятелей, оставившихъ по себѣ видный слѣдъ въ области законодательства и политики. Перечисленіе хотя бы главнѣйшихъ біографій, имѣющихся въ русской литературѣ, не можетъ войти въ рамки нашего изложенія, тѣмъ болѣе что, съ точки зрѣнія нашей науки, огромное большинство ихъ представляетъ лишь общій интересъ.

ГЛАВА V.

Записки и письма современниковъ.

Записки современниковъ, какъ историческій источникъ. — Записки князя А. М. Курбскаго.—Сказаніе Авраама Палицына, Рукопись Филарета и записки кн. Шаховскаго.—Григорій Котошихинъ и Юрій Крыжаничъ.—Никонъ Шушеринъ и протопопъ Аввакумъ.—Записки конца XVII и начала XVIII вѣ-

ковъ.—Записки позднѣйшихъ эпохъ.—Письма современниковъ, какъ источникъ историческаго знанія.—Письма русскихъ государей и особъ царскаго рода.

Подъ записками (мемуарами) современниковъ разумѣются повѣствованія объ извѣстныхъ событіяхъ лицъ, или бывшихъ очевидцами этихъ событій, или же слышавшихъ о нихъ отъ другихъ лицъ, а равно почерпнувшихъ непосредственныя свѣдѣнія объ описываемыхъ событіяхъ изъ какихъ либо другихъ источниковъ. Значеніе подобнаго рода записокъ, въ качествѣ источниковъ историческаго знанія—очевидно: авторы ихъ жили въ описываемую эпоху, имѣли болѣе или менѣе близкое отношеніе или къ самымъ событіямъ, въ нихъ воспроизводимымъ, или-же къ лицамъ, игравшимъ активную роль въ этихъ событіяхъ; вслѣдствіе этого въ запискахъ находимъ мы отраженіе того впечатлѣнія, которое произвели на современниковъ тѣ или другія событія, находимъ указанія на непосредственное отношеніе ихъ къ жизни общества, знакомимся, наконецъ, съ такими подробными и, нерѣдко, закулисными чертами описываемыхъ событій, свѣдѣнія о которыхъ не могутъ быть почерпнуты ни изъ какихъ другихъ источниковъ оффиціальнаго характера.

Записки или мемуары современниковъ впервые появляются въ русской литературѣ лишь съ половины XVI столѣтія,—и первымъ памятникомъ подобнаго рода представляется исторія царя Іоанна IV, принадлежащая князю Андрею Михаиловичу К у р б с к о м у, извѣстному опальному боярину Грознаго царя, эмигрировавшему въ Литву и отсюда начавшему свою ожесточенную и страстную полемику съ царемъ.

Въ подлинникѣ сочиненіе князя Курбскаго имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Исторія князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима“; этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ десять главъ, содержащихъ жизнеописаніе царя Іоанна IV, начиная съ самаго дѣтства и кончая 1578 годомъ, при чемъ съ особенною подробностью останавливается авторъ на дѣятельности Сильвестра и Адашева и на покореніи Казанскаго царства. Не смотря на страстность, которою проникнуто все сочиненіе князя Курбскаго и которая объясняется личными отношеніями автора къ царю Іоанну,—произведеніе это занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду источниковъ древней

русской исторіи, вообще, и исторіи царствованія Іоанна Грознаго, въ частности, хотя, конечно, пользоваться имъ слѣдуетъ съ извѣстною степенью осторожности. „Исторія“ князя Курбскаго напечатана Устряловымъ, вмѣстѣ съ перепискою его съ Грознымъ, въ изданныхъ имъ „Сказаніяхъ князя Курбскаго“ (Спб. 1833 года, второе изд. 1842 года, третье—1868 года).

Слѣдующимъ по времени памятникомъ разсматриваемаго нами рода представляется „Сказаніе объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря“, составленное Аврааміемъ Палицинымъ, бывшимъ келаремъ этого монастыря; сочиненіе Палицина—весьма важный источникъ для исторіи смутнаго времени на Руси и, въ частности, для исторіи знаменитой осады Троицко-Сергіевой Лавры поляками, представляющейся однимъ изъ выдающихся эпизодовъ этой эпохи (Сказаніе это было дважды издаваемо въ свѣтъ—въ 1784 и 1822 годахъ). Къ эпохѣ того же смутнаго времени относится произведеніе, извѣстное въ исторіи русской литературы подъ названіемъ „Рукописи Филарета“ (такъ какъ оно приписывается патріарху Филарету Никитичу) и обнимающее собою событія съ 1606 по 1613 годъ; рукопись эта дошла до насъ не въ полномъ видѣ своемъ (издана Мухановымъ въ 1837 году отдѣльно, а затѣмъ вошла во второе изданіе составленнаго имъ историческаго „Сборника“). Къ первой же половинѣ XVII вѣка относятся „Записки князя Семена Шаховскаго“, весьма важныя для исторіи современной внутренней жизни русскаго общества; онѣ обнимаютъ собою періодъ времени съ 1601 по 1649 годъ (изданы въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1830 года, часть пятая).

Къ началу второй половины XVII вѣка, слѣдовательно къ эпохѣ царствованія Алексѣя Михаиловича, относится сочиненіе „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича“, подъячаго Посольскаго приказа Григорія Котошихина. Подвергнувшись на родинѣ служебнымъ непріятностямъ, Котошихинъ въ 1663 году бѣжалъ въ Польшу, а затѣмъ поселился въ Стокгольмѣ, гдѣ и написалъ свое знаменитое сочиненіе о Россіи, въ которомъ онъ мастерскою рукою начертываетъ полную и обстоятельную картину современнаго государственнаго, административнаго, а, отчасти, и общественнаго быта Московскаго государства въ половинѣ XVII вѣка. Со-

чиненіе Котошихина—источникъ неоцѣненной важности для русскаго историческаго знанія и ни одно историко-юридическое изслѣдованіе въ области XVII вѣка не можетъ обойти его вниманіемъ; оно объясняетъ весьма многіе, на первый взглядъ темные, вопросы русской исторіи и исторіи русскаго права этой эпохи, которые не могутъ быть уяснены другими историческими памятниками. Сочиненіе Котошихина въ подлинникѣ хранится въ библіотекѣ Упсальскаго университета, гдѣ и было открыто профессоромъ Гельсингфорскаго университета М. А. Соловьевымъ; оно было трижды издаваемо Археографическою Коммиссіею—въ 1841, 1859 и 1884 годахъ.

Другое сочиненіе, рисующее намъ состояніе Россіи въ половинѣ XVII вѣка—это сочиненіе Юрія Крыжанича, хорвата по происхожденію, вызваннаго въ 1658 году въ Москву. Сочиненіе Крыжанича замѣчательно тѣмъ, что авторъ его, рисуя недостатки современной жизни Московскаго государства, не ограничивается простымъ ихъ констатированіемъ, но стремится указать средства къ ихъ исправленію, держась при этомъ на почвѣ политико-экономической; по своимъ личнымъ убѣжденіямъ, Крыжаничъ является представителемъ панславизма. Сочиненіе Крыжанича издано въ 1860 году Безсоновымъ подъ заглавіемъ: „Русское государство въ половинѣ XVII вѣка“, въ приложеніи къ журналу „Русская Бесѣда“.

Сочиненія Котошихина и Крыжанича непосредственно дополняются трудомъ нашего экономиста—самоучки, крестьянина Ивана Посошкова, написавшаго въ исходѣ первой четверти XVIII вѣка въ высшей степени интересный политико-экономическій трактатъ: „О скудости и богатствѣ“ (изданъ М. П. Погодинымъ въ М., 1842 г.), посвященный имъ Петру Великому. Въ этомъ сочиненіи Посошковъ разсматриваетъ, въ 9-ти главахъ, всѣ важнѣйшія стороны государственнаго, экономическаго, общественнаго и правоваго строя русскаго государства, явившіяся еще всецѣлымъ наслѣдіемъ XVII в., отмѣчаетъ недостатки этого строя, рѣзко бичуетъ ихъ и указываетъ средства ихъ исправленія, не разъ высказывая здравыя политическія и экономическія сужденія. Этотъ трудъ весьма важенъ для характеристики того состоянія, въ которомъ находилось русское государство на рубежѣ Московскаго періода и эпохи Петровскихъ реформъ. Здѣсь главы: 3-я—„о правосудіи“, 6-я—„о разбойникахъ“ (уголов-

ное право) и 7-я—„о царскомъ интересѣ“, представляютъ непосредственный интересъ для исторіи русскаго права, хотя историко-юридическія данныя во множествѣ разбросаны и по остальнымъ отдѣламъ книги.

Ко второй половинѣ XVII вѣка относятся два сочиненія, имѣющія соотношеніе къ исторіи русскаго раскола и, въ частности, къ дѣятельности патріарха Никона. Первое изъ нихъ—это „Житіе святѣйшаго патріарха Никона“, составленное его келейникомъ Шушеринымъ, отличающееся пристрастностью къ патріарху и стремящееся идеализировать его личность (издано въ 1784 году). Напротивъ, второе сочиненіе принадлежитъ врагу Никона и извѣстному расколоучителю, протопопу Аввакуму; это сочиненіе весьма важно для выясненія внутренняго состоянія русскихъ областей въ описываемую эпоху и тѣхъ условій жизни, которыя, на первыхъ порахъ возникновенія раскола, содѣйствовали быстрому его распространенію (издано въ 1861 году подъ заглавіемъ: „Житіе протопопа Аввакума“).

Конецъ XVII вѣка ознаменовался, какъ извѣстно, многими нестроеніями во внутренней жизни Московскаго государства: борьба Петра I съ царевною Софіею, стрѣлецкіе бунты и движенія раскольниковъ — не могли не отзываться, такъ или иначе, на умахъ современниковъ. И, дѣйствительно, до насъ дошло нѣсколько произведеній, изъ которыхъ можемъ мы видѣть, какъ относились къ событіямъ этой эпохи представители различныхъ партій, образовавшихся въ средѣ современнаго русскаго общества. Представителемъ партіи Петра и Нарышкиныхъ является Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (впослѣдствіе графъ, 1666—1728 г.), оставившій намъ свои записки, изданные И. П. Сахаровымъ въ его „Запискахъ русскихъ людей“ (Спб. 1841 г.). Представителемъ партіи царевны Софіи является Сильвестръ Медвѣдевъ, казненный Петромъ въ 1689 году; записки Медвѣдева изданы также въ „Запискахъ русскихъ людей“ Сахарова. Къ концу XVII и къ началу XVIII вѣка относятся записки Желябужскаго, весьма важныя съ точки зрѣнія исторіи русскаго права (изданы въ томъ же сборникѣ Сахарова).

Съ первой половины XVIII вѣка количество сохранившихся до нашихъ дней записокъ современниковъ постепенно увеличивается—и мы должны отказаться отъ мысли предста-

вить болѣе или менѣе цѣлостное ихъ перечисленіе, чтобы не обременить вниманія читателя безконечнымъ рядомъ фамилій, годовъ и событій. Ограничимся, вслѣдствіе этого, указаніемъ лишь важнѣйшихъ произведеній этого рода.

Въ эпохѣ Петра Великаго относятся: „Записки объ Азовскомъ походѣ“ (изданы въ 1773 году Рубаномъ), приписываемыя самому боярину Шеину, бывшему главнымъ воеводой въ этомъ походѣ, и „Журналъ Петра Великаго“ (изданъ княземъ Щербатовымъ въ 1770—1772 годахъ), представляющій собою подробное описаніе войны со шведами и веденный Макаровымъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого государя. Изъ записокъ первой половины XVIII вѣка замѣчательны: произведенія извѣстнаго Ѳеофана Прокоповича, оставившаго намъ описаніе кончины Петра Великаго, краткую исторію этого государя до Полтавской битвы и „Исторію объ избраніи и восшествіи на престолъ императрицы Анны Ивановны“; „Записки Ив. Ив. Неплюева“, начинающіяся съ эпохи Петра I и доведенныя до самой смерти автора (въ 1773 году) и „Записки Василія Алексѣевича Нащокина“, обнимающія собою, приблизительно, то-же пространство времени; „Записки княгини Наталіи Борисовны Долгорукой“, относящіяся къ началу царствованія Анны Ивановны; „Записки фельдмаршала Миниха“, извѣстнаго государственнаго дѣятеля второй четверти XVIII вѣка и др. Ко второй половинѣ XVIII вѣка (отчасти захватывая, однако, и конецъ первой половины его) относятся: „Записки князя Я. П. Шаховскаго“, „Записки“ М. В. Данилова и А. Т. Болотова, хорошо очерчивающія внутреннюю жизнь русскаго дворянства прошлаго столѣтія; записки княгини Е. Д. Дашковой, извѣстной сподвижницы Екатерины II и президента Академіи Наукъ; записки Е. А. Порошина, воспитателя императора Павла Петровича, описывающія ученіе и дѣтскія занятія этого государя и мѣтко характеризующія современную придворную жизнь. Для исторіи Пугачевскаго движенія цѣнный матеріалъ представляютъ записки П. И. Рычкова, Бибикова и Державина, причемъ послѣднія обнимаютъ собою всю жизнь поэта. Для эпохи Екатерины II важны также записки: Храповицкаго, фонъ-Визина, Тимковскаго (важны для исторіи Московскаго университета), Лопухина (важ-

ны для исторіи массонства въ Россіи), тенденціозное сочиненіе историка князя М. М. Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ и др.

Для эпохи царствованія Павла I-го большую цѣну представляютъ записки Кутлубицкаго, Саблукова и князя Репнина.

Для исторіи царствованія Александра I-го имѣемъ мы записки адмирала А. С. Шишкова, бывшаго впослѣдствіе министромъ народнаго просвѣщенія, воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, записки С. Н. Глинки, Штейнгеля, Давыдова, Ермолова и Раевскаго, важныя для исторіи войнъ первой четверти XIX столѣтія. Для исторіи образованія въ началѣ текущаго столѣтія, а также и для характеристики внутренней жизни русскаго общества, весьма важна „Семейная хроника и воспоминанія“ С. Т. Аксакова. Для исторіи литературы въ первой половинѣ текущаго столѣтія имѣемъ мы записки: Н. И. Греча, Ѳ. В. Булгарина и К. Ѳ. Калайдовича. Любопытны также записки Н. Н. Тургенева, И. Д. Якушкина и М. А. Бестужева—участниковъ движенія 14 декабря 1825 года. Записки русскихъ людей продолжаютъ непрерывно появляться на страницахъ русскихъ историческихъ журналовъ; особенно много появлялось и продолжаетъ появляться ихъ на страницахъ журналовъ: „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“, „Историческій Вѣстникъ“ и въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Что касается писемъ современниковъ, то значеніе ихъ, въ качествѣ историческаго источника, выясняется уже тѣмъ, что лица, писавшія ихъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣли въ виду послѣдующаго обнародованія ихъ, вслѣдствіе чего свѣдѣнія объ извѣстныхъ событіяхъ или явленіяхъ жизни, а также взгляды на эти событія и явленія, оцѣнка ихъ—высказываются въ письмахъ весьма откровенно, безъ всякаго стѣсненія; письма современниковъ какъ-бы переносятъ насъ въ ихъ эпоху, заставляютъ насъ переживать, вмѣстѣ съ ихъ авторами, всѣ стремленія, взгляды и понятія извѣстной эпохи жизни. Само собою разумѣется, что особый интересъ представляетъ въ историческомъ отношеніи переписка лицъ, жизнь, общественное положеніе или дѣятельность кото-

рыхъ давала имъ возможность стоять болѣе или менѣе близко или къ извѣстнымъ историческимъ явленіямъ, или къ извѣстнымъ историческимъ дѣятелямъ; историки тщательно собираютъ письма подобнаго рода и издаютъ ихъ, или въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, или вмѣстѣ съ ихъ біографіями, записками и произведеніями или, наконецъ, въ историческихъ сборникахъ и журналахъ.

Часть писемъ русскихъ государей, членовъ царскаго дома и различныхъ лицъ, игравшихъ болѣе или менѣе видную роль въ историческихъ событіяхъ до-Петровской Руси, напечатана въ различныхъ собраніяхъ актовъ и другихъ историческихъ матеріаловъ, напримѣръ—въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, въ изданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ и т. п. Отдѣльно издана переписка князя А. М. Курбскаго съ царемъ Іоанномъ Грознымъ, представляющая собою въ высшей степени важный источникъ для исторіи царствованія этого государя; она вошла въ „Сказанія князя Курбскаго" (изданіе Устрялова). Отъ эпохи смутнаго времени не безъинтересна переписка Димитрія Самозванца съ Юріемъ Мнишекъ, переписка Марины съ отцемъ и письма бояръ, бывшихъ выдающимися дѣятелями этой эпохи (напечатаны въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. II, и въ Актахъ Истор., т. II). Для царствованія Михаила Ѳеодоровича имѣемъ мы переписку этого государя съ отцемъ своимъ, патріархомъ Филаретомъ (издана въ книгѣ: „Письма русскихъ государей", Москва, 1848 года); для царствованія Алексѣя Михаиловича—переписку его съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ бояръ и съ Никономъ (собрана въ изданіи Бартенева: „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михаиловича", М. 1856 года). Отъ эпохи Петра Великаго дошло до насъ большое количество писемъ, весьма интересныхъ для исторіи этого царствованія. Письма Петра I весьма часто издавались, какъ отдѣльными сборниками, такъ и въ различнаго рода историческихъ изданіяхъ (напримѣръ: „Собраніе писемъ императора Петра I", изд. Берха, 4 т., 1829—1830 г.; „Письма Петра Великаго къ брату Іоанну и патріарху Адріану", Спб. 1788 г.; также въ исторіяхъ Петра Великаго Голикова и Устрялова и въ весьма многихъ другихъ изданіяхъ и журналахъ). Для исторіи

первой четверти XVIII вѣка представляетъ большую цѣну изданіе: „Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства“ (4 вып., М. 1861—1862 г.), въ которомъ собрана переписка Петра І-го съ Екатериною, переписка царицы Прасковьи Ѳеодоровны и ея дочерей, переписка царевича Алексѣя Петровича и, наконецъ, переписка Анны Іоанновны, въ бытность ея еще курляндскою герцогинею.

Для эпохи Екатерины Великой весьма важна ея собственная переписка, которую она вела съ значительнымъ кругомъ лицъ, какъ за границею, такъ и въ Россіи. Переписка ея съ Вольтеромъ нѣсколько разъ переводилась и издавалась на русскомъ языкѣ; переписку ея съ различными лицами въ самой Россіи найдемъ мы въ изданіяхъ: „Переписка Екатерины II съ разными особами“ (Спб. 1807 г.), „Высочайшія собственноручныя письма и повелѣнія императрицы Екатерины II генералу Еропкину“ (Москва 1808 года); въ „Сочиненіяхъ Екатерины II“ напечатана ея переписка съ Румянцевымъ, княземъ Волхонскимъ и другими лицами; наконецъ, масса писемъ этой государыни издана въ различныхъ журналахъ и историческихъ сборникахъ.

Мы воздерживаемся отъ дальнѣйшаго перечисленія памятниковъ разсматриваемаго вида, дошедшихъ до нашего времени въ громадномъ количествѣ и не перестающихъ въ изобиліи появляться въ русскихъ историческихъ сборникахъ и журналахъ.

ГЛАВА VI.

Сказанія иностранцевъ.

Значеніе памятниковъ этого рода.—Греческіе и римскіе историки.—Византійскіе историки и писатели.—Мусульманскіе географы и путешественники.—Западно-европейскіе писатели до XVI вѣка.—Иностранныя свидѣтельства XVI вѣка.—Источники смутнаго времени.—Писатели XVII вѣка.—Эпоха Петра Великаго.—Иностранныя свидѣтельства XVIII и начала XIX столѣтій.

Намъ остается теперь разсмотрѣть послѣднюю группу источниковъ русскаго историческаго знанія. Это — с к а з а н і я о Р о с с і и и н о с т р а н ц е в ъ. Подъ сказаніями или записками иностранцевъ разумѣются свѣдѣнія, доставляемыя

намъ чужеземными писателями, или лично посѣщавшими наше отечество, или писавшими о немъ по наслышкѣ, на основаніи данныхъ, добытыхъ изъ вторыхъ рукъ. Свѣдѣнія подобнаго рода находимъ мы изложенными или въ произведеніяхъ, спеціально посвященныхъ описанію нашего отечества и тѣхъ или другихъ событій исторической жизни его, или же въ произведеніяхъ, преслѣдующихъ и иныя цѣли, въ которыхъ только мимоходомъ, случайно, можемъ мы найти болѣе или менѣе обильныя свѣдѣнія, могущія дать матеріалъ для русской исторіи.

Записки иностранцевъ справедливо почитаются весьма важнымъ видомъ источниковъ для изученія исторіи. Дѣло въ томъ, что иностранецъ способенъ безпристрастнѣе, объективнѣе относиться ко всему тому, что видитъ и слышитъ онъ въ чужой для него землѣ; наблюдаетъ и описываетъ такія своеобразныя черты и явленія жизни, которыя для туземца кажутся въ высшей степени обыкновенными, будничными, но которыя для иностранца должны были казаться болѣе или менѣе оригинальными и невольно останавливали на себѣ его вниманіе. Но вопросъ о значеніи сказаній иностранцевъ, какъ источникѣ исторіи, имѣетъ и обратную сторону. Иностранецъ можетъ не понять описываемыхъ имъ явленій и чертъ жизни чужаго народа, можетъ судить объ нихъ съ своей національной точки зрѣнія, можетъ разсматривать ихъ внѣ связи со всѣмъ, вообще, строемъ народной жизни—а отсюда въ свѣдѣнія, сообщаемыя иностранцемъ, легко вторгается односторонность и ошибочность сужденій; къ этому слѣдуетъ еще прибавить и то, что иностранцы нерѣдко судятъ о жизни чужаго народа пристрастно, съ предвзятою идеею, а часто даже и съ враждебной точки зрѣнія. Всѣ эти соображенія, не умаляя, конечно, внутренняго значенія этого вида источниковъ—заставляютъ историка относиться къ сказаніямъ иностранцевъ съ высшею степенью осторожности, подвергая почерпаемыя изъ нихъ свѣдѣнія строгой исторической критикѣ; подобныя требованія въ особенности необходимы при пользованіи свѣдѣніями, сообщаемыми о древней Россіи западно-европейскими писателями, которые были весьма склонны смотрѣть на описываемыя ими явленія русской государственной и общественной жизни съ точки зрѣнія превосходства надъ этою жизнью западно-европейской цивилизаціи.

До нашихъ дней дошло весьма большое количество сказаній и записокъ иностранцевъ, какъ посвященныхъ описанію нашего отечества исключительно, такъ и касающихся только отчасти его исторіи. Но нельзя не сознаться, вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ видъ источниковъ весьма мало разработанъ въ русской историографіи: мы не только не имѣемъ русскихъ изданій весьма многихъ источниковъ разсматриваемой группы, но не имѣемъ даже полной библіографіи сказаній иностранцевъ о Россіи.

Къ числу древнѣйшихъ писателей, произведенія которыхъ могутъ служить источниками русской исторіи—относятся, прежде всего, греческіе и римскіе историки, сообщающіе извѣстія о народахъ и племенахъ, обитавшихъ въ древности въ восточной Европѣ, вообще, и на территоріи нынѣшняго отечества нашего, въ частности (скиѳахъ, свевахъ, сарматахъ и другихъ). Сюда относятся: отецъ исторіи Геродотъ Галикарнасскій (IV вѣкъ до Р. Х.), дающій намъ въ своей „Исторіи“ подробное, хотя и баснословное въ деталяхъ своихъ, описаніе народовъ, населявшихъ страны къ сѣверу отъ Чернаго моря, и *Корнелій Тацитъ* (І-й вѣкъ по Р. Х., дающій намъ въ своемъ сочиненіи „Германія“ свѣдѣнія о славянахъ, которыхъ онъ описываетъ подъ названіемъ Свевовъ и Сарматовъ.

Слѣдующими, въ хронологическомъ порядкѣ, иноземными писателями, произведенія которыхъ входятъ въ кругъ источниковъ для изученія русской исторіи—представляются византійскіе историки. Уже по самому географическому положенію своему, Византія весьма рано должна была встать въ близкія, и въ большинствѣ случаевъ враждебныя, отношенія къ славянскимъ племенамъ, населявшимъ восточную Европу; вслѣдствіе этого, начиная съ VI вѣка по Р. Х., въ произведеніяхъ византійскихъ писателей встрѣчаемъ мы любопытныя извѣстія о славянахъ, а начиная съ половины IX вѣка—и о руссахъ. Древнѣйшими изъ византійскихъ писателей, дающихъ свѣдѣнія о славянахъ, являются: Прокопій Кесарійскій (сочиненіе его „О Готской войнѣ“, въ которомъ онъ говоритъ о славянахъ, написано около половины VI-го вѣка), императоръ Маврикій, дающій въ своемъ сочиненіи „Стратегика“ (написанномъ около конца VI вѣка) описаніе лучшихъ способовъ войны съ варварами, а въ томъ числѣ и со славянами, причемъ описываются нра-

вы и обычаи ихъ, и императоръ Левъ Философъ (его сочиненіе „Тактика", въ которомъ описываются нравы славянъ, относится къ концу IX или началу X вѣка). Собственно для древнѣйшей исторіи Россіи, высшую степень интереса представляютъ два сочиненія императора Константина Порфирогенета (р. 905 † 959): „Объ управленіи имперіею", въ которомъ содержатся драгоцѣнныя свѣдѣнія о древнихъ руссахъ и объ ихъ отношеніяхъ къ Византіи, и „О церемоніяхъ византійскаго двора", сочиненіе, въ которомъ, между прочимъ, разсказывается о пріемѣ великой княгини Ольги въ Константинополѣ при императорскомъ дворѣ. Далѣе свѣдѣнія, болѣе или менѣе цѣнныя для древнѣйшей русской исторіи, находимъ мы: у Льва Грамматика (около половины X-го вѣка), Льва Діакона (второй половины X го вѣка), описывающаго войну Византіи съ русскимъ княземъ Святославомъ и присутствовавшаго лично при свиданіи Святослава съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ, Кедрина, Зонара и др. Мы уже знаемъ, что подробная выборка изъ византійскихъ источниковъ всѣхъ свѣдѣній, представляющихъ интересъ для русской исторіи, сдѣлана была еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія Стриттеромъ, подъ заглавіемъ: „Memoriae populorum и проч." (Спб. 1771—1779, 4 т.т).

Далѣе, крайне важны для древнѣйшей славянской и русской исторіи свѣдѣнія, почерпаемыя изъ мусульманскихъ и, главнымъ образомъ, арабскихъ писателей (географовъ и путешественниковъ). Изъ арабскихъ писателей особенно интересны для русской исторіи: Ибнъ-Фодланъ (первая половина X вѣка), посланный халифомъ въ столицу Волжскихъ Булгаръ, для укрѣпленія ихъ въ мусульманствѣ, передъ тѣмъ только что ими принятомъ; здѣсь Ибнъ Фодланъ видѣлъ руссовъ и, въ описаніи своего пребыванія въ булгарской столицѣ, даетъ намъ объ нихъ въ высшей степени любопытныя свѣдѣнія; Аль-Масуди (сочиненіе его „Золотые луга", около половины X вѣка), арабскій путешественникъ, повидимому лично бывавшій въ земляхъ русскихъ славянъ; затѣмъ весьма интересны извѣстія географа Едрисси (перв. полов. XII вѣка), Якута (перв. полов. XIII вѣка), Казвини (вторая полов. XIII вѣка), въ особенности географа Абульфеды (первой половины XIV в.) и др. Из-

влеченіе изъ сочиненій мусульманскихъ писателей всѣхъ извѣстій, имѣющихъ отношеніе къ русской исторіи, сдѣлано въ изданіи А. Я. Гаркави: „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ“ (Спб. 1870 г.). Говоря о свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ мусульманскими писателями, нельзя не замѣтить, что они представляются крайне неясными, сбивчивыми и нерѣдко даже противорѣчивыми, такъ что пользованіе ими представляется въ высшей степени затруднительнымъ и требуетъ большой осмотрительности; многія изъ этихъ свѣдѣній представляютъ непреодолимыя затрудненія не только для историка, но даже и для опытнаго оріенталиста.

Не маловажное значеніе представляютъ для древнѣйшей славянской и русской исторіи и свѣдѣнія, почерпаемыя изъ западно-европейскихъ писателей. Здѣсь мы должны отмѣтить: готскаго историка Іорнанда (VI вѣк. по Р. Х.), кремонскаго епископа Луитпранда (второй половины X вѣка), бывшаго въ Константинополѣ въ качествѣ посла и со словъ очевидцевъ повѣствующаго о нашествіи Игоря на Византію, епископа Титмара Мерзебургскаго (нач. XI вѣка), Адама Бременскаго (второй половины XI вѣка), Саксона Грамматика (второй половины XII вѣка) и др. Изъ польскихъ писателей, сообщающихъ свѣдѣнія о Россіи, имѣютъ интересъ: Мартинъ Галлъ (XII вѣка), Янъ Чарнковскій (второй половины XIV вѣка) и, въ особенности, Янъ Длугошъ (второй половины XV вѣка). Желающимъ ближе познакомиться съ извѣстіями иностранцевъ о древнѣйшихъ предкахъ нашихъ, можно рекомендовать весьма обстоятельно составленную книгу В. В. Макушева: „Сказанія иностранцевъ о нравахъ и бытѣ славянъ“, (Спб. 1861 г.).

Съ XIII-го вѣка начинается длинный рядъ извѣстій путешественниковъ, посѣщавщихъ Россію. Опытъ ихъ перечисленія и библіографіи ихъ сочиненій сдѣланъ Аделунгомъ, на нѣмецкомъ языкѣ (изд. въ Спб. въ 1846 году); въ русскомъ переводѣ трудъ Аделунга напечатанъ въ „Чтеніяхъ“, издаваемыхъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (за 1847 и 1848 года). Сверхъ того, въ 1836 году препринято было изданіе „Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи“, но это изданіе остановилось на первомъ томѣ и, такимъ образомъ, далеко не было доведено

до окончанія. Наконецъ, и Археографическая Коммиссія предприняла изданіе „Сказаній иностранныхъ писателей о Россіи“ (въ подлинникахъ).

Рядъ путешественниковъ по Россіи открывается путешествіями къ татарамъ. Значеніе этихъ путешествій важно для насъ не только потому, что они знакомятъ насъ съ нравами и устройствомъ быта татаръ, имѣвшихъ столь близкое соприкосновеніе съ древнею русскою исторіею, но и потому, что путешественники эти проѣзжали въ Орду черезъ русскую территорію и при этомъ оставили намъ нѣкоторыя извѣстія, уже непосредственно касающіяся нашего отечества. Изъ путешественниковъ разсматриваемой группы слѣдуетъ отмѣтить: Плано-Карпини, ѣздившаго въ половинѣ XIII-го вѣка къ хану Гаюку, въ качествѣ посла римскаго папы Иннокентія IV, Рубриквиса, посланнаго къ хану Менгу французскимъ королемъ Людовикомъ IX, и извѣстнаго венеціанскаго путешественника Марко-Поло (втор. половины XIII и перв. четв. XIV в.). Сочиненія иностранныхъ путешественниковъ къ татарамъ изданы были Д. И. Языковымъ подъ заглавіемъ: „Собраніе путешествій къ татарамъ“ (Спб. 1852 г.).

Съ начала XVI вѣка усиливаются сношенія Московскаго государства съ чужими краями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, появляется особенно много записокъ иностранцевъ о Россіи. Такъ, въ первой половинѣ XVI вѣка два раза (въ 1517 и 1525 годахъ) посѣтилъ Москву баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ, въ качествѣ посла австрійскаго императора, и оставилъ въ высшей степени важныя и интересныя записки о современной Россіи, которыя считаются до нынѣ однимъ изъ капитальнѣйшихъ источниковъ для русской исторіи XV и начала XVI вѣковъ; сочиненіе Герберштейна первый разъ издано въ Вѣнѣ въ 1549 году, а русскій переводъ его Анонимова изданъ въ 1866 году подъ заглавіемъ: „Записки о Московіи барона Сигизмунда фонъ Герберштейна“. Во второй половинѣ того же столѣтія (въ 1565 году) посѣтилъ Москву итальянскій купецъ Барберини, такъ же оставившій записки, особенно важныя для исторіи древне-русской торговли. Для той-же эпохи весьма любопытны записки Іеронима Горсея, въ теченіи 18 лѣтъ (1572—1590 г.) жившаго въ Москвѣ и имѣвшаго, такимъ образомъ, возмож-

ность оставить много цѣнныхъ извѣстій о событіяхъ конца царствованія Грознаго и о царствованіи Бориса Годунова, къ которому Горсей находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить донесенія своему правительству австрійскаго посла Іоанна Кобенцеля и записки принца фонъ-Бухау, бывшаго при немъ секретаремъ, которыя имѣютъ соотношеніе къ исторіи третьей четверти XVI вѣка; къ той-же эпохѣ относятся записки іезуита Антонія Поссевина, пріѣзжавшаго въ Россію съ цѣлью пропоганды католицизма. Но самымъ замѣчательнымъ изъ сочиненій иностранцевъ о Россіи конца XVI вѣка—слѣдуетъ, безспорно, считать въ высшей степени интересное сочиненіе Джильса Флетчера, бывшаго въ Москвѣ въ царствованіи царя Ѳеодора Ивановича въ качествѣ посла англійской королевы Елизаветы. Будучи человѣкомъ высоко-образованнымъ и наблюдательнымъ, Флетчеръ въ своихъ запискахъ рисуетъ намъ обстоятельную картину современной государственной и общественной жизни Московскаго государства, хотя нельзя не сознаться при этомъ, что онъ не понялъ многихъ сторонъ этой жизни. Первое изданіе сочиненія Флетчера, предпринятое въ Лондонѣ въ 1591 году, подверглось весьма печальной участи: оно было сожжено по ходатайству купцовъ, торговавшихъ съ Россіею, такъ какъ не совсѣмъ благопріяные отзывы Флетчера о современномъ состояніи русскаго государства могли посѣять неудовольствія между англійскимъ и русскимъ правительствами и повредить только что возникшей передъ тѣмъ торговлѣ англичанъ въ Россіи; понятно, что это первое англійское изданіе сочиненія Флетчера представляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость. Изъ новѣйшихъ изданій сочиненія Флетчера можетъ быть указано изданіе его въ Парижѣ, въ 1864 году, подъ заглавіемъ: „La Russie au XVI siecle“; въ русскомъ переводѣ и въ Россіи сочиненіе Флетчера до сихъ поръ не могло появиться вслѣдствіе цензурныхъ условій, хотя оно и было въ 1867 году издано на русскомъ языкѣ за-границею, подъ заглавіемъ: „О государствѣ русскомъ или образъ правленія русскаго царя, съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны, сочиненіе Флетчера“. Сочиненіе Флетчера не можетъ быть игнорируемо ни однимъ изслѣдованіемъ, занимающимся исторіею Россіи второй половины XVI-го вѣка.

Начало XVII столѣтія и воспослѣдовавшее за нимъ смутное время дали обильный матеріалъ для записокъ иностранцевъ о Россіи. Рядъ записокъ, относящихся къ этой эпохѣ, открывается записками француза Жака Маржерета, вызваннаго на русскую службу въ царствованіе Бориса Годунова, служившаго затѣмъ Димитрію Самозванцу и возвратившагося на родину въ 1606 году, гдѣ онъ и написалъ свое сочиненіе: „Состояніе Россійской державы и великаго княжества Московскаго и пр.“, посвященное королю Генриху IV (первое французское изданіе 1607 года); записки Маржерета справедливо считаются весьма важнымъ источникомъ для русской исторіи конца XVI вѣка и начала XVII вѣковъ. Затѣмъ, къ той-же эпохѣ относятся записки: Конрада Буссова (въ изданіи Устрялова: „Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ“), ошибочно приписывавшіяся Мартину Беру, обнимающія собою событія съ 1584 по 1612 годъ; Георга Паерле, германскаго купца, описавшаго московскія событія 1606—1608 годовъ; Де-Ту, талантливаго французскаго государственнаго человѣка и писателя начала XVII вѣка, хотя никогда лично не бывавшаго въ Россіи, но въ своемъ сочиненіи „Исторія моего времени“ (первое парижское изданіе на латинскомъ языкѣ 1604—1619 г.) сообщающаго много цѣнныхъ извѣстій о современной Россіи, почерпнутыхъ имъ отъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями описываемыхъ событій; дневникъ Самуила Маскѣвича, сражавшагося противъ русскихъ въ рядахъ польскаго войска и оставившаго въ этомъ дневникѣ весьма любопытныя извѣстія о смутномъ времени и, въ частности, о взятіи поляками Москвы и о пребываніи ихъ въ этой столицѣ; наконецъ, дневники польскихъ пословъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго и такъ называемый дневникъ Марины Мнишекъ. Всѣ вышеисчисленныя записки и дневники, касающіеся эпохи смутнаго времени, изданы Устряловымъ подъ заглавіемъ: „Сказанія современниковъ о Димитріѣ Самозванцѣ“ (первое изданіе въ 5-ти томахъ 1831—1834 г.; послѣднее 1859 г., въ 2-хъ томахъ). Къ началу XVII же вѣка относятся записки Исаака Массы, голландскаго географа, лично бывшаго въ Россіи и сообщающаго много любопытныхъ подробностей, касающихся царствованія Бориса Годунова; русское изданіе сочиненія Массы (1874 года) принадлежитъ Археографической Коммиссіи.

Затѣмъ интересныя записки, касающіяся исторіи Россіи въ эпоху смутнаго времени, оставили польскіе вожди Сапѣга и Жолкѣвскій, лично принимавшіе участіе въ польскихъ войнахъ съ Россіею (записки перваго въ „Сынѣ Отечества“ за 1838 годъ, № 1, записки втораго изданы въ 1835 году Мухановымъ подъ заглавіемъ: „Рукопись Жолкѣвскаго“). Въ высшей степени важна также „Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ“, сочиненія шведа Петра Петрея (Петръ Петрей де-Ерлезунда), содержащая въ себѣ любопытный очеркъ внутренней жизни русскаго общества конца XVI и начала XVII вѣка, а также описаніе важнѣйшихъ историческихъ событій, имѣвшихъ мѣсто до воцаренія Михаила Ѳеодоровича; сочиненіе Петрея издано въ 1867 году Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (печаталось также въ 1865—1867 г.г. въ издав. имъ „Чтеніяхъ“).

Переходя къ эпохѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, мы встрѣтимся съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій иностранцевъ о Россіи,—сочиненіемъ, которое является въ числѣ первостепенныхъ источниковъ для изученія жизни русскаго государства и русскаго народа въ XVII вѣкѣ. Это—сочиненіе Адама Олеарія: „Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ“; Олеарій состоялъ въ штатѣ этого посольства сперва въ качествѣ секретаря, а впослѣдствіе—совѣтника. Первое изданіе книги Олеарія, на нѣмецкомъ языкѣ, относится къ 1646 году и, также какъ и послѣдующія три нѣмецкія изданія, снабжено любопытными рисунками городовъ, построекъ, одеждъ, бытовыхъ сценъ и т. п. предметовъ, рисованныхъ съ натуры самимъ Олеаріемъ во время его путешествія; это сочиненіе скоро пріобрѣло извѣстность во всей Европѣ и было переводимо на всѣ новѣйшіе европейскіе языки. Полный русскій переводъ сочиненія Олеарія сдѣланъ П. Барсовымъ и въ 1870 году (къ сожалѣнію безъ рисунковъ) изданъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (въ 1868—1870 годахъ печатался въ издав. имъ „Чтеніяхъ“).

Для эпохи царствованія Алексѣя Михаиловича имѣемъ мы записки барона Августина фонъ Мейерберга, бывшаго въ Россіи съ 1661 по 1663 годъ въ качествѣ посла австрійскаго императора; сочиненіе Мейерберга „Путешествіе въ Московію“, снабженное весьма любопытными

рисунками, представляетъ собою, наравнѣ съ сочиненіемъ Олеарія, въ высшей степени важный источникъ отечественной исторіи XVII вѣка. Далѣе имѣется сочиненіе о Россіи нѣмца Рейтенфельса, жившаго въ Россіи въ 1671—1673 годахъ; извлеченія изъ этого сочиненія напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ“ за 1829 годъ (томы 37 и 38). Затѣмъ отъ той же эпохи сохранилось сочиненіе Самуила Коллинса, въ теченіи 9 лѣтъ (1659—1667 г. проживавшаго въ Москвѣ въ качествѣ лейбъ-медика царя Алексѣя Михаиловича; сочиненіе Коллинса: „Нынѣшнее состояніе Россіи, изложеное въ письмѣ къ другу“ первымъ англійскимъ изданіемъ вышло въ Лондонѣ въ 1667 году; русскій переводъ (П. Кирѣевскаго) изданъ въ 1846 году Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, а также печатался въ томъ-же году въ „Чтеніяхъ“ этого общества. Отъ той-же эпохи дошло до насъ много и другихъ сочиненій иностранцевъ, представляющихъ собою бо́льшій или меньшій интересъ для отечественной исторіи, но мы ограничимся указанными выше важнѣйшими сочиненіями, знакомство съ которыми *безусловно* необходимо для историко-юридическаго изученія XVII вѣка.

Желающимъ познакомиться въ общихъ чертахъ съ сущностью извѣстій о Россіи, заключающихся въ сказаніяхъ иностранцевъ XVI—XVII в.в., мы рекомендуемъ трудъ В. О. Ключевскаго: „Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ“ (Москва 1866), представляющее собою удачный сводъ этихъ извѣстій.

Переходя къ царствованію Петра I, мы остановимся лишь на важнѣйшихъ иностранныхъ писателяхъ, оставившихъ намъ извѣстія о любопытныхъ событіяхъ этого царствованія. Здѣсь первымъ по времени источникомъ этого рода является дневникъ генерала Патрика Гордона, состоявшаго въ русской службѣ въ 1661 года по 1698 годъ и обстоятельно заносившаго въ свой дневникъ все то, что доводилось ему за это время видѣть или слышать замѣчательнаго; сравнительно полное изданіе дневника Гордона имѣется только на нѣмецкомъ языкѣ, на русскомъ-же языкѣ были изданы только отрывки изъ него (какъ напр. въ изданіи Сахарова: „Записки русскихъ людей“). Затѣмъ къ той-же эпохѣ относится дневникъ Іоанна Георга Корба, секретаря австрійскаго посольства, описывающаго эпоху перваго стрѣлецкаго бунта (русскій переводъ напечатанъ въ 1866 и

1867 годахъ въ „Чтеніяхъ“ М. О. Ист. и Др., а также и отдѣльно); записки капитана англійской службы Джона Перри, вызваннаго въ 1698 году на русскую службу и остававшагося въ Россіи до 1715 года (изданы въ 1871 году Московскимъ Общ. Ист. и Др. въ „Чтеніяхъ“ и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ“); записки брауншвейгскаго посла Вебера, жившаго въ Россіи съ 1714 по 1720 годъ, важныя для исторіи Петровскихъ реформъ и изданныя въ русскомъ переводѣ редакціею журналала „Русскій Архивъ;“ записки голштинскаго министра Бассевича, начинающіяся съ 1713 года („Русскій Архивъ“ 1865 г.); дневникъ голштинскаго каммергера Беркгольца, описывающій русскія событія 1721—1725 годовъ (русскій переводъ Амона: „Дневникъ камергера Беркгольца“, въ 4 част., Москва 1859—1850 г.) и др.

Со второй четверти XVIII вѣка къ запискамъ иностранцевъ о Россіи присоединяется еще новый и весьма важный источникъ дипломатическаго характера—донесенія своимъ правительствамъ (депеши) иностранныхъ пословъ-резидентовъ, аккредитованныхъ при русскомъ дворѣ, о важнѣйшихъ событіяхъ русской государственной, придворной и общественной жизни.

Для эпохи Петра II важны депеши и, въ особенности, записки испанскаго посла герцога де-Лиріа (русскій переводъ Языкова: „Записки дюка Лирійскаго“, 1845 г.; депеши его въ изданіи Бартенева „XVIII вѣкъ“, II—III); депеши англійскаго посла Рондо и письма его жены леди Рондо („Чтенія“ М. О. Ист. и Др., 1861 г.; „Письма леди Рондо“, Спб. 1836 года).

Для второй четверти XVIII вѣка, вообще—однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ являются записки Манштейна (по 1744 годъ; русскихъ изданій нѣсколько, лучшее Глинки, 1810 года).

Для царствованія Елизаветы Петровны мы имѣемъ: депеши французскаго посланника Шетарди (П. П. Пекарскаго: „Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи“, Спб. 1862 г.), датскаго посланника графа Линара и др.

Изъ важнѣйшихъ источниковъ того-же рода, для царствованія Екатерины II, мы отмѣтимъ: записки французскаго посла графа Сегюра (русскій переводъ 1865 года), за-

писки принца де-Линя („Письма и мысли принца де-Линя“, М. 1810 г.), депеши англійскаго посла Гариса („Русскій Архивъ“ 1866 года), записки прусскаго майора графа фонъ-Доннеремарка, важныя для исторіи первой турецкой войны, и многія другія.

Для исторіи царствованія Павла I имѣются записки Массона и іезуита Жоржеля.

Для исторіи царствованія Александра I-го важное значеніе представляютъ: автобіографія Лагарпа, воспитателя Александра (Сухомлинова: „Ф. Ц. Лагарпъ“, Спб. 1871 г.), донесенія сардинскаго посланника графа де-Местра, записки принца Евгенія Виртембергскаго, англійскаго военнаго агента Уильсона и др.

Болѣе позднихъ эпохъ мы касаться не будемъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА. СООТНОШЕНІЕ ИСТОРІИ КЪ ДРУГИМЪ НАУКАМЪ. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЯ ДЛЯ НЕЯ ОТРАСЛИ ЗНАНІЯ.

ГЛАВА I.

Способъ пользованія источниками.

Историческая критика.—Отношеніе исторіи къ другимъ отраслямъ знанія.—Философія.—Математическія науки.—Антропологія.—Естественныя науки.—Техническія знанія. — Политико-юридическія науки. — Науки филологическія.—Всеобщая исторія и географія.—Науки богословскія. — Археологическія знанія, вспомогательныя для исторіи и исторіи права.

Мы окончили обозрѣніе источниковъ.

Наше обозрѣніе было-бы не полно, если-бы мы не остановились еще на вопросѣ о способѣ пользованія этими источниками. Дѣло въ томъ, что слѣпо пользоваться всѣми попадающимися подъ руку источниками—невозможно; при такомъ безусловномъ пользованіи ими изслѣдователь можетъ весьма легко дойти до самыхъ грубыхъ ошибокъ, до самыхъ невѣроятныхъ историческихъ выводовъ. Пользуясь источниками, изслѣдователь прежде всего долженъ удостовѣриться въ достовѣрности ихъ, что представляется особенно необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтельства нѣсколькихъ источниковъ, относящихся къ одному и тому-же историческому явленію или событію—оказываются между собою не согласными или когда является основаніе думать, что извѣстное историческое явленіе, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, не могло имѣть мѣста въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ намъ его

свидѣтельство даннаго источника. Во всѣхъ подобнаго рода случаяхъ представляется крайнею необходимостью оцѣнить степень достовѣрности такихъ источниковъ и рѣшить: который изъ нихъ заслуживаетъ большаго довѣрія, или могло-ли историческое явленіе имѣть мѣсто въ томъ именно видѣ, въ какомъ представляетъ намъ его свидѣтельство заподозрѣннаго источника?

Само собою разумѣется, что, давая оцѣнку свидѣтельства извѣстнаго источника или сравнивая разнорѣчивыя свидѣтельства нѣсколькихъ источниковъ, изслѣдователь не въ правѣ руководствоваться своимъ личнымъ вкусомъ, а тѣмъ болѣе не въ правѣ отдавать извѣстному источнику предпочтеніе наугадъ, не давая себѣ труда тщательно провѣрить степень его достовѣрности. Такой способъ пользованія источниками не можетъ претендовать на научность и невольнымъ образомъ ведетъ къ подтасовкѣ и передёржкѣ историческихъ фактовъ, ведетъ къ способу изслѣдованія, который вполнѣ заслужилъ себѣ названіе „шарлатанства въ исторіи".

Причины, отъ которыхъ можетъ зависѣть большая или меньшая степень достовѣрности свидѣтельствъ даннаго источника—могутъ быть весьма различны: такъ, данный источникъ можетъ быть подложнымъ или во всемъ своемъ объемѣ, или въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, причемъ лица, производившія подобнаго рода фальсификацію, могли руководствоваться опять таки весьма разнообразными мотивами (сословные или фамильные расчеты, желаніе провести въ исторіи извѣстную тенденціозную идею, ложно понятые національные интересы, интересы корыстолюбія, непозволительная шутка или желаніе ввести въ заблужденіе ученыхъ и т. п.). Далѣе, недостовѣрность источника можетъ имѣть причиною своею ошибочное пріурочиваніе его не къ той эпохѣ, къ которой онъ на самомъ дѣлѣ относится, а также принятіе за подлинникъ источника (если онъ письменный), на самомъ дѣлѣ являющагося позднѣйшею копіею съ первоначальнаго оригинала; затѣмъ личныя качества, общественное и государственное положеніе лица, бывшаго авторомъ извѣстнаго источника, волновавшія это лицо страсти, одушевлявшіе его идеалы и т. п.

Чтобы яснѣе показать причины, вслѣдствіе которыхъ можетъ страдать достовѣрность того или другаго историческаго источника—мы позволимъ себѣ привести примѣры воз-

можной недостовѣрности или малой достовѣрности источниковъ всѣхъ тѣхъ видовъ, которые выше были разсмотрѣны нами. Такъ, напримѣръ, извѣстный вещественный памятникъ (остатки зданія, курганъ, городище и т. п.) можетъ быть пріуроченъ не къ той эпохѣ или не къ той народности, къ которой онъ на самомъ дѣлѣ относится, или можетъ быть подложнымъ, поддѣльнымъ (старинная рукопись, древняя монета, предметъ каменнаго или бронзоваго вѣка) и т. д. Лѣтописное повѣствованіе или отдѣльное сказаніе можетъ быть не вполнѣ достовѣрнымъ вслѣдствіе недостовѣрности первоначальныхъ источниковъ, которыми пользовался написатель, или вслѣдствіе личныхъ отношеній и субъективнаго склада ума или убѣжденій, которые мѣшали лѣтописцу или автору сказанія безпристрастно относиться къ лицамъ и событіямъ. Памятники государственнаго или юридическаго быта могутъ быть не вполнѣ достовѣрными въ силу своего оффиціальнаго характера или вслѣдствіе борьбы страстей, политическихъ или сословныхъ интересовъ, партій,—борьбы, которая отразилась въ этихъ памятникахъ. Памятники устной, а въ особенности письменной словесности могли дойти до насъ въ искаженномъ или измѣненномъ, сравнительно съ первоначальнымъ оригиналомъ, видѣ, или могутъ невѣрно передавать господствовавшіе въ извѣстную пору народной жизни идеалы, или, наконецъ, могутъ быть подложными во всемъ своемъ составѣ или въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ. Наконецъ, записки и письма современниковъ, также какъ и записки иностранцевъ, могутъ всего болѣе заподозриваться въ недостовѣрности, такъ какъ ни одинъ видъ историческихъ источниковъ не даетъ такого обширнаго поприща для выраженія личныхъ страстей, личныхъ интересовъ, личной точки зрѣнія на тѣ или другія историческія явленія, событія и лица.

Итакъ, историческіе источники, прежде пользованія ими, требуютъ тщательной провѣрки, тщательной оцѣнки своей достовѣрности. Спрашивается теперь: какія-же средства имѣетъ въ своемъ распоряженіи историческая наука для достиженія такой трудной и сложной, повидимому, задачи? Всѣ средства, которыми располагаетъ историческая наука для опредѣленія степени достовѣрности источниковъ своихъ, обнимаются общимъ названіемъ исторической критики.

Врядъ-ли можетъ быть представлена полная система средствъ, могущихъ служить въ рукахъ историка для провѣрки степени достовѣрности того или другаго источника; врядъ-ли можетъ быть установленъ какой либо опредѣленный сводъ правилъ для исторической критики. Въ этой области трудно, даже опасно, строить какія бы то ни было предвзятыя теоріи или хитростные шаблоны; большая или меньшая успѣшность пріемовъ исторической критики, прежде всего и главнымъ образомъ, зависитъ отъ личныхъ, субъективныхъ, качествъ, присущихъ изслѣдователю: степени его общаго и спеціальнаго образованія, ясности и послѣдовательности его мышленія, большей или меньшей опытности его въ пользованіи источниками. Извѣстно, что всякое спеціальное образованіе можетъ быть продотворнымъ только при наличности образованія общаго, служащаго подкладкою, фундаментомъ, для перваго. Нѣтъ въ наукѣ ничего опаснѣе узкаго, укрывшагося въ раковину своей спеціальности, спеціалиста. Это положеніе въ высшей степени оправдывается на спеціальномъ историческомъ образованіи: изученіе совокупности разнородныхъ условій и вліяній, при взаимодѣйствіи которыхъ слагается и развивается народная жизнь, изученіе историческаго развитія присущихъ народу матеріальныхъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ, изученіе исторической роли даннаго народа въ средѣ другихъ народовъ—все это требуетъ весьма солиднаго общаго образованія, требуетъ даже извѣстной энциклопедичности образованія.

Здѣсь опять-таки слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ никакой возможности намѣтить точно ограниченныя, схоластическія рамки для той суммы разнородныхъ знаній, для того объема общаго образованія, которые представляются необходимыми для историка: чѣмъ шире будутъ предѣлы этихъ рамокъ, чѣмъ полнѣе будетъ объемъ общаго образованія историка—тѣмъ болѣе явится гарантій въ правильности его взглядовъ и направленія мышленія, въ удачности его критическихъ пріемовъ, въ успѣшности его историческихъ изслѣдованій. Можно, развѣ только въ видѣ примѣра, указать на связь нѣкоторыхъ сферъ знанія съ наукою исторіи, вообще, и отечественной исторіи, въ частности. Такъ, для историка весьма существенно общее знакомство съ философіею, какъ сферою знанія, изслѣдующею изученіе законовъ дѣятельности человѣческаго духа, и, въ особенности, знакомство съ логикою, т. е. наукою,

изучающею законы нашего мышленія, слѣдовательно—долженствующею лежать въ основѣ всякаго знанія. Можно, далѣе, указать связь всякой науки, вообще, и исторической науки, въ частности, съ математическими науками; математическія занятія развиваютъ наше мышленіе, служатъ для него гимнастикою, укрѣпляютъ наши познавательныя способности, пріучаютъ насъ къ процессу анализа, т. е. изученія отдѣльныхъ, наблюдаемыхъ нами во внѣшнемъ мірѣ явленій, и возведенія ихъ къ общимъ, высшимъ началамъ, и къ процессу синтеза, т. е. разложенія общихъ, высшихъ, началъ на ихъ составные элементы, на явленія, наблюдаемыя нами во внѣшнемъ мірѣ (откуда противоположность двухъ методовъ изученія: аналитическаго, восходящаго отъ частнаго къ общему, и синтетическаго, идущаго противоположнымъ путемъ, т. е. отъ общаго къ частному; эти два метода называются также „индуктивнымъ“ и „дедуктивнымъ“). Физико-естественныя науки весьма важны для историка: ему нерѣдко приходится черпать тѣ или другія свѣдѣнія изъ этихъ научныхъ сферъ. Такъ, для него важна физическая географія, въ виду общеизвѣстнаго положенія, что развитіе и извѣстное направленіе народной жизни весьма тѣсно связаны съ физическою природою населенной народомъ территоріи: близость моря, характеръ береговой линіи, направленіе морскихъ и воздушныхъ теченій, климатъ, гористый или низменный характеръ страны, присутствіе или отсутствіе водныхъ путей—всѣ эти условія непосредственно вліяютъ на складъ народной жизни, слѣдовательно должны приниматься историкомъ во вниманіе. За тѣмъ полезно общее знакомство съ геологіею, т. е. наукою объ образованіи и постепенномъ ходѣ неорганической жизни земнаго шара, и палеонтологіею, т. е. наукою изучающею исторію органической жизни на земномъ шарѣ; изученіе до—исторической жизни данной территоріи, напримѣръ эпохъ каменнаго вѣка — немыслимо безъ этихъ наукъ, къ которымъ предвходитъ также минералогія, дающая намъ средства судить о матеріалахъ, употреблявшихся для выработки каменныхъ орудій, а это въ свою очередь можетъ повести къ дальнѣйшимъ выводамъ относительно разселенія и условій жизни первобытнаго человѣка; для изученія бронзоваго вѣка необходимо содѣйствіе химіи, дающей возможность узнавать составъ бронзы, употребляв-

шейся для выдѣлки орудій, что опять-таки открываетъ возможность дальнѣйшихъ, и въ высшей степени важныхъ, археологическихъ выводовъ. Затѣмъ для историка желательно знакомство съ антропологіею, т. е. наукою о человѣкѣ, вообще, изучающею раздѣленіе человѣка по расамъ и племенамъ, изучающею физическія и духовныя особенности отдѣльныхъ племенъ, дающею намъ, напримѣръ, признаки, благодаря которымъ по черепу можетъ быть опредѣлена принадлежность человѣка къ извѣстной расѣ и даже къ извѣстному племени (краніологія, ученіе о черепахъ—составная часть науки антропологіи) и съ этнографіею, т. е. наукою, изслѣдующею условія физической, духовной и умственной жизни извѣстныхъ народовъ или племенъ; народъ является главнымъ, основнымъ, факторомъ исторіи—отсюда уже ясна необходимость для историка знакомства съ науками, имѣющими своимъ предметомъ изученіе человѣка. Далѣе, историкъ не можетъ игнорировать естественныя науки, посвященныя изученію трехъ царствъ природы—зоологію, ботанику и минералогію: человѣкъ заимствуетъ отъ внѣшней природы всѣ средства, необходимыя ему для жизни, для удовлетворенія присущихъ ему потребностей, слѣдовательно необходимымъ представляется изученіе тѣхъ сферъ природы, изъ которыхъ почерпаетъ онъ эти средства; сюда предвходятъ и науки, указывающія самыя средства извлеченія изъ внѣшней природы благъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей человѣка, какъ-то: агрономія (сельское хозяйство), технологія, горное искусство и т. п. Средства и способы удовлетворенія народомъ его потребностей (преобладаніе земледѣльческой, мануфактурной, или торговой промышленности, большая или меньшая развитость этихъ видовъ промышленности, ихъ характеръ и т. п.) несомнѣнно вліяютъ на условія народной жизни, и, слѣдовательно, историку должны быть не безъизвѣстны самыя основныя, по крайней мѣрѣ, положенія наукъ, занимающихся этими вопросами.

Слѣдующую, въ высшей степени важную сферу знаній, необходимыхъ для историка вообще, не говоря уже объ историкѣ права, представляютъ науки политико-юридическія, изучающія условія жизни человѣка въ обществѣ себѣ подобныхъ людей, происхожденіе и развитіе человѣческаго общежитія, вообще, и условія устройства и жизни выс-

шихъ формъ его — государства и международнаго союза. Уже изъ сдѣланнаго опредѣленія понятія политико-юридическихъ наукъ выясняется тѣснѣйшая связь ихъ съ исторіею даннаго народа; историческая часть этихъ наукъ непосредственно входитъ даже въ составъ исторіи народа, составляетъ органическую часть послѣдней: такъ, исторія права и законодательства, исторія государственнаго устройства, исторія государственной дѣятельности, исторія международныхъ отношеній — все это поглощается общею исторіею народа. Къ политическимъ наукамъ относятся: государственное право, т. е. ученіе о государственномъ устройствѣ, политика (неудачно называемая также полицейскимъ правомъ), т. е. ученіе о государственномъ управленіи, политическая экономія, т. е. наука, изслѣдующая законы образованія, развитія, сохраненія и потребленія народнаго богатства, финансовое право, т. е. ученіе о государственномъ хозяйствѣ, статистика или ученіе о разнообразныхъ силахъ, присущихъ народу и объ ихъ взаимномъ соотношеніи въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ, и международное право, т. е. ученіе о взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными государствами. Къ юридическимъ наукамъ относятся: уголовное право, или ученіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ, гражданское право, или ученіе о правовыхъ отношеніяхъ частныхъ лицъ между собою, и судебное право, или ученіе о судоустройствѣ и судопроизводствѣ въ государствѣ. Сюда же предвходитъ историческое изученіе права, или исторія права, въ широкомъ значеніи этого понятія, знакомство съ которою желательно для историка вообще, и безусловно необходимо для историка права отдѣльнаго народа.

Требуется для историка и знакомство съ филологическими науками, изучающими законы образованія и развитія языка, такъ какъ языкъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ духовной жизни народа; знакомство съ исторіею народной словесности, такъ какъ въ послѣдней выражаются идеалы и міровоззрѣніе народа въ тѣ или другія эпохи исторической жизни его и, наконецъ, знакомство съ иностранными языками, такъ какъ для правильнаго познанія народной жизни необходимо изучать ея развитіе сравнительно съ развитіемъ исторической жизни

другихъ народовъ, слѣдовательно—приходится имѣть дѣло съ историческою литературою послѣднихъ, а съ другой стороны—на иностранныхъ языкахъ изложены и многіе источники отечественной исторіи; вслѣдствіе этой второй причины необходимо для русскаго историка и знакомство съ древними языками—латинскимъ и греческимъ. Для историка русскаго права основательное знакомство съ греческимъ языкомъ весьма желательно и для того, что бы имѣть возможность познакомиться въ подлинникѣ съ памятниками греко-византійскаго права, которымъ суждено было имѣть тѣсное соприкосновеніе съ древнимъ русскимъ правомъ; не всегда удобно изучать эти памятники въ ихъ переводахъ и въ извлеченіяхъ, часто неточныхъ или поставленныхъ особнякомъ отъ общей системы византійскаго права. Отсюда открывается еще одна сфера знанія, необходимая для историка русскаго права: это—исторія и система права римско-византійскаго.

И для русскаго историка, вообще, и для историка русскаго права, въ частности, обязательно, само собою разумѣется, обстоятельное знакомство съ всеобщею исторіею: историческая жизнь каждаго отдѣльнаго народа можетъ быть правильно понята и оцѣнена не иначе, какъ при изученіи ея въ связи съ исторіею всего человѣческаго общежитія и, въ частности, въ связи съ исторіею народовъ, съ которыми входилъ данный народъ въ соприкосновеніе въ тѣ или другія эпохи жизни своей.

Нечего и распространяться, само собоюразумѣется, о томъ, что для историка права даннаго народа—безусловно необходимо глубокое знаніе общей исторіи своего народа, въ которой онъ долженъ быть спеціалистомъ. Что касается связи исторіи русскаго права съ исторіею русскаго народа, вообще—то мы считаемъ этотъ вопросъ въ достаточной мѣрѣ выясненнымъ всѣмъ предшествовавшимъ изложеніемъ нашимъ. Въ связи съ всеобщей исторіею можетъ быть поставлена и политическая географія, съ которою стоитъ она въ самомъ тѣсномъ, органическомъ, родствѣ. Наконецъ, историку нужно знакомство съ богословскими науками, въ особенности съ исторіею церкви и съ каноническимъ правомъ, т. е. церковными законами; религія и церковь имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи народной жизни, вліяютъ на эту жизнь въ самыхъ разнообразныхъ ея отношеніяхъ и историкъ,

изучая эту жизнь, неминуемо долженъ имѣть въ виду подобныя вліянія, изученіе которыхъ можетъ нерѣдко объяснить многія, кажущіяся на первый взглядъ мало понятными, явленія исторической жизни народа. Въ частности, мы уже въ общихъ чертахъ знакомы съ тѣмъ важнымъ значеніемъ, какое представляютъ собою церковь и церковное право въ историческомъ развитіи древняго русскаго права.

Уже изъ сдѣланнаго нами общаго и краткаго очерка соотношенія историческаго знанія къ различнымъ другимъ научнымъ отраслямъ—открывается широта той сферы познаній, которая, въ отдѣльныхъ составныхъ частяхъ своихъ—необходима, въ другихъ же—только желательна для историка. Конечно, такая энциклопедичность знанія представляется только идеаломъ, къ которому должны стремиться дѣятели исторической науки и къ которому отдѣльные изъ нихъ могутъ лишь болѣе или менѣе приблизиться, такъ какъ не всѣ историки родятся съ такими дарованіями и не всѣ достигаютъ такой широты взгляда и разносторонности эрудиціи, какими располагалъ, напримѣръ, великій Бокль. „Могій вмѣстити, да вмѣститъ"—вотъ все, что можно только сказать, начертывая общую систему тѣхъ знаній, которыя стоятъ въ большей или меньшей соприкосновенности съ знаніемъ историческимъ.

Но, кромѣ только что исчисленныхъ нами наукъ, относящихся къ систѣмѣ общаго образованія—существуютъ еще нѣкоторыя сферы знанія, имѣющія уже самое непосредственное отношеніе къ исторіи. Эти сферы и принято называть вспомогательными для исторіи знаніями. Въ этихъ знаніяхъ, столь же необходимыхъ для историка, вообще, какъ и для историка права, въ частности—представляется очень часто возможность строгой и нерѣдко единственно-надежной критики источниковъ. Къ кругу этихъ знаній мы отнесемъ: 1) Архивовѣдѣніе, 2) Древности письменности и языка (палеографія, дипломатика, сферагистика, легсикологія и исторія языка), 3) Хронологію, 4) Историческую географію, 5) Генеалогію и геральдику и 6) Древности быта и права (юридическія древности и бытовая исторія). Весь этотъ кругъ отдѣльныхъ вспомогательныхъ знаній входитъ въ общую область

такъ называемаго археологическаго знанія или археологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Къ краткому очерку этихъ вспомогательныхъ для исторіи и исторіи русскаго права знаній мы въ настоящее время и переходимъ, выдѣливъ тѣ отрасли археологіи, о которыхъ уже было говорено нами выше, въ качествѣ непосредственныхъ источниковъ историческаго знанія.

ГЛАВА II.

Вспомогательныя археологическія знанія.

А) *Архивовѣдѣніе.*—Историческій очеркъ русскаго архивнаго дѣла.—Археологическій институтъ и архивныя коммиссіи.—Обзоръ важнѣйшихъ русскихъ архивовъ.—Б) *Древности письменности и языка.*—Палеографія, дипломатика, лексикологія.—В) *Хронологія.*—Основы русской хронологіи.—Пріемы перевода лѣтоисчисленій.—Г) *Историческая географія.*—Ея связь съ историческимъ знаніемъ, литература и источники.—Д) *Генеалогія и геральдика.*—Историческій взглядъ на генеалогію и геральдику въ Россіи.—Литература предмета.—Е) *Древности быта и права.*—Ихъ взаимная связь.—Литература вопроса.

А.—АРХИВОВѢДѢНІЕ.

Въ своемъ мѣстѣ (см. стр. 172—173), говоря о памятникахъ государственнаго и юридическаго быта, мы уже имѣли случай коснуться въ самыхъ общихъ чертахъ вопроса объ архивахъ и архивовѣдѣніи. Мы видѣли, что подъ „архивами" разумѣются особыя установленія для храненія письменныхъ бумагъ, актовъ и документовъ; подъ „архивовѣдѣніемъ" разумѣется особая отрасль знанія, имѣющая своимъ предметомъ организацію архивнаго дѣла, внесеніе въ эту организацію твердыхъ началъ, общихъ не только въ предѣлахъ одного и того же государства, но, по возможности, во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, съ тѣмъ, что бы сдѣлать эти учрежденія достояніемъ общечеловѣческой науки, изысканіе наиболѣе раціональныхъ способовъ устройства архивовъ, описанія ихъ содержимаго, храненія здѣсь документовъ и приведенія, вообще, архивовъ въ такое положеніе, что бы они могли съ успѣхомъ

выполнять свое не только практическое (въ смыслѣ справокъ въ нихъ по текущимъ административнымъ, процессуальнымъ и инымъ дѣламъ) назначеніе, но и служить доступными источниками историческаго и историко-юридическаго знанія.

Архивы, въ указанномъ выше значеніи этого слова—установленія весьма древнія. Архивы существовали еще въ государствахъ античнаго міра; упоминаніе объ архивахъ, а отчасти и самое содержимое ихъ, дошли до насъ отъ временъ Ассиріи, Вавилона, Мидіи, Египта, Финикіи, Іудеи; архивы существовали въ древней Греціи, Римѣ и особенное развитіе получили въ Византійской имперіи. Королевскіе, феодальные, церковные, монастырскіе и муниципальные архивы имѣлись и въ средніе вѣка, а слѣдомъ за тѣмъ архивное дѣло становится достояніемъ и новыхъ вѣковъ, получивъ особенно широкое развитіе, со второй четверти текущаго столѣтія, во Франціи, гдѣ въ 1821 г. возникаетъ даже особое училище—Ecole des Chartes, имѣющее своимъ назначеніемъ подготовку ученыхъ архивистовъ; впослѣдствіе подобнаго же рода училища основываются и въ другихъ государствахъ, тѣмъ самымъ давъ толчекъ развитію науки архивовѣдѣнія, зачатки которой были положены еще въ XVIII вѣкѣ [1]).

Несомнѣнно, что учрежденія, аналогичныя западно-европейскимъ архивамъ, весьма рано существовали и въ нашемъ отечествѣ, хотя терминъ „архивъ“ (древнѣйшее русское написаніе его — „архива“) появляется у насъ не ранѣе царствованія Петра I. Многое заставляетъ думать, что еще въ эпоху составителя нашей начальной лѣтописи существовало у насъ нѣчто въ родѣ архивовъ; на эту мысль наводятъ договоры съ греками и нѣкоторые другіе акты, въ первоначаль-

[1]) Подробное изложеніе вопросовъ объ архивахъ и архивовѣдѣніи не можетъ войти въ задачи нашего изложенія. Отсылаемъ интересующихся этими вопросами ко второму тому «Энциклопедическаго Словаря» изданія Брокгауза и Ефрона, гдѣ подъ рубриками: «Архивы», «Архивовѣдѣніе», «Археологическіе институты и школы» — читатель найдетъ вполнѣ обстоятельныя свѣдѣнія и литературныя указанія. Этотъ томъ вышелъ подъ редакціею покойнаго директора С.-Петербургскаго Археологическаго Института, проф. И. Е. Андреевскаго, который, повидимому, и былъ авторомъ изложенныхъ подъ этими рубриками статей. См. также статью Н. В. Калачова: «Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство» (Сборн. Госуд. Знаній Безобразова, т. IV).

номъ текстѣ своемъ вошедшіе какъ въ эту лѣтопись, такъ и въ другіе древніе лѣтописные своды. Несомнѣнно, что архивы, въ то время еще нераздѣльные съ библіотеками, имѣлись въ древнѣйшія эпохи и при монастыряхъ, — этихъ истинныхъ хранилищахъ старинной русской книжности. Великій князь Іоаннъ III, отправляясь въ 1471 г. въ новгородскій походъ, беретъ съ собою дьяка Брадатаго, умѣвшаго читать „по старымъ лѣтописцамъ", на основаніи которыхъ этотъ знатокъ письменной старины могъ бы исторически доказать права московскаго князя на Великій Новгородъ. Во Псковѣ, еще въ XV вѣкѣ, имѣлось учрежденіе, подъ наименованіемъ „Ларя Святой Троицы", которымъ завѣдывалъ особый „ларникъ" и которое представляло собою какъ государственный архивъ, такъ и частный архивъ крѣпостныхъ дѣлъ,—въ этомъ послѣднемъ отношеніи аналогичный современнымъ нашимъ нотаріальнымъ архивамъ.

Мы имѣемъ, далѣе, вполнѣ ясныя историческія указанія на существованіе въ Москвѣ, въ XVI-мъ вѣкѣ, особаго государственнаго („царскаго") архива, въ которомъ хранились важнѣйшіе акты внѣшнихъ сношеній и внутренняго управленія. Дошедшее до нашихъ дней описаніе (неполное) этого архива напечатано въ Актахъ Археографической Экспедиціи (т. I, № 289-й) и заключаетъ въ себѣ инвентарь 231-го ящика его,—напримѣръ: „Ящикъ 14-й, а въ немъ грамоты шертныя Махмедъ-Аминевы царевы и Абдулъ - Летифовы царевы съ великимъ княземъ Иваномъ и съ великимъ княземъ Василіемъ, а всѣхъ грамотъ 11"; или: „Ящикъ 20-ый, а въ немъ грамоты латынскимъ письмомъ отъ цесарей, списки черные, а въ книги писаны", или: „Ящикъ 23-ій, а въ немъ книги Астраханскія и Ордынскія, да книги Тюменскія, да тетради Гирѣйскія и Иверскія", или: „Ящикъ 128-й, а въ немъ тетрадь, писаны грамоты жалованныя и посыльныя, и грамоты уставныя разныхъ городовъ, и списки разные" и т. п. Ясно что, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ, болѣе или менѣе систематизированнымъ, государственнымъ архивомъ, который имѣлся при царскомъ дворѣ еще во второй половинѣ XVI вѣка (1575 — 1584 гг.). Архивы, въ смыслѣ собраній старыхъ дѣлъ, велись, затѣмъ, въ теченіи XVI—XVII вѣковъ при всѣхъ московскихъ приказахъ и при областныхъ воеводскихъ управленіяхъ.

Петръ I, обращая дѣятельное вниманіе на организацію всѣхъ сторонъ государственнаго управленія, не оставилъ безъ такого вниманія и вопроса объ архивахъ. 44-ая глава изданнаго имъ Генеральнаго Регламента посвящена именно этому вопросу, причемъ здѣсь опредѣляется имѣть два центральныхъ архива: одинъ, въ вѣдѣніи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, для храненія старыхъ дѣлъ всѣхъ коллегій, не касающихся финансовой части, а другой—финансовый, въ вѣдѣніи Ревизіонъ-Коллегіи, для храненія дѣлъ, „которые касаются приходу и расходу“. По тому же закону, всѣ дѣла должны храниться въ государственныхъ установленіяхъ въ теченіи трехъ лѣтъ, послѣ чего сдаются, подъ росписку архиваріусовъ, въ только что упомянутые центральные архивы.

Въ 1726 году образованъ былъ особый *Государственный Архивъ*, въ который и переданы всѣ дѣла Вотчинной Коллегіи, а при упраздненіи въ 1786 г. этой коллегіи, архивъ получилъ самостоятельное существованіе, подъ наименованіемъ: „Архивъ древнихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ“ (П. С. Зак., № 16307). Въ 1736 г. приняты были мѣры и къ устройству областныхъ архивовъ: въ этомъ году Сенатомъ повелѣно было завести во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ „по двѣ палаты каменныя“, со сводами, съ каменными полами, съ желѣзными дверями и рѣшетками, при томъ въ отдаленіи отъ деревяннаго строенія, одну—для помѣщенія архива, вторую—для храненія денежной казны (тамъ-же, № 6875). Въ царствованіе императрицы Екатерины II, съ введеніемъ новаго Учрежденія для управленія губерній, многія государственныя установленія были упразднены и тогда для храненія старыхъ документовъ ихъ были учреждены два „Архива Старыхъ Дѣлъ“—Петербургскій и Московскій. Впослѣдствіе, въ царствованіе императора Александра I, при реорганизаціи системы государственнаго устройства и управленія, положенія о центральныхъ и областныхъ архивахъ вошли въ Учрежденіе министерствъ и въ Общее губернское учрежденіе.

Не смотря на всѣ эти правительственныя мѣропріятія, раціональная постановка у насъ архивнаго дѣла, въ особенности въ сравненіи съ результатами, достигнутыми въ этомъ отношеніи въ западной Европѣ, гдѣ въ половинѣ текущаго столѣтія образовались уже превосходно и научно поставленные правительственные архивы, контингентъ дѣятелей для кото-

рыхъ постоянно подготовлялся спеціальными училищами— шла очень и очень туго. Говоря о русскомъ архивномъ дѣлѣ, нельзя не помянуть съ благодарностью заслугъ бывшаго профессора, а затѣмъ управляющаго московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи, покойнаго сенатора Н. В. Калачова. Н. В. Калачовъ явился истиннымъ піонеромъ русскаго архивовѣдѣнія. Обстоятельно познакомившись съ постановкою архивнаго дѣла въ западной Европѣ, Калачовъ обратилъ всѣ свои старанія и заботы на реорганизацію примитивнаго положенія этого дѣла въ нашемъ отечествѣ. По иниціативѣ Н. В. Калачова, въ 1872 году, на II-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, постановлено было ходатайствовать объ учрежденіи особой правительственный „Временной коммиссіи для устройства архивовъ", каковая въ слѣдующемъ году и была образована, по Высочайшему повелѣнію, изъ представителей различныхъ вѣдомствъ; коммиссіи удалось собрать не мало данныхъ о состояніи русскихъ центральныхъ и, въ особенности, мѣстныхъ архивовъ, но дѣятельность ея прекратилась въ 1885 году, за кончиною Н. В. Калачова, бывшаго предсѣдателемъ и душею этой коммиссіи.

Покойный Калачовъ постоянно жаловался на отсутствіе у насъ людей, спеціально подготовленныхъ для занятій въ архивахъ и справедливо видѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ тормазъ къ правильной постановкѣ у насъ архивнаго дѣла; онъ всегда лелѣялъ мысль объ учрежденіи у насъ спеціальнаго училища архивовѣдѣнія, аналогичнаго парижской Ecole des Chartes и другимъ европейскимъ учрежденіямъ того же рода. Эта мысль была осуществлена въ 1877 году учрежденіемъ въ С.-Петербургѣ, на частныя средства, особаго Археологическаго Института вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствія котораго торжественно и открылись въ январѣ 1878 года. Въ силу „Положенія объ Археологическомъ Институтѣ", Высочайше утвержденнаго 23 іюля 1877 г., задачею этого учрежденія поставлено „приготовленіе спеціалистовъ по русской старинѣ, для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ"; въ Институтъ, — въ двухлѣтнимъ курсомъ, въ теченіи котораго слушатели изучаютъ архивовѣдѣніе и археологію въ широкомъ смыслѣ этого слова (палеографію, русскія древности бытовыя и юридическія, хронологію, нумизматику, сфра-

гистику, геральдику, древнюю географію и т. п. отрасли знанія),—принимаются лишь лица, окончившія курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Археологическій Институтъ не ограничивается значеніемъ высшаго учебнаго заведенія; онъ принялъ и характеръ ученаго учрежденія, въ силу чего всѣ лица, оканчивающія въ немъ курсъ, получаютъ званіе „дѣйствительныхъ членовъ" Института. Ежемѣсячно Институтомъ устраиваются публичныя собранія для чтенія рефератовъ и научныхъ бесѣдъ; сверхъ того, онъ имѣетъ и свой собственный періодическій органъ, подъ названіемъ: „Вѣстникъ археологіи и исторіи". Первымъ директоромъ Археологическаго Института былъ его учредитель, сенаторъ Н. В. Калачовъ, за кончиною котораго (въ 1885 г.) обязанности директора возложены были на проф. И. Е. Андреевскаго, а за кончиною этого послѣдняго (въ 1891 г.) на А. Н. Труворова, несущаго это званіе по настоящее время.

Другая мысль, которая не переставала занимать собою покойнаго Н. В. Калачова—это приведеніе въ извѣстность и въ порядокъ архивнаго матеріала по губерніямъ. Съ этою цѣлью созданъ былъ имъ планъ цѣлой сѣти губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, Высочайшее утвержденіе которыхъ и послѣдовало 13 апрѣля 1884 года, причемъ на первый разъ открыто было четыре такія коммиссіи въ городахъ: Рязани, Тамбовѣ, Твери и Орлѣ. Основныя задачи коммиссій — составленіе историческихъ губернскихъ архивовъ, собираніе свѣдѣній о мѣстныхъ древностяхъ и содѣйствіе распространенію въ обществѣ историческихъ и археологическихъ знаній. За послѣднее десятилѣтіе былъ учрежденъ еще цѣлый рядъ новыхъ губернскихъ архивныхъ коммиссій, которыя все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ мѣстныхъ историко-археологическихъ ученыхъ обществъ и дѣятельность которыхъ объединяется петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ, гдѣ сосредоточена и отчетность по губернскимъ установленіямъ этого рода.

Переходимъ къ краткому обзору главнѣйшихъ русскихъ архивовъ, причемъ начнемъ этотъ обзоръ съ архивовъ московскихъ, наиболѣе богатыхъ съ точки зрѣнія изученія исторіи русскаго права. Здѣсь, на первомъ планѣ, выдѣляются два обширныхъ учрежденія этого рода: Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Архивъ Министерства Юстиціи.

Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (помѣщается на Волхонкѣ, въ собственномъ, роскошно приспособленномъ, зданіи) основаніемъ своимъ восходитъ къ эпохѣ Петра Великаго, будучи учрежденъ при коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, смѣнившей собою старый московской Посольскій приказъ, всѣ дѣла котораго и были переданы на храненіе въ этотъ архивъ. Богатые матеріалы, хранящіеся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, являются драгоцѣннымъ источникомъ какъ для исторіи русскихъ дипломатическихъ сношеній, такъ и для исторіи нашей внутренней государственной жизни XIV—XVII вѣковъ, заключая въ себѣ массу государственныхъ актовъ и остатковъ приказнаго дѣлопроизводства. Дипломатическіе акты, сохраняющіеся въ этомъ архивѣ, ограничиваются, по времени, 1801-мъ годомъ; акты позднѣйшихъ лѣтъ хранятся въ Петербургскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, такъ что московскій архивъ этого министерства имѣетъ исключительно научно-историческій характеръ. Послѣ своего учрежденія, архивъ этотъ долго не былъ разобранъ и приведенъ въ порядокъ,—вплоть до назначенія въ 1766 году управляющимъ имъ исторіографа Миллера, которому принадлежитъ заслуга перваго устройства „Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ“,—какъ называлось въ то время это учрежденіе; Миллеръ же съумѣлъ придать ему тотъ научный характеръ, который сохраняется за этимъ архивомъ и до нашихъ дней. Не мало потрудились на этомъ поприщѣ и почтенные преемники перваго русскаго исторіографа по управленію архивомъ: Н. Н. Бантышъ - Каменскій (1783—1814 гг.), А. Ѳ. Малиновскій (1814—1840 гг.), князь М. А. Оболенскій (1840 — 1873 гг.) и баронъ Ѳ. А. Бюллеръ (съ 1873 г.) — управляющій имъ по настоящее время. При Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ 1811 года состоитъ уже извѣстная намъ Коммиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. При архивѣ имѣется богатая историческая библіотека и замѣчательная портретная галлерея русскихъ дипломатическихъ дѣятелей.

Московскій Архивъ Министерства Юстиціи (съ 1886 г. помѣщается на Новодѣвичьемъ Полѣ, въ собственномъ новомъ зданіи, приспособленномъ согласно всѣмъ

новѣйшимъ требованіямъ архивовѣдѣнія) сосредочиваетъ въ себѣ производства старинныхъ московскихъ приказовъ, смѣнившихъ ихъ коллегій, Сената за время существованія его съ 1711 по 1801 годъ (сенатскія дѣла за XIX столѣтіе хранятся въ Петебургскомъ архивѣ Сената), затѣмъ дѣлопроизводства различныхъ судовъ, административныхъ установленій и коммиссій и, наконецъ, упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ имперіи (опять таки до 1801 года). Въ настоящемъ видѣ своемъ и подъ настоящимъ названіемъ этотъ архивъ существуетъ съ 1852 года, когда онъ былъ образованъ изъ трехъ отдѣльныхъ архивовъ, существовавшихъ при московскомъ Сенатѣ: а) Государственнаго Разряднаго, сосредоточивавшаго въ себѣ дѣла стараго московскаго Разряда или Разряднаго приказа, вѣдавшаго служилый классъ и дѣла государственной службы, б) Государственнаго Старыхъ Дѣлъ, заключавшаго дѣла Сената, коллегій и приказовъ, и в) Архива Вотчиннаго Департамента, гдѣ хранились дѣла по вотчинному и помѣстному землевладѣнію, оставшіеся наслѣдіемъ стараго Помѣстнаго приказа и смѣнившей его Вотчинной коллегіи. Сосредоточеніе въ Архивѣ Министерства Юстиціи документовъ не закончено и не закончится: это — учрежденіе, въ которое, по истеченіи установленныхъ сроковъ и по надлежащей разборкѣ, препровождаются на храненіе дѣла изъ областныхъ правительственныхъ архивовъ. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи обращаетъ на себя вниманіе и своею издательскою дѣятельностью. Еще въ 30-хъ — 50-хъ годахъ, до его реорганизаціи въ настоящемъ видѣ, появлялись въ свѣтъ какъ описанія вошедшихъ впослѣдствіе въ его составъ отдѣльныхъ архивовъ („Описаніе архива вотчиннаго департамента“, М. 1839, „Описаніе разряднаго архива“, М. 1842, „Описаніе архива старыхъ дѣлъ“, М. 1851), такъ и хранившихся здѣсь историческихъ матеріаловъ („Обозрѣнія писцовыхъ книгъ“ по Московской губерніи, Новгороду и Пскову М. 1840—41, „Алфавитъ фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ“, М. 1853, и др.); большая часть этихъ изданій — результатъ трудовъ прежняго управляющаго соединенными сенатскими архивами, П. И. Иванова. Съ 1869 года, по инціативѣ преемника Иванова по управленію архивомъ, сенатора Н. В. Калачова, которому архивъ весьма много обязанъ настоящимъ своимъ благоустройствомъ, при этомъ учрежденіи пред-

принято изданіе: „Описаніе дументовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи“ (по настоящее время вышло 7 книгъ), въ первой книгѣ котораго данъ указатель хранящихся здѣсь документовъ и бумагъ, по учрежденіямъ и вѣдомствамъ, изъ которыхъ эти послѣдніе сюда поступили; обстоятельно составленное описаніе архива помѣщено и въ его весьма интересной „Памятной книжкѣ“ (М. 1890), изданной при преемникѣ Калачова, проф. Н. А. Попова (1885—1891 г.г.); за кончиною въ 1891 году Попова, должность управляющаго архивомъ занимаетъ въ настоящее время проф. Д. Я. Самоквасовъ. Съ 1887 года въ вѣдѣніе и храненіе Московскаго Архива Министерства Юстиціи передана такъ называемая Литовская Метрика,—т. е. литовско-бѣлорусскій архивъ, хранившійся раньше въ Вильнѣ, затѣмъ въ Варшавѣ, а съ 1796 г. въ Петербургѣ, при 3-мъ департаментѣ Сената.

Оба только что разсмотрѣнные нами московскіе архива — представляютъ собою богатѣйшую и неисчерпаемую сокровищницу русскаго историческаго и историко-юридическаго знанія. Вполнѣ доступные для научныхъ занятій въ нихъ и имѣющіе для этого всѣ необходимыя приспособленія, снабженные описаніями, указателями и, частью, алфавитами къ своему громадному инвентарю, они все болѣе и болѣе становятся неизбѣжнымъ источникомъ для всякаго изслѣдованія въ области XVI—XVIII вѣковъ русской исторической жизни. Покойный С. М. Соловьевъ почти всецѣло черпалъ здѣсь содержаніе послѣднихъ 16-ти томовъ своей „Исторіи Россіи“; безъ содѣйствія этихъ архивовъ не обходились и всѣ выдающіяся изслѣдованія и монографіи послѣдняго времени въ области русской исторіи и исторіи русскаго права.

Московскіе архивы не исчерпываются архивами Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Министерства Юстиціи. Такъ, слѣдуетъ отмѣтить весьма богатый Архивъ Оружейной Палаты, въ которомъ сосредоточены дѣла бывшихъ московскихъ дворцовыхъ приказовъ (имѣется „Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 гг.“, составленное завѣдующимъ архивомъ Оружейной палаты А. Викторовымъ, I, М. 1877), Архивъ Лефортовскаго Дворца, представляющій интересъ для исторіи старинннаго русскаго ратнаго дѣла, и Архивъ Мо-

сковской Синодальной Типографіи („Печатнаго Двора“), важный для исторіи нашего книгопечатнаго дѣла; къ сожалѣнію, первые два архива, благодаря своему малому устройству, почти недоступны для научныхъ занятій въ нихъ.

Переходя къ обзору С.-Петербургскихъ архивовъ, мы на первомъ мѣстѣ поставимъ весьма важный Государственный Архивъ, вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ, заключающій въ себѣ документы и дѣла, касающіяся императорской фамиліи, такъ называемыя кабинетскія дѣла, дѣла политическія и слѣдственныя производства особой государственной важности (наприм. дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ, производство по дѣлу декабристовъ и т. п.); въ виду государственной тайны, которую представляютъ собою многіе документы этого архива, доступъ въ него для научныхъ занятій возможенъ не иначе, какъ съ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Далѣе мы поставимъ: Архивъ Государственнаго Совѣта, помѣщающійся съ 1886 г. въ собственномъ превосходно приспособленномъ домѣ на Милліонной улицѣ (изданіе: „Архивъ Государственнаго Совѣта“, выходитъ съ 1869 г.), Архивъ Правительствующаго Сената („Архивъ Правит. Сената“, изд. П. Баранова, I—II, Спб. 1872—75; „Опись Высочайшимъ указамъ, хранящ. въ С.-Петерб. Сенатскомъ архивѣ за XVIII в.“, I—III, Спб. 1872—78), Архивъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода („Описаніе документовъ и бумагъ хранящ. въ архивѣ св. Синода“, I—VII, Спб. 1869—90), Архивъ Главнаго Военнаго Штаба (съ 1886 г. приступлено къ изданію его „Каталога“). Свои собственные архивы имѣютъ въ Петербургѣ всѣ министерства и главноуправленія, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія по своему благоустройству и богатству Архивы Собственной Е. И. В. Канцеляріи и Архивъ Морскаго Министерства.

Кромѣ столичныхъ, должны быть отмѣчены и нѣкоторые центральные областные архивы: Кіевскій, учрежденный въ 1852 г. при мѣстномъ университетѣ, для губерній кіевской, подольской и волынской, Виленскій, учрежденный тогда же, для губерній виленской, ковенской, гродненской и минской, и Витебскій, одновременный первымъ двумъ, для губерній витебской и могилевской. Изда-

нія этихъ центральныхъ архивовъ въ своемъ мѣстѣ уже были указаны нами (см. выше стр. 176). Научно-поставленные историческіе архивы понемногу составляются, наконецъ, въ тѣхъ городахъ, для губерній которыхъ учреждены за послѣднее десятилѣтіе ученыя архивныя коммиссіи. Мы не будемъ касаться вопроса объ архивахъ губернскихъ правительственныхъ и общественныхъ установленій, учебныхъ заведеній и т. п., большая часть которыхъ находятся въ состояніи, исключающемъ возможность научныхъ занятій въ нихъ, если не принять въ соображеніе архивовъ высшихъ учебныхъ заведеній и сосредоточенныхъ архивовъ окружныхъ судовъ, изъ которыхъ нѣкоторые (укажемъ, для примѣра, на казанскій), находятся въ образцовомъ порядкѣ. Это неудовлетворительное положеніе мѣстныхъ архивовъ не переставало мучить покойнаго Н. В. Калачова, явившагося, по всей справедливости, истиннымъ отцомъ еще юнаго отечественнаго архивовѣдѣнія.

Б.—ДРЕВНОСТИ ПИСЬМЕННОСТИ И ЯЗЫКА.

Въ эту отрасль знанія предвходятъ: палеографія, дипломатика, сфрагистика, лексикологія и исторія языка.

Подъ палеографіею разумѣется совокупность научныхъ свѣдѣній объ историческомъ развитіи письменности —или вообще, или же у даннаго народа. Палеографія знакомитъ насъ съ происхожденіемъ письменъ и алфавита, съ начертаніемъ буквъ въ различныя эпохи народной жизни, съ преемственнымъ переходомъ начертанія ихъ изъ одной формы въ другую (въ древнѣйшей исторіи славянской письменности различаются, напримѣръ, „кириллица“ и „глаголица“, а затѣмъ „уставъ“, „полууставъ“ и „скоропись“ разныхъ эпохъ); знакомитъ съ сокращеніями (титлы или надстрочные знаки), употреблявшимися въ старинной письменности. Далѣе палеографія сообщаетъ намъ свѣдѣнія о матеріалѣ, на которомъ въ старину писали: папирусы, пергаментъ, бомбицина, тряпичная бумага (рукописи, писанныя на пергаментѣ, называются въ русской палеографіи „харатейными“); если рѣчь идетъ о бумагѣ, какъ матеріалѣ для письма, то палеографія даетъ намъ свѣдѣнія о происхожденіи и качествѣ бумаги, о водныхъ знакахъ, находившихся въ ней, и учитъ насъ по этимъ признакамъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, опредѣлять даже время

написанія рукописей, такъ какъ каждому роду бумаги и каждой эпохѣ присущи свои бумажные водные знаки или „филиграни“; палеографія даетъ намъ далѣе свѣдѣнія и о матеріалахъ, которыми писали въ различныя эпохи (качества перьевъ, составъ чернилъ). Затѣмъ палеографія знакомитъ съ внѣшнимъ видомъ старинныхъ рукописей (ихъ форматъ, способъ брошюровки, переплетъ), съ украшеніями въ нихъ употреблявшимися въ различныя эпохи (напримѣръ „заставки“, т. е. виньетки въ началѣ главъ, принимавшія нерѣдко весьма затѣйливую форму; „красныя“, т. е. заголовочныя, буквы; „киноварное письмо“, т. е. писаніе нѣкоторыхъ буквъ и словъ красною краскою) и, вообще, даетъ множество въ высшей степени важныхъ отдѣльныхъ свѣдѣній, съ помощью которыхъ получается возможность не только съ извѣстною достовѣрностью рѣшить вопросъ о подлинности или неподлинности того или другаго письменнаго памятника, но даже съ значительною степенью точности опредѣлить самую эпоху, къ которой онъ относится, если время написанія его возбуждаетъ какое либо сомнѣніе. Съ другой стороны, палеографія даетъ намъ ключъ къ правильному чтенію манускриптовъ, даетъ возможность исправлять въ нихъ погрѣшности, описки и интерполаціи, словомъ —даетъ намъ въ руки вѣрное средство къ критикѣ какъ самаго текста, такъ и внѣшней формы сомнительныхъ манускриптовъ.

Русская палеографія не можетъ похвалиться богатствомъ своей литературы. Въ лицѣ покойнаго И. И. Срезневскаго она потеряла лучшаго, если только не единственнаго, ученаго представителя своего (его труды: „Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи“, Ж. М. Н. Пр. 1867, ч. 133; „Славяно-русская палеографія XI—XIV вв.“, Спб. 1885 и мн. др.). Укажемъ по литературѣ этого предмета труды—Калайдовича и Строева: „Описаніе рукописей библіотеки гр. Толстаго, съ палеографическими таблицами почерковъ XI—XVIII вв.“ (М. 1825), Погодина: „Образцы славяно-русскаго древлеписанія“ (2 тетр. М. 1840—41), Иванова: „Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ почерковъ древняго и новаго письма“ (102 листа снимковъ, М. 1844), затѣмъ Лаптева: „Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ или способъ узнавать по бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи“ (Спб. 1824), Лихачева: „Бумага и древнѣйшія бумаж-

ныя мельницы въ Московскомъ государствѣ", съ атласомъ водныхъ знаковъ (Спб. 1891) и т. д.

Подъ дипломатикою разумѣется совокупность свѣдѣній о древнихъ актахъ и о тѣхъ внѣшнихъ формахъ, въ которыя они облекались; свѣдѣнія подобнаго рода представляются большимъ подспорьемъ для исторической критики въ дѣлѣ опредѣленія подлинности или времени написанія извѣстнаго акта. Дипломатика знакомитъ насъ съ классификаціею и терминологіею старинныхъ актовъ, съ ихъ дѣловымъ слогомъ, съ ихъ внѣшнимъ видомъ (такъ, до начала XVIII вѣка дѣловыя бумаги писались у насъ на „столпцахъ", т. е. узкихъ и длинныхъ свиткахъ, склеенныхъ изъ отдѣльныхъ бумажныхъ листковъ; съ начала же XVIII вѣка дѣловыя бумаги начинаютъ писаться на обыкновенныхъ листахъ и впервые появляется бумага „гербовая"). Далѣе дипломатика сообщаетъ намъ свѣдѣнія о способахъ подписанія, скрѣпы и помѣты актовъ и съ тѣми должностными или частными лицами, которыя производятъ на актахъ эти манипуляціи; знакомитъ съ способами приложенія къ актамъ печатей и съ внѣшнимъ видомъ этихъ послѣднихъ и т. п. Та часть дипломатики, которая заключаетъ въ себѣ ученіе о печатяхъ, носитъ техническое названіе сфрагистики. Въ рукахъ опытнаго археографа дипломатика, въ соединеніи съ данными палеографіи, даетъ возможность, уже при бѣгломъ взглядѣ на манускриптъ, опредѣлить его родъ, видъ, приблизительное время его написанія и даже то вѣдомство,—если актъ представляетъ собою памятникъ оффиціальнаго производства,—по которому онъ состоялся.

Если упомянуть о трудахъ—Саларева: „Описаніе разнаго рода россійскихъ грамотъ" (Вѣстн. Евр. 1819 г., чч. 103 и 104) и Васильева: „Историческое обозрѣніе актовъ и судебныхъ бумагъ въ Россіи" (Труды и Лѣтоп. Моск. Общ. Ист. и Др., V, 1830, кн. 1)—то мы чуть ли не исчерпаемъ литературу русской дипломатики, если еще не принять во вниманіе нѣсколькихъ отрывочныхъ и случайныхъ книжныхъ и журнальныхъ замѣтокъ изъ этой области. Слѣдуетъ признать, что наша дипломатика еще не вышла изъ рамокъ чисто эмпирическихъ свѣдѣній, которыми, на основаніи личнаго опыта, располагаютъ наши археографы, архивисты и нѣкоторые любители старины. По сфрагистикѣ мы имѣемъ два капиталь-

ные труда—П. Иванова: „Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ, хранящимся въ московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи“ (М. 1858) и „Снимки древнихъ русскихъ печатей: государственныхъ, царскихъ, областныхъ, городскихъ, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ“ (изданіе Археограф. Комм., I, М. 1882).

Лексикологія и исторія языка—отрасль знанія весьма существенная и для историка, вообще, и для историка права, въ частности, уже потому, что и тому и другому постоянно доводится имѣть дѣло съ древними памятниками письменности, складъ рѣчи и терминологія которыхъ весьма существеннымъ образомъ отличаются отъ современныхъ. Неофитъ исторической науки, прибѣгающій къ содѣйствію отечественныхъ первоисточниковъ, незнакомый съ историческими формами языка и не имѣющій подъ руками пособій лексикологическихъ—очень часто бываетъ поставленъ въ критическое положеніе въ дѣлѣ пользованія этими источниками, плохо понимая ихъ и, вслѣдствіе этого, давая имъ совершенно невѣрную интерпретацію, а отсюда легко склоняясь и къ неправильнымъ научнымъ выводамъ и обобщеніямъ. Нельзя, конечно, требовать отъ историка глубокаго знанія исторіи языка народа, историческое прошлое котораго онъ изучаетъ, тѣмъ не менѣе элементарное, хотя бы и чисто только практическое, знакомство съ древними формами его представляется для него безусловно необходимымъ.

И въ данномъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить ограниченность пособій, которыми онъ располагаетъ для означенной выше цѣли. Правда, что въ трудахъ Калайдовича, Срезневскаго, Григоровича и др. ученыхъ лингвистовъ—мы имѣемъ солидныя пособія для изученія исторіи отечественнаго языка, но эти пособія являются слишкомъ спеціальными для человѣка общаго историческаго образованія. Для историка русскаго права, въ частности, существенный пробѣлъ представляетъ собою отсутствіе въ литературѣ историко-юридическаго словаря, который могъ бы служить пособіемъ при чтеніи источниковъ; составленіе подобнаго рода словаря является весьма существенною потребностью русской историко-юридической литературы,—потребностью, которая не можетъ быть восполнена краткими и слишкомъ общаго характера словарями, часто присовокупляемыми къ изданіямъ отдѣльныхъ памятниковъ русскаго

права. Такова рода словарь, предполагая въ немъ болѣе или менѣе подробное объясненіе каждаго слова (съ краткимъ изложеніемъ сущности отдѣльныхъ институтовъ, понятій и правоотношеній), явился бы неоцѣненнымъ пособіемъ для лицъ лишь приступающихъ къ изученію исторіи русскаго права и имѣлъ бы для нихъ огромное пропедевтическое значеніе, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и источникомъ для историко-юридическихъ справокъ, вообще.

Хотя мы и имѣемъ нѣсколько опытовъ словарей древне-русскихъ рѣченій (напримѣръ: „Словарь Россійской Академіи“, I—VI, Спб. 1789—95; Петрова: „Опытъ словаря древне-славянскихъ словъ и рѣченій“, М. 1831; П. С.: „Общій церковно-славяно-россійскій словарь или собраніе рѣченій и пр.“, 2 чч., Спб. 1834; Шахматова: „О языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вв.“, Спб. 1886, и наконецъ — „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ“ И. И. Срезневскаго, изданіе предпринятое съ 1890 г. Императорскою Академіею Наукъ),—тѣмъ не менѣе появленіе въ свѣтъ такого русскаго историко-юридическаго словаря составляетъ задачу хотя и болѣе или менѣе отдаленнаго, но необходимаго, будущаго.

B.—Хронологія.

Хронологіею называется совокупность свѣдѣній о лѣтоисчисленіи, какъ вообще, такъ и у даннаго народа, въ частности,—свѣдѣній безусловно, само собою разумѣется, необходимыхъ для историка.

У насъ, въ Россіи, въ различныя эпохи существовало различное лѣтоисчисленіе. До начала XVIII вѣка лѣтоисчисленіе у насъ велось отъ сотворенія міра, а не отъ Рождества Христова, такъ что для того, чтобы узнать годъ извѣстнаго событія по современному намъ лѣтоисчисленію—изъ годоваго числа, значущагося отъ сотворенія міра, нужно вычесть 5508, т. е. число лѣтъ, истекшихъ отъ сотворенія міра до Рождества Спасителя; такимъ образомъ, если въ источникѣ значится годъ 7123, то, для перевода его на современное лѣтоисчисленіе, мы вычитаемъ изъ этого числа 5508—и получаемъ 1615 годъ, т. е. годъ событія по нашему исчисленію времени. Но этотъ весьма простой способъ перевода го-

довъ никакихъ затрудненій не представляетъ. Спутанность древне-русскаго лѣтоисчисленія обусловливается тѣмъ, что, въ различныя эпохи жизни своей, предки наши начинали новый годъ съ различныхъ мѣсяцевъ. Такъ, до конца XV вѣка (до 1492 года) новый годъ начинали у насъ съ 1-го марта (хотя наравнѣ съ этимъ существовалъ и годъ сентябрскій), но съ конца XV вѣка вводится уже исключительно сентябрскій годъ, т. е. годъ начинавшійся съ 1-го дня сентября мѣсяца, —и это послѣднее счисленіе держалось до указа Петра I-го отъ 20 декабря 1699 года, которымъ повелѣно начинать счисленіе года, по примѣру западно-европейскихъ государствъ, съ 1-го января, такъ что, въ силу этого указа, первый новый годъ XVIII столѣтія начался у насъ уже первымъ январемъ. Такъ было введено въ Россіи современное намъ лѣтоисчисленіе.

Понятно теперь вполнѣ, что, при переводѣ стариннаго лѣтоисчисленія на современное, необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣть въ виду, какой годъ принимался въ данную эпоху — мартовскій или сентябрскій: въ мартовскомъ году мѣсяцы январь и февраль, по современному лѣтоисчисленію, будутъ въ новомъ году, тогда какъ по старому—еще въ предшествовавшемъ году; въ сентябрскомъ году мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, по прежнему лѣтоисчисленію, будутъ уже первыми четырьмя мѣсяцами новаго года, тогда какъ по современному лѣтоисчисленію — они будутъ послѣдними мѣсяцами стараго года. Такимъ образомъ, при переводѣ годовъ стараго лѣтоисчисленія на новое, будетъ существовать колебаніе для нѣкоторыхъ мѣсяцевъ, именно: при мартовскомъ лѣтоисчисленіи—для января и февраля, при сентябрскомъ — для сентября, октября, ноября и декабря. Для остальныхъ мѣсяцевъ колебанія не будетъ: они будутъ относиться къ одному и тому-же году и по старому и по современному лѣтоисчисленію.

Такъ какъ сентябрскій годъ вошелъ во всеобщее употребленіе съ конца XV вѣка, а большая часть дошедшихъ до насъ памятниковъ относится къ эпохамъ болѣе позднимъ, то историку приходится имѣть дѣло въ источникахъ XVI—XVII вѣковъ исключительно съ переводомъ лѣтоисчисленія по этому году.

Пояснимъ способъ такого перевода на примѣрахъ.

Въ источникѣ указано извѣстное событіе подъ 10-мъ

іюля 7115 года. Здѣсь затрудненія при переводѣ года на наше лѣтоисчисленіе не представляется, такъ какъ іюль и по старому и по новому лѣтоисчисленію—относится къ одному и тому-же году: слѣдовательно, намъ остается лишь вычесть изъ годоваго числа событія 5508, т. е. число лѣтъ отъ сотворенія міра до Рождества Христова—и мы получимъ 1607 годъ отъ Рождества Христова.

Возьмемъ другой примѣръ. Въ источникѣ указано событіе подъ 25 ноября 7130 года. Вычитая изъ этого годоваго числа 5508—получаемъ годъ 1622. Но этимъ простымъ вычитаніемъ переводъ ограничиться въ данномъ случаѣ уже не можетъ: по современному намъ лѣтоисчисленію событіе дѣйствительно относится къ 1622 году, но по старому лѣтоисчисленію оно относится къ 1623 году, такъ какъ съ 1-го сентября пошелъ уже новый годъ.

Такимъ образомъ, для послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ сентябрскаго года можетъ явиться затрудненіе—къ какому изъ двухъ послѣдовательно слѣдующихъ одно за другимъ годовыхъ чиселъ отнести данное событіе? Нѣкоторые историки переводятъ на современное лѣтоисчисленіе одно только годовое число, не принимая въ соображеніе мѣсяца, въ которомъ имѣло мѣсто событіе; другіе же руководятся и этимъ послѣднимъ соображеніемъ и, или совершаютъ переводъ на современный январскій годъ, или выставляютъ двойное годовое число. Вслѣдствіе указаннаго различія, легко можетъ случиться, что одинъ историкъ отнесетъ событіе XVI—XVII вѣковъ, имѣвшее мѣсто въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ или декабрѣ—къ 1623 г., а другой—къ 1622 г., и оба будутъ правы съ своихъ точекъ зрѣнія. Но, вообще, въ наукѣ русской исторіи принято переводить всѣ года нашей до-Петровской исторіи, во первыхъ—на лѣтоисчисленіе отъ Рождества Христова, во вторыхъ—на современный январскій годъ. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что въ источникахъ XVI и XVII вѣковъ, при писаніи годоваго числа, часто вовсе не писали тысячной цифры, а означали только сотни, десятки и единицы; такъ, вмѣсто 7130 года—писали 130, и т. п.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ хорошихъ и удобныхъ таблицъ для перевода стариннаго лѣтоисчисленія на новое, что было бы въ высшей степени полезно и значительно облегчало бы труды по изученію источниковъ до-

Петровской эпохи. Наиболѣе доступный трудъ подобнаго рода, хотя и не лишенный недостатковъ, представляютъ хронологическія таблицы князя Туркестанова: „Сокращенный календарь на тысячу лѣтъ (900—1900), составленный для повѣрки годовъ въ лѣтописи“ (Спб. 1868). Болѣе удобны для пользованія „Таблицы соотвѣтственности въ русской исторіи годовъ отъ сотворенія міра годамъ отъ Рождества Христова“, напечатанныя въ положеніи 1835 года объ учрежденіи комитета для описанія архивовъ и переизданныя въ 1867 году Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи; но это весьма полезное изданіе—мало доступно, такъ какъ, напечатанное для руководства чиновниковъ архива, оно не было предназначено для продажи. Къ хронологіи предвходитъ и пасхалія, т. е. ученіе о вычисленіи времени Пасхи и связанныхъ съ нею подвижныхъ праздниковъ, а также и дней недѣли, въ которые имѣло мѣсто данное событіе, хотя-бы и весьма отдаленное; свѣдѣнія подобнаго рода часто бываютъ въ высшей степени важны для историка. Изъ числа наиболѣе доступныхъ пособій этого послѣдняго рода мы укажемъ трудъ Г. М(ещеринова): „Времясчисленіе у древнихъ и новыхъ народовъ“ (Казань, 1884). Много было сдѣлано для русской хронологіи П. Хавскимъ, списокъ многочисленныхъ трудовъ котораго въ этой области читатель найдетъ въ нашемъ изданіи: „Наука исторіи русскаго права. Библіографическій указатель“ (Каз. 1891 г.), стр. 63—65.

Г.—ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Вопросъ о соотношеніи географіи къ исторіи—представляется вопросомъ настолько элементарнымъ и болѣе нежели яснымъ, что является совершенно даже излишнимъ аргументировать на эту тему.

Не трудно установить и связь исторической географіи съ исторіею права. Государство есть та внѣшняя форма, въ которой право находитъ себѣ осуществленіе. Территорія—является однимъ изъ существенныхъ элементовъ понятія государства. Отсюда становится вполнѣ понятнымъ, что должно существовать несомнѣнное соотношеніе между историческою географіею и исторіею права, не говоря уже объ исторіи государства, которая неизбѣжно предвходитъ въ исторію правового быта даннаго народа. Если мы примемъ еще во внима-

ніе, что правовая жизнь каждаго народа—никогда не можетъ оставаться совершенно изолированною отъ разнаго рода вліяній и воздѣйствій со стороны сосѣднихъ съ нимъ народовъ, или ему одноплеменныхъ, или такихъ, съ которыми онъ вступалъ въ болѣе или менѣе близкія культурныя соотношенія (напримѣръ варяги, греки, южные кочевники, монголы—въ русской исторіи), то мы придемъ къ убѣжденію, что и съ этой точки зрѣнія историческая географія не можетъ быть игнорируема исторіею права. Мы уже не говоримъ объ исторіи областей и объ исторіи мѣстнаго управленія, непосредственно соприкасающихся съ исторіею права; здѣсь историческая географія является неизбѣжною спутницею этой послѣдней и на этой почвѣ появлялись въ нашей историко-юридической литературѣ такіе капитальные труды, какъ изслѣдованіе Неволина „О пятинахъ Новгородскихъ“ (Записки Русск. Географ. Общ. 1859 г.), его же: „Общій списокъ русскихъ городовъ“ (Сочиненія, т. VI) и цѣлый рядъ монографій по исторіи территоріально-административнаго дѣленія и областнаго управленія въ Россіи.

Съ сожалѣніемъ слѣдуетъ констатировать, однако, что литература русской исторической географіи не можетъ похвалиться своимъ богатствомъ, хотя начала разработкѣ этой отрасли знанія положены уже довольно рано. Если мы перечислимъ нѣсколько общихъ трудовъ по русской исторической географіи: Погодина („Розысканіе о древнихъ городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ до 1240 г.“, въ Ж. М. Н. Пр. 1848—49), Соловьева („Географическія извѣстія о древней Руси“, въ Отеч. Зап. 1853—54 гг.), Барсова („Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи“, Вильно, 1865, „Очерки русской исторической географіи“, Спб. 1885), Замысловскаго („Историко-географическія извѣстія Герберштейна“, Спб. 1879, „Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи, Себастіана Мюнстера“, въ Ж. М. Нар. Пр. 1880 г., „Герберштейнъ и его историко-географическія свѣдѣнія о Россіи“, Спб. 1884), да нѣсколько общихъ трудовъ по интересующему насъ вопросу (Надеждина: „Опытъ исторической географіи русскаго міра“, въ Библ. для чтенія 1837 г., Костомарова: „Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи“, въ Зап. Русск. Географ. Общ. 1863 г., Калачова: „О значеніи писцовыхъ книгъ для изуче-

нія исторической географіи, этнографіи и внутренняго быта древней Россіи“, въ Извѣст. Русск. Географ. Общ. 1869),— то передъ нами останутся лишь частичныя и совершенно монографическія изслѣдованія въ области вопроса о русской исторической географіи. Мы до сихъ поръ не имѣемъ даже сколько нибудь подробнаго и обстоятельнаго русскаго историко-географическаго атласа, если не принять въ расчетъ нѣсколькихъ учебныхъ изданій этого рода.

Изъ первоисточниковъ для изученія русской исторической географіи, кромѣ лѣтописей и затѣмъ писцовыхъ книгъ, представляющихъ собою детальныя описанія, для цѣлей финансоваго обложенія, цѣлыхъ городскихъ уѣздовъ, слѣдуетъ отмѣтить такъ называемую Книгу Большому Чертежу,—драгоцѣнный памятникъ для познанія древней русской географіи конца XVI и начала XVII вѣковъ, представляющій собою составленное при Разрядномъ Приказѣ оффиціальное объясненіе къ утраченной для нашихъ дней подробной картѣ Московскаго государства. Этотъ крайне интересный памятникъ былъ издаваемъ два раза: въ 1773 году Новиковымъ, подъ заглавіемъ: „Древняя россійская идрографія“, и въ 1838 году Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ заглавіемъ: „Книга Большому Чертежу или древняя карта Россійскаго государства“.

Д.—ГЕНЕАЛОГІЯ И ГЕРАЛЬДИКА.

Подъ генеалогіею или родословіемъ разумѣется ученіе о происхожденіи и постепенномъ развѣтвленіи родовъ или фамилій—царствующихъ династій, дворянства, или какихъ либо выдающихся дѣятелей на поприщѣ государственномъ, общественномъ, научномъ, литературномъ, художественномъ и т. п.

О соотношеніи къ исторіи народа генеалогіи родовъ, являвшихся или являющихся носителями верховной власти въ немъ—не можетъ быть и рѣчи. Сошлемся хотя бы на примѣръ отечественной исторіи, удѣльный періодъ которой не можетъ быть правильно понятъ безъ знакомства съ генеалогіею князей Рюрикова Дома, какъ не можетъ быть въ достаточной степени уяснена и эпоха московской централизаціи, безъ знакомства съ генеалогіею рода князей Московскихъ. Но и ге-

неалогія болѣе скромныхъ дѣятелей на государственномъ или общественномъ поприщахъ не можетъ быть игнорируема исторіею: очень нерѣдко только зная происхожденіе даннаго лица и обусловленныя имъ связи и отношенія родственнаго и иного характера—можемъ мы объяснить себѣ воззрѣнія этого лица, его складъ мысли, его убѣжденія, идеалы, стремленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ найти ключь къ объясненію тѣхъ или другихъ дѣйствій его.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что веденіе родословныхъ записей—дѣло на Руси весьма давнее, уходящее въ глубь удѣльнаго періода русской исторической жизни, хотя правильное и оффиціальное веденіе росписей служилыхъ родовъ должно было возникнуть у насъ, какъ не безъ основанія полагаетъ это проф. Романовичъ-Славатинскій, въ ту пору, когда было уничтожено право отъѣзда и бродячая, подвижная дружина стала складываться въ осѣдлый и землевладѣльческій служилый классъ. Какъ бы то ни было, но уже во второй половинѣ XVI вѣка при Разрядѣ велся особый *Государевъ Родословецъ*, въ которомъ находились родословія какъ самихъ государей московскихъ, такъ и наиболѣе видныхъ служилыхъ родовъ; на этотъ „родословецъ“ ссылались въ мѣстническихъ спорахъ, его клали и въ основу рѣшеній по этимъ послѣднимъ. Наряду съ Государевымъ Родословцемъ въ томъ же Разрядѣ велась и „Государева книга пріѣзжихъ родовъ“, въ которую включались родословныя служилыхъ родовъ, выѣхавшихъ на московскую службу изъ чужихъ краевъ. Этотъ Государевъ Родословецъ впослѣдствіе (въ XVII вѣкѣ) послужилъ основаніемъ для такъ называемой Бархатной Книги, заключающей въ себѣ генеалогическія росписи высшихъ служилыхъ родовъ. 12 января 1682 года состоялся, какъ извѣстно, соборный приговоръ объ уничтоженіи мѣстничества, причемъ были сожжены и разрядныя книги, заключавшія въ себѣ „мѣста“, а взамѣнъ ихъ повелѣно было вести при Разрядѣ особыя родословныя книги служилыхъ родовъ, для чего этимъ послѣднимъ предписано было подавать въ Разрядъ свои родословныя росписи, въ которыя, какъ это въ настоящее время вполнѣ доказано, вкралось не мало вымысловъ, въ виду желанія отдѣльныхъ родовъ обставить свое происхожденіе возможно „честнѣе“ и, въ особенности, выводить его отъ чужеземныхъ знатныхъ выходцевъ. На этой то почвѣ и получила свое развитіе русская генеалогія послѣдующихъ вѣковъ.

Бархатная Книга, лежащая въ основѣ генеалогіи старѣйшаго русскаго дворянства, была въ 1787 году издана подъ заглавіемъ: „Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и въѣзжихъ, содержащая въ себѣ родословную книгу, которая извѣстна подъ названіемъ Бархатной и пр" (М., двѣ части). Весьма интересна также книга Миллера: „Извѣстіе о дворянахъ россійскихъ" (Спб. 1790), дающая много свѣдѣній о происхожденіи русскаго дворянства. Изъ пособій къ русской генеалогіи, кромѣ родословныхъ Царствующаго Дома (Хавскаго: „Генеалогическія изысканія родословной росписи рода Романовыхъ", М. 1863), династіи Рюрика (Головинъ: „Родословная книга потомковъ в. к. Рюрика", М. 1851) и отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ (кн. Долгоруковыхъ, Нарышкиныхъ, кн. Голицыныхъ, кн. Юсуповыхъ, Хитрово, Строгановыхъ, Шереметевыхъ, кн. Вяземскихъ), мы можемъ указать на труды—кн. П. Долгорукова: „Россійская родословная книга" (4 части, Спб. 1854—57), „Родословную книгу" изданія редакціи „Русской Старины" (2 ч.ч., Спб. 1873 - 76), П. Н. Петрова: „Исторія родовъ русскаго дворянства" (I, Спб. 1886), В. В. Руммеля и В. В. Голубцова: „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій" (I—II, Спб. 1888), гр. А. Бобринскаго: „Дворянскіе роды, внесеные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи" (I—II, Спб 1890). Для библіографіи вопроса имѣется трудъ А. Барсукова: „Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія" (Спб. 1887). Для исторіи генеалогіи XVI—XVII вѣковъ см. книгу Н. Лихачева: „Разрядные дьяки XVI в." (Спб. 1888, гл. 3-я, стр. 349 и слѣд.).

Геральдика или ученіе о гербахъ большаго значенія въ Россіи не имѣетъ, такъ какъ гербы у насъ (за исключеніемъ государственнаго герба, гербовъ нѣкоторыхъ древнихъ городовъ и старинныхъ княжескихъ родовъ) не имѣютъ исторической подкладки, какую имѣютъ они въ Западной Европѣ, будучи тамъ переживаніемъ древняго феодализма и рыцарства, и явились у насъ простымъ подражаніемъ чужимъ странамъ. Уже при Петрѣ I, одновременно съ составленіемъ табели о рангахъ, поднятъ былъ въ Сенатѣ и вопросъ о „сочиненіи" для дворянства гербовъ, на основаніи „латинскихъ и польскихъ книгъ". „Сочиненіе" дворянскихъ гербовъ продолжалось и въ теченіи всего XVIII вѣка, вплоть до указа императора Павла I отъ 20 января 1797 года, которымъ Се-

нату повелѣно было составить „Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ“ (изданъ въ 1800 г., въ 4-хъ частяхъ). Не имѣютъ у насъ никакаго историческаго основанія и гербы огромнаго большинства городовъ, такимъ же точно образомъ „сочиненные“ во второй половинѣ XVIII вѣка,—въ родѣ, напримѣръ, герба города Нолинска, изображающаго летящаго въ небѣ дикаго гуся, причемъ гербъ этотъ объясненъ тѣмъ, что „оныя птицы во множествѣ черезъ городъ сей пролетаютъ, въ немъ, однако же, не останавливаясь“.

Единственнымъ полнымъ руководствомъ къ русской геральдикѣ, въ связи съ геральдикою западно — европейскою, является трудъ А. Б. Лакіера: „Русская геральдика“ (2 кн. и 4 ч.ч., Спб. 1855).

Е.—ДРЕВНОСТИ БЫТА И ПРАВА.

Какъ право народа тѣсно связано съ исторіею народа, такъ и памятники правоваго быта его тѣсно связаны съ памятниками его внутренняго быта, вообще. Эта связь на столько тѣсна, что нерѣдко является даже затруднительнымъ опредѣлить грань, отдѣлящую первые отъ вторыхъ. Само собою разумѣется, что памятники правоваго быта должны всецѣло входить въ область науки исторіи русскаго права; памятники же внутренняго быта, вообще (или бытовая исторія народа), представляютъ для этой науки интересъ лишь постольку, поскольку отражается и проявляется въ нихъ, во внѣшности, правосознаніе народа.

Совокупность памятниковъ правоваго быта народа обнимается понятіемъ его юридическихъ древностей, въ противоположность древностямъ его быта, вообще. Съ изученія юридическихъ древностей русскаго народа разработка науки исторіи русскаго права, въ извѣстномъ смыслѣ слова, пожалуй что и началась. Затѣмъ мы имѣемъ слѣдующіе труды въ томъ же направленіи: Г. Успенскаго: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ россійскихъ“ (2 ч.ч., Харьк. 1811—12 и 1818), затрогивающій цѣлый рядъ вопросовъ изъ области юридическихъ древностей; Г. Эверса: „Studien zur gruendlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands“ (Д. 1830), гдѣ затрогивается вопросъ о законодательствѣ XI—XIII в.в. и о государственномъ строѣ Новгорода; И. Снегирева: „Обозрѣніе юридическаго быта въ продолженіи древняго и средняго періода русской жизни“ (Юридич. Зап. Рѣд-

кина, II, М. 1842) и его же: „Русскія юридическія пословицы“ (Москвит. 1849, II); М. П. Погодина: „Право древнихъ руссовъ X—XI в.в.“ (Изслѣд., замѣч. и лекціи, III, гл. II, М. 1846); Н. В. Калачова: „Очеркъ юридическаго быта великорусскихъ крестьянъ въ XVII столѣтіи“ (Лѣтопись занятій Археогр. Комм., 1864, III); И. Г. Данилова: „О значеніи и собираніи древнихъ русскихъ юридическихъ символовъ“ (Спб. 1880 и Сборникъ Археол. Инст., кн. IV) и др. Новѣйшимъ трудомъ въ области изученія русскихъ юридическихъ древностей является книга В. И. Сергѣевича: „Русскія юридическія древности, I—II, Спб. 1890—93), о которой мы въ своемъ мѣстѣ уже говорили. Общія соображенія о юридическихъ древностяхъ даются въ рефератѣ Н. В. Калачова: „О русскихъ юридическихъ древностяхъ“ (Труды перваго археолог. съѣзда въ Москвѣ, I, М. 1869). Масса отдѣльныхъ указаній на юридическія древности и объясненіе ихъ разбросаны и по общимъ руководствамъ русской исторіи (Карамзина, Соловьева, Забѣлина, Иловайскаго и др.).

Сколько нибудь полное изложеніе литературы бытовой исторіи русскаго народа, вообще—дѣло немыслимое въ настоящей книгѣ. Скажемъ лишь, что многіе изъ трудовъ въ этой области имѣютъ непосредственное соприкосновеніе съ исторіею русскаго права и никоимъ образомъ не могутъ быть обходимы русскимъ историкомъ юристомъ. Таковы, напримѣръ, обзоры внутренняго состоянія русскаго общества, за различныя эпохи, въ исторіяхъ Карамзина (томы: III, гл. 7, V, гл. 4, VII, гл. 4, X, гл. 4) и Соловьева (томы I, гл. 8, XIII, гл. 1) и отдѣльные труды: И. Снегирева: „Русскіе въ своихъ пословицахъ“ (4 кн., М. 1831); С. М. Соловьева: „О нравахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ древней Руси до нашествія монголовъ“ (Чтенія М. О. Ист. и Др., 1841, II); Д. Ханыкова: „Русскія былины“ (М. 1860); Н. И. Костомарова: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“ (Изслѣд. и Моногр., т. XIX); И. Е. Забѣлина: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII вѣкахъ“ (М. 1862 и 1872) и „Домашній бытъ русскихъ царицъ“ (М. 1869 и 1872); А. Заусцинскаго: „Бытъ русскаго общества XVI столѣтія по Домострою“ (Варшав. унив. изв. 1879 г., VI); И. Преображенскаго: „Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ, по сочиненіямъ Максима Грека и современнымъ

ему памятникамъ“ (М. 1881); А. Попова: „Вліяніе церковнаго ученія и духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа въ до-Петровскій періодъ“ (Каз. 1883); рядъ статей В. А. Гольцева о нравахъ русскаго общества XVIII вѣка (Юридич. Вѣстн. 1885—86 г.г.); А. Н. Пыпина: „До-Петровское преданіе въ XVIII вѣкѣ. Старина въ нравахъ и бытовыхъ понятіяхъ“ (Вѣстн. Евр. 1886 г.) и весьма мн. др. изслѣдованія, монографіи, журнальныя статьи и замѣтки.

Таковы сферы знаній, являющіяся вспомогательными для русской исторіи и для тѣсно связанной съ нею исторіи русскаго права. Многое сдѣлано въ этой области, но многое остается еще сдѣлать въ ней для того, что бы эти знанія сдѣлались дѣйствительно вспомогательными для русской исторической науки, облегчая ея изученіе и приложеніе къ ней требованій исторической критики.

Не мало надеждъ можно возложить въ этомъ отношеніи на петербургскій Археологическій Институтъ, на историко-археологическія общества и на археологическіе съѣзды. Труды всѣхъ этихъ учрежденій уже и въ настоящее время успѣли дать хорошіе и весьма замѣтные результаты, сдѣлавшіе многіе новые просвѣты въ зданіи русской исторической и историко-юридической науки.

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

СИСТЕМА ИЗЛОЖЕНІЯ И ЛИТЕРАТУРА ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

ГЛАВА 1.

Вопросъ о дѣленіи историческаго изученія по періодамъ. — Мнѣніе С. М. Соловьева.—Какія могутъ быть допущены основанія для дѣленія исторіи на періоды.—Попытки, бывшія въ этомъ направленіи.—Три періода, представляемые историческимъ ходомъ развитія русской народной жизни.—Ихъ характеристики.—Система изложенія науки исторіи русскаго права.

Извѣстно, что изученіе всякой науки всегда предполагаетъ изложеніе ея въ извѣстной послѣдовательности, въ извѣстной системѣ. Это положеніе является безусловно вѣрнымъ и въ примѣненіи его къ историческимъ наукамъ, при изложеніи которыхъ принято раздѣлять это послѣднее по періодамъ. Конечно, жизнь народа развивается по закону преемственности явленій, развивается безъ всякихъ скачковъ и перерывовъ, развивается такимъ же постепеннымъ, послѣдовательнымъ путемъ, какимъ развивается всякій организмъ, —но, взглядываясь въ историческое развитіе жизни каждаго народа, мы всегда будемъ имѣть возможность подмѣтить въ этой безконечной, прагматической цѣпи фактовъ и явленій—отдѣльныя эпохи, которыя принимаютъ характеръ и колоритъ болѣе или менѣе самостоятельный, сравнительно съ предшествующими и послѣдующими. Жизнь народа не можетъ представляться сѣрою, безцвѣтною смѣною историческихъ явленій. Какъ и въ жизни каждаго организма, здѣсь наблюдаются и эпохи нормальнаго развитія, и эпохи уклоненія отъ

этого послѣдняго; наблюдаются эпохи болѣзненности и здороваго состоянія организма; эпохи то особенной интенсивности развитія организма, то, обусловленной разнаго рода условіями и воздѣйствіями, задержки въ этомъ развитіи. Все это ведетъ къ совершенно естественному раздѣленію исторической жизни народа на извѣстные періоды, соотвѣтственно различію самыхъ началъ, лежавшихъ въ основѣ тѣхъ или другихъ промежутковъ его историческаго бытія. Дѣленіе на періоды допускаетъ не одна только политическая исторія народа, но и исторія всѣхъ проявленій его физической и духовной жизни, а въ числѣ этихъ послѣднихъ — и исторія права.

Слѣдуетъ, однако же, замѣтить, что не всѣ историки раздѣляютъ мысль о возможности и цѣлесообразности изложенія исторіи по періодамъ. Такъ, у насъ противъ такого способа изложенія ея энергично возставалъ покойный С. М. Соловьевъ, который и отвергъ въ своей „Исторіи Россіи" какое бы то ни было дѣленіе на періоды, расположивъ свой трудъ лишь по государствованіямъ и царствованіямъ,—способъ изложенія противъ котораго, въ свою очередь, можно было бы многое сказать. „Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части и періоды, - говоритъ Соловьевъ въ предисловіи къ своей исторіи по поводу задачъ этой послѣдней,— но соединять ихъ; слѣдить, преимущественно, за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію—вотъ обязанность историка, какъ понимаетъ ее авторъ" ...

Не вдаваясь въ критику почтеннаго историка, не касаясь и вопроса о томъ, на сколько удалось ему осуществить эти задачи, мы замѣтимъ только, что его предубѣжденіе противъ цѣлесообразности дѣленія исторіи на періоды является, во всякомъ случаѣ, преувеличеннымъ, такъ какъ и при дѣленіи исторіи на періоды—возможно прослѣдить и „преемство формъ", и „взаимодѣйствія началъ", и выяснять каждое историческое явленіе „изъ внутреннихъ причинъ". Исторія обратится, конечно, въ мертвый матеріалъ для трупосѣченія, въ педантно разставленную по шкафамъ и полкамъ коллекцію

раритетовъ, если мы примемъ для дробнаго дѣленія ея по періодамъ какіе либо факты чисто внѣшняго характера,—напримѣръ, перенесеніе изъ города въ городъ резиденціи представителя суверенитета, воцареніе или кончину носителя верховной государственной власти, изданіе кодекса, войну, мирный трактатъ и т. п. Но исторія народа не утратитъ своего прагматизма, не потеряетъ характера развитія живаго организма, если мы возьмемъ для дѣленія ея на періоды такія историческія явленія, которыя оставили глубокую борозду на народной жизни, внося въ нее новыя начала, новые идеалы и стремленія, или болѣе или менѣе кореннымъ образомъ измѣняя прежнія, которыя измѣняли текущее направленіе этой жизни, тѣмъ самымъ рельефно оттѣняя двѣ смежныя эпохи исторической жизни. Насколько непрактичнымъ является совершенное отрицаніе дѣленія исторіи на періоды — нагляднѣйшимъ примѣромъ тому служитъ сама „Исторія Россіи“ Соловьева: послѣдовательное, непрерывное изложеніе, простирающееся здѣсь черезъ всѣ 29 томовъ этого колоссальнаго труда—невольно утомляетъ читателя, не давая ему возможности осмотрѣться въ прочитанномъ, привести въ порядокъ массу полученныхъ имъ свѣдѣній, невольно запутывая его въ безостановочномъ лабиринтѣ почти трехъ десятковъ внушительныхъ книжекъ. А попробуйте навести въ трудѣ Соловьева какую нибудь историческую справку—сотни страницъ, если не цѣлые томы, доведется вамъ перелистать, прежде нежели достигнете желаемаго! Такой способъ изложенія былъ для С. М. Соловьева весьма удобенъ въ видахъ систематическаго проведенія имъ его излюбленной идеи русской исторіи: господства родовыхъ началъ, многовѣковой борьбы ихъ съ началомъ государственнымъ и, наконецъ, торжества этого послѣдняго,—но въ практическомъ отношеніи историческій методъ покойнаго Соловьева не выдерживаетъ критики.

Все то, что сказано было нами о дѣленіи на періоды исторіи народа, вообще, всецѣло относится и къ дѣленію на періоды исторіи права. И здѣсь были попытки принимать за предѣльныя грани періодовъ явленія болѣе или менѣе внѣшняго характера, причемъ, въ погонѣ за изысканіемъ математически - опредѣленныхъ точекъ для установки такихъ граней, естественный ходъ развитія права и правоотношеній насильственно втискивали въ рамки совершенно произвольно-

взятыхъ періодовъ. Такъ, были попытки опредѣленія грани между періодами вокняженіемъ того или другаго государя, въ особенности же в. к. Іоанна III (Морошкинъ, Неволинъ, Кавелинъ [1]), а также Ярослава I и Андрея Боголюбскаго (Кавелинъ),—какъ будто Іоаннъ III, напримѣръ, не былъ продуктомъ исторической необходимости, подготовлявшимся почти $1^1/_2$ вѣками предшествовавшей исторической жизни, и какъ будто лично въ немъ лежитъ корень тѣхъ новыхъ началъ, которыми ознаменовался государственный и общественный строй Московскаго государства! Другіе принимали предѣльною гранью періодовъ—введеніе христіанства (Эверсъ, Бѣляевъ), третьи—изданіе сборниковъ законодательства: Русской Правды (Рейцъ, Леонтовичъ), Уложенія 1649 года (Сперанскій, Рождественскій, Неклюдовъ, Неволинъ, Бѣляевъ), Свода Законовъ (Неклюдовъ, Неволинъ, Леонтовичъ), что является опять таки неудобнымъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ, для разграниченія періодовъ, приходится прибѣгать къ явленіямъ внѣшней исторіи права, а именно таковыми представляется кодификація права, и дѣленіе науки на періоды по такимъ признакамъ умѣстно было бы развѣ только для исторіи законодательства, но никакъ не для исторіи права.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ обратиться къ болѣе глубокому анализу исторической жизни народа, что бы найти въ ней рельефно выдающіяся одно отъ другого и вліявшія на всѣ стороны народной жизни теченія, которыя могли бы быть положены въ основу дѣленія на періоды. Всматриваясь въ тысячелѣтній ходъ развитія русской исторической жизни, мы придемъ къ сознанію, что какъ русская исторія, вообще, такъ и исторія русскаго права, въ частности, вполнѣ естественно и весьма рельефно распадаются на три большихъ періода,—именно: а) періодъ до-Московскій или удѣльный, б) періодъ Московскій и, наконецъ, в) періодъ Петербургскій. Каждый изъ этихъ трехъ періодовъ носитъ въ себѣ особыя черты, представляю-

---

[1]) Въ такую ошибку когда то впалъ и авторъ настоящаго труда, въ своей «Исторіи права Московскаго государства».

щія рѣзкія характеристическія отличія его отъ двухъ другихъ періодовъ.

Въ первомъ изъ этихъ трехъ періодовъ—въ періодѣ удѣльномъ или, какъ не совсѣмъ удачно называютъ его также „княжескомъ“,—совершается самое зарожденіе русской государственности, учреждается общая государственная власть, объединившая отдѣльныя славянскія и инородческія племена, разсѣянныя по обширной равнинѣ восточной Европы и, преимущественно, по верхнему и среднему теченію рѣкъ Волги, Днѣпра, Припети, Западной Двины и по бассейномъ озеръ Чудскаго и Ильменя. Эта призванная верховная власть, уже вскорѣ по введеніи ея, раздробляется между болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ отдѣльныхъ князей, вслѣдствіе развѣтвленія обладавшаго ею княжескаго рода. Такимъ образомъ, русская земля распадается на цѣлую систему отдѣльныхъ, самостоятельныхъ княженій, — удѣловъ,—постоянно боровшихся и соперничавшихъ между собою. Съ другой стороны, на ряду съ княжескою властью возвышалась и другая, не менѣе могущественная воля—воля земщины, выражавшаяся въ исконномъ органѣ послѣдней—вѣчѣ; отношенія между обоими этими факторами древнѣйшей русской государственной жизни опредѣлялись добровольнымъ соглашеніемъ, свободнымъ договоромъ. Вообще, договорное начало, въ многоразличныхъ проявленіяхъ своихъ, составляло коренную основу всей древне-русской жизни не только въ государственныхъ отношеніяхъ, но и въ отношеніяхъ общественныхъ, соціальныхъ. Договорное начало легло въ основу отношеній князей къ земщинѣ, отношеній удѣльныхъ князей между собою; оно легло далѣе въ основу отношеній служебныхъ, въ основу организаціи служилыхъ силъ; договорнымъ началомъ опредѣлялись, наконецъ, и отношенія сословныя и общинныя. Очевидно что, при подобномъ господствѣ въ древней русской жизни договорнаго начала, не могло быть и рѣчи о самодержавіи верховной власти, такъ какъ воля князя, въ нормальномъ проявленіи ея, могла лишь на столько заявлять себя въ сферѣ государственной жизни, на сколько согласовалась она съ волею земщины, выражавшеюся въ непосредственномъ органѣ послѣдней—вѣчѣ.

Совершенно иной порядокъ жизни начинаетъ слагаться въ русской землѣ послѣ покоренія ея татарами. До покоре-

нія русской земли татарами судьбами ея заправляли двѣ паралельно стоявшія и взаимно согласовавшіяся воли — воля князя и воля вѣча, воля земщины. Немедленно послѣ татарскаго погрома, на судьбы русской земли начинаетъ оказывать могущественное вліяніе еще третья воля—воля хана ордынскаго. Воля хана, какъ воля покорителя, оказывается могущественнѣе и воли князя, и воли земщины. Пользуясь своимъ фактическимъ превосходствомъ, она подчиняетъ себѣ первую, т. е. волю князя, и отнимаетъ всякое государственное, жизненное значеніе у послѣдней, т. е. у воли земщины; весьма наглядными представляются тѣ причины, которыя, вслѣдъ за татарскимъ покореніемъ, должны были сломить автономію земщины, постепенно умалять значеніе вѣча, и, наконецъ, совершенно уничтожить это учрежденіе. Не трудно усмотрѣть что, при подобномъ порядкѣ вещей, только тотъ князь могъ пріобрѣсти силу въ русской землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій столъ и преобладающее значеніе въ ряду прочихъ удѣльныхъ князей—который тѣми или другими путями умѣлъ достигнуть доброжелательства въ Ордѣ и милостиваго расположенія хана. Въ силу этого обстоятельства, а равно и въ силу нѣкоторыхъ другихъ условій, съ которыми мы впослѣдствіе ознакомимся, особаго могущества и значенія въ русской землѣ достигаютъ князья, впослѣдствіе великіе князья, Московскіе. Москва, въ эпоху татарскаго погрома еще бѣдный и незначительный удѣльный городокъ, становится мало по малу центромъ русской государственной жизни, постепенно округляетъ и распространяетъ свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ съ нею областей и княженій и, управляемая рядомъ ловкихъ, энергичныхъ и въ высшей степени талантливыхъ государей, становится уже Московскимъ государствомъ, — самымъ могущественнымъ изъ остальныхъ великихъ княженій русскихъ. Москва уже весьма рано начинаетъ вполнѣ явственнымъ образомъ выказывать свои централизаціонныя стремленія и тенденцію объединить подъ своею властью всѣ отдѣльныя и самостоятельныя еще русскія области. Послѣдняя задача съ успѣхомъ завершается великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ, съ покореніемъ Пскова; съ паденіемъ псковской вольности пала подъ власть Москвы послѣдняя, до нѣкоторой степени самостоятельная еще, русская волость. Между тѣмъ, еще въ концѣ XV вѣка, удалось Москвѣ освободиться изъ подъ власти ослабѣвшей и раздирае-

мой внутренними смутами Орды и, стряхнувъ съ себя иго послѣдней, выступить на арену исторіи могущественнымъ, единодержавнымъ и самодержавнымъ государствомъ, а съ половины XVI вѣка—царствомъ Московскимъ.

Съ образованіемъ единодержавнаго и самодержавнаго Московскаго государства русская исторія и тѣсно связанная съ нею исторія русскаго права вступаютъ во второй періодъ своего существованія — въ періодъ Московскій, не вполнѣ удачно называемый также царскимъ; неудобство наименованія этого періода „царскимъ“ заключается въ томъ, что начало его не совпадаетъ съ принятіемъ московскими государями царскаго титула.

Въ Московскій періодъ развитіе правовой жизни существенно видоизмѣняется сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ и въ ея отношенія проникаютъ новые элементы, нерѣдко діаметрально противоположные удѣльно-вѣчевымъ.

Это прежде всего и особенно отчетливо проявляется въ организаціи государственной власти. Теперь исчезаютъ уже всякіе слѣды договорнаго отношенія государственной власти къ земщинѣ. Государственная власть Московскаго періода становится не только единодержавною, но и вполнѣ самодержавною. Еще за-долго до того замолкнувшее вѣче перестало служить органомъ выраженія воли земщины: надъ всею русскою землею возвысилась единая самодержавная и могущественная воля — воля государя Московскаго. Государь Московскій становится первоначальнымъ и завершающимъ звѣномъ всякаго рода власти; въ немъ коренится идея правды и общественнаго блага и черезъ его посредство находитъ себѣ практическое осуществленіе. Этимъ, конечно, не исключается еще возможность вліянія земской воли на проявленіе дѣятельности государственной власти; и, дѣйствительно, послѣдняя прислушивается и теперь нерѣдко къ голосу земской воли, но дѣло въ томъ, что теперь согласованіе дѣятельности государственной власти съ волею народа теряетъ уже всякій обязательный характеръ для первой, коренясь единственно только въ свободной волѣ государя, замѣнившей господство стараго договорнаго начала. Государственная власть согласовываетъ теперь дѣятельность свою съ земскою волею лишь на столько, на сколько ей это угодно, и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда

находитъ она это цѣлесообразнымъ и соотвѣтственнымъ какъ государственнымъ и общественнымъ, такъ и своимъ личнымъ интересамъ.

Договорное начало исчезаетъ затѣмъ и во всѣхъ другихъ сферахъ государственныхъ и, частью, общественныхъ отношеній, замѣняясь началомъ крѣпости. Московское государство стремится закрѣпить всѣ государственные элементы, опредѣлявшіеся дотолѣ свободными, договорными началами, желая всецѣло подчинить ихъ обще-государственнымъ интересамъ, желая утилизировать ихъ для обще-государственныхъ цѣлей. Прежде всего закрѣпляются служилые люди, черезъ уничтоженіе старой договорной формы служебныхъ отношеній, черезъ уничтоженіе свободнаго права отъѣзда, черезъ связаніе обязательной службы съ землевладѣніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ образованіе особаго, до нѣкоторой степени замкнутаго, служилаго сословія. Въ концѣ XVI вѣка совершается закрѣпленіе крестьянскаго, волостнаго, населенія, черезъ прикрѣпленіе крестьянъ къ той землѣ, на которой засталъ ихъ указъ объ этомъ новомъ законоположеніи. Наконецъ, въ періодъ времени отъ воцаренія царя Михаила Ѳеодоровича до изданія Уложенія 1649 года, исподоволь совершается закрѣпленіе городскаго, посадскаго, населенія, черезъ запрещеніе тяглымъ посадскимъ людямъ выхода изъ городскихъ общинъ и черезъ запрещеніе перемѣны городскаго тягла на тягло уѣздное, волостное. Эти мѣры, послѣдовательно проведенныя и Уложеніемъ 1649 года, послужили средствомъ образованія замкнутаго городскаго сословія, рѣзко отграниченнаго отъ сословія крестьянскаго, волостнаго. Такимъ образомъ, Московское государство вырабатываетъ замкнутыя въ извѣстномъ смыслѣ слова сословія, всецѣло подчиненныя государственнымъ цѣлямъ и интересамъ, съ болѣе или менѣе ясно начертаннымъ для каждаго изъ нихъ кругомъ правъ и обязанностей.

Весьма значительныя видоизмѣненія терпитъ, въ сравненіи съ предшествовавшимъ періодомъ, и самая законодательная дѣятельность. Съ паденіемъ вѣча естественно должно было пасть и вѣчевое законодательство,—это могущественное проявленіе автономіи земщины, оставивъ на рубежѣ стараго и вновь наступающаго періодовъ два грандіозныхъ памятника, въ лицѣ Судныхъ Грамотъ Псковской и Новгородской. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожается и непосредственное

право сословій на участіе въ законодательной дѣятельности государственной власти,—участіе, столь широкое въ предшествующемъ періодѣ. Единый и первоначальный источникъ законодательной власти представляетъ теперь собою лишь государь Московскій; его воля, какъ воля помазанника Божія, есть отраженіе Божественной воли и безусловный законъ для всѣхъ подданныхъ. Часть законодательной дѣятельности своей передаетъ онъ тѣмъ или другимъ лицамъ лишь по собственному благоусмотрѣнію своему, но и въ подобныхъ случаяхъ лица эти пользуются ею подъ непосредственнымъ авторитетомъ государя. Равнымъ образомъ, допускаются къ участію въ законодательной дѣятельности и представители извѣстныхъ слоевъ населенія или отдѣльныя лица, но не иначе, какъ на основаніи личной воли и усмотрѣнія государя и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сочтетъ онъ подобное участіе цѣлесообразнымъ.

Затѣмъ характерною чертою законодательной дѣятельности, въ первоначальную эпоху существованія Московскаго государства, является стремленіе его къ объединенію областныхъ законодательствъ, явившихся наслѣдіемъ удѣльнаго періода, стремленіе къ сглаженію партикулярныхъ чертъ ихъ и къ концентрированію ихъ въ общихъ законодательныхъ сборникахъ. Таково значеніе и мысль перваго законодательнаго сборника московскаго — Судебника Іоанна III, и послѣдующей переработки и восполненія его — Судебника Іоанна IV.

Наконецъ, существенную черту московскаго законодательства составляетъ стремленіе его къ кодификаціи законодательныхъ нормъ и къ возможно правильной систематизаціи и сохраненію издающихся отдѣльныхъ законоположеній. Это стремленіе проявляется, въ первомъ отношеніи — въ изданіи болѣе или менѣе полныхъ и систематизированныхъ законодательныхъ сборниковъ, во второмъ отношеніи — въ припискѣ къ послѣднимъ издающихся послѣ обнародованія ихъ отдѣльныхъ нормъ и въ учрежденіи записныхъ указныхъ книгъ, въ которыхъ весь законодательный матеріалъ, по мѣрѣ накопленія его, группируется по вѣдомствамъ, къ которымъ относятся отдѣльныя нормы, его составляющія.

Въ сферѣ внутренней администраціи замѣчаются постоянныя, хотя и не всегда плодотворныя, заботы правительства о возможно лучшей организаціи какъ центральнаго, такъ и областнаго, управленія. Въ первомъ отношеніи должно отмѣ-

тить твердую организацію Боярской Думы и учрежденіе приказовъ, т. е. главныхъ центральныхъ управленій, завѣдующихъ извѣстными вѣдомствами,—именно, завѣдующихъ или извѣстнымъ родомъ дѣлъ по всему пространству государства, или всѣми родами дѣлъ, но въ извѣстной только части государственной территоріи. Въ области мѣстнаго управленія дѣятельность московскаго правительства характеризуется стремленіемъ отыскать такую организацію его, которая всецѣло отвѣчала-бы требованіямъ государственныхъ цѣлей и интересовъ и въ возможно большей степени гарантировала-бы благосостояніе населенія и его безопасность отъ злоупотребленій со стороны областныхъ правителей, — задача нелегкая и не достигнутая Московскимъ государствомъ. Въ безпрестанныхъ поискахъ за лучшею организаціею областнаго управленія, оно не перестаетъ колебаться въ выборѣ между системою правительственнаго управленія и между системою земскаго самоуправленія и, то усиливая приказный элементъ, то выдвигая на первый планъ земское самоуправленіе, выказываетъ крайнюю нерѣшительность и недовѣріе какъ къ первому, такъ и ко второму.

Въ сферѣ уголовнаго права выработывается государственное воззрѣніе на существо преступнаго дѣйствія, взамѣнъ частнаго воззрѣнія на него, господствовавшаго въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ, хотя уже и въ теченіи послѣдняго постепенно замѣтнымъ дѣлается это измѣненіе воззрѣнія. Московское государство усвоиваетъ себѣ взглядъ на преступное дѣяніе, какъ на злое проявленіе воли, нарушающее интересы всего общества, всего государственнаго союза и, въ силу этого, выдѣляетъ подъ названіемъ „губныхъ дѣлъ“ цѣлый кругъ преступленій, инициативу преслѣдованія которыхъ возлагаетъ на обязанность правительственной или общественной власти, хотя-бы и не было на лице частной жалобы потерпѣвшаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, московское законодательство усвоиваетъ себѣ болѣе опредѣленное понятіе объ умыслѣ и неумышленности, о вмѣненіи и о различной степени напряженія злой воли преступника въ различныхъ стадіяхъ движенія ея отъ начальнаго замысла къ полному осуществленію преступнаго дѣянія. Въ системѣ преступленій развиваетъ оно цѣлый кругъ преступленій политическихъ и преступленій квалифицированныхъ, неизвѣстныхъ удѣльному періоду. Въ сферѣ наказаній

вырабатывается обширная система жестокихъ смертныхъ, членовредительныхъ и тѣлесныхъ наказаній, не встрѣчавшихся въ уголовномъ правѣ перваго періода.

Въ области частнаго гражданскаго права продолжаютъ дѣйствовать нормы изстариннаго обычнаго права, развивавшіяся и дополнявшіяся самою жизнью, вмѣстѣ съ развитіемъ послѣдней. Законодательство въ рѣдкихъ случаяхъ брало на себя регламентацію нормъ гражданскаго права,—да и то въ тѣхъ только отношеніяхъ, которыя имѣли государственный характеръ, тѣсно соприкасаясь съ интересами государственнаго союза. Такъ, въ особенно значительной степени обращала на себя вниманіе законодательства регламентація вотчинныхъ и помѣстныхъ отношеній, и это вполнѣ понятно, такъ какъ, какъ впослѣдствіи увидимъ, отношенія эти лежали въ основѣ организаціи московскаго служилаго класса.

Въ сферѣ процесса обращаетъ на себя вниманіе возникновеніе особаго вида уголовнаго процесса для преслѣдованія важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій, выдѣляющихся въ понятіе губныхъ дѣлъ, иниціативу преслѣдованія которыхъ, какъ мы это только что видѣли, беретъ на себя государственная или общественная власть, помимо частнаго обвиненія потерпѣвшаго отъ преступленія лица. Это—слѣдственный процессъ или сыскъ, характеризующійся не только сейчасъ указаннымъ способомъ возбужденія его, но и дальнѣйшимъ ходомъ своимъ, при которомъ важную роль играетъ повальный обыскъ и пытка. Сыску противополагается обвинительный процессъ или судъ въ собственномъ смыслѣ слова, по прежнему остающійся общею формою процесса для дѣлъ какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ,—но теперь изъ послѣднихъ уже тѣхъ только, которыя, по самому характеру своему, не причислялись къ дѣламъ губнымъ и, слѣдовательно, не подлежали преслѣдованію порядкомъ сыскнаго процесса.

Таковы важнѣйшія и наиболѣе бросающіяся въ глаза особенности, характеризующія развитіе различныхъ сторонъ государственной и правовой жизни Московскаго государства и оттѣняющія московскій періодъ отъ періода удѣльно-вѣчеваго.

Съ началомъ единодержавнаго царствованія Петра I, русская государственная, общественная и юридическая жизнь терпитъ коренныя преобразованія; въ эту жизнь вносятся но-

вая, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ей или, по крайней мѣрѣ, несознававшіяся ею начала,— начала заимствованныя изъ западно-европейской жизни. Разностороннія и многочисленныя реформы Петра I совпадаютъ и съ основаніемъ новаго центра государственной жизни русскаго народа; этимъ новымъ центромъ является вновь основанная столица С.-Петербургъ. Сюда переселяется изъ Москвы царское семейство и дворъ, сюда переносится жизненный пульсъ всей государственной организаціи, здѣсь учреждаются и новые высшіе органы центральнаго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ завершается Московскій періодъ русской исторіи, и послѣдняя вступаетъ въ новый періодъ—періодъ С.-Петербургскій, называемый также Императорскимъ; послѣднее названіе объясняется тѣмъ, что въ началѣ этого періода Петръ I принялъ титулъ „императора", отодвинувшій уже на второе мѣсто прежній титулъ „царя и великаго князя".

Можно ли указать точно, математически, опредѣленныя грани для раздѣленія этихъ трехъ періодовъ русской исторической жизни? На это слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, да въ этомъ и не представляется никакой надобности. Жизнь медленно, безъ скачковъ и перерывовъ, вступала изъ одного періода въ другой; явленія одного періода заходятъ въ другой періодъ, переплетаются между собою, и разрубать и насильственно втискивать ихъ въ искусственныя рамки—явилось бы трудомъ совершенно безплоднымъ. Возьмемъ, хотя бы, начальную пору Московскаго періода. Москва, какъ извѣстно, не сразу дѣлается государствомъ единодержавнымъ. Дѣло московской централизаціи подготовлялось и мало по малу выполнялось въ теченіи почти двухъ вѣковъ. Московскіе государи-собиратели русской земли не прибѣгали къ рѣзкимъ, потрясающимъ переворотамъ и дѣйствіямъ, — но медленно, шагъ за шагомъ, шли къ достиженію преслѣдуемой ими цѣли. Вполнѣ естественно, что, вслѣдствіе подобнаго характера развитія Московскаго великаго княженія, далеко не легкимъ дѣломъ представляется опредѣленіе съ хронологическою точностью начальнаго момента Московскаго періода. Многія явленія, подмѣчаемыя въ этомъ періодѣ, таятъ начало и первоначальное развитіе свое въ глубинѣ удѣльно-вѣчеваго періода и, обратно, многія явленія удѣльно-вѣчеваго періода находятъ себѣ болѣе или менѣе сильный отголосокъ и въ Мос-

ковскомъ періодѣ. Вообще, промежутокъ времени отъ покоренія русской земли татарами и до полнаго завершенія дѣла объединенія русской земли—представляется во многихъ отношеніяхъ какъ-бы нейтральнымъ поясомъ, въ которомъ сходятся особенности того и другаго періодовъ. Это — эпоха ломки старыхъ порядковъ, обусловливаемой совершившимся фактомъ татарскаго завоеванія, эпоха всеобщаго броженія государственныхъ и общественныхъ элементовъ, въ результатѣ котораго является возникновеніе единодержавнаго и самодержавнаго Московскаго государства. Въ силу этого, представляется весьма цѣлесообразнымъ выдѣлить эту эпоху въ болѣе или менѣе самостоятельную стадію исторической жизни, примкнувъ ее къ удѣльному періоду, въ видѣ второй половины этого послѣдняго, какъ это сдѣлалъ Ѳ. И. Леонтовичъ, давшій ей наименованіе „эпохи мѣстныхъ законовъ“,—названіе, которое и мы удерживаемъ, какъ особенно характерное. Если уже не такъ трудно, то, во всякомъ случаѣ, не совсѣмъ и легко установить твердую грань между періодами Московскимъ и Петербургскимъ. Тѣ факты, что Петръ I съѣздилъ за-границу, переселился съ береговъ Москвы—рѣки къ берегамъ Финскаго залива, нарядилъ свой служилый классъ въ нѣмецкое платье и заставилъ его брить бороды или сталъ заводить вмѣсто приказовъ коллегіи—еще не могутъ служить рубежемъ періодовъ исторической жизни великаго народа, разбросаннаго по почти безпредѣльному пространству восточной Европы и сѣверной Азіи. Весьма многія явленія Московскаго періода — зашли въ періодъ Петербургскій, или продолжая здѣсь свое существованіе, или модифицируясь на новыхъ началахъ, или же, просто на просто, постепенно вымирая. Съ другой стороны, многія явленія собственно Петербургскаго періода — таятъ свое начало еще въ періодѣ Московскомъ, и Петръ могучею волею своею далъ только импульсъ къ ихъ дальнѣйшему развитію; особенно знаменательна въ этомъ отношеніи эпоха Новоуказныхъ статей (1649—1696 гг.), являющаяся съ характеромъ переходной отъ Руси Московской къ Руси Петровской.

Изъ всего сказаннаго выше не трудно усмотрѣть, что, отказываясь отъ установленія рѣзко-очерченныхъ граней между ними, мы признаемъ три періода русской историче-

ской жизни, которые и положимъ въ основу нашего изложенія исторіи русскаго права. Это—періоды: Удѣльный, Московскій и Петербурскій, съ подраздѣленіемъ перваго на двѣ эпохи: а) эпоху удѣльно-вѣчевую (режимъ—удѣльный, но съ вѣчевою организаціею, т. е. до татарскаго покоренія) и б) эпоху мѣстныхъ законовъ (продолженіе удѣльнаго режима, но уже безъ, сломленной татарами, вѣчевой организаціи, за исключеніемъ Новгорода и Пскова, и съ распаденіемъ русской земли на три части: Русь Литовская, Сѣверныя народоправства и Русь центральная, въ которой зарождается будущее московское государство и совершается историческій процессъ централизаціи русской земли .

При изложеніи исторіи права удѣльнаго період)а мы соединяемъ внѣшнюю и внутреннюю исторію, выдѣливъ въ особую рубрику лишь обзоръ государственнаго устройства и управленія. Это основывается на томъ, что, при почти полномъ отсутствіи другихъ памятниковъ права, отдѣльные правовые институты и отношенія этого періода познаются изъ самыхъ законодательныхъ памятниковъ, почему и является крайне удобнымъ совмѣстное изслѣдованіе какъ внѣшней исторіи ихъ, такъ, въ связи съ нею, и внутренняго ихъ содержанія. Особые циклы изложенія составитъ исторія права: Литовской Руси, Сѣверныхъ народоправствъ и Руси центральной—во второй половинѣ этого періода (эпоха мѣстныхъ законовъ).

Система изложенія исторіи права Московскаго періода—явится уже иною. Отъ этого періода, кромѣ собственно памятниковъ законодательства, до насъ дошло много и другихъ источниковъ, представляющихъ намъ обильный матеріалъ для возстановленія исторіи развитія отдѣльныхъ институтовъ и правоотношеній, а потому изученіе внутренней исторіи права необходимо должно быть отдѣлено въ этомъ періодѣ отъ изученія внѣшней исторіи права. Мы такъ и поступимъ, разбивъ изложеніе Московскаго періода на два раздѣла: А) Внѣшняя исторія права (источники права и памятники права) и Б) Внутренняя исторія права (права: государственное, въ широкомъ понятіи этого слова, уголовное, гражданское и процессуальное).

Петербургскій періодъ даетъ намъ четыре крупныя реформаціонныя эпохи, совпадающія съ царствованіями:

императора Петра I, императрицы Екатерины II, императора Александра I и императора Александра II. Эти четыре реформаціонныя поры и будутъ положены нами въ основу системы изложенія внутренней исторіи права Петербургскаго періода.

Такова общая схема, намѣченная нами для предстоящаго изложенія науки исторіи русскаго права.

Глава II.

Литературныя пособія, рекомендуемыя для самостоятельнаго ознакомленія съ главнѣйшими отдѣлами исторіи русскаго права. Знакомство съ первоисточниками.

Въ введеніи къ каждой наукѣ обыкновенно принято давать болѣе или менѣе подробныя указанія ея литературы. Нельзя не признать этого обыкновенія весьма полезнымъ въ пропедевтическомъ отношеніи. Именно съ этой точки зрѣнія считаемъ и мы необходимымъ указать наиболѣе доступныя пособія, которыя могутъ быть рекомендованы для самостоятельнаго чтенія по предмету нашей науки. Этою точкою зрѣнія обусловливается самый выборъ рекомендуемыхъ нами пособій: мы останавливаемъ ближайшее вниманіе читателя лишь на трудахъ, во первыхъ—наиболѣе доступныхъ (относительно, конечно), во вторыхъ—возможно объективныхъ и чуждыхъ полемическаго характера; если же доводится приводить труды полемическаго характера, то мы ссылаемся и на труды противниковъ ихъ авторовъ. Выборъ пособій съ точки зрѣнія достоинства ихъ внутренняго содержанія—долженъ оставаться, конечно, на совѣсти составителя настоящей книги.

Особенно подробное указаніе литературы мы считаемъ излишнимъ какъ потому, что не мало такого рода указаній уже дано было нами выше, такъ и потому, что лица, ищущія систематическаго знакомства съ источниками, пособіями и литературою исторіи русскаго права, могутъ обратиться къ нашей же книгѣ: „Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература. Библіографическій указатель“ (Казань 1891 г.),—которая служитъ какъ бы преддверіемъ къ настоящему труду нашему. Сверхъ того, необходимыя литературныя указанія будутъ даваемы и въ соотвѣтствующихъ частяхъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

Сдѣлавъ эти необходимыя оговорки, укажемъ важнѣйшія пособія для ознакомленія съ отдѣльными частями нашей науки [1]).

I. Общія пособія и курсы исторіи русскаго права.

С. М. Шпилевскій: Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства (Учен. Зап. Казанск. унив. за 1862 г.).

Ѳ. И. Леонтовичъ: Исторія русскаго права. До-княжескій періодъ (Од. 1869).

**В. И. Сергѣевичъ*: Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права (Спб. 1883 и послѣдующія изданія).

**М. Ф. Владимірскій-Будановъ*: Обзоръ исторіи русскаго права (Кіевъ, изд. 1886 и послѣд.).

В. Н. Латкинъ: Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права. Московское государство—Россійская имперія (Спб. 1888).

II. Памятники права.

**В. В. Сокольскій*: О договорахъ Олега съ греками (Кіевскія унив. изв. 1870 г., IV).

В. И. Сергѣевичъ: Греческое и русское право въ договорахъ съ греками (Ж. М. Н. Пр. 1882 г., ч. 219).

**Н. В. Калачовъ*: Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды (М. 1846 и 1880).

Ѳ. И. Леонтовичъ: Русская Правда и Литовскій Статутъ (Кіевск. унив. изв. 1865 г.).

П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій: Изслѣдованія о Русской Правдѣ (Два вып., М. 1881-85).

([1]) Пособія приводятся въ хронологическомъ порядкѣ, за исключеніемъ рубрики II, гдѣ они расположены по памятникамъ.

Звѣздочкою (*) обозначены пособія, рекомендуемыя для выбора лицамъ, не ищущимъ спеціальнаго изученія нашей науки, но лишь общаго знакомства съ содержаніемъ и отдѣльными вопросами ея, *въ цѣляхъ исключительно общеобразовательныхъ*.

И. Е. Андреевскій: О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г. (Спб. 1855).
Б. Н. Чичеринъ: Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей (Русск. Вѣстн. 1857 г., VII—VIII; также въ его „Опытахъ по ист. русск. права“, М. 1858).
И. Е. Энгельманъ: Гражданскіе законы Псковской Судной Грамоты (Спб. 1855).
**Θ. Устряловъ*: Изслѣдованіе Псковской Судной Грамоты (Спб. 1855).
Θ. Пановъ: Изслѣдованіе о Новгородской Судной Грамотѣ (Сборникъ изд. студентами С.-Петерб. унив., 1856).
А. Н. Горбуновъ: Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ въ XIII—XV в.в. (Архивъ ист. и практ. свѣд., изд. Калачовымъ, 1860—61, кн. 1 и 5).
Н. Шалфѣевъ: Объ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа (Спб. 1868).
Н. Загоскинъ: Уставныя грамоты XIV—XVI в.в. (2 вып., Каз. 1875—76; Учен. Зап. Казанск. унив. 1875—76 г.г.).
Д. М. Мейчикъ: Грамоты XIV и XV в.в. московскаго Архива М—ва Юстиціи (М. 1883).
Д. М. Мейчикъ: Судныя дѣла XV столѣтія и ихъ значеніе для Судебника Іоанна III (Юрид. Вѣстн. 1883 г., II).
**Н. В. Калачовъ*: О Судебникѣ царя Іоанна Васильевича (Юрид. Зап. изд. Рѣдкинымъ, М. 1841, I).
В. Строевъ: Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія 1649 г. (Спб. 1833).
**Θ. Л. Морошкинъ*: Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи (М. 1839).
Я. Есиповичъ: Литературная разработка и общая характеристика Уложенія 1649 г. (Ж. М. Н. Пр. 1859, VII).
**М. Ф. Владимірскій-Будановъ*; Литовскій Статутъ и Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича (Сборникъ Госуд. Знан., изд. Безобразовымъ, т. IV, Спб. 1877).
**Н. Загоскинъ*: Уложеніе царя и в. к. Алексѣя Михаиловича и земскій соборъ 1648—1649 г. (Актъ Казанск. унив. 1879; отдѣльно: К. 1879).
Д. М. Мейчикъ: Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 (Сборникъ Археол. Инст., III, Спб. 1880).

III. Исторія кодификаціи.

С. В. Пахманъ: Исторія кодификаціи гражданскаго права (2 т. т., Спб. 1876).

Н. Д. Сергѣевскій: Предисловіе къ изданію В. В. Востокова: „Проекты уголовнаго уложенія 1754—1766“ (Спб. 1882).

**В. И. Сергѣевичъ*: Откуда неудача Екатерининской законодательной коммиссіи? (Вѣстн. Евр. 1878, № 1).

**В. Н. Латкинъ*: Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII стол. (Спб. 1887).

**М. М. Сперанскій*: Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ (Спб. 1833, Од. 1889).

А. В. Романовичъ-Славатинскій: Государственная дѣятельность гр. М. М. Сперанскаго (К. 1873).

IV. Организація Верховной Власти. Вѣче и земскіе соборы.

К. А. Неволинъ: О преемствѣ великокняжескаго Кіевскаго престола („Сочиненія“, VI, 1859).

С. М. Шпилевскій: Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Ивана IV (Юрид. Журн., изд. Салмановымъ, 1861 г., № 5).

К. С. Аксаковъ: Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ („Сочиненія“, I, М. 1861)

**В. И. Сергѣевичъ*: Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей (М. 1867).

И. Д. Бѣляевъ: Земскіе соборы на Руси (Актъ Москов. унив. 1867 г.).

**В. И. Сергѣевичъ*: Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ (Сборникъ Госуд. Знан., II, Спб. 1875).

Н. Загоскинъ: Земскіе соборы („Исторія права Московскаго государства“, I, Каз. 1877, стр. 207—344).

П. В. Полежаевъ: Московское княжество въ первой половинѣ XIV в. (Спб. 1878).

Внутренній бытъ русскаго государства въ 1740—1741 г.г.: Верховная власть и Императорскій Домъ (Изд. Москов. Арх. Мин. Юст., М. 1880).

Ф. Н. Дьячанъ: Очеркъ вѣчевой жизни въ древней Россіи (глава IV его сочиненія: „Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ и пр.“ (Варшавск. унив. изв. за 1881 и 1882 г.г.).

**И. Й. Дитятинъ*: Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ управленіи Московскаго государства (Русск. Мысль 1880 г., № 5).

В. Н. Латкинъ: Земскіе соборы древней Руси (Спб. 1885).

Д. Я. Самоквасовъ: Происхожденіе Московскаго государства. Исторія порядка преемства великокняжеской власти въ Московскомъ государствѣ (Варшав. унив. изв. 1886 г., № 3).

**М. А. Дьяконовъ*: Власть Московскихъ государей (Спб. 1889).

V. Центральное управленіе.

А. Вицынъ: Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра Великаго до изданія общаго учрежденія министерствъ (Казань, 1855).

**К. А. Неволинъ*: Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго („Сочиненія“, т. VI, 1859).

П. Даневскій: Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи (Спб. 1859).

**А. Д. Градовскій*: Высшая администрація XVIII вѣка и генералъ-прокуроры (Спб. 1866).

С. А. Петровскій: О Сенатѣ при Петрѣ Великомъ (М. 1875).

Н. Востоковъ: Святѣйшій Синодъ и отношенія его къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ при императорѣ Петрѣ I. (Ж. М. Н. Пр., 1875 г., ч.ч. 180, 182).

Н. Загоскинъ: Дума Боярская („Исторія права Московскаго государства“, т. II, вып. I, Каз. 1879).

**В. О. Ключевскій*: Боярская дума древней Руси (М. 1882 и 1883; Русск. Мысль, 1880 и 1881).

Внутренній бытъ русскаго государства въ 1740—1741 г.г.: Высшія государственныя учрежденія (Изд. Москов. Арх. Мин. Юст., М. 1886).

VI. Мѣстное управленіе.

К. Арсеньевъ: Объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до конца XVIII вѣка („Матеріалы для статистики Русской Имп.“, изд. Стат. Отдѣл. м—ва внутр. дѣлъ, Спб. 1839).

А. Вицынъ: Краткій очеркъ управленія въ Россіи и пр. (Каз. 1855, раздѣлъ II: Учрежденія губернскія, стр. 231 и слѣд.).

Б. Н. Чичеринъ: Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ (М. 1856).

А. В. Романовичъ-Славатинскій: Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія губерній 1775 г. (1859).

И. Д. Бѣляевъ: О судѣ намѣстничьемъ на Руси въ старину (Юрид. Журн., изд. Салмановымъ, 1861 г., №№ 7—9).

И. Е. Андреевскій: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ (Спб. 1864).

А. Д. Градовскій: Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи (Спб. 1868).

П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій: Областное управленіе Россіи въ XVIII вѣкѣ, до учрежденія о губерніяхъ. Часть первая: 1708—1719 (М. 1876).

VII. Дружина, служилый классъ, дворянство.

Г. Ф. Миллеръ: Извѣстія о дворянахъ россійскихъ, о ихъ начальномъ происхожденіи, старинныхъ чинахъ, должностяхъ и пр. (Спб. 1790).

И. Д. Бѣляевъ: О дружинѣ и земщинѣ въ Московскомъ государствѣ (Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др., 1849 г., I).

Его же: О служилыхъ людяхъ въ Московскомъ государствѣ (тамъ же, 1849, III, 1850, III).

А. В. Романовичъ-Славатинскій: Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права (Спб. 1870 г.).

Н. Загоскинъ: Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до—Петровской Руси (Каз. 1876).

А. И. Маркевичъ: Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вв. (Од. 1879).

VIII. Духовенство.

**С. М. Соловьевъ*: Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1846—47, VI).

Смирновъ: О значеніи духовенства, какъ сословія государственнаго, съ XIV до XVII вв. (Москов. Вѣдом. 1851 г., №№ 51, 106, 107).

Объ отношеніи гражданской власти къ русскому духовенству въ XVII и XVIII стол. (Правосл. Собес. 1863 г., II—III).

М. И. Горчаковъ: О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Свят. Синода, 988—1738 (Спб. 1871).

А. С. Павловъ: Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи (Од. 1871).

**П. В. Знаменскій*: Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра (Каз. 1873).

IX. Городское населеніе.

И. Д. Бѣляевъ: Города на Руси до монголовъ (Ж. М. Н. Пр. 1848, ч. 57).

Л. О. Плошинскій: Городское или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи, отъ начала Руси до новѣйшихъ временъ (Спб. 1852).

**И. И. Дитятинъ*: Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. I. Города Россіи въ XVIII стол. (Спб. 1875).

**Его же*: Городское самоуправленіе въ Россіи до 1870 г. (Яросл. 1877).

**Н. Д. Чечулинъ*: Города Московскаго государства въ XVI в. (Спб. 1889).

X. Крестьянское населеніе и крестьянская община.

В. Н. Лешковъ: Общинный бытъ древней Россіи (Ж. М. Н. Пр. 1855 г., ч. 91).

**Б. Н. Чичеринъ*: Сельская община въ Россіи (Русск. Вѣст. 1856, I, также въ его: „Опытахъ по исторіи русскаго права", М. 1858).

Полемика по поводу этого вопроса — см. статьи: И. Д. Бѣляева въ „Русской Бесѣдѣ", 1856, №№ I, II, IV, и отвѣтъ Чичерина въ „Русск. Вѣстн." 1856, III—IV, а также въ его „Опытахъ по ист. русскаго права".

М. П. Погодинъ: Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права въ Россіи? (Русск. Бесѣда 1858, IV).

Полемика по поводу этого вопроса — см. статью Н. И. Костомарова въ „Архивѣ истор. и практ. свѣд." Калачова, 1859 г., I, и отвѣтъ Погодина, тамъ же, 1859 г., III.

**И. Д. Бѣляевъ*: Крестьяне на Руси (М. 1860 и 1879).

К. П. Побѣдоносцевъ: Историческіе очерки крѣпостнаго права въ Россіи („Историч. изслѣдов. и статьи", Спб. 1876).

**В. О. Ключевскій*: Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи (Русск. Мысль 1885 г., №№ 8—10).

**В. И. Семевскій*: Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка (2 тт., Спб. 1888).

**Н. П. Семеновъ*: Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II (Спб. 1889—90).

XI. Рабы (холопы, кабальные люди).

Б. Н. Чичеринъ: Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка („Опыты по исторіи русск. права", М. 1858).

**В. О. Ключевскій*: Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи (Русск. Мысль 1886 г., №№ 5, 7, 9, 10).

XII. Иностранцы.

И. Е. Андреевскій: О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія на престолъ Іоанна III (Спб. 1854).

Г. Гамель: Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол. (Спб. 1865—69).

А. С. Лаппо-Данилевскій: Иноземцы въ Россіи въ царствованіе Михаила Θеодоровича (Ж. М. Н. Пр. 1885, № 9).

Д. В. Цвѣтаевъ: Иностранцы въ Россіи въ XVI—XVII вв. (Русск. Вѣстн. 1887, № 12).

А. Н. Пыпинъ: Иноземцы въ Московской Россіи (Вѣстн. Евр. 1888, № 1).

XIII. Полицейское право.

В. Н. Лешковъ: Очеркъ древнихъ русскихъ законовъ о сохраненіи народнаго богатства (Временникъ М. Общ. Ист. и Др., кн. XVIII, 1854).

С. М. Шпилевскій: О благоустройствѣ по Уложенію и современнымъ ему памятникамъ (Временникъ М. Общ. Ист. и Др., кн. XXIV, 1856).

В. Н. Лешковъ: Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII в. (М. 1858).

И. Е. Андреевскій: Полицейское право (2 тт., Спб. 1871—74; здѣсь дается много историческихъ указаній).

И. Т. Тарасовъ: Личное задержаніе. Полицейскій арестъ въ Россіи. Періодъ до—княжескій, княжескій и царскій (Яр. 1877).

XIV. Финансовое право.

Д. А. Толстой, графъ: Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи со временъ основанія государства до кончины Екатерины II (Спб. 1848).

Е. Г. Осокинъ: Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи (Каз. 1850).

Его же: О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ развитіи его въ Россіи (Каз. 1856).

П. Н. Милюковъ: Государственное хозяйство въ Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго (Ж. М. Н. Пр. 1890 г., №№ 9—11; отдѣльно: Спб. 1891).

**А. С. Лаппо-Данилевскій*: Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со времени смутнаго времени до эпохи преобразованій (Спб. 1890).

XV. Гражданское право.

**К. А. Неволинъ*: Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ (3 тт. Спб. 1848—51; „Сочиненія", тт. 3—5, Спб. 1857—58).

И. Е. Энгельманъ: Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ (Спб. 1855).

И. Д. Бѣляевъ: Какъ понимали давность въ разное время и русское общество и русскіе законы (М. 1855).

Его же: О наслѣдованіи безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ до Уложенія царя Алексѣя Михаиловича (М. 1858).

**В. Никольскій*: О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ (М. 1859).

К. Д. Кавелинъ: Взглядъ на историческое развитіе порядка законнаго наслѣдованія и пр. (Спб. 1860).

И. Е. Энгельманъ: О давности по русскому гражданскому праву. Историко-догматическое изслѣдованіе (Ж. Мин. Юст. 1868, т. 36; отдѣльно: Спб. 1868).

**К. П. Побѣдоносцевъ*: Курсъ гражданскаго права (I—III, Спб., изданія 1871—1892 г.г.; здѣсь дается много историческихъ указаній).

Г. Ѳ. Блюменфельдъ: О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи (Записки Новоросс. унив. 1884 и 1885 гг., отдѣльно: Од. 1884).

XVI. Уголовное право.

В. А. Линовскій: Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича (Од. 1847).

Деппъ: О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михаиловича (Спб. 1849).

А. Богдановскій: Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра Великаго (М. 1857).

Н. И. Ланге: Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды (Спб. 1861 г., также въ приложеніяхъ къ Архиву ист. и практ. свѣд. Калачова, 1859 г.).

**А. Чебышевъ-Дмитріевъ*: О преступномъ дѣйствіи по русскому до — Петровскому праву (Учен. Зап. Казанск. унив. 1862; отдѣльно: Каз. 1862).

Н. Неклюдовъ: Дополненія по исторіи русскаго права къ переводу уголовнаго права А. Бернера (Спб. 1865 —67).

**Н. Д. Сергѣевскій*: Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII в. (Спб. 1888).

**А. Н. Филипповъ*: О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою (М. 1891).

XVII. Процессъ.

**К. Д. Кавелинъ*: Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ (М. 1844; „Сочиненія", т. I, 1859).

С. В. Пахманъ: О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву (М. 1851).

К. Троцына: Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи со времени основанія государства (Спб. 1851).

**П. Чоглоковъ*: Объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михаиловича (Юридич. Сборникъ, изд. Д. И. Мейеромъ, Каз. 1855).

А. Вицынъ: Третейскій судъ по русскому праву (М. 1856).

**Ѳ. М. Дмитріевъ*: Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго аппеляціоннаго судопроизводства отъ Судебниковъ до учрежденія о губерніяхъ (М. 1859).

**В. В. Сокольскій*: Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска (Кіевск. унив. изв. 1871 г.; отдѣльно: К. 1871).

XVIII. Церковное право.

Г. А. Розенкампфъ, баронъ: Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ (М. 1829 и Спб. 1839).

* *К. А. Неволинъ*: О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго (Спб. 1847; „Сочиненія", т. VI, 1859).
**Его же*: О собраніяхъ и ученой обработкѣ церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи (Спб. 1859; „Сочиненія", т. VI, 1859).
Н. В. Калачовъ: О значеніи Кормчей книги въ системѣ древняго русскаго права (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др. 1847 г., и отдѣльно: М. 1850).
И. Д. Бѣляевъ: Объ общественномъ значеніи церкви и ея учрежденій на Руси до монгольскаго владычества (Ж. М. Н. Пр. 1855 г., ч. 91).
А. С. Павловъ: Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ (Учен. Зап. Казанск. унив. 1869; отдѣльно: К. 1869).
И. С. О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи (Спб. 1874).
М. И. Горчаковъ: О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й главы Кормчей книги (Спб. 1880).
А. С. Павловъ: 50-ая глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права (М. 1887).

XIX. Военное право.

Розенгеймъ: Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій до кончины Петра Великаго (Спб. 1878).
П. О. Бобровскій: Развитіе способовъ и средствъ для образованія юристовъ военнаго и морскаго вѣдомства въ Россіи. Періодъ преобразованій Петра Великаго (Спб. 1881).
**Его же*: Происхожденіе Воинскихъ Артикуловъ и изображенія процессовъ Петра Великаго (Спб. 1881).
Его же: Постоянныя войска и состояніе военнаго права въ Россіи въ XVII столѣтіи (Юрид. Вѣстн. 1882 г., т. XI).
**Его же*: Военное право въ Россіи при Петрѣ I. Артикулъ Воинскій (Спб. 1886).
Его же: Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. Историко-юридическое изслѣдованіе (Спб. 1887).

Его же: Бесѣды о военныхъ законахъ Петра Великаго (Спб. 1890).

XX. Международное право.

А. А. Терещенко: Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи (3 тт., Спб. 1837).

И. И. Снегиревъ: Объ иностранныхъ посланникахъ въ Россія (Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 45).

**В. Н. Лешковъ*: О древней русской дипломатіи (М. 1847).

**А. А. Сахаровъ*: Дипломатическіе обычаи древней Россіи (Сынъ Отеч. 1852 г., тт. IX—XII).

А. Н. Поповъ: Русская дипломатія въ XVII вѣкѣ (Московъ. Вѣдом. 1855 г., №№ 47, 60, 62).

А. В. Лохвицкій: О плѣнныхъ по древнему русскому праву XV—XVII вѣковъ (М. 1855).

Само собою разумѣется, что неофитъ науки исторіи русскаго права, ищущій самостоятельнаго труда въ этой области знанія, не можетъ ограничиться одними литературными пособіями; для него является въ высшей степени важнымъ ознакомленіе съ памятниками права въ ихъ подлинникахъ, такъ какъ литература никогда не въ состояніи дать того, что даетъ непосредственное знакомство съ первоисточниками.

Для ознакомленія съ памятниками древняго права (до Уложенія 1649 г.) отличное подспорье имѣется въ лицѣ трехъ выпусковъ „Христоматіи по исторіи русскаго права" проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича и Новоуказныя статьи (1649 — 1696), а равно памятники законодательства послѣдующихъ эпохъ—напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, причемъ важнѣйшіе и наиболѣе органическіе изъ нихъ, не исключая и Уложенія, имѣли не мало и отдѣльныхъ изданій.

Не можемъ, далѣе, не рекомендовать при изученіи нашей науки ознакомленіе съ лѣтописями и, прежде всего, съ лѣтописью начальною (по Собранію Русскихъ Лѣтописей и отдѣльнымъ выпускамъ лѣтописей, изданія Археографической

Коммиссіи), съ Собраніемъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ и съ важнѣйшими для историка-юриста изданіями Археографической Коммиссіи: Актами Археографической Экспедиціи, Актами Историческими (въ особенности первые три тома), Актами Юридическими и Актами относящимися до юридическаго быта древней Россіи.

Хотя бы сколько нибудь внимательное перелистаніе указанныхъ выше изданій—дастъ изучающему оріентировку въ пользованіи первоисточниками, а этимъ будетъ сдѣланъ уже крупный шагъ въ дѣлѣ самостоятельнаго изученія нашей науки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

ФОРМАЦІЯ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СЛАВЯНЕ И НАЧАЛО РУССКОЙ САМОБЫТНОСТИ.

ГЛАВА I.

Славяне.

Данныя сравнительной филологіи, въ примѣненіи къ архаическимъ эпохамъ жизни славянства. — Вопросъ о стародавности славянъ въ мѣстахъ историческаго поселенія ихъ въ Европѣ.—Геродотова Скиѳія.—Попытки связанія скиѳовъ съ русскою исторіею. Забѣлинъ, Иловайскій, Самоквасовъ.—Роксолане и вопросъ о россизмѣ ихъ.—Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о славянахъ.—Венеты, анты, славяне.—Іорнандъ.—Византійскіе писатели.—Свидѣтельства арабовъ.—Преданія славянскихъ народовъ.—Славянская колонизація въ Европѣ, вообще, и колонизація восточныхъ славянъ, въ особенности.

Азія считается колыбелью народовъ такъ называемаго Арійскаго или Индо-Европейскаго племени, къ которому принадлежатъ коренные европейскіе насельники, а въ числѣ ихъ и Славяне, давшіе основной элементъ для образованія русской народности.

Исторія не можетъ указать той весьма отдаленной эпохи, когда часть арійцевъ, оставивъ первоначальную родину свою, —долины Оксуса и Яксарта (нынѣшнія Аму-Дарья и Сыръ-

Дарья), двинулась на западъ и разселилась по различнымъ странамъ Европы. На помощь исторіи выступила въ данномъ случаѣ филологія, которая, путемъ сравнительнаго изученія языковъ всѣхъ народовъ арійскаго корня, выяснила, что было когда то, въ незапамятной глубинѣ вѣковъ, время, когда всѣ арійцы составляли на своей первоначальной азіятской родинѣ одно нераздѣльное цѣлое и говорили однимъ общимъ языкомъ, изъ котораго впослѣдствіе и произошли всѣ языки арійскаго корня. Сравнительное языковѣдѣніе раскрыло, что разселеніе и развѣтвленіе арійскаго племени шли рука объ руку съ развѣтвленіемъ его языка и съ постепеннымъ выдѣленіемъ изъ послѣдняго новыхъ языковъ, которые, въ свою очередь, выдѣляли изъ себя еще новыя лингвистическія вѣтви, по мѣрѣ развѣтвленія самихъ арійцевъ.

Всѣ народы арійскаго происхожденія заключаютъ въ своихъ языкахъ множество словъ одного и того же корня, являющихся осколками существовавшаго когда то обще-арійскаго языка; это то обстоятельство и послужило критеріумомъ для сужденія о порядкѣ, въ которомъ совершилось выселеніе арійцевъ изъ ихъ азіятской родины и о тѣхъ путяхъ, которыми шло разселеніе ихъ по Европѣ. Весьма естественнымъ представляется, что, чѣмъ тѣснѣе родственная связь между извѣстными народами арійскаго племени, чѣмъ позднѣе обособились они одинъ отъ другаго—тѣмъ тѣснѣе должна быть и родственная связь ихъ языковъ, тѣмъ бóльшее количество должны мы находить въ ихъ языкахъ словъ одного и того же корня, для выраженія тѣхъ или другихъ понятій; и, наоборотъ, чѣмъ менѣе общихъ корней находимъ мы въ языкахъ данныхъ арійскихъ народовъ, тѣмъ болѣе отдаленнымъ можемъ мы считать и ихъ родство,—тѣмъ, значитъ, и раньше выдѣлились они изъ общей семьи, раньше обособились между собою.

Но сравнительная филологія идетъ еще дальше этого. Она даетъ намъ даже средства судить о степени развитія и объ условіяхъ быта той или другой вѣтви арійскаго племени до ея распаденія на отдѣльныя народности, путемъ изученія по группамъ всѣхъ словъ, общихъ для этихъ отдѣльныхъ народностей; даетъ возможность судить о томъ,—выработались ли извѣстныя условія культурнаго быта даннаго народа уже послѣ его обособленія или еще до его обособленія изъ родственной ему арійской вѣтви; даетъ даже возможность, путемъ подобнаго же

сравнительнаго изученія языковъ, указать тѣ общія всѣмъ народомъ арійскаго племени условія быта, которыя существовали еще на первоначальной азіятской родинѣ его. Такимъ историко-филологическимъ путемъ является возможность прослѣдить,—до извѣстной степени, конечно,—каковы были, напримѣръ, условія быта германской или славянской вѣтви арійскаго племени до распаденія ихъ на отдѣльныя народности и какъ, постепенно, развивались условія быта въ каждой изъ этихъ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, общность у всѣхъ народовъ арійскаго корня словъ, выражающихъ собою семейныя отношенія (отецъ, мать, братъ, сестра, вдова) даютъ ключь къ сужденію объ организаціи древне-арійской семьи; общность у славянскихъ народовъ словъ: орать (т. е. пахать), сѣять, жать, плугъ, коса, серпъ, жито, родственныя названія злаковъ—указываютъ намъ на то, что славянская вѣтвь арійскаго племени издревле знакома была съ земледѣліемъ, знакома была съ нимъ еще до своего распаденія на отдѣльныя народности; на древнюю осѣдлость славянской вѣтви арійцевъ указываетъ намъ и общность у всѣхъ славянскихъ народовъ слова: „домъ" и отдѣльныхъ его частей—печь, порогъ, окно, стѣна и др. Выясняется, далѣе, совершенно такимъ же путемъ, что арійскому племени, еще до распаденія его на отдѣльныя народности, были извѣстны многія домашнія животныя, нѣкоторыя ремесла и даже земледѣльческія орудія; изъ металловъ онъ зналъ: золото, серебро, мѣдь и, отчасти, желѣзо. Мореплаваніе, а также искусство письма—были ему вовсе невѣдомы; впрочемъ, лодка и весло уже были извѣстны пра-арійцамъ. Выясняется, такимъ образомъ, что осѣдлость и извѣстной степени культурность были присущи арійскому племени еще въ его первоначальной азіятской родинѣ и что русскіе славяне IX вѣка, напримѣръ, не могли находиться въ такомъ полудикомъ состояніи, не могли жить въ лѣсахъ „звѣриньскимъ образомъ, скотьски, яко же всякій звѣрь", какъ повѣствуетъ о томъ наша начальная лѣтопись.

Слѣдуя указанному выше методу, сравнительная филологія выяснила намъ самый историческій ходъ разселенія и развѣтвленія первоначальнаго арійскаго пра-народа; этотъ процессъ развѣтвленія, въ видахъ удобнѣйшаго его усвоенія, можетъ быть представленъ слѣдующею схемою:

Обще-Арійское племя.
(жившее нѣкогда на первоначальной
азіятской родинѣ и говорившее однимъ
общимъ языкомъ).

Западная вѣтвь его. (Выселилась въ Европу). — Восточная вѣтвь его. (Осталась въ Азіи).

Сѣверно-европейская или славяно-германская отрасль. — Южно-европейская или греко-итало-кельтская отрасль. — Иранцы. Индусы.

Германцы. Славяно-Литовцы. — Греки. Итало-кельты.

Славяне. Литва. — Кельты. Италійцы.

Отдѣльные славянскіе народы.

Разсматривая эту схему, мы находимъ, что арійское племя прежде всего распалось на двѣ вѣтви—западную и восточную. Восточная вѣтвь, выдѣливъ изъ себя отрасли иранскую и индусскую, осталась въ Азіи. Западная отрасль двинулась въ Европу и, въ свою очередь, распалась на двѣ народности: сѣверно-европейскую, или славяно-германскую, и южно-европейскую, или греко-итало-кельтскую. Первая выдвинула на арену исторіи германцевъ и славяно-литовцевъ, вторая—кельтовъ и италійцевъ; славяно-литовцы, въ свою очередь, выдѣлили славянъ и литовцевъ. Само собою разумѣется, что этотъ сложный процессъ разселенія и развѣтвленія арійскаго племени—дѣло многихъ тысячелѣтій; несомнѣннымъ представляется и то, что, появившись въ Европѣ, арійскіе выходцы столкнулись здѣсь съ ея аборигенами: на это указываетъ массовое нахожденіе по всей Европѣ остатковъ каменнаго вѣка, которые не могли принадлежать арійцамъ, знавшимъ употребленіе металловъ еще на первоначальной родинѣ своей.

Въ какой постепенности совершилось разселеніе въ Европѣ западной вѣтви арійскаго племени? По весьма основательному замѣчанію И. Е. Забѣлина—всего естественнѣе предположить, что „кто остался позади въ этомъ шествіи съ востока, тотъ, конечно, и пришелъ послѣ всѣхъ“. Въ этомъ случаѣ приходится предположить, что прежде всѣхъ появились въ Европѣ кельто-италійцы (романское племя), которые и

заняли крайній европейскій юго-западъ; за ними слѣдомъ явились греки, а затѣмъ уже германцы и славяне, которые и заняли оставшіеся имъ сѣверъ, срединный материкъ и востокъ Европы [1]). Если мы обратимся, въ частности, къ славянамъ, то найдемъ, что они позже всего обособились отъ литовцевъ, раньше отъ германцевъ и еще раньше, вмѣстѣ съ этими послѣдними, отъ общей западно-европейской вѣтви арійцевъ. Отсюда же усматривается, что, послѣ литовскаго племени, славяне въ наиболѣе близкихъ родственныхъ отношеніяхъ должны стоять къ племени германскому,—что, дѣйствительно, и подтверждается сравнительно - историческимъ изученіемъ духовной жизни ихъ и, въ частности, исторіи ихъ права. Если мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что исторія совершенно не помнитъ обособленія славянъ отъ германцевъ, а, съ другой стороны, вспомнимъ древность греческой культуры въ Европѣ,—то поймемъ безконечную отдаленность эпохи первоначальнаго разселенія въ нашей части свѣта западной вѣтви арійскаго племени, не далеко, пожалуй, ушедшую отъ „временъ Ноева ковчега“, — какъ выразился одинъ изъ ученыхъ славистовъ.

Не одно тысячелѣтіе скрывалось происхожденіе славянъ въ толчеѣ племенъ и народовъ, то селившихся въ восточной Европѣ, то проходившихъ черезъ нее; не одно тысячелѣтіе протекло отъ этихъ временъ незапамятной старины до появленія историческихъ извѣстій о теперешней русской землѣ. Впервые произносится имя с л а в я н ъ, не ранѣе конца V-го или начала VI-го вѣка, византійскими историками, вслѣдствіе безпрестанныхъ нападеній, которыми славяне безпокоили предѣлы Византійской имперіи и которыя побуждали грековъ ближе познакомиться съ этимъ воинственнымъ и докучливымъ племенемъ. Такое позднее появленіе славянъ, подъ своимъ собственнымъ именемъ, на аренѣ исторіи, давало поводъ отрицать старобытность ихъ въ Европѣ, давало поводъ утверждать, что появленіе славянъ въ Европѣ должно быть пріурочено лишь къ концу IV вѣка, когда они пришли сюда слѣдомъ за гуннами. Особенно настойчиво поддерживали эту мысль нѣмецкіе ученые, выдвигавшіе впередъ первенствующую роль, въ дѣлѣ заселенія средней, сѣверной и восточной Европы, германскаго

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія русской жизни», т. II, стр. (М. 1879).

племени и почти совершенно устранявшіе съ исторической арены наше славянское племя; но не такъ относятся къ этому вопросу французскіе ученые, признающіе глубокую древность появленія въ Европѣ славянъ. Само собою разумѣется, что тенденціозность нѣмецкихъ историковъ и филологовъ не могла не встрѣтить отпора со стороны славянскихъ писателей. І. Добровскій утверждалъ, что славяне являются въ Европѣ такими же стародавними насельниками, какими являются здѣсь и греки, и романцы, и германцы. Польскій ученый Лелевель доказывалъ, что славяне, хотя и подъ другими названіями, не менѣе двухъ тысячелѣтій живутъ въ мѣстахъ нынѣшняго поселенія своего между Одеромъ, Вислою, Нѣманомъ, Днѣпромъ, Днѣстромъ и Дунаемъ. Одновременно съ этимъ у насъ ту же мысль развивалъ Венелинъ, утверждавшій, что „славяне суть старожилы Европы, наравнѣ съ греками и латинами“, что „толковать о распространеніи славянъ съ VI вѣка—значитъ бредить въ просонкахъ“. „Ни мало не удивительно,—пишетъ извѣстный чешскій славистъ Шафарикъ, —если множество самыхъ грубыхъ ошибокъ, имѣющихъ цѣлью унизить славянъ, до того укоренилось въ исторіи сѣверной Европы, что до сихъ поръ напрасны были всѣ усилія опровергнуть ихъ“; „доселѣшніе изслѣдователи сѣверо-европейскихъ древностей,—заявляетъ тотъ же авторъ,—обыкновенно наполняли эту часть свѣта скиѳами, сарматами, кельтами, германцами, финнами и т. п., кому что нравилось и нужно было, но что бы славяне были тамъ старожилами, древнѣйшими обитателями—ни одному изъ нихъ въ голову не приходило“. Мнѣніе о глубокой старобытности славянъ въ Европѣ горячо поддерживается и новѣйшими поборниками славянской школы въ Россіи—Гедеоновымъ, Забѣлинымъ, Иловайскимъ, Самоквасовымъ и др. И. Е. Забѣлинъ не безъ основанія полагаетъ, что „главнѣйшій узелъ, въ которомъ запутаны, затянуты и скрыты всѣ свѣдѣнія о древнѣйшемъ существованіи истинной Руси—находится, выражаясь словами Шафарика, въ пучинѣ великаго переселенія народовъ“, гдѣ, по мнѣнію почтеннаго историка, и должны быть розыскиваемы „истинныя основанія русской исторіи“; онъ утверждаетъ, что всѣ эти скиѳы, сарматы, роксолане, гунны и др. народы, дефилирующіе передъ нами на рубежѣ древней и средней исторіи—весьма значительны для русской исторіи, такъ какъ

„прямо указываютъ на старинныхъ хозяевъ нашей земли, которые въ теченіи вѣковъ не могли же не оставить намъ кое-чего въ наслѣдство“ [1]).

Исторія застаетъ славянское племя уже разселеннымъ въ восточной части Европы, между Балтійскимъ моремъ и устьемъ рѣки Дона, а на западѣ—до рѣки Вислы и Карпатскихъ горъ. Уже въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. племена, населявшія все это обширное пространство территоріи, были извѣстны римскимъ писателямъ (Тацитъ и Плиній Старшій) подъ общимъ наименованіемъ *Венетовъ*, рядъ свидѣтельствъ о которыхъ продолжается до VII вѣка. Но всѣ эти свидѣтельства представляются еще крайне темными и запутанными; если мы и имѣемъ серьезное основаніе предполагать въ этихъ свидѣтельствахъ указанія на древнихъ славянъ, то развѣ только потому, что римскіе писатели послѣдовательно отграничиваютъ венетовъ и отъ германскаго племени, жившаго къ западу отъ нихъ, и отъ финскихъ народцевъ, жившихъ отъ нихъ къ сѣверо-востоку.

Если мы заглянемъ въ эпоху, предшествовавшую нашей эрѣ, то мы встрѣтимся здѣсь съ еще бóльшимъ мракомъ въ вопросѣ о судьбѣ странъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей. Древнѣйшія извѣстія объ этихъ обширныхъ странахъ даютъ намъ греки, которые уже въ VII-мъ и VI-мъ вѣкахъ до Р. Х. стали заводить свои колоніи на Таврическомъ полуостровѣ и по сѣверному побережью Чернаго моря (Понта Эвксинскаго), гдѣ вскорѣ, благодаря греческой культурѣ, и возникли богатые торговые города (Ольвія, Фанагорія, Пантикапея и др.), а самое сѣверное побережье Чернаго моря получило названіе Босфора Кимерійскаго. Само собою разумѣется, что греческіе колонисты должны были вступать въ извѣстныя и, главнымъ образомъ, торговыя, соотношенія къ сосѣднему населенію, занимавшему необозримыя пространства, простиравшіяся далеко на сѣверъ отъ цвѣтущаго Босфорскаго побережья, въ глубь странъ, представлявшихся имъ невѣдомою областью чудесъ, крайнимъ предѣломъ обитаемаго міра.

Древнѣйшія извѣстія объ этихъ странахъ оставилъ намъ греческій историкъ *Геродотъ* (V вѣкъ до Р. Х.), лично посѣ-

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія русской жизни», I, стр. 207 и слѣд.

тившій какъ Босфоръ Кимерійскій, такъ и прилегающія къ нему области. „Отецъ исторіи“ называетъ всѣ народы, обитавшіе сѣверное побережье Чернаго и Азовскаго морей, а равно и страны на полночь отъ него — общимъ наименованіемъ *Скиѳовъ*, давая и географическое понятіе о пространствѣ территоріи, заселенной скиѳами: оно выразится площадью квадрата, построеннаго на прямой линіи, проведенной между устьями рѣкъ Дуная и Дона, т. е. пространствомъ, обнимаемымъ нынѣшними губерніями: Херсонскою, Екатеринославскою, Харьковскою, Полтавскою, Кіевскою, Подольскою, Волынскою, Черниговскою, Курскою, Орловскою и частями прилегающихъ къ нимъ.

Все скиѳское населеніе подраздѣляется, по сказанію Геродота, на нѣсколько племенъ. Ближайшее къ г. Ольвіи скиѳское племя составляли Каллипиды, принявшіе въ себя уже довольно значительную примѣсь греческаго элемента. Дальше ихъ на сѣверъ жили Алазоны, а еще выше— Скиѳы-Пахари, преимущественное занятіе которыхъ составляло земледѣліе, при чемъ они собирали хлѣбъ не только для собственнаго потребленія, но и на продажу,—черта уже довольно значительнаго культурнаго состоянія; по топографіи Геродота, мѣсто поселенія этихъ скиѳовъ-пахарей приходится какъ разъ на кіевское Приднѣпровье. Къ востоку отъ нихъ, до рѣки Донца — были разселены Скиѳы-Пастыри, главнымъ занятіемъ которыхъ служило скотоводство и которые вовсе не знали земледѣлія. По низовьямъ р. Дона, по сѣверному побережью Азовскаго моря, занимая и сѣверную часть Таврическаго полуострова—обитали Царскіе Скиѳы, господствующее и наиболѣе культурное скиѳское племя. Страны къ востоку отъ р. Дона Геродотъ населяетъ Савроматами,—племя, о которомъ „отецъ исторіи“, повидимому, и самъ не имѣлъ обстоятельныхъ свѣдѣній, а земли къ сѣверу отъ нихъ—Вудинами. Внѣ предѣловъ только что описанной территоріи живутъ уже народы совершенно баснословные: на западъ отъ Скиѳіи—Агаѳирсы, въ верховьяхъ рѣкъ Днѣстра, Буга и Припети—Невры, одаренные чудесною способностью обращаться въ волковъ, а за ними, къ сѣверу—Антропофаги (людоѣды), имѣющіе своими восточными сосѣдями Меланхленовъ (Черные Кафтаны). Справедливо предполагаютъ, что эти баснословные народы, обита-

ющіе страны, прилегающія къ сѣвернымъ предѣламъ Скиѳіи—измышленіе хитрыхъ купцовъ, стремившихся сохранить за собою исключительное право торговли съ изобилующимъ естественными богатствами нынѣшнимъ русскимъ сѣверомъ.

Не ограничиваясь географическимъ очеркомъ разселенія скифовъ, Геродотъ оставилъ намъ подробное описаніе ихъ нравовъ, обычаевъ, образа жизни и способовъ веденія войны. Это описаніе, въ связи съ этнологическими соображеніями и результатами археологическихъ раскопокъ въ южной Россіи, а въ особенности съ изображеніями скиѳскихъ типовъ и сценъ изъ ихъ жизни, открытыхъ на древнихъ вазахъ и другихъ памятникахъ древности—дали нѣкоторымъ ученымъ основаніе предполагать въ скиѳахъ позднѣйшихъ славянъ. И. Е. Забѣлинъ не сомнѣвается въ возможности связать скиѳовъ-пахарей, населявшихъ среднее Приднѣпровье, съ будущими Полянами нашей начальной лѣтописи; приводя свидѣтельства Геродота объ этомъ племени, г. Забѣлинъ, отмѣтивъ тотъ фактъ, что эти свидѣтельства прямо указываютъ „что земледѣльцы (т. е. скиѳы - пахари) жили по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, къ сѣверу, по крайней мѣрѣ, до Кіева", заявляетъ, что „здѣсь то потомъ и выростаетъ корень нашей Руси, первоначальный корень русской жизни со всѣми ея историческими идеалами и стремленіями", причемъ исторію древнѣйшихъ скиѳовъ продолжили Тавро-Скиѳы, которыхъ авторъ нашъ уже прямо отожествляетъ съ Руссами. Г. Забѣлинъ указываетъ и одинъ изъ идеаловъ, которыми искони проникнута была вся эта скиѳо-славяно-русская страна: это—неудержимое и непремѣнное стремленіе къ морю и дальше за-море, къ богатымъ и благословленнымъ природою чужимъ краямъ [1]).

Еще категоричнѣе высказывается въ этомъ направленіи Д. И. Иловайскій. Онъ прямо утверждаетъ, что „скиѳы составляли одну изъ обширныхъ вѣтвей арійской или индоевропейской семьи народовъ, именно вѣтвь германо-славянолитовскую". Вступивъ изъ Азіи въ Европу, скиѳскія орды столкнулись въ восточной части ея съ своими предшественниками-сородичами Киммеріянами, въ которыхъ нашъ историкъ предполагаетъ Кельтовъ и, отчасти вытѣснили ихъ дальше на западъ, отчасти же смѣшались съ ними. Г. Иловай-

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія русской жизни», II, стр. 251—261.

скій считаетъ даже возможнымъ начинать исторію нашей страны съ Дарія Гистаспа, ходившаго усмирять непокорныхъ скиѳовъ и на себѣ испытавшаго все коварство такъ называемой „скиѳской войны“, заключавшейся въ заманиваніи непріятеля въ глубь страны, избѣгая рѣшительныхъ битвъ и оставляя врагу опустошенныя пространства территоріи. Какъ бы то ни было, но, соглашаясь до извѣстной степени съ разноплеменностью скиѳской страны, г. Иловайскій утверждаетъ, что здѣсь „преобладало, конечно, славянское племя“ [1]). За скиѳское происхожденіе славянъ стоитъ и Д. Я. Самоквасовъ, утверждающій, что „предками русскихъ и польскихъ славянъ были гето-дакійскія племена, оставившія придунайскую прародину въ эпоху владычества римлянъ („волохи“ нашей начальной лѣтописи) въ Дакіи, составлявшей западную половину древней Скиѳіи“, вслѣдствіе чего г. Самоквасовъ и видитъ возможность отодвинуть начало русской исторіи ко II вѣку до Р. Х., къ эпохѣ императора Трояна [2]).

Мысль о генетической связи славянъ съ древними скиѳами — представляется весьма вѣроятною, такъ какъ нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что-бы обширное славянское племя появилось на аренѣ исторіи изъ ничего. Но это мнѣніе,—въ этомъ слѣдуетъ сознаться,—до сихъ поръ остается на уровнѣ болѣе или менѣе удачной и остроумной гипотезы, такъ какъ вопросъ о родствѣ скиѳовъ и славянъ — не можетъ еще считаться поставленнымъ на положительную почву. Да и въ вопросѣ о самомъ происхожденіи скиѳовъ европейскіе ученые до сихъ поръ не пришли еще къ окончательному соглашенію: одни считаютъ ихъ монгольскаго происхожденія, полагая, что славяне явились въ восточной Европѣ уже ихъ преемниками, другіе придаютъ имъ финское происхожденіе.

Естественнѣе всего предположить, что Геродотовы скиѳы врядъ ли пріурочивались къ какой либо опредѣленной племенной группѣ, что названіе „скиѳъ“, „скиѳы“—было у грековъ нарицательнымъ для обозначенія разнаго рода племенъ, выходившихъ изъ нѣдръ Азіи и водворявшихся, на болѣе или

---

[1]) Д. И. Иловайскій: «Розысканія о началѣ Руси» (М. 1876), стр. 6—8, 22.

[2]) Д Я. Самоквасовъ: «Исторія русскаго права», вып. II (В. 1884), стр. V—VII, 3, 144—145.

менѣе постоянное жительство, въ степяхъ сѣвернаго прибережья Чернаго и Азовскаго морей, какъ у римскихъ писателей такое же нарицательное значеніе получаетъ наименованіе: „сарматъ“, „сарматы“, для обозначенія всѣхъ вообще обитателей мало-извѣстной имъ восточной Европы, соотвѣтствующей Геродотовой Скиѳіи. Если мы взглянемъ на карту Европы, то увидимъ, что плоская равнина, находящаяся между сѣвернымъ берегомъ Каспійскаго моря и южными отрогами Уральскаго хребта, непосредственно соприкасающаяся съ средне-азіятскими степями, представляетъ собою какъ бы естественныя ворота изъ Азіи въ Европу. Черезъ эти то ворота и шло выселеніе народовъ изъ азіятской прародины въ нашу часть свѣта. Азія, въ теченіи всѣхъ древнихъ и, отчасти, среднихъ вѣковъ, не переставала выбрасывать въ Европу орды кочевниковъ, первымъ мѣстомъ стоянки которыхъ въ Европѣ и служили именно страны, прилегающія къ сѣверному побережью Чернаго и Азовскаго морей, т. е. южная часть нынѣшней Европейской Россіи. Всѣ эти народы должны были, конечно, оставить здѣсь вещественные слѣды своихъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ, стоянокъ, изслѣдовать которыя и разобраться въ которыхъ составляетъ одну изъ насущнѣйшихъ задачъ науки русской археологіи, хотя, надо сознаться, у насъ въ этомъ отношеніи сдѣлано еще очень и очень немного. А такое примѣненіе археологическаго метода представляетъ едва ли не единственный вѣрный путь для того, чтобы разобраться въ пестромъ этнологическомъ калейдоскопѣ, который представляетъ собою исторія нашего древняго Черноморья и Приазовья. Трудно было и грекамъ разобраться во всей этой толчеѣ множества кочевыхъ элементовъ, которые безпрерывно выбрасывались сюда Азіею, осаживались здѣсь, боролись за свое существованіе и—или безслѣдно исчезали въ этой этнографической толчеѣ („погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдка“—какъ мѣсто выразилась наша начальная лѣтопись), или проходили далѣе на западъ, уступая мѣсто новымъ выходцамъ. Греки и окрещивали всѣ эти племена общимъ, нарицательнымъ наименованіемъ „скиѳовъ“ („...бѣ множество ихъ,—пишетъ нашъ лѣтописецъ,—сѣдяху бо по Днѣстру до моря, суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ грекъ Великая Скуѳь“). Монголы были послѣднимъ кочующимъ племенемъ, выброшеннымъ въ

XIII вѣкѣ Азіею на равнину восточной Европы,—въ эпоху, слѣдовательно, уже достовѣрной исторіи; нельзя, конечно, поручиться за то, что бы это событіе было послѣднимъ въ извѣчной исторіи движенія Азіи въ Европу....

Насколько неопредѣленнымъ и общимъ было греческое наименованіе „скиѳы"—на это указываютъ намъ позднѣйшія свидѣтельства греческихъ и римскихъ писателей, въ которыхъ все болѣе и болѣе затемняются Геродотовы извѣстія о Скиѳіи. Страбонъ и Плиній объявляютъ баснословіемъ все то, что пишется и говорится о скиѳскихъ странахъ, а Аристотель еще за два вѣка до того, слѣдовательно много времени спустя послѣ Геродота, упрекалъ легковѣрныхъ согражданъ своихъ въ томъ, что они проводятъ цѣлые дни свои на площадяхъ, слушая баснословные разсказы людей, побывавшихъ на берегахъ Борисѳена (Днѣпра). Діонъ Хризостомъ, греческій писатель I вѣка по Р. Х., свидѣтельствуетъ о скиѳахъ, какъ о дикихъ кочевникахъ, постоянно враждующихъ между собою, не имѣющихъ опредѣленной осѣдлости и постоянно тревожащихъ своими набѣгами греческія колоніи, а Плиній, римскій писатель того же вѣка, прямо заявляетъ, что названіе „скиѳы"—является нарицательнымъ, прилагаемымъ къ самымъ разнообразнымъ народностямъ, не выключая отсюда и германцевъ. Византійскіе авторы пошли еще дальше въ обобщеніи названія „скиѳы": у нихъ слово „скиѳъ" сдѣлалось синонимомъ римскаго названія „варваръ",—стало употребляться для обозначенія чужеземца, чуждаго римско-византійской культуры.

Такимъ образомъ, общимъ выводомъ изъ всѣхъ свѣдѣній, которыми располагаетъ въ настоящее время наука по отношенію къ вопросу о скиѳахъ и соотвѣтствующихъ имъ сарматахъ римскихъ авторовъ — можно признать тотъ, что подъ этими наименованіями нельзя разумѣть опредѣленной народности; что эти наименованія были нарицательными для всѣхъ народностей, въ различныя эпохи населявшихъ страны къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей и что если бы мы и стали угадывать въ скиѳахъ, въ числѣ другихъ элементовъ, и элементъ славянскій—то, во всякомъ случаѣ, при настоящемъ состояніи науки, не представляется еще возможности сколько нибудь положительнымъ образомъ связать темныя извѣстія о скиѳахъ и сарматахъ съ начальною исторіею русскаго народа. Весьма можетъ быть, что положительное

рѣшеніе этого вопроса въ ту или другую сторону—дѣло болѣе или менѣе близкаго будущаго, но въ настоящее время этотъ вопросъ еще не вышелъ изъ области гипотезъ, предположеній, гаданій и болѣе или менѣе остроумныхъ сближеній и сопоставленій.

Въ силу этого, приходится обратить вниманіе на вѣка сравнительно позднѣйшіе и здѣсь искать болѣе достовѣрныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ о славянахъ, какъ элементѣ, послужившемъ къ образованію русской народности. Тысячелѣтіе, истекшее отъ времени Геродота до появленія первыхъ опредѣленныхъ извѣстій о славянахъ, представляетъ намъ конгломератъ свидѣтельствъ объ отдѣльныхъ народностяхъ, обитавшихъ на востокѣ Европы, въ которомъ въ высшей степени трудно оріентироваться и который даетъ открытое поприще для всякаго рода домысловъ, направленныхъ къ тому, что бы связать начало русской исторіи какъ съ эпохою великаго переселенія народовъ, такъ даже и съ эпохами, ему предшествовавшими. Особенно большое вниманіе удѣляютъ наши историки славянскаго направленія племени *Роксоланъ* („Россъ-Аланы“ по Иловайскому), свѣдѣнія о которомъ сообщаетъ, отъ начала I-го вѣка по Р. Х., римскій географъ Страбонъ. Описавъ рядъ племенъ, жившихъ по сѣверному побережью Чернаго и Азовскаго морей, Страбонъ говоритъ, что самымъ сѣвернымъ изъ нихъ является племя Роксоланъ, населяющее земли между рѣками Днѣпромъ и Дономъ и служащее послѣднимъ къ сѣверу представителемъ скиѳскаго элемента. Рядъ извѣстій о роксоланахъ тянется вплоть до VI вѣка нашей эры. Изъ этихъ извѣстій мы узнаемъ, что роксолане, выступившіе на европейскомъ востокѣ преемниками геродотовыхъ скиѳовъ, разгромленныхъ Митридатомъ Великимъ, были въ теченіи I—III вѣковъ народомъ настолько могущественнымъ, что даже Римъ заискивалъ въ нихъ, задобривая дарами и деньгами.

И. Е. Забѣлинъ не задумывается признать полное тожество Роксоланъ съ будущими Руссами и, основываясь на географахъ II—IV вѣковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи въ среднемъ Приднѣпровьѣ племени Хоановъ или Хуновъ,—въ которыхъ нашъ историкъ слышитъ названіе „кіевлянъ“, — выражаетъ удивленіе, „почему мы никакъ не хотимъ почитать Роксоланъ славянами нашей Кіевской обла-

сти“, такъ какъ на „коренное гнѣздо роксоланъ можетъ прямо указывать область кіевской рѣки Росы или Россы, долина которой исполнена рѣчками и селеніями, носящими тоже имя“. Такимъ образомъ, г. Забѣлинъ признаетъ исконное начало развитія русской жизни въ кіевскомъ Приднѣпровьи, идентизируя: геродотовыхъ скиѳовъ-пахарей, смѣнившихъ ихъ роксоланъ или хуновъ, полянъ IX вѣка и, наконецъ, кіевскихъ руссовъ послѣдующихъ вѣковъ. И. Е. Забѣлинъ идетъ еще далѣе: онъ непосредственно связываетъ начало русской самобытности съ великимъ переселеніемъ народовъ, объявляя Гунновъ („Унны“, „Хуны“, „Хоаны“), съ Аттилою и Гензерихомъ во главѣ—чистокровными славянами, утвердившимися еще въ V вѣка по Р. Х. въ приднѣпровской Кіевской области, гдѣ уже въ то время нашъ историкъ допускалъ возможность существованія города Кіева, названіе котораго слышится ему въ „хунахъ“, „уннахъ“. Г. Забѣлинъ предполагаетъ даже, что гунны были дружиною сѣверо-славянскихъ (балтійскихъ) племенъ, призванною южными племенами для совмѣстнаго сверженія владычества Готовъ,—дружиною, которая и обосновалась въ Кіевской области такимъ же точно образомъ, какимъ обосновалась въ ней, пять вѣковъ спустя, и сѣверная же дружина Олега. Впослѣдствіе, когда гунны „исчезли, какъ дымъ, какъ грозное привидѣніе“,—выражаясь словами г. Забѣлина,—на мѣстахъ ихъ поселенія „выростаютъ, какъ грибы, одни славяне, и имя унновъ очень часто передается славянамъ же“ [1]). Славянское происхожденіе роксоланъ поддерживаетъ и Д. И. Иловайскій. Онъ считаетъ ихъ политически-самобытнымъ Кіевскимъ княжествомъ, развивавшимся въ среднемъ Приднѣпровьи въ теченіи 8-ми вѣковъ—отъ первыхъ извѣстій о роксоланахъ Страбона и до появленія на этомъ же мѣстѣ уже исторической Руси. По мнѣнію г. Иловайскаго, эти роксолане, россъ-алане или „русскій народъ“,—какъ прямо даже рѣшается назвать ихъ нашъ авторъ,—должны были пережить въ теченіи этихъ 8-ми вѣковъ „много испытаній и много перемѣнъ“, причемъ этотъ народъ выдержалъ, несомнѣнно, „напоры разныхъ народовъ и отстоялъ свою землю и свою самобытность, хотя и не разъ подвер-

---

[1]) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія русской жизни», I, стр. 282—291, 296—297, 317, 337—339, 367.

гался временной зависимости, напримѣръ отъ готовъ, гунновъ и аваръ“ [1]).

Таковы двѣ новѣйшія попытки нашихъ ученыхъ славянской школы связать начало русской самобытности съ теченіемъ вещей того пестраго, въ этнологическомъ отношеніи, тысячелѣтія, которое предшествовало возникновенію достовѣрной исторіи русскаго народа Нельзя не сознаться, что работы въ этомъ направленіи представляются въ высшей степени заманчивыми, давая широкое поле для цѣлаго ряда болѣе или менѣе остроумныхъ домысловъ, предположеній, сближеній и т. п.,—начиная съ болѣе нежели вѣроятнаго родства роксоланъ съ будущими россами и кончая славизмомъ Аттилы и отожествленіемъ гунновъ, унновъ, хуановъ съ Кіевомъ и кіевлянами, — но, при настоящемъ состояніи науки, эти работы сильно страдаютъ отсутствіемъ въ нихъ положительной подкладки: „весьма вѣроятно“, „можно предполагать“, „нужно думать“, „кажется“, „можно допустить“ — вотъ тотъ базисъ на которомъ, главнымъ образомъ, покоятся еще всѣ эти гадательныя работы. Впрочемъ, самъ И. Е. Забѣлинъ, характеризуя этнографическій характеръ вѣковъ, предшествующихъ началу русской достовѣрной исторіи, говоритъ, что „все это—сбродное, смѣшанное изъ разныхъ племенъ и народностей, должно было существовать въ нашихъ степныхъ приморскихъ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ; но, видимо, что господствующимъ народомъ въ этомъ сбродѣ было славянство“. Вотъ, собственно говоря, единственный положительный выводъ, которымъ г. Забѣлинъ и заключаетъ свою „Исторію русской страны съ древнѣйшихъ временъ“ (глава III-я перваго тома его „Исторіи русской жизни“).

Первыя достовѣрныя извѣстія о славянахъ появляются въ источникахъ лишь съ начала VI вѣка по Р. Х. Съ этой эпохи они становятся извѣстными византійцамъ подъ своимъ настоящимъ именемъ, такъ какъ начинаютъ крѣпко тѣснить съ сѣвера Византійскую имперію и даже вторгаются въ ея задунайскія области. Это не могло не возбудить въ грекахъ стремленія ближе познакомиться съ своими безпокойными сосѣдями, изучивъ ихъ общественный строй, нравы, образъ жизни. И вотъ, съ начала VI-го вѣка открывается

---

[1]) Д. И Иловайскій: «Розысканія о началѣ Руси», стр. 109—110.

рядъ свидѣтельствъ византійскихъ писателей о славянахъ,— свидѣтельствъ не обильныхъ и не подробныхъ, но, тѣмъ не менѣе, далеко не лишенныхъ интереса.

Къ VI-му же вѣку пріурочиваются и извѣстія о славянахъ, оставленныя намъ готскимъ историкомъ *Іорнандомъ.* По свидѣтельству этого автора, къ сѣверу отъ Карпатскихъ горъ, вплоть до устья рѣки Вислы, обитаетъ на неизмѣримыхъ пространствахъ многочисленный народъ, отдѣльныя составныя части котораго различаются наименованіями, въ связи съ различіемъ образующихъ его племенъ и занятыхъ ими мѣстностей, причемъ преобладающими названіями этого народа являются наименованія: Венетовъ, Славянъ (Sclavini) и Антовъ.

Изъ современныхъ Іорнанду византійскихъ писателей особенно цѣннымъ представляются свидѣтельства *Прокопія Кесарійскаго,* который знаетъ славянъ также подъ наименованіями Славянъ и Антовъ; этотъ писатель далъ древнѣйшія и весьма любопытныя свѣдѣнія о бытѣ и религіи славянъ. Говоря объ устройствѣ общественнаго быта славянъ, Прокопій говоритъ, что они не повинуются одному властителю, но издревлѣ живутъ въ народовластіи, сообща обсуждая и рѣшая между собою всякаго рода дѣла; живутъ славяне, по свидѣтельству того же писателя, въ плохихъ хижинахъ, разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ территоріи; жизнь свою устраиваютъ по стариннымъ обычаямъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ; главнымъ божествомъ ихъ является Богъ-громовержецъ (славянскій Перунъ), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они поклоняются и другимъ божествамъ, а также почитаютъ рѣки и рѣчныхъ нимфъ (русалки). Другой византійскій историкъ VI-го вѣка, императоръ *Маврикій,* описывая славянъ и антовъ, говоритъ, что оба народа весьма схожи своими нравами и образомъ жизни: они въ высокой степени почитаютъ свободу и нѣтъ никакой возможности принудить ихъ къ повиновенію единой власти. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ средѣ славянъ царитъ постоянное несогласіе: чего хотятъ одни, на то не соглашаются другіе; ни одинъ не хочетъ повиноваться другому и всѣ питаютъ другъ къ другу вражду. Для поселеній своихъ славяне выбираютъ мѣстности болотистыя и лѣсистыя, дѣлая, на случай опасности, нѣсколько выходовъ изъ своихъ домовъ и имѣя обыкновеніе, съ тою же

цѣлью, зарывать все цѣнное имущество въ землю. На войнѣ славяне мужественны и хитры, что, вмѣстѣ съ самымъ характеромъ ихъ поселеній, дѣлаетъ наступательную войну противъ нихъ невозможною. Но, съ другой стороны, Маврикій указываетъ и хорошія стороны въ характерѣ славянъ, восхваляя ихъ гостепріимство, вниманіе къ чужеземцамъ и гуманныя отношенія къ плѣннымъ и невольникамъ. Съ распространеніемъ знакомства византійцевъ съ славянами—названіе Антовъ постепенно исчезаетъ и названіе *Славяне* становится нарицательнымъ для всѣхъ племенъ, населявшихъ земли между устьемъ р. Вислы и р. Дономъ, между Балтійскимъ моремъ и Карпатскими горами.

Къ свидѣтельствамъ о славянахъ, оставленныхъ намъ византійскими авторами, слѣдуетъ добавить и *извѣстія арабскихъ писателей*. Извѣстія о славянахъ были заносимы въ ихъ описательныя сочиненія благодаря тому обстоятельству, что арабскіе торговцы, путешественники и миссіонеры часто посѣщали восточныя области нынѣшняго отечества нашего, гдѣ находился, не вдалекѣ отъ устья р. Камы—городъ Булгаръ, столица царства волжскихъ булгаръ, а при устьяхъ р. Волги — городъ Итиль, столица Казарскаго царства, съ которыми арабы поддерживали постоянныя сношенія и гдѣ они могли имѣть случай познакомиться съ славянами и добыть свѣдѣнія о земляхъ, ими занимаемыхъ. Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что свидѣтельства арабскихъ писателей страшно сбивчивы, неясны и требуютъ величайшей осторожности при пользованіи ими, тѣмъ болѣе, что всѣ встрѣчающіяся въ нихъ имена собственныя племенъ, мѣстностей, рѣкъ и лицъ—даютъ мѣсто для самыхъ разнорѣчивыхъ толкованій. Тѣмъ не менѣе и у арабскихъ писателей весьма вѣрно подмѣчены нѣкоторыя отличительныя черты быта и характера славянъ, вполнѣ согласныя съ свидѣтельствами византійцевъ. По свидѣтельствамъ арабовъ — славяне не составляютъ одного народа, но дѣлятся на множество отдѣльныхъ племенъ, между которыми царитъ вѣчная вражда; одинъ изъ арабскихъ писателей (Масуди) добавляетъ, что если бы славяне не были такъ раздроблены и если бы между отдѣльными племенами ихъ было менѣе несогласія, то ни одинъ народъ въ мірѣ не въ состояніи былъ бы имъ противиться.

Таковы тѣ скудныя и отрывочныя извѣстія, которыми

располагаетъ наука для изученія древнѣйшихъ эпохъ славянской исторіи. Мы видѣли, что историческая наука не можетъ указать ни времени первоначальнаго выселенія славянъ изъ Азіи, ни времени заселенія ими восточной равнины Европы. Послѣ отдаленныхъ и туманныхъ повѣствованій Геродота, позднѣйшихъ, но не менѣе темныхъ, свѣдѣній о скиѳахъ, сарматахъ и венетахъ первыхъ пяти вѣковъ нашей эры—мы дошли до исторически-достовѣрныхъ извѣстій о славянахъ византійскихъ и арабскихъ писателей; но и эти извѣстія мало проливаютъ свѣта на древнѣйшую исторію славянскаго племени. Они констатируютъ намъ лишь одно: въ VI-мъ—X-мъ вѣкахъ славянское племя занимало обширное протяженіе восточной Европы, между Балтійскимъ моремъ, Карпатскими горами, р. Дономъ и верховьями р. Волги. Населявшая это громадное пространство земель славянская народность не представляла изъ себя никакого органическаго цѣлаго: она распадалась на множество разсѣянныхъ на этомъ неизмѣримомъ пространствѣ отдѣльныхъ племенъ, проникнутыхъ духомъ племенной вражды, племеннаго партикуляризма—къ счастью своихъ германскихъ и византійскихъ сосѣдей, которые хорошо пользовались подъ-часъ этою печальною но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ присущею славянской народности чертою характера. Такимъ образомъ, вся древнѣйшая исторія славянъ представляетъ собою до сихъ поръ научную проблемму, въ которой не могутъ разобраться ни историки, ни ученые слависты-филологи.

Обратимся теперь къ *преданіямъ самихъ славянскихъ народовъ*, въ надеждѣ хотя сколько нибудь оріентироваться въ этомъ непроглядномъ мракѣ. Эти преданія, подтверждаемыя изученіемъ названій мѣстныхъ рѣкъ и урочищъ, укажутъ намъ на Дунай, какъ на первоначальную родину славянъ въ Европѣ, какъ на мѣсто древнѣйшаго поселенія ихъ здѣсь послѣ выхода изъ Азіи; пространство земель, расположенныхъ между р. Дунаемъ и Карпатскими горами—является исходною точкою разселенія славянъ по Европѣ. Отсюда началась съ незапамятныхъ временъ колонизація ихъ по различнымъ направленіямъ,—колонизація медленная, незамѣтная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорная и успѣшная. Эта колонизація распространилась: на югъ — до Балканскихъ горъ, переваливъ даже за южные отроги ихъ, на юго-западъ—до Адріатическаго моря; на сѣ-

веръ—по бассейнымъ рѣкъ Эльбы, Одера и Вислы, до самаго Балтійскаго моря; на сѣверо-востокъ—до озера Ильменя, верховьевъ р. Волги и по бассейнамъ рѣкъ западной Двины и Днѣпра. Колонизація на югъ привела славянъ въ соприкосновеніе съ восточною частью Римской имперіи, которой и выпало на долю сдерживать напоръ славянъ къ Эгейскому морю. Колонизація на сѣверъ привела ихъ въ соприкосновеніе съ германцами и была сдержана послѣдними, причемъ съ теченіемъ времени часть славянъ была оттиснута на востокъ, другая же часть подпала вліянію германцевъ и подверглась продолжительному процессу германизаціи. Болѣе интересна для насъ колонизація славянъ на сѣверо-востокъ: въ этой колонизаціи лежитъ зародышъ исторіи русскаго народа, такъ какъ она послужила началомъ разселенія по пространству нынѣшняго отечества нашего отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ основнымъ элементомъ въ составъ будущей русской народности, и надолго обусловила собою дальнѣйшее направленіе исторической жизни ея. Интенсивность славянскаго движенія на востокъ—является, по истинѣ, изумительною; будучи передано русской народности—это движеніе въ тысячу лѣтъ захватываетъ собою всю восточную Европу, всю сѣверную Азію, значительную часть средней Азіи и успѣло было переброситься даже черезъ Беринговъ проливъ, въ прилежащія къ нему земли Сѣверной Америки. Если мы взглянемъ на карту и примемъ въ соображеніе географо-этнографическія условія восточной части Европы, передъ эпохою движенія сюда славянъ отъ странъ придунайскихъ и прикарпатскихъ, то поймемъ причины успѣшности славянской колонизаціи по этому направленію. Дѣйствительно, на сѣверо-востокѣ, начиная отъ восточныхъ отроговъ Карпатскихъ горъ, вплоть до крайнихъ предѣловъ Европейскаго материка и до Уральскаго хребта — безпредѣльною равниною раскинулись неизмѣримыя пространства, перерѣзываемыя могучими рѣками, направляющими теченіе свое въ три моря, примыкающія къ этой равнинѣ. Особенно замѣчательна въ географическомъ отношеніи мѣстность, извѣстная подъ названіемъ Валдайской плоской возвышенности: здѣсь, на незначительномъ по своему протяженію пространствѣ, берутъ начало свое три великія рѣки—Волга, Днѣпръ и Западная Двина. Первая изъ нихъ открываетъ путь въ восточныя края этой обширной равнины и къ отдаленному

морю Хвалисскому (Каспійскому), а черезъ значительнѣйшій притокъ свой Каму—открываетъ дорогу къ самому подножью Уральскаго хребта, естественному предѣлу между Европою и Азіею; вторая рѣка ведетъ на югъ и открываетъ путь къ древнему Понту Эвксинскому, нынѣшнему Черному морю, связывая пустынный сѣверъ съ землями Восточной Римской имперіи — центромъ цивилизованнаго міра первой половины среднихъ вѣковъ; третья рѣка открываетъ путь въ Балтійское море и, черезъ это послѣднее, въ отдаленнѣйшія страны запада. Обиліе рѣчныхъ путей, перерѣзывающихъ восточную равнину Европу, обратило на себя уже вниманіе Геродота, замѣчающаго про описываемую имъ Скиѳію, что она удивительна величіемъ и многочисленностью рѣкъ, ее орошающихъ. Южная, т. е. Днѣпровская, рѣчная система имѣетъ еще одну замѣчательную въ географическомъ отношеніи особенность: войдя рѣкою Невою изъ Финскаго залива въ озеро Нево (нынѣшнее Ладожское) и поднявшись впадающею въ послѣднее рѣкою Волховымъ въ озеро Ильмень, а изъ этого послѣдняго впадающею въ него рѣчкою Ловатью до ея верховьевъ —мы очутимся въ близкомъ разстояніи отъ верхняго теченія Днѣпра, отъ котораго будемъ отдѣлены лишь волокомъ не длиннѣе ста верстъ; перебравшись черезъ этотъ волокъ—мы могли бы спуститься внизъ по Днѣпру до самаго впаденія его въ Черное море. Такимъ образомъ, открывается водный путь, соединяющій Черное море съ сѣверною частью Балтійскаго („Варяжское“ море нашихъ предковъ). Извѣстно, что колонизація особенно успѣшно распространяется по рѣчнымъ системамъ, слѣдуя за теченіемъ рѣкъ и ихъ притоковъ,—а въ этомъ отношеніи восточная равнина Европы находится въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ, открывая колонистамъ удобные пути на сѣверъ, востокъ и югъ. Не могъ представить значительныхъ затрудненій для движенія славянъ на востокъ и этнографическій составъ населенія этой обширной равнины: финскія племена, разсѣянныя по прибережью Финскаго залива, по сѣверной озерной системѣ и по верхнему бассейну р. Волги—не представляли ни по численности своей, ни по условіямъ культурнаго быта своего, такихъ непреодолимыхъ препятствій для славянскаго движенія, какія представляли, на югѣ—греки и римляне, на западѣ—германцы. Славянскія племена безъ особенныхъ затрудненій разселились по сосѣдству съ фински-

ми народцами, — благо много свободныхъ земель оставалось еще здѣсь незанятыми,—и даже, соединившись съ нѣкоторыми изъ нихъ, положили, по извѣстному преданію, начало славяно-русскому государству. Съ этой поры открывается неудержимое стремленіе этого молодаго государства, съ одной стороны—на югъ, съ другой стороны—на востокъ. Быстро, налетомъ, распространивши владычество свое на югъ до Чернаго моря и до устьевъ Дуная и заставивъ трепетать передъ собою могущественную и гордую Византію, славяно-руссы съ половины X-го вѣка начинаютъ оттираться отъ Чернаго моря ордами кочевниковъ, которыхъ Азія не перестаетъ выбрасывать въ Черноморскія и Приазовскія степи: съ половины X-го вѣка появляются здѣсь печенѣги, съ начала второй половины XI-го вѣка—половцы, а затѣмъ распространенію русскаго владычества на югѣ надолго служили препятствіемъ монголы и турки, изъ которыхъ послѣдніе завладѣли достояніемъ павшей въ 1453-мъ году Византійской имперіи. Продолжая почти безпрепятственно свое колонизаціонное движеніе на востокъ, русское государство столкнулось и завязало здѣсь продолжительную борьбу съ царствомъ Волжскихъ Булгаръ,—обширною народностью съ преобладающимъ тюркскимъ элементомъ, которая широко раскинула свои владѣнія по бассейнамъ рѣкъ: Волги, въ среднемъ теченіи ея, и Камы, имѣя рѣку Суру крайнею границею съ западной стороны. Продолжавшаяся съ перемѣннымъ счастьемъ борьба русскаго государства съ булгарскимъ,—въ теченіи которой русской колонизаціи удавалось медленно, но, тѣмъ не менѣе, неукоснительно распространяться все далѣе и далѣе на востокъ, спускаясь по теченію р. Волги и поднимаясь къ сѣверу и югу по ея притокамъ,—была около половины XIII-го вѣка прервана нашествіемъ новой орды, выброшенной Азіею въ Европу черезъ при-Каспійскія ворота—монголовъ, которые нанесли тяжелый ударъ и русскимъ, и булгарамъ, и половцамъ, и надолго остановили дальнѣйшее движеніе наше на востокъ.

Хотя въ исходѣ XV-го вѣка русскому государству и удалось свергнуть съ себя владычество монголовъ, но на развалинахъ павшаго могущества послѣднихъ образовались три монголо-татарскихъ государства, грозившихъ, въ свою очередь, задержать дальнѣйшее распространеніе русской колонизаціи: Крымское ханство—на югѣ, Астраханское царство—на ни-

зовьяхъ р. Волги, и Казанское царство, возникшее на мѣстѣ прежняго царства волжскихъ булгаръ — на востокѣ. Исконное стремленіе русской народности на востокъ заставило русское государство возобновить съ казанцами неумолимую борьбу, которую раньше вели они съ булгарами. Результатомъ этой борьбы было покореніе въ 1552-мъ году Казанскаго, а вслѣдъ затѣмъ и Астраханскаго царствъ. Эти два важныя событія укрѣпили русское могущество, открыли путь дальнѣйшему движенію русской народности на востокъ и надолго, если не навсегда, обезопасили какъ русское государство, такъ и всю Европу отъ возможности новыхъ движеній народовъ изъ Азіи въ Европу. Послѣ паденія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, русское движеніе на востокъ возродилось съ новою энергіею и уже къ концу XVI-го вѣка неудержимымъ потокомъ распространилось по ту сторону Уральскаго хребта, въ глубь еще болѣе необозримыхъ, сравнительно съ восточною Европою, равнинъ сѣверной Азіи. Въ XVIII-мъ столѣтіи пало передъ русскимъ могуществомъ и Крымское ханство, и мы снова получили обладаніе сѣвернымъ побережьямъ Чернаго моря, которое еще въ X-мъ вѣкѣ находилось во власти руссовъ, — моря, которое уже въ ту отдаленную эпоху извѣстно было подъ названіемъ „моря Русскаго", смѣнившимъ собою греческое названіе „Понта Эвксинскаго". Въ такомъ видѣ представляются условія и историческій ходъ движенія на востокъ славяно-русской народности. Но сдѣланныя нами общія замѣчанія относительно этого историческаго движенія—заставили насъ заглянуть на много вѣковъ впередъ отъ эпохи первоначальнаго разселенія славянскихъ племенъ по западнымъ землямъ восточно-европейской равнины, заставили насъ прервать послѣдовательный ходъ нашего изложенія. Возвратимся къ этому послѣднему.

Мы видѣли, что обще славянскія преданія указываютъ на Придунайскія и на Прикарпатскія земли, какъ на мѣстность первоначальнаго поселенія славянъ въ Европѣ. Въ качествѣ древнѣйшаго мѣста осѣдлости славянъ въ Европѣ на тѣже земли указываетъ и древнѣйшій историческій источникъ русскихъ славянъ — наша, такъ называемая, *начальная лѣтопись*.

Открывая свое повѣствованіе разсказомъ о раздѣленіи между собой сыновьями Ноя всей земли послѣ потопа и указавъ на происхожденіе отъ нихъ всѣхъ народовъ, причемъ

славянская народность произошла отъ племени Іафета, — начальная лѣтопись наша заявляетъ, что „по мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Славѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска (т. е. венгерская) земля и Болгарьска“. Такимъ образомъ, нашъ древній лѣтописецъ заноситъ въ свою лѣтопись общеславянское преданіе о первоначальной родинѣ славянъ въ Европѣ. Изъ этой родины начинается колонизація славянской народности; эта колонизація также отмѣчается лѣтописцемъ. Отсюда, съ Дуная,—повѣствуетъ онъ, — разошлись славяне по землѣ, причемъ отдѣльныя племена ихъ получили названія свои отъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они поселились: одни,—продолжаетъ лѣтописецъ,—получили названіе Моравы (отъ р. Моравы, по которой они осѣлись), другіе—Чеховъ, третьи—Бѣлыхъ Хорватовъ, Сербовъ, Хорутанъ. Что касается, въ частности, выселенія славянъ съ Дуная на сѣверо-востокъ, въ предѣлы нынѣшняго отечества нашего, то лѣтописецъ приводитъ преданіе и о самой причинѣ, вызвавшей это движеніе: на дунайскихъ славянъ насѣли „волохи“ (кто такіе эти „волохи“—до сихъ поръ въ этомъ отношеніи еще не установилось единогласія: одни видятъ въ нихъ кельтовъ, другіе—римлянъ, третьи—даковъ) и своими насиліями побудили часть ихъ выселиться въ болѣе свободныя земли, спустившись съ восточныхъ отроговъ Карпатскихъ горъ и разселившись по восточно-европейской равнинѣ. Разселяясь здѣсь, славянскія племена получили свои названія отъ тѣхъ мѣстностей, которыя были ими заняты. Славяне, сѣвшіе по правому, степному берегу средняго теченія рѣки Днѣпра, назвались *Полянами*; другое племя, поселившееся въ лѣсистой мѣстности, къ западу отъ Полянъ, получило названіе *Древлянъ*; сѣвшіе между рѣками Припетью и Западною Двиною стали называться *Дреговичами*; сѣвшіе по р. Западной Двинѣ — *Полочанами*, получивъ это названіе отъ р. Полоти, притока Западной Двины; сѣвшіе по рѣкамъ Деснѣ, Семи и Сулѣ нареклись *Сѣверянами*; наконецъ славяне, поселившіеся близъ озера Ильменя—„прозвашася своимъ именемъ“, т. е. сохранили за собою родовое названіе *Славянъ*: впослѣдствіе лѣтописецъ, дѣйствительно, знаетъ это племя подъ собственнымъ названіемъ Славянъ, такъ что въ этомъ смыслѣ названіе „Славяне“ — употребляется имъ для отличія новгородскихъ славянъ отъ Полянъ, Древлянъ и др. племенъ восточ-

ныхъ славянъ, получившихъ на новыхъ мѣстахъ поселенія своего и новыя племенныя названія. Сверхъ перечисленныхъ выше племенъ, выселившихся въ восточную равнину Европы непосредственно изъ странъ Придунайскихъ, лѣтописецъ указываетъ намъ еще два славянскія племени, выселившіяся сюда изъ Привислянскихъ странъ, изъ среды славянскаго же племени Ляховъ: это, именно — *Радимичи*, сѣвшіе по р. Сожу (лѣвому притоку верхняго теченія р. Днѣпра), и *Вятичи*, сѣвшіе къ востоку отъ Радимичей, по верховьямъ р. Оки. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько славянскихъ племенъ, населявшихъ земли, непосредственно примыкающія къ восточнымъ отрогамъ Карпатскихъ горъ: *Дулебы* и *Бужане*, сидѣвшіе по верхнему теченію р. Западнаго Буга, *Бѣлые Хорваты*, по верховью р. Днѣстра, и *Лутичи* и *Тиверцы*, населявшіе земли по теченіямъ рѣкъ Буга, Днѣстра и Прута и простиравшіе свои поселенія до береговъ Чернаго моря, захватывая всю береговую линію его между устьями рѣкъ Буга и Дуная.

Въ такомъ видѣ представляется восточно-славянскій міръ къ половинѣ IX-го вѣка, — къ той эпохѣ, съ которой начинается повѣствованіе нашей начальной лѣтописи,—и таковъ былъ этнографическій матеріалъ, которому суждено было послужить основою въ дѣлѣ созданія будущей великой русской народности.

Разселившись въ только что указанномъ порядкѣ, по рѣкамъ и озерамъ восточной Европы, славяне не образовали здѣсь одного политическаго цѣлаго; проникнутые духомъ племеннаго партикуляризма, они не только не могли сплотиться, но, напротивъ, постоянно враждовали между собою и раздирались внутренними усобицами. Объ этомъ партикуляризмѣ и взаимномъ несогласіи славянскихъ племенъ свидѣтельствуютъ намъ и византійскіе и арабскіе писатели; ясныя указанія на нихъ находимъ мы и въ нашей начальной лѣтописи.

ГЛАВА II.

Вопросъ о происхожденіи Руси.

Судьба вопроса о началѣ русской самобытности.—Призваніе князей, какъ начало этой самобытности.—Анализъ факта призванія и вопросъ объ его исторической достовѣрности.—Скептическое ученіе Иловайскаго.—А) *Ученіе норманистовъ.* Его общая характеристика.—Доводы норманистовъ въ пользу скандинавскаго происхожденія Руси: 1) Свидѣтельства начальной лѣтописи, 2) Свидѣтельства византійскихъ писателей, 3) Свидѣтельства западно-европейскихъ источниковъ, 4) Свидѣтельства арабскихъ писателей, 5) Названія Днѣпровскихъ пороговъ, 6) Доводы ономастическіе и лексикологическіе, 7) Сношенія съ Скандинавіею, 8) Корни «рус», «рос» въ шведской географической номенклатурѣ.—Б) *Ученіе антинорманистовъ.*—Теоріи славянскаго происхожденія Руси.—Герберштейнъ.—Писатели XVIII и перв. половины XIX вѣка.—С. А. Гедеоновъ.—Д. И. Иловайскій.—И. Е. Забѣлинъ.—Другія версіи антинорманскаго ученія.—*Среднее мнѣніе* о происхожденіи варяговъ-руссовъ.

Въ высшей степени замѣчательною представляется судьба вопроса о началѣ русской самобытности и о связанномъ съ нею возникновеніи русской государственности, хотя бы только по отношенію къ самымъ существеннымъ и основнымъ положеніямъ его: полтора вѣка уже трудятся и изощряютъ свои таланты и остроуміе надъ разъясненіемъ этого вопроса лучшіе представители русской исторической науки—и до сихъ поръ въ вопросѣ этомъ остается много спорнаго, много непонятнаго, много возбуждающаго и до послѣднихъ дней самыя разнорѣчивыя теоріи и предположенія. Въ такомъ спорномъ, мало освѣщенномъ положеніи остаются до сихъ поръ двѣ краеугольныя стороны вопроса о началѣ Руси: а) Кто были тѣ варяго-руссы, съ призваніемъ которыхъ изъ за-моря наша начальная лѣтопись связываетъ зарожденіе русскаго народа и русскаго государства? и б) Въ какихъ условіяхъ быта и въ какомъ состояніи культуры находились восточно-славянскія племена къ половинѣ IX вѣка, т. е. къ эпохѣ предполагаемаго призванія варяго-руссовъ?

Исходнымъ пунктомъ развитія русской народности и русской государственности принято считать фактъ призванія изъ за-моря, соединенными славяно-финскими племенами, сидѣвши-

ми по озерамъ Ильменю и Бѣлому и по верховьямъ бассейновъ рѣкъ Днѣпра, Волги и Западной Двины, князей изъ среды какихъ то заморскихъ варяговъ-руссовъ, на долю которыхъ, будто бы, и выпалъ жребій внести начало гражданственности и самостоятельнаго политическаго бытія въ разрозненную семью восточно-славянскихъ и финскихъ народцевъ.

Раскрывъ первыя страницы начальной лѣтописи, мы найдемъ здѣсь этотъ фактъ вызова изъ за-моря варяго-русскихъ князей изложеннымъ въ формѣ слѣдующаго сжатаго повѣствованія:

Въ лѣто 6367 (т. е. 859 нашей эры).—Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма.

Въ лѣто 6370 (т. е. 862 нашей эры).—Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Идоша за море къ Варягамъ къ Руси, сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмяне, Анъгляне, друзіи Гъте: тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: «Вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ: да поидѣте княжить и володѣти нами». И изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлоозерѣ, а третій Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля, Новугородьци: ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни. По дву же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи; а перьвіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома, и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.

Если мы въ только что приведенномъ лѣтописномъ повѣствованіи отбросимъ совершенно сомнительную хронологію и болѣе нежели сомнительныя подробности самаго призванія князей, то получимъ слѣдующія данныя относительно событій, съ которыми принято связывать начало русской исторіи.

Всѣ славяно-финскія племена, вошедшія въ составъ начальнаго русскаго государства, представлялись передъ эпохою призва-

нія князей какъ бы раздѣленными на двѣ группы — сѣверную и южную. Сѣверную племенную группу образовывали Новгородскіе или Ильменскіе славяне, или Славяне въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ слова,—какъ называетъ ихъ начальная лѣтопись въ противоположность другимъ славянскимъ племенамъ,—затѣмъ славянское племя Кривичей, населявшее верховья рѣкъ Волги, Днѣпра и Зап. Двины, и, наконецъ, финскія или чудскія племена, сидѣвшія по прибрежью Финскаго залива, по южному прибрежью нашей сѣверно-озерной системы и по верховью р. Волги, изъ которыхъ лѣтопись выдѣляетъ племена Мерю, Весь и Мурому. Южную племенную группу составляли три славянскія племени: Поляне, населявшіе правую сторону средняго Днѣпра, Сѣверяне, расположенные по лѣвой сторонѣ того же теченія Днѣпра, и Вятичи, сидѣвшіе въ верховьяхъ рѣки Оки (о другихъ славянскихъ племенахъ интересующій насъ разсказъ не упоминаетъ). Племена южной группы платили дань Казарамъ,—воинственному народу тюркскаго происхожденія, который еще въ IV в. до Р. Х. занималъ территорію между Чернымъ и Каспійскимъ морями, велъ продолжительныя и упорныя войны съ армянами, персами и Византіею, а къ половинѣ IX вѣка держалъ въ своемъ подчиненіи уже бо́льшую часть нынѣшней южной Россіи, такъ что подда́нность этому народу нашихъ южныхъ племенъ представляется явленіемъ исторически-логичнымъ. Племена сѣверной группы находились въ то же время въ даннической зависимости отъ какихъ то невѣдомыхъ „варяговъ изъ за-моря“. Долго ли или не долго продолжалась эта зависимость сѣверныхъ племенъ отъ варяговъ — неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, конечно, не три года, какъ говоритъ объ этомъ лѣтописное повѣствованіе,— но, въ концѣ концовъ, племенамъ этимъ удалось сплотиться и общими силами свергнуть заморскую дань. Это временное единеніе племенъ не было, впрочемъ, долговременнымъ. Роковой партикуляризмъ, столь присущій славянской національности и такъ вѣрно подмѣченный арабскимъ писателемъ Массуди, продолжалъ дѣлать свое дѣло: внутренняя жизнь сѣверныхъ племенъ не замедлила ознаменоваться взаимною враждою и усобицами, при наличности которыхъ немыслима стала „жизнь по праву“, невозможенъ былъ твердый земскій

„нарядъ“, сознаніе необходимости которыхъ было уже въ достаточной степени присуще нашимъ сѣвернымъ предкамъ. Не меньшіе раздоры господствовали и среди южно-славянскихъ племенъ; лѣтописецъ свидѣтельствуетъ намъ, что Поляне, напримѣръ, были обижаемы Древлянами и другими сосѣдями своими,—и съ этими раздорами лѣтописецъ какъ бы связываетъ фактъ подчиненія ихъ казарской дани и казарскому вліянію. Извѣстно, что такіе же внутренніе раздоры погубили самобытность Балтійскихъ славянъ, облегчивъ нѣмцамъ дѣло германизаціи ихъ; извѣстно, что этотъ партикуляризмъ сыгралъ роковую роль и въ историческихъ судьбахъ Дунайскихъ и Прикарпатскихъ славянъ, изъ которыхъ первые еще такъ недавно, въ исходѣ просвѣщеннаго XIX столѣтія, покрыли себя стыдомъ братоубійственной распри. Если такого рода факты имѣли мѣсто уже на глазахъ исторіи, то можно легко представить себѣ всю силу племеннаго партикуляризма восточныхъ славянъ передъ тою эпохою, къ которой лѣтописное преданіе пріурочиваетъ начало русской государственности. „Въ средѣ славянъ царитъ постоянное несогласіе,—свидѣтельствуетъ императоръ Маврикій:—чего хотятъ одни, на то не соглашаются другіе, ни одинъ не хочетъ повиноваться другому и всѣ питаютъ другъ къ другу вражду; они въ высокой степени почитаютъ свободу и нѣтъ никакой возможности принудить ихъ къ повиновенію единой власти“.

Обиды со стороны заморскихъ варяговъ,—кто бы такіе ни были, допустимъ пока, эти послѣдніе, такъ какъ Балтійское море въ изобиліи пѣнили въ то время разнаго рода авантюристы и искатели поживы, — заставило, однако, сѣверныя племена помыслить о такой единой власти, въ лицѣ которой могло бы быть найдено нейтральное,—и непремѣнно нейтральное,—начало, способное дать объединеніе разрозненнымъ силамъ усобствующихъ племенъ. Правда, что варяговъ передъ тѣмъ выгнали обратно за-море и отказали имъ въ дани; но, вѣдь, было болѣе нежели естественнымъ ожидать, что они вернутся съ новыми силами и, снова воспользовавшись рознью нашихъ предковъ, постараются поприжать ихъ сильнѣе. И вотъ, является рѣшимость поискать себѣ князя извнѣ, найти власть стороннюю, нейтральную, чуждую племенной и земской партійности, подъ эгидою которой враждующія племена могли бы сплотиться, устроить свой земскій

нарядъ и обезопасить себя отъ всякаго рода варяговъ—любителей приключеній и наживы. Послали за-море къ варягамъ,—но уже не просто къ варягамъ, разумѣя это наименованіе въ его нарицательномъ смыслѣ (какъ впослѣдствіе употреблялось слово „нѣмецъ“ для обозначенія западнаго чужеземца, вообще),—но именно къ какой то отрасли этихъ варяговъ, носившихъ видовое имя Руси, откуда и явились на зовъ племенъ трое братьевъ, захвативъ съ собою и свои дружины. Весьма вѣроятно, что существовало серьезное опасеніе возмездія со стороны изгнанныхъ передъ тѣмъ варяговъ, такъ какъ братья-князья тотчасъ же по прибытіи занимаютъ оборонительную позицію: Рюрикъ садится въ Новгородѣ, Синеусъ—на Бѣлоозерѣ, Труворъ—въ Изборскѣ; если вы соедините на картѣ эти три пункта чертою, то получите обращенную къ Финскому побережью,—этому современному намъ „окну въ Европу“, которое служило въ то время „воротами“ въ варяжскія страны,—стратегическую линію, съ Новгородомъ въ центрѣ, Бѣлоозеромъ—съ праваго, и Изборскомъ—съ лѣваго фланга.

Въ такомъ призваніи княжеской власти извнѣ—не представляется, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ скептиковъ, ничего невѣроятнаго или невозможнаго съ точки зрѣнія исторической логики. Новгородцы, которые играли въ этомъ дѣлѣ, конечно, руководящую роль, и въ послѣдующія эпохи, не смотря на могучіе устои своей жизни, не сознавали возможности оставаться безъ княжеской власти. Такъ, въ 970 году, послы новгородскіе пришли къ Святославу просить у него для себя князя (въ этомъ году Святославъ назначалъ сыновьямъ удѣлы), угрожая, что если изъ кіевскаго княжескаго рода никто не пойдетъ къ нимъ, то они сами найдутъ себѣ князя на сторонѣ: „аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ“. И въ позднѣйшее время новгородцы не считали возможнымъ обходиться безъ княжеской власти: такъ, однажды, уже въ эпоху полнаго разцвѣта политической самобытности великаго Новгорода, новгородцы, оставаясь долго безъ князя, торопятъ приглашеннаго ими князя скорѣе прибыть къ нимъ, указывая на то обстоятельство, что, вслѣдствіе отсутствія у нихъ княжеской власти, иноземные купцы не рѣшаются ѣхать къ нимъ съ торгомъ. Такъ, въ эпоху смутнаго времени на Руси, когда рознь вторглась въ жизнь русскихъ областей и

Москва цѣловала крестъ польскому королевичу Владиславу, тотъ же Новгородъ звалъ къ себѣ на княженіе „изъ за-моря“ шведскаго принца Карла Филиппа. Точно также, въ концѣ XIII вѣка, псковичи приняли къ себѣ на княженіе литовскаго князя Довмонта, который затѣмъ самъ же побѣдоносно предводительствовалъ псковскими полчищами противъ своихъ бывшихъ сородичей. Примѣры призванія властителей и дружинъ изъ чужихъ земель даетъ намъ и исторія государствъ западно-европейскихъ. Въ началѣ V вѣка бритты призвали къ себѣ на помощь, противъ пиктовъ и скотовъ, сакскихъ дружинниковъ подъ предводительствомъ Генгиста и Горсы, обратившись къ нимъ съ словами, близко напоминающими легендарную формулу призванія, передаваемую нашею начальною лѣтописью: „Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere“ (то есть: „власти вашей поручаютъ землю пространную, великую и обильную всякимъ богатствомъ“). Въ 527 году герулы послали въ Ѳулу своихъ вождей съ тѣмъ, что бы избрать себѣ тамъ властителя, какокой и былъ привезенъ къ нимъ оттуда съ братомъ и двумя стами дружинниковъ. Въ 861 году франки нанимаютъ датскаго дружинника Веланда служить имъ противъ своихъ же единоплеменниковъ, а Карлъ Лысый подряжаетъ за 3 тысячи ливровъ золота норманскую дружину выгнать съ рѣки Сены распоряжавшуюся тамъ другую норманскую же дружину [1]) и т. п. Извѣстно, что и русскіе удѣльные князья охотно прибѣгали, во время взаимныхъ усобицъ своихъ, къ содѣйствію сѣверныхъ и тюркскихъ наемныхъ дружинъ.

Вотъ исходный пунктъ, на которомъ наша начальная лѣтопись строитъ зарожденіе русской самобытности и русской государственности. Возникаетъ рядъ вполнѣ естественныхъ вопросовъ: Кто же такіе были эти варяги и варяги-руссы, съ именами которыхъ такъ тѣсно связывается начало исторіи русскаго народа? Откуда явились къ намъ эти заморскіе р у с с ы, положившіе начало нашему государству и даже передавшіе ему свое наименованіе? Насколько значительно было ихъ вліяніе на внѣшнія и внутреннія условія исторической

---

[1]) М. П. Погодинъ: «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русской исторіи», т. III (М. 1846), стр. 25—28; К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «Русская исторія» (Спб. 1870), стр. 98.

жизни нашихъ предковъ? Все это—вопросы весьма существенные, надъ разрѣшеніемъ которыхъ русская историческая наука трудится уже съ самаго своего зарожденія и по отношенію къ которымъ наши ученые до сихъ поръ не могли прійти къ сколько нибудь твердому соглашенію.

Само собою разумѣется, что всѣ эти вопросы совершенно упразднятся въ томъ случаѣ, если мы признаемъ недостовѣрнымъ самое сказаніе нашей начальной лѣтописи объ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось возникновеніе, во второй половинѣ IX вѣка, русскаго государства, если признаемъ это сказаніе легендою, миѳомъ, не имѣющимъ подъ собою никакой положительной подкладки. А такое именно мнѣніе высказано и аргументировано было въ послѣднее время нашимъ историкомъ Д. И. Иловайскимъ. Поэтому, отложивъ на время вопросъ о происхожденіи варяговъ и варяговъ-руссовъ, мы прежде всего обратимся къ изслѣдованіямъ г. Иловайскаго въ области вопроса о достовѣрности лѣтописнаго сказанія о самомъ началѣ Руси.

Въ 1876 году появился въ свѣтъ трудъ *Д. И. Иловайскаго*, подъ заглавіемъ: „Розысканія о началѣ Руси". Здѣсь, выступая горячимъ противникомъ норманской и ярымъ послѣдователемъ славянской школы въ вопросѣ о происхожденіи Руси, г. Иловайскій подвергаетъ критическому анализу самое повѣствованіе начальной лѣтописи о призваніи князей и на этой почвѣ приходитъ къ тому выводу, что весь этотъ разсказъ представляетъ собою ничто иное, какъ легенду, сложившуюся въ Новгородѣ и получившую свою настоящую редакцію не ранѣе первой половины XII вѣка, а составителемъ начальной лѣтописи вставленную въ эту послѣднюю съ тою цѣлью, чтобы дать какое нибудь начало русской исторіи, причемъ 862-й годъ, какъ годъ призванія князей, поставленъ здѣсь совершенно произвольно. Скептическое отношеніе г. Иловайскаго къ свидѣтельству о призваніи князей стоитъ въ связи съ ученіемъ этого автора объ исконной самобытности славянской Руси на югѣ, въ Приднѣпровьи и въ Азовско-Черноморскомъ поморьи, гдѣ эта Русь существовала и развивалась съ незапамятныхъ временъ, давъ свое наименованіе русскому народу помимо небывалаго, по мнѣнію г. Иловайскаго, призванія какихъ то варяговъ—руссовъ изъ за-моря и массоваго передвиженія вновь основаннаго государства съ сѣвера на югъ.

Прежде всего отвергаетъ г. Иловайскій лѣтописное повѣствованіе о призваніи варяговъ-руссовъ въ виду, будто бы, его внутренней абсурдности: „Есть ли малѣйшая вѣроятность,— спрашиваетъ нашъ историкъ,—чтобъ народъ, да и не одинъ народъ, а нѣсколько, и даже не одного племени, сговорились разомъ и призвали для господства надъ собою цѣлый другой народъ, т, е. добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Такихъ примѣровъ нѣтъ въ исторіи, да они и не мыслимы". Намъ кажется, что настоящее сомнѣніе выражено г. Иловайскимъ уже въ слишкомъ категорической формѣ. Прежде всего, факты призванія народомъ чужеземной власти—вовсе не безпримѣрны въ исторіи, чему уже было приведено выше нѣсколько примѣровъ. Возьмемъ наглядные примѣры изъ исторіи новѣйшихъ временъ: развѣ греки въ 1869 г. не ввѣрили своего государства иноземному властителю, въ лицѣ датскаго принца Георга, а румыны, въ 1866 году—принцу гогенцоллернскаго Карлу? Развѣ болгары въ 1887 г. не призвали судить и рядить своею страною кобургскаго принца Фердинанда, даже помимо санкціи державъ, которая была необходима въ данномъ случаѣ и безъ которой этотъ правитель преспокойнѣйшимъ образомъ обходится? Но обратимся къ нашей исторіи. Развѣ Псковъ въ концѣ XIII в. не ввѣрилъ своей судьбы литовскому князю Довмонту? Развѣ въ эпоху великаго междуцарствія и внутренней розни областей русскіе люди не звали къ себѣ на царство польскаго и шведскаго принцевъ,—причемъ новгородскіе послы мотивировали послѣднее избраніе тѣмъ, что и „прежніе наши государи и корень ихъ царскій отъ ихъ же варяжскаго княженья, отъ Рюрика и до великаго государя Ѳедора Ивановича, былъ". А Польша? Сколько разъ призывались сюда на королевство иноземные властители! Стало быть, аргументировать на тему объ „отсутствіи малѣйшей вѣроятности" призванія народомъ иноземной власти — не приходится; если же г. Иловайскій имѣетъ въ виду призваніе для владычества цѣлаго чуждаго народа, то аргументація его теряетъ всякую почву, такъ какъ такая крайняя и, дѣйствительно, абсурдная постановка вопроса о призваніи—давно въ наукѣ уже оставлена и, вмѣстѣ съ покойнымъ М. П. Погодинымъ, отошла въ область исторіи науки. Никто не станетъ поднимать и вопроса о завоеваніи руссами земель южно-славянскихъ племенъ; въ этомъ

случаѣ слѣдовало бы допустить колоссальное передвиженіе народовъ съ сѣвера на югъ, а ничего подобнаго исторія IX вѣка намъ не представляетъ.

Обращаетъ г. Иловайскій вниманіе и на миѳическій колоритъ сѣвернаго преданія о призваніи князей. Прежде всего отмѣчаетъ онъ сказаніе о „трехъ братьяхъ“, которое является любимымъ сказочнымъ мотивомъ у всѣхъ, вообще, народовъ. Скиѳы производили себя, по Геродоту, отъ 3-хъ сыновей царя Таргитая. Въ средніе вѣка въ ходу была легенда о происхожденіи трехъ главныхъ славянскихъ народовъ отъ 3-хъ братьевъ: Леха, Чеха и Руса. У ирландцевъ сохранилось преданіе о 3-хъ братьяхъ, которые были призваны съ востока для обученія этого народа торговлѣ. Въ южной Руси, по аналогіи съ сѣверомъ, начало Кіевскаго (Полянскаго) княженія также связывается съ легендою о 3-хъ братьяхъ—Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Миѳическій колоритъ носитъ и „заморье“, откуда призваны были наши три варяжскіе братья; это, говоритъ г. Иловайскій, тоже, что наше сказочное общее выраженіе: „изъ за тридевять земель“, заключающее въ себѣ лелендарный отпечатокъ совершенной неопредѣленности.

Какъ могла создаться на сѣверѣ эта легенда о призваніи изъ за-моря на княженіе 3-хъ братьевъ-варяговъ? Г. Иловайскій утверждаетъ, что окончательный видъ свой эта легенда приняла здѣсь въ ту пору, когда Новгородъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ германскимъ ганзейскимъ союзомъ, а самое призваніе князей—было дѣломъ весьма обыкновеннымъ; не удивительно, если новгородскіе бытописатели перенесли явленія современнаго имъ новгородскаго строя на преданіе и о самомъ зарожденіи Новгородскаго государства.

Г. Иловайскій отмѣчаетъ, далѣе, то обстоятельство, что византійцы послѣдовательно отграничивали Русь отъ Варяговъ и знали, очевидно, Русь не какъ пришлое съ сѣвера племя, но какъ сильное туземное, южно-русское, племя, еще въ 60-хъ годахъ IX вѣка совершившее дерзкій набѣгъ на Царьградъ (Бесѣды и посланіе митроп. Фотія): притомъ византійскіе источники знаютъ Русь раньше, нежели варяговъ. Точно также и арабскіе писатели уже во второй половинѣ IX вѣка знаютъ Русь, какъ сильный народъ, сопредѣльный съ казарами, булгарами и печенѣгами,—а это указываетъ на его южное мѣстопоселеніе. Черное море искони называлось

„моремъ Русскимъ“, что опять таки свидѣтельствуетъ о самобытности здѣсь Руси. Но самымъ серьезнымъ доводомъ г. Иловайскаго въ пользу фабулезности сѣвернаго преданія о призваніи на княженіе трехъ братьевъ-варяговъ является то обстоятельство, что все это преданіе занесено *только* въ одну начальную лѣтопись. Всѣ дошедшіе до насъ памятники русской словесности до-татарскаго періода, не смотря на представлявшіеся къ тому поводы — совершенно умалчиваютъ объ этомъ преданіи, хотя и вспоминаютъ очень старыя времена, даже „лѣта Трояновы“ (Слово о полку Игоревѣ); не вспоминаютъ призванія и наши былины, какъ не вспоминаютъ онѣ и передвиженія дружинной жизни съ сѣвера на югъ. Систематически замалчиваютъ эту легенду и всѣ иноземные источники, не выключая и скандинавскихъ сагъ, гдѣ можно было бы ожидать воспоминаній объ этомъ интересномъ для Скандинавіи событіи.

Остальные доводы Д. И. Иловайскаго въ сторону легендарной недостовѣрности лѣтописнаго повѣствованія о призваніи варяго-руссовъ стоятъ въ тѣсной связи съ его полемикою противъ норманистовъ и поставленнымъ, въ противовѣсъ имъ, ученіемъ о самобытной южной Руси, почему мы этихъ доводовъ въ подробностяхъ разбивать, пока, и не будемъ.

Само собою разумѣется, что послѣдователи норманской или скандинавской школы стоятъ за безусловную достовѣрность древнихъ сказаній нашей начальной лѣтописи, опираясь на каждое отдѣльное выраженіе, на каждое отдѣльное слово ея для того, что бы обосновать свое ученіе о томъ, что преданіе о призваніи изъ за-моря варяго-руссовъ — есть достовѣрный историческій фактъ, со всѣми вытекающими изъ него дальнѣйшими послѣдствіями, и что эти варяги-руссы — никто иное, какъ норманны, игравшіе столь видную роль и въ исторіи образованія западно-европейсккхъ государствъ. Къ разсмотрѣнію общихъ основъ ученія норманистовъ мы въ настоящее время и переходимъ.

А.—УЧЕНІЕ НОРМАНИСТОВЪ.

Мы уже познакомились съ сущностью ученія норманской школы при изложеніи общаго хода развитія русской исторіографіи. Мы знаемъ, что вопросъ о происхожденіи варяго-руссовъ былъ поднятъ у насъ академикомъ Г. С. Байеромъ (1694†1738 гг.), который и разрѣшилъ его въ пользу норманскаго происхожденія ихъ, въ связи съ чѣмъ былъ поставленъ и логически вытекающій отсюда вопросъ о воздѣйствіи норманской, иначе — германской, культуры на основы древнѣйшаго русскаго политическаго быта. Вопросъ этотъ и былъ направленъ въ смыслѣ признанія несомнѣнности такого воздѣйствія, которая у крайнихъ представителей норманизма дошла до отрицанія сколько нибудь живаго участія славянскаго элемента въ дѣлѣ созданія русской гражданственности и до предоставленія здѣсь всей зиждущей и направляющей силы на долю элемента германскаго. Ученіе Байера нашло себѣ послѣдователей въ цѣломъ рядѣ другихъ русскихъ академиковъ изъ иностранцевъ (Миллеръ, Струбе де Пирмонтъ, Шлецеръ, Кругъ и др.), а также и въ лицѣ цѣлаго же ряда русскихъ историковъ, начиная съ Карамзина и кончая новѣйшимъ, хотя уже и умѣреннымъ представителемъ норманизма, академикомъ А. А. Куникомъ. Но особенно фанатичнымъ поборникомъ ученія норманизма явился у насъ покойный М. П. Погодинъ, который, можно сказать, всю жизнь свою положилъ на неустанную „борьбу не на животъ, а на смерть“ (его собственное выраженіе) съ „представителями историческихъ ересей“—какъ онъ называлъ всѣхъ, несогласныхъ хотя бы только съ крайними доводами норманской школы. Вплоть до второй половины текущаго столѣтія ученіе норманской школы было господствующимъ и авторитетъ корифеевъ ея, Шлецера—со стороны нѣмецкихъ ученыхъ, Карамзина—со стороны русскихъ писателей, представлялся настолько подавляющимъ, что поднимать голосъ противъ этого ученія—считалось дерзостью, признакомъ невѣжественности и отсутствія эрудиціи, объявлялось почти святотатствомъ. Насмѣшки и упреки въ вандализмѣ устремлялись на головы лицъ, которые позволяли себѣ протестовать противъ ученія норманизма. Это былъ какой то научный терроръ, съ которымъ было очень трудно бороться. Великій

критическій авторитетъ, нѣмецъ Шлецеръ, прямо и нисколько не обинуясь выражалъ, напримѣръ, сожалѣніе, что „неученые русскіе историки единственно по своей неучености все еще выдавали варяговъ за славянъ, пруссовъ или финновъ“, а другой нѣмецкій ученый, Кругъ, считалъ „весьма смѣлымъ“ свое мнѣніе о томъ, что славяне, и до пришествія культуртрегера Рюрика съ братьями, уже имѣли извѣстную гражданственность и зачатки просвѣщенія; покойный же М. П. Погодинъ, въ послѣдній, омраченный нападками антинорманистовъ, періодъ своей жизни нерѣдко прямо бранился, встрѣчая въ литературѣ воззрѣнія, несогласныя съ признанными имъ за непреложныя аксіомы доводами скандинавской теоріи,—особенно доставалось за это отъ маститаго историка новѣйшему „еретику“ русской исторіи, Д. И. Иловайскому.

Подробное изложеніе ученія скандинавской школы какъ въ ея цѣломъ, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ, хотя бы только наиболѣе выдающихся, представителей ея—не можетъ войти въ задачи нашего изложенія. Замѣтимъ только, что уже отцомъ этой школы, академикомъ Байеромъ, были намѣчены и развиты тѣ краеугольныя положенія, которыя до нашихъ дней продолжаютъ лежать въ основѣ доводовъ этой школы. Доводы эти сводятся къ восьми группамъ, именно слѣдующимъ: 1) Свидѣтельства отечественной начальной лѣтописи (такъ назыв. Несторовой), 2) Свидѣтельства византійскихъ писателей, 3) Свидѣтельства западно-европейскихъ источниковъ, 4) Сказанія арабскихъ писателей, 5) Названія днѣпровскихъ пороговъ, 6) Собственныя имена русскихъ князей и ихъ дружинниковъ и данныя языка, 7) Сношенія первыхъ русскихъ князей съ скандинавами и 8) Наличность въ шведской географической номенклатурѣ корней „рус“ и „рос“. Въ этихъ восьми рубрикахъ мы и разсмотримъ основные доводы ученія норманской школы.

I. *Свидѣтельства начальной лѣтописи.* Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что наша начальная лѣтопись съ совершенною ясностью называетъ Балтійское море — моремъ В а р я ж с к и м ъ: „Ляхове же, и Пруси, Чудь присѣдять къ морю Варяжскому“; Нева и Двина, по словамъ той же лѣтописи—„внидуть въ море Варяжское“ и т. п. Мало того: называя Балтійское море „Варяжскимъ“, лѣтопись добавляетъ, что по этому морю сидятъ

варяги „до землѣ Агнянски и до Волошьски“ (т. е. до предѣловъ англійскихъ и франкскихъ земель). Затѣмъ, повѣствуя о призваніи сѣверными племенами князей, лѣтописецъ говоритъ: „Идоша за-море (т. е. за море Варяжское) къ варягомъ къ Руси“,—и тутъ же поясняетъ, что это за варяги-руссы: „Сице бо ся зваху тьи варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое (т. е. шведы), друзіи же Урмяне (норвежцы), Анъгляне (англы), друзіи Гъте (готы): тако и си“. Далѣе лѣтопись, упоминая о варягахъ, всегда пріурочиваетъ отечество ихъ къ „заморью“. „За-море“ прогнали сѣверныя племена варяговъ; „за-море“, къ варягамъ же, отправляютъ они пословъ искать себя князя; изъ „за-моря“ приводятъ себѣ впослѣдствіе русскіе князья вспомогательныя варяжскія дружины. Наконецъ, начальная лѣтопись говоритъ о существовавшемъ уже въ IX вѣкѣ великомъ водномъ пути „изъ варягъ въ греки“, т. е. изъ Балтійскаго поморья въ Византію, давая и довольно обстоятельный маршрутъ его, именно: изъ Варяжскаго моря шли устьемъ озера Нево (т. е. рѣкою Невою) въ это послѣднее (нынѣшнее Лодожское озеро), отсюда рѣкою Волховымъ въ озеро Ильмень; далѣе впадающею въ него рѣкою Ловатью до волока, отдѣляющаго ее отъ верховья рѣки Днѣпра, и, наконецъ, переваливъ этотъ волокъ, шли рѣкою Днѣпромъ до Чернаго моря. Ясно,—утверждаютъ норманисты,—что если этотъ путь назывался путемъ „изъ варягъ въ греки“ то, значитъ, варяги знали его, пользовались имъ и, слѣдовательно, имъ уже въ IX вѣкѣ хорошо извѣстна была территорія, занятая восточно-славянскими племенами, гдѣ они были постоянными ходебщиками, постоянными гостями—то мирными, то враждебными.

Соображая всѣ подобнаго рода свидѣтельства, послѣдователи скандинавской школы приходятъ къ признанію варяговъ нашей начальной лѣтописи—норманнами. Къ этому выводу склоняетъ ихъ еще и слѣдующее историческое соображеніе. Въ IX вѣкѣ норманскія дружины совершали набѣги по прибрежьямъ всѣхъ европейскихъ морей, приводя въ трепетъ приморское населеніе и даже основывая новыя государства. Статочное ли дѣло,—говорятъ послѣдователи скандинавской школы,—что бы эти воинственные и предпріимчивые „пѣнители моря“ оставили въ покоѣ сосѣднія съ ними восточныя страны Европы, богатыя своими естественными произве-

деніями и черезъ которыя пролегалъ прямой торговый путь изъ Балтики къ Черноморью и, далѣе, къ вождѣленнымъ берегамъ Босфора?

Съ перваго взгляда всѣ эти доводы могутъ показаться вполнѣ убѣдительными своею строгою послѣдовательностью и, такъ сказать, систематичностью. Но это—только съ перваго взгляда. Ближайшее разсмотрѣніе лишаетъ ихъ такой доказательной абсолютности. Прежде всего—начальная лѣтопись вовсе не выясняетъ намъ собственнаго значенія названій: „варягъ“, „варяги“, а еще менѣе выясняетъ различіе „варяговъ“, вообще, и „варяговъ—руссовъ“, въ частности. Начальная лѣтопись не только не отожествляетъ варяговъ съ скандинавами, но какъ бы даже противопоставляетъ первыхъ послѣднимъ: „Афстово бо и то колѣно,—читаемъ въ ней:—Варязи, Свеи, Урмяне, Готѣ, Русь, Агняне, Галичане, Волохва, Римляне, Нѣмцы, Корлязи, Веньдици и Фрягове и прочіи“. Здѣсь „варяги“ прямо противопоставляются истымъ скандинавамъ (свеи, урмяне, готы), какъ противопоставляются, вмѣстѣ съ ними, и „русамъ“, а это наводитъ на мысль, что наименованія „варяги“ и „русь“—имѣютъ въ начальной лѣтописи какое то специфическое значеніе, а отожествленіе ихъ съ норманнами—представляется предвзятою идеею, натяжкою. Что касается норманновъ, какъ отважныхъ и предпріимчивыхъ морскихъ авантюристовъ, которые не могли не оставить въ покоѣ восточной Европы, то антинорманисты возражаютъ по этому поводу, что въ VIII—IX в.в. норманскія дружины едва начали лишь проникать въ Средиземное море, гдѣ ихъ прельщало ожиданіе богатой добычи и которое должно было отвлечь ихъ отъ негостепріимнаго европейскаго сѣверо-востока, тѣмъ болѣе, что здѣсь они имѣли соперниковъ въ лицѣ не менѣе ихъ воинственныхъ и отважныхъ Балтійскихъ славянъ, съ которыми имъ и безъ того доводилось постоянно считаться. Также трудно допустить и то, будто великій „путь изъ варягъ въ греки“—былъ обыкновеннымъ итинеріемъ норманновъ. Легко ли было норманскимъ дружинамъ пробиваться черезъ тысячеверстныя пространства, населенныя чуждыми и далеко не миролюбивыми племенами, слѣдуя черезъ мелководныя рѣки, перетаскиваясь черезъ волоки, спускаясь по опаснымъ порогамъ,—да и были ли такія экспедиціи въ характерѣ удалыхъ скандинавскихъ „пѣнителей моря“, которыхъ неудер-

жимою силою тянуло на богатый западъ, на безбрежную ширь морей и океановъ?

Ясно, такимъ образомъ, что тексты начальной лѣтописи, упоминающіе о „варягахъ“ и „русахъ“, могли бы имѣть значеніе серьезныхъ доказательствъ лишь въ связи съ другими доводами норманистовъ. Будемъ же продолжать ихъ разсмотрѣніе.

II. *Свидѣтельства византійскія.* Византійскіе источники свидѣтельствуютъ, что въ IX—XI вѣкахъ при византійскихъ императорахъ имѣлись особые отряды иноплеменныхъ тѣлохранителей, которые назывались „варангами“, (*Βαράγγους*), а на своемъ языкѣ — „wäringer“ (отъ древняго готскаго слова vaere, vara, т. е. союзъ); существуютъ указанія, что эти тѣлохранители были, дѣйствительно, изъ Скандинавіи. Что же это доказываетъ? А только то, что скандинавы служили въ византійской гвардіи, какъ служили въ ней и чистокровные славяне, но нисколько не даетъ основанія отождествлять византійскихъ „варанговъ“ съ „варягами“ нашей начальной лѣтописи, а еще менѣе даетъ это указаніе средство къ выясненію значенія „варяго-руссовъ“. Достовѣрно извѣстно, что скандинавы служили и въ дружинахъ нашихъ русскихъ князей, какъ служили они въ то время вездѣ, гдѣ имъ хорошо платили.

Но за то византійскія хроники даютъ намъ компетентное свидѣтельство о туземномъ происхожденіи руссовъ. Это свидѣтельство принадлежитъ извѣстному историку Льву Діакону, бывшему очевидцемъ войнъ Византіи съ русскимъ княземъ Святославомъ: „Тавроскифы, которые на своемъ языкѣ именуютъ себя Русь“,—говоритъ онъ, указывая, такимъ образомъ, на происхожденіе Руси изъ области древней Скиѳіи, т. е. изъ южной, черноморской, полосы восточной Европы.

III. *Свидѣтельства западно-европейскихъ источниковъ.* Въ основѣ доказательствъ норманскаго происхожденія Руси, заимствуемыхъ изъ западно-европейскихъ источниковъ, лежатъ два текста, сдѣлавшіеся классическими въ ученіи послѣдователей скандинавской школы.

Первый текстъ заимствованъ изъ такъ называемыхъ Бертинскихъ лѣтописей. Здѣсь разсказывается подъ 839 годомъ, что въ этомъ году византійскій императоръ Ѳеоѳилъ отправилъ посольство къ франкскому королю Людовику Благочестивому, причемъ въ составѣ посольства находилось нѣ-

сколько невѣдомыхъ людей, которые называли себя „россами“; эти люди передъ тѣмъ присланы были въ Царьградъ отъ своего властителя, котораго называли „хаканомъ“, для изъявленія съ его стороны чувствъ дружбы къ византійскому императору. Заподозривъ въ этихъ людяхъ шпіоновъ, франкскій король навелъ объ нихъ справки и оказалось, что они— изъ племени „свеоновъ“, т. е. обитатели Скандинавіи (шведы). Норманисты не замедлили усмотрѣть въ этомъ фактѣ положительное доказательство тожества руссовъ или россовъ съ норманнами. Но антинорманисты оспариваютъ такое заключеніе. Во первыхъ, говорятъ они, остается совершенно неизвѣстнымъ, чѣмъ окончился весь этотъ инцидентъ, т. е. оказались ли заподозрѣнные россы дѣйствительно шведами, или просто самозванцами, назвавшимися имемемъ другой народности, что бы свергнуть съ себя подозрѣніе въ дурныхъ намѣреніяхъ; во вторыхъ—казарскій предикатъ „хакана“ или „кагана“ вовсе не чуждъ былъ древнимъ русскимъ князьямъ (см. похвальное слово митр. Иларіона в. к. Владиміру Св., въ которомъ послѣдній названъ „коганомъ“), а попытка норманистовъ объяснить это слово скандинавскимъ именемъ собственнымъ „Гаконъ“ - представляется невыдерживающею критики натяжкою; въ третьихъ—людямъ этимъ, разъ они были шведами, не для чего было именовать себя малоизвѣстнымъ на западѣ названіемъ „россовъ“; въ четвертыхъ—названіе „свеи“, „свеоне“—представляется само по себѣ весьма неопредѣленнымъ и растяжимымъ; въ пятыхъ—возможно допустить въ рукописи Бертинскихъ лѣтописей и описку: „sueonum“ можетъ стоять здѣсь вмѣсто „slavorum“ или „sclavorum“. Но за то,—говорятъ антинорманисты,—это свидѣтельство Бертинскихъ лѣтописей представляется драгоцѣннымъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на существованіе, гдѣ то на востокѣ, русскаго княжества во второй четверти IX вѣка, притомъ княжества, которое поддерживаетъ уже дипломатическія сношенія съ Византійскою имперіею. Съ этой точки зрѣнія, Бертинскія лѣтописи являются доводомъ противъ ученія самихъ же норманистовъ. Да и странно предполагать, что бы имя „Россы“, если оно присвоивалось себѣ, дѣйствительно, скандинавами, дошло до насъ съ запада, то есть путемъ косвеннымъ, въ однѣхъ только Бертинскихъ лѣтописяхъ. Что это за потайное наименованіе, которое скандинавы уси-

ленно таятъ отъ всего свѣта и выдвигаютъ впередъ единственный разъ для того только, что бы дать лишній доводъ въ пользу ученія норманистовъ!

Второй текстъ взятъ изъ хроники кремонскаго епископа Ліутпранда, въ теченіи X вѣка два раза бывавшаго въ Константинополѣ, въ качествѣ посла маркграфа Бернгарда (946 г.) и императора Оттона (968 г.). Разсказывая о походѣ в. к. Игоря на Византію, про который онъ слышалъ отъ своего вотчима, очевидца событія, Ліутпрандъ замѣчаетъ, что „сѣверный народъ, который греки, по наружному качеству, называютъ руссами, мы называемъ, по положенію страны его, норманнами“ (quam a qualitate corporis Graeci vocant Russos, nos vero a positione loci Nordmannosvocamus) и что этотъ народъ, подъ предводительствомъ своего короля Игоря (rex Inger), подступалъ на корабляхъ къ Константинополю. Послѣдователи скандинавской школы видятъ здѣсь доказательство въ пользу норманскаго происхожденія Руссовъ, такъ что, если принять свидѣтельство Ліутранда въ его буквальномъ смыслѣ, въ такомъ случаѣ придется пріурочить наименованіе „норманновъ“ къ руссамъ временъ Игоря, т. е. половины X вѣка,—а это было бы абсурдомъ. Очевидно, что здѣсь слово „норманны“—кремонскій епископъ употребляетъ для обозначенія не обитателей Скандинавіи, но для обозначенія сѣверныхъ народовъ (nord—mann) вообще. Еще яснѣе видно это изъ другого мѣста хроники Ліутпранда: „Городъ Константинополь,—пишетъ онъ,—окруженъ свирѣпѣйшими народами.... къ сѣверу отъ него живутъ венгры, печенѣги, хазары, руссы, которыхъ мы иначе называемъ норманнами, и булгаре, ближайшіе ихъ сосѣди“. Здѣсь Ліутпрандъ помѣщаетъ своихъ „норманновъ“ въ сосѣдствѣ съ Византіею, печенѣгами, хазарами.... Развѣ не ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о Руси Приднѣпровской, но, никоимъ образомъ, не о далекой Скандинавіи? Если принять въ соображеніе сѣверное протяженіе Руси половины X вѣка, доходившее до верховьевъ рѣкъ Волги и Западной Двины и до сѣверной озерной системы, то станетъ яснымъ, что въ глазахъ западнаго европейца Русь, дѣйствительно, должна была представляться страною сѣверною, а жители ея—людьми сѣверными (норманнами).

Такимъ образомъ, и свидѣтельства западно-европейскихъ хроникъ далеко не являются уже такимъ неотразимымъ дока-

зательствомъ въ пользу ученія скандинавской школы, какимъ считали ихъ прежде, тѣмъ болѣе что, будучи переполнены разсказами о подвигахъ норманскихъ дружинъ въ европейскихъ морскихъ прибережьяхъ, эти хроники *никогда* и *нигдѣ* не знаютъ норманновъ подъ названіемъ „россовъ“ или „руссовъ“. Что нибудь одно: или эти „россы“ были совсѣмъ незначительною норманскою дружиною, или же норманны „россами“ никогда и не думали называться. Въ первомъ случаѣ— непонятнымъ явится основаніе ими обширнаго *русскаго* государства, которому эта жалкая горсть авантюристовъ, будто бы, передала даже свое имя; во второмъ случаѣ – сами собою подаютъ важнѣйшія основы ученія норманистовъ.

IV. *Свидѣтельства арабскихъ писателей.* Изыскивая доказательства норманскаго происхожденія Руси, поборники скандинавской школы обращались и къ арабскимъ писателямъ, надѣясь найти въ ихъ космографіяхъ и землеописаніяхъ указанія на варяговъ и руссовъ. Благодаря трудамъ знаменитаго оріенталиста Френа, у нѣкоторыхъ арабскихъ авторовъ (Абульфеды, Назира, Касвини, Димешки и др.) удалось отыскать (хотя, кажется, и не безъ натяжекъ) указанія на „Варенгское море“ и на „Варенговъ“ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ наименованія эти фигурируютъ и въ нашей начальной лѣтописи, а потому ничего и не вносящія новаго въ эту сторону вопросы. Мы узнаемъ отсюда, что Балтійское море прежде называлось моремъ Варяжскимъ, и что по этому морю жили такіе то „варяги“—и больше ничего; но это мы знаемъ и изъ нашей начальной лѣтописи. Самымъ сильнымъ доводомъ въ пользу ученія норманизма считается, впрочемъ, свидѣтельство арабскаго писателя IX вѣка Ахмедъ-эль-Катиба, который разсказываетъ, что въ 844 году напали на Севилью (въ Испаніи) и разграбили ее „язычники, именуемые Русью“. Такъ какъ изъ западно-европейскихъ хроникъ извѣстно, что норманны въ ту эпоху дѣйствительно производили набѣги на Севилью, то отсюда и сдѣланъ былъ выводъ, что эти руссы были—норманнами. Это извѣстіе представляется тѣмъ менѣе объяснимымъ, что западно - европейскіе источники, исчисляющіе нападенія скандинавовъ на западную Европу, всегда говорятъ лишь о „норманнахъ“ и вовсе не знаютъ „руссовъ“. Откуда же взялись эти, нападающіе на Севилью, „руссы“ у арабскаго писателя IX вѣка? На это даетъ намъ объясне-

ніе французскій оріенталистъ Рено, толкующій эту несообразность превратными географическими познаніями арабовъ. Арабы IX вѣка думали, что Балтійское море есть рукавъ, соединяющій Черное и Азовское моря съ западнымъ океаномъ, и вотъ эль-Катибъ, не зная вовсе скандинавскихъ норманновъ, наивно заключилъ, что этими язычниками, напавшими на Севилью, были хорошо извѣстные ему Руссы черноморскіе [1]). Впрочемъ, это извѣстіе парализуется цѣлымъ рядомъ другихъ арабскихъ писателей, которые послѣдовательно пріурочиваютъ Русь къ побережью Чернаго и Азовскаго морей, называютъ Черное море—моремъ „Русскимъ" и даже отожествляютъ Русь съ славянами, вовсе и не думая отыскивать отечество Руси на далекомъ скандинавскомъ сѣверѣ.

V. *Названія Днѣпровскихъ пороговъ.* Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный, давая въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Объ управленіи имперіею" (написанномъ ок. 950 г.) описаніе плаванія руссовъ по рѣкѣ Днѣпру, приводитъ названія семи пороговъ, которые приходилось имъ преодолѣвать на этомъ пути. При этомъ византійскій царственный писатель излагаетъ названія днѣпровскихъ пороговъ поралельно на двухъ языкахъ—русскомъ и славянскомъ, поясняя и самое значеніе этихъ названій Приведемъ ихъ. Первый порогъ назывался „Ессупи" (на обоихъ языкахъ), что на греческій языкъ переводится словами: „не спи"; второй порогъ назывался „Ульворси" (рус.) или „Островунипрахъ" (слав.), что на греческомъ языкѣ должно быть выражено словами: „островъ порога"; названіе третьяго порога дается только на русскомъ языкѣ—„Геландри", что выражаетъ понятіе „шума порога"; четвертый порогъ—„Айфаръ" (рус.) или „Неясыть" (слав.), ведетъ свое названіе отъ птицы пеликана, которая въ обиліи, будто бы, водится въ этомъ мѣстѣ Днѣпра; пятый порогъ наситъ названіе „Варуфоросъ" (рус.) или „Вулнипрахъ" (слав.), выражающее собою понятіе „сильно клокочущаго движенія воды"; шестой порогъ называется „Леанти" (рус.) или „Веруци" (слав.), что значитъ „кипѣніе жидкости"; наконецъ, седьмой порогъ носитъ

---

[1]) Д. И. Иловайскій: «Розысканія о началѣ Руси», стр. 219.

названія „Струвунъ“ (рус.) [1]) или „Напрези“ (слав.), что въ переводѣ на греческій языкъ означаетъ „малый порогъ“.

Вопросъ о названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ очень старъ; впервые поднятый самимъ основателемъ скандинавской школы, Байеромъ, а впослѣдствіе особенно усердно разрабатывавшійся Струбе де Пирмонтомъ и Погодинымъ, этотъ вопросъ былъ уже рано выдвинутъ въ качествѣ одной изъ краеугольныхъ основъ ученія норманизма. Исходя изъ предвзятаго положенія, что Русь—норманскаго происхожденія, поборники скандинавской школы пытались подтвердить это положеніе именно приводимыми Константиномъ Багрянороднымъ „русскими“ названіями днѣпровскихъ пороговъ, силясь объяснить ихъ изъ языка скандинавскаго, къ которому присовокупили и почти всѣ другія сѣверныя нарѣчія. И вотъ на этой почвѣ возникла горячая лингвистическая работа, результаты которой далеко не соотвѣтствовали, однако, количеству положеннаго въ нее труда. Кромѣ ряда натяжекъ и болѣе или менѣе остроумныхъ сближеній,—полученныхъ то перемѣною въ разстановкѣ словъ, то замѣною, выпущеніемъ или прибавкою отдѣльныхъ буквъ и даже цѣлыхъ слоговъ, а то такъ и просто путемъ домысла или на основаніи фонетическихъ созвучій,—ни къ какимъ положительнымъ результатамъ труды эти не привели; даже и славянскія названія пороговъ, за исключеніемъ 2-хъ—3-хъ, не поддались комментарію. Да оно и не удивительно: не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ „русскія“, такъ и „славянскія“ названія пороговъ—были искажены въ латинской транскрипціи ихъ Константиномъ Багрянороднымъ и еще болѣе искажались позднѣйшими переписчиками; ничто не гарантируетъ и въ правильной передачѣ императору—писателю греческаго значенія этихъ названій. Все это заставляетъ относиться къ днѣпровскимъ порогамъ, какъ историческому источнику, съ особенною осторожностью, что бы не въ впасть въ рискъ отождествлять названія пороговъ: Ульворси—съ шведскимъ „Holmwaerth“, Есупи—съ шведскимъ „ne suef e“, Струвунъ

---

[1]) Отмѣтимъ здѣсь, что названія: «Строуно» и «Страва», въ ряду другихъ русскихъ названій, до сихъ поръ сохранились въ наименованіяхъ двухъ пороговъ р. Западной Двины (см. Энциклопед. Слов. изд. Плюшара, т. XVI, СПБ. 1839, стр. 4).

—съ „Stroembuene“ или „strop on“ и т. п., а славянское названіе порога Веруци—производить отъ слова „варница“, такъ какъ миновавъ, де, этотъ порогъ, усталые путники варили себѣ кашу, или названіе Напрези—отъ выраженія „напрягать“, т. е. натягивать паруса. Вся эта филологія была, быть можетъ, и умѣстна въ пору младенческаго состоянія русской науки, когда и названіе „Германія“, ничто же сумняся, выводили изъ слова „Холманія“, а въ „амазонкахъ“ видѣли „омуженокъ“, но въ наши дни такого рода патріархальныя экскурсіи въ область сравнительной лингвистики, безъ необходимой даже къ тому подготовки, уже должны быть, кажется, оставлены.

Но чѣмъ же объяснить, однако, это различіе „русскихъ“ и „славянскихъ“ названій днѣпровскихъ пороговъ, которые сошлись только въ одномъ Есупи, въ особенности, если мы вспомнимъ слова начальной лѣтописи, что „славѣнескъ языкъ и рускый—одинъ“? Неужели же эти пороги имѣли по два названія въ одномъ и томъ же языкѣ? И что это за особый, отличный отъ славянскаго, „русскій“ языкъ? Это языкъ—скандинавскій, норманскій, отвѣчаютъ послѣдователи Байера и Шлецера. Но все это недоразумѣніе разсѣется и безъ помощи норманновъ, если мы, вслѣдъ за Д. И. Иловайскимъ, допустимъ Р у с ь, какъ народность туземную, но южно-русскую, въ противуположность С л а в я н а м ъ, въ смыслѣ народности туземной же, но сѣверно-русской (вспомнимъ, что начальная лѣтопись пріурочиваетъ къ новгородскому племени тѣсное наименованіе „славянъ“, что и Русская Правда, даже въ первой четверти XI вѣка, еще различаетъ „русина“ и „славянина“). Въ этомъ случаѣ отвѣтъ на поставленные выше вопросы получится совершенно опредѣленный: „русскія“ и, конечно, древнѣйшія, вѣроятно таящіяся въ глубинѣ далекихъ вѣковъ, наименованія днѣпровскихъ пороговъ—это будутъ южно-русскія названія ихъ, „славянскія“ наименованія ихъ—это названія ихъ сѣверно-русскія, уже позднѣйшія. На такое толкованіе наводитъ и однозвучность нѣкоторыхъ русскихъ и славянскихъ названій пороговъ, подмѣченная г. Иловайскимъ: Веруци—Варуфоросъ, Островунъ—Струвунъ, и даже совершенное совпаденіе названія Есупи въ обоихъ языкахъ. Востокъ=восходъ, сѣверъ=полночь, изба=хата, трубка=люлька, подводчикъ=чумакъ—все это слова звучащія неодинаково,

но принадлежащія одной національности, и никто не скажетъ, что бы одни изъ этихъ словъ были—славянскія, а другія—норманскія или, вообще, чужеземныя [1]).

Впрочемъ, самъ столпъ русскаго норманизма, покойный М. П. Погодинъ, который былъ глубоко убѣжденъ въ скандинавскомъ происхожденіи „русскихъ“ названій днѣпровскихъ пороговъ, далеко не во всѣхъ случаяхъ считаетъ удачными лингвистическіе потуги своихъ предшественниковъ, считая одни изъ ихъ объясненій „недостаточными“ и даже „вовсе недостаточными“, другія—„очень далекими“, третьи—„неудовлетворительными“, четвертыя—„слишкомъ смѣлыми, далекими, хотя и остроумными“ [2]) и т. п. Что же остается отъ этихъ „струвуновъ“, „айфаровъ“ и „есупей“, если толкованія ихъ не въ состояніи были удовлетворить даже нашего ультра—норманиста?

VI. *Собственныя имена князей и ихъ дружинниковъ и данныя языка.* Уже основатель ученія норманизма, академикъ Байеръ, обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что дошедшія до насъ имена первыхъ русскихъ князей и ихъ дружинниковъ—будто бы звучатъ по скандинавски. Провѣривъ это замѣчаніе сравненіемъ дошедшихъ до насъ древне-русскихъ именъ собственныхъ (особенно въ договорахъ съ греками Олега и Игоря), съ древними скандинавскими именами собственными, сохранившимися въ норманскихъ и франкскихъ лѣтописяхъ, въ произведеніяхъ сѣверной словесности и въ т. п. памятникахъ, Байеръ нашелъ на этой почвѣ доводъ въ пользу норманскаго происхожденія Руси, который и былъ принятъ и развиваемъ всѣми его преемниками и послѣдователями, въ качествѣ одной изъ вѣрнѣйшихъ основъ ученія скандинавской школы. Такъ, послѣдователи этого ученія указывали на существованіе въ числѣ норманскихъ предводителей нѣсколькихъ Руриковъ, Рорековъ, Рорикровъ, Рогериковъ, и т. п. и даже приводили трехъ Рюриковъ, бывшихъ современниками нашего лѣтописнаго Рюрика и въ половинѣ IX вѣка воевавшихъ берега Фландріи, Эльбы и Рейна. За-

---

[1]) Ср. Д. И. Иловайскаго: «Розысканія о началѣ Руси», стр. 325 и сл.

[2]) «Изслѣдов., замѣчанія и лекціи» и пр. II. стр. 79, 80, 82, 83, 85, 86.

тѣмъ они сопоставляютъ наши лѣтописныя имена собственныя: Трувора—съ Труваромъ, Труере, Труве; Синеуса—съ скандинавскимъ Сніо, Синніутеръ, Суне; Аскольда—съ Оскеломъ, Аскеломъ; Дира—съ Тиромъ; Олега—съ Олавомъ, Олофомъ, Алакомъ (женское Олава); Игоря—съ Ингваромъ, Иваромъ, Ифаромъ; Рогвольда — съ Рагвальтромъ, Рангвальдомъ; Рогнѣду—съ Рошвигдою, Рагнильдою и т. п.

Но и этотъ доводъ норманистовъ не представляется такимъ абсолютнымъ, какимъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Не говоря уже о неизбѣжныхъ искаженіяхъ именъ собственныхъ, безъ сомнѣнія вкравшихся въ текстъ начальной лѣтописи, Д. И. Иловайскій вполнѣ основательно ссылается на родство языковъ славяно-литовскаго съ германскими, которое въ началѣ X вѣка было еще весьма близкимъ; не удивительно что, въ эпоху господства язычества, въ этихъ языкахъ могло встрѣтиться много и родственныхъ именъ собственныхъ, что и подтверждается составленною Шафарикомъ паралелью личныхъ именъ, гдѣ къ славяно-германскимъ именамъ очень близки еще даже и имена кельтскія. Многія, яко-бы скандинавскія, имена собственныя нашей начальной лѣтописи объясняются и изъ языка славянскаго, напримѣръ: Карлы—Карло, Инегельдъ,—Иггивладъ, Рогвольдъ—Рогволодъ, Веремудъ—Веламудъ, Синеусъ—Синавъ, Турбидъ—Турвидъ и т. п. И въ самомъ дѣлѣ: если норманисты считаютъ себя вправѣ исправлять, несомнѣнно искаженныя, имена собственныя нашей начальной лѣтописи въ сторону скандинавскаго происхожденія ихъ, то не въ вправѣ ли ихъ противники прибѣгать къ такой же транскрипціи для доказательства ихъ славянскаго происхожденія? Несомнѣнно, и даже съ еще бóльшимъ основаніемъ.

Возьмемъ, въ частности, имя „Рюрикъ“, которое норманисты считаютъ скандинавскимъ par exellence. У насъ было два князя Рюрика въ XI и XII вв., когда о непосредственномъ норманскомъ вліяніи даже и сами норманисты уже не говорятъ. Наконецъ, имя собственное „Рерихъ“, „Ригъ“—встрѣчается у древнихъ чеховъ; западно-славянское племя Бодричей называло себя „Ререгами“ (т. е. соколами) и имѣло городъ Рерикъ (нынѣшній Мекленбургъ); одинъ изъ притоковъ р. Одера назывался по славянски Рерикъ, а въ числѣ поморскихъ властителей IX вѣка упоминается князь Ререкъ.

Относительно имени „Олегъ“ и женскаго отъ него „Ольга“ —слѣдуетъ замѣтить, что оно встрѣчается у чеховъ (Olek, Oleg, Olha), звучитъ въ литовскомъ именословіи (Ольгердъ, Ольгимунтъ), въ нашемъ эпическомъ Вольгѣ. Игорь, какъ и имя Олегъ, было впослѣдствіе однимъ изъ излюбленныхъ русскихъ княжескихъ именъ и т. п. и т. п. Весьма много сдѣлано для опроверженія этого довода норманистовъ и для выясненія славянскаго происхожденія большей части, яко-бы скандинавскихъ, именъ, фигурирующихъ въ древней русской ономастикѣ, С. А. Гедеоновымъ. [1]).

Такими же натяжками отличаются и попытки норманистовъ объяснять скандинавскимъ языкомъ различные термины и названія предметовъ и отношеній государственнаго, правоваго и общественнаго быта, сохранившіеся въ древнихъ памятникахъ нашей письменности,—напримѣръ: бояринъ (!), гридинъ, мужи, люди, гости, вира, вервь, стягъ, скотъ, ладья и мн. др. Останавливаться на опытахъ этой филологической эквилибристики положительно не стоитъ.

VII. *Сношенія первыхъ русскихъ князей съ скандинавами.* Сношенія русскихъ князей съ Скандинавіею несомнѣнно существовали въ X—XI вѣкахъ, и противъ этого никто серьезно спорить, конечно, не станетъ, хотя нельзя придавать этимъ сношеніямъ такого важнаго значенія и такой доказательной силы въ области вопроса о происхожденіи Руси, какія силятся придать имъ норманисты и, въ особенности, М. П. Погодинъ. Въ данномъ случаѣ, на первый планъ выдвигаются Погодинымъ брачные союзы русскихъ князей съ скандинавками, благодаря которымъ въ нихъ, будто бы, „кровь норманская обновлялась безпрестанно“. Развивая эту мысль, Погодинъ совершенно голословно обращаетъ въ кровныхъ норманокъ и в. к. Ольгу, и княжескую ключницу Малушу, мать Владиміра, и, наконецъ, Рогнѣду, дочь Рогволода. Если отбросимъ эти три весьма сомнительные руссо-норманскіе брачные союзы, то у насъ останется лишь фактъ женитьбы Ярослава I на Ингигердѣ, дочери шведскаго короля Олафа, да фактъ замужества дочери его Елизаветы съ норвежскимъ принцемъ

---

[1]) Д. И. Иловайскій: «Розысканія о началѣ Руси», стр. 303 и слѣд. С. А. Гедеоновъ: «Варяги и Русь» (Спб. 1876), I, стр. 183 и сл., 223 и сл., 260 и сл.

Гаральдомъ; но вѣдь и другія дочери Ярослава выданы были за чужеземныхъ властителей, Анна—за короля французскаго, Анастасія—за короля венгерскаго, такъ что этотъ союзъ ни на какія особенно кордіальныя связи русскихъ князей съ Скандинавіею еще не указываетъ.

Указываютъ норманисты и на другія стороны отношеній между древнею Русью и Скандинавіею. Владиміръ, послѣ убіенія Ярополкомъ брата Олега, „убоявся“ той-же участи, бѣжалъ „за море“, гдѣ и прожилъ три года; Ярославъ, побѣжденный Болеславомъ, хотѣлъ было тоже бѣжать „за море“, но былъ удержанъ новгородцами. Не говоря уже о томъ, что въ обоихъ случаяхъ самое выраженіе: „за море“—представляется совершенно неопредѣленнымъ, мы изъ этихъ лѣтописныхъ указаній врядъ ли можемъ дѣлать какія бы то ни было выводы въ пользу норманскаго происхожденія Руси, иначе пришлось бы допустить, что и Владиміръ и Ярославъ все еще смотрѣли на Скандинавію, какъ на свою родину, а на Русь—какъ на случайное и временное отечество свое. Владиміръ—нашелъ, а Ярославъ собирался, было, найти себѣ въ тяжкую годину убѣжище гдѣ то „за моремъ“, какъ пять вѣковъ спустя и грозный царь Иванъ Васильевичъ не на шутку помышлялъ искать себѣ убѣжища отъ мучившаго его призрака боярской крамолы при дворѣ англійской королевы Елизаветы; неужели же и Іоаннъ IV помнилъ норманское происхожденіе своихъ предковъ?

Искали иногда себѣ убѣжища на Руси и сѣверные изгнанники (Олавъ Святой, бывшій король норвежскій, съ сыномъ Магнусомъ; братъ его Гаральдъ; Эдвинъ и Эдуардъ, принцы англійскіе и др.), но чаще всего являлись они сюда въ поискахъ за службою и сопряженнымъ съ нею золотомъ. Всѣ эти „варяги“, фигурирующіе въ X—XII вѣкахъ въ службѣ русскихъ князей—ничто иное, какъ сбродные наемники, въ массѣ которыхъ были, конечно, и скандинавы, служащіе имъ также точно, какъ служили имъ и разные торки, печенѣги, берендеи и черные клобуки, обнажающіе свой мечь за того, кто лучше заплатитъ имъ,—и видѣть здѣсь указаніе тѣ какія то братскія, сердечныя отношенія между русскимъ княжескимъ домомъ и Скандинавіею—представляется легкомысленнымъ. Такъ же служили эти „варяги“ за золото и византійскимъ императорамъ, и франкскимъ коро-

лямъ, и германо-скандинавскимъ властителямъ: „Ubi bene—ibi patria“—таковъ былъ девизъ этихъ средневѣковыхъ кондатьеровъ. Вотъ зачѣмъ приходили на Русь эти иноплеменныя хищническія банды, отъ которыхъ самъ Владиміръ не зналъ въ 980 г. какъ отдѣлаться, сплавивъ ихъ въ Византію, а вовсе не для „участвованія во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ единоплеменниковъ“, изъ уваженія „близкихъ, родственныхъ и дружественныхъ“ отношеній русскихъ князей съ норманскими, какъ объяснялъ это покойный М. П. Погодинъ [1]). Эта корыстолюбивая, авантюристическая подкладка службы норманскихъ дружинниковъ на Руси—рельефнѣе всего выражается въ скандинавскихъ сагахъ, въ особенности въ извѣстной Эймундовой сагѣ. Провѣдалъ норманскій витязь Эймундъ, что умеръ на Руси (въ Гардарикѣ) великій князь Владиміръ (конунгъ Вальдамаръ) и что трое сыновей его ссорятся между собою. „Не хотите ли ѣхать туда и пристать къ одному изъ нихъ?“,—предложилъ онъ товарищамъ своимъ. —„Это было бы хорошо въ разсужденіе поживы и почестей“, —отвѣтили тѣ. Дружины Эймунда отправились къ Ярославу и предложили ему свои услуги: „Мы предлагаемъ быть защитниками твоего владѣнія,—заявили они русскому князю,—и получить отъ тебя золото, серебро и хорошее платье; если сейчасъ же не согласишься, то мы найдемъ все это добро у другихъ конунговъ“. Начался торгъ и норманны остались на службѣ Ярослава. Кончился договоренный срокъ службы; норманны, снова поторговавшись, продлили срокъ соглашенія еще на 12 мѣсяцевъ. Но Ярославъ туго выплачивалъ своимъ наемникамъ договоренное жалованье и тѣ, оставивъ его, перешли на службу его соперника.

Предоставляемъ самому читателю судить о томъ, насколько всѣ эти мнимыя „близкія, родственныя и дружественныя отношенія“ между Русью и Скандинавіею X—XII вѣковъ—способны служить доводомъ въ пользу норманскаго происхожденія Руси.

VIII. *Корни „рус“, „рос“, „руотсъ“ въ шведской географической номенклатурѣ.* Финны называютъ шведовъ „Руотси“ (Ruotsi), а Швецію — „Руотсоланъ“. Въ Швеціи есть

---

[1]) «Изслѣдов. замѣчан. и лекціи», III, стр. 108.

провинція „Родслагенъ“. Жители шведскаго Упландскаго берега назывались „Rodsin“ (множ. число, означающее—гребцы), потому что они составляли изъ себя гребныя общины. Всѣ эти географическія сближенія также приводились въ доказательство норманскаго происхожденія Руси. Д. И. Иловайскій весьма удачно замѣчаетъ по этому поводу, что корни „рос“, и „рус“ — являются изъ числа излюбленныхъ въ арійскомъ мірѣ и что восточная Европа изобилуетъ рѣками и урочищами съ этимъ корнемъ въ названіяхъ. Поэтому дѣлать на этой почвѣ какія бы то ни было серьезныя обобщенія—дѣло весьма рискованное, и сами норманисты уже отказались отъ этой неблагодарной задачи послѣ обстоятельныхъ возраженій, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи С. А. Гедеоновымъ.

Мы познакомились,—въ общихъ чертахъ, конечно, насколько позволили намъ это задачи и характеръ настоящаго труда нашего,—съ главнѣйшими доводами норманистовъ, положенными ими въ основу вопроса о скандинавскомъ происхожденіи Руси. Если они не могутъ быть признаны абсолютными для положительнаго рѣшенія этого вопроса, то еще менѣе могутъ быть признаны таковыми другіе доводы послѣдователей норманской школы,—доводы, которые были направлены къ доказательству скандинавскаго происхожденія Руси путемъ сличенія религіи, духовныхъ свойствъ, характера, обычаевъ, и, въ особенности, права нашихъ предковъ съ такими же сторонами духовной жизни древнихъ скандинавовъ. Отъ этого неудачнаго пріема, въ примѣненіи котораго были забыты всѣ условія и законы общечеловѣческаго развитія культуры, былъ одинъ шагъ до крайняго воззрѣнія въ области вопроса о вліяніи норманизма на складъ начальной русской государственной, правовой и общественной жизни. Послѣдователи ученія скандинавской школы сдѣлали этотъ послѣдній шагъ. Въ глазахъ наиболѣе ярыхъ адептовъ этого ученія, вся древнѣйшая жизнь русскаго народа является проникнутою вліяніемъ норманизма и Погодинъ допускалъ даже существованіе особаго „норманскаго періода“ русской исторіи. Религія нашихъ предковъ объяснялась скандинавскою мифологіею; ихъ характеръ и складъ жизни объявлены сложившимися подъ вліяніемъ тѣхъ же норманскихъ пришельцевъ; наконецъ, государственныя установленія и самыя нормы права древнихъ руссовъ—признавались заимствованными отъ тѣхъ же скандинавовъ.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одною слабою стороною доводовъ норманистовъ, на почвѣ которой отказываются слѣдовать крайностямъ скандинавской школы наиболѣе умѣренные и непредубѣжденные представители современнаго норманизма, который, вообще, въ своей ультра-радикальной байеро-шлёцеро-погодинской формѣ становится въ наши дни явленіемъ все болѣе и болѣе рѣдкимъ.

Разсмотрѣвъ основы ученія норманской школы, перейдемъ теперь къ ученію антинорманистовъ, оспаривающихъ доводы ея и, во главѣ этихъ послѣднихъ, скандинавское происхожденіе Руси.

Б.—УЧЕНІЕ АНТИНОРМАНИСТОВЪ.

Здѣсь мы поставимъ на первомъ планѣ ученіе славянской школы, возвѣстившей теорію славянскаго происхожденія Руси. Въ высшей степени замѣчательнымъ представляется то обстоятельство, что вполнѣ ясно выраженная мысль о славянскомъ происхожденіи Руси — на цѣлыхъ два вѣка старше возникновенія ученія норманской школы. Эту мысль высказалъ еще въ 1549 году посолъ австрійскаго императора баронъ Сигизмундъ *Герберштейнъ*, два раза побывавшій въ Москвѣ, человѣкъ весьма образованный, знакомый съ славянскимъ (вендскимъ) языкомъ, а потому и лицо вполнѣ компетентное въ своихъ сужденіяхъ о всемъ томъ, что доводилось ему у насъ видѣть и слышать. Затрогивая въ своихъ „Запискахъ о Московіи“ („Rerum Moscoviticarum commentarii“, первое латин. изд. въ Вѣнѣ, 1549 г.) вопросъ о происхожденіи Руси, Герберштейнъ заявляетъ, что „не могъ узнать, кромѣ имени, ничего вѣрнаго изъ лѣтописи ни о казарахъ, ни о варягахъ—кто такіе были они или изъ какой земли“. Значитъ, въ первой половинѣ XVI вѣка у насъ не было еще и рѣчи о скандинавскомъ происхожденіи Руси,—фактъ, крайне знаменательный для исторіи этого вопроса. „Впрочемъ,—говоритъ Герберштейнъ,—такъ какъ они (т. е. русскіе) называютъ моремъ варяговъ—Балтійское море, которое отдѣляетъ Пруссію, Ливонію и часть ихъ владѣній отъ Швеціи, то я полагаю, что ихъ государи были, по сосѣдству, или шведы, или датчане, или пруссы“. Но не долго придерживался австрійскій дипломатъ этого мнѣнія: „Такъ какъ довольно

извѣстно,—продолжаетъ онъ,—что Вагрія, нѣкогда весьма славный городъ и область вандаловъ, была въ сосѣдствѣ съ Любекомъ и герцогствомъ Голзаціею, а вандалы были въ то время могущественны и имѣли языкъ, нравы и религію руссовъ: по всему этому мнѣ кажется,—заключаетъ нашъ авторъ,—что руссы скорѣе вызвали себѣ князей изъ *вагріевъ или варяговъ*, нежели предложили власть иностранцамъ, чуждымъ ихъ религіи, нравовъ и нарѣчія". Вагрія—страна прибалтійскихъ славянъ; слѣдовательно, Герберштейнъ является раннимъ представителемъ того направленія русской исторіографіи, которое выводитъ варяго-руссовъ изъ населеннаго славянами южнаго побережья Балтійскаго или Варяжскаго моря.

Мы уже знаемъ, что въ XVIII вѣкѣ ученіе славянской школы возникло у насъ вслѣдъ за провозглашеннымъ Байеромъ норманскимъ происхожденіемъ Руси. Первые представители этого ученія, подобно Герберштейну, выводили варяго-руссовъ съ южнаго побережья Балтійскаго моря, считая ихъ балтійскими славянами, которые господствовали въ то время въ предѣлахъ нынѣшнихъ германскихъ провинцій Помераніи, Мекленбурга и Шлезвигъ-Гольштейна. Такъ смотрѣлъ на дѣло *М. В. Ломоносовъ*, который, полемизируя съ Миллеромъ по вопросу о происхожденіи Руси, доказывалъ славянское происхожденіе варяго-руссовъ изъ балтійскаго Поморья (Помераніи), пріурочивая родину ихъ къ области, лежащей близь устья р. Нѣмана, которая носитъ въ своихъ низовьяхъ названіе „Руса". Ломоносовъ является, такимъ образомъ, предтечею послѣдующихъ русскихъ историковъ, выводившихъ Русь изъ среды балтійскаго славянскаго міра,—мысль, которую, почти одновременно съ нимъ, хотя и далеко, конечно, не такъ удачно развивалъ и *Третьяковскій*, искавшій родину руссовъ также въ нынѣшней Помераніи.

Съ тѣхъ поръ мысль о славянскомъ происхожденіи Руси уже не гасла въ русской наукѣ, отъ времени до времени болѣе или менѣе ярко вспыхивая въ борьбѣ съ доводами сторонниковъ школы скандинавской. Въ текущемъ столѣтіи славянское происхожденія Руси, хотя и довольно таки темно и нерѣшительно, поддерживалъ *Ѳ. Л. Морошкинъ*, считавшій варяговъ—балтійскими славянами (именно ваграми, населявшими юго-западный уголъ нынѣшняго нѣмецкаго балтійскаго побережья), а Русь—балтійскими же славянами, но съ острова

Рюгена (Ругена). Затѣмъ ученіе о самобытномъ и совершенно національномъ происхожденіи Руси поддерживалъ *Ю. И. Венелинъ* и его ученики. Подобно Ломоносову, изъ балтійскихъ же славянъ выводятъ варяго-руссовъ *А. А. Котляревскій* и *С. А. Гедеоновъ*.

Въ области даннаго вопроса оказаны особыя заслуги этимъ послѣднимъ и можно смѣло сказать, что г. *Гедеоновъ* явился первымъ изслѣдователемъ, который выступилъ на борьбу съ норманизмомъ съ оружіемъ, равнымъ оружію представителей послѣдняго, — въ смыслѣ таланта, всесторонней эрудиціи и умѣлой критики. Благодаря г. Гедеонову, ученіе славянской школы было поставлено на твердую почву, а ученію норманизма нанесенъ ударъ—и ударъ, повидимому, смертельный; по крайней мѣрѣ, доводы Гедеонова заставили норманистовъ, — и даже такого высокоталантливаго представителя ихъ, какимъ является академикъ А. А. Куникъ,— честно и добровольно взять назадъ отдѣльныя положенія свои, за которыя скандинавская школа прежде крѣпко держалась. Въ своихъ „Отрывкахъ изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ“ (Прилож. къ Запискамъ Ак. Н. за 1862), а затѣмъ въ изслѣдованіи „Варяги и Русъ“ (т.т. I—II, Спб. 1876), С. А. Гедеоновъ доказываетъ, что варяги нашей начальной лѣтописи—не были норманнами, но представляютъ собою ничто иное, какъ балтійскихъ славянъ. При этомъ г. Гедеоновъ собралъ цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ о балтійскомъ славянствѣ, доказывая, что оно доминировало на Балтикѣ, которая отъ него получила и свое названіе „Варяжскаго моря“, еще тогда, когда имя норманновъ едва дѣлалось извѣстнымъ въ западной Европѣ. Балтійскіе славяне издревле властвовали на Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ; они являлись здѣсь отважными и предпріимчивыми мореплавателями, а впослѣдствіе, какъ свидѣтельствуютъ о томъ весьма многіе источники (сѣверныя саги и западно-европейскіе историки и хроники), не только не склонялись передъ морскимъ могуществомъ норманновъ, но, напротивъ, являлись на этомъ поприщѣ ихъ соперниками, поддерживая съ пресловутыми „пѣнителями моря“ безпрестанныя войны. Въ помощь исторіи г. Гедеоновъ беретъ филологію и, основываясь на мѣстѣ, занимаемомъ нарѣчіемъ балтійскихъ славянъ въ семьѣ другихъ славянскихъ рѣченій, дѣлаетъ весьма удачную и остроумную попытку

объясненія этимъ путемъ малопонятныхъ словъ и выраженій, попадающихся въ древнихъ памятникахъ русской письменности. С. А. Гедеоновъ возвращаетъ, слѣдовательно, балтійскимъ славянамъ ту роль по отношенію къ нашей древнѣйшей исторіи, которую, со временъ Байера, насильственно навязывали норманнамъ; отсюда то, изъ этого балтійскаго славянскаго „варяжества", и были призваны въ Русь первые князья и дружинники ихъ. Что касается собственно Руси—то г. Гедеоновъ признаетъ ее за коренное восточно-славянское населеніе, которое само, такимъ образомъ, передало свое имя призваннымъ, а не приняло его отъ сравнительно ничтожной кучки пришельцевъ, какъ утверждали это послѣдователи норманизма, нисколько не останавливаясь передъ наглядною абсурдностью такого предположенія.

Къ направленію С. А. Гедеонова, хотя съ отклоненіями и иными исходными точками зрѣнія, примыкаютъ Д. И. Иловайскій и И. Е. Забѣлинъ.

Мы до извѣстной степени уже знакомы съ воззрѣніями *Д. И. Иловайскаго* въ области древнѣйшей русской исторіи. Мы знаемъ, что г. Иловайскій отвергаетъ достовѣрность лѣтописнаго свидѣтельства о призваніи князей, а слѣдовательно—и достовѣрность всей начальной исторіи русскаго народа, отъ факта посылки сѣверными племенами въ поиски за заморскими князьями и до перехода Олега въ Приднѣпровскую Русь, включительно. Весьма естественно, отсюда, что, въ глазахъ г. Иловайскаго, собственно „варяжскій вопросъ" и не имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ въ его изслѣдованіяхъ онъ исключается самымъ отрицаніемъ факта призванія варяговъ. Нашъ историкъ охотно признаетъ варяговъ нашей лѣтописи за иноземцевъ-норманновъ и, сдѣлавъ норманизму эту единственную уступку, направляетъ всѣ свои усилія къ выясненію туземнаго, славянскаго, происхожденія Руси. Рядъ статей и замѣтокъ въ этомъ направленіи, съ значительною примѣсью въ нихъ полемическаго элемента, помѣщался г. Иловайскимъ въ различныхъ журналахъ, а затѣмъ всѣ относящіяся сюда данныя сведены были имъ въ книгѣ: „Разысканія о началѣ Руси" (М. 1876 г., 2-е допол. изд. 1882 г.). Г. Иловайскій исходитъ отъ положенія, что „Русь была искони народомъ туземнымъ и сама основала свое государство". Только на почвѣ этого положенія видитъ авторъ нашъ возможность

научнаго построенія начальной русской исторіи и въ доказательство приводитъ безплодные труды норманистовъ, которые, исходя отъ ложной, искуственно созданной точки отправленія, вотъ уже 150 лѣтъ трудятся надъ обоснованіемъ древнѣйшей русской исторіи и до сихъ поръ не ушли еще впередъ отъ того, что было сдѣлано ихъ родоначальникомъ Байеромъ.

Русская исторія началась,—говоритъ г. Иловайскій,—на широкомъ просторѣ черноморскихъ степей, тамъ, гдѣ въ древности существовала европейская Скиѳія. Здѣсь, въ среднемъ Приднѣпровьи, издревле образовалось самостоятельное славяно-русское княжество, этнографическій матеріалъ для котораго дало скиѳо-сарматское племя Роксалановъ или Росъ—Алановъ, пріурочиваемое Страбономъ къ пространству территоріи между Днѣпромъ и Дономъ. Бертинскія лѣтописи, расказывающія подъ 835 годомъ о „россахъ“, приходившихъ въ Царьградъ съ изъявленіемъ императору Ѳеоѳилу чувствъ дружбы своего князя (хакана) — даютъ первое историческое свидѣтельство объ этомъ княжествѣ; для защиты отъ этихъ же днѣпровскихъ россовъ просили казары въ 835 же году императора Ѳеоѳила построить имъ на Дону крѣпость, которая и была сооружена подъ названіемъ Саркела (Бѣлая Вежа нашихъ лѣтописей). Имя этой „Руси“, въ своей чистой формѣ, встрѣчается, вопреки утвержденіямъ норманистовъ, еще раньше второй половины IX вѣка, т. е. эпохи лѣтописнаго сказанія о призваніи варяго-руссовъ. Помимо только что приведенныхъ фактовъ, г. Иловайскій ссылается на Іорнанда (автора VI-го вѣка), который уже знаетъ руссовъ подъ наименованіемъ Rocas (т. е. Rox, Ross), и на Географа Баварскаго, который наряду съ Угличами (Unlizi) и Казарами (Caziri) ставитъ и Русь (Ruzzi). Упоминаніе о туземномъ народѣ „Русь“ встрѣчается и у арабскаго писателя Хордадбега.

Но, кромѣ Руси Приднѣпровской, г. Иловайскій признаетъ еще исконное существованіе Азовско-Черноморской Руси, обитавшей первоначально въ сѣверо-восточномъ углу Чернаго (Русскаго) моря—на нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ, и отсюда распространившей свои владѣнія на окрестныя страны, не выключая и восточной части Таврическаго полуострова, гдѣ эта Русь и встала въ непосредственное соприкосновеніе съ Византіею. Эту Азовско-Черно-

морскую Русь г. Иловайскій ставитъ въ тѣсную генетическую связь съ загадочнымъ русскимъ Тмутараканскимъ княжествомъ. Къ этой Руси пріурочиваетъ нашъ авторъ арабское свидѣтельство о грандіозныхъ походахъ руссовъ въ 913 и 944 г.г. на Каспійское море; къ ней пріурочиваетъ онъ и морскія предпріятія руссовъ на Черномъ морѣ, а въ числѣ ихъ и набѣгъ 866 г. на Византію, и извѣстіе о русской колоніи въ казарской столицѣ Итилѣ, и греческое свидѣтельство о русской митрополіи IX в. (у императора Льва Философа), и свидѣтельство патріарха Фотія о принятіи руссами въ 60-хъ годахъ IX-го вѣка христіанства, и фактъ находки Константиномъ Философомъ въ Корсуни, во второй половинѣ IX в., евангелія писаннаго русскими письменами и человѣка, говорившаго по русски.... Существованіемъ Азовско-Черноморской Руси объясняется, далѣе, извѣстіе нѣкоторыхъ арабскихъ писателей о дѣленіи Руси на три составныя части: Славію (сѣверная, новгородская Русь,—„славяне“ нашей начальной лѣтописи), Куяву (днѣпровская или кіевская Русь) и Артанію (Русь азовско-черноморская, по толкованію Иловайскаго), а также помѣщеніе ими Руси между Хазаріею и Румомъ (византійскими владѣніями) и извѣстіе о томъ, что „руссы живутъ на болотистомъ островѣ“ (полуостровъ Тамань); ко всему этому г. Иловайскій присовокупляетъ указаніе, что какъ у арабовъ, такъ и въ западныхъ источникахъ, Боспоръ или Керчь иногда назывался „Рóссія“. Куда же дѣвалась впослѣдствіе эта азовско-черноморская Русь? Она, отвѣчаетъ г. Иловайскій, съ половины IX вѣка начинаетъ заслоняться возростающимъ могуществомъ Руси приднѣпровской, затѣмъ отторгается отъ нея вторженіемъ въ сѣверное Черноморье новыхъ ордъ азіатскихъ кочевниковъ и, наконецъ, въ эпоху удѣльной Руси снова даетъ себя видѣть въ лицѣ таинственнаго русскаго Тмутараканскаго княжества, древнія преданія о которомъ еще слышатся въ мотивахъ извѣстнаго „Слова о полку Игоревѣ“.

Переходимъ къ теоріи происхожденія Руси *И. Е. Забѣлина*, изложенной имъ въ первомъ и, отчасти, второмъ томахъ его „Исторіи русской жизни“ (М. 1876—1879). Теорія г. Забѣлина ближе къ ученію С. А. Гедеонова въ томъ смыслѣ, что онъ также признаетъ варяговъ за балтійскихъ славянъ, хотя съ южнаго же побережья Балтики выводитъ и руссовъ,

которыхъ не считаетъ самобытными уроженцами Черноморскаго прибережья, каковыми признаютъ ихъ г.г. Гедеоновъ и Иловайскій. Упрекая представителей нѣмецкой школы русской исторіографіи въ томъ, что они представляютъ себѣ славянство и начальную русскую исторію какимъ то „пустымъ мѣстомъ“, которое заполняется лишь съ призваніемъ заморскихъ варяговъ, И. Е. Забѣлинъ утверждаетъ, напротивъ, что начало русской исторіи—представляетъ собою лишь начало новаго круга развитія сѣвернаго славянства, явившагося на смѣну другого, уже заканчивающагося, круга его развитія. Затрогивая вопросъ о варягахъ, къ которымъ, будто бы, обратились сѣверныя племена за княжескою властью, г. Забѣлинъ недоумѣваетъ по поводу настойчивости представителей скандинавской школы, желающихъ, во что бы то ни стало, видѣть въ нихъ—норманновъ. Но въ томъ то и дѣло, что въ ту пору, къ которой наша лѣтопись пріурочиваетъ свое повѣствованіе о началѣ Руси, по прибрежьямъ Балтійскаго моря жили далеко не одни скандинавы. Такъ, весь южный берегъ этого моря былъ—не ихъ. Здѣсь, какъ свидѣтельствуетъ о томъ масса источниковъ, были разселены многочисленныя племена славянъ, такъ что пріурочиваніе названія „варяги“ непремѣнно къ норманнамъ—представляетъ собою историческую и этнографическую натяжку. Прослѣживая указанія начальной лѣтописи на порядокъ разселенія по сѣверу Европы народовъ Іафетова колѣна, г. Забѣлинъ рядомъ соображеній, подробностей которыхъ мы касаться не будемъ, приходитъ къ убѣжденію, что мѣсто, отводимое этою лѣтописью для ея „Руси“—приходится какъ разъ на славянское южно-балтійское Поморье, разбросившееся между рѣками Іабою (Эльбою) и Одрою (Одеромъ) и населенное въ IX вѣкѣ славянскими племенами Вагировъ (вагровъ), Оботритовъ, Рюгенцевъ и Лютичей. Всѣ эти племена играли въ ту пору далеко не пассивную роль въ исторіи Прибалтійскаго края: они являлись не только образцовыми земледѣльцами, умѣвшими хорошо пользоваться естественными богатствами своего края, но и предпріимчивыми торговцами и мореплавателями, съ успѣхомъ соперничавшими на этомъ послѣднемъ поприщѣ съ своими сѣверными сосѣдями—скандинавами. Особенно отличалось своею отважностью и предпріимчивостью крайнее на западъ племя балтійскихъ славянъ—Вагры, Вагиры или Варги; это племя являлось передовымъ и въ борьбѣ

съ германцами, уже начавшими въ то время тѣснить съ юга балтійское славянство, впослѣдствіе совершенно германизированное ими. Въ IX и X вѣкахъ балтійское славянство поддерживало оживленныя торговыя сношенія и съ сѣверомъ (Скандинавіею), и съ востокомъ, и въ этомъ отношеніи оно явилось предшественникомъ будущаго германскаго ганзейскаго союза, возникшаго именно на развалинахъ торговли балтійскаго славянства. Эти балтійскіе славяне являются, такимъ образомъ,—по словамъ г. Забѣлина,—именно тѣми „варягами“, піонерами мореходства, торговли и предпріимчивости, какими рисуютъ своихъ норманновъ послѣдователи ученія скандинавской школы. Они являются на Балтикѣ полновластными и могущественными хозяевами уже въ то раннее время, когда бѣдные и обездоленные природою скандинавы едва начали заявлять окрестному міру о своемъ существованіи на скалистомъ и безплодномъ полуостровѣ сѣвернаго балтійскаго прибрежья.

Весьма естественно, что колонизація балтійскихъ славянъ не могла не направиться на востокъ, въ сѣверные предѣлы нынѣшняго отечества нашего, которое славилось естественными богатствами своими и черезъ которые пролегали удобные водные пути на далекіе югъ и востокъ. Они должны были заводить здѣсь свои факторіи, содержать въ важнѣйшихъ пунктахъ края свои гарнизоны, розыскивать отсюда новые торговые пути... Все это должно было явиться результатомъ естественнаго хода вещей. Послѣдствіемъ этого то конизаціоннаго стремленія балтійскихъ славянъ на востокъ и было возникновеніе въ Ильменскомъ краѣ города Новгорода, который явился торговымъ посредникомъ между западомъ и востокомъ,—роль, которую городъ этотъ удержалъ за собою и послѣ того, какъ господство славянъ на Балтійскомъ морѣ смѣнилось господствомъ здѣсь нѣмцевъ (ганзейскаго союза); г. Забѣлинъ полагаетъ, что первый славянскій поселокъ на берегахъ озера Ильменя долженъ былъ возникнуть, по крайней мѣрѣ, во времена Птоломея. Поселившись здѣсь уже очень рано, балтійскіе славяне оставили новгородцамъ въ наслѣдіе специфическое наименованіе „славянъ“, подъ которымъ они впослѣдствіе и фигурируютъ въ нашей начальной лѣтописи. Славянскія поселенія на русскомъ сѣверѣ явились, такимъ образомъ, результатомъ колонизаціонной дѣятельности балтійскаго славянства, съ которымъ они про-

должали поддерживать оживленныя связи, выразившiяся въ половинѣ IX вѣка призванiемъ отсюда и княжеской власти. Новгородскiй край издавна тяготѣлъ, поэтому, къ Балтiйскому или „Варяжскому“ поморью; онъ сталъ тяготѣть къ Днѣпровской Руси послѣ того уже, когда пало, подъ давленiемъ нѣмцевъ, само балтiйское славянство.

Но что такое—„Русь“? Это, по мнѣнiю г. Забѣлина, населенiе древней „Ругiи“, области лежавшей между рѣками Одеромъ и Травою; названiе это авторъ нашъ выводитъ отъ имени острова Ругена (Рюгенъ), подтверждая свое положенiе тѣмъ фактомъ, что въ географическихъ сочиненiяхъ конца XVI вѣка островъ Рюгенъ прямо таки называется „Русiя“. И. Е. Забѣлинъ замѣчаетъ, что, вообще, корень „рус“, „рос“, „руг“, „рун“ — является однимъ изъ излюбленныхъ въ географическихъ названiяхъ прибалтiйской Померанiи. Средневѣковые авторы знаютъ населенiе острова Ругена подъ наименовiемъ „руговъ“; по свидѣтельству Адама Бременскаго, эти руги были храбрѣйшими изъ славянъ; безъ вѣдома ихъ остальныя балтiйскiя славянскiя племена ничего не предпринимали. Этихъ то „руговъ“, подъ наименованiемъ „Руси“—знаетъ, по словамъ г. Забѣлина, и наша начальная лѣтопись; отсюда были призваны и первые князья русскiе.

Но, наряду съ Балтiйскою Русью, существовала еще и Русь южная – Приднѣпровская. По мнѣнiю И. Е. Забѣлина. эта южная Русь ведетъ свое начало отъ той же балтiйской Руси, которая переселилась сюда еще въ очень далекiя времена, когда впервые проторенъ былъ путь къ Черному морю по рѣкамъ Двинѣ, Невѣ и Днѣпру; эту выселившуюся сюда Русь г. Забѣлинъ считаетъ возможнымъ поставить въ генетическую связь съ страбоновскими Роксоланами, дѣлая даже, попытку опредѣлить, по даннымъ филолого-географическимъ, то направленiе, которому слѣдовало это передвиженiе части Руси отъ балтiйскаго Поморья къ берегамъ кiевскаго Днѣпра.

Кромѣ ученiя о славянскомъ происхожденiи Руси, въ лагерѣ антинорманистовъ встрѣчались воззрѣнiя, по которымъ варяго-руссы выводились и отъ различныхъ другихъ этнографическихъ элементовъ. Такъ, въ прошедшемъ столѣтiи *Татищевъ* и *Болтинъ* видѣли родину руссовъ въ Фрисландiи; въ первой трети текущаго столѣтiя *Эверсъ* выводилъ ихъ изъ казаровъ, *Фатеръ* считалъ ихъ готами съ бере

товъ Чернаго моря, а въ концѣ 50-хъ годовъ *Н. И. Костомаровъ* провозгласилъ литовское происхожденіе варяго-руссовъ, выводя ихъ съ береговъ рѣки Нѣмана; въ 1860 году Костомаровъ отстаивалъ свою теорію на публичномъ диспутѣ (въ Петербургѣ) противъ М. П. Погодина, и въ свое время это научное состязаніе было предметомъ большой сенсаціи и въ ученомъ мірѣ, и въ журналистикѣ, и въ публикѣ. Какъ бы то ни было, но долголѣтная, упорная и подъ-часъ даже страстная борьба норманистовъ и антинорманистовъ, во время которой сталкивались самыя разнообразныя мнѣнія, взгляды, дарованія, эрудиція—принесла, даже и крайностями своими, великую услугу наукѣ древней русской исторіи, давъ толчокъ къ пересмотру и критикѣ лѣтописей и другихъ какъ отечественныхъ, такъ, въ особенности, иноземныхъ источниковъ.

Говоря о различныхъ теоріяхъ происхожденія варяго-руссовъ, слѣдуетъ остановиться еще на среднемъ мнѣніи, которое признаетъ варяго-руссовъ—не народомъ и даже не отдѣльнымъ скандинавскимъ племенемъ, но просто на просто сбродною, разноплеменною дружиною, съ преобладающимъ, однако, скандинавскимъ элементомъ и подъ предводительствомъ норманскихъ вождей. Такое воззрѣніе высказывалось, между прочими, и покойнымъ *С. М. Соловьевымъ*. Этимъ разноплеменнымъ составомъ дружины, явившейся къ намъ подъ названіемъ варяго-руссовъ, и объясняли ту быстроту, съ которою растворился у насъ скандинавскій элементъ въ массѣ туземнаго народонаселенія, не оставивъ сколько нибудь замѣтныхъ слѣдовъ своего воздѣйствія на историческую жизнь русскаго народа.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЗАРОЖДЕНІЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

ГЛАВА I.

Обзоръ теорій древняго быта славянъ, вообще, и русскихъ славянъ, въ особенности.

Общій обзоръ различныхъ теорій.—А. Теорія родоваго быта: Г. Эверсъ, К. Д. Кавелинъ, С. М. Соловьевъ, А. И. Никитскій.—Б. Теорія общиннаго быта: К. С. Аксаковъ, И. Д. Бѣляевъ, В. Н. Лешковъ, П. А. Соколовскій.—В. Теорія задружно-общиннаго быта: Ѳ. И. Леонтовичъ и его послѣдователи.

Мы познакомились съ тѣмъ шаткимъ, исполненнымъ недоумѣній, противорѣчій и предположеній состояніемъ, въ которомъ въ теченіи полутора вѣковъ находился, въ значительной степени и до нашихъ дней еще находится, одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ зарожденіемъ русской самобытности: это—вопросъ объ историческихъ судьбахъ древняго славянства, вообще, и той загадочной „Руси“, которой суждено было передать свое наименованіе нашему народу и государству, въ частности.

Не въ большей ясности очень долго оставался и другой краеугольный вопросъ, тѣсно связанный съ зарожденіемъ русской государственности—вопросъ о коренныхъ началахъ общественнаго быта, въ которомъ стояли восточно-славянскіе племена, вошедшіе впослѣдствіе въ составъ русской народности. Это и не представляется, впрочемъ, удивительнымъ, будучи обусловлено многими трудностями послѣдняго вопроса, въ свою очередь зависящими отъ значительной ограниченности фактическихъ данныхъ для его разрѣшенія, а равно сбивчи-

востью и неопредѣленностью большей части источниковъ, находящихся въ распоряженіи изслѣдователя этого вопроса и допускающихъ возможность самыхъ разнообразныхъ толкованій и основанныхъ на нихъ таковыхъ же выводовъ и гипотезъ.

Вообще говоря, среди нашихъ историковъ и историковъ-юристовъ, какъ это намъ уже извѣстно [1]), наблюдались и наблюдаются три основныя теоріи,—или, вѣрнѣе, три основныя группы теорій,—древнѣйшаго общественнаго быта восточныхъ славянъ передъ эпохою и въ эпоху образованія русскаго государства.

По первой изъ этихъ теорій, — слѣдующихъ одна за другою, во времени, именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы ихъ будемъ приводить, — восточные славяне жили въ ту отдаленную отъ насъ эпоху въ родовыхъ основахъ быта. Это ученіе, выроботавшееся въ цѣлую т е о р і ю р о д о в а г о б ы т а восточно-русскихъ славянъ, исходитъ изъ положенія о томъ, что передъ эпохою образованія русскаго государства эти славяне жили въ родовыхъ союзахъ, т. е. расчленялись на отдѣльные роды, члены которыхъ связаны были между собою единствомъ кровнаго происхожденія, общностью родовой собственности, началомъ родовой самопомощи и самозащиты, причемъ съ внѣшней стороны объединялись патримоніальною властью родоначальника или заступающаго его мѣсто старшаго въ родѣ. Дальнѣйшія положенія послѣдователей этой теоріи сводятся къ постепенному ослабленію началъ родоваго быта, паралельно съ усиленіемъ началъ государственныхъ, которыя, въ концѣ концовъ, и получаютъ торжество надъ первыми.

Въ началѣ 50-хъ годовъ, подъ значительнымъ вліяніемъ ученія славянской школы (съ крайнимъ выраженіемъ его въ славянофильствѣ), теоріи родоваго быта восточно-русскихъ славянъ противопоставлена была т е о р і я о б щ и н н а г о б ы т а ихъ. Ученіе послѣдователей этой теоріи сводится въ своихъ главныхъ чертахъ къ тому, что основною жизненною единицею общественнаго строя древнихъ восточныхъ славянъ являлся въ эпоху зарожденія русской государственности не родъ, въ только что указанномъ смыслѣ этого слова, но о б щ и н а,— единица въ значительной степени уже искусственная, зижду-

---

[1]) См. выше стран. 47—50.

щаяся не на узахъ единства кровнаго происхожденія, но на связяхъ соціально-экономическихъ: необходимости взаимопомощи, съ истекающими изъ основъ ея круговою порукою и общиннымъ судомъ, и на общинномъ землевладѣніи, съ періодическими передѣлами принадлежащихъ цѣлой общинѣ земель. Внѣшними выразителями общинной корпоративности выступаютъ собранія членовъ общины (сходъ, міръ) и выборный представитель, начальникъ,—органъ исполнительный по отношенію къ общинной мысли и волѣ, выражающимся въ приговорахъ этихъ собраній. Общинный бытъ представляетъ собою стадію общежитія болѣе развитую, болѣе культурную сравнительно съ родовымъ устройствомъ быта, а потому и вполнѣ понятнымъ становится отсюда, что представители русскаго историческаго знанія, признававшіе древнихъ насельниковъ нынѣшняго отечества нашего стоявшими въ эпоху формаціи русскаго государства на низкомъ уровнѣ своего общественнаго развитія, съ котораго они и были сведены пришлыми изъ-за-моря варяго-руссами, являлись, вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣдователями теоріи родоваго быта ихъ; и, наоборотъ, писатели, уже для той поры признававшіе за нашими предками относительную степень самобытнаго общественно-культурнаго развитія, въ тоже время выступали, конечно, и поборниками теоріи общиннаго быта ихъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ заканчивающагося столѣтія возникла новая теорія общественнаго быта древнихъ славянъ, происхожденіемъ своимъ обязанная, какъ это намъ уже извѣстно, сравнительно-историческимъ изслѣдованіемъ проф. Ѳ. И. Леонтовича въ области древняго славянскаго права. Это теорія задружно-общиннаго быта нашихъ предковъ, —ученіе, носящее характеръ средняго, примирительнаго, между крайностями двухъ предшествовавшихъ теорій. По ученію этой теоріи, основною общественною единицею нашихъ предковъ являлись въ эпоху образованія русской государственности не родъ и не община, въ томъ чистомъ видѣ ихъ, въ какомъ разсматриваютъ ихъ послѣдователи двухъ уже указанныхъ нами направленій, но община семейная („задруга“ у юго-западныхъ славянъ, „вервь“—у русскихъ славянъ). Такая семейная община (задруга, вервь) представляетъ собою союзъ лицъ, живущихъ вмѣстѣ, но связанныхъ между собою уже не только узами кровнаго родства, но и узами

соціально-экономическими, почему въ составъ такой общины входятъ, въ качествѣ полноправныхъ ея членовъ, и лица не связанныя родствомъ съ первоначальными членами. Нѣсколько такихъ семейныхъ общинъ (задругъ, вервей),—изъ которыхъ каждая есть, прежде всего, община экономическая,—соединяются въ болѣе крупныя общественныя единицы, общины уже чисто территоріальныя („жупы“ юго-западныхъ славянъ; земли, волости, погосты—русскихъ славянъ); эти территоріальныя общины, въ сущности представляющія собою союзы семейныхъ общинъ, управляются собраніемъ населенія общины (снемъ, вѣче) и выборнымъ представителемъ власти („жупанъ“, князь, волостель). Теорія задружно-общиннаго быта, примѣненная къ древне-русскому быту проф. Леонтовичемъ, въ основѣ своей имѣетъ работы въ области изученія современнаго народнаго быта юго-западныхъ славянъ, у которыхъ задруга и до настоящаго времени сохранилась въ качествѣ переживанія древнихъ эпохъ культурной жизни ихъ.

Послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній общаго характера, перейдемъ теперь къ обзору отдѣльныхъ ученій, предлагавшихся въ области всѣхъ приведенныхъ выше теорій общественнаго быта древнихъ восточныхъ славянъ.

А.—ТЕОРІЯ РОДОВАГО БЫТА.

Имя основателя теоріи родоваго быта, въ ея примѣненіи къ древнѣйшему правовому быту нашихъ предковъ—уже извѣстно намъ. Это—профессоръ дерптскаго университета Густавъ *Эверсъ*, авторъ перваго научно-систематическаго труда въ области древняго русскаго права. Эверсъ выступаетъ съ первою серьезною попыткою ученія объ условіяхъ общественнаго быта восточно-русскихъ славянъ и кладетъ эту попытку основною руководящею идеею своего труда: „Das aelteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwickelung“ (1826 г.).

Эверсъ признаетъ родовой бытъ за форму общественности, безусловно и у всѣхъ народовъ предшествующую быту государственному. Въ основѣ всякаго древнѣйшаго общественнаго быта Эверсъ признаетъ родовые союзы или роды, зиждущіеся на началахъ кровнаго родства, на патріархальной власти общаго родоначальника или старѣйшины въ родѣ, на

институтѣ общей родовой собственности и на родственномъ судѣ, расправѣ и самозащитѣ. Государство,—по воззрѣнію Эверса,—есть ничто иное, какъ „соединеніе отдѣльныхъ, бывшихъ дотолѣ совершенно свободными, родовъ или большихъ семействъ, подъ владычествомъ одного общественнаго главы“. Въ этомъ смыслѣ понятіе „племени“—является посредствующимъ между понятіями государства и рода: какъ племя сложилось изъ отдѣльныхъ семей и родовъ, такъ и государство (народъ) сложилось изъ совокупности до тѣхъ поръ независимыхъ другъ отъ друга племенъ.

Каждый народъ,—учитъ Эверсъ,—неизбѣжно проходитъ въ своей исторической жизни процессъ постепеннаго перехода отъ господства началъ быта родоваго къ побѣдѣ надъ послѣдними началъ быта государственнаго, причемъ первыя постепенно ослабѣваютъ, уступая свое мѣсто вторымъ, въ концѣ концовъ и получающимъ торжество. Съ этой точки зрѣнія и самая власть государя, какъ властителя цѣлаго народа, государства, естъ ничто иное, какъ преемство совокупной власти прежнихъ родоначальниковъ: государь является лишь начальникамъ цѣлой совокупности родовъ, патріархомъ, управляющимъ однимъ великимъ семействомъ, сложившимся изъ всей этой совокупности родовъ. Отсюда—объясненіе совѣщаній государя съ представителями населенія, какъ переживанія прежнихъ совѣщаній родоначальника съ членами рода; отсюда и отсутствіе въ первоначальномъ государствѣ писанныхъ законовъ, объясняемое твердо живущимъ еще правосознаніемъ бывшихъ сородичей.

Пережить весь этотъ процессъ перехода отъ основъ быта родового, въ которыхъ, по воззрѣнію Эверса, застаетъ исторія древнѣйшихъ предковъ нашихъ, къ основамъ строя государственнаго — выпало на долю русскаго народа уже въ историческія поры его существованія. Съ цѣлью обоснованія на отечественныхъ же источникахъ своего ученія о всецѣломъ господствѣ у восточно-русскимъ славянъ начало родоваго быта въ эпоху, предшествовавшую основанію государства, Эверсъ приводитъ изъ нашей начальной лѣтописи рядъ цитатъ, въ которыхъ встрѣчается слово „родъ“ и которымъ суждено было лечь въ основу доводовъ и всѣхъ позднѣйшихъ послѣдователей теоріи родоваго быта.

Дѣлая выборку изъ многихъ, по его словамъ, „слѣдовъ

таковаго состоянія родовъ“ имѣющихся „въ русской исторіи“— Эверсъ во главѣ ихъ выписываетъ слѣдующія строки изъ нашей начальной лѣтописи, характеризующія внутренній строй жизни славянскаго племени Полянъ передъ образованіемъ государства: „Поляномъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху Поляне, и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ“. Князь кіевскій Кій, по свидѣтельству той же лѣтописи— „сѣдѣше на горѣ, гдѣ нынѣ Зборичевъ, и бѣ съ родомъ своимъ“. Описывая обстоятельства, предшествовавшія призванію варяго-русскихъ князей, лѣтописецъ свидѣтельствуетъ: „И вста родъ на родъ, и быша усобицы въ нихъ, и воевати сами на ся почаша“. Призванные изъ за-моря варяжскіе князья приходятъ также „съ роды своими“; ушедшіе отъ Рюрика въ Царьградъ Аскольдъ и Диръ отправляются туда опять таки „съ родомъ своимъ“...... Во всѣхъ этихъ лѣтописныхъ текстахъ, заключающихъ въ себѣ, въ той или другой формѣ, упоминаніе о „родѣ“, „родахъ“—Эверсъ неукоснительно усматриваетъ указанія на слѣды господства у нашихъ предкихъ родоваго быта.

Общій и наиболѣе категорическій выводъ ученія Эверса о родовомъ бытѣ древней Руси—формулируется слѣдующимъ положеніемъ, приводимымъ въ упомянутомъ выше трудѣ его (цитируемъ по русскому переводу Платонова): „Новое государство въ первоначальномъ своемъ состояніи есть ничто иное, какъ соединеніе многихъ великихъ родовъ, а новый властитель—ничто иное, какъ верховный патріархъ. Устроеніе и управленіе государства есть правленіе великимъ семействомъ,— единственный образецъ, который имѣли въ виду люди, вступавшіе въ новое великое общество“..... Къ ученію Эверса о родовомъ бытѣ примкнулъ, хотя и въ болѣе умѣренной формѣ, его послѣдователь и ученикъ, также уже извѣстный намъ профессоръ дерптскаго университета Филиппъ *Рейцъ*.

Теорія родоваго быта восточно-русскихъ славянъ, обоснованная Эверсомъ еще въ 20-хъ годахъ заканчивающагося столѣтія, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ получила дальнѣйшее развитіе въ ученіяхъ К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева.

К. Д. Кавелинъ изложилъ основныя начала своихъ воззрѣній въ области вопроса объ устройствѣ общественнаго быта нашихъ отдаленныхъ предковъ въ своемъ изслѣдованіи: „Взглядъ

на юридическій бытъ древней Россіи", первоначально появившемся, въ 1847 г., въ журналѣ „Современникъ", а затѣмъ вошедшемъ въ его „Сочиненія" (М. 1859 г., ч. I, стр. 305 и слѣд.) и въ томъ I-й послѣдняго „Собранія" его сочиненій (1897—1898 г.).

Исходя изъ точки зрѣнія о коренныхъ различіяхъ, наблюдаемыхъ въ исторической жизни русскаго народа и въ исторіи народовъ западно-европейскихъ и констатируя тотъ фактъ, что въ историческомъ прошломъ перваго и послѣднихъ—много совершенно противоположнаго, Кавелинъ настаиваетъ на необходимости освѣтить историческое развитіе русской жизни до XVIII-го вѣка, отыскать ея движущее начало. Съ этою цѣлью авторъ нашъ считаетъ существеннымъ „представить русскую исторію какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами"... Короче говоря — Кавелинъ признаетъ своевременнымъ созданіе опредѣленнаго „взгляда", „теоріи" въ области русской исторіи, которые помогли бы намъ „понять тайный смыслъ нашей исторіи, оживить нашу историческую литературу", разобраться въ русскомъ историческомъ прошломъ такимъ образомъ, что бы явленія его были поняты, какъ „различныя выраженія опредѣленныхъ началъ, необходимо связанныя между собою, необходимо вытекающія одно изъ другаго".

Задавшись мыслью о необходимости созданія въ русской исторіи опредѣленной теоріи, Кавелинъ ставитъ вопросъ: „Гдѣ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію?" Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является рядъ соображеній, общая совокупность которыхъ и образуетъ собою построенную авторомъ нашимъ теорію родоваго быта древней Руси. Не въ отвлеченномъ мышленіи, не въ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ — но „въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ" видитъ Кавелинъ единственный вѣрный путь къ уразумѣнію истиннаго смысла русской исторіи. Авторъ нашъ такъ и поступаетъ и, прежде всего, обращается къ современному быту русскаго крестьянства, въ средѣ котораго,—замѣчаетъ онъ—„образъ жизни, привычки, понятія сохранили очень многое отъ древней Руси".

Какъ же смотрятъ наши крестьяне на свои отношенія между собою и къ другимъ?—спрашиваетъ Кавелинъ. „Помѣщика и всякаго начальника они называютъ отцомъ, себя—

его дѣтьми. Старшіе лѣтами зовутъ младшихъ робятами, молодками; младшіе старшихъ — дядями, дѣдами, тетками, бабками; равные—братьями, сестрами"... Словомъ—всѣ отношенія между неродственниками сознаются подъ формою родства, подъ формою старшинства или меньшинства. Кавелинъ не считаетъ это простою случайностью; онъ полагаетъ несомнѣннымъ, что эта своеобразная терминологія—отраженіе глубокой старины, что она ведетъ свое начало отъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, когда эти термины „не были только фразами, но заключали въ себѣ полный, опредѣленный, живой смыслъ", когда „всѣ и неродственныя отношенія дѣйствительно опредѣлялись у насъ по типу родственныхъ, по началамъ кровнаго старшинства или меньшинства". А отсюда авторъ нашъ считаетъ возможнымъ прійти къ „неизбѣжному заключенію" въ пользу того, что „въ древнѣйшія времена русскіе славяне имѣли исключительно родственный, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія и, потому, когда они появились, подвели и ихъ подъ тѣже родственныя, кровныя, отношенія". „Выражаясь проще,— продолжаетъ авторъ, — мы скажемъ, что у русскихъ славянъ былъ одинъ чисто-семейственный, родственный бытъ, безъ всякой примѣси; что русско - славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно однимъ путемъ нарожденія".

Кавелинъ считаетъ, при этомъ, вполнѣ вѣроятнымъ, что этотъ родовой бытъ—не составлялъ особенности однихъ русскихъ славянъ, что по началамъ такого же быта жили и всѣ остальныя племена славянская корня. Онъ усматриваетъ, тѣмъ не менѣе, существенное различіе въ дальнѣйшей судьбѣ этой формы быта у насъ—съ одной стороны, и у другихъ славянскихъ народовъ—съ другой стороны. Послѣдніе смѣшались, въ позднѣйшія времена, съ другими народностями или же подпадали подъ ихъ власть, почему естественное развитіе среди нихъ формъ родоваго быта должно было преждевременно и насильственно прерваться. Въ другихъ условіяхъ оказался русскій народъ: онъ никогда не принималъ въ своей этнологическій составъ побѣдителей, способныхъ воздѣйствовать на національныя черты его историческаго развитія; не могли воздѣйствовать на него въ этомъ направленіи пришлые варяги, очень скоро растворившіеся въ туземномъ элементѣ;

не оказывали глубокаго вліянія на условія русской жизни и разнаго рода „толпы варваровъ“,—до монголовъ включительно, — ограничившія свои отношенія къ Руси лишь чертами чисто внѣшняго характера. Прямой выводъ Кавелина изъ только что указанныхъ положеній тотъ, что наша Русь „жила сама собою, развивалась изъ себя самой“, что русскій родовой бытъ развивался и видоизмѣнялся изъ себя самого, безъ внѣшнихъ, постороннихъ, воздѣйствій; что „наша древняя внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго, быта“.

Установивъ на такихъ категорическихъ основахъ господство у нашихъ отдаленныхъ предковъ родоваго быта, проникавшаго собою всѣ стороны ихъ жизни, К. Д. Кавелинъ переходитъ къ выясненію принципа, которому слѣдовало въ древней Руси развитіе родоваго начала. Для этой цѣли онъ беретъ паралель русской жизни съ жизнью народовъ германскаго племени. У германцевъ,—утверждаетъ нашъ авторъ,— уже очень рано получило развитіе начало личности, проникшее собою и весь внутренній строй основанныхъ ими государствъ. Русско-славянскія племена шли совершенно инымъ путемъ своего историческаго развитія: начало личности было имъ чуждо, такъ какъ господствовавшій у нихъ родовой бытъ мѣшалъ русскому славянину воспитать въ себѣ чувство индивидуализма, заставляющее человѣка проводить рѣзкую черту между собою и другими, всегда и во всемъ отграничивать себя отъ другихъ. Въ противоположность древне-германской, древне-русской народности предстояло создать у себя начало личности,—и въ этомъ то явленіи видитъ Кавелинъ основной законъ развитія нашего внутренняго быта, видить смыслъ и движеніе историческаго хода жизни русскаго народа. Весь смыслъ русской исторіи сводится, такимъ образомъ, къ постепенному зарожденію и развитію начала личности (иначе говоря—начала государственнаго) и къ такому же постепенному торжеству его надъ исконнымъ началомъ кровнаго, родоваго, быта, исключавшаго возможность существованія и господства перваго.

Основы древне-русскаго родоваго быта рисуются Кавелину въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ, — онъ прямо идеализируетъ этотъ бытъ. Въ каждомъ поселеніи кроткаго и мирнаго русскаго славянства онъ видитъ разросшуюся семью, члены

и потомки которой живутъ „вмѣстѣ, на одномъ корню“. „Все первобытное славянское населеніе Россіи, — заявляетъ Кавелинъ, — было огромнымъ деревомъ, спокойно выросшимъ изъ одного зерна; поселенія и племена—его вѣковыя вѣтви и отпрыски“. Внутри этихъ поселеній господствуетъ чисто семейный бытъ, подъ управленіемъ старшаго рожденіемъ и лѣтами, власть котораго являлась вполнѣ патріархальною. Это была форма быта, — продолжаетъ авторъ нашъ, — которую „создала природа, кровь; она его поддерживала и имъ управляла; человѣкъ жилъ тогда совершенно подъ опредѣленіями природы,—мысль еще не освободила его отъ ея ига“. Кавелинъ дѣлаетъ замѣчаніе, что трудно намъ теперь вдуматься въ этотъ бытъ, который представлялъ въ себѣ многія прекрасныя, вполнѣ идеальныя, черты: люди жили въ ту пору въ тѣсномъ родственномъ общеніи; не было еще „гибельнаго различія между моимъ и твоимъ,—источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ; всѣ члены, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ“.... По мнѣнію автора, этотъ бытъ явился источникомъ многихъ добродѣтелей,—кроткости нравовъ, довѣрчивости, добродушія и простосердечія,—въ которыхъ воспитаны были русскіе славяне и „много трогательныхъ обычаевъ вынесли наши предки изъ этой первоначальной жизни, обычаевъ, отъ которыхъ развалины долго сохранялись и теперь еще отчасти сохраняются въ простомъ народѣ“.

Этотъ древнѣйшій, чисто-патріархальный бытъ не могъ быть, однако, вѣчнымъ, — замѣчаетъ Кавелинъ. „Въ чисто семейномъ (здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что авторъ нашъ остается далеко непослѣдовательнымъ въ разграниченіи понятій „семьи“ и „рода“, которыя у него постоянно переплетаются и смѣшиваются) быту нашихъ предковъ лежали зачатки его будущаго разрушенія“, такъ какъ „онъ былъ созданъ природой, а не мыслью, не сознаніемъ, которыя могли бы дать ему твердость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленность, ему совершенно неизвѣстную; кровныя связи, — говоритъ Кавелинъ,— слишкомъ непрочны, что бы поддержать общественный бытъ“. Здѣсь то, по мысли автора, и лежитъ исходная точка дальнѣйшаго разложенія начала рода, съ замѣною его началомъ личности, государственности, — процессъ, который и лежитъ въ основѣ развитія русской исторической жизни. Мало помалу среди „племенъ“ и „семейныхъ поселеній“ стало затем-

няться сознаніе единства кровнаго происхожденія, что, въ свою очередь, неизбѣжно повлекло за собою слѣдующія историческія явленія: избираемость старѣйшинъ, такъ какъ теперь, съ развѣтвленіемъ семей и родовъ, уже затруднительнымъ становится опредѣлить лицо, дѣйствительно старшее по роду и по лѣтамъ, и возростающая разрозненность „семей", изъ которыхъ каждая все болѣе и болѣе начинаетъ погружаться въ свои особенные интересы, внутри себя жить своею особенною жизнью, точно такою же, какою жило сначала цѣлое поселеніе. Но и при такомъ порядкѣ вещей сказываются потребности, общія отдѣльнымъ семьямъ, что и поддерживаетъ связь между ними, выражающуюся, во внѣшности, въ общихъ совѣщаніяхъ — вѣчахъ. „Мало по малу семьи привыкаютъ, — продолжаетъ Кавелинъ, — не смотря на внутреннюю разрозненность, всѣ важныя и общія дѣла дѣлать сообща, поговоря между собою". Эти сходбища,—вѣча,—явились, по словамъ автора, „праматерью теперешнихъ крестьянскихъ сходокъ и столько же неправильныя".

Вступленіемъ народной жизни въ только что указанную стадію своего развитія обусловливается, по Кавелину, возникновеніе общиннаго строя, при которомъ „поселенія становятся—общинами", а „нѣкоторыя изъ нихъ, для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, строятъ ограды и получаютъ названіе городовъ", причемъ „внутреннее устройство всѣхъ общинъ по прежнему совершенно одинаково (т. е. по семейному началу), ибо таже основа во всѣхъ". Но существованіе и этого общиннаго строя является, утверждаетъ нашъ авторъ, не долговѣчнымъ, выражаясь въ постепенномъ распаденіи общиннаго быта „по мѣрѣ того, какъ возростала особность семей и онѣ вживались въ свои особенные интересы". Теперь „вмѣсто одного главы въ общинахъ появляются многіе главы —старѣйшины надъ семьями"; теперь общинные старѣйшины „изчезаютъ и избираются только въ случаѣ войны или опасности". Паралельно съ развитіемъ общиннаго быта развивался и бытъ племенной, причемъ „общины, принадлежавшія къ одному племени, собирались на племенныя вѣча"; у этихъ племенъ, въ смыслѣ совокупностей общинъ, „были и племенные старѣйшины—князья", которые, какъ и общинные старѣйшины, не вездѣ, однако, удержались. Эта стадія развитія внутренняго быта нашихъ предковъ, т. е. разложеніе общин-

наго быта въ бытъ семейный—ознаменовывается рознью между отдѣльными семьями, причемъ „непріязненныя столкновенія между ними, ссоры и вражды—неминуемы: открываются нескончаемыя усобицы, внутреннія волненія въ общинахъ“.... Это то положеніе вещей Кавелинъ и пріурочиваетъ къ эпохѣ, предшествовавшей основанію русской государственности,—той эпохѣ, которую наша начальная лѣтопись характеризуетъ словами: „....не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся“.

Дальнѣйшія положенія К. Д. Кавелина могутъ быть сведены къ слѣдующимъ основнымъ историческимъ явленіямъ. Съ окончательнымъ разрушеніемъ общиннаго быта — вся власть перешла къ семьямъ, „которыя стали дѣйствовать независимо, свободно: за обиды удовлетворяли себя сами, споры рѣшали боемъ или отдавали на судъ выборныхъ посредниковъ; такъ появилась кровная месть, поединки, цѣловальники (судные)... появилось (вслѣдствіе возвышенія отдѣльныхъ семей) различіе между знатными и незнатными, которое обозначалось все болѣе и болѣе“. Въ это то время въ сѣверныхъ областяхъ древняго отечества нашего совершается важное событіе: нѣсколько племенъ, раздираемыхъ внутренними смутами и отсутствіемъ порядка и устройства, — ввѣряютъ власть надъ собою призваннымъ чужеземнымъ варягамъ, т. е. совершается фактъ призванія князей, съ которымъ принято связывать начало русскаго государства. Эти чужеземцы, будто бы принесшіе съ собою къ нашимъ предкамъ первые зачатки гражданственности и первую идею государственности, соединили этнологическіе элементы древней Руси въ одно политическое тѣло, въ одно сильное и могущественное государство, построенное, — какъ предполагаетъ это нашъ авторъ,—на началахъ феодальныхъ. Но не долго удалось пришлымъ варягамъ сохранить свой національный обликъ: уже ко времени Ярослава I они его утрачиваютъ и сливаются съ русскими славянами, національный элементъ которыхъ и становится снова преобладающимъ. Одновременно съ этимъ,—учитъ Кавелинъ, — возобновляетъ свою историческую работу прерванная варяжскимъ вліяніемъ нить русскаго національнаго развитія, — начинаетъ ее какъ разъ съ той точки, на которой эта работа прервалась передъ пришествіемъ варяговъ, т. е. съ возвышающагося преобладанія семейнаго строя быта, выступившаго взамѣнъ быта общиннаго

и стремящагося сдѣлаться главнымъ факторомъ внутренней жизни общества: но теперь,—добавляетъ авторъ,—это стремленіе семейнаго строя, не ограничиваясь однимъ частнымъ бытомъ, „обхватываетъ собою и государственный бытъ, созданный чужеземными и, вмѣстѣ съ ними, подчинившійся вліянію туземнаго элемента“.

Такимъ образомъ, изъ внутренняго развитія русской общественности выбрасывается почти полтора вѣка,—промежутокъ времени, по истеченіи котораго русскій внутренній бытъ, съ подчинившимся ему строемъ государственнымъ, оказывается на той же ступени своего развитія, на которомъ находился передъ эпохою образованія государства.

Но и началу семейнаго строя, къ которому суждено было возвратиться рускому быту съ в. к. Ярослава I, довелось вступить на путь своего разложенія: семьи, говоритъ Кавелинъ, „должны были размножиться и обратиться въ многовѣтвистые роды, а роды со временемъ распасться на свои составныя части и утратить сознаніе своего внутренняго, кровнаго, единства“. Такъ, по воззрѣнію нашего автора, оно и вышло: „въ лицѣ потомства Ярослава Великаго выступаетъ на сцену историческаго дѣйствованія семья, разросшаяся потомъ въ цѣлый родъ“. Кавелинъ не сомнѣвается въ томъ, что не только въ великокняжескомъ родѣ, но и въ народной массѣ происходилъ подобный же процессъ разростанія семей, съ преобразованіемъ ихъ въ роды, но что процессъ этотъ представляется для насъ болѣе нагляднымъ въ княжескомъ родѣ Ярослава, дѣйствовавшемъ въ государственной сферѣ, у всѣхъ на виду. Ярославъ, — князь уже вполнѣ русскій,—„первый задумалъ, говоритъ Кавелинъ, основать государственный бытъ Руси и утвердить ея политическое единство на родовомъ началѣ“, т. е. „по началамъ туземнымъ, до которыхъ тогда развился нашъ древній бытъ: такимъ началомъ было начало семьи, рода“.

Мы не будемъ въ подробностяхъ слѣдить за примѣненіемъ К. Д. Кавелинымъ созданной имъ теоріи къ историческому ходу жизни русскаго государства. Укажемъ лишь вкратцѣ, что онъ допускаетъ послѣдующую борьбу начала родоваго съ началомъ семейственнымъ, причемъ въ сферѣ государственныхъ отношеній послѣднее беретъ перевѣсъ подъ первымъ, обусловливъ собою патримоніально - вотчинный складъ до-

Петровскаго государства, въ сферѣ же частныхъ отношеній родовой бытъ съ полною силою господствуетъ у насъ вплоть до эпохи реформъ Петра Великаго, когда онъ подчиняется режиму государственному (иначе говоря — началу личности), что и выразилось въ рядѣ петровскихъ реформъ. К. Д. Кавелинъ даетъ намъ и общій выводъ изъ своихъ воззрѣній на развитіе древне-русской жизни: „Древняя русская жизнь, —резюмируетъ нашъ авторъ,—провела Россію сперва черезъ общинный бытъ, потомъ черезъ родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену исторіи типы племеноначальника, начальника рода и вотчинника, и осуществляла ихъ въ большихъ размѣрахъ. Послѣднимъ ея усиліемъ, вѣнцомъ ея существованія—были первые зачатки государства и начало личности" („Сочиненія", I, стр. 367).

Въ такихъ основныхъ чертахъ представляется намъ попытка созданія теоріи родоваго быта, въ примѣненіи ея къ русской исторіи, сдѣланная покойнымъ К. Д. Кавелинымъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ и для нашихъ дней принадлежащая, конечно, уже исторіи науки. Эта попытка заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полнѣйшаго вниманія къ себѣ, являясь выраженіемъ стремленія, сказавшагося еще въ трудѣ Эверса (см. выше стр. 87), внести извѣстную руководящую идею, опредѣленную систему, въ изложеніе исторіи русскаго народа, но нельзя въ наши дни, при всемъ глубокомъ почитаніи памяти покойнаго ученаго, не сознаться въ искусственности построенія всей его теоріи, хотя бы уже потому только, что общинный бытъ, — болѣе совершенная въ культурномъ отношеніи форма общежитія,—не могъ предшествовать быту родовому и семейному, какъ это выходитъ по изложенной нами теоріи; нельзя не отмѣтить и крайней неопредѣленности этой теоріи, въ дѣлѣ разграниченія понятій „семьи", „рода" и „общины" въ ихъ примѣненіи къ культурно-историческому развитію жизни народовъ.

Почти одновременно съ теоріею Кавелина появилась въ русской исторіографіи и теорія родоваго быта *С. М. Соловьева*, къ изложенію которой мы въ настоящее время и переходимъ.

Покойный историкъ еще въ 1847 г. высказалъ свой взглядъ на родовой бытъ древней Руси въ докторской диссер-

таціи: „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“ (М. 1847 г.), а затѣмъ подробнѣе изложилъ свой взглядъ на этотъ предметъ въ „Исторіи Россіи“, именно въ третьей главѣ перваго (1851 г.) тома ея, въ которой повѣствуется о славянахъ и другихъ племенахъ, вошедшихъ въ составъ русскаго государства. Соловьевъ и въ послѣдующія эпохи научной дѣятельности своей не поступался разъ высказанными воззрѣніями въ области древняго быта нашихъ предковъ и даже тридцать лѣтъ спустя отстаивалъ ихъ въ статьѣ: „Начала русской земли“ („Сборникъ госуд. знаній“ Безобразова, тт. IV и VI).

Въ основу своихъ доводовъ въ пользу господства у нашихъ предковъ эпохи образованія государства родовыхъ началъ—Соловьевъ кладетъ извѣстный текстъ начальной лѣтописи, сдѣлавшійся въ нѣкоторомъ родѣ „классическимъ“ въ глазахъ поборниковъ теоріи родоваго быта: „Поляномъ же, живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ“.

О какихъ родахъ идетъ здѣсь рѣчь? Соловьевъ даетъ на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно уже формулируется его воззрѣніе на внутренній бытъ нашихъ предковъ. „Мы теперь почти потеряли значеніе рода,—пишетъ С. М. Соловьевъ,—у насъ остались производныя слова: родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе - семьи; но предки наши не знали семьи, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ. Первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой, и потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово—племя“. Единство родовъ и связь племенъ поддерживались, по ученію Соловьева, властью родоначальниковъ, которые носили у славянъ различныя названія—старцы, жупаны, владыки, князья и др. Названіе „князь“ было въ особенномъ употребленіи у русскихъ славянъ и, по своему словопроизводству, имѣетъ значеніе именно родовое, означая собою старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства [1]). Оста-

[1]) Соловьевъ производитъ слово «князь» или «конязь» отъ корня—«конъ», въ значеніи предѣла, границы, начала. Корень же «конъ» есть сан-

навливается Соловьевъ и на вопросѣ о томъ колоритѣ, который носилъ на себѣ этотъ древній бытъ. Одни изслѣдователи,—говоритъ онъ,—представляютъ себѣ древній родовой бытъ въ чертахъ самыхъ идиллическихъ, видя въ немъ господство нѣжныхъ родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, предполагаютъ въ немъ суровость отношеній между старшими и младшими родичами, неограниченную, деспотическую, власть родоначальника. Лично Соловьевъ держится средняго взгляда на дѣло, такъ какъ, по его мнѣнію, суровыя черты родоваго быта въ томъ видѣ, въ какомъ наблюдаемъ мы его въ римской и древне-германской семьѣ, должны были въ значительной степени смягчаться у народа мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, какимъ являлись именно наши предки, хотя Соловьевъ и оговаривается въ томъ смыслѣ, что, „вообще, должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному, родовому, обществу“.

Съ теченіемъ времени родъ разростается и развѣтвляется на линіи не только нисходящія, но и боковыя, такъ что дѣйствительнаго родоначальника (отца, дѣда, прадѣда) можетъ и не оказаться на лицо. Чѣмъ же поддерживается въ подобныхъ случаяхъ единство рода? — спрашиваетъ Соловьевъ,—и отвѣчаетъ, что оно поддерживается теперь искусственнымъ возстановленіемъ отеческой власти: одинъ изъ старшихъ родичей занимаетъ отцовское мѣсто, становится „въ отца мѣсто“. Соловьевъ иллюстрируетъ этотъ распорядокъ вещей ссылкою на народный бытъ южныхъ славянъ, въ значительной степени сохранившихъ и до настоящаго времени черты древняго быта; у нихъ и въ наши дни можно наблюдать поселенія, состоящія изъ одного рода, который управляется самъ собою, а съ высшими властями страны сообщается черезъ посредство своего главы — старшины. Этотъ старшина не всегда является физически старшимъ въ родѣ, но нерѣдко избирается собраніемъ всѣхъ родичей, причемъ это избраніе санкціонируется обрядовымъ „посаженіемъ“ избраннаго въ передній уголъ,

---

скритскій—«джанъ», въ смыслѣ «рождать», а самое слово «князь»—въ санскритѣ имѣетъ соотвѣтственныя слова: «джанака», «джанатри», откуда и латинское genitor. Отсюда и древнее наименованіе новобрачныхъ «княземъ» и «княгинею»—въ смыслѣ домовладыкъ, въ смыслѣ основателей будущаго, имѣющаго изъ нихъ произойти, рода.

подъ иконы; этотъ послѣдній обрядъ нашъ историкъ находитъ возможнымъ поставить въ генетическую связь съ древне-русскимъ обрядомъ „посаженія" вновь принятаго князя. Избранный родовой старѣйшина руководитъ всею жизнью рода,—распредѣляетъ работы, хранитъ родовую казну, раздаетъ пищу и одежду, отправляетъ функціи судьи, карателя и даже жреца. Родовой бытъ неразрывно связанъ былъ у нашихъ предковъ и съ общею родовою собственностью: какъ самый бытъ этотъ обусловливалъ собою эту форму собственности, такъ и эта послѣдняя, въ свою очередь, служила для членовъ рода самою крѣпкою связью. Внѣшнимъ же выраженіемъ общенія между отдѣльными родами являлись сходки старшинъ, совѣщанія, вѣча.

Какъ бы ни были сильны моральныя и матеріальныя узы, соединяющія членовъ рода, тѣмъ не менѣе каждый родовой союзъ самъ въ себѣ заключаетъ условія для своего распаденія на новые роды. Дѣло въ томъ, что авторитетъ родоначальника или старѣйшины рода не могъ быть безграничнымъ; каждый родичъ, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго въ родѣ или родоваго большинства, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія; могло образоваться и цѣлое меньшинство, несогласное съ мнѣніемъ родоваго большинства, —а отсюда внутренняя вражда и даже усобицы въ средѣ рода. Такая вражда легко могла вести къ отторженію отъ рода отдѣльныхъ его вѣтвей, линій, которыя и выселялись на новыя мѣста, причемъ эти выселенцы, сформировавшись въ самостоятельные родовые союзы, конечно уже не могли жить съ прежними сородичами своими въ дружественныхъ отношеніяхъ. Отсюда то и объясняется внутреннее состояніе родоваго быта русскихъ славянъ передъ эпохою образованія государства, которое лѣтописецъ характеризуетъ словами: „не бѣ въ нихъ правды, в с т а р о д ъ н а р о д ъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся".

Развитіе и судьбы родоваго быта въ древней Руси Соловьевъ считаетъ всего цѣлесообразнѣе прослѣдить на исторіи княжескаго рода Рюриковичей, что нашъ историкъ и дѣлаетъ, какъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ своей „Исторіи Россіи", такъ, въ особенности, въ „Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома". Въ борьбѣ двухъ началъ, родоваго и государственнаго, изъ которыхъ послѣднее, зародившееся на почвѣ

взаимныхъ отношеній и борьбы старшихъ и младшихъ (пригородовъ) городовъ, постепенно вытѣсняетъ родовые устои жизни — видитъ нашъ историкъ смыслъ и значеніе древней исторіи русскаго народа. Полное торжество государственнаго начала явилось обусловленнымъ лишь эпохою Петра Великаго и его преемниковъ, хотя отдѣльныя переживанія древнихъ родовыхъ устоевъ быта Соловьевъ считаетъ возможнымъ прослѣдить и въ современной жизни русскаго народа.

Изложеніе теоріи родоваго быта С. М. Соловьева обнаруживаетъ намъ, что ученіе его представляетъ много общихъ чертъ съ ученіями К. Д. Кавелина и ихъ общаго предшественника—Г. Эверса: таже исходная точка отправленія, таже общая схема коллизіи родоваго начала съ началомъ государственнымъ, приводящей къ торжеству послѣдняго надъ первымъ и прослѣживаемая на исторіи государственной власти въ Россіи; то же, наконецъ стремленіе найти общую руководящую идею, общую связь,—притомъ не внѣшнюю, механическую, но внутреннюю, органическую,—для отдѣльныхъ явленій и эпохъ развитія русской исторической жизни... Нельзя не отмѣтить, при этомъ, меньшей сложности и, съ другой стороны, большой опредѣленности теоріи Соловьева въ сравненіи съ теоріею Кавелина, запутавшагося въ лабиринтѣ построенія взаимоотношеній „общины", „рода" и „семьи" и вводящаго на рубежѣ понятій началъ родоваго и государственнаго, въ качествѣ балансира между ними, еще понятіе начала семейнаго, какъ исходной точки вотчинно-патримоніальнаго строя древней русской государственности.

Въ началѣ 70-хъ годовъ заканчивающагося столѣтія выступилъ съ своею теоріею родоваго быта профессоръ *А. И. Никитскій*, первоначально изложившій ее въ статьѣ: „Теорія родоваго быта въ древней Руси" („Вѣстн. Евр." 1870 г., № 8), а затѣмъ примѣнившій ее къ своему изслѣдованію: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова" („Журн. М-ва Нар. Просв." за 1872 и 1873 гг., части 160, 163 и 165, а также отдѣльно СПБ. 1873 г.).

Теорія родоваго быта г. Никитскаго значительно отклоняется отъ уже извѣстныхъ намъ теорій чистаго родоваго быта, развитыхъ Эверсомъ, Кавелинымъ и Соловьевымъ, такъ какъ эта теорія, раздвигая понятіе рода за предѣлы общественнаго союза, основаннаго на узахъ дѣйствительнаго кров-

наго родства, тѣмъ самымъ представляетъ собою какъ бы переходную ступень къ теоріи задружно-общиннаго быта, которая будетъ ниже разсмотрѣна нами.

Исходя изъ основъ миѳологическаго міросозерцанія, присущаго первоначальному обществу и на почвѣ котораго, по воззрѣнію автора, возникли и получили развитіе фикціи права, г. Никитскій заявляетъ, что это міровоззрѣніе и тѣсно связанныя съ нимъ юридическія фикціи—имѣютъ полную силу и въ примѣненіи къ организаціи общественнаго строя на извѣстныхъ ступеняхъ культурной жизни народовъ. Дѣло въ томъ, аргументируетъ авторъ, что каждому народу, въ раннюю пору жизни его, чуждымъ является всякое представленіе о какой либо иной связи между людьми, кромѣ кровной, родственной; что древнѣйшей цивилизаціи еще не присуще представленіе о возможности соединенія людей въ общественныя группы въ силу совмѣстнаго жительства ихъ на одной и той же территоріи, въ силу связей соціально - экономическаго характера. Безъ представленія о родственныхъ узахъ, объ общности кровнаго происхожденія—въ эту пору жизни народа мыслимымъ является только раздѣленіе отдѣльныхъ индивидовъ на двѣ противоположныя группы: покорителей и покоренныхъ, поработителей и порабощенныхъ. На этой то почвѣ и возникаетъ одна изъ древнихъ фикцій — фикція родства, крови, фикція искусственнаго распространенія узъ родства на лицъ, въ дѣйствительности не связанныхъ общностью кровнаго происхожденія; древнѣйшею формою этой фикціи явилось распространеніе узъ родства на лицъ, принятыхъ въ нѣдра семей, но къ нимъ по крови не принадлежащихъ. И вотъ, при помощи такой фикціи, наряду съ естественною семьею въ быту народа возникаютъ новыя и болѣе широкія общественныя единицы, не перестающія считать своихъ сочленовъ принадлежащими къ одной большой семьѣ, ведущими свое происхожденіе отъ одного общаго, конечно уже вымышленнаго, фиктивнаго, родоначальника—патріарха (Лехъ, Чехъ, Русъ славянскихъ народовъ; Кій, Щекъ и Хоривъ, Радимъ и Вятко русскихъ славянъ и др.), въ лицѣ котораго миѳически олицетворяется теперь идея новой общественной единицы, новаго общежитія—фиктивной семьи. Такую фиктивную семью, по ученію г. Никитскаго, и представляетъ собою—родъ, а правовой строй, основанный на такой фикціи—и

есть быть родовой или патріархальный. Въ этомъ то только смыслѣ и считаетъ авторъ возможнымъ вести рѣчь о „родѣ“ и „родовомъ бытѣ“ въ древней Руси, въ противоположность прежнимъ теоріямъ родоваго быта, въ основѣ которыхъ лежало непремѣнное представленіе о родѣ, какъ о формѣ общежитія кровной, естественной.

Установивъ, такимъ образомъ, понятіе рода, какъ фикціи, необходимой въ начальной жизни народа для установленія формы общежитія, распространяющагося за предѣлы семьи —г. Никитскій не считаетъ возможнымъ ограничиться только этимъ опредѣленіемъ интересующаго его понятія. Родъ,— утверждаетъ авторъ нашъ,—въ сущности своей есть ничто иное, какъ—государство, въ связи съ чѣмъ самое начало, сообщаемое жизни фикціею родства, есть начало—государственное; историкъ же, наблюдающій за зарожденіемъ и развитіемъ родоваго быта, присутствуетъ, слѣдовательно, при зарожденіи и развитіи—государства. Это отожествленіе понятія рода и идеи государства обосновывается, г. Никитскимъ на томъ, что семья превращается, помощью указанной выше фикціи, въ родъ именно тогда, когда группа образующихъ ее индивидовъ уже перестаетъ довольствоваться исключительно матеріальными и нравственными отношеніями между собою, но начинаетъ приходить къ сознанію необходимости правоваго, политическаго начала общежитія (начало государственности) и придаетъ этому началу характеръ обязательности (зарожденіе объективнаго права); прежнія начала родственныхъ узъ и взаимнаго родственнаго благожеланія—восполняются теперь уже политическими установленіями.

Обращаясь къ вопросу о томъ, — въ чемъ выражалась, главнымъ образомъ, общественная жизнь въ родѣ, г. Никитскій приходитъ къ выводу, что основными выраженіями ея являются: общее родовое совладѣніе, круговая порука и власть родоначальника.

Общее родовое совладѣніе выражалось почти исключительно въ землевладѣніи, такъ какъ частной поземельной собственности первоначально не существовало и эта частная собственность исходнымъ предметомъ своего дальнѣйшаго развитія имѣла имущество движимое. Земли рода или обрабатывались всѣми родичами сообща, причемъ продукты ея дѣлились между сочленами (система римлянъ), или же при-

надлежащія роду земли распредѣлялись между членами рода, съ необходимыми періодическими передѣлами ихъ, причемъ каждый членъ рода уже лично эксплоатировалъ отведенный ему участокъ (германская система). Г. Никитскій колеблется въ вопросѣ о томъ, какая изъ этихъ двухъ формъ родоваго землевладѣнія имѣла мѣсто въ древней Руси, но видимо склоняется къ преобладанію у насъ первой (римской) системы, усматривая слѣды ея въ опредѣленіи Русской Правды о совокупномъ владѣніи братьевъ послѣ смерти отца и въ опредѣленіи того же памятника о правѣ князя на наслѣдованіе послѣ смерда, въ которомъ нашъ авторъ усматриваетъ отраженіе принципа неотчуждаемости общей (родовой) собственности.

По отношенію къ круговой порукѣ, являющейся характерною чертою родоваго быта и сообщающей прочное единство всѣмъ учрежденіямъ родоваго союза, г. Никитскій различаетъ два вида ея: собственно родовую круговую поруку и круговую поруку позднѣйшую, являющуюся, обусловленнымъ требованіями развивающейся общественности, видоизмѣненіемъ первой. Собственно родовая круговая порука распространялась только на дѣйствительныхъ членовъ рода; въ основѣ же второй лежитъ уже территоріальное начало, въ силу котораго родъ отвѣчаетъ не только за преступленіе, совершенное его сочленомъ, но и за всякое преступленіе, совершенное въ предѣлахъ территоріи рода, если только родъ не окажется въ состояніи отзести слѣды преступнаго дѣянія за предѣлы своей округи; авторъ нашъ пріурочиваетъ круговую (по „верви“) поруку Русской Правды къ круговой порукѣ именно втораго вида. Въ тѣсной связи съ началомъ круговой поруки стоитъ и начало родственной защиты вообще, распространяющейся на весь родовой союзъ, не ограничиваясь тѣсными рамками семьи.

Власть родоначальника является третьимъ выраженіемъ родовой общественности. У народовъ славянскаго племени эта власть встрѣчается подъ самыми разнообразными наименованіями: дѣдъ, отъ, отчикъ, батя, старѣйшина, владыка, воевода, князь, лехъ, кметъ и др. Хотя власть родоначальника и создалась по прототипу власти отца семьи, тѣмъ не менѣе, по замѣчанію г. Никитскаго, она не должна быть смѣшиваема съ послѣднею. Въ семьѣ власть отца является

естественною и, потому, не нуждается въ признанiи ея со стороны подчиненныхъ. Иначе обстоитъ дѣло въ родовомъ союзѣ: здѣсь власть родоначальника находитъ себѣ опору или въ явномъ или въ безмолвномъ согласiи всѣхъ членовъ союза, иначе говоря—въ выборѣ. Начальникъ рода сосредоточиваетъ въ своемъ лицѣ заботы о внутренней безопасности и благосостоянiи союза, на начальныхъ ступеняхъ этого вида общежитiя отправляетъ даже жреческiя обязанности, является предводителемъ войска, еще совпадающаго съ самымъ понятiемъ народа (организацiя народа была, въ тоже время, и военною организацiею), отправляетъ задачи правосудiя, — причемъ отдѣльныя стороны исчисленныхъ выше функцiй иногда вручаются уже второстепеннымъ, подчиненнымъ, органамъ власти.

Въ заключенiе общихъ соображенiй своихъ объ основахъ родоваго быта, г. Никитскiй ставитъ вопросъ: какимъ характеромъ отличалась власть родоначальника и, вообще, родовая власть? Была ли она деспотическою или нѣтъ? По формѣ своей,—отвѣчаетъ нашъ авторъ,—родовое государство является, конечно, монархическимъ; но, по своему существу, оно должно быть признано — демократическимъ, такъ какъ весь центръ тяжести власти сводится здѣсь къ самоопредѣленiю всего родоваго союза.

Покончивъ съ вопросами, касающимися организацiи собственно родовыхъ союзовъ, г. Никитскiй переходитъ къ отношенiю послѣднихъ къ высшимъ единицамъ общежитiя. Родовой бытъ,—говоритъ нашъ авторъ,—не ограничивался устройствомъ одного только простаго рода, но, за предѣлами послѣдняго, создавалъ новыя, уже обширнѣйшiя, единицы общежитiя. Эти послѣднiя имѣли точку своей опоры—въ городахъ. Древнѣйшiй патрiархальный бытъ—былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и бытомъ до-городскимъ. Съ теченiемъ времени опасности внѣшняго характера стали побуждать отдѣльные родовые союзы къ устройству, совокупными усилiями, укрѣпленныхъ пунктовъ, за стѣнами которыхъ, въ случаѣ нападенiя врага, окрестные роды, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ, могли бы найти себѣ убѣжище. Такимъ путемъ возникли древнѣйшiе города. Съ появленiемъ ихъ открывается путь къ возможности образованiя, изъ отдѣльныхъ родовъ, новаго и обширнѣйшаго общежитiя, теперь опирающагося уже на городъ, причемъ дѣятельнымъ факторомъ образованiя это-

го новаго союза выступаетъ таже фикція, на которой зиждился и простой родовой союзъ. Теперь эта фикція родства, единства кровнаго происхожденія, распространяется уже на цѣлыя племена и на родоначальниковъ отдѣльныхъ родовъ, и, такимъ образомъ,—заключаетъ нашъ авторъ,—родовой бытъ зиждется, собственно, на фикціи двойнаго родства: во первыхъ—членовъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ между собою, и во вторыхъ—представителей родовъ, родоначальниковъ; фикція перваго родства вела къ образованію простого рода, фикція второго родства—къ образованію высшихъ родовыхъ единицъ. Въ этихъ высшихъ родовыхъ единицахъ одинъ какой либо родъ возвышался на степень старѣйшаго, сообразно съ чѣмъ и родоначальникъ этого рода дѣлался старѣйшиною цѣлаго племени, становился „княземъ". Княжескую власть въ такой высшей родовой единицѣ г. Никитскій представляетъ себѣ, съ одной стороны—наслѣдственною, такъ какъ право быть избираемымъ ограничивалось предѣлами одного только рода; съ другой же—выборною, такъ какъ въ самомъ родѣ князь обыкновенно избирался, причемъ, въ случаѣ надобности, въ избраніи могли принимать участіе и члены остальныхъ родовъ. Именно такой то высшій патріархальный союзъ, получившійся путемъ расширенія фикціи родства, и образовывалъ въ древней Руси понятіе княженья: такими патріархальными княженьями,—говоритъ авторъ нашъ,—и была въ древности покрыта вся русская земля (Поляне, Древляне, Дреговичи, Новгородцы и др.).

Внутренняя сила такого высшаго патріархальнаго союза (княженья) не можетъ представляться продолжительною,—замѣчаетъ г. Никитскій. Если, говоритъ онъ, въ государствѣ, основанномъ на военномъ владычествѣ, внутренняя сила государства возростаетъ пропорціонально расширенію его границъ, то въ родовомъ государствѣ мы наблюдаемъ явленіе обратное: внутренняя сила государства ослабляется съ расширеніемъ его предѣловъ, съ распространеніемъ господства родоваго начала на болѣе значительное протяженіе территоріи, съ все большимъ и большимъ удаленіемъ дѣствительныхъ или предполагаемыхъ узъ родства отъ ихъ первоначальнаго источника. Въ то самое время, какъ въ простомъ родовомъ союзѣ члены послѣдняго связываются между собою общею земельною собственностью, круговою порукою и властью родоначаль-

ника, въ высшей родовой единицѣ, — княженьи,—эта связь распространяется на подчиненіе только нѣкоторымъ общимъ учрежденіямъ, къ числу которыхъ относятся: народное собраніе (вѣче), совѣтъ старѣйшинъ и княжеская власть. Опуская соображенія г. Никитскаго, касающіяся взаимнаго соотношенія этихъ трехъ элементовъ понятія высшей патріархальной единицы, княженья, отмѣтимъ, что, по воззрѣнію автора, и эта форма общежитія, подобно простому роду, является монархическою—по формѣ, и демократическою — по существу; послѣднее потому, что здѣсь народное собраніе (вѣче) выступаетъ основнымъ источникомъ власти. Не смотря на наличность въ княженьи зачатковъ государственной жизни какъ монархической, такъ и демократической, въ этой формѣ общежитія не могло создаться ни сильнаго внѣшняго единства, ни прочнаго внутренняго порядка. И это не представляется удивительнымъ именно потому, что простые родовые союзы, являясь миніатюрными государствами съ довольно обширною и самостоятельною сферою дѣйствія, въ предѣлахъ княженья принимали характеръ государствъ въ государствѣ, что было явленіемъ анормальнымъ, на почвѣ котораго открывался широкій путь для коллизій какъ между отдѣльными родами, такъ и между родами и цѣлымъ союзомъ, княженьемъ. Отсюда тѣ антигосударственныя стремленія, та рознь и вражда между родами, которыя были присущи и родовому быту древней Руси, характеризуясь извѣстнымъ свидѣтельствомъ нашей начальной лѣтописи: „И не бѣ въ нихъ правды, и вста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся“.

Исчерпавъ существенныя черты ученій Эверса, Кавелина, Соловьева и Никитскаго, мы познакомились, въ наиболѣе типичныхъ чертахъ ихъ, съ основными построеніями сторонниковъ теоріи родоваго быта въ ея примѣненіи къ древнѣйшей русской исторіи. Въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, противовѣсомъ теоріи родоваго быта древней Руси, выдвигается теорія общиннаго быта ея, къ разсмотрѣнію основныхъ положеній которой мы теперь и перейдемъ.

Б.—ТЕОРІЯ ОБЩИННАГО БЫТА.

Основателемъ и наиболѣе рельефнымъ представителемъ теоріи общиннаго быта въ ея приложеніи къ древней русской

исторіи долженъ быть, безспорно, признанъ однимъ изъ талантливыхъ представителей славянофильскаго направленія русской исторіографіи—*К. С. Аксаковъ*.

Какъ естественный выводъ этого послѣдняго направленія, старавшагося обосновать національныя основы историческаго развитія русскаго народа, теорія общиннаго быта съ первыхъ же шаговъ стала въ рѣзкій антагонизмъ съ ученіемъ о родовомъ бытѣ, въ основѣ своемъ имѣющемъ, какъ извѣстно, тенденцію согласовать древнѣйшія формы и явленія русской жизни съ аналогичными формами и явленіями въ жизни другихъ народовъ. К. С. Аксаковъ категорически высказался противъ возможности такой постановки дѣла изученія древней исторіи русскаго народа: „Россія земля совершенно самобытная, вовсе непохожая на европейскія государства и страны,—писалъ покойный славянофилъ.—Очень ошибутся тѣ, которые вздумаютъ прилагать къ ней европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судить о ней". Русскую исторію „не понимали до настоящаго времени,—въ другомъ мѣстѣ заявляетъ тотъ же авторъ,—потому, что приходили къ ней съ готовыми историческими рамками, заимствованными у Запада, и хотѣли ее туда насильно втискать; потому, что хотѣли ее учить, а не у нея учиться; однимъ словомъ—потому, что позабыли свою народность и потеряли самобытный русскій взглядъ"... Эти мысли высказывались К. С. Аксаковымъ въ началѣ 50-хъ годовъ,—какъ разъ въ ту пору, когда только что провозглашены были молодыми русскими историками С. М. Соловьевымъ и К. Д. Кавелинымъ фундаментально и научно обоснованныя теоріи родоваго быта. Ихъ ученія не могли не остановить на себѣ критическаго вниманія представителей русскаго славянофильства, и на этой почвѣ создается К. С. Аксаковымъ его теорія общиннаго быта древней Руси, вокругъ которой группируются и другія ученія того же направленія. Основы ученія К. С. Аксакова разбросаны по весьма многимъ работамъ, замѣткамъ и статьямъ этого плодовитаго историка-публициста, но въ наиболѣе категорической формѣ высказаны онѣ въ статьѣ: „О древнемъ бытѣ у славянъ, вообще, и у русскихъ, въ особенности", первоначально (въ 1852 г.) появившейся въ I-мъ томѣ „Московскаго Сборника", а затѣмъ вошедшей и въ „Полное собраніе сочиненій К. С. Аксакова" (т. I, М. 1861).

Сдѣлавъ въ началѣ этой статьи замѣчаніе о томъ, что нѣмцы (Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Эверсъ), первые начавшіе объяснять русскимъ ихъ исторію, „не принадлежали къ русскому народу и не имѣли съ нимъ жизненной связи“, Аксаковъ сѣтуетъ на то, что и „сами русскіе, получивъ иностранное воззрѣніе, смотрѣли также не по-русски на свою исторію, какъ и на все свое“, и „изображали русскую исторію такъ, что въ ней русскаго собственно ничего не было видно“. Вслѣдъ затѣмъ Аксаковъ останавливается на вновь появившихся передъ тѣмъ теоріяхъ родоваго быта: „Давно высказанное мнѣніе Эверса о родовомъ бытѣ недавно поднято молодыми учеными,—заявляетъ онъ.—Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, они идутъ далѣе, изслѣдуютъ, развиваютъ, отыскиваютъ родовой бытъ вездѣ и родовой бытъ принимаютъ за основаніе всего въ русскомъ народѣ и, вообще, въ народахъ славянскихъ“. Переходя къ болѣе подробному анализу основныхъ положеній Кавелина и Соловьева относительно родоваго быта у нашихъ предковъ и, въ особенности, ихъ толкованія тѣхъ мѣстъ начальной лѣтописи, въ которыхъ встрѣчаются уже извѣстныя намъ упоминанія о „родѣ“, Аксаковъ приходитъ къ выводу, что какъ Кавелинъ, такъ и Соловьевъ, во первыхъ—не дали настоящаго опредѣленія самаго понятія „родоваго быта“, а во вторыхъ—смѣшиваютъ понятія семьи и рода, вслѣдствіе чего характеръ неопредѣленности носятъ у обоихъ писателей уже самыя точки отправленія ихъ.

Самъ К. С. Аксаковъ нисколько не отрицаетъ родоваго быта, какъ первой культурно-общественной ступени, черезъ которую, въ исторической жизни своей, проходятъ всѣ народы,—одни не останавливаясь на этой ступени, другіе же не только останавливаясь на ней, но даже формулировавъ этотъ родовой строй съ большими или меньшими подробностями особенностями, оттѣнками. Родовой бытъ существовалъ у римлянъ, которые именно юридически формулировали его, у германцевъ; не вполнѣ изчезъ еще у шотландцевъ, наблюдается въ наши дни у племенъ кочующихъ (наприм. у киргизовъ).... Но не въ этомъ сущность вопроса,—замѣчаетъ Аксаковъ,—а въ томъ: былъ ли родовой бытъ у славянъ въ тѣ поры, къ которымъ пріурочиваются древнѣйшія историческія извѣстія? Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ нашъ напоминаетъ древнѣйшія извѣстія о славянахъ, ссылки на которыя

приводятся, въ подкрѣпленіе ихъ положеній, сторонниками теоріи родоваго быта

Византійскій историкъ Прокопій Кессарійскій свидѣтельствуетъ, что „Славяне не повинуются одному мужу, но изначала живутъ при народномъ правленіи *(ἐνδημοκρατία)*" и что у нихъ въ обычаѣ совѣщаться „вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ". Императоръ греческій Маврикій пишетъ, что „у Славянъ много царьковъ", утверждая одновременно, что они „не знаютъ правительства". Во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ Соловьевъ усматриваетъ черты родоваго быта; Аксаковъ утверждаетъ, что эти свидѣтельства указываютъ, какъ разъ наоборотъ, на народный, общинный, строй жизни. Нашъ авторъ не видитъ никакой возможности принять мнѣніе Соловьева, будто упоминаемые здѣсь „царьки"—родоначальники; Прокопій ясно говоритъ, что славяне „не повинуются одному мужу, но живутъ въ демократіи", а Маврикій, заявивъ, что у славянъ много царьковъ, опять таки добавляетъ, что они „не терпятъ никакого повелителя", что ихъ „невозможно никакимъ образомъ склонить къ повиновенію"; Прокопій ясно свидѣтельствуетъ, при этомъ, о „сходкахъ", объ обычаѣ „совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ". Такой же характеръ носятъ и позднѣйшія свидѣтельства о славянахъ. Титмаръ Мерзебургскій говоритъ о славянскомъ племени Лутичей, что они „не повинуются одному властителю, а сообща совѣщаются о дѣлахъ своихъ"; Адамъ Бременскій пишетъ про славянъ, что они „не терпятъ между собою господина или повелителя".... Аксаковъ утверждаетъ, что „все это, кажется, достаточно говоритъ въ пользу общественнаго быта у древнихъ славянъ и, сверхъ того, быта вѣчеваго; картина, знакомая русскому!—восклицаетъ авторъ нашъ.—Передъ нами выступаетъ, въ самомъ отдаленномъ времени, общинное устройство, знакомая сходка, знакомое единогласіе"..... Въ „царькахъ" императора Маврикія Аксаковъ видитъ или старшинъ, встрѣчающихся и во всякомъ общинномъ строѣ, или „князей на всей волѣ народа (т. е. выборныхъ), каковыми были потомъ князья новгородскіе, но родоначальниками ихъ почитать нѣтъ никакой причины",—замѣчаетъ нашъ авторъ.

Въ числѣ доводовъ, приводившихся С. М. Соловьевымъ въ подтвержденіе своей теоріи родоваго быта, фигурируетъ и пресловутая чешская „Краледворская рукопись" въ той

части содержанія своего, которая извѣстна подъ названіемъ Пѣсни о судѣ Любуши. Предметомъ этой пѣсни служитъ споръ о наслѣдствѣ между двумя братьями, Хрудошемъ и Стяглавомъ Кленовичами, которые враждовали объ отцовской „дѣдинѣ“. Для рѣшенія спора чешская княжна Любуша созываетъ „снемъ“ (сеймъ, сходку, вѣче); на этотъ снемъ собираются „кмети, лехи и владыки“, которымъ княжна и предлагаетъ разсудить братьевъ, замѣтивъ отъ себя, что, „по закону вѣкожизненныхъ боговъ“, братьямъ слѣдуетъ или владѣть отцовскою „дѣдиною“ сообща, или раздѣлиться поровну. Рѣшеніе снема свелось къ тому, что бы братьямъ владѣть отцовскимъ наслѣдіемъ сообща. Старшій изъ тяжущихся братьевъ, Хрудошъ, съ яростью протестуетъ противъ такого рѣшенія, заявляя, что отцовское наслѣдіе должно принадлежать старшему сыну, т. е. ему, на что одинъ изъ присутствующихъ, нѣкій Ратиборъ, возражаетъ въ томъ смыслѣ, что „нехвально намъ въ нѣмцахъ искать правду: у насъ правда по закону святу, которую отцы наши принесли съ собою въ эту землю“. Такова сущность этой пѣсни, текстъ которой въ свое время почитался классическимъ въ дѣлѣ возстановленія основъ быта и права древняго славянства, но которая въ наши дни признана плодомъ тенденціозно - патріотической, хотя и въ высшей степени талантливой, фальсификаціи чешскаго патріота, желавшаго „нѣмецкой правдѣ“ противопоставить національныя черты развитія жизни родного ему чешскаго народа. Соловьевъ усматривалъ въ этомъ произведеніи чешскаго народнаго, яко бы, творчества—несомнѣнные слѣды родоваго быта древней Чехіи. Аксаковъ съ полною основательностью разбиваетъ этотъ доводъ, доказывая, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о родѣ, но о семьѣ: тяжба ведется между двумя братьями и на почвѣ семейнаго наслѣдства; никакихъ указаній на родъ и на родовой бытъ „Пѣснь о судѣ Любуши“ намъ не даетъ,—здѣсь, напротивъ, вездѣ выступаетъ на первый планъ лишь семья и бытъ общинный. Къ такому же результату приходитъ Аксаковъ и на основаніи изслѣдованія Губе: „Исторія древняго наслѣдственнаго права у славянъ“ („Сборн. историч. и статист. свѣд. о Россіи“, изд. Д. Валуева, I, М. 1845). Аксаковъ дѣлаетъ изъ этого изслѣдованія выводъ, что у древнихъ славянъ не было рода, а была—семья, притомъ „семья въ тѣсномъ смыслѣ,

безъ признаковъ родоначальническаго, патріархальнаго, характера".

Что же, вообще, была славянская семья?—спрашиваетъ Аксаковъ. Она была семьею въ естественномъ значеніи этого слова, отвѣчаетъ онъ, но какъ скоро вопросъ становился общественнымъ,—какъ, напримѣръ, вопросы о землевладѣніи, о представительствѣ на вѣчевомъ собраніи и т. п.,—то семья, по отношенію къ рѣшенію этихъ вопросовъ, сама обращалась—въ общину. Эта естественная семья могла, въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ съуживаться въ своемъ составѣ, такъ и расширяться въ немъ. Составъ семьи съуживался при отдѣленіи отъ нея членовъ, которые начинали жить уже своею самостоятельною жизнью. Составъ семьи по произволу расширялся принятіемъ лицъ не только сроднявшихся съ нею, но даже и лицъ совершенно ей постороннихъ, такъ что, съ этой стороны, понятіе семьи могло простираться и далѣе понятія семьи естественной. И такъ семья и община—таковы, по мнѣнію Аксакова, двѣ единственныя и совершенно опредѣленныя ячейки устройства быта нашихъ древнихъ предковъ.

Слѣдующая группа доводовъ К. С. Аксакова въ пользу общиннаго быта русскихъ славянъ—строится имъ уже на основаніи отечественныхъ памятниковъ и свидѣтельствъ.

Здѣсь, какъ и слѣдуетъ ожидать, на первомъ мѣстѣ выступаетъ и у Аксакова извѣстный текстъ начальной лѣтописи: „Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ". Сдѣлавъ замѣчаніе, что этотъ лѣтописный текстъ служитъ краеугольнымъ камнемъ для мнѣній поборниковъ родоваго быта, К. С. Аксаковъ останавливается на его тщательномъ анализѣ и, прежде всего, выясняетъ истинный смыслъ выраженія: „Поляномъ же володѣющемъ роды своими", т. е.—„Поляне владѣли родами своими". Отвергая толкованіе этого выраженія въ томъ смыслѣ, будто Поляне „владѣли потомствами своими" (въ римскомъ значеніи слова progenies), Аксаковъ поясняетъ, что эти слова надо понимать „не въ томъ смыслѣ, что Поляне имѣли власть надъ родами своими, а въ томъ, что они владѣли цѣлыми своими отдѣльными родами,—по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ

(какъ, напримѣръ, выражаются: играть толпами и т. п.)". Подъ словомъ „каждый"—нельзя разумѣть родоначальника, иначе пришлось бы допустить, что каждый полянинъ являлся начальникомъ рода; соотвѣтствующее выраженіе лѣтописи слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что каждый полянинъ жилъ съ тѣмъ родомъ, къ которому принадлежалъ. Въ томъ же смыслѣ надо понимать слова: „Владѣя каждый родомъ своимъ", т. е.—„каждый владѣлъ вмѣстѣ съ родомъ своимъ".

Все сказанное выше не выясняетъ намъ, однако, собственнаго значенія слова—„родъ". Къ выясненію его значенія К. С. Аксаковъ, вслѣдъ за тѣмъ, и приступаетъ, пользуясь для этой цѣли свидѣтельствами той же начальной лѣтописи. Прежде всего авторъ нашъ останавливается на извѣстной лѣтописной легендѣ о трехъ братьяхъ—Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Если принять доводы теоріи родового быта, то пришлось бы допустить, что эти братья составляли одинъ родъ; на самомъ же дѣлѣ мы узнаемъ, что всѣ братья эти жили „каждый особо", „кождо на мѣстѣ своемъ": Кій—на Боричевѣ увозѣ, Щекъ—на горѣ Щековицѣ, Хоривъ—на горѣ Хоревицѣ. И такъ, каждый братъ составлялъ особый родъ... Мыслимо ли это по теоріи родоваго быта? Аксаковъ отвѣчаетъ на это отрицательно и поясняетъ, что если у каждаго изъ названныхъ трехъ братьевъ былъ свой собственный „родъ" (такъ какъ каждый изъ нихъ жилъ „особо" отъ остальныхъ двухъ), то это недоумѣніе можетъ быть разрѣшено не иначе, какъ предположеніемъ о томъ, что въ данномъ случаѣ „родъ" совпадаетъ съ понятіемъ—семьи.

Весьма существеннымъ почитаетъ нашъ авторъ и троекратное упоминаніе начальной лѣтописи, что Поляне жили „особѣ", въ связи съ свидѣтельствомъ о томъ, что у Полянъ господствовали кроткіе обычаи и что только они знали браки, а слѣдовательно—и семью; „теперь понятно,—заключаетъ Аксаковъ,—почему лѣтописецъ именно объ нихъ однихъ говоритъ, что они жили родами, отдѣльно, то есть—семьями". Съ такимъ заключеніемъ согласуется, по мнѣнію нашего автора, и свидѣтельство Прокопія о томъ, что славяне обитали въ плохихъ избахъ, расположенныхъ вдалекѣ одна отъ другой; такія избы могли вмѣщать въ себѣ только семьи, но никакъ не цѣлые роды. Слѣдовательно, лѣтописная жизнь славянъ родами, „особѣ", „кождо на своихъ мѣстахъ"—можетъ быть объясняема только бытомъ се-

мейнымъ, но никакъ не родовымъ въ томъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, въ какомъ рисуютъ его теоріи Кавелина и Соловьева. Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ Аксаковъ присоединяетъ еще и то, что наша начальная лѣтопись—есть лѣтопись южно-русская, сохраняющая въ себѣ не мало выраженій, до сихъ поръ употребляемыхъ малороссами, а у послѣднихъ слово „родъ" и въ наши дни употребляется еще въ значеніи семьи: и въ настоящее время малороссъ, указывая на свою семью, скажетъ: „се мій родъ". ... Этою идентичностью лѣтописнаго термина „родъ" съ современнымъ словомъ „семья" — Аксаковъ и объясняетъ приведенные выше тексты начальной лѣтописи, являвшіеся оружіемъ въ рукахъ поборниковъ теоріи родоваго быта.

По мнѣнію Аксакова, терминъ родъ представляетъ въ нашемъ лѣтописномъ языкѣ двоякое значеніе. Этотъ терминъ обозначаетъ собою, во первыхъ—понятіе рожденія, дѣтей и, отсюда, семью, а во вторыхъ—понятіе происхожденія, понятіе предковъ и потомковъ. „Вотъ два значенія, которыя имѣетъ у насъ слово родъ,—заключаетъ авторъ нашъ;—но никогда родъ не значилъ у насъ совокупность родичей, какъ нѣчто цѣлое, какъ совокупность живыхъ родичей, тотъ смыслъ, напримѣръ, который мы понимаемъ подъ словомъ—колѣно". Первое значеніе имѣетъ, напримѣръ, лѣтописное свидѣтельство о томъ, что на зовъ сѣверныхъ племенъ княжить у нихъ „избрашася три брата съ роды своими". У трехъ родныхъ братьевъ (въ данномъ случаѣ у Рюрика, Синеуса и Трувора) трехъ отдѣльныхъ родовъ быть не могло, каждый изъ нихъ не могъ явиться самостоятельнымъ родоначальникомъ,—это противорѣчило бы элементарнымъ положеніямъ теоріи родоваго быта; ясно, что эти три рода трехъ братьевъ—могли быть только ихъ личнымъ потомствомъ, ихъ семьями. Такое же точно значеніе представляетъ и выраженіе лѣтописи „вста родъ на родъ", въ смыслѣ: всталъ братъ на брата, всталъ родственникъ на родственника..... Примѣромъ второго значенія слова „родъ" Аксаковъ приводитъ выраженія: „отъ рода варяжска" (т. е. варяжскаго происхожденія), Рюрикъ передаетъ княженье Олегу—„отъ рода ему суще" (т. е. своему родственнику); Олегъ, приплывъ подъ Кіевъ, приглашаетъ Аскольда и Дира къ себѣ и къ молодѣтнему Игорю—„къ родомъ своимъ" (т. е. къ своимъ соплеменникамъ), а затѣмъ заявляетъ имъ, что они

„нѣста князя, ни роду княжа“ (т. е. что онп не княжескаго происхожденія) и т. п. [1])

Свои возраженія поборникамъ ученія о родовомъ бытѣ русскихъ славянъ К. С. Аксаковъ заканчпваетъ рядомъ весьма удачныхъ и остроумныхъ соображеній п сопоставленій, заимствуемыхъ изъ русскаго языка и русскаго народнаго быта.

Такъ, нашъ авторъ беретъ для анализа выраженіе: двоюродный братъ. Какой смыслъ имѣетъ это выраженіе? Очевидно тотъ, что лице, носящее это наименованіе, является—„двою роду“, принадлежитъ къ „двумъ родамъ“, иначе —братъ двухъ родовъ, т. е. двухъ семей. Братъ „родной“— это братъ одного рода, одной семьи; братъ „двоюродный“— братъ двухъ родовъ, двухъ семьей. Очевидно, что, въ этомъ наименованіи родства, слово „родъ“ употреблено въ смыслѣ семьи

Русская Правда узаконяетъ кровавую родственную месть за убійство. Кто же является здѣсь законнымъ мстителемъ? Отецъ за сына, сынъ за отца, братъ за брата й племянникъ за дядю. Внѣ предѣловъ этой (т. е. третьей) степени родства кровавая родственная месть мѣста уже не имѣетъ. Ясно, что и здѣсь закономъ обозначены предѣлы семьи, а не рода, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ, придаваемомъ этому послѣднему понятію сторонниками родовой теоріи.

Таже Русская Правда опредѣляетъ, что наслѣдство послѣ смерда, не оставившаго сыновей, отходитъ на князя, считается, слѣдовательно, вымороочнымъ и къ дочерямъ не

[1]) Для выясненія значенія слова «родъ» въ нашемъ древнемъ языкѣ можемъ сослаться на два текста, относящіеся къ XVII стол. и случайно попавшіеся намъ. Въ 1665 г. на Зашиверскій острогъ пришли «ясачные люди, Чанжа съ родомъ своимъ» (Доп. къ Акт. Историч., т. V, № 66, столб. 1-й). Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ велитъ сказать Даурскому царю Шамшакану свое милостивое слово, что бъ онъ, царь Шамшаканъ, былъ «подъ его государя высокою рукою въ вѣчномъ холопствѣ, со всѣмъ своимъ родомъ, и съ иными даурскими князи... и со всѣми улусными людьми» (Акты Историч., т. IV, № 31, стр. 72, столб. 2) Врядъ ли позволительно усомниться въ томъ, что въ первомъ изъ цитируемыхъ актовъ слово «родъ» приведено въ смыслѣ племени, народа, во второмъ— въ смыслѣ семьи.

переходитъ, тогда какъ наслѣдство послѣ боярина можетъ переходить и къ дочерямъ. И здѣсь наслѣдство остается лишь въ предѣлахъ семьи въ тѣсномъ значеніи этого слова, не переходя въ родъ, но считается, за отсутствіемъ сыновей—выморочнымъ. Аналогичныя нормы наслѣдственного права наблюдались, замѣчаетъ Аксаковъ, и у другихъ славянскихъ народовъ. Позднѣйшія родовыя права на наслѣдство (въ смыслѣ родовыхъ имуществъ)—представляются уже явленіемъ позднѣйшимъ и созданіемъ государства, въ интересахъ этого же послѣдняго.

Соловьевъ, какъ мы видѣли, слѣдъ древняго родового быта усматриваетъ и въ наименованіи новобрачныхъ „княземъ" и „княгинею"—въ смыслѣ начинателей нового рода (см. выше стр. 378). Аксаковъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что разъ мы признаемъ родовое устройство, въ такомъ случаѣ мы не будемъ уже имѣть возможности признать за вновь нарождающійся родъ новую семью, образующуюся въ нѣдрахъ семьи, уже существующей. Если же это такъ, то, значитъ, всякая новая семья вмѣстѣ съ тѣмъ явится и новымъ родомъ. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, самый родовой строй?.....

Останавливается Аксаковъ и на томъ обстоятельствѣ, что въ русскомъ народѣ существуетъ искони обычай называть по отчеству, именемъ отца, но, въ тоже время, видимъ совершенное отсутствіе въ древнія времена наименованій родовыхъ, по роду,—что опять таки указываетъ на семейныя, а не родовыя, основы быта.

Соловьевъ выражалъ мнѣніе, будто бы слово „племя" употреблялось у нашихъ предковъ для обозначенія родовыхъ линій, въ смыслѣ подраздѣленій, вѣтвей, рода. „Единство рода, связь племенъ поддерживались,—говорилъ Соловьевъ,—единымъ родоначальникомъ",—т. е. родоначальникъ являлся главою одного рода и нѣсколькихъ, составлявшихъ его, племенъ. Аксаковъ не соглашается съ такою аргументаціею, утверждая, что родъ являлся понятіемъ болѣе тѣснымъ, сравнительно съ понятіемъ племени. Онъ ссылается при этомъ на выраженіе: „Ни роду, ни племени", —такъ какъ, если бы родъ былъ понятіемъ болѣе широкимъ, сравнительно съ понятіемъ племени, то, сказавши: „нѣтъ роду", уже нечего было бы прибавлять слова: „нѣтъ и племени"; иначе говоря—приведенное

выше выраженіе означаетъ собою: не только нѣтъ рода, но нѣтъ и племени. Такой же смыслъ имѣетъ и запрещеніе древнихъ вѣнечныхъ памятей вѣнчать „въ роду или въ племени" („...и ты бъ про нихъ обыскалъ,—читаемъ въ актахъ этого рода,—что бы ни въ роду, ни въ племени, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ (не состояли)". Аксаковъ замѣчаетъ, что если бы „племя" имѣло болѣе тѣсное значеніе сравнительно съ родомъ, то объ немъ нечего было бы здѣсь и упоминать, но достаточнымъ явилось бы упомянуть только о родѣ; очевидно, что племя имѣетъ, въ данномъ случаѣ, напротивъ того, болѣе широкое значеніе: запрещается жениться не только въ роду, но даже и въ племени..... Гдѣ же оканчивался этотъ родъ?—спрашиваетъ нашъ авторъ, и отвѣчаетъ: тамъ, гдѣ начиналось племя, а племя начиналось очень близко, такъ какъ уже дѣти брата или сестры носятъ названіе „племянниковъ". Такимъ образомъ, слово „племя" опредѣляетъ границу рода, въ смыслѣ семьи, въ его отношеніи къ другимъ родомъ — опять таки въ смыслѣ семей.

К. С. Аксаковъ не могъ, конечно, обойти вопросъ о родовомъ началѣ, наблюдаемомъ въ родѣ такъ называемыхъ князей Рюриковичей и на которое такъ сильно опираются сторонники ученія о родовомъ бытѣ. Аксаковъ склоненъ видѣть въ этомъ исключительномъ, хотя и признаваемомъ имъ, явленіи начало внѣшнее, не-русское, начало, принесенное къ намъ призванною извнѣ княжескою властью. Онъ приводитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма вѣскій аргументъ въ пользу того, что эти родовыя отношенія между князьями-Рюриковичами нисколько не коренились въ правовоззрѣніи русскаго народа: народъ оставался совершенно равнодушнымъ къ этимъ родовымъ междукняжескимъ счетамъ, интересуясь личностью даннаго князя, а вовсе не соображеніями его родового старшинства или меньшинства [1]). Аксаковъ не безъ основанія выводитъ отсюда, что такой индифферентизмъ земщины къ родовымъ счетамъ князей наглядно подтверждаетъ отсутствіе въ народѣ сознанія родоваго начала, понимая послѣднее въ

[1]) Припомнимъ гордое заявленіе кіевлянъ (1146 г.) о томъ, что они не хотятъ быть Олеговичемъ «аки въ задничи», т. е. въ качествѣ ихъ родоваго наслѣдства.

смыслѣ ученія поборниковъ родоваго быта. Какъ на доказательство господства въ древней русской жизни родоваго начала ссылаются еще и на обычай мѣстничества. Аксаковъ замѣчаетъ по этому поводу, что обычай мѣстничества являлся лишь достояніемъ служилаго класса и что народъ также точно не принималъ въ немъ участія, какъ не принималъ активнаго участія и въ родовыхъ счетахъ своихъ князей [1]). Оба историческія явленія прошли надъ поверхностью народной жизни, не коренясь въ этой послѣдней и оставаясь ей чуждыми.

Въ такомъ видѣ представляется намъ тотъ рядъ соображеній и доводовъ, путемъ котораго приходитъ К. С. Аксаковъ къ убѣжденію въ томъ, что родъ нашихъ древнихъ памятниковъ и нашего древняго языка—ничто иное, какъ семья въ естественномъ понятіи этой послѣдней. Самая этимологія слова „семья",—отъ глагола „соиматися", „соимати" и производныхъ отсюда существительныхъ „союзъ", „соймъ", „сеймъ", „снемъ",—ясно указываетъ, по словамъ Аксакова, на общинный характеръ, который присущъ былъ древнеславянской семьѣ, вообще, и древне-русской семьѣ, въ частности.

Такимъ образомъ общинное устройство, начиная съ общинной семьи и кончая высшими стадіями общественнаго расчлененія—было основною, характерною и жизненною особенностью древнѣйшаго внутренняго быта славяно-русскаго народа. Этотъ общинный строй пережилъ древнія поры жизни народа, будучи переданъ въ наслѣдіе и послѣдующимъ вѣкамъ исторической жизни его.

Теорія общиннаго быта древней Руси, обоснованная и развитая К. С. Аксаковымъ, нашла себѣ дальнѣйшихъ последователей и, прежде всего, конечно, въ рядахъ того же славянофильскаго направленія, корифеемъ котораго выступилъ самъ создатель только что разсмотрѣннаго нами ученія. Изъ ближайшихъ послѣдователей Аксакова отмѣтимъ *И. Д. Бѣляева*

[1]) Что начальное происхожденіе мѣстничества коренится въ принципѣ дѣйствительно семейномъ, а не родовомъ, на это указываетъ самое наименованіе мѣстническихъ споровъ—спорами объ «отечествѣ», и «порухою отечества», «потеркою отечества»—тѣхъ конфликтовъ, которыми вызывалось возбужденіе этихъ споровъ.

(„Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика“, Времен. Моск. Общ. Ист. и Др., 1850, VIII; рядъ его полемическихъ противъ Чичерина статей о сельской общинѣ, въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1856 г., I—II, IV; „Крестьяне на Руси“, М. 1850 г.; „Лекціи по исторіи русскаго законодательства“, М. 1879 г.) и *В. Н. Лешкова* („Общинный бытъ древней Россіи“, Журн. Мин. Нар. Пр. 1855 г., ч. 91; „Русскій народъ и государство“, М. 1858 г.). Главнѣйшія положенія, выдвинутыя Аксаковымъ, Бѣляевымъ и Лешковымъ, продолжаютъ до нашихъ дней лежать въ основѣ ученія объ общинномъ бытѣ древней Руси.

Изъ послѣдователей теоріи общиннаго быта, принадлежащихъ позднѣйшимъ годамъ развитія русскаго историко-юридическаго знанія, укажемъ на *И. А. Соколовскаго* („Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“, журн. „Знаніе“ за 1877 и отдѣльно Спб. 1877 г.), дѣлающаго попытку примѣненія своего ученія о древнѣйшей землевладѣльческой русской общинѣ-волости къ исторіи развитія сельскихъ общинъ на сѣверѣ Россіи въ до-Петровскую пору русской исторической жизни.

В.—ТЕОРІЯ ЗАДРУЖНО-ОБЩИННАГО БЫТА.

Выше, разсматривая теорію родоваго быта А. И. Никитскаго, мы сдѣлали замѣчаніе о томъ, что это ученіе, съ лежащею въ его основѣ фикціею родства, расширяетъ понятіе рода за предѣлы узъ кровнаго родства и, тѣмъ самымъ, представляетъ собою какъ бы переходную ступень къ теоріи быта задружно-общиннаго.

Мы въ своемъ мѣстѣ уже видѣли, что теорія задружно-общиннаго быта, въ ея примѣненіи къ древней русской жизни, получила начальное развитіе свое въ трудахъ проф. *Ѳ. И. Леонтовича* („О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ“, въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1867 г. и, въ особенности—„Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Руси“, тамъ же за 1874 г.). Ближайшій толчокъ къ построенію этой теоріи данъ былъ трудами по изслѣдованіи

юридическаго быта юго-западныхъ славянъ [1]), обнаружившими существованіе въ ихъ народномъ быту особаго типа семейной общины, носящей (хотя и не повсемѣстно) наименованіе з а д р у г и — въ смыслѣ совокупности семей, связанныхъ между собою не исключительно только узами родства, но и интересами соціально-экономическими, вслѣдствіе чего въ такой семейной общинѣ бываютъ, обыкновенно, и элементы посторонніе, не связанные родствомъ съ первоначальными членами семьи; эти союзы живутъ на одномъ огнищѣ (домъ, домача, дымъ, куча, обитель, очагъ, куча), подъ управленіемъ выборнаго старѣйшины (дамачинъ, господарь, владыка, дѣдъ) и сообща владѣютъ, распоряжаются и пользуются общиннымъ имуществомъ (дѣдовина, дѣдинина, бащина, имовина, домачность, кучно имѣніе, задружно добро, добытокъ). Кромѣ названія „задруга", такіе семейно-общинные союзы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются также подъ наименованіями: задружна к у ч а, велика куча, добра куча, кучна д р у ж и н а, д р у ж с т в о, с к у п ч и н а, с е л о, з а е д н и ц а, м н о ж и н а и др. [2]).

Ѳ. И. Леонтовичъ даетъ намъ слѣдующее опредѣленіе понятія задруги: „Задруга,—говоритъ онъ,—есть союзъ лицъ и семей, живущихъ въ одной и общей чертѣ осѣдлости, однимъ или нѣсколькими домами,—союзъ, связанный не столько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими, сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, находящемся въ общемъ обладаніи общины". Г. Леонтовичъ признаетъ семейную общину тою ячейкою, физіологическою клѣточкою, изъ которой у всѣхъ безъ исключенія народовъ выработались, въ извѣстныя поры ихъ жизни, высшія

---

[1]) Въ особенности же чешскаго историка-юриста *Г. Иречка* («Slovanské právo v Cecach a na Moravé», Прага 1863 г. и др. труды его) и *В. Богишича* («Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u juznich Slovena», Аграмъ 1874 г. и др. работы). Новѣйшій трудъ въ области разработки вопроса о славянской задругѣ, съ указаніемъ и всей литературы предмета, принадлежитъ чешскому ученому *К. Кадлецу* «Rodinny nedil čili zadruha v pravu Slovanském». Прага. 1898 г. Изложеніе результатовъ работъ Богишича сдѣлано *Ѳ. Демеличемъ*: «Обычное право южныхъ славянъ по изслѣдованіямъ д-ра Богишича» (перев. съ франц. В. Гецевича, М. 1878 г.).

[2]) См. цитированный въ предшествовавшей сноскѣ трудъ К. Кадлеца: «Rodinny nedil etc».

формы общежитія; семейно-общинные союзы у отдѣльныхъ народовъ (какъ то у юго-западныхъ славянъ, гдѣ они наблюдаются отчасти и до нашихъ дней) даже переживаютъ эти поры жизни и, выполнивъ свое историческое назначеніе, продолжаютъ сохранять свое бытіе и на высшихъ ступеняхъ общественной жизни народа.

Перейдемъ къ той, вполнѣ послѣдовательной и логичной, цѣпи соображеній и доводовъ, которую г. Леонтовичъ кладетъ въ основу построенной имъ теоріи задружно-общиннаго быта.

Каждый народъ,—утверждаетъ авторъ „Задружно-общиннаго характера политическаго быта древней Руси",—проходитъ въ своей исторической жизни, если только эта жизнь идетъ нормально, три общественныя стадіи своего развитія, находящіяся въ тѣсной связи съ тремя же политическими элементами, доминирующими въ жизни народовъ на извѣстныхъ ступеняхъ ихъ историческаго существованія. Первая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первичная стадія общественной жизни—это родовой бытъ народа, черезъ которой проходитъ въ свое время всякій народъ; эта стадія общественности соотвѣтсвуетъ тому элементу политической жизни, который можетъ быть названъ физіологическимъ или личнымъ. Вторая стадія общественнаго строя—бытъ общинный, соотвѣтствующій территоріальному, мѣстному, элементу политической жизни. Третья стадія общественнаго строя народа—государство, отвѣчающее преобладанію въ жизни народа элемента правящаго, связующаго, элемента общаго порядка. Каждая изъ этихъ трехъ стадій, черезъ которыя проходятъ всѣ народы, имѣетъ свои характерно-культурныя черты. Родовой бытъ характеризуется тремя такими чертами: а) замкнутостью родоваго союза, обусловливающею недоступность въ него стороннихъ элементовъ и исключительность въ немъ кровныхъ, физіологическихъ, связей; б) кочевымъ образомъ жизни и отсутствіемъ еще территоріальныхъ устоевъ общежитія; в) военно-дружиннымъ складомъ родовой организаціи, благодаря которому каждый родъ образуетъ собою подвижную дружину, подъ управленіемъ родоначальника. Родовой строй жизни, путемъ развѣтвленія отдѣльныхъ родовъ, ведетъ къ образованію племени, въ средѣ котораго на первыхъ порахъ еще всецѣло сказываются

черты культурнаго строя, характеризующія собою бытъ родовой. Но мало по малу и, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ разростанія племени и накопленія имъ матеріальныхъ средствъ, кочевой образъ жизни начинаетъ представлять крупныя неудобства, къ чему присоединяются и требованія внѣшней безопасности, необходимость организаціи противъ враговъ прочной защиты, задачамъ каковой уже не въ состояніи болѣе удовлетворять дружинно-родовая организація. Въ связи со всѣмъ только что сказаннымъ находится возникновеніе осѣдлыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ населенія, изъ которыхъ съ теченіемъ времени образуются—г о р о д а. Съ другой стороны, въ виду расширенія матеріальныхъ нуждъ племени, возникаетъ необходимость въ изысканіи новыхъ видовъ экономической дѣятельности и, прежде всего, появляется т р у д ъ з е м л е д ѣ л ь ч е с к і й, который, въ свою очередь, становится новымъ факторомъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія племенемъ осѣдлаго характера.

Такимъ путемъ вторгается въ жизнь племени второй элементъ политическаго строя—территоріальный или мѣстный, обусловливающій собою переходъ племени къ о б щ и н н ы м ъ н а ч а л а м ъ б ы т а. Въ силу извѣстнаго экономическаго начала соединенія и раздѣленія труда возникаютъ теперь первыя земледѣльческія ассоціаціи, все болѣе и болѣе распространяющіяся по территоріи бывшихъ кочевокъ племени. Здѣсь то проф. Леонтовичъ и усматриваетъ з а р о ж д е н і е с е м е й н о - т е р р и т о р і а л ь н ы х ъ о б щ и н ъ (задруги, огнища, верви, починки, села), на почвѣ которыхъ начинаетъ формироваться общинный строй жизни народа.

Естественные предѣлы территоріи, занятой зарождающимся въ эту пору жизни народомъ, уже скоро перестаютъ удовлетворять его. Разростаніе племени и расширяющійся кругъ его потребностей вызываютъ колонизаціонную дѣятельность, медленный, вѣковой процессъ которой, распространяясь по рѣчнымъ и степнымъ путямъ, сводится къ стремленію пріобрѣтать новыя земельныя пространства и тѣмъ исподоволь создавать предѣлы народной,—будущей государственной,—территоріи. Само собою разумѣется, что, паралельно съ этими, идущими рука объ руку, процессами распространенія племени и расширенія географическихъ границъ его территоріи—все болѣе и болѣе вытѣсняется изъ строя жизни прежній

личный, физіологическій, элементъ, все болѣе и болѣе утрачивается сознаніе единства родоваго, кровнаго, происхожденія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе внѣдряется сознаніе единства территоріальнаго, соціально-экономическаго. На этой то ступени культурной жизни народа послѣдняя и отливается въ формы семейно-общиннаго быта. На этой ступени культурной жизни и застаетъ исторія славяно-русскій народъ въ ту пору его существованія, которую пріурочиваютъ къ такъ называемой „эпохѣ призванія князей и образованія русскаго государства“.

Семейно-общинные союзы не оставались въ разобщеніи между собою; напротивъ, они соединялись въ группы, объединявшіяся общностью интересовъ. По воззрѣнію проф. Леонтовича, интересы эти сводятся, прежде всего, къ слѣдующимъ основнымъ: а) Береженіе отъ внѣшнихъ враговъ, въ силу необходимости въ которомъ отдѣльные союзы слагались въ одно цѣлое, совокупными усиліями отстаивавшее свою безопасность и свою независимость; б) Береженіе въ сферѣ нравственно-религіознаго быта, попеченіе о которомъ принимаютъ на себя представители религіозной сферы жизни, являющіеся также общими, не пріуроченными къ опредѣленной части территоріи; в) Береженіе въ области правовыхъ отношеній, начало которыхъ таится еще въ глубинѣ эпохи родоваго строя и которыя также выступаютъ теперь въ качествѣ фактора въ дѣлѣ поддержанія сознанія единенія между отдѣльными семейно-общинными союзами. Такимъ образомъ, за предѣлами этихъ стимуловъ единенія, между отдѣльными союзами не существовало еще связей болѣе прочнаго характера, не существовало союзнаго начала, которое обладало бы признаками будущей государственности. Это начало замѣнялось связью федеративною, которая являлась мѣстною, волостною, стягивающею отдѣльные союзы въ политически-самостоятельныя извнѣ и самобытно-автономныя внутри группы, федераціи— волости, изъ которыхъ каждая имѣла свой собственный мѣстно-территоріальный центръ, свои мѣстно-областные интересы, сознаніе своей политической отдѣльности и самобытности.

Задружно-общинныя начала жизни послужили тою почвою, на которой зародились и получили свое развитіе высшія формы общиннаго строя. Путемъ добровольнаго подчиненія

(преимущественно въ интересахъ самозащиты), а равно и путемъ неуклонно продолжающагося колонизаціоннаго процесса, семейныя общины постепенно развиваются въ новые и болѣе широкіе союзы — въ земельныя, волостныя, общины, встрѣчающіяся у славянскихъ народовъ подъ наименованіями: волостей, земель, жупъ, княжествъ. Взаимныя отношенія между такими волостными общинами (землями, жупами, княжествами) опредѣлялись по давности поселенія, по старшинству колонизаціи, причемъ установлялось представленіе о волостяхъ старѣйшихъ и молодшихъ, находившихся въ отношеніяхъ метрополій къ колоніямъ; наряду съ этимъ возникаетъ понятіе городовъ, съ одной стороны —старѣйшихъ, носившихъ характеръ средоточія волостей, земель, жупъ, княженій и, слѣдовательно, находившихся во главѣ волостнаго общиннаго наряда, съ другой стороны— городовъ молодшихъ, пригородовъ, стоявшихъ въ извѣстной подчиненности первымъ: „На чемъ же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ",—такъ характеризуетъ нашъ лѣтописецъ это соотношеніе между городами.

Весьма интересны соображенія Ѳ. И. Леонтовича относительно дальнѣйшаго развитія волостной общинной жизни, наглядно иллюстрирующія внутренній строй русскихъ волостей-княженій въ эпоху созданія и начальнаго развитія нашей исторической жизни.

На первыхъ порахъ,—говоритъ авторъ нашъ,—волости управлялись и колонизировались своими собственными силами и средствами, причемъ основы управленія ихъ покоились на тѣхъ же началахъ, на какихъ покоилось и управленіе задругъ; но, съ усложненіемъ территоріальныхъ и другихъ отношеній—прежній общинный нарядъ становится все болѣе и болѣе несостоятельнымъ, въ связи съ чѣмъ возникаетъ потребность въ болѣе сосредоточенной и въ болѣе твердой его организаціи. Эта потребность удовлетворяется призваніемъ особыхъ нарядниковъ-колонизаторовъ, въ роли каковыхъ и появляются особые княжескіе роды, дружины, династіи (Рюриковичей, Неманичей, Пястовичей и др.); они призываются общинами для того, что бы вести дѣло колонизаціи и наряда ихъ. Такимъ путемъ появляются общинно-волостные князья, сущность власти которыхъ совершенно отлична и отъ характера власти

прежнихъ родоначальниковъ, съ ихъ патріархальнымъ военно-дружиннымъ могуществомъ, и отъ верховной власти будущихъ государей. Что касается внутренней организаціи этихъ княжескихъ родовъ, то и она зиждется на общезадружныхъ началахъ—по старшинству лѣтъ, по принадлежности къ старшей по времени происхожденія семьѣ всего рода; затѣмъ по избранію общинъ и по ряду (договору) съ землею, по добыванію, захвату и т. п. „Княжескій родъ,—заявляетъ проф. Леонтовичъ,—былъ задругою общею для всего народа, для всѣхъ волостей". Задружными началами опредѣляются и отношенія членовъ княжескаго рода между собою (по началу задружнаго старшинства), и отношенія князей къ общинамъ (по началу довѣрія, призванія, избранія, договора), и отношенія князей къ своимъ дружинникамъ, въ рядахъ которыхъ они являются какъ бы первыми между равными. При такомъ порядкѣ вещей князья не осѣдаютъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, но постоянно переходятъ изъ одной волости въ другую,—явленіе, столь характерное для русской эпохи удѣльно-вѣчеваго уклада, напримѣръ.

Изложенный выше строй общинно-волостной жизни начинаетъ претерпѣвать значительное измѣненіе съ завершеніемъ колонизаціоннаго движенія общинъ, когда ясными чертами обозначаются предѣлы территорій ихъ, и съ окрѣпленіемъ внутренняго быта общинъ. Теперь наблюдается о с ѣ д а н і е к н я з е й п о в о л о с т я м ъ—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до тѣхъ поръ еще нераздѣльная княжеская задруга распадается на нѣсколько самостоятельныхъ княжескихъ задругъ. Получающіе осѣдлость князья мало по малу сбрасываютъ съ себѣ значеніе колонизаторовъ-нарядниковъ и начинаютъ проявлять свой авторитетъ и свое вліяніе на всѣ стороны внутренняго быта своихъ волостей. На помощь возростающей власти князей приходитъ ученіе духовенства о божественномъ происхожденіи власти, объ основанныхъ на этомъ происхожденіи власти началахъ верховенства — съ одной стороны, и безусловнаго подчиненія, подданства—съ другой стороны. Все это, въ конечномъ результатѣ своемъ, ведетъ къ тому, что въ населеніи зарождается и зрѣетъ воззрѣніе на князя, какъ на господина, государя; вмѣстѣ съ тѣмъ зарождается третья стадія общественнаго строя народа—г о с у д а р с т в о.

Проф. Леонтовичъ признаетъ, что не всѣ народы съ такою постепенностью и съ такою регулярностью проходили черезъ всѣ указанныя выше стадіи развитія своего общественнаго строя. Всего правильнѣе и всего нагляднѣе шло въ этомъ отношеніи развитіе исторической жизни народовъ германскаго и славянскаго корней,—послѣднихъ въ особенности. При этомъ нашъ авторъ констатируетъ, что у этихъ народовъ родовой строй жизни ихъ уходитъ въ глубину доисторическихъ временъ, первые же историческіе вѣка застаютъ ихъ уже въ задружно-общинныхъ началахъ жизни, съ нѣкоторыми только (у славянскихъ народовъ особенно слабыми) слѣдами переживанія условій быта родоваго.

Такова теорія задружно-общиннаго быта, предложенная Ѳ. И. Леонтовичемъ. Ученіе проф. Леонтовича не осталось безъ послѣдователей. Оно было принято покойнымъ *К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ*, категорически заявившимъ, что „основою общественного развитія славянъ послужила семейная община (вервь, задруга)“, но особенное развитіе получила за послѣнее время эта теорія въ юго-западной славянской историко-юридической литературѣ (указанія см. въ цитированномъ выше трудѣ К. Кадлеца). Попытки приложенія задружно-общинной теоріи къ историческимъ судьбамъ русской крестьянской общины даны *А. Я. Ефименко* („Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“, Русск. Мысль 1882, №№ 4—5) и *А. М. Евреиновою* („О задружномъ началѣ“, Юридич. Вѣстн. 1885 г., т. XX). Любопытный и широко-задуманный опытъ приложенія той же теоріи къ исторіи землевладѣнія въ древней Россіи принадлежитъ *Г. Ф. Блюменфельду* („О формахъ землевладѣнія въ древней Россій“, Од. 1884), пришедшему въ этомъ направленіи къ крайнимъ выводамъ, отмѣченнымъ проф. *М. Ф. Владимірскимъ - Будановымъ* въ резенціи на трудъ этотъ („Задружная теорія и древне-русское землевладѣніе“, Кіевскія Унив. Изв. 1884 г., № XI)— рецензіи, въ которой почтенный кіевскій профессоръ высказываетъ и рядъ интересныхъ собственныхъ взглядовъ въ области интересующаго насъ предмета.

ГЛАВА II.

Основы политической, общественной и духовной жизни восточно-русскихъ племенъ передъ эпохою образованія государства.

Положеніе вопроса.—Древнѣйшія свидѣтельства о бытѣ славянъ.—Порядокъ разселенія славянъ въ восточныхъ равнинахъ Европы и возникновеніе у нихъ городовъ.—Городскія волости.—Города старѣйшіе и пригороды; общины, дворы. —Вѣчевая организація.—Племенные князья. Пространство и характеръ ихъ власти.—Промышленность и классы населенія.—Люди старѣйшіе и молодшіе. Боляре.—Религія. Начало христіанства.—Древняя письменность. — Народное творчество.

Мы знакомы теперь съ тѣми этнологическими элементами, которые легли въ основу образованія русской народности; знакомы и съ различными воззрѣніями на начала внутренняго быта славянскихъ племенъ, въ древности населявшихъ нынѣшнее отечество наше.

Мы видѣли тѣ разнорѣчія, какія встрѣчались и встрѣчаются въ русской исторической литературѣ по отношенію къ послѣднему вопросу. Передъ нами прошелъ рядъ теорій чистаго родоваго быта, прошло ученіе о такомъ же чистомъ общинномъ бытѣ, прошла примиряющая теорія г. Никитскаго и, наконецъ, ученіе г. Леонтовича о задружно-общинномъ строѣ жизни нашихъ предковъ. Не смотря на массу труда, знанія и остроумія, потраченныхъ на выясненіе сложнаго вопроса о началѣ русской самобытности, этотъ вопросъ далеко не можетъ почитаться поставленнымъ на сколько нибудь незыблемое основаніе. Въ области этого вопроса многое до нашихъ дней представляется лишь намѣченнымъ, оставляя на долю науки еще много работы и работы, преимущественно, въ области сравнительно - историческаго изученія, которое, какъ въ

полной мѣрѣ доказалъ это опытъ, является въ данномъ отношеніи единственно надежнымъ.

Несомнѣнно, что,—по отношенію къ вопросу о началахъ внутренняго быта русскихъ славянъ, напримѣръ,—одностороннее примѣненіе какой либо одной теоріи представляется не только ошибочнымъ, но прямо таки невозможнымъ. Что бы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только приглядѣться къ той этнографической пестротѣ, которою запечатлѣна формація русской народности и которая сопутствовала развитію этой послѣдней начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая нашими днями. Эта этнографическая пестрота, отмѣчаемая и нашею начальною лѣтописью, съ полною силою давала себя чувствовать въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ, т. е. въ эпоху образованія русскаго государства. Уже въ ту пору начался долгій процессъ ассимиляціи русскою народностью различныхъ этнологическихъ элементовъ (финскія племена, варяги, тюрки, позже—монголы),—процессъ, который не прекращается на протяженіи цѣлаго тысячелѣтія развитія русской исторической жизни. Это представляетъ собою условіе, съ которымъ историку невозможно не считаться. Немыслимымъ явилось бы стремленіе подвести все это этнографическое, а слѣдовательно и бытовое, разнообразіе подъ одну мѣрку, подъ одинъ ранжиръ, втиснуть въ однѣ и тѣже рамки, подчинить одной теоріи, какъ остроумно и послѣдовательно не была бы построена эта послѣдняя.

Не представляла въ своей средѣ бытоваго однообразія и та группа собственно уже восточно-славянскихъ племенъ, которая являлась разбросанною по обширной равнинѣ древняго отечества нашего, разселившись здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и географическаго, и матеріальнаго, и духовнаго характера,—та именно группа племенъ, которой, сплотившись въ одно политическое цѣлое, суждено было принять на себя первенствующую и руководящую роль въ дѣлѣ образованія русской народности и созданія русской государственности. Объ этомъ бытовомъ разнообразіи свидѣтельствуетъ намъ и наша начальная лѣтопись, заявляющая, что всѣ эти племена „имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ, и преданья—кождо свой нравъ". Да оно и не представляется удивительнымъ. Одни бытовыя условія и особенности долженъ былъ выработать въ себѣ славянинъ-новгородецъ, насельникъ

общины, расположенной на удобномъ водномъ пути къ Балтійскому поморью, на берегахъ и по волнамъ котораго онъ приходилъ въ близкія соприкосновенія и съ торговымъ балтійскимъ славянствомъ, и съ воинственнымъ скандинавскимъ міромъ; насельникъ общины, территорія которой не благопріятствовала мирному земледѣльческому труду, но которая, взамѣнъ того, уже въ раннюю пору жизни своей являлась близко причастною торговлѣ запада съ востокомъ и рано начала развивать въ себѣ тѣ своеобразныя черты гражданственности и свободолюбія, которыя на-долго оставались характерными особенностями новгородскаго политическаго и общественнаго строя. Въ иныхъ условіяхъ внутренняго быта должны были находиться среднеднѣпровскіе насельники,—Поляне и ихъ сосѣди, Древляне и Сѣверяне,—рано развившіе у себя земледѣльческую промышленность (какъ разъ къ ихъ территоріи преурочивается свидѣтельство Геродота о скиѳахъ-пахаряхъ), приходившіе въ постоянныя и близкія, то торговыя, то враждебныя, соприкосновенія съ образованною Византіею—съ одной стороны, съ тюркскими ордами кочевниковъ — съ другой стороны, и, вдобавокъ, довольно рано получившіе возможность ознакомиться съ свѣтомъ христіанской религіи. Менѣе благопріятныя условія культуры должны были выпасть на долю племенъ Дреговичей, Вятичей, Радимичей, Полочанъ, Кривичей, характеръ территоріи которыхъ располагалъ эти племена къ звѣринымъ и лѣснымъ промысламъ, съ пчеловодствомъ въ числѣ послѣднихъ, а также къ постепенному процессу колонизаціи среди финскихъ и другихъ аборигеновъ края.

Мы вправѣ, такимъ образомъ, прійти къ заключенію о невозможности искать общихъ условій внутренняго быта не только для всѣхъ племенъ, вошедшихъ въ IX — X вѣкахъ въ составъ формирующагося русскаго государства, но хотя бы только для группы восточно-славянскихъ племенъ, положившихъ начало русской народности. Извѣстнаго рода общность условій быта,—не принимая пока въ расчетъ сѣверную Новгородскую область,—можемъ мы предполагать развѣ только среди славянскихъ племенъ средняго Приднѣпровья, которымъ выпало на долю образовать собою ядро русской народности, лечь краеугольнымъ этнографическимъ элементомъ въ составъ начальнаго русскаго государства, выступить связую-

щимъ началомъ среди той племенной пестроты, которою отмѣчены первые шаги русской исторической жизни.

Какія же основы быта господствовали у этой центральной, основной, группы восточно-русскаго славянства? О родовомъ бытѣ, въ его чистой, архаической, формѣ—не можетъ, конечно, идти и рѣчи; искусственно построенная теорія этого быта, казавшаяся еще способною отвѣчать пытливымъ запросамъ извѣстной ступени развитія русскаго историческаго знанія—для нашихъ дней должна быть почитаема сданною въ архивъ исторіи науки. Теорія чистаго общиннаго быта, въ свою очередь, грѣшила не всегда умѣреннымъ перенесеніемъ на древнѣйшія поры русской исторической жизни началъ, составлявшихъ достояніе уже болѣе позднихъ и болѣе совершенныхъ формъ общественной жизни. Приходится остановиться на задружно-общинныхъ началахъ быта, какъ находящихъ собѣ серьезную подкладку въ сравнительно - историческомъ изученіи славянскаго міра, вполнѣ послѣдовательно освѣщающихъ основныя явленія политической и общественной жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ и логично подготовляющихъ уже недалекія, яркія, проявленія общинной жизни, которыми всецѣло проникнуто дальнѣйшее развитіе исторической жизни нашего народа. На первыхъ порахъ этой жизни легко могутъ быть еще наблюдаемы осколки, переживанія, родовыхъ началъ, уходящихъ въ глубь временъ доисторическихъ; но на этихъ осколкахъ уже зиждятся и все болѣе и болѣе утверждаются начала будущаго земско - общиннаго строя, идущаго паралельно съ развитіемъ идеи государственности и, какъ доказываетъ это вся послѣдующая исторія русскаго народа, какъ нельзя лучше уживающагося съ нею: общинный, земскій, строй, „земское дѣло" — съ одной стороны; государственный строй, „государственное" дѣло, съ другой стороны—всегда, за небольшими и преходящими исключеніями, дружно и рука объ руку шли въ дѣлѣ русскаго историческаго развитія.

Сдѣлавъ приведенныя выше оговорки, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію основъ политическаго, общественнаго и правоваго строя восточно-русскихъ племенъ передъ эпохою образованія государства.

Разселившись въ равнинѣ восточной Европы по теченіямъ и системамъ рѣкъ и озеръ, славянскія племена не образовали здѣсь одного политическаго цѣлаго.

Наша начальная лѣтопись, повѣствуя объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ образованію русскаго государства, говоритъ, что эти племена жили каждое „особѣ“, „кождо на своихъ мѣстахъ“. Проникнутыя духомъ партикуляризма, розни, эти племена не только не могли сплотиться въ одно цѣлое, но, напротивъ, постоянно враждовали между собою. Объ этомъ племенномъ партикуляризмѣ, столь свойственномъ славянской народности, вообще, свидѣтельствуютъ намъ и современные писатели. Такъ, византійскій имераторъ Маврикій („Strategicum“, 582—602 гг.) пишетъ, что между славянами „господствуютъ постоянныя несогласія: что положатъ одни, на то не рѣшаются другіе“. По свидѣтельствамъ арабскихъ писателей (Масуди, Якутъ, Димешка и др.), славяне дѣлились на множество племенъ, между которыми царилъ постоянный раздоръ, доходившій до междоусобныхъ войнъ; одинъ изъ арабскихъ авторовъ (Аль-Бекри) добавляетъ къ этому, что славяне народъ настолько могущественный и страшный, что, если бы они не были такъ раздроблены и враждебно расположены другъ къ другу—то имъ не въ состояніи былъ бы противостать ни одинъ народъ въ мірѣ. Извѣстно, что наша начальная лѣтопись именно съ этою племенною разобщенностью, съ этими племенными раздорами и усобицами, съ этимъ отсутствіемъ „наряда“—ставитъ въ связь записанное ею преданіе о призваніи варяжскихъ князей и о началѣ русской государственности.

Обращаясь къ вопросу о политической и общественной организаціи, существовавшей у восточно-славянскихъ племенъ передъ эпохою образованія русскаго государства, мы не можемъ не остановиться на самомъ порядкѣ заселенія ими тѣхъ земельныхъ пространствъ восточной равнины Европы, на которыхъ застаетъ ихъ наша начальная исторія. Въ этомъ отношеніи вниманіе изслѣдователя неминуемо и, пожалуй даже, съ недоумѣніемъ останавливается на извѣстіяхъ о существованіи среди этихъ племенъ уже въ первой половинѣ IX-го вѣка, т. е. къ эпохѣ предполагаемаго призванія князей—городовъ, причемъ многіе изъ этихъ городовъ началомъ своимъ должны относиться къ эпохамъ весьма отдаленнымъ,

къ эпохамъ первоначальнаго разселенія славянскихъ племенъ въ равнинахъ нынѣшняго отечества нашего. Что бы уяснить себѣ это положеніе, могущее казаться, а въ свое время и признававшееся таковымъ, порадоксальнымъ, постараемся представить себѣ условія, въ которыхъ должны были находиться славянскія племена въ эпоху заселенія ими новой родины.

Славянскія племена, двинувшіяся отъ береговъ Дуная и отъ подножій Карпатскихъ горъ въ степи, лѣса и дебри будущей русской земли, должны были прійти въ неминуемое соприкосновеніе съ населявшими ихъ аборигенами. А что въ мѣстахъ новаго разселенія славянскихъ выходцевъ эти послѣдніе не могли не встрѣтиться съ первоначальными насельниками ихъ—въ этомъ не можетъ представляться никакого сомнѣнія: о существованіи здѣсь аборигеновъ свидѣтельствуетъ намъ и отецъ исторіи Геродотъ, на существованіе ихъ указываютъ и результаты археологическихъ изслѣдованій въ мѣстностяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Допустимъ ли мы занятіе славянскими выходцами этихъ мѣстностей силою или путемъ мирной и постепенной колонизаціи еще свободныхъ, незаселенныхъ, земельныхъ пространствъ—конечный результатъ получится одинъ и тотъ же: новымъ поселенцамъ приходилось оставаться постоянно на сторожѣ, пребывать въ постоянномъ опасеніи окружавшихъ ихъ сосѣдей - аборигеновъ. Послѣ того, какъ эти новые поселенцы осѣлись на избранныхъ ими пространствахъ территоріи, имъ приходилось опасаться уже не однихъ только аборигеновъ страны, но и сосѣднихъ съ ними славянскихъ же насельниковъ, что является вполнѣ естественнымъ и понятнымъ при констатируемой всѣми источниками разрозненности и взаимной враждебности, господствовавшими между славянскими племенами; въ начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленное указаніе на то, что Поляне „быша обидимы Древляны (т. е. сосѣднимъ съ ними славянскимъ же племенемъ) и инѣми окольными“; во второй половинѣ IX-го вѣка Олегъ, уже историческій князь Полянскаго племени, въ свою очередь „примучиваетъ“ Древлянъ, „побѣждаетъ“ Сѣверянъ, облагаетъ данью Радимичей....

Слѣдствіемъ только что указаннаго положенія вещей должна была явиться болѣе нежели естественная забота сла-

вянскихъ пришельцевъ-насельниковъ о томъ, что бы обезопасить себя отъ враждебныхъ намѣреній окружающихъ ихъ сосѣдей—являтся ли этими сосѣдями аборигены края или своя же братья, славяне. Эта пора жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ вполнѣ соотвѣтствуетъ той стадіи развитія задружно-общиннаго строя, на которой, по теоріи Ѳ. И. Леонтовича, у первоначальныхъ кочевниковъ возникаетъ потребность въ укрѣпленной осѣдлости, въ силу которой осаждающіеся и теперь уже разлагающіеся роды занимаютъ дремучіе лѣса, неприступныя горныя возвышенности и ущелья, а затѣмъ прибѣгаютъ и къ искусственнымъ укрѣпленіямъ, на почвѣ которыхъ и возникаютъ—города. Этимъ путемъ на пространствѣ территорій, бывшихъ передъ тѣмъ райономъ кочевки родовъ, появляются укрѣпленные, сперва самою природою, а затѣмъ и руками человѣческими, пункты, служащіе для пришлаго населенія оплотами владычества въ данной мѣстности. Можно допустить, что на первыхъ порахъ эти укрѣпленные пункты даже и не были мѣстами осѣдлаго поселенія, что они лишь на время наступавшей опасности служили убѣжищами, за естественныя или искусственныя укрѣпленія которыхъ со всѣмъ своимъ скарбомъ укрывалось окрестное населеніе въ то самое время, когда люди способные владѣть оружіемъ устремлялись дать отпоръ врагу въ открытомъ полѣ.

Поднимая вопросъ о городахъ, существовавшихъ у нашихъ далекихъ предковъ до эпохи и въ эпоху такъ называемаго „призванія князей"—мы должны совершенно отрѣшиться отъ современнаго намъ понятія города, въ смыслѣ корпоративнаго центра поселенія, съ особымъ муниципальнымъ строемъ жизни, неприсущимъ другимъ, негородскимъ классамъ населенія, отграниченнаго отъ послѣднихъ и самымъ родомъ занятій его насельниковъ. Такихъ городовъ долгое время не будетъ знать древняя Русь и послѣ основанія государства. Древнѣйшій русскій г о р о д ъ, это,—какъ показываетъ самая этимологія слова,—ничто иное, какъ о г о р о ж е н н о е поселеніе, обыкновенно укрѣпленное или природою или человѣческимъ искусствомъ, — чаще, впрочемъ, и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—въ послѣднемъ случаѣ съ валомъ и рвомъ, а иногда съ деревянною стѣною или, просто, тыномъ. Въ этомъ укрѣпленномъ характерѣ поселенія, на первыхъ порахъ, конечно

только, и лежитъ отличительная черта, дающая ему право на названіе—города.

Имѣя въ виду указанное значеніе „города" и не смущаясь современнымъ намъ смысломъ этого термина, мы уже не будемъ съ скептическимъ недоумѣніемъ останавливаться передъ имѣющимися данными о весьма значительномъ количествѣ городовъ, существовавшихъ у древнихъ славянъ, вообще, и у русскихъ славянъ—въ частности. Арабскій писатель первой половины X-го вѣка Аль-Масуди свидѣтельствуетъ, что славяне имѣютъ „многіе города"; такъ называемый Баварскій Географъ (IX-го вѣка), описывая только нѣкоторые районы сѣвернаго славянства, насчитываетъ здѣсь до 20-ти различныхъ племенъ и свыше 3760-ти укрѣпленныхъ городовъ; арабскій авторъ X-го вѣка Ибнъ-Даста пишетъ, что у руссовъ „городовъ большое число"; скиндинавы не иначе называли территорію древняго отечества нашего, какъ „Гардарикомъ" (Gaardarike), т. е. „царствомъ городовъ". Историки наши (Погодинъ, Соловьевъ, Неволинъ), на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ насчитывали до 350-ти городовъ, существовавшихъ на Руси только до татарскаго погрома; Д. Я. Самоквасовъ говоритъ даже о тысячахъ укрѣпленныхъ поселеній на Руси до того же татарскаго нашествія [1]..... Нашъ историкъ - нѣмецъ Шлецеръ горячо протестовалъ противъ свидѣтельствъ о городахъ у нашихъ предковъ до эпохи прихода варяговъ, заявляя, что „до середины IX-го столѣтія на пространствѣ всего русскаго сѣвера не было ни одного города" и объявивъ „глупыми (sic) выдумками" всѣ древнія, не выключая даже и скандинавскихъ, росказни объ этихъ мнимыхъ городахъ, довѣрчиво повторяемыя и русскими авторами.

До нашихъ дней сохранилось не мало вещественныхъ слѣдовъ этихъ древнихъ городовъ и дѣло археологовъ, конечно, разобраться въ томъ, какіе изъ этихъ слѣдовъ должны быть отнесены къ быту аборигеновъ страны, и какіе могутъ быть пріурочены къ колонизаціонной дѣятельности находниковъ-славянъ. Эти вещественные слѣды древнихъ укрѣпленныхъ мѣстъ населенія во множествѣ разбросаны по пространству нынѣшняго очечества нашего и извѣстны археологамъ подъ наимено-

---

[1]) См. Д. Я. Самоквасова: «Древніе города Россіи», Спб. 1873 г., стр. 15, 74, 89, 93, 94 и др.

ваніемъ „городищъ“, а въ народѣ носятъ также названія „городковъ“, „старыхъ жилищъ“, „ямъ“ и т. п. [1]).

И такъ, мы должны признать, что города (въ указанномъ выше археическомъ значеніи этого слова) возникали у нашихъ славянскихъ предковъ паралельно съ разселеніемъ ихъ по пространствамъ восточной Европы, наряду съ процессомъ перехода ихъ отъ разлагающагося кочеваго дружинно-родоваго (по теоріи г. Леонтовича) къ осѣдлому задружно-общинному быту. Возникновеніемъ городовъ сопровождалась и начавшаяся вслѣдъ за тѣмъ колонизаціонная дѣятельность новыхъ насельниковъ края. Сооруженіемъ новыхъ городовъ позже всегда сопровождалась и колонизаціонно-завоевательная дѣятельность историческихъ русскихъ князей (Олегъ „нача городы ставити“; Владиміръ ставитъ „городы по Деснѣ, Востри, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ, и поча нарубати мужѣ лучшіе... и отъ сихъ насели грады“, а равно „заложи градъ Бѣлгородъ и наруби въ не (людей) отъ иныхъ городовъ“; Ярославъ „поча ставити городы по Рси“ и т. п.). Занявъ данную мѣстность, колонизаторы тотчасъ же „срубаютъ“ въ ней „городъ“—первый укрѣпленный пунктъ, долженствующій служить имъ оплотомъ противъ аборигеновъ или сосѣдей [2]). Отсюда, опираясь на этотъ укрѣпленный базисъ, начинается уже колонизація окрестныхъ территорій,—то мирная, направляющаяся съ топоромъ и сохою въ рукѣ, то враждебная, съ оружіемъ въ рукахъ, или вытѣсняющая старыхъ насельниковъ съ насиженныхъ ими мѣстъ или подчиняющая ихъ своему вліянію. Теперь возможнымъ становится появленіе въ занятой мѣстности уже и не-

---

[1]) См. выше части первой, отдѣла III-го, главу 1-ую («Вещественные памятники», стр. 135—139. Подробности у Самоквасова: «Древніе города Россіи», стр. 94 и сл., и «Исторія русскаго права», кн. I (Варш. 1888), стр. 125 и сл.

[2]) Указаніе на городъ, какъ на необходимый исходный пунктъ, какъ на зерно поселенія—даетъ намъ и наша начальная лѣтопись въ одномъ изъ занесенныхъ ею на свои страницы преданій. Въ разсказѣ о похожденіяхъ легендарнаго Кія говорится, что Кій, возвращаясь изъ Царьграда, облюбовалъ какое то мѣсто на Дунаѣ и, рѣшившись поселиться здѣсь, сталъ, прежде всего, строить здѣсь «городъ малъ», но окрестные жители воспрепятствовали ему въ этомъ намѣреніи: это мѣсто,—добавляетъ лѣтопись,—и донынѣ зовется «городище Кіевецъ».

укрѣпленныхъ поселеній — „починковъ", въ смыслѣ начальныхъ, вновь „початыхъ", пунктовъ осѣдлости, съ увеличеніемъ населенія обращающихся въ „села", т. е. мѣста селенія, жительства, вообще. На почвѣ этой то колонизаціонной дѣятельности, съ сопровождающимъ ее возникновеніемъ городовъ и селеній, и подготовляется почва для перехода задружно-общиннаго быта въ другія, уже высшія, формы общиннаго строя— въ федеративно-волостные союзы (княженья) и, наконецъ, въ государство, какъ вѣнецъ всего этого сложнаго и долгаго, само собою разумѣется многовѣковаго, созидательнаго процесса.

Города и окружающія ихъ пространства территоріи не остаются между собою въ разобщеніи; напротивъ, между ними уже очень рано,—въ глубинѣ вѣковъ, конечно, еще доисторическихъ,—устанавливается тѣсная, живая, связь. Всѣ эти неукрѣпленные пункты поселенія,—отдѣльные дворы, починки, села,—опираются на городъ, тяготѣютъ („тянутъ") къ нему, образуютъ его „потугу", его территоріальный округъ, причемъ этотъ послѣдній, конечно, все болѣе и болѣе раздвигаетъ свои предѣлы по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія колонизаціоннаго процесса. Съ существованіемъ центральнаго укрѣпленнаго пункта,—города,—безопасность окрестнаго населенія до извѣстной степени уже обезпечена. Съ появленіемъ опасности, всѣ способные носить оружіе устремляются для отпора врагу, а остальное населеніе, побросавъ свои незатѣйливыя мѣста осѣдлости, бѣжитъ искать спасеніе за валами и стѣнами города [1]). Если битва въ открытомъ полѣ проиграна, туда же спѣшатъ отретироваться и защитники, съ тѣмъ что бы отстоять городъ, какъ оплотъ владычества на данномъ протяженіи территоріи. Миновала опасность — и временное населеніе города снова расходится по окрестнымъ землямъ, возстановляя разоренныя пепелища и снова принимаясь за прерван-

---

[1]) «Славяне,—свидѣтельствуетъ Гельмольдъ (авторъ XII-го в.),—не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ... Едва раздастся кликъ военной тревоги, они забираютъ все цѣнное имущество и прячутъ его въ ямы, а сами уводятъ женъ и дѣтей въ надежныя убѣжища, въ укрѣпленія.... и не остается на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ избъ, о которыхъ они и не жалѣютъ» (В. Макушевъ: «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ», Спб. 1861, стр. 109).

ныя занятія и промыслы свои. Это древнее значеніе города, какъ крѣпости, долго жило въ сознаніи русскаго народа. Каждый старинный, до-Петровскій, русскій городъ — непремѣнно являлся и крѣпостью („кремль“ или „дѣтинецъ“—въ противоположность „посаду“), съ своимъ неизбѣжнымъ ратнымъ нарядомъ, мѣрами воинскаго береженія, съ своими специальными распорядками „городовой осадной службы“.

Прекрасную и въ высшей степени типичную иллюстрацію только что указаннаго стратегическаго характера древняго русскаго города и жизненной связи его съ окрестною землею — даетъ намъ извѣстное лѣтописное повѣствованіе о войнѣ великой княгини Ольги съ славянскимъ племенемъ Древлянъ, въ которомъ это послѣднее обрисовывается еще въ древнѣйшихъ, до-государственныхъ, началахъ своего внутренняго быта. Разбитые ратью кіевской великой княгини въ открытомъ полѣ, Древляне,—разсказываетъ начальная лѣтопись,— „побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своихъ“. И, вотъ, когда одинъ изъ древлянскихъ городовъ, Искоростѣнъ, оказываетъ Ольгѣ особенно упорное сопротивленіе, великая княгиня посылаетъ сказать осажденнымъ: „Что хощете досидѣти? А вси грады ваши предашася мнѣ и ялися по дань и дѣлаютъ нивы своя, а вы хощете измерети гладомъ“. Здѣсь, какъ не трудно убѣдиться въ этомъ, слова: „градъ“, „грады ваши“—употреблены въ широкомъ смыслѣ (каковое и впослѣдствіе удержалось въ русскомъ языкѣ), т. е. въ смыслѣ цѣлаго городскаго округа, города со всѣми тяготѣющими къ нему землями.

Такимъ образомъ, каждый городъ имѣлъ свой собственный, болѣе или менѣе обширный, округъ и въ немъ, въ городѣ, заключалась вся сила, весь, такъ сказать, жизненный пульсъ тяготѣющихъ къ нему окрестныхъ земель. Съ этимъ значеніемъ города нельзя не согласиться, со вниманіемъ прочитавъ хотя бы только первыя страницы нашей начальной лѣтописи; такое значеніе древняго русскаго города рисуютъ намъ и первые памятники нашего отечественнаго права—договоры съ греками и, въ особенности, Русская Правда [1]). Въ

---

[1]) На сколько немыслимымъ представлялся русскому сознанію, даже въ позднѣйшія времена, городъ безъ «уѣзда», безъ тяготѣющихъ къ нему земель, это ясно выражается въ сказкѣ, поданной духовенствомъ на зем-

этомъ отношенiи городовъ къ окружающимъ ихъ землямъ и лежитъ корень будущихъ городскихъ волостей, позднѣйшихъ уѣздовъ, на почвѣ которыхъ развилась наша до-Петровская территорiально-административная система, создавшаяся путемъ строго историческимъ, жизненнымъ, помимо (за исключенiемъ нѣкоторыхъ единицъ спецiальнаго назначенiя) искусственно-административнаго, механическаго дѣленiя, какимъ явилось, въ свое время, первое раздѣленiе нашего отечества на губернiи; эта система въ теченiи восьми вѣковъ шла рука объ руку съ развитiемъ мѣстнаго управленiя русскаго государства. Но мы заглянули за много вѣковъ впередъ. Возвратимся къ непосредственно интересующему насъ въ настоящую минуту вопросу.

Значенiе древняго славяно-русскаго города не могло ограничиться его исключительно стратегическимъ характеромъ. Оно должно было неминуемо идти дальше этого. Если древнѣйшая Русь не выработала себѣ никакого юридическаго различiя между населенiями городскимъ и сельскимъ, волостнымъ, если это различiе въ теченiи цѣлаго рода вѣковъ, какъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, не могло привиться къ нашему общественному строю, то это, конечно, не означаетъ еще того, что бы древнѣйшiй русскiй городъ не могъ занять особаго, хотя бы и чисто фактическаго, положенiя въ ряду другихъ, не-городскихъ, поселенiй. Городъ, какъ мы это уже знаемъ, составлялъ центръ тяготѣнiя для окрестныхъ земель. Здѣсь имѣлъ пребыванiе князь, въ смыслѣ выборнаго главы городской волости, а въ эпохи болѣе позднiя въ городахъ сидѣли княжескiе посадники,—слѣдовательно, городъ являлся въ извѣстномъ, хотя, конечно, и условномъ, значенiи административнымъ центромъ своего округа; въ городѣ собиралось вѣче, вмѣстѣ съ княземъ мыслившее здѣсь о дѣлахъ, общихъ для всего городскаго округа. Городъ представлялъ значенiе и религiознаго центра; здѣсь сосредоточены были языческiе кумиры, сюда собиралось окрест-

скомъ соборѣ 1566 г. (по Ливонскому вопросу). Указывая здѣсь на то, что польскiй король соглашается прирѣзать въ уступку къ г. Полоцку слишкомъ мало земель, эта группа соборныхъ людей замѣчаетъ: «И тому стати можно ли, что городу быти безъ уѣзда? Ано и село или деревня безъ поль и безъ угодiй не живутъ... А городу какъ быти безъ уѣзда?» (Собр. Гос. Грам. и Дог., I, стр. 547).

ное население для молений и жертвоприношений и существуетъ даже въ литературѣ исторіи славянства воззрѣніе, что первоначально города у славянскихъ народовъ возникали именно на почвѣ потребностей религіознаго культа. Въ силу своего центральнаго по отношенію къ окружающимъ ихъ землямъ положенія, города становятся средоточіемъ обработывающей промышленности,—здѣсь возникаютъ ремесла и другіе виды промышленности, а въ качествѣ поселеній, расположенныхъ, большею частью, по воднымъ и удобнымъ сухопутнымъ путямъ сообщенія, города являются преимущественными пунктами торговли: здѣсь устроиваются торги или торжища, на которые окрестные, волостные, жители сходятся для продажи и мѣны предметовъ своего производства.... Все это укореняетъ значеніе города, въ качествѣ центра тяжести для окружающихъ его земель; все это содѣйствуетъ укрѣпленію живой связи между городомъ и „тянущимъ" къ нему округомъ, все это подготовляетъ понятіе будущаго русскаго городскаго „уѣзда".

По мѣрѣ того, какъ пришлыя славянскія племена разростались,—такъ какъ разселеніе ихъ на будущей территоріи начальнаго русскаго государства продолжалось, само собою разумѣется, не одно столѣтіе,—по мѣрѣ того, какъ каждое изъ нихъ захватывало все большее и большее пространство земель, центральный городъ становился уже безсильнымъ служить опорою, центромъ тяготѣнія, для всего окрестнаго населенія. Связь города съ крайними пунктами послѣдняго дѣлается все слабѣе и слабѣе—и вотъ сказывается потребность въ созданіи новыхъ центральныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, новыхъ городовъ. Возникаютъ второстепенные города—пригороды, города молодшіе по отношенію къ старшимъ, признающіе за послѣдними извѣстную степень авторитета, первенства: „на чемъ старшіе (города) сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ"—такъ поясняетъ лѣтописецъ это обоюдное отношеніе. Эти вновь создавшіеся города въ свою очередь стремятся образовать вокругъ себя собственные территоріальные округа, которые съ теченіемъ времени,—иногда и не безъ борьбы,—выдѣляются изъ первоначальнаго метропольнаго городскаго округа съ характеромъ самостоятельныхъ территоріальныхъ единицъ. Такимъ путемъ развиваются цѣлыя системы городовъ съ тяготѣющими къ нимъ округами (будущіе „уѣзды"), въ послѣдующія поры русской исторической

жизни послужившія основнымъ ядромъ для организаціи мѣстнаго управленія. Въ силу совершенной немыслимости съ точки зрѣнія древняго русскаго быта города безъ округа, безъ тяготѣющихъ къ нему земель, безъ всего того, что къ нему „изстари потягло“, „изстари пошло“,—безъ „уѣзда“, употребивъ этотъ, уже позднѣйшій, терминъ,—слово „городъ“ весьма часто употреблялось не только въ смыслѣ самого города, но и въ смыслѣ всего „округа“, всей совокупности „окружныхъ“ земель, къ нему тяготѣющихъ.

Понимаемый въ указанномъ выше смыслѣ слова, каждый городской округъ распадался на меньшія корпоративныя единицы,—носившія въ различное время и у различныхъ славянскихъ народовъ и различныя названія, изъ которыхъ у русскихъ славянъ древнѣйшимъ является названіе „верви“, встрѣчающееся въ Русской Правдѣ („задруги“, т. е. семейныя общины—по теоріи Ѳ. И. Леонтовича). Дворы составляли, наконецъ, меньшія единицы, изъ которыхъ слагались общины. Община, вервь—была жизненнымъ пульсомъ всего общественнаго строя той отдаленной отъ насъ эпохи. Управляясь своими выборными начальниками, при ближайшемъ содѣйствіи общиннаго совѣта (схода, міра, снема), всѣ члены общины были связаны между собою общимъ землевладѣніемъ, своимъ общиннымъ судомъ, началомъ взаимной помощи и защиты и, наконецъ, круговою порукою, распространявшеюся, кикъ въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы это, даже на уголовныя правонарушенія.

Если въ лицѣ общиннаго схода, міра, снема—каждая отдѣльная община имѣла органъ для выраженія своей мысли и воли, то такіе же органы выраженія ихъ имѣли и городскіе округа—въ смыслѣ тяготѣющихъ къ городамъ волостныхъ общинъ, т. е. федеративныхъ союзовъ отдѣльныхъ семейныхъ общинъ (задругъ). Такимъ образомъ возникаетъ понятіе городскаго или волостнаго вѣча, собиравшагося въ городѣ отъ отдѣльныхъ семейныхъ общинъ для обсужденія и рѣшенія всякаго рода дѣлъ, касавшихся интересовъ всей волости, всего городскаго округа. Наконецъ, такой же точно органъ выраженія мысли и воли имѣла и вся племенная земля, въ смыслѣ совокупности всѣхъ городскихъ округовъ, образовавшихся на пространствѣ занятой даннымъ племенемъ территоріи. Этимъ путемъ возникаетъ понятіе вѣча племеннаго, собиравшагося,

по всей вѣроятности, въ старшемъ городѣ земли, для обсужденія вопросовъ, интересовавшихъ собою все племя, всѣ городскія волости, взятыя въ ихъ совокупности. Указаніе на ран нее существованіе такихъ общеплеменныхъ вѣчевыхъ собраній дастъ намъ и лѣтопись: „Новгородци бо изначала (т. е. издревле), и смолняне, и кіяне, и полочане и вся власти (волости) яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ". Это лѣтописное свидѣтельство приведено подъ 1176 мъ годомъ, когда племенная обособленность уже въ значительной степени сгладилась, почему лѣтописецъ и говоритъ теперь о новгородцахъ, смольнянахъ, кіевлянахъ и полочанахъ, а не говоритъ уже о славянахъ, кривичахъ и полянахъ; но если мы примемъ во вниманіе, что Новгородъ былъ главнымъ городомъ ильменскихъ славянъ, Смоленскъ—кривичей, Кіевъ—полянъ, то для насъ сдѣлается совершенно яснымъ, что рѣчь идетъ здѣсь о „властяхъ", т. е. о волостяхъ, въ смыслѣ земель именно племенныхъ. Вѣче—явленіе общеславянское, и историческіе памятники западныхъ и юго-западныхъ славянъ служатъ тому несомнѣннымъ подтвержденіемъ. У сербовъ были народныя и городскія собранія, у чеховъ—земскіе и жупные сеймы, у поляковъ—городское и сельское вѣче [1]) и т. п. Мы уже знаемъ свидѣтельство Прокопія Кессарійскаго о томъ, что у славянъ въ обычаѣ совѣщаться между собою о всемъ, служащемъ имъ къ пользѣ или вреду („ac propterea utilitates et damna apud ipsos in commune vocari solent").

Наряду съ вѣчемъ, у славянъ, вообще, и у русскихъ славянъ, въ частности, находимъ мы и собственныхъ племенныхъ князей.

Объ этихъ князьяхъ свидѣтельствуютъ намъ византійскіе источники. Такъ, императоръ Маврикій пишетъ, что „у славянъ много царьковъ, постоянно находящихся между собою въ несогласіи", что не противорѣчитъ, тѣмъ не менѣе, его же свидѣтельству о томъ, что славяне отличаются свободолюбіемъ и что трудно принудить ихъ къ подчиненію („libertatem colunt, nec ulla ratione ad parendum persuadentur", „neminem ferunt imperantem" и пр.). Арабскій писатель Массуди отмѣчаетъ,

---

[1]) В. Макушевъ: «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ» (Спб. 1861), стр. 147.

что славяне „дѣлятся на множество народцевъ („differentes races“), раздираемыхъ усобицами и имѣющихъ каждый своего князя“ („...dont chaqune a son roi“). Византійцы называли славянскихъ князей—*αρχοντες, κατάρχοντες, αρχηγοὶ, ἡγέμονες, γερόντες, βασιλεις, ρηγες*; западныя хроники — duces, primores, reges, reguli; у самихъ же славянъ преобладающимъ являлось наименованіе — князь („кънязь“, „конязь“), извѣстное всѣмъ славянскимъ народамъ и происходящее отъ корня „кън“, „кон“ (т. е. „начало“) [1]).

Указанія на существованіе племенныхъ князей у русскихъ славянъ даетъ намъ наша начальная лѣтопись. Такъ, здѣсь имѣемъ мы повѣствованіе о томъ, что еще задолго до эпохи, къ которой таже лѣтопись пріурочиваетъ призваніе варяговъ, у племени Полянъ княжили три брата—Кій, Щекъ и Хоривъ, причемъ имя перваго связывается съ названіемъ старшаго города полянской земли—Кіева. Упомянувъ, далѣе, о смерти этихъ князей-братьевъ, лѣтопись продолжаетъ: „И по сихъ братій держати почаша родъ ихъ княженіе въ Поляхъ“, и вслѣдъ затѣмъ какъ бы поясняетъ: „а въ Деревляхъ свое, а Дреговичи—свое, а Славяне свое въ Новѣгородѣ и пр.“, давая этимъ понять, что княжеское достоинство существовало,—у каждой „свое“,—и по другимъ племеннымъ волостямъ. Имѣются указанія на продолжающееся у отдѣльныхъ восточно - славянскихъ племенъ существованіе своихъ туземныхъ князей даже и послѣ образованія русской государственности. Въ своемъ мѣстѣ увидимъ мы, что первые кіево-русскіе великіе князья, принявъ на себя представительство общей, объединяющей, власти по отношенію къ племенамъ, на которыя распространился ихъ авторитетъ, на первыхъ порахъ не нарушали исконной общественной организаціи этихъ племенъ и даже терпѣли существованіе у нихъ собственныхъ племенныхъ князей, ограничивая отношенія свои къ нимъ сборомъ даней и требованіемъ вспомогательныхъ ополченій. Именно такихъ туземныхъ, племенныхъ, князей можно угадывать въ „князьяхъ, подъ Олегомъ сущихъ“, о которыхъ говоритъ лѣтопись въ разсказѣ о походѣ въ 907-мъ году великаго князя Олега на Царьградъ. Налагая на побѣжденныхъ грековъ выкупъ, Олегъ выговариваетъ съ нихъ еще особые „укла-

[1]) Ibid., стр. 145—146

ды“, т. е. дополнительныя дани, на русскіе города,—„первое на Кіевъ, также и на Черниговъ, и на Переяславль, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечь и на прочая городы; по тѣмъ бо городомъ,—поясняетъ лѣтописецъ,—сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще“. Равнымъ образомъ и въ договорѣ великаго князя Игоря съ греками (945 г.) говорится, что для заключенія этого договора отправлены были въ Константинополь послы „отъ Игоря великаго князя русскаго, и отъ всякоя княжья и отъ всѣхъ людій русскія земли“. Далѣе въ томъ же договорѣ, въ формулѣ утвердительной клятвы, предусматривается руссами возможность нарушенія условій соглашенія съ ихъ стороны, причемъ вставлено слѣдующее выраженіе: „аже преступитъ се отъ страны нашея ли князь, ли инъ кто.... да не имутъ помощи отъ Бога“ и пр.; здѣсь можно, опять таки, видѣть указаніе на племенныхъ князей, подручниковъ кіевскаго великаго князя.

Но самое любопытное свидѣтельство о племенныхъ князьяхъ мы находимъ въ лѣтописномъ разсказѣ о смерти великаго князя Игоря и о войнѣ вдовы его, великой княгини Ольги, съ древлянами. Легендарный, конечно, въ своихъ подробностяхъ, этотъ разсказъ рисуетъ намъ въ вполнѣ опредѣленныхъ и согласныхъ съ другими историческими данными чертахъ основы политическаго строя древнѣйшей восточнославянской племенной волости. Древляне, еще въ 883-мъ году, при Олегѣ, испытавшіе на себѣ силу кіевскаго оружія и обложенные въ то время данью „по чернѣ кунѣ“, въ 913 году, по смерти Олега, „заратишася отъ Игоря“, возстали противъ него, но въ слѣдующемъ же году были вновь приведены Игоремъ въ покорность, причемъ кіевскій великій князь наложилъ на нихъ дань „большю Ольгови“. Не взирая на этотъ двоекратный погромъ, отношенія древлянъ къ Кіеву ограничивались лишь данью да выставленіемъ вспомогательной рати (древляне участвуютъ въ походахъ кіевскихъ великихъ князей на Византію),—во всемъ же остальномъ имъ было оставлено древнее политическое устройство, съ племенными князьями во главѣ послѣдняго. Въ одинъ изъ походовъ (945 г.) Игоря на древлянскую землю за данью, древляне, „сдумавше съ княземъ своимъ Маломъ“, вышли изъ города Искоростѣна [1])

[1]) Нынѣшнее мѣстечко Искоростъ, близь г. Овруча, Волынской губ., на рѣкѣ Ужѣ.

и варварски умертвили кіевскаго великаго князя. Извѣстенъ лѣтописный разсказъ о мести Ольги за смерть мужа, изъ котораго мы припомнимъ лишь одинъ эпизодъ. Явившись къ кіевской великой княгинѣ сватать ее за своего князя Мала, древлянскіе посланцы убѣждаютъ ее къ тому въ слѣдующихъ словахъ: „Бяше мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли (т. е. были добрыми пастырями, а не „распахали“ ее, какъ комментируютъ нѣкоторые) Деревьску землю; да поиде за князь нашъ за Малъ“,— „бѣ бо ему имя Малъ, князю деревьску“, поясняетъ лѣтописецъ. Военныя дѣйствія свои противъ древлянъ Ольга сосредоточиваетъ, главнымъ образомъ, противъ города Искоростѣна, жители котораго убили ея мужа, „сдумавшись“ съ княземъ своимъ Маломъ, — откуда мы имѣемъ полное основаніе заключить, что этотъ Малъ былъ княземъ именно округа города Искоростѣна, тѣмъ болѣе, что въ древлянской землѣ имѣлись, повидимому, и другіе князья („наши князи добри суть“,—говорятъ древлянскіе послы), какъ имѣлись въ ней и другіе города („вси грады ваши предашася мнѣ“,—посылаетъ Ольга сказать осажденнымъ древлянамъ). Ко всему этому можно добавить, что археологическія раскопки, произведенныя въ территоріи бывшаго древлянскаго племени, обнаружили здѣсь слѣды княжескихъ погребеній; остатки такихъ погребеній обнаружены были и раскопками проф. Д. Я. Самоквасова въ предѣлахъ бывшей территоріи племени Сѣверянъ.

Естественно возникаетъ теперь вопросъ: *какимъ же пространствомъ и характеромъ власти располагали эти туземные славянскіе князья*, слѣды которыхъ такъ отчетливо выступаютъ передъ нами на самомъ рубежѣ историческихъ временъ минувшей жизни русскаго народа? Эти князья не были, конечно, властителями цѣлыхъ племенъ, иначе они должны были бы оставить послѣ себя болѣе замѣтный слѣдъ въ исторіи. Приходится, такимъ образомъ, признать въ этихъ туземныхъ князьяхъ — выборныхъ старшинъ городскихъ округовъ, городскихъ волостей, федеративныхъ союзовъ семейныхъ общинъ (задругъ), древнѣйшихъ княжествъ,—тѣхъ князей-колонизаторовъ, которыхъ пріурочиваетъ задружно-общинная теорія проф. Леонтовича именно къ этой стадіи развитія общественнаго строя древнихъ славянъ, когда, на почвѣ задружно-общинныхъ союзовъ, образующихъ

собою городскія волости, начинаетъ уже слагаться зданіе будущей высшей формы общественнаго строя—государства. Допустивъ поставленную выше гипотезу, мы должны будемъ прійти къ логическому заключенію объ одновременномъ существованіи нѣсколькихъ князей въ одной и той же племенной землѣ (легендарные Кій, Щекъ и Хоривъ въ землѣ полянъ; Малъ и другіе князья въ землѣ древлянъ). Съ этой точки зрѣнія наши племенные князья будутъ вполнѣ соотвѣтствовать „князьямъ", „жупанамъ", „банамъ" юго-западныхъ славянъ. Съ этой точки зрѣнія для насъ понятными явятся свидѣтельства: Прокопія Кессарійскаго о томъ, что „славяне не подчиняются одному мужу, но искони живутъ въ народовластіи"; императора Маврикія о томъ, что „у славянъ много царьковъ"; императора Константина Багрянороднаго, заявляющаго, что „у сербовъ и у хорватовъ нѣтъ другихъ властителей, кромѣ старѣйшинъ жупановъ, какъ и у остальныхъ славянскихъ народовъ". Весьма любопытнымъ является для характеристики значенія древне-славянскаго князя свидѣтельство лѣтописи Ейнгарда (перв. полов. IX-го вѣка) объ одномъ эпизодѣ изъ войны императора Карла Великаго съ прибалтійскимъ славянскимъ племенемъ Вильцевъ. Вступивъ въ предѣлы территоріи вильцевъ, Карлъ сталъ все опустошать огнемъ и мечемъ и направился на городъ царька („regulus") Драговита, происхожденіемъ и лѣтами превосходившаго всѣхъ остальныхъ царьковъ вильскихъ; Драговитъ сдался императору и тогда, вслѣдъ за нимъ, поддались Карлу Великому и всѣ остальные царьки того же племени. Этотъ „царекъ" Драговитъ, наряду съ остальными „царьками" вильскими—близко напоминаетъ намъ древлянскаго князя Мала, вмѣстѣ съ другими князьками того же племени.

Переходя къ разсмотрѣнію самаго характера власти у древнихъ славянъ, мы должны прежде всего замѣтить, что всѣ источники несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуютъ въ пользу того, что княжеское достоинство было у нихъ—выборнымъ. У славянъ „достоинство княжеское,—выводитъ В. В. Макушевъ на основаніи цѣлаго ряда источниковъ,—не было наслѣдственно, ни даже пожизненно: народъ свободно избиралъ и низлагалъ своего князя; князь былъ только первымъ мужемъ въ государствѣ; не народъ повиновался князю, а князь народу". Такимъ положеніемъ вещей объясняются свидѣтель-

ства Прокопія и Маврикія о томъ, что славяне живутъ „въ народовластіи“, что они „не повинуются одному властителю и что ихъ трудно принудить къ повиновенію“. Подобныя же характеристики славянъ оставили намъ Титмаръ Мерзебургскій (перв. полов. X-го в.) и Богухвалъ (перв. полов. XIII-го в.); по свидѣтельству перваго, у Лютичей „нѣтъ никакого особеннаго властителя“, а у Ляховъ, по словамъ втораго, не было никакой „власти короля или князя“ и они „считались братьями, происходящими отъ одного отца“. Макушевъ весьма мѣтко замѣчаетъ, что иностранцы, не находя у славянъ повелителей съ такимъ характеромъ власти, какою были облечены греческіе и германскіе императоры или арабскіе калифы, не могли даже пріискать на своихъ языкахъ выраженій, подходящихъ къ значенію славянскихъ князей и окрещивали послѣднихъ самыми разнородными наименованіями. „Такое множество выраженій для обозначенія государственной власти у славянъ не доказываетъ ли, — пишетъ Макушевъ, — что сіи послѣдніе понимали ее иначе, чѣмъ сосѣди ихъ? Славянское понятіе о княжеской власти не подходило ни подъ одну изъ мѣрокъ, имѣвшихся у грековъ, нѣмцевъ и арабовъ, а потому иностранцы отрицали самое существованіе государей у славянъ“ [1]).

Выбирались славянскіе князья чаще всего изъ среды одного и того же рода, быть можетъ пріобрѣтшаго фактическое преобладаніе въ странѣ или ознаменовавшаго себя доблестями и заслугами передъ землею; такъ, послѣ смерти полянскихъ князей-братьевъ Кія, Щека и Хорива „нача родъ ихъ княженіе держати въ Поляхъ“. При этомъ въ князья избирался, обыкновенно, старшій въ родѣ, что, однако, не всегда строго соблюдалось у славянъ,—замѣчаетъ Макушевъ: личныя качества въ этомъ отношеніи нерѣдко предпочитались старшинству [2]). Разъ избранное въ князья лицо оставалось въ этомъ достоинствѣ до тѣхъ поръ, пока было „любо“ землѣ, въ противномъ случаѣ оно свергалось и слѣдовало новое избраніе,—порядокъ, хорошо знакомый историкамъ по позднѣйшей организаціи княжеской власти въ удѣльно-вѣчевой Руси, а въ Новгородскомъ и Псковскомъ народоправствахъ даже

---

[1]) «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и правахъ славянъ», стр. 146, 147, 174—175.

[2]) Ibid., стр. 146 и 174.

пережившій паденіе общаго режима этого періода русской исторической жизни. Такой характеръ княжеской власти находилъ себѣ, какъ и позже, при удѣльно-вѣчевомъ укладѣ русской исторической жизни, твердую почву въ стоявшемъ рядомъ съ этою властью значеніи вѣча, земли: въ лицѣ вѣча являлся органъ выраженія мысли и воли земли, игнорировать которыя князю не было фактической (не говоря уже о юридической) возможности; вѣче совершало избраніе и сверженіе князя, съ вѣчемъ совѣщались князья относительно всѣхъ вопросовъ, касавшихся нуждъ и интересовъ волости. Этотъ характеръ организаціи древнѣйшей княжеской власти опять таки вполнѣ соотвѣтствуетъ ученію Ѳ. И. Леонтовича о задружно-общинномъ бытѣ древней Руси, по которому каждый княжескій родъ „организуется по тѣмъ же началамъ, какъ и простыя задруги: по старшинству лѣтъ, по принадлежности къ старшей семьѣ рода", по которому каждый „княжескій родъ былъ задругою, общею для всего народа". Легко открывается отсюда и тотъ выводъ, что многія черты политическаго строя удѣльно-вѣчевой Руси находятъ себѣ генетическую связь съ общественными распорядками, господствовавшими у восточныхъ славянъ еще до образованія русскаго государства,— обстоятельство, на которое у насъ обращали слишкомъ мало вниманія но которое, на нашъ взглядъ, вполнѣ заслуживало бы таковаго.

Продолжая обозрѣніе общественной организаціи восточнославянскихъ племенъ передъ эпохою образованія русскаго государства, мы должны будемъ остановиться теперь на вопросѣ о томъ,—существовало ли въ ту пору у этихъ племенъ какое либо общественное расчленіе, въ смыслѣ сословій или классовъ населенія? Сословій въ томъ тѣсномъ значеніи этого понятія, съ какимъ знаетъ ихъ теорія государственнаго права и политическій строй новыхъ государствъ—не знала древняя Русь, какъ не знала она и юридически обоснованнаго различія между населеніемъ сельскимъ и населеніемъ городскимъ, не знала ихъ весьма долго и послѣ основанія государства, такъ какъ сословія стали у насъ формироваться лишь послѣ окончанія смутнаго времени, а самая рѣчь о сословіяхъ въ Россіи, какъ таковыхъ, врядъ ли и можетъ идти до эпохи преобразованій Петра Великаго. Тѣмъ менѣе имѣли бы мы основаніе поднимать вопросъ о

сословіяхъ у восточно-русскихъ славянъ до образованія нашего государства; по словамъ Макушева, иностранные авторы, оставившіе намъ свидѣтельства о славянахъ, „упоминая о знати, военныхъ людяхъ, купцахъ, промышленникахъ и земледѣльцахъ, не говорятъ — составляли ли они особыя сословія и пользовались ли какими либо правами и преимуществами: всякій пріѣзжій иностранецъ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, пользовался всѣми гражданскими правами туземцевъ“. Все это не даетъ намъ, однако, повода утверждать, что бы у предковъ нашихъ и до основанія русскаго государства не было того или другого раздѣленія населенія по роду занятій, хотя бы и безъ всякой юридической опредѣленности, хотя бы даже и безъ характера постоянства, не говоря уже о какой бы то ни было кастовой замкнутости.

Источники даютъ намъ возможность составить себѣ представленіе о тѣхъ видахъ занятій, въ смыслѣ родовъ промышленности, которыя были извѣстны древнимъ славянамъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣли географическія, климатическія и другія условія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ разселены были отдѣльныя племена, но всѣ иностранные источники свидѣтельствуютъ, что земледѣльческая промышленность была особенно распространена у древнихъ славянъ, придавая имъ характеръ народности по преимуществу земледѣльческой.

Что земледѣльческая промышленность была изъ глубины сѣдыхъ вѣковъ знакома славянской народности, на это указываютъ намъ названія у нихъ хлѣбныхъ злаковъ и различныхъ понятій, связанныхъ съ земледѣліемъ, несомнѣнно таящія свои корни еще въ праславянскомъ языкѣ [1]). Императоръ Маврикій пишетъ, что славяне изобиловали просомъ и пшеницею; арабъ Димешки утверждаетъ, что южнымъ руссамъ извѣстно было и винодѣліе. Вспомнимъ, что великая княгиня Ольга, убѣждая жителей Искоростѣна сдаться ей, говоритъ, что остальные древлянскіе города уже сдались и „дѣлаютъ нивы свои“; по свидѣтельству начальной лѣтописи,

---

[1]) См. соотвѣтствующія рубрики у А. С. Будиловича: «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ». I. К. 1878 г.

земледѣліе извѣстно было даже Вятичамъ и Радимичамъ, которыхъ эта лѣтопись ставитъ, вообще, на самую низкую ступень культуры.

Обиліе рѣкъ, лѣсовъ и степныхъ пространствъ весьма рано развило у нашихъ предковъ рыболовство, бобровый промыселъ, пчеловодство, разнаго рода лѣсные промыслы, звѣриный промыселъ и скотоводство. Помимо данныхъ сравнительной филологіи, объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ и иностранные и отечественные источники. О морскихъ ладьяхъ туземной постройки пишетъ императоръ Константинъ Багрянородный, разсказывая о морскихъ экспедиціяхъ приднѣпровскихъ славянъ; по словамъ этого автора, славяне зимою заготовляли строительный матеріалъ и сооружали изъ него ладьи, на которыхъ, съ вскрытіемъ рѣкъ, и спускались внизъ по Днѣпру; рѣчныя и морскія суда различныхъ наименованій упоминаются и въ Русской Правдѣ. Ловля бобровъ („бобровые гоны"), пчеловодство („бортничество") и рыболовство („кочетничество") были излюбленными промыслами нашихъ предковъ. Великій князь Святославъ, восхваляя торговое положеніе города Переяславля на Дунаѣ, говоритъ, что туда идутъ изъ Руси „скора (звѣриныя шкуры) и воскъ, медъ и челядь"; арабскіе авторы свидѣтельствуютъ, что русскій медъ, воскъ и мѣха шли и на востокъ, находя себѣ здѣсь обильный сбытъ. Поляне, по словамъ начальной лѣтописи—„бяху ловящи звѣрь"; охота и охотничьи принадлежности занимаютъ не послѣднее мѣсто въ Русской Правдѣ, представляя собою одну изъ любимѣйшихъ „потѣхъ" нашихъ предковъ (ср. „Поученіе дѣтямъ" в. к. Владиміра Мономаха). На занятіе звѣроловствомъ указываетъ и обращеніе у нашихъ отдаленныхъ предковъ, въ качествѣ денежныхъ знаковъ, звѣриныхъ шкурокъ, мѣховъ и ихъ частей, воспоминаніе о чемъ сохранилось въ названіи денежныхъ единицъ древнѣйшей поры исторической жизни нашего народа („куна", „бѣлка", „векша", бѣлая вѣверица", „мордка", „ногата"). Слово „скотъ" (аналогичное римскому pecus, pecunia) еще въ эпоху Русской Правды выражало собою понятіе денегъ, имущества. Арабскій писатель Массуди свидѣтельствуетъ, что древнимъ славянамъ не чуждо было и горное дѣло; руссы, по его словамъ, обладали значительными серебряными пріисками, которые этотъ авторъ ставитъ въ паралель съ харасанскими рудниками.

Не чужда была нашимъ предкамъ и обработывающая промышленность; вспомнимъ, что поляне платили казарамъ дань мечами, причемъ казары сознавали превосходство полянскихъ обоюдоострыхъ мечей передъ ихъ саблями, видя въ этомъ знаменіе будущаго подчиненія ихъ славянамъ.

Обширныя торговыя сношенія древняго восточнославянскаго міра достаточно извѣстны, находя себѣ подтвержденіе и въ отечественныхъ свидѣтельствахъ, и въ сказаніяхъ иностранцевъ, и въ данныхъ нумизматики, и широко обезпечиваясь обиліемъ водныхъ путей сообщеній (путь „изъ варягъ въ греки"—рѣкою Невою, Лодожскимъ озеромъ, р. Волховымъ, оз. Ильменемъ, р. Ловатью къ верховьямъ Днѣпра и внизъ по послѣднему до Чернаго моря; путь рѣкою Западною Двиною къ Балтійскому морю, и р.р. Волгою и Камою—къ Каспію, Пріуралью и въ страны востока)[1]. О постоянныхъ и оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ нашихъ предковъ съ Византійскою Имперіею свидѣтельствуютъ какъ наши древніе (X-го вѣка) договоры съ греками, такъ и источники византійскіе (Константинъ Багрянородный). По свидѣтельству арабскихъ авторовъ, наши предки вывозили на востокъ лисьи, бобровые, собольи, куньи и др. мѣха, а также мамонтову кость, циновки и рогожи, сырыя кожи, орѣхи, невольниковъ, доходя съ своими товарами до Каспія и далѣе до восточнаго калифата (г. Багдадъ). Руссы были постоянными гостями въ казарской столицѣ Итилѣ (близъ устья р. Волги) и въ Булгарѣ—столицѣ волжскихъ булгаръ, имѣя въ обоихъ городахъ свои колоніи; арабскій путешественникъ Ибнъ-Фадланъ даетъ подробное описаніе руссовъ, которыхъ онъ видѣлъ въ г. Итилѣ, въ ихъ внѣшности, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и въ проявленіи чертъ ихъ быта и народнаго характера, вообще. „Русскіе изъ племени славянъ, —пишетъ арабъ Ибнъ-Хордадъ-Бегъ, — вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Румскаго моря; тутъ царь румскій (византійскій) беретъ съ нихъ десятину. Когда имъ вздумается, они отправляются на славянскую рѣку и пріѣзжаютъ въ заливъ города хазаръ (Итиль); тутъ даютъ они десятину владѣтелю этой страны. Затѣмъ они ѣдутъ въ

---

[1]) См. выше стр. 320—321.

море Джурджанское (Каспійское) и тамъ пристаютъ къ любому берегу. Иногда случается, что они везутъ свои товары изъ Джурджана въ Багдадъ“ [1]). Торговыя сношенія русскаго сѣвера (Новгородъ) съ Балтикою—оставили по себѣ слишкомъ яркій слѣдъ въ исторіи для того, что бы доводилось распространяться объ этомъ предметѣ. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о мореплаваніи и, вообще, судоходствѣ у нашихъ предковъ, стоящемъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ какъ къ торговымъ сношеніямъ нашихъ предковъ, такъ и къ древнѣйшимъ воинскимъ предпріятіямъ ихъ. О значеніи нумизматики въ исторіи древне-русской торговли общія указанія въ своемъ мѣстѣ уже были приведены нами (см. выше стр. 139-ю).

Покончивъ съ обзоромъ видовъ промышленности, извѣстныхъ нашимъ отдаленнымъ предкамъ, повторимъ еще разъ, что обусловленное ими распаденіе населенія по роду занятій—не носило никакого юридическаго характера, не создавало никакихъ исключительныхъ правъ и обязанностей, не создавало никакого исключителкнаго положенія для лицъ, предавшихся тому или другому дѣлу. Сегодняшній пахарь могъ завтра явиться—звѣроловомъ, а добывъ матеріальный достатокъ—пойти въ куплю, сдѣлаться купцомъ, гостемъ, равно какъ и наоборотъ, не пріобрѣтая и не теряя тѣмъ самымъ никакого особеннаго, съ точки зрѣнія права, положенія, не подвергаясь никакимъ перемѣнамъ въ своей личности и правоспособности.

Если у предковъ нашихъ и не существовало общественнаго расчлененія въ смыслѣ позднѣйшихъ сословій, тѣмъ не менѣе должны же были, конечно, и у нихъ встрѣчаться лица, которымъ въ силу удачи, вслѣдствіе фактическихъ жизненныхъ условій, удавалось пріобрѣсти выдающееся положеніе среди окружающихъ ихъ,—напримѣръ, или въ силу матеріальнаго благосостоянія, достатка, богатства, т. е. условій столь же старыхъ, насколько старо и само человѣчество, или въ силу духовныхъ качествъ даннаго лица—его опытности, житейской мудрости, особыхъ заслугъ передъ землею и т. п. Подобнаго рода лица представлялись въ глазахъ окружающаго ихъ общества какъ бы фактически лучшими, большими въ сравненіи съ остальною массою населенія, имѣли въ средѣ

[1]) Макушевъ: «Сказанія иностранцевъ и пр.», стр. 121—122.

послѣдняго много сторонниковъ, а вслѣдствіе того и особый авторитетъ и вліяніе на вѣчѣ и въ другихъ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ голосъ ихъ, ихъ мнѣніе, нерѣдко получали рѣшающее значеніе. Такимъ образомъ, лица эти становились фактически лучшими, б о л ь ш и м и сравнительно съ остальною массою населенія, окрещиваемою уже общимъ наименованіемъ „людей“ (людинъ, люди), а отсюда и ихъ названіе—людей: л у ч ш и х ъ, н а р о ч и т ы х ъ, с т а р ѣ й ш и х ъ или б о л я р ъ (бояринъ, боляре); послѣднее наименованіе, несомнѣнно ведущее свое происхожденіе отъ сравнительной степени „болій“, т. е. большій, впослѣдствіе сократилось въ слово—бояринъ, бояре [1]). Въ лѣтописномъ разсказѣ о войнѣ Ольги съ Древлянами повѣствуется о томъ, что на требованіе кіевской великой княгини прислать къ ней „нарочитыхъ“ древлянскихъ мужей, въ Кіевъ были отправлены для переговоровъ „лучшіе мужи, иже держаху деревску землю“, т. е. которыми держалась древлянская земля, а по взятіи Искоростѣна Ольга беретъ въ плѣнъ „старѣйшинъ“ города; эта побѣда была, какъ извѣстно, послѣднимъ актомъ политической самобытности древлянской земли. „Боляре“ упоминаются и въ договорахъ русскихъ князей съ греками; такъ, договоръ 945-го года заключается отъ имени Игоря, великаго князя русскаго, „и боляръ его и всѣхъ людій русскія земли“. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что у восточно-русскихъ славянъ еще до основанія русскаго государства выработались понятія „дружины“ и класса „смердовъ“,—но эти элементы древне-русскаго общества возстановляются по памятникамъ, относящимся къ начальнымъ вѣкамъ уже исторической русской жизни, а потому мы о нихъ, пока, говорить и не можемъ.

Остается еще замѣтить, что древнѣйшимъ предкамъ нашимъ вполнѣ знакомъ былъ и н с т и т у т ъ р а б с т в а, съ его древнимъ наименованіемъ—челядинства (челядинъ, собирательная форма—челядь), причемъ основнымъ и по времени первымъ источникомъ рабства у славянъ, какъ и у всѣхъ другихъ на-

---

[1]) По свидѣтельству Макушева, о знатныхъ людяхъ среди славянъ говорятъ и иностранные источники. Византійцы называли ихъ—*μενιοτάνοι, μέγα δκναμένοι, ἀϱίοτοι, βοὶλαδες*; западные лѣтописцы—primates, oprimatei, nobiles.

родовъ, являлась—война. Въ рабство обращались во время войнъ даже военноплѣнные изъ своей же братіи—славянъ; такъ, по свидѣтельству лѣтописи, Ольга, взявъ г. Искоростѣнъ, часть его населенія велѣла перебить, другую часть „работѣ предастъ мужемъ своимъ“, т. е. отдала своимъ сподвижникамъ въ рабство, а остальныхъ жителей обложила данью. Рабы служили виднымъ предметомъ торговли, о чемъ свидѣтельствуютъ наши договоры съ греками, заключающіе въ себѣ рядъ опредѣленій о невольникахъ, сказанія иностранныхъ источниковъ и, наконецъ, слова в. к. Святослава о томъ, что, въ числѣ другихъ предметовъ вывозной торговли, въ Переяславецъ-Дунайскій идетъ изъ Руси и челядь. Существуютъ, впрочемъ, свидѣтельства въ пользу того, что рабы, по крайней мѣрѣ военноплѣнные рабы, пользовались у славянъ сравнительно хорошимъ положеніемъ. Императоръ Маврикій пишетъ, что славяне не обрекали своихъ военноплѣнныхъ рабовъ на пожизненную неволю, но, по истеченіи извѣстнаго срока, дозволяли имъ выкупаться на волю, послѣ чего тѣ могли или возвратиться домой, на родину, или оставаться у нихъ, но уже на правахъ свободныхъ членовъ общества и даже друзей [1]).

Познакомившись съ основами политическаго и общественнаго строя восточно-русскихъ славянъ, сдѣлаемъ еще попытку сказать нѣсколько словъ относительно нѣкоторыхъ сторонъ духовной жизни ихъ. Впередъ оговариваемся въ томъ, что этотъ вопросъ, представляющій въ своемъ разрѣшеніи не мало трудностей даже примѣнительно къ народамъ, уже въ достаточной степени проявившимъ свою индивидуальность въ исторіи развитія человѣчества, заставитъ насъ ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями общаго характера въ его примѣненіи къ жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ эпохи формаціи русскаго государства.

Коснемся, прежде всего, религіи восточно-русскихъ

[1]) Въ данномъ случаѣ любопытнымъ представляется самое названіе: «челядинъ», челядь», выражающее у западныхъ славянъ понятіе младшихъ членовъ семьи, вообще. Аналогичное сопоставленіе невольно напрашивается и отъ слова «рабъ» къ слову — «робенокъ», съ общимъ, повидимому, корнемъ, выражающимъ понятіе работы (робить, роботить, работать), т. е. отправленія обязанностей младшаго члена семьи.

славянъ. Въ задачи нашего настоящаго изложенія не можетъ войти разсмотрѣніе вѣрованій, миѳологіи и религіознаго культа нашихъ языческихъ предковъ. Считаемъ возможнымъ ограничиться указаніемъ на то, что у нихъ не было, повидимому, никакого религіознаго общества, въ смыслѣ церковномъ, не было ни храмовъ, ни жреческаго сословія. Лѣса, рощи и берега рѣкъ и озеръ—служили имъ мѣстами отправленія религіознаго культа, а обязанности жрецовъ возлагались на народныхъ старѣйшинъ. Такъ обстояло первоначально дѣло и у остальныхъ славянскихъ народовъ; и здѣсь долго не видимъ мы особаго жреческаго сословія: моленія и жертвы богамъ приносилъ всякій, кому это было нужно и кто этого хотѣлъ, и только у Титмара Мерзебургскаго (автора начала XI го вѣка) является первое упоминаніе о жрецахъ у славянъ [1]). Вторая половина X-го вѣка явилась, вообще, яркою вспышкою славянскаго язычества, готовящагося уже уступить мѣсто христіанству. Такъ было и у насъ, на Руси. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что начало княженія Владиміра Святославича было ознаменовано необычайнымъ подъемомъ языческаго благочестія: и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ во множествѣ воздвигаются кумиры, которымъ въ обиліи приносятся жертвы, до человѣческихъ включительно—„и осквернися кровью и требами земля русская“, сѣтуетъ лѣтописецъ. Но это была уже пора послѣдней реакціи стараго язычества противъ надвигающагося изъ Византіи свѣта новой религіи; недалекъ уже былъ тотъ часъ, когда ученіе Христа объявлено на Руси государственною религіею, какъ за нѣсколько вѣковъ до того было оно объявлено таковою и въ самой Византіи.

Мы не безъ цѣли отмѣтили сейчасъ, что при Владимірѣ Святомъ христіанство было лишь признано государственною религіею. Дѣло въ томъ, что свѣтъ Христова ученія вовсе не былъ новостью для Руси второй половины X-го вѣка и что корни русскаго христіанства несомнѣнно восходятъ за предѣлы основанія русскаго государства; это и не представляется нисколько удивительнымъ въ виду тѣхъ сношеній славянскаго Приднѣпровья съ Византіею, которыя существовали еще задолго до зарожденія русской государственности и слѣды которыхъ ясно обнаруживаются въ свидѣтельствахъ византій-

[1]) Макушевъ: «Сказаніе иностранцевъ и пр.», стр. 104—105.

скихъ источниковъ и въ договорахъ первыхъ русскихъ князей съ греками.

Опуская преданіе о проповѣди въ Приднѣпровьи и въ Ильменскомъ краѣ св. апостола Андрея Первозваннаго, остановимся на эпохахъ историческихъ. Въ 60-хъ годахъ IX-го вѣка Русь предприняла грозный набѣгъ на Византію, подробности котораго разсказаны въ „Бесѣдахъ“ патріарха Фотія, бывшаго очевидцемъ событія,—набѣгъ, который наша начальная лѣтопись приписываетъ кіевскимъ князьямъ Аскольду и Диру, относя его къ 866-му году. Набѣгъ этотъ окончился для руссовъ неудачею и результатомъ его было принятіе значительнымъ количествомъ руссовъ (по нашей начальной лѣтописи и княземъ Аскольдомъ) христіанства. Въ 866-мъ году, въ окружномъ посланіи своемъ къ восточнымъ епископамъ, патріархъ Фотій свидѣтельствуетъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Не только болгарскій народъ перемѣнилъ прежнее начестіе на вѣру во Христа, но и тотъ народъ, который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ и называется Росъ, который, поработивъ живущихъ окрестъ него и возгордясь своими побѣдами, воздвигъ руки и на Римскую (Византійскую) имперію — и сей, однако, нынѣ перемѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую христіанскую вѣру [1])“. Слова патріарха Фотія даютъ намъ основаніе полагать, что если это обращеніе руссовъ въ христіанство и не было въ 60-хъ годахъ IX-го вѣка, быть можетъ, всеобщимъ, то оно было, во всякомъ случаѣ, массовымъ, давшимъ христіанству, конечно и до того извѣстному въ Приднѣпровьи, возможность пустить здѣсь уже глубокіе корни. Императоръ Левъ Философъ (886—911 гг.), современникъ Олега, въ числѣ церквей (епархій), подчиненныхъ константинопольскому патріархату, называетъ и „церковь Русскую“ *(Ρωσία)*—счетомъ 61-ю въ общемъ спискѣ византійскихъ епархій; не лишенъ значенія и тотъ фактъ, что славянскій первоапостолъ Константинъ (Кириллъ) Философъ во второй половинѣ IX-го вѣка нашелъ въ Карсуни евангеліе, написанное „русскими письменами“ [2]). Припомнимъ, далѣе, что въ дружинѣ Игоря, во время похода его на Царьградъ, нахо-

---

[1]) Забѣлинъ И. Е.: «Исторія русской жизни», I, стр. 436.

[2]) Иловайскій Д. И.: «Разысканія о началѣ Руси», стр. 130—131.

дились и руссы-христіане, о чемъ съ полною опредѣленностью свидѣтельствуетъ договоръ съ греками 945-го года; что въ княженіе Игоря въ Кіевѣ имѣлся храмъ во имя св. пророка Иліи, которымъ руссы-христіане и клялись въ удостовѣреніе незыблемости этого договора („мы же, елико насъ крестилися есмы, кляхамься церковью святаго Ильѣ и пр.“). Наконецъ, историческій фактъ принятія св. крещенія великою княгинею Ольгою (957 г.) даетъ намъ полное основаніе утверждать, что уже къ половинѣ Х-го вѣка христіанство далеко не было новымъ явленіемъ для обитателей русскаго Приднѣпровья. Такимъ образомъ, къ концу Х-го вѣка въ Приднѣпровьи уже изстари подготовлена была почва для крещенія великаго князя Владиміра и для объявленія христіанства государственною религіею, и этимъ только объясняется, конечно, та легкость, съ которою введена была здѣсь новая религія. Не такъ было на русскомъ сѣверѣ и въ областяхъ, соотвѣтствующихъ водораздѣлу рѣкъ Днѣпра, Западной Двины и Волги, гдѣ введеніе христіанства встрѣчало открытое противодѣйствіе со стороны мѣстнаго населенія, гдѣ новую вѣру приходилось водворять съ крестомъ въ одной и съ мечемъ въ другой рукѣ, гдѣ первымъ русскимъ миссіонерамъ приходилось или бѣжать отъ фанатизма языческаго населенія, или кровью запечатлѣвать просвѣтительную дѣятельность свою....

Раннее возникновеніе въ Приднѣпровьи христіанской религіи, уже весьма значительное господство которой здѣсь пріурочивается, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ къ началу второй половинѣ IX-го вѣка, невольно ставитъ вопросъ и о столь же раннемъ существованіи у нашихъ предковъ письменности. Ходячее мнѣніе относитъ начало русской письменности къ исходу Х-го вѣка, когда, вмѣстѣ съ христіанскою религіею, будто бы впервые былъ перенесенъ къ намъ и болгаро-славянскій алфавитъ, составленный славянскими первоучителями. Существуютъ, однако, весьма вѣскія данныя въ пользу предположенія, что искусство письма было знакомо нашимъ предкамъ еще ранѣе того. Черноризецъ Храбръ (втор. полов. IX-го и перв. треть Х-го в.) оставилъ намъ свидѣтельство о томъ, что „прежде убо славяне не имѣху книгъ, но чертами и рѣзами читаху и гадаху, погани суще“, т. е. прежде (до изобрѣтенія болгарскаго алфавита) славяне не имѣли письменъ, но читали и писали посредствомъ чертъ и

надрѣзовъ, будучи въ то время еще язычниками. Арабскій писатель Ибнъ-Фадланъ въ 921 году видѣлъ въ казарской столицѣ Итилѣ обрядъ погребенія русса и при этомъ говоритъ, что руссы ставили надъ могильными курганами своихъ покойниковъ столбы, на которыхъ надписывали имена умершаго и того князя, при которомъ онъ умеръ. Другой арабскій авторъ Недимъ (X-го вѣка) свидѣтельствуетъ, что его знакомый, возвратившійся изъ посольства къ царю руссовъ, говорилъ о существованіи у руссовъ письменъ, причемъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, показалъ ему кусокъ бѣлаго дерева съ надрѣзанными на немъ фигурами, изображающими „не знаю, цѣлыя ли слова, или отдѣльныя буквы, но вотъ какого вида“,—добавляетъ Недимъ, прилагая и изображеніе видѣнныхъ имъ письменъ; можно было бы думать, что рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ о письменахъ, родственныхъ такъ называемымъ „рунамъ“ сѣверныхъ народовъ, но изслѣдовавшій изображенныя арабскимъ авторомъ письмена академикъ Френъ не нашелъ въ нихъ совершеннаго сходства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ руническихъ алфавитовъ.

Но, не говоря уже объ этихъ древнѣйшихъ письменахъ, въ эпоху образованія русскаго государства могла быть извѣстна нашимъ предкамъ и письменность, изобрѣтенная Константиномъ Философомъ (св. Кирилломъ), такъ какъ христіанство въ Приднѣпровьи въ ту пору уже успѣло пустить корни. Несомнѣнное указаніе на существованіе на Руси письменности въ расматриваемую эпоху почерпаемъ мы и изъ договоровъ первыхъ нашихъ князей съ греками. Эти договоры свидѣтельствуютъ, что они были подписаны русскими послами и гостями; русскіе купцы, пріѣзжающіе въ Царьградъ, имѣютъ при себѣ удостовѣрительныя грамоты отъ своихъ князей; русскіе великіе князья пересылаются съ византійскими императорами грамотами, ведутъ съ ними дипломатическую переписку; договоръ 912-го года предусматриваетъ случай смерти въ Константинополѣ русса, оставившаго „рукописаніе“, т. е. духовное завѣщаніе, и не оставившаго таковаго. Принимая все это во вниманіе, мы уже не должны скептически относиться къ факту знакомства предковъ нашихъ съ искусствомъ письма еще задолго, сравнительно, до той эпохи, къ которой пріурочивается крещеніе Руси и послѣдовавшее за тѣмъ появленіе у насъ славяно-болгарской книжности.

Въ ряду проявленій духовной жизни каждаго народа видное мѣсто занимаетъ его словесность, творчество въ области которой, первоначально устное, а зачѣмъ и письменное, идетъ паралельно съ развитіемъ жизни народа, находящей себѣ въ нихъ отраженіе и воплощеніе. Трудно говорить, конечно, о творчествѣ въ этой области нашихъ отдаленныхъ предковъ эпохи формаціи русскаго государства, хотя несомнѣнно, что весьма значительная часть дошедшихъ до насъ отъ позднѣйшихъ эпохъ произведеній нашей устной народной словесности, въ особенности изъ цикла миѳическаго и, отчасти, героическаго періодовъ народнаго творчества (обрядовыя пѣсни, пѣсни весеннія, хороводныя, семицкія, купальскія и др., сказки, пословицы и т. п.), таятъ свое начало въ глубинѣ языческихъ вѣковъ, ясные слѣды которыхъ въ нихъ и отражаются. Воспоминанія о древнѣйшемъ народномъ творчествѣ обнаруживаются и въ извѣстномъ эпическомъ „Словѣ о полку Игоревѣ", гдѣ идетъ рѣчь о миѳическихъ „вѣкахъ Трояновыхъ", о „землѣ Трояновой", объ его „тропѣ", причемъ самъ герой „Слова", князь Игорь Святославичъ, называется „внукомъ Трояна". Для нашихъ дней это воспоминаніе о Троянѣ—лишь поле для домысловъ и гипотезъ историковъ нашей словесности, но для современниковъ героя половецкаго похода 1185-го года эти воспоминанія носили, конечно, отпечатокъ совершенной опредѣленности, являясь ссылкою на продукты народнаго творчества, въ которыхъ русскій народъ хранилъ преданія о давноминувшихъ временахъ своей жизни. Такимъ же откликомъ древнѣйшаго народнаго творчества являются здѣсь и воспоминанія о Боянѣ, „не по замышленію" котораго, но „по былинамъ сего времени" начинаетъ свой разсказъ творецъ „Слова",—о вѣщемъ Бонкѣ, который „аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облака".....

Мы уже знаемъ, наконецъ (см. выше стр. 149), что одна изъ составныхъ частей нашей начальной лѣтописи, такъ называемая „Повѣсть временныхъ лѣтъ", въ числѣ своихъ источниковъ заключаетъ и древнія повѣствованія, преданія и легенды племени Полянъ, игравшаго, какъ извѣстно, ближайшую роль въ процессѣ формаціи древняго русскаго государства.

Слѣдующую главу мы посвятимъ вопросу о непосредственно уже интересующемъ насъ продуктѣ духовной жизни восточно-русскаго славянства, объ его—праве́.

ГЛАВА III.

Древнѣйшее обычное право славянъ, вообще, и русскихъ славянъ, въ особенности, и средства его познанія.

Свидѣтельства нашей начальной лѣтописи.—Вопросъ о пра-славянскомъ правѣ.—Консерватизмъ древне-славянскаго права.—Средства познанія древне-славянскаго права.—Символы и формулы. — Юридическая терминологія.—Новое обычное право славянскихъ народовъ.—Памятники законодательства.—Характеръ и условія быта.—Произведенія народной словесности.—Пословицы и поговорки.—Общее заключеніе.

Первыя свѣдѣнія о нормахъ права, дѣйствовавшихъ у нашихъ отдаленныхъ предковъ до образованія русской народности и русской государственности и перешедшихъ въ наслѣдіе первымъ вѣкамъ русской исторической жизни — находимъ мы уже въ нашей начальной лѣтописи. Разсказывая объ условіяхъ внутренняго быта восточно-славянскихъ племенъ передъ эпохою созданія русскаго государства, лѣтописецъ говоритъ намъ, что эти племена „имяху обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья,—кождо свой нравъ“.

Этими нормами права являются, такимъ образомъ, нормы того же обычнаго права, тѣже „законы дѣдовъ и отцовъ“, которые лежали въ основѣ правовой жизни и другихъ славянскихъ народовъ и главныя основанія которыхъ, таясь въ глубинѣ вѣковъ сѣдой старины, уходятъ своими корнями къ той отдаленной доисторической эпохѣ, когда славяне обитали еще на своей первоначальной родинѣ, когда не успѣлъ еще „разойтись славянскій языкъ“, — какъ выражается нашъ древній лѣтописецъ.

Само собою разумѣется, что всѣ славянскія племена, въ древности населявшія нынѣшнее отечество наше, не могли въ полной неприкосновенности сохранить древнее обычное право

свое. Это, когда то единое и нераздѣльное, обычное право, имѣвшее свой источникъ въ общихъ основахъ славянскаго правовоззрѣнія и славянскаго правоваго сознанія, вынесенныхъ народами славянскаго корня еще изъ первоначальной родины своей, должно было модифицироваться на новыхъ мѣстахъ поселенія вслѣдствіе неодинаковыхъ условій физической и духовной жизни, въ которыя отдѣльныя племена поставлены были здѣсь: общая природа мѣстности, ея климатъ и естественныя произведенія, преобладаніе полей, степей или лѣсовъ, большее или меньшее удобство естественныхъ, преимущественно водныхъ, путей сообщенія, воздѣйствіе сосѣднихъ народовъ и племенъ—всѣ эти условія, взятыя въ ихъ взаимодѣйствіи, не могли не модифицировать развитія права у отдѣльныхъ племенъ, внося въ это развитіе начало партикуляризма. Права каждаго народа самымъ тѣснымъ образомъ связано съ его жизнью и на немъ чутко отзываются всякаго рода измѣненія въ этой послѣдней.

Все это должно было въ свое время оправдаться и на обычномъ правѣ восточно-славянскихъ племенъ, разселившихся въ предѣлахъ нашего нынѣшняго отечества. О партикуляризмѣ права ихъ говоритъ, какъ мы видѣли, уже наша начальная лѣтопись, заявляя, что эти племена имѣли „кождо свой нравъ“ и набрасывая характеристику господствовавшихъ среди нихъ обычаевъ. Эта характеристика — далеко не безпристрастна: какъ кіевлянинъ, какъ потомокъ племени Полянъ, составитель свода начальной лѣтописи весьма недвусмысленнымъ образомъ силится выказать превосходство культурной жизни этого племени передъ низкимъ уровнемъ быта другихъ восточно - славянскихъ племенъ; какъ монахъ-аскетъ, вышедшій изъ племени, уже рано усвоившаго себѣ свѣтъ Христовой вѣры, лѣтописецъ видитъ въ остальныхъ племенахъ—язычниковъ, „поганыхъ“, и это предубѣждаетъ его противъ всего склада жизни ихъ. Поляне, разсказываетъ онъ—„отецъ своихъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверямъ велико стыдѣнье имѣху; брачные обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, и заутра приношаху по ней, что вдадуче“. Совершенно противоположными чертами обрисовываетъ лѣтописецъ условія жизни ближайшихъ полянскихъ сосѣдей — Древлянъ.

Древляне,—негодуетъ онъ—„живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвицы“ [1]). Про Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ лѣтописецъ повѣствуетъ, что и они „одинъ обычай имяху“: жили въ лѣсахъ „яко же всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селъ, — схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся (т. е. уговорился), имяху же по двѣ и по три жены (полигамія, общая всѣмъ славянамъ въ языческую пору жизни ихъ)“. Возмущаютъ аскета-лѣтописца и языческіе погребальные обычаи этихъ племенъ: „Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику и возложахуть на кладу мертвеца и сожжаху, а по семъ, собравше кости, вложаху въ судину (сосудъ) малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творятъ Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи и прочіи поганіи (язычники), не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ“.

Признавая несомнѣнную пристрастность и аскетическую тенденціозность только что цитированнаго повѣствованія лѣтописца, мы находимъ, тѣмъ не менѣе, заслуживающею полнаго вниманія лежащую въ основѣ его мысль о партикуляризмѣ обычнаго права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ,—мысль, находящую себѣ подтвержденіе въ исторіи права славянства, вообще. Можетъ показаться съ перваго взгляда, что этотъ партикуляризмъ долженъ былъ повлечь за собою, по крайней мѣрѣ на протяженіи всей долгой исторіи славянства, совершенное затемненіе общности происхожденія обычнаго права не только отдѣльныхъ народностей, но даже и отдѣльныхъ племенъ славянскихъ. Но этотъ партикуляризмъ,—какъ справедливо замѣчаетъ проф. *Ѳ. И. Леонтовичъ* [2]),—не могъ

---

[1]) Здѣсь лѣтописецъ имѣетъ, конечно, въ виду языческія проявленія права древлянъ — кровавую месть и языческую форму брака (умыканіе). Описываемый имъ звѣрообразный бытъ древлянъ плохо вяжется съ сообщеніемъ той же начальной лѣтописи, что у древлянъ были города, князья, которые «распасли» землю ихъ, что древляне «дѣлали нивы своя» (Разсказъ о мести Ольги).

[2]) Ѳ. И. Леонтовичъ: «Исторія русскаго права», I (Од. 1869), стр. 76 и слѣд. Болѣе подробиое и глубокое изслѣдованіе началъ древне-славянскаго

довести до такой крайности, какъ наглядно и подтверждаетъ это не только вся исторія славянскаго права, но даже и современное намъ состояніе его. Этотъ частичный партикуляризмъ, распространяясь на детали правоотношеній, не въ силахъ былъ заглушить самыхъ основъ общеславянскаго правового сознанія, оставлялъ неприкосновеннымъ тотъ общій источникъ, изъ котораго черпало свои формы и свое содержаніе обычное право отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и племенъ. Различаясь по внѣшней формѣ своей, видоизмѣняясь въ отдѣльныхъ частяхъ, въ подробностяхъ—славянское обычное право, въ самомъ духѣ своемъ, въ основныхъ началахъ своихъ, всегда сохраняло и продолжаетъ сохранять черты близкаго, тѣснаго, родства. Это положеніе вполнѣ подтверждается изученіемъ права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ—и на этомъ основаніи зиждется тотъ, пока еще въ значительной степени только идеальный, методъ разработки исторіи древняго русскаго права, который мы назвали „сравнительно-славянскимъ" и о которомъ, въ своемъ мѣстѣ, уже шла у насъ рѣчь [1]).

Возникаетъ, такимъ образомъ, вполнѣ законный вопросъ о существованіи нѣкогда пра-славянскаго права въ такомъ же точно смыслѣ, въ какомъ сравнительная филологія признаетъ и пра-славянскій языкъ, и отъ котораго, какъ отъ общаго, начальнаго, корня повели свое начало права отдѣльныхъ славянскихъ народностей, а въ числѣ послѣднихъ—и народности русско-славянской.

Но обладаетъ ли современная историко-юридическая наука средствами къ возстановленію хотя бы только основъ этого архаическаго, этого пра-славянскаго, права [2])? Мы не располагаемъ непосредственными историческими свѣдѣніями объ обычномъ правѣ, дѣйствовавшемъ у славянъ въ ту отдаленную, до-историческую эпоху, пока они не распались

обычнаго права и выраженія этихъ началъ во внѣшней формѣ дано проф. Леонтовичемъ въ трудѣ: «Старый земскій обычай» (Труды VI-го Археол. съѣзда въ Одессѣ, т. IV, и отдѣльно: Од. 1889 г.).

[1]) См. выше стр. 98-ю и слѣд.

[2]) Дальнѣйшее изложеніе вопроса ср. съ нашимъ трудомъ: «Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права славянъ, вообще, и русскихъ, въ особенности» (Каз. 1877).

еще на нѣсколько отдѣльныхъ народностей,—какъ и, вообще, не имѣемъ никакихъ историческихъ свѣдѣній объ этой эпохѣ славянской жизни; исторія застаетъ славянъ уже разселившимися изъ первоначальной родины своей и образовавшими цѣлую группу болѣе или менѣе обособившихся народцевъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ обычномъ правѣ, дѣйствовавшемъ среди отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, дошли до насъ, тѣмъ не менѣе, отъ вѣковъ весьма отдаленныхъ, — отъ первыхъ вѣковъ историческаго періода жизни ихъ. Но въ эту эпоху обычное право ихъ не можетъ уже быть названо общеславянскимъ въ строгомъ и буквальномъ смыслѣ этого выраженія: въ эту эпоху уже отразило оно въ себѣ тѣ особенности и партикулярныя черты жизни, которыя вкрались въ самую разъединившуюся жизнь славянскую. Этотъ партикуляризмъ, какъ самой жизни отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, такъ и вытекавшій изъ него мѣстный, особенный колоритъ самаго права ихъ, подтверждается многими какъ славянскими, такъ и иноземными, свидѣтельствами. Партикуляризмъ права не только отдѣльныхъ племенъ славянскихъ, но даже областной партикуляризмъ обычнаго права, дѣйствовавшаго въ средѣ каждаго изъ нихъ, весьма нагляднымъ образомъ проявляется и въ цѣлой массѣ пословицъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ: „Jaké prase, taký kvik, jaký narod, taký zvyk“; „Co kraj, to obyczaj“; Každý kraj swé právo má“; „каждый край мае свій обычай“; Kolik měst, tolik obycejuv jest“; „Kolik vsi, tolik zviklosti“; „Что городъ то норовъ, что деревня то обычай“; „Что земля, то проказы“ [1]). О партикуляризмѣ племенъ восточныхъ славянъ, образовавшихъ въ IX—X вв. русскую народность, свидѣтельствуетъ, какъ мы видѣли, и наша начальная лѣтопись. Мы только что сдѣлали замѣчаніе о томъ, что, при поверхностномъ взглядѣ на характеръ развитія древнѣйшаго обычнаго права славянъ, легко можно прійти къ тому заключенію, что партикуляризмъ славянскаго права—долженъ былъ порвать всякую связь между правами отдѣльныхъ племенъ, заставивъ ихъ идти по совершенно обособленнымъ путямъ развитія, но что къ подобному заключенію можетъ привести именно только поверхностный взглядъ на дѣло. Замѣтимъ,

---

[1]) Čelakovský: Mudroslovi národu Slovanského ve přislovich. Praha, 1852, стр. 338. Bogišić: Pravni obicaji u Slovena. Zagreb. 1867, стр. 17.

что и наша начальная лѣтопись, указывая на то, что восточные славяне имѣли „кождо обычай свой“ и „свой нравъ“, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что они имѣли „законъ отецъ своихъ и преданья“; выраженіемъ „законъ отецъ своихъ“, болѣе сильнымъ, нежели выраженіе „обычай“, здѣсь какъ-бы указывается на нѣкоторыя нормы обычнаго права, облеченныя особенною силою, носящія на себѣ слѣды маститой древности, о времени происхожденія которыхъ никто не можетъ ничего сказать за исключеніемъ того только, что обычаи эти составляютъ священное преданіе, доставшееся отъ предковъ, что начало ихъ затеряно во мракѣ минувшихъ вѣковъ. Сама начальная лѣтопись ставитъ эти законы отецъ въ паралель съ преданіями.

Права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ уже потому не могли отрѣшиться отъ основныхъ началъ породившаго ихъ обще-славянскаго юридическаго духа, что юридическому самосознанію славянскихъ племенъ является въ высокой степени прирожденною особая черта, весьма удачно названная *проф. Леонтовичемъ* началомъ консерватизма права. Ярый, почти фанатическій, консерватизмъ славянскаго права удерживалъ славянъ отъ всякаго стремленія къ ломкѣ и преобразованіямъ въ сферѣ правоваго быта. Избѣгая всякихъ нововведеній, противясь всякому проявленію вліянія на нихъ сосѣднихъ народовъ, въ особенности со стороны ненавистныхъ имъ нѣмцевъ, мадьяръ и турокъ, славяне трепетали за неприкосновенность священныхъ законовъ и преданій своихъ, употребляли всѣ усилія къ сохраненію своего извѣчнаго, стариною освященнаго, обычнаго права. Консерватизмъ права рѣзко заявляетъ себя и во множествѣ пословицъ славянскихъ, напримѣръ: „Jac by poznal cizi mrav, no to neni práv“; „Novoty—Krivoty“; „Stare ustawy, świeże potrawy—są najlepsze“; „Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы“ и т. п.

Извѣстно, что древніе чехи долго, болѣе пяти вѣковъ, не рѣшались составлять кодекса изъ громадной массы законодательнаго матеріала, накопившагося у нихъ въ видѣ такъ называвшихся „досокъ“, въ которыхъ получали письменную санкцію нормы изстариннаго обычнаго права, не рѣшались изъ опасенія того, чтобы письмо, по выраженію Мацѣевскаго, „не изгладило изъ ихъ сердецъ того, что начертала въ нихъ перстомъ своимъ святая справедливость“. Устойчивость славян-

скаго права постоянно возбуждала справедливое удивленіе въ современникахъ, наблюдавшихъ эту черту славянской духовной жизни. Еще *Прокопій Кесарійскій* замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи „De bello Gothico", что у славянъ „ratio... servatur eadem, fuit quae olim constituta". „Что не отъ Бога, то скоро исчезаетъ, а право земли чешской безъ перемѣны, какъ сначала установлено, такъ и доселѣ сохраняется",—замѣчаетъ *Викторинъ Вшегородскій*, пораженный устойчивостью чешскаго права и готовый согласиться съ божественнымъ происхожденіемъ его. Консерватизмъ права составлялъ типичную черту славянской жизни и въ сравнительно позднѣйшія эпохи. По замѣчанію хорватскаго юриста - историка *Богишича*, консерватизмъ славянскаго права былъ главною причиною того явленія, что въ средніе вѣка оно съумѣло противостать господству римскаго права, въ ту пору крѣпко державшаго въ суровыхъ тискахъ своихъ національныя права западно-европейскихъ народовъ, силясь облечь ихъ въ чуждыя, несвойственныя имъ, формы и покровы. Весьма простодушно замѣчаніе, дѣлаемое по этому поводу *Яномъ Церазыномъ*, польскимъ юристомъ первой половины XVI-го вѣка: „Наши не любятъ римскаго права, потому что его надо учить и долго блуждать въ немъ, какъ въ лѣсу; у насъ каждый судитъ, какъ научился отъ дѣда и прадѣда". Консерватизмъ права даже и въ наши дни съ полною силою господствуетъ въ правовомъ быту славянскихъ народовъ. Каждому русскому, мало мальски знакомому съ бытомъ нашего простонародья, должна быть извѣстна та твердость, устойчивость и неизмѣнность, которыми пользуются въ средѣ его нормы обычнаго права. Подобною же устойчивостью отличаются обычныя права и другихъ народовъ славянскаго племени. Поражающій примѣръ жизненности и силы своей представило въ текущемъ столѣтіи хорвато-далмацкое обычное право. Такъ, когда въ текущемъ столѣтіи введенъ былъ въ Далмаціи и Хорватіи обще-австрійскій гражданскій кодексъ, послѣдній, не смотря на оффиціальную обязательность свою, не въ силахъ оказался выдержать борьбу съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ; ему пришлось всецѣло уступать мѣсто послѣднему въ сферѣ семейственнаго и наслѣдственнаго правъ крестьянскаго населенія. Дѣло дошло до того, что министерство сочло себя вынужденнымъ пріостановить административнымъ порядкомъ дѣйствіе тѣхъ частей австрійскаго кодекса, которыя

находились въ противорѣчіи съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ [1]). Консерватизмъ права проявлялся, равнымъ образомъ, и въ древнемъ юридическомъ быту восточныхъ, русскихъ, славянъ; онъ проявляется и въ наши дни въ правовомъ быту русскаго народа. Консерватизмъ древне-русскаго права выражался въ привязанности народа къ своей старинѣ, къ своимъ „пошлинамъ", къ тому, что „изстари пошло", къ „закону отецъ своихъ и преданіямъ". Лѣтописная легенда утверждаетъ, что сѣверные славяне, призвавъ къ себѣ варяжскихъ князей, обязуютъ ихъ судить „по праву"; мы знаемъ, что новгородцы и въ послѣдующіе вѣка требовали отъ князей своихъ клятвеннаго обѣщанія держать ихъ „по старинѣ", „по старой пошлинѣ". „Ряды" или „поряды" князей съ земщинами—имѣли въ удѣльно-вѣчевой періодъ примѣненіе и по другимъ русскимъ волостямъ; до насъ не дошли тексты этихъ рядныхъ записей, но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что однимъ изъ существеннѣйшихъ условій ихъ было сохраненіе старинныхъ правъ волостей, ихъ „старины" и „пошлинъ". Извѣстно, далѣе, что Псковская Судная Грамота, важнѣйшій послѣ Русской Правды памятникъ древнѣйшаго русскаго права, составленъ изъ „приписокъ псковскихъ пошлинъ", т. е. записанныхъ нормъ обычнаго права; письменную формулировку старыхъ обычаевъ,—„пошлинъ",—представляютъ и другіе памятники древняго законодательства нашего. Желаніемъ сохранять старыя обычныя права, стремленіемъ гарантировать силу ихъ отъ произвола правительственныхъ судей, объясняется и древній институтъ „судныхъ мужей" или „цѣловальниковъ", т. е. выборныхъ отъ земщины лицъ, присутствующихъ на судѣ княжескихъ управителей и провозглашающихъ здѣсь хранящіяся въ народныхъ массахъ нормы обычнаго права.

Тотъ фактъ, что отдѣльныя славянскія племена составляли нѣкогда одно, объединенное общностью духа и единствомъ жизни, цѣлое; затѣмъ тотъ фактъ, что исторія застаетъ славянскія племена обладающими старинными, извѣчными обычными правами; наконецъ, указанный фактъ строгаго консерватизма славянскаго права—всѣ эти обстоятельства, не говоря уже о явно обнаруживающемся сходствѣ нормъ

---

[1]) В. Богишичь: О научной разработкѣ исторіи славянскаго права. «Заря», 1870 г., кн. 6, отд. II, стр. 43, 52.

древнѣйшихъ славянскихъ законодательныхъ памятниковъ, даютъ намъ ясно понять, что партикуляризмъ славянскаго права, придавая особые оттѣнки, мѣстный колоритъ отдѣльнымъ отраслямъ послѣдняго, не въ силахъ былъ заглушить въ нихъ голосъ обще-славянскаго правоваго сознанія, отливавшагося у отдѣльныхъ племенъ славянскихъ въ различные по внѣшней формѣ, но въ родственные, по духу и кореннымъ началамъ, юридическіе обычаи. Мѣстные оттѣнки, партикулярныя черты, легли лишь верхними слоями въ права отдѣльныхъ народовъ славянскихъ; дѣло науки осторожно раскрыть эти позднѣйшія, часто быть можетъ случайныя, наслоенія и дойти до центральнаго ядра—представляющаго правовые принципы, общіе для всѣхъ народовъ славянскаго племени.

Итакъ обще-славянскія начала права, какъ непосредственный продуктъ обще-славянскаго юридическаго сознанія—вотъ тотъ общій и первоначальный источникъ, изъ котораго почерпали свое содержаніе права отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, а, слѣдовательно—и право восточныхъ, русскихъ, славянъ.

Наука не можетъ довольствоваться однимъ знаніемъ источника, изъ котораго почерпали свой духъ и свое содержаніе права народовъ славянскихъ. Она должна, вмѣстѣ съ тѣмъ, знать,—что именно давалъ этотъ источникъ, другими словами, въ чемъ именно заключались коренныя начала обще-славянскаго права. Знаніе формы, безъ знанія содержанія послѣдней, сдѣлалось бы лишь нравственною пыткою для изслѣдователя и закрыло бы для него надежду на успѣшное и плодотворное примѣненіе сравнительнаго метода къ изученію какой бы то ни было отрасли славянскаго права.

Такимъ образомъ возникаетъ слѣдующій вопросъ: существуютъ ли средства познанія коренныхъ началъ обще-славянскаго права? Подобныя средства, несомнѣнно, существуютъ. Имѣя въ виду то обстоятельство, что право каждаго народа есть непосредственное отраженіе духовной жизни и міросозерцанія его—мы можемъ постигнуть принципы права этого народа, разсматривая внѣшнія проявленія правоваго сознанія его въ связи со всѣми остальными духовными проявленіями народной жизни. Относящіеся сюда источники познанія правовыхъ началъ весьма разнообразны,—

вообще же они могутъ быть раздѣлены на источники непосредственные и на источники посредственные. Источники перваго рода называемъ мы непосредственными въ томъ смыслѣ, что въ нихъ непосредственнымъ, прямымъ, образомъ находитъ себѣ выраженіе народное сознаніе о правѣ, другими словами— эти источники представляютъ собою средство примѣненія къ практической жизни народнаго сознанія о правдѣ и неправдѣ. Здѣсь это сознаніе находитъ себѣ внѣшнюю форму выраженія, подобно тому, какъ и мысль человѣческая находитъ себѣ внѣшнее выраженіе въ словѣ. Что касается посредственныхъ источниковъ познанія правовыхъ началъ — то отличіе ихъ отъ источниковъ непосредственныхъ заключается въ томъ, что они возникли не во имя права, не для цѣлей практическаго примѣненія правовыхъ понятій народа и не имѣютъ непосредственнымъ назначеніемъ своимъ внѣшняго выраженія юридическаго сознанія народа; но, тѣмъ не менѣе, служа выраженіемъ различныхъ другихъ сторонъ духовной жизни народа,— слѣдовательно черпая свое содержаніе изъ того-же духовнаго источника, изъ котораго черпаютъ свое содержаніе и непосредственныя проявленія правоваго сознанія его,—они мимоходомъ, какъ-бы случайно и, обыкновенно, совершенно безсознательно, отражаютъ въ себѣ и чисто правовыя воззрѣнія народа.

Обратимъ наше вниманіе, прежде всего, на обзоръ непосредственныхъ источниковъ познанія началъ древняго обще-славянскаго обычнаго права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древняго обычнаго права русскихъ славянъ. Къ числу источниковъ этого рода должны быть отнесены: a) Юридическіе символы, b) Юридическія формулы, c) Юридическая терминологія, d) Историческое обычное право отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и e) Славянскіе законодательные сборники.

Символизмъ права—есть первый по времени непосредственный источникъ познанія правовыхъ принциповъ. Юридическое сознаніе всякаго народа до тѣхъ поръ не получаетъ значенія права, пока оно не выразится какимъ либо образомъ во внѣшности, пока оно не облечется въ ту или другую матеріальную оболочку. Юридическій бытъ первобытнаго народа не представляетъ твердой и правильной системы жизни; самое право, весьма мало отличающееся еще отъ абстрактнаго сознанія, представляется на первыхъ порахъ шаткимъ, не-

устойчивымъ; вслѣдствіе этого народъ стремится придать извѣстнаго рода твердость, извѣстнаго рода устойчивость, проявляющемуся во внѣшности юридическому сознанію своему, для чего считаетъ цѣлесообразнымъ облечь его въ тѣ или другія внѣшнія формы, въ тѣ или другіе обряды. Этимъ объясняется формализмъ первобытнаго права всякаго народа. Формальный, обрядовый характеръ древняго права прежде всего выражается въ его символизмѣ, въ извѣстныхъ внѣшнихъ формальныхъ дѣйствіяхъ, „символахъ", въ которые облекаетъ онъ юридическія понятія свои. Младенческій народъ не въ состояніи еще отвлекать юридическое понятіе отъ порождающаго его видимаго предмета или отношенія. Для него немыслимо, напримѣръ, совершеніе договора купле-продажи или даренія безъ видимаго, безъ осязательнаго перехода объекта изъ владѣнія одного лица во владѣніе другаго; немыслимъ, напримѣръ, судъ объ извѣстномъ предметѣ, безъ присутствія на судѣ спорной вещи и безъ символическаго изображенія борьбы изъ за-нея; немыслимо отвлеченное понятіе о власти мужа надъ женою безъ символическаго дѣйствія разуванія женою мужа; немыслимо отвлеченное понятіе объ общеніи жизни супруговъ безъ символическаго обрученія кольцами и вкушенія питія и кушанья изъ одного сосуда (confarreatio); для заключенія искусственнаго братскаго союза, такъ называемаго „побратимства" (весьма распространеннаго среди народовъ славянскаго племени), необходимымъ считается искусственное, видимое, смѣшеніе крови и т. п. Юридическіе символы, имѣя тѣсную и непосредственную связь съ народнымъ сознаніемъ о правѣ, вводятъ насъ въ таинственную область древнѣйшаго народнаго права, знакомятъ насъ съ процессомъ первобытной формаціи его, съ первыми попытками народа облечь въ видимую форму правовыя понятія свои, даютъ намъ возможность перенести правовыя научныя изысканія въ ту отдаленную, сокровенную, сѣдую старину, которая долго считалась непроницаемою для самаго пытливаго изслѣдованія. Служа источникомъ познанія началъ древнѣйшаго права, юридическіе символы, вмѣстѣ съ тѣмъ, раскрываютъ намъ характеръ древнѣйшаго народнаго быта и многія любопытныя, и инымъ путемъ непознаваемыя, черты жизни народа.

Изъ значенія юридическихъ символовъ, какъ средства познанія древнѣйшаго права, открывается крайняя важность этого источника для уясненія принциповъ древняго общеславянскаго обычнаго права, вообще, и русскаго, въ частности. Собираніе, изслѣдованіе и сопоставленіе юридическихъ символовъ, сохранившихся въ правовомъ быту отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, проливаетъ свѣтъ на древнѣйшее славянское обычное право, открывая путь къ познанію юридическихъ понятій и духовныхъ началъ, легшихъ въ основу развитія его. Съ другой стороны, изученіе символизма русскаго права, какъ въ его прошедшемъ, такъ и въ его настоящемъ, въ связи съ изученіемъ символизма славянскаго права вообще — укажетъ на связь и отношеніе его къ послѣднему и дастъ возможность понять въ древнѣйшемъ юридическомъ быту нашемъ многое изъ того, что до сихъ поръ кажется необъяснимымъ. Настоятельность изученія символизма русскаго права, въ связи съ символизмомъ правъ остальныхъ славянскихъ народовъ, была еще въ 1839 г. сознана и указана проф. *Калмыковымъ*, придававшимъ этому вопросу значеніе первостепенной важности. „Мнѣ утѣшительно думать, — заявлялъ этотъ ученый, — что сдѣланные мною намеки и указанія не останутся безплодными для науки, что они обратятъ вниманіе нашихъ ученыхъ на символизмъ права русскаго. Эта важная сторона юридической жизни нашихъ предковъ можетъ быть съ успѣхомъ прояснена только чрезъ изученіе всѣхъ письменныхъ преданій старины русской и чрезъ сравнительное разсмотрѣніе всѣхъ правъ славянскихъ“ [1]).

Слѣдующій по времени непосредственный источникъ познанія обычнаго права представляютъ собою юридическія формулы.

Юридическія формулы—это краткія изрѣченія въ которыхъ народъ, находящійся на низкой еще ступени праваго развитія, стремится выразить юридическія понятія свои. Юридическія формулы представляютъ, такимъ образомъ, первую попытку народа формулировать въ словѣ представляющія для него наибольшую степень интереса нормы и отношенія обычнаго права, въ видѣ легко запоминаемыхъ въ

---

[1]) Рѣчь Калмыкова: «О символизмѣ права, вообще, и русскаго, въ особенности». Спб. 1839 г., стр. 92.

памяти и выраженныхъ въ звучной, мѣрной и сжатой рѣчи юридическихъ изрѣченій. Представляясь по внѣшней формѣ аналогичными пословицамъ, формулы различаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что онѣ, являясь выраженіемъ въ словѣ народнаго сознанія о правѣ, создаются во имя самаго права, въ видахъ его охраненія или примѣненія, тогда какъ пословицы не преслѣдуютъ такихъ исключительныхъ цѣлей, хотя весьма многія изъ нихъ и носятъ характеръ вполнѣ юридическій. Въ примѣненіи своемъ къ жизни, формулы соединяются нерѣдко съ символами, вмѣстѣ съ которыми и обусловливаютъ формализмъ древняго права: совершеніе символическаго дѣйствія соединяется, въ подобныхъ случаяхъ, съ произнесеніемъ извѣстныхъ торжественныхъ словъ, выраженныхъ въ видѣ формулъ. При составленіи древнихъ законодательныхъ сборниковъ, въ которые заносились нормы обычнаго права, цѣликомъ и въ большомъ количествѣ входили въ нихъ, обыкновенно, въ качествѣ готоваго матеріала, и юридическія формулы, присутствіемъ которыхъ и объясняется та сжатость, энегрія, плавность и звучность выраженія, которыми характеризуется слогъ древнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ.

Несомнѣнные слѣды юридическихъ формулъ усматриваются и въ древнихъ памятникахъ славянскихъ законодательствъ. Здѣсь, между прочимъ, остатками древнихъ формулъ должны быть признаваемы тѣ или другія обрядовыя слова, произнесеніе которыхъ предписывается, напримѣръ, лицамъ участвующимъ въ извѣстномъ процессуальномъ актѣ и которыя точнѣйшимъ образомъ передаются въ законодательномъ памятникѣ. Пока не было составляемо законодательныхъ сборниковъ, эти обрядовыя слова хранились въ народной памяти; составители сборниковъ, занося въ послѣдніе существеннѣйшія нормы обычнаго, какъ матеріальнаго, такъ и процессуальнаго права, записали въ нихъ и такимъ образомъ сохранили для потомства и эти обрядовыя, формальныя, слова. Торжественныя обрядовыя формулы, примѣнявшіяся въ древнѣйшемъ русскомъ правовомъ быту, встрѣчаются, между прочимъ, и въ Русской Правдѣ. Такъ, этотъ законодательный памятникъ, запрещая лицу, узнавшему у другаго лица свою украденную вещь, говорить послѣднему: „се мое“, предписываетъ обращаться къ нему съ слѣдующи-

ми формальными словами: „Поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ“. Истецъ, желавшій начать тяжбу на основаніи свидѣтельства даннаго холопомъ,—которое по древне-русскому обычному праву не могло имѣть силы,—долженъ былъ обратиться къ противнику съ обрядовою фразою: „По сего рѣчи (т. е. на основаніи словъ раба) азъ емлю тя, а не холопъ“. Или, напримѣръ, въ процессѣ по поводу процентнаго займа тяжущійся, выигрывавшій дѣло вслѣдствіе того, что противникъ его не выставлялъ свидѣтеля, долженъ былъ сказать ему: „Провиновался еси (т. е. проигралъ дѣло), оже еси послуха не ставилъ“. Вѣроятными остатками древнихъ юридическихъ формулъ представляются и слѣдующія выраженія Русской Правды: „А въ малѣ тяжѣ, по ноужѣ, сложити на закупа“, или: „Како ся боудетъ рядилъ, на томъ-же стоитъ“, или: „Убъетъ мужъ мужа, то мстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови“, или: „А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣту“, или: „А соуднымъ кунамъ росту нѣтъ“, или: „Вдачь не холопъ, и ни по хлѣбѣ робятъ, ни по придатцѣ“ и т. п. Значительное количество обрядовыхъ выраженій, носящихъ слѣды тѣснѣйшаго родства съ древними юридическими формулами и, по всей вѣроятности, составляющихъ остатки послѣднихъ, встрѣчается въ древне-русскихъ юридическихъ актахъ и, преимущественно, въ древнѣйшихъ (новгородскихъ и двинскихъ). Этими обрядовыми, формальными выраженіями,—являющимися, обыкновенно, буквально тожественными въ актахъ одного и того же рода,—контрагенты опредѣляли сущность и предметъ заключаемаго ими договора. Тожественность этихъ выраженій ясно указываетъ намъ на то, что они, въ качествѣ нормъ неписаннаго обычнаго права, хранились въ памяти знатоковъ обычнаго гражданскаго права и, когда доводилось совершать письменный договоръ, буквально заносились въ текстъ послѣдняго. Подобнаго рода предположеніе получитъ значительную степень вѣроятности если мы вспомнимъ, что древнее русское законодательство почти не затрогивало сферу частнаго, гражданскаго, права и что послѣдняя регулировалась нормами неписаннаго обычнаго права, жившими въ памяти самаго народа. Остатки юридическихъ формулъ особено часто находимъ мы въ грамотахъ духовныхъ, купчихъ, раздѣльныхъ, поручныхъ, рядныхъ, сговорныхъ, отпускныхъ и т. п. актахъ, напечатанныхъ въ из-

даніяхъ Археографической Коммиссіи, преимущественно въ „Актахъ Юридическихъ“ и въ „Актахъ относящихся до юрид. быта древней Россіи“. Въ купчихъ грамотахъ слѣдующимъ одинаковымъ образомъ выражается, напримѣръ, мысль объ окончательномъ, безповоротномъ, переходѣ при договорѣ купле-продажи отчуждаемаго права собственности: „Купилъ себѣ и своимъ дѣтямъ (или: и своей братьѣ) одерень“; „купилъ себѣ и своимъ дѣтямъ одерень и ввѣки“ или, напримѣръ, слѣдующимъ фигурнымъ образомъ выражается мысль объ отчужденіи права собственности въ томъ же объемѣ, въ какомъ находилось оно у продающаго: „А межи тое земли по старымъ межамъ“, или: „Продалъ со всѣмъ, что изстари потягло.... куда плугъ, соха, топоръ и коса ходили“ или, напримѣръ, въ одной купчей грамотѣ продавецъ слѣдующимъ образомъ выговариваетъ себѣ право первой покупки продаваемой имъ земли въ томъ случаѣ, если покупщикъ вздумаетъ отчуждать ее: „А буде Тируну (имя покупщика) не до земли, ино мимо земца не продати“ [1]). Въ раздѣльныхъ грамотахъ актъ раздѣла закрѣплялся слѣдующимъ обрядовымъ выраженіемъ: „А сей намъ дѣлъ крѣпокъ и въ вѣкъ“; поручныя записи закрѣплялись всегда слѣдующимъ формальнымъ обязательствомъ, неизмѣнно и буквально повторяющимся во всѣхъ актахъ этого рода и выражающимъ собою солидарную отвѣтственность поручителей: „Кои поручиковъ въ лицѣхъ, на томъ и порука“, а также и слѣдующими формальными словами, выражающими собою то юридическое послѣдствіе поручительства, по которому съ извѣстнаго момента личность поручителя, по отношенію къ отвѣтственности, замѣняетъ собою личность того субъекта, за котораго онъ поручился: „А не учнетъ онъ (или: а учнетъ онъ, или: а не заплатитъ онъ и т. п.).... и наши поручиковы головы въ его (лица, за которое дано поручительство) голову мѣсто“. При договорѣ заклада, желая выразитъ фактъ пріобрѣтенія залогопринимателемъ послѣ просрочки заложеннаго имущества полнаго права собственности на послѣднее, контрагенты допускали фиктивное превращеніе кабальной записи въ купчую крѣпость, чему соотвѣтствовало слѣдующе формальное выраженіе, включавшееся въ кабальныя записи: „А поляжетъ серебро (т. е. ссуда) по сроцѣ, ино ся кабала и купчая“,

---

[1]) А. Ю. №№ 71, 75—78, 80, 82, 83—86, 88, 89, 260 и мн. др.

или: „А не выкуплю на срокъ—ино ся кабала и купчая". Существовали, наконецъ, особаго рода торжественныя формулы, которыми придавалась на будущее время сила, неизмѣнность и ненарушимость совершаемому договору; такъ свадебныя, сговорныя, раздѣльныя, отпускныя и др. записи, всегда закрѣплялись слѣдующими словами: „Ся запись и впредь запись, договоръ въ договоръ, дѣлъ въ дѣлъ, безповоротно", или: „Ся запись и впредь запись, сговоръ въ сговоръ, отпускная въ отпускную" [1]).

Слѣды юридическихъ формулъ встрѣчаются и въ древнѣйшихъ законодательныхъ сборникахъ юго-западныхъ славянъ, въ чемъ легко убѣдиться даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ними. Отрывочность, сжатость, звучность и энергія опредѣленій ихъ—ясно указываютъ на то, что они составлены изъ отдѣльныхъ юридическихъ сентенцій, изъ отдѣльныхъ формулъ, въ которыхъ впервые получили письменную форму нормы обычнаго права, до тѣхъ поръ хранившіяся въ памяти народа. Подобно тому, какъ и въ Русской Правдѣ, въ законодательныхъ памятникахъ юго-западныхъ славянъ указывается не только самый порядокъ тѣхъ или другихъ процессуальныхъ дѣйствій, но указываются даже самыя фразы,—отличающіяся всегда краткостью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и силою выраженія,—которыми сопровождается ихъ совершеніе. Такъ, „Винодольскій Законъ" предписываетъ ссылаться на свидѣтелей слѣдующими словами: „Та и таковъ ви, да тако э", на что противная сторона, желавшая парализовать показаніе ихъ ссылкою на своихъ свидѣтелей, возражаетъ: „А та и таковъ ви, да тако ній". Равнымъ образомъ лице, желавшее обвинить кого либо въ преступленіи, должно было выразить передъ судомъ свое обвиненіе въ слѣдующей формѣ: „Я теби показую такова од такове ричи", или: „Тебе дим, да таков э учинил такову рич". Даже самое пресѣченіе совершающагося преступленія было обставлено особаго рода формальностью; лице, застающее совершающееся преступленіе, должно было воскликнуть: „Помогайте!", въ противномъ случаѣ „неоклицованный" преступникъ не могъ быть подвергнутъ

[1]) А. Ю. №№ 268, 289, 290 (III, V, VII, IX, XI), 291 (I—II), 296 и др. А. отн. до юр. б. др. Р. II, столб. 788—790; Собр. Гос. Гр. и Дог. I №№ 178, 180, 194 и мн. др. акты.

высшей мѣрѣ наказанія [1]). Въ древнѣйшемъ сербскомъ законодательномъ сборникѣ—„Законникѣ короля Стефана Душана“ (полов. XIV в.), встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе, носящее характеръ формулы: „За невѣру въсаку съгрѣшеніе братъ за брата и отьцъ за сына, родимь за родима“, которымъ опредѣляется круговая отвѣтственность нераздѣленныхъ родственниковъ за преступленіе одного изъ нихъ. Или, напримѣръ, опредѣляя взаимныя отношенія крестьянъ, сидящихъ на общинной землѣ, Законникъ выражается: „Како плату платаю и работу работаю, такози и землю да дрьже“. Характеръ юридической формулы носитъ и слѣдующее краткое, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильное и звучное, опредѣленіе Законника, представляющее собою отдѣльную статью: „Залоге, коудѣ се обрѣтаю, да се откоупаю“, (т. е. залоги должны быть выкупаемы, гдѣ находятся). Лице, доказывающее свое право собственности пожалованіемъ его государемъ, говоритъ на судѣ: „Далъ ми есть господинъ царь, како есть дрьжалъ мои дроугь прѣге мене“. Характеръ формулы носитъ и слѣдующее выраженіе Законника: „Жоупа жоупѣ да не попаса добитькомъ ница“ [2]), опредѣляющее взаимную неприкосновенность жупныхъ пастбищъ; послѣ этого краткаго, видимо съ памяти записаннаго, опредѣленія, стоящаго во главѣ статьи озаглавленой: „О жоупѣ и о попаши“—идутъ дальнѣйшія опредѣленія, носящія характеръ комментарій къ нему. Въ „Судебникѣ короля Казиміра Ягелловича“ (1488 г.) встрѣчаемъ формулу: „А надъ злодѣемъ милости не надобѣ“, напоминающую опредѣленіе нашей Псковской Судной Грамоты: „А кромскому татю, и коневому, и перевѣтнику, и зажигалнику, тѣмъ живота не дати“.

Если уже поверхностный просмотръ памятниковъ древняго законодательства славянскихъ народовъ открываетъ несомнѣнные признаки присутствія въ нихъ юридическихъ формулъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что глубокое и тщательное изслѣдованіе ихъ съ этой точки зрѣнія откроетъ обильное поле для изученія формализма древне-славянскаго права, вообще, и русскаго, въ частности [3]); но глав-

[1]) Винодольскій Законъ, §§ 7, 9, 47, 60 (Чтенія въ М. Общ. Ист. и Др., 1846, № 4).

[2]) Законникъ Ст. Душана, изд. Зигеля, Спб. 1872 г., I, статьи 51, 66, 74, 78, 90.

[3]) Вопросъ о юридическихъ формулахъ затрогиваютъ: Снегиревъ, въ

ный матеріалъ для возстановленія древнихъ юридическихъ формулъ должны дать юридическіе акты и грамоты, въ которыхъ живо обрисовывается болѣе или менѣе ясная картина правоваго быта всякаго народа.

Въ связи съ юридическими формулами можетъ быть поставлена, въ качествѣ непосредственнаго источника познанія духа древняго обычнаго права, и юридическая терминологія—съ той именно точки зрѣнія, что термины, подобно формуламъ, являются попыткою народа выразить въ одномъ словѣ сущность цѣлаго юридическаго дѣйствія или отношенія. Извѣстный чешскій ученый *Я. Э. Воцель*, сопоставляя слова, существующія у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ для выраженія различнаго рода понятій и предметовъ—приходитъ къ выводу, что названія понятій и предметовъ, одинаковыя у всѣхъ славянскихъ народовъ по звукамъ и значенію, сформировались у славянъ еще до разселенія ихъ, въ ту эпоху, когда они составляли цѣлую, нераздѣленную, единицу. Прослѣдивъ эти общія для всѣхъ славянъ названія различнаго рода предметовъ, какъ духовнаго, такъ и вещественнаго міра,—заявляетъ Воцель,—можно возстановить до извѣстной степени картину древнѣйшаго быта и цивилизаціи славянъ въ эпоху предшествовавшую ихъ разселенію [1]). Съ той же точки зрѣнія можетъ быть выведена и крайняя важность юридической терминологіи для объясненія древнѣйшаго юридическаго быта славянъ. Юридическая терминологія можетъ указать намъ, что извѣстныя формы и отношенія правоваго быта извѣстны были древнимъ славянамъ еще до разселенія ихъ изъ первоначальной родины—коль скоро названія, имъ соотвѣтствующія, являются общими у всѣхъ народовъ славянскаго племени; что другія формы и отношенія его выработались у извѣстнаго славянскаго народа уже послѣ выселенія его изъ старой родины; что третьи формы и отношенія его являются заимствованными отъ сосѣднихъ народовъ, не коренясь въ почвѣ древняго общеславянскаго права и т. п.

сочиненіи: «Русскіе въ своихъ пословицахъ», М. 1831, кн. III, стр. 254 и слѣд.; Станиславскій: «Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества»; Шпилевскій: «Объ источникахъ русскаго права и пр.»; Леонтовичъ: «Ист. русскаго права»; Богишичъ: «Provni običaji u Slovena».

[1]) Я. Э. Воцель: «Древнѣйшая бытовая исторія славянъ, вообще, и чеховъ, въ особенности». Перев. съ чешскаго. Кіевъ, 1875 г., глава. II.

Отсюда открывается важное значеніе юридической терминологіи, какъ подспорья при изученіи исторіи права. Можно безъ всякой натяжки сказать, что она, при правильномъ и научномъ пониманіи ея, введетъ насъ въ таинственную область древняго общественнаго и правоваго быта; такъ, обширный кругъ терминовъ, употребляемыхъ въ извѣстномъ народѣ для обозначенія различныхъ сторонъ отношеній мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ, старшихъ родственниковъ къ младшимъ, степеней родства; далѣе термины, употребляющіеся для обозначенія семейственной или родовой собственности, для обозначенія различныхъ предметовъ наслѣдственнаго права—раскрываютъ передъ нами пространное поле для изученія различныхъ сторонъ древняго семейнаго и наслѣдственнаго правъ. Примѣненіе изученія юридической терминологіи къ познанію началъ древняго обычнаго права представляется дѣломъ весьма сложнымъ и далеко не легкимъ, требуя отъ изслѣдователя, кромѣ знакомства съ исторіею, вообще, и исторіею права, въ частности, также и глубокаго знанія исторіи языка; на этой почвѣ филологія должна, очевидно, прійти на помощь наукѣ исторіи права.

Четвертый непосредственный источникъ познанія началъ древнѣйшаго славянскаго права представляетъ новѣйшее, сравнительно, обычное право отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, которое во многихъ отношеніяхъ своихъ и до нашихъ дней носитъ слѣды глубокой древности. Мы уже ознакомились съ тою типичною чертою, присущею обычному праву славянскихъ народовъ, которая можетъ быть названа началомъ консерватизма его и которая заключается въ ярой приверженности славянъ къ своимъ обычаямъ, въ стремленіи сохранять неизмѣнною національную чистоту ихъ. Этотъ консерватизмъ славянскаго обычнаго права придаетъ ему въ полномъ смыслѣ этого слова значеніе права историческаго, начало котораго затеряно въ глубинѣ минувшихъ вѣковъ жизни того или другаго славянскаго народа. Особенною древностью и особенною жизненною силою отличаются обычаи, относящіеся къ сферамъ правъ семейственнаго и наслѣдственнаго. Мы видѣли уже безуспѣшность попытки австрійскаго правительства замѣнить обще - имперскимъ гражданскимъ кодексомъ обычныя права, дѣйствующія въ средѣ хорвато-дал-

мацкаго населенія. Изъ исторіи русскаго гражданскаго права извѣстна также неудачная попытка Петра I ввести въ русскій правовой бытъ начало наслѣдованія по майорату, которое рѣзко противорѣчитъ славянскимъ началамъ наслѣдованія и которое, не привившись къ русской жизни, было отмѣнено черезъ 15 съ небольшимъ лѣтъ послѣ его введенія. Наконецъ и современное намъ отечественное законодательство, преклоняясь передъ жизненною силою обычнаго права, предоставляетъ ему значительную сферу примѣненія (наприм. въ крестьянскихъ судахъ). Новѣйшія изслѣдованія по обычному праву славянскихъ народовъ, труды по славянской этнографіи, наконецъ многочисленныя свидѣтельства путешественниковъ и бытописателей—ясно доказываютъ, что нормы и отношенія обычнаго права отдѣльныхъ народовъ славянскихъ и до нашихъ дней сохраняютъ слѣды весьма близкаго родства, что особенно рѣзко проявляется по отношенію къ правамъ имущественному, семейственному и наслѣдственному. Древность обычныхъ правъ, дѣйствующихъ среди народовъ славянскаго племени— съ одной стороны, и родственная связь, обнаруживающаяся между ними— съ другой стороны, открываютъ возможность сравнительнаго изученія обычаевъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ въ видахъ познанія коренныхъ принциповъ древнѣйшаго обще - славянскаго обычнаго права [1]).

Пятымъ и послѣднимъ непосредственнымъ источникомъ познанія основъ древне-славянскаго обычнаго права являются древніе письменные памятники законодательства отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, а въ томъ числѣ и русскаго, представляющіеся какъ въ видѣ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, такъ и въ видѣ цѣлыхъ законодательныхъ сборниковъ. Значеніе древнихъ законодательныхъ памятниковъ для познанія началъ обще-славянскаго права основывается на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что въ нихъ находили себѣ отраженіе примѣнявшіяся въ средѣ народа нормы неписаннаго, обычнаго, права, изъ которыхъ многія, утратившись въ современной системѣ обычнаго права, только и могутъ еще быть возстановлены на основаніи этихъ памятниковъ; обычное же право отдѣльныхъ народовъ славяскихъ, какъ мы это уже

---

[1]) Библіографію русскаго обычнаго права см. у Е. И. Якушкина: «Обычное право», выпуски I и II (Яросл. 1875 и 1896).

замѣтили, не только въ древнія эпохи развитія своего, но даже въ значительной степени и до нашихъ дней—является отголоскомъ древнѣйшаго, до-историческаго, обще-славянскаго обычнаго права.

Для того, что бы полнѣе убѣдиться въ томъ, что древнѣйшіе памятники славянскаго законодательства дѣйствительно являются непосредственнымъ отраженіемъ современнаго имъ и предшествовавшаго имъ обычнаго права—прослѣдимъ, въ краткомъ очеркѣ, исторію возникновенія важнѣйшихъ законодательныхъ сборниковъ у отдѣльныхъ народовъ славянскаго корня.

Начнемъ съ Чехіи и Моравіи.

Послѣ черногорцевъ, чехи являются славянскимъ народомъ, долѣе всѣхъ остальныхъ обходившимся безъ письменнаго законодательнаго сборника, регулировавшимъ отношенія юридическаго быта своего нормами стариннаго обычнаго права, долѣе всѣхъ жившихъ по „закону и преданіямъ" отцовъ и дѣдовъ своихъ. Древнѣйшею формою чешскаго законодательства являются „*nalezy*", т. е. опредѣленія и судебныя рѣшенія на отдѣльные частные случаи, бывшія результатомъ совѣщаній (polaz) пановъ въ Земскомъ Судѣ, служившемъ органомъ законодательной власти. Паны же, не терпя никакихъ нововведеній въ сферѣ права, основывали свои nalez'ы на нормахъ дѣйствовавшаго въ странѣ обычнаго права.

Въ древнѣйшую эпоху жизни чешскаго народа, nalez'ы записывались на дощечкахъ изъ древесной коры или изъ дерева и складывались на храненіе въ особые архивы; здѣсь же хранились и записанныя на деревѣ постановленія народныхъ собраній (rad). Все, что попадало въ подобного рода архивы, получало значеніе и силу закона,—а потому весьма понятно, что сюда поступало на храненіе лишь то, что получало санкцію или народной воли, или правительственной законодательной власти [1]). Почерпнутыя изъ сферы обычнаго права и записанныя на деревѣ законодательныя нормы получали названіе „досокъ" (dsky), которое удерживалось за ними и въ послѣдующія эпохи, когда деревянныя дощечки бы-

[1]) *Maciejowskiego:* «Historya prowodawstw Słowianskich», wydanie 2, I, 239—240; Иванишевъ: «Древнее право Чеховъ», Ж. М. Нар. Пр., 1841 г., іюнь, отд. II, стр. 99.

ли замѣняемы болѣе удобнымъ писчимъ матеріаломъ. Не смотря на то, что доски, переходя отъ поколѣнія къ поколѣніямъ, составили со временемъ громадный и едва доступный для практическихъ цѣлей матеріалъ, тѣмъ не менѣе чехи тщательно избѣгали составленія изъ нихъ законодательнаго сборника, опасаясь, что-бы пробужденная этимъ кодификаціонная дѣятельность не погубила народныхъ обычаевъ ихъ, „того, что начертала въ сердцахъ ихъ перстомъ своимъ святая справедливость". Такъ какъ древнему чешскому юристу грозила опасность растеряться въ обильной массѣ матеріала, представляемаго архивами досокъ, то отъ времени до времени были составляемы изъ нихъ, для удобствъ практическаго пользованія, частные сборники. Лишь къ концу XV вѣка пришли чешскіе государственные чины къ убѣжденію въ необходимости составленія оффиціальнаго и обязательнаго для всей земли законодательнаго сборника. Для приведенія въ извѣстность всего законодательнаго матеріала, потребнаго для выполненія задуманной задачи, предприняты были двѣ предварительныя работы. Во первыхъ, разсмотрѣны были всѣ мѣстные архивы и разобраны хранившіеся въ нихъ законодательные акты; во вторыхъ, разосланы были по всей землѣ законовѣды, для разбора и приведенія въ извѣстность законодательныхъ досокъ. На основаніи добытаго матеріала приступлено было коммиссіею изъ депутатовъ къ кодификаціонной работѣ—и такимъ путемъ въ 1500 году, въ правленіе короля Владислава Ягеллончика, изданъ былъ первый оффиціальный „Статутъ чешскаго права"; вскорѣ послѣ изданія Статута, именно въ 1541 г., истреблено было пожаромъ обширное собраніе старыхъ чешскихъ законодательныхъ досокъ [1]). Изъ сдѣланнаго нами очерка достаточно ясно усматривается, что первый Чешскій Статутъ 1500 г., черезъ посредство вошедшихъ въ основу его досокъ и nalez'овъ—яляется живымъ отраженіемъ древняго обычнаго права чешской земли. Еще драгоцѣннѣе представляются въ этомъ послѣднемъ отношеніи упомянутые выше частные сборники чешскихъ правъ, такъ какъ они представляютъ непосредственную выборку матеріала изъ досокъ и возстановляютъ эти послѣдніе памятники древнѣйшаго обычнаго права чешской земли, утраченные для

---

[1]) Maciejowski: H. pr. S. I. 263; Иванишевъ: Др. пр. Чеховъ, стр. 101.

современной науки. Старинное чешское право, по обилію матеріала и по древности послѣдняго, является весьма важнымъ источникомъ для познанія началъ древняго обще-славянскаго обычнаго права; Иванишевъ, серьезно изучавшій исторію чешскаго права, находитъ, что въ законахъ древнихъ чеховъ славянское право сохранилось въ большей полнотѣ, нежели въ законодательствахъ другихъ славянскихъ народовъ [1]).

Подобно чешскому Статуту 1500 г., и „Моравскіе Статуты“, впервые составленные въ концѣ XI вѣка, въ правленіе князя Конрада, образовались изъ старинныхъ обычныхъ правъ Моравской земли, въ соединеніи съ привиллегіями этого государя. По присоединеніи къ чешскому королевству княжествъ Опольскаго и Ратиборскаго, государственные чины послѣднихъ, въ соединеніи съ представителями княжествъ Глоговскаго, Стржелевскаго, Словатинскаго, Козельскаго и др., уложили для нихъ въ 1562 году особые статуты, положивъ въ основу ихъ давніе обычаи и „свычаи“ (zwyklnost). Таково происхожденіе „Слуцкихъ Статутовъ“, которые, какъ и только что разсмотрѣнные Моравскіе Статуты, твердо стоятъ на почвѣ древне-славянскаго обычнаго права [2]).

Переходимъ къ происхожденію древнѣйшихъ законодательныхъ сборниковъ Польскаго королевства.

По свидѣтельству Мацѣевскаго, древніе поляки жили безъ письменныхъ памятниковъ законодательства, руководствуясь нормами неписаннаго обычнаго права, которыя они съ крайнею неохотою облекали въ форму писаннаго слова. Отдѣльныя нормы обычнаго права записывались ими лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда вынуждала къ тому крайняя необходимость. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ правовомъ быту древнихъ поляковъ возникало то или другое отношеніе, не находившее себѣ опредѣленія въ системѣ дѣйствующаго обычнаго права, тогда юридическое сознаніе ихъ, и помимо законодательства, имѣло возможность разрѣшить спорный случай: польскіе земскіе люди (ziemianie) собирались вмѣстѣ и, установивъ извѣстныя правовыя опредѣленія (lauda), давали другъ другу обязательство соблюдать послѣднія. Отвращеніе поляковъ къ письменной формулировкѣ обычныхъ правъ своихъ послужи-

[1]) Иванишевъ: Др. пр. Чеховъ, стр. 89.

[2]) Maciejowski: H. pr. S., I, 267, 271.

ло причиною того факта, что болѣе или менѣе полнаго собранія ихъ не появлялось вплоть до 1260 года, когда Малая Польша, собравъ обычныя права свои, составила себѣ изъ нихъ первый статутъ; этотъ первый „Малопольскій Статутъ" (1260 г.) не дошелъ до нашего времени въ непосредственномъ видѣ своемъ. Примѣру Малой Польши послѣдовала и Великая Польша, также составившая статутъ на основаніи старинныхъ обычныхъ правъ своихъ; годъ составленія Великопольскаго Статута точно неизвѣстенъ. Наконецъ, въ 1347 году, въ правленіе короля Казиміра Великаго, изданъ былъ общій для обѣихъ частей польскаго королевства „Вислицкій Статутъ", обединившій и восполнившій собою предшествовавшее законодательство. Разсмотрѣнные законодательные памятники Польскаго королевства не могли, очевидно, обнять собою всѣхъ нормъ обычнаго права польскаго народа; поэтому обычное право продолжало имѣть обширное примѣненіе и значительную жизненную силу и въ послѣдующія эпохи жизни польскаго народа. Такъ, мы имѣемъ свидѣтельство, что еще въ 1493 году король Альбрехтъ предписывалъ судьямъ сообразовывать юрисдикцію свою съ древними обычаями польской земли [1]).

Что касается древняго Сербскаго королевства, то и въ немъ обычное право послужило краеугольнымъ камнемъ развитія законодательной дѣятельности и пользовалось обширною сферою жизненнаго примѣненія. Обычное право и до нашихъ дней продолжаетъ регулировать собою многія юридическія отношенія сербскаго народа. По замѣчанію Караджича, слово „обычай" до сихъ поръ употребляется въ сербскомъ народѣ, какъ синонимъ слова „законъ",—что несомнѣнно указываетъ на громадное значеніе обычая въ сербскомъ правовомъ быту. Въ противоположность Польшѣ, обычное право уже довольно рано являлось въ Сербіи формулированнымъ на письмѣ, въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ сербскихъ королей или въ видѣ болѣе или менѣе разностороннихъ уставовъ. Древнѣйшимъ изъ изданныхъ до настоящаго времени сборниковъ грамотъ представляется „Сборникъ грамотъ", данныхъ еще въ 1198 году Хиляндарскму монастырю сербскимъ королемъ Стефаномъ Неманемъ [2]). Сербское обычное право имѣло весьма

[1]) Maciejowski: H. pr. S. I. 183—186, 216.

[2]) Maciejowski: H. pr. S. I, 300. Зигель: Зак. Ст. Душ. I, 10—11.

обширное примѣненіе не только во внутреннемъ быту сербовъ, но, какъ это не кажется страннымъ, даже въ юридическихъ отношеніяхъ ихъ къ сосѣдямъ, напримѣръ къ дубровчанамъ и венеціанцамъ; такъ, одна изъ грамотъ короля Стефана Первовѣнчаннаго (1214—1217 гг.) опредѣляетъ, что, въ случаѣ несправедливостей, возникающихъ между сербами и жителями Рагузы—дѣло должно быть предоставлено судьямъ, для рѣшенія его на основаніи существующихъ обычаевъ. Что сербское народное обычное право не только пользовалось санкціею, но даже и поддержкою правительственной власти, на это указываетъ слѣдующій, весьма любопытный, фактъ. Въ 1308 году предлагали сербскому королю Стефану Милутину замѣнить смертною казнью „вражду", т. е. денежную пеню за убійство; король отклонилъ это предложеніе, сославшись на нежеланіе проливать кровь своихъ подданныхъ и измѣнить старинный обычай предковъ своихъ [1]). Обычное право сербскаго народа находило себѣ также выраженіе и въ многочисленныхъ „хрисовулахъ" (грамотахъ), жаловавшихся королями церквамъ, монастырямъ, городамъ и общинамъ. Развитіе сербскаго законодательства путемъ отдѣльныхъ грамотъ и уставовъ продолжалось вплоть до изданія королемъ Стефаномъ Душаномъ своего знаменитаго „Законника"; въ этихъ грамотахъ и уставахъ получали письменную формулировку обычныя права сербскаго народа, такъ что можно признать за фактъ вполнѣ безспорный, что, до самаго изданія этого законодательнаго памятника, обычаями регулировались всѣ юридическія отношенія сербовъ. Наконецъ, въ 1349 г. появился въ Сербіи первый общій законодательный сборникъ—„Законникъ короля Стефана Душана", дополненный въ 1354 году. Источниками Законника Стефана Душана послужили нормы сербскаго неписаннаго обычнаго права, торговые договоры съ иностранцами, хрисовулы предшествующихъ государей и, наконецъ, указы (повелѣнія) самаго короля Душана. Торговые договоры съ сосѣдями и хрисовулы королей въ основаніи своемъ имѣли, какъ мы видѣли, нормы обычнаго права,—слѣдовательно и самый Законникъ 1349 г. долженъ быть признанъ законодательнымъ памятникомъ, отразившимъ въ себѣ обычное право сербской земли, а черезъ посредство послѣдняго, и коренныя начала

---

[1]) Зигель: Зак. Стеф. Душана. 12.

древнѣйшаго обще-славянскаго права. Подобное народное значеніе Законника Стефана Душана вполнѣ признаютъ Мацѣевскій, Шафарикъ. Майковъ, Зигель и др. изслѣдователи. По присоединеніи къ Сербіи (въ полов. XIV в.) царства Болгарскаго и банства Боснійскаго—дѣйствіе Законника Душана было распространено и на эти земли. Тѣмъ не менѣе въ обѣихъ этихъ странахъ, въ эпоху самостоятельнаго существованія ихъ, было собственное, болѣе или менѣе развитое, законодательство, въ основѣ котораго опять таки лежало мѣстное обычное право.

Долѣе всѣхъ славянскихъ народовъ обходились безъ письменныхъ законовъ Черногорцы, до самаго конца XVIII вѣка регулировавшіе всѣ отношенія юридическаго быта своего исключительно обычаями. Только въ 1796 г., въ правленіе владыки Петра I, составленъ былъ для Черногоріи первый сборникъ законовъ. На сколько сильно въ Черногоріи значеніе обычнаго права—это усматривается изъ безуспѣшнаго стремленія черногорскихъ властителей прекратить среди народа обычай кровавой мести. Не смотря на запрещеніе этого исконнаго славянскаго обычая законами 1796 года, не смотря на просьбы владыки Петра I, передъ смертью своею (въ 1830 г.) собравшаго въ Цетиньѣ народъ свой и потребовавшаго отъ него клятвы въ отмѣнѣ кровавой мести, несмотря на вооруженное противодѣйствіе этому обычаю владыки Петра II—обычай кровавой мести до послѣдняго времени не могъ еще быть совершенно искорененъ въ Черногоріи. Извѣстно, наконецъ, что и составленный В. Богишичемъ для Черногоріи гражданскій кодексъ („Законик имовински“, обнародованный“ въ 1888 г.), представляетъ собою лишь разработку и письменную формулировку стародавняго мѣстнаго обычнаго права.

Обращаемся къ очерку возникновенія законодательства Хорвато-Далмацкаго, которымъ регулировалась юридическая жизнь славянскихъ общинъ, разселенныхъ по восточному и сѣверо-восточному берегамъ Адріатическаго моря. Хорватскіе славяне весьма рано были уже знакомы съ писанными законами. Ѳ. И. Леонтовичъ свидѣтельствуетъ, что Хорваты уже въ X вѣкѣ имѣли свои старинные письменные законы и статуты, изъ числа которыхъ извѣстны въ наше время: а) „Вѣчевой Уставъ“ 914 г., обнаруживающій, по словамъ г. Леонтовича, значительное сходство съ древними

церковными уставами русскихъ князей; b) Дополнительный къ нему „Уставъ“ 927—928 г.“ и c) „Книга законовъ короля Сильвестра“ 985 г. — не дошедшая до нашихъ дней. Изданіе писанныхъ законовъ продолжалось въ Хорватскихъ земляхъ и въ продолженіе XII—XIII вв., слѣдовательно уже послѣ подчиненія ихъ венгерской коронѣ, причемъ законодательство развивалось съ одной стороны—въ формѣ вѣчевыхъ приговоровъ (constitutiones), съ другой стороны—въ видѣ изданія венгерскими королями грамотъ различнаго рода (жалованныхъ, судныхъ, уставныхъ и т. п.), въ которыхъ находили себѣ подтвержденіе старинныя нормы хорватскаго обычнаго права. Какъ до изданія письменныхъ памятниковъ законодательства всѣ отношенія юридическаго быта хорватовъ регулировались нормами обычнаго права, такъ и послѣ возникновенія у нихъ писаннаго законодательства обычаи предковъ продолжали служить основнымъ источникомъ послѣдняго. Мы вполнѣ убѣдимся въ этомъ, разсмотрѣвъ происхожденіе трехъ важнѣйшихъ памятниковъ хорвато-далматскаго законодательства, именно: Винодольскаго Закона, Полицкаго Статута и Законовъ города Загреба.

Подробная исторія происхожденія перваго изъ этихъ трехъ законодательныхъ памятниковъ,—„Винодольскаго Закона“, —излагается въ самомъ предисловіи къ нему. Жители Винодольской области, желая сохранить на будущее время старинные законы свои, которые, не будучи до того времени формулированы на письмѣ, жили еще, тѣмъ не менѣе, въ памяти старыхъ людей—собрались въ 1280 году на „купъ“ (вѣче) въ Новомъ Городѣ (нынѣ Нови) и здѣсь, избравъ старѣйшихъ мужей отъ всѣхъ городовъ земли своей, поручили имъ записать и свести во-едино всѣ тѣ законы, память о которыхъ перешла къ нимъ отъ отцевъ и дѣдовъ ихъ, такъ какъ законы эти, какъ говорится во вступленіи къ Винодольскому сборнику—„отъ теперешняго времени и напередъ могли быть оставлены вслѣдствіе забвенія“ [1]). До изданія Винодольскаго Закона, слѣдовательно до конца XIII вѣка, жители Винодольской области не знали письменныхъ законовъ, но жили по „зако-

[1]) Леонтовичъ: Др. Хорв.-Далм. законодательство, стр. 4, 6—7. См. также Рейца: Полит. устр. и права прибрежныхъ островов и городовъ Далмаціи (Въ Сборн. ист. и стат. свѣд. о Россіи, часть II, стр 12).

намъ своихъ отацъ и дедъ и всихь прьвыхъ“ [1]). Самый же памятникъ этотъ, какъ усматривается изъ исторіи редакціи его—есть ничто иное, какъ сборникъ древнѣйшихъ нормъ хорватскаго обычнаго права.

Полнѣйшимъ отраженіемъ мѣстнаго обычнаго права является и законодательный сборникъ Полицкой общины, извѣстный подъ названіемъ „Полицкаго Статута“. Этотъ законодательный памятникъ не дошелъ до нашего времени въ первоначальной редакціи своей, но извѣстенъ въ настоящее время по позднѣйшимъ, и, притомъ, подвергнувшимся переработкѣ, спискамъ. Равнымъ образомъ неизвѣстенъ и самый годъ составленія его; *проф. Леонтовичъ* полагаетъ, что Полицкій Статутъ, по крайней мѣрѣ въ первоначальной, краткой редакціи своей—возникъ, быть можетъ, почти одновременно съ нашей Русской Правдой. Будучи построенъ всецѣло на нормахъ древняго устнаго, обычнаго права—Полицкій Статутъ является, по изслѣдованіямъ проф. Леонтовича, замѣчательнымъ памятникомъ древнѣйшаго славянскаго быта и права и долженъ служить къ объясненію многихъ темныхъ сторонъ древне-славянскаго правоваго быта, извѣстныхъ намъ лишь по смутнымъ указаніямъ законодательныхъ сборниковъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, а въ томъ числѣ и нашей Русской Правды, съ которою имѣетъ онъ весьма много общаго. Будучи самъ живымъ отраженіемъ народнаго, обычнаго, права—Полицкій Статутъ сознается, что имъ предусмотрѣны далеко не всѣ отношенія юридической жизни, и потому рекомендуетъ судьямъ руководствоваться, въ практической дѣятельности своей, старыми обычаями [2]).

Третій и послѣдній изъ обозрѣваемыхъ нами памятниковъ хорвато-далматскаго законодательства—это „Законы города Загреба,“ составляющіеся, въ сущности, изъ трехъ отдѣльныхъ статутовъ, изъ которыхъ первый относится къ 1242 г., послѣдній—къ первой четверти XV вѣка. Непосредственное отношеніе къ славянскому праву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшій интересъ для насъ—имѣетъ первый изъ этихъ статутовъ (1242 г.), принадлежащій къ числу древ-

---

[1]) Винодольскій Законъ. Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, стр. 7.

[2]) Леонтовичъ: Др. Хорв.-Далм. закон., стр. 14, 62—63.

нѣйшихъ памятниковъ хорватскаго законодательства. „Загребскій Статутъ 1242 года“ черпалъ свое содержаніе изъ двоякаго источника: первымъ и главнымъ источникомъ послужили ему нормы стариннаго обычнаго права, а вторымъ—статуты и привиллегіи, дававшіеся Загребу въ предшествовавшія эпохи [1]).

Уже изъ сдѣланнаго нами весьма краткаго очерка происхожденія древнѣйшихъ памятниковъ законодательства отдѣльныхъ народовъ славянскихъ достаточно выясняется то положеніе, что законодательства ихъ основывались на нормахъ строго-національнаго обычнаго права и что, слѣдовательно, сравнительное изученіе памятниковъ этихъ должно открыть намъ широкій путь къ познанію основныхъ началъ древнѣйшаго обще-славянскаго обычнаго права.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ прямыхъ, непосредственныхъ, указаній на то, что древнѣйшій законодательный сборникъ нашъ, Русская Правда, составленъ на основаніи дѣйствовавшаго среди восточныхъ славянъ обычнаго права,—указаній подобныхъ тѣмъ, какія встѣчаемъ мы, напримѣръ, въ Винодольскомъ Законѣ. Отсутствіе подобнаго рода указаній долго давало изслѣдователямъ этого памятника поводъ считать его законодательствомъ заимствованнымъ, привитымъ къ русской жизни съ чужой почвы. Въ наше время подобнаго рода воззрѣнія должны быть отнесены уже къ области исторіи науки, потерявъ право на свое существованіе; ближайшее изслѣдованіе Русской Правды уяснило значеніе ея, какъ памятника вполнѣ славянскаго. Особенную услугу принесло въ этомъ отношеніи ближайшее знакомство русской историко-юридической науки съ исторіею славянскихъ законодательствъ, которое спасло нашу древнюю юридическую самобытность отъ начавшагося было слѣпаго, повальнаго, отрицанія ея, которое выяснило истинный путь къ познанію древнѣйшаго юридическаго быта русской земли, указавъ, что намъ незачѣмъ, по выраженію Кавелина, выводить основы его „изъ за тридевяти земель, изъ тридесятаго царства“, что намъ незачѣмъ объяснять свое древнее право заимствованіями у чуждыхъ намъ и по духу, и по происхожденію, народностей Запада, такъ какъ оно являет-

[1]) Леонтовичъ: Др. Хорв.-Далм. закон., стр. 52.

ся такимъ-же живымъ отраженіемъ началъ обще-славянскаго обычнаго права, какимъ являются и права юго-западныхъ единоплеменниковъ нашихъ.

Окончивъ обзоръ непосредственныхъ источниковъ познанія началъ древнѣйшаго обще-славянскаго обычнаго права, переходимъ къ обзору посредственныхъ источниковъ его, къ числу которыхъ отнесемъ мы: a) Характеръ и условія быта, b) Произведенія народной поэзіи и c) Пословицы отдѣльныхъ славянскихъ народовъ.

Характеръ и условія быта всякаго народа всегда находятъ себѣ большее или меньшее отраженіе и въ юридическомъ развитіи его, въ юридической жизни его, въ той или другой формѣ правовыхъ отношеній и институтовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что географическія и климатическія условія быта народа вліяютъ на родъ занятій и на складъ характера и темперамента его,—а этими моментами, въ свою очередь, опредѣляется тотъ или другой складъ юридической жизни. Далеко не безъ вліянія остаются въ этомъ отношеніи и религіозныя понятія и воззрѣнія народа, а также и характеръ отношеній его къ сосѣднимъ народамъ. Само собою разумѣется, что форма и характеръ того или другаго юридическаго отношенія или института являются съ различными оттѣнками у народа осѣдлаго и у народа кочеваго, у народа земледѣльческаго и народа промышленно-торговаго, у народа занимающагося земледѣліемъ и у народа занимающагося скотоводствомъ и звѣроловствомъ; это-же различіе занятій непосредственно обусловливается географическимъ, климатическимъ и геогностическимъ положеніемъ и свойствами страны. Большинство историковъ не только славянскихъ, но даже западно-европейскихъ, съ полнымъ основаніемъ соглашаются съ тѣмъ, что осѣдлый, мирный и земледѣльческій образъ жизни славянъ, въ связи съ истекающими изъ него религіозными вѣрованіями ихъ, способствовалъ развитію у нихъ того типичнаго, характернаго, семейно-общиннаго быта, который, будучи глубоко проникнутъ у нихъ патріархальнымъ началомъ, рѣзко отличался, однако, отъ извѣстнаго Западной Европѣ замкнутаго, строго-родоваго, быта и невольно обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователя. Древніе памятники законодательствъ славянскихъ народовъ видимо носятъ на себѣ слѣ-

ды влiянiя сходныхъ чертъ быта этихъ народовъ. Изслѣдователю, близко знакомому съ Русскою Правдою, лѣтописями и другими памятниками древнѣйшаго юридическаго быта русскихъ славянъ, при чтенiи древнихъ законодательныхъ памятниковъ другихъ славянскихъ народовъ, постановленiя послѣднихъ покажутся какъ-бы знакомыми, какъ-бы родственными, хотя-бы они и не были совершенно тожественны съ постановленiями древняго русскаго права; это объясняется, конечно, тѣмъ, что во всѣхъ памятникахъ славянскихъ законодательствъ отразились не только слѣды обще-славянскаго обычнаго права, но что въ нихъ отразилось влiянiе и обще-славянскихъ условiй и чертъ народной жизни.

Переходимъ къ народной поэзiи, какъ второму посредственному источнику познанiя древнѣйшаго обычнаго права. Значенiе народной поэзiи для исторiи права вытекаетъ изъ того, что эта поэзiя не есть случайный, неорганическiй продуктъ народной жизни. Будучи выраженiемъ стремленiя народа къ самосознанiю, къ сознанiю той идеи, для осуществленiя которой призванъ извѣстный народъ къ существованiю—народная поэзiя является отраженiемъ тѣхъ разнообразныхъ сторонъ духовной и матерiальной жизни народа, при содѣйствiи которыхъ осуществляется это призванiе. Такими сторонами духовной и матерiальной жизни народа являются его религiя, философiя, обычаи, право, мѣстожительство, языкъ, внѣшняя исторiя и т. п. условiя. Отсюда открывается связь народной поэзiи съ правомъ народа: право составляетъ одно изъ важнѣйшихъ проявленiй духовной жизни народа,—слѣдовательно, народная поэзiя, преслѣдуя идеалы этой жизни, не можетъ не почерпать своего содержанiя и изъ юридическаго сознанiя народа. Славяне всегда отличались, и до настоящаго времени отличаются, замѣчательнымъ творчествомъ въ сферѣ народной поэзiи, причемъ произведенiя послѣдней служатъ вѣрнѣйшимъ отраженiемъ различныхъ сторонъ исторической и бытовой жизни ихъ (сказки и легенды, масса обрядовыхъ пѣсней, цѣлый циклъ пѣсней женскихъ, пѣсней эпическихъ, юнацкихъ, — въ которыхъ, между различными другими сторонами народнаго быта, въ значительной степени отражаются и любопытнѣйшiя черты правоваго быта народа).

Нельзя пожаловаться на недостатокъ сборниковъ народ-

ной поэзіи отдѣльныхъ народовъ славянскихъ; собираніе произведеній ея уже давно и дѣятельно занимаетъ собою лучшихъ славянскихъ лингвистовъ, историковъ и бытописателей; но, на сколько намъ извѣстно, до настоящаго времени очень мало сдѣлано еще для изученія ихъ съ точки зрѣнія исторіи права.

Въ качествѣ одного изъ видовъ устной народной поэзіи могутъ быть разсматриваемы пословицы и поговорки,—являющіяся третьимъ посредственнымъ источникомъ познанія древней исторіи права. Подъ названіемъ пословицъ разумѣются краткія сентенціи, изложенныя въ сжатой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильной и звучной рѣчи, въ которыхъ выражаетъ народъ впечатлѣнія, навѣянныя на него вліяніемъ различныхъ физическихъ, матеріальныхъ и нравственныхъ условій и сторонъ жизни его. Юридическія отношенія жизни, въ ихъ многоразличныхъ проявленіяхъ, слишкомъ глубоко затрогиваютъ существеннѣйшіе интересы его для того, что-бы, въ сферѣ міросозерцанія своего, народъ могъ оставить ихъ безъ наблюденія. Напротивъ, народъ внимательно приглядывается къ различнымъ фазамъ этихъ отношеній въ ихъ, какъ нормальныхъ, такъ и аномальныхъ, проявленіяхъ и, излагая получаемыя имъ впечатлѣнія въ видѣ краткихъ, легко запоминаемыхъ, изрѣченій, создаетъ болѣе или менѣе обширный кругъ пословицъ юридическихъ, непосредственно отражающихъ въ себѣ правовое сознаніе народа о правдѣ и неправдѣ, о справедливости и несправедливости, объ обычаѣ, законѣ, управленіи, отношеніяхъ и институтахъ правъ семейнаго, наслѣдственнаго, обязательственнаго и т. п. Напоминая, съ извѣстной точки зрѣнія, юридическія формулы, съ которыми онѣ довольно близко соприкасаются, пословицы представляютъ отличіе отъ нихъ въ томъ отношеніи, что онѣ создаются не во имя самаго права, не во имя практическаго его примѣненія,—о чемъ имѣли мы уже случай говорить при обозрѣніи юридическихъ формулъ, какъ непосредственнаго источника познанія древняго права.

Народы славянскаго племени, будучи одарены отъ природы богатою фантазіею, поэтическимъ складомъ міросозерцанія и неудержимымъ стремленіемъ проявлять во внѣшнемъ мірѣ всѣ впечатлѣнія, ложащіяся на духовное сознаніе ихъ—обладаютъ обширнымъ запасомъ произведеній народнаго ду-

ховнаго творчества, а въ томъ числѣ—и весьма значительнымъ кругомъ пословицъ. Жизненное, бытовое значеніе пословицъ и настоятельность научнаго изученія ихъ для правильнаго разумѣнія народной жизни какъ въ ея прошедшемъ, такъ и въ ея настоящемъ—не разъ указывались уже въ нашей литературѣ. Пословицы, замѣчаетъ *В. И. Даль*, не сочиняются народомъ, но „вынуждаются силою обстоятельствъ, какъ крикъ или возгласъ, невольно сорвавшійся съ души“; пословицы, продолжаетъ онъ, представляютъ изъ себя „сводъ народной опытной премудрости, цвѣтъ народнаго ума, самобытной стати; это — житейская народная правда своего рода, судебникъ, никѣмъ не судимый“. По замѣчанію *И. И. Снегирева*, другаго собирателя и изслѣдователя русскихъ пословицъ, пословицы каждаго народа представляютъ собою отраженіе народнаго „ума и фантазіи, рѣзкое выраженіе его климата, духа его вѣры, правленія, воспитанія, нравовъ и обычаевъ“.

Взаимное сравненіе юридическихъ пословицъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ—съ одной стороны, и сравненіе ихъ съ юридическими пословицами русскаго народа—съ другой стороны, открываетъ замѣчательное сходство, порою даже поразительную тожественность ихъ. Имѣя въ виду тотъ неоспоримый фактъ, что близкое сходство юридическихъ попословицъ отдѣльныхъ народовъ славянскихъ,—сходство, подмѣченное еще *Снегиревымъ*,—является результатомъ общаго всѣмъ этимъ народамъ склада юридическаго сознанія и міросозерцанія и является несомнѣннымъ отголоскомъ древнѣйшаго, до-историческаго, быта ихъ — мы легко поймемъ ту высокую степень интереса, ту настоятельную цѣлесообразность и пользу, съ которыми сопряжено изученіе духа пословицъ, вообще, а главнымъ образомъ пословицъ юридическихъ, для познанія коренныхъ началъ древнѣйшаго славянскаго обычнаго права.

Въ такомъ видѣ представляются намъ непосредственные и посредственные источники познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права, изученіе которыхъ не можетъ и не должно быть обходимо въ видахъ раціональнаго, самостоятельнаго и плодотворнаго, изслѣдованія его; таковы средства познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права, во-

обще,—а въ связи съ послѣднимъ и древняго обычнаго права русскаго народа. Конечно, единичной личности, какъ бы ни были сильны и могучи умственныя и духовныя силы ея, какъ-бы ни была тверда ея воля, ея энергія и упорность въ трудѣ—врядъ-ли подъ силу обнять полное изученіе всей указанной нами массы источниковъ. Возможность обобщенія ихъ, возможность совокупнаго изученія всего громаднаго, подавляющаго матеріала, который способны представить они —требуетъ кропотливой работы многихъ умовъ, быть можетъ, даже, трудовъ многихъ поколѣній.

Между тѣмъ полнаго и плодотворнаго результата вправѣ мы ожидать лишь отъ изученія разсмотрѣнныхъ источниковъ познанія древнѣйшаго славянскаго обычнаго права въ ихъ взаимодѣйствіи, въ ихъ совокупности. Но при этомъ изученіи великая осторожность и національное самосознаніе требуются отъ изслѣдователя для того, что-бы умѣть выдѣлять изъ представляющагося ему матеріала тѣ отдѣльныя проявленія, которыя не составляютъ продукта національной духовной жизни народа, но которыя проникли въ эту жизнь извнѣ, благодаря гнетущему вліянію временныхъ, преходящихъ, толчковъ въ нормальномъ ходѣ развитія народной жизни, или-же которыя были навѣяны чуждымъ вліяніемъ, стремившимся съ самаго начала исторической жизни славянъ ворваться въ самобытный кругъ развитія ея, съ тѣмъ, что-бы убить въ ней эту, столь высоко цѣнимую ими, самобытность.

Что касается вопроса о воздѣйствіи древнѣйшаго обычнаго права восточно-славянскихъ племенъ на историческое развитіе собственно уже русскаго права—то это вопросъ, который долженъ быть разсмотрѣнъ лишь въ связи съ изслѣдованіемъ памятниковъ нашего древнѣйшаго правоваго быта и который, въ силу этого, на очередь поставленъ нами, пока, быть еще не можетъ.

ГЛАВА IV.

Начало русскаго государства.

Элементы понятія государства и основныя начала древней русской исторіи.—Версіи вопроса о началѣ русскаго государства.—Ученіе норманистовъ и преданія нашей начальной лѣтописи.—Два центра восточно-славянскаго міра.—Лѣтописныя и византійскія свидѣтельства о древнѣйшей Руси.—Князь Олегъ, какъ первый собиратель будущей русской земли.—Первые шаги русской государственности.—Договоръ съ греками 912-го года и его значеніе въ исторіи русскаго права.

Теорія государственнаго права знакомитъ насъ съ тѣми существенными элементами, которые являются необходимыми для понятія государства. Этими элементами являются: народъ, территорія, извѣстная общественная организація и объединяющая всѣ эти элементы—общая власть.

Передъ нами теперь уже имѣются на лицо элементы, которые, въ теченіи долгаго ряда вѣковъ, вырабатывались на равнинахъ восточной Европы для зарожденія будущаго русскаго государства. Мы имѣемъ передъ собою народъ, пока еще слагающійся изъ отдѣльныхъ племенъ, путемъ длиннаго процесса колонизаціи уже осѣвшихся по опредѣленнымъ пространствамъ территоріи, имѣющихъ опредѣленную политическую и общественную организацію, стоящихъ даже на извѣстной ступени культуры. Мы имѣемъ передъ собою, пожалуй даже, рядъ отдѣльныхъ государствъ,—но государствъ, находящихся между собою въ состояніи разобщенія, изъ которыхъ „кождо“ стояло „особѣ“ отъ другихъ и которыя опредѣляли свои соотношенія скорѣе враждебными, нежели солидарными, чертами. Мы оставили эти племена - государства, эти федеративно - волостные территоріальные союзы, въ состояніи

броженія, въ состояніи переходномъ къ высшей формѣ общественности—къ государству-народу, которое способно было бы дать „нарядъ“ этому разнообразію племенъ, территорій и политическихъ организацій, создавъ изъ него одно политическое цѣлое—уже съ сознаніемъ своей общенародности, съ общею территоріею, съ общею государственною властью.

Созданіе русскаго народа и русскаго государства подготовлялось и элементы для ихъ возникновенія — уже имѣлись на лицо. Нуженъ былъ только тотъ или другой импульсъ, ожидался только извѣстнаго рода толчокъ для того, что бы этотъ народъ, на первое время, конечно, только чисто механическимъ путемъ—сложился, что бы это государство—осуществилось.

Такимъ толчкомъ могло быть или завоеваніе, или же свободное самоопредѣленіе воли отдѣльныхъ государствъ-племенъ,—все равно, выразится ли это самоопредѣленіе воли въ формѣ призванія общей власти или въ формѣ добровольнаго признанія такой общей власти.

О завоеваніи, какъ исходной точкѣ образованія русской государственности, — по крайней мѣрѣ о завоеваніи въ той рѣзкой и категорической формѣ, путемъ каковаго формировались великія государства Западной Европы, — въ нашей начальной исторіи не можетъ идти и рѣчи. Конечно, частичныя завоеванія не чужды были и зарожденію русской государственности: „поча Олегъ воевати древляны и, примучивъ и, имаше на нихъ дань“; „иде Олегъ на сѣверяны и побѣди сѣверяны и возложи нань дань“; „съ уличи и тиверцы имяше (Олегъ же) рать“,—но несомнѣнно, что основное ядро русской государственности, съ полянскимъ племенемъ-государствомъ, уже издавно извѣстнымъ, повидимому, окрестнымъ странамъ подъ наименованіемъ „Руси“, въ его основѣ, сформировалось путемъ свободнаго самоопредѣленія воли вошедшихъ въ него племенъ. Что племя кривичей добровольно признало власть перваго русскаго историческаго князя, это видно изъ лѣтописнаго свидѣтельства о томъ, что „вѣщій“ Олегъ—„приде къ Смоленску (главному городу ихъ) съ кривичи и прія (а не „взя“) градъ“; напротивъ, онъ уже „беретъ“ (т. е. беретъ силою) городъ Любечь, расположенный на западной окраинѣ территоріи сѣверянъ („взя Любечь и посади мужъ свой“). Мирнымъ путемъ покончилъ первый собиратель земли русской и съ пле-

менемъ радимичей, охотно смѣнившимъ подданное отношеніе свое къ казарамъ—на такую же зависимость отъ Олега и Кіева: „Посла Олегъ къ радимичемъ, рька: кому дань даете? Они же рѣша: казаромъ. И рѣче имъ Олегъ: не дайте козаромъ, но мнѣ дайте. И вдаша Ольгови по щьлягу, яко же козаромъ даша“. Мирно признали власть Олега и сами поляне, если мы и примемъ даже на вѣру преданіе повѣсти временныхъ лѣтъ о той безцеремонности, съ какою обошелся этотъ князь съ полянскими князьями, предательски умертвивъ ихъ: примѣры подобнаго рода добровольно-пассивнаго отношенія волостей къ перемѣнѣ у нихъ носителей княжескаго достоинства даетъ намъ, какъ въ своемъ мѣстѣ убѣдимся въ этомъ, и Русь удѣльно-вѣчевая.

Русское государство создалось, такимъ образомъ, помимо завоеванія въ томъ суровомъ значеніи этого понятія, съ какимъ столкнулось зарожденіе великихъ западно-европейскихъ государствъ. Отсюда отсутствіе рѣзкаго распаденія населенія на побѣдителей и побѣжденныхъ, поработителей и порабощенныхъ, съ крѣпостнымъ подневольнымъ состояніемъ въ его основѣ; отсюда отсутствіе раздачи отобранныхъ отъ побѣжденныхъ земель сподвижникамъ по завоеванію, съ бенефиціальною системою и феодализмомъ въ ея результатѣ; отсюда отсутствіе борьбы обладателя верховной власти съ феодалами и ранняго развитія абсолютизма, закрѣпощающей дѣятельности государства и сословнаго раздѣленія,—словомъ, тѣхъ историческихъ формъ и явленій, которыя невольно бросаются въ глаза въ историческихъ судьбахъ народовъ Западной Европы[1]). Будь въ начальной жизни русскаго государства подобнаго рода завоеваніе—оно оставило бы по себѣ крупный слѣдъ въ исторіи и не прошло бы незамѣченнымъ нашими ранними сосѣдями-византійцами, которые, однако, и послѣ возникновенія русскаго

---

[1]) Не лишнимъ будетъ отмѣтить здѣсь весьма характерное историческое происхожденіе русскихъ терминовъ: «подданство», «подданный». Въ смыслѣ выражаемаго въ нихъ понятія нахожденія «подъ данью», зависимости отъ власти съ точки зрѣнія платежа ей «дани»—эти термины указываютъ намъ на болѣе свободное отношеніе населенія къ государству, сравнительно съ западно-европейскими терминами: subject, sujet (sub jugo) или Unterthan (unterthun), выражающими въ себѣ понятіе полной, абсолютной, подчиненности, въ смыслѣ противоположности покорителя и покоренныхъ.

государства продолжаютъ поддерживать сношенія съ руссами, какъ съ старыми знакомцами, указанія на что даютъ намъ договоры съ греками 912-го и 945-го годовъ; ясно, что въ жизни восточно-славянскихъ племенъ произошло теперь измѣненіе только въ формѣ этой жизни, но не въ ея содержаніи.

Вопросъ о происхожденіи русскаго государства, неразрывно связывавшійся съ пресловутымъ вопросомъ о происхожденіи варяго-руссовъ, уже болѣе полутора вѣковъ, какъ мы это знаемъ, интересуетъ собою историковъ Россіи, безплодно бродившихъ въ туманѣ легендарныхъ сказаній нашихъ лѣтописей, начальныхъ и болѣе позднихъ разрядовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя ухитрялись даже выводить Рюрика отъ рода римскаго цезаря Августа; тщетно старавшихся истолковывать въ пользу своихъ предвзятыхъ построеній источники византійскіе и западно-европейскіе, въ отчаяніи бродившихъ въ дебряхъ противорѣчій и полунамековъ арабскихъ бытописателей... Намъ извѣстно уже и то, что въ области вопроса о началѣ русской народности и русской государственности въ русской исторіографіи сказались три основныя направленія: а) Направленіе норманское, признававшее полную достовѣрность сказанія нашей начальной лѣтописи о призваніи сѣверными племенами изъ за-моря варяго-руссовъ (норманновъ), которымъ и суждено было не только передать будущему русскому народу свое наименованіе и основать русское государство, но и оказать свое рѣшительное вліяніе на всѣ, безъ исключенія, стороны духовной жизни народа, не выключая и права; эти норманны, пробывъ на новгородскомъ сѣверѣ не болѣе двадцати лѣтъ, спускаются отсюда въ Приднѣпровье, гдѣ и кладутъ твердыя основы русской монархіи, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, — по крайней мѣрѣ до половины XI-го вѣка,—не выходящей изъ подъ рѣшительнаго вліянія норманскаго склада жизни („норманскій періодъ" русской исторіи); б) Славяно-балтійское направленіе, по ученію котораго призванные изъ за-моря варяго-руссы были выходцами изъ балтійскаго славянства, причемъ и это ученіе допускаетъ передвиженіе зародившагося пульса русской государственной жизни съ сѣвера на югъ, въ Приднѣпровье, гдѣ онъ и столкнулся съ самостоятельно и уже издавно забившимся здѣсь славянскимъ же пульсомъ жизни; в) Самобытно-русское направленіе, которое, совершенно отвергая

достовѣрность сказаній начальной лѣтописи, признаетъ самобытное и вполнѣ органическое развитіе славянской Руси въ Приднѣпровьи и по сѣверному побережью Чернаго (Русскаго) моря.

Поборники норманизма легче всего порѣшили съ вопросомъ о происхожденіи русскаго государства: они на вѣру приняли сказанія начальной лѣтописи и съ ея страницъ получили готовый шаблонъ интересующаго насъ вопроса, только перефразируя и комментируя въ свою пользу свидѣтельства лѣтописца. Все облеклось у нихъ въ наивно-примитивную форму лѣтописнаго шаблона, сильно смахивающую на излюбленные мотивы нашего сказочнаго эпоса. Призваніе изъ за моря трехъ непомнящихъ родства братьевъ-варяговъ „съ роды своими"; подѣленіе ими волостей призвавшихъ ихъ племенъ; совершенно безцѣльное, хотя и тріумфальное, передвиженіе черезъ двадцать лѣтъ Олега внизъ по Днѣпру („куда глаза глядятъ", изъ „прихоти", изъ присущей норманнамъ склонности къ авантюрамъ—поясняетъ М. П. Погодинъ [1]) и другіе крайніе норманисты), причемъ онъ, попутно, опять таки неизвѣстно для чего,—вѣроятно тоже изъ „прихоти",—овладѣваетъ приднѣпровскими городами и, наконецъ, дойдя до кіевскихъ горъ, хитростью умерщвляетъ здѣсь Аскольда и Дира—все это сильно напоминаетъ сказочный театръ маріонетокъ, искусственно подобранный для объясненія начала русской государственности Государство въ этомъ сказочномъ шаблонѣ—какой то deus ex machina; народъ—безсловесная масса, идіотически-тупо подчиняющаяся кучкѣ сѣверныхъ искателей приключеній, почти на цѣлыхъ два вѣка налагающихъ на нее ярмо своего антинаціональнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и фатально-неотразимаго вліянія во всѣхъ сферахъ физической и духовной жизни.....

Наиболѣе ярый и фанатически-убѣжденный поборникъ норманской теоріи, покойный *М. П. Погодинъ*, усиленно отыскивалъ зародышную точку,—„punctum saliens", какъ онъ выражался,—русскаго государства. Онъ сопутствовалъ ей изъ варяжскаго заморья, пребывалъ съ нею въ Новгородѣ, спускался съ нею по Днѣпру, слѣдилъ за нею въ Кіевѣ, не упускалъ ее изъ вида во всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ кіевскихъ

[1]) См. его «Норманскій поріодъ русской исторіи», М. 1859, стр. 139.

князей и видитъ рѣшительное упроченіе ея на мѣстѣ лишь съ окончаніемъ княженія в. к. Ярослава I-го, поставивъ взлѣлѣяніе этого punctum saliens'а въ всецѣлую заслугу норманновъ: „Удалые норманны,—писалъ Погодинъ,—въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ раскинули планъ будущаго государства, намѣтили его предѣлы, нарѣзали ему земли безъ циркуля, безъ линейки, безъ астролябіи, съ плеча—куда хватила размашистая рука“ [1])....

Говорятъ, что толчокъ къ созданію русскаго государства данъ былъ на сѣверѣ—и видятъ этотъ толчокъ въ призваніи варяго-русскихъ князей, преданіе о которомъ сохранила намъ начальная лѣтопись. Прежде всего два слова объ этомъ преданіи. Мы вовсе не склонны стоять за историческую несообразность его и не видимъ въ немъ ничего невѣроятнаго или невозможнаго съ точки зрѣнія исторической логики, о чемъ, въ своемъ мѣстѣ, уже и говорили, признавъ скептическое отношеніе къ нему Д. И. Иловайскаго выраженнымъ въ слишкомъ категорической формѣ [2]). Что раздираемыя усобицами сѣверныя племена могли въ началѣ второй половины IX-го вѣка призвать къ себѣ для „наряда“ какихъ то „варяжскихъ“ предводителей — это дѣло вполнѣ возможное, какъ вполнѣ вѣроятно и то, что не разъ доводилось новгородцамъ и до того прибѣгать къ подобной же мѣрѣ созданія у себя внутренняго „наряда“; прибѣгли они къ аналогичной мѣрѣ и въ 970 г., приславъ къ в. к. Святославу просить себѣ князя и при этомъ угрожая, что они сами „налѣзутъ“ (найдутъ) себѣ князя, если никто изъ Святославичей не захочетъ идти на ихъ зовъ, — фактъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ бурной исторіи новгородскаго народоправства. Лѣтописное преданіе о сѣверномъ призваніи нисколько не является, поэтому, абсурднымъ съ точки зрѣнія исторической логики, какъ полагаетъ это г. Иловайскій,—но отсюда еще далеко до возможности ставить это призваніе въ связь съ самымъ зарожденіемъ русскаго государства, видѣть въ немъ punctum saliens нашей исторической жизни, если мы и признаемъ даже достовѣрность свидѣтельства лѣтописца о генеалогической связи призванныхъ на сѣверѣ варяжскихъ князей съ первыми исто-

---

[1]) Ibid., стр. 150.
[2]) См. выше стр. 330—333.

рическими кіевскими великими князьями, если мы примемъ даже и свидѣтельство о передвиженіи Олега въ 882 г. съ сѣвера на югъ, изъ Новгорода въ Кіевъ. Самъ Погодинъ, трактуя о водвореніи варяжскихъ князей на сѣверѣ, сознается въ томъ, что „такое совершенно отдѣльное происшествіе нельзя назвать безусловно началомъ русскаго государства“, самъ признаетъ это „совершенно отдѣльное“ происшествіе— „атомомъ, зародышемъ, который именно едва поймать можно микроскопомъ историческихъ соображеній“, т. е. средствомъ крайне субъективнымъ, растяжимымъ и условнымъ, что и сказалось вполнѣ на начальномъ періодѣ русской исторіи, по отношенію къ которому наша историографія далеко не сказала еще своего послѣдняго слова.

Несомнѣннымъ является, что въ ту пору, къ которой относятся наши первыя историческія свидѣтельства, восточнославянскій міръ представлялъ два центра: сѣверный (Новгородъ) и южный (Кіевъ). Сказанія начальной лѣтописи о новгородскомъ краѣ являются до эпохи вокняженія здѣсь Владиміра Святославича крайне скудными, что бы не сказать только, что это начальное столѣтіе (862—970 гг.)—настоящая tabula rasa новгородской исторіи. Преданіе о призваніи варяговъ, разсказъ объ уходѣ Олега на югъ, съ полнымъ молчаніемъ лѣтописи (мы не принимаемъ въ расчетъ домысловъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ) о новгородскихъ дѣлахъ за двадцатилѣтіе 862—882 гг., т. е. до оставленія Новгорода Олегомъ, туманное свидѣтельство о трехъ стахъ гривнахъ, которыя Олегъ уставилъ давать варягамъ отъ Новгорода „мира дѣля“, да краткое извѣстіе объ установленіи Ольгою по Мстѣ и по Лугѣ погостовъ и даней—вотъ все, чѣмъ за цѣлое столѣтіе исчерпываетъ начальная лѣтопись свои свѣдѣнія о новгородскомъ краѣ. Этотъ край мало и интересовалъ собою, повидимому, лѣтописца-южанина.

Совсѣмъ иное приходится сказать относительно юга, который имѣлъ свою исторію и до предполагаемаго прихода сюда съ сѣвера Олега, который уже въ ту пору интересовалъ собою и византійскій и мусульманскій міры, гдѣ жили воспоминанія и преданія о прошломъ, гдѣ имѣлся свой эпосъ, слѣды котораго ясно сохранились въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“... Кіевъ по преимуществу интересуетъ собою идеализирующаго жизнь его лѣтописца; въ

Кіевѣ, — „матери городовъ русскихъ“, — видитъ онъ начало русской земли; Новгородъ—какой то искусственно прицѣпленный придатокъ, какой то временный и случайный „этапъ“ нашей начальной лѣтописи. „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ,—такъ начинаетъ она свое повѣствованіе,—откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда Русская земля стала есть“. „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ ясно связываетъ, такимъ образомъ, начало русской земли съ начальною исторіею Кіева: преданіе о сѣверномъ призваніи князей уже выходитъ изъ круга повѣствованія этой первой составной части нашей начальной лѣтописи.

Наша начальная лѣтопись, предваряя изложеніе ею этого сѣвернаго преданія, ставитъ историческое начало русской земли въ связь съ событіемъ, занесеннымъ и въ византійскія хроники: это—воинственный набѣгъ въ 866 году (по хронологіи нашей начальной лѣтописи [1]) руссовъ на столицу Византіи, приписываемый лѣтописцемъ кіевскимъ князьямъ Аскольду и Диру. „Въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля“,—читаемъ въ начальной лѣтописи, пріурочивающей, такимъ образомъ, первое „прозваніе“, т. е. первое историческое упоминаніе о русской землѣ, къ началу царствованія византійскаго императора Михаила, относимому нашею лѣтописью къ 852-му году. Данныя объ этомъ вывелъ лѣтописецъ изъ бывшихъ у него подъ руками византійскихъ хроникъ, разсказывающихъ объ упомянутомъ выше набѣгѣ: „О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется въ лѣтописаньи гречьстѣмъ“. Воцареніе Михаила лѣтописецъ и кладетъ („отселѣ почнемъ и числа положимъ“) въ основу своихъ компилятивныхъ историческихъ повѣствованій и своей, довольно таки сомнительной, хронологіи. Ясный выводъ отсюда тотъ, что лѣтописецъ считаетъ цѣлесообразнымъ пріурочить первое историческое извѣстіе („начася прозывати Руска земля“) о русской землѣ къ 852-му году, т. е. на десять лѣтъ

---

[1]) Вѣроятнѣе—въ 864-омъ году, какъ выясняютъ это нѣкоторыя данныя (см. у И. Е. Забѣлина: «Исторія русской жизни», I (М. 1876), стр. 425.

ранѣе предполагаемаго года призванія на сѣверѣ варяго-руссовъ [1]).

Натяжкою, вызванною желаніемъ установить опредѣленную математическую точку (своего рода тоже punctum saliens) для начала русской хронологіи, является и искусственно выставленная лѣтописцемъ связь начала „прозванія“ русской земли съ набѣгомъ 864—866 года. Это „прозваніе“ отодвигается,—для византійцевъ, по крайней мѣрѣ,—ко временамъ болѣе раннимъ. Подробное и горячо составленное описаніе набѣга 864—866 г. оставлено намъ въ своихъ „Бесѣдахъ“ патріархомъ константинопольскимъ Фотіемъ,—извѣстнымъ ревнителемъ дѣла христіанскаго просвѣщенія славянъ. „Вспомните,—говорилъ Фотій народу, возстановляя подробности постигшей передъ тѣмъ Царьградъ русской грозы,—тотъ часъ несносный и горькій, когда передъ нашими глазами плыли варварскіе корабли, навѣвавшіе что то свирѣпое, дикое и убійственное; когда они проходили передъ городомъ и угрожали ему, простерши свои мечи, когда вся человѣческая надежда отлетѣла отъ человѣковъ и единственное убѣжище оставалось только у Бога“... Ворвавшись съ своимъ флотомъ, неожиданно для грековъ, въ Константинопольскій проливъ, руссы огнемъ и мечемъ опустошили окрестности византійской столицы и стали уже приступать къ городской цитадели, когда крестный ходъ вокругъ стѣнъ съ поднятою изъ Влахернскаго собора ризою Пресвятой Богородицы спасъ Константинополь отъ совершеннаго разгрома. Вскорѣ послѣ этихъ событій значительная часть руссовъ приняла христіанство, что и дало патріарху Фотію поводъ занести въ одно изъ своихъ посланій слѣдующія, уже извѣстныя намъ, строки: „Не только Болгарскій народъ перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа, но и этотъ народъ, о которомъ многіе многое разсказываютъ и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ,—оный глаголемый Росъ,—который, поработивъ живущихъ окрестъ него и возгордясь своими побѣдами, воздвигъ руки и на Римскую имперію—и сей, однако,

---

[1]) Въ сущности еще ранѣе, такъ какъ годъ начала царствованія Михаила указанъ лѣтописцемъ ошибочно: Михаилъ принялъ престолъ въ 842 году.

нынѣ перемѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую христіанскую вѣру". *И. Е. Забѣлинъ* приводитъ, на основаніи „Бесѣдъ" того же патріарха Фотія, неотразимыя данныя въ пользу того, что самый набѣдъ 864—866 г. явился лишь актомъ мести за обиды, передъ тѣмъ причиненныя въ Византіи со стороны грековъ руссамъ, постоянно, въ качествѣ торговцевъ и рабочихъ людей, проживавшихъ въ Царьградѣ: „Ихъ (руссовъ) привелъ къ намъ гнѣвъ (т. е. месть),—пишетъ патр. Фотій.... Часто внушалъ я вамъ,—учитъ онъ паству свою:—берегитесь, исправьтесь, не попускайте отточиться Божію мечу и натянуться Его луку, — не лукавьте съ честными людьми" [1])... Врядъ-ли можно вывести отсюда заключеніе, что только „наченшю Михаилу царствовати" и русская земля „начася прозывати",—какъ увѣряетъ насъ въ томъ лѣтописецъ. Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ съ совершенною ясностью вытекаетъ, что „глаголемый Росъ"- уже раньше того извѣстенъ былъ грекамъ, еще до того находился съ ними въ сношеніяхъ, какъ это въ своемъ мѣстѣ выяснится для насъ и изъ разбора внутренняго содержанія договоровъ русскихъ князей съ греками, заключающихъ въ себѣ прямыя указанія на издавнія торговыя и дипломатическія сношенія между Византіею и Русью.

Все заставляетъ историка прійти къ убѣжденію въ томъ, что, помимо преданія о сѣверномъ призваніи князей и о передвиженіи въ 80-хъ годахъ IX-го вѣка вновь зародившагося, будто бы, въ новгородскомъ краѣ пульса русской исторической жизни съ сѣвера на югъ—славянское Приднѣпровье издавна жило своею самобытною жизнью, что здѣсь глубоко пустилъ свои корни „глаголемый Росъ", успѣвшій заставить „говорить о себѣ", успѣвшій „поработить окрестныя страны" и даже „возгордиться своими побѣдами" (слова патріарха Фотія) въ то самое время, когда сѣверно-новгородскій край вызывалъ себѣ какихъ то князей изъ за-моря и тѣмъ, будто бы, слагалъ основаніе русской народности и русской государственности.

Но гдѣ же и въ чемъ искать намъ начало русской госу-

---

[1]) Забѣлинъ: «Исторія русской жизни», I. стр. 428—436.

дарственнности? Гдѣ и въ чемъ должны мы видѣть тотъ punctum saliens, ту математическую точку, которая, двинувшись впередъ, образовала линію,—„и какую линію: половину экватора, треть меридіана“, какъ патетически восклицалъ покойный Погодинъ?

Жизнь народа, а вслѣдъ за нею и его исторія, очень плохо подчиняются „математическимъ точкамъ“, и древняя историческая жизнь русскаго народа, съ ея почти незамѣтною для глазъ историка смѣною формъ и внутреннихъ условій жизни, служитъ тому нагляднѣйшимъ доказательствомъ, въ чемъ мы впослѣдствіе не разъ и будемъ имѣть случаи убѣждаться.

И такъ, оставивъ въ сторонѣ узко схоластическій вопросъ объ исходной „математической точкѣ“ русской исторіи,—что для насъ, историковъ-юристовъ, и не представитъ особеннаго ущерба въ виду поставленнаго въ наши дни на вполнѣ безспорную почву вопроса о національномъ, чуждомъ рѣшительнаго вліянія всякаго рода варяговъ и другихъ чужеземцевъ, развитіи нашей древнѣйшей правовой жизни,—вглядимся попристальнѣе въ жизнь русскаго Приднѣпровья во второй половинѣ IX-го и въ началѣ X-го вѣковъ.

Несомнѣнно, что въ эту пору происходитъ здѣсь какое то движеніе, совершается историческій процессъ, на почвѣ котораго уже готово создаться русское государство. Очень можетъ быть, что и цареградскій набѣгъ 864—866 г. былъ лишь однимъ изъ отраженій этого движенія. Это движеніе—объединяющее, это процессъ—централизаціонный, направленный къ сплоченію отдѣльныхъ территоріальныхъ волостей подъ гегемоніею „матери городовъ русскихъ“—Кіева. Не праздными же должны представляться намъ слова патріарха Фотія о томъ, что, „поработивъ окрестныя страны“, Росъ въ 60-хъ годахъ IX-го вѣка „возгордился своими побѣдами“ до того, что воздвигъ свои руки на византійскую имперію. Не кажется намъ ничего пародоксальнаго въ предположеніи, что это объединительное движеніе—явилось реакціею противъ притязаній казаровъ („казары,—читаемъ въ лѣтописи подъ 859-мъ годомъ,—имаху дань на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ“), подобно тому, какъ и одновременное единеніе сѣверныхъ племенъ въ основѣ своей имѣло, согласно лѣтописному преданію, стремленіе оградить себя отъ варяж-

скихъ насилій. Исторія сохранила намъ и имя вождя и руководителя этого объединяющаго движенія—перваго историческаго русскаго великаго князя *Олега*, дѣятельность котораго въ данномъ направленіи была особенно интенсивна, повидимому, въ восьмидесятыхъ годахъ IX-го вѣка, т. е. вскорѣ послѣ описаннаго патріархомъ Фотіемъ цареградскаго набѣга. Начальная лѣтопись, влагающая въ уста Олега признаніе имъ Кіева „матерью городовъ русскихъ“,—пріурочиваетъ главные моменты этой дѣятельности къ 882—885 годамъ: въ 882-мъ году Олегъ простираетъ свою власть надъ Смоленскомъ и Любечемъ (кривичи и часть сѣверянъ), въ 883-мъ году „примучиваетъ“ древлянъ, въ 884-мъ году освобождаетъ сѣверянъ отъ казарской дани, въ 885-мъ году дѣлаетъ тоже самое по отношенію къ радимичамъ, одновременно воюя съ уличами и тиверцами. „И бѣ Олегъ,—заключаетъ лѣтописецъ,—обладая поляны, и деревляны, сѣверяны и радимичи“.

Вотъ первый историческій моментъ зарождающагося русскаго государства, вотъ его генезисъ, примѣнительно къ которому лѣтописецъ съ большимъ основаніемъ, нежели по отношенію къ началу царствованія византійскаго императора Михаила, могъ бы сказать свое: „Отселѣ почнемъ и лѣта положимъ“....

Послѣ 885-го года, наша начальная лѣтопись въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ хранитъ упорное молчаніе о судьбахъ Олега и зародившагося русскаго государства, заполнивъ этотъ пробѣлъ извѣстіемъ о прохожденіи черезъ Приднѣпровье „угровъ“, повѣствованіемъ о просвѣтительной дѣятельности св. св. Кирилла и Меѳодія и о столкновеніи угровъ съ болгарами. Не касается лѣтописецъ и вопроса объ отношеніяхъ Олега къ уграмъ, около 898-го года проходившимъ мимо Кіева, и только подъ 903-мъ годомъ вскользь упоминаетъ объ Олегѣ по поводу возмужанія и женитьбы Игоря. Но за то черезъ четыре года, подъ 907-мъ годомъ, встаетъ передъ нами мощная и предпріимчивая фигура „Олъга, великаго князя Рускаго“ (такъ впервые именуется онъ въ договорѣ съ греками 912-го года), новою и побѣдоносною грозою идущаго на Византію сухопутною и морскою ратью, приводящаго въ трепетъ византійскую столицу и, по преданію, прибивающаго свой щитъ на вратахъ Цареграда. Пять лѣтъ спустя (912 г.), первый великій князь русскій Олегъ заключаетъ съ византійскими

императорами письменный мирный трактатъ, въ которомъ, отъ себя лично и отъ лица всей „сущей подъ рукою его“ Руси, на правахъ равной стороны договаривается съ гордою Византійскою имперіею, предписывая ей условія мирнаго соглашенія.

Память объ Олегѣ,—кто бы онъ ни былъ: варяжскій ли выходецъ изъ сѣвернаго края, одинъ ли изъ туземно-славянскихъ князей, или воспользовавшійся благопріятно сложившимися обстоятельствами энергичный авантюристъ,—во всякомъ случаѣ не прошла безслѣдною въ народѣ. Народная память окружила ореоломъ чудесности перваго собирателя русской земли, прозвавъ его „вѣщимъ“ и удѣливъ ему мѣсто въ своемъ эпосѣ (эпическія сказанія объ овладѣніи Кіевомъ, о греческомъ походѣ Олега, о его необычайной смерти, „Вольга“ нашихъ былинъ...).

Такъ зачалась достовѣрная, даже документальная (договоры съ греками), русская исторія—и врядъ ли приходится скорбѣть о невозможности пріурочить начало ея къ строго опредѣленному году, къ строго и математически ясно обозначенной точкѣ, о чемъ такъ старался составитель нашего древнѣйшаго лѣтописнаго свода, къ чему такъ стремились и первые нѣмецкіе піонеры русской исторической науки. Мы не въ состояніи указать строго математической начальной точки для зародившагося нѣсколько вѣковъ спустя Московскаго государства, процессъ формаціи котораго совершался исподоволь, шагъ за шагомъ, почти непримѣтно для глазъ историка, безъ рѣзкихъ революціонныхъ процессовъ и переворотовъ,—тѣмъ болѣе странною представляется безплодная погоня за строго пріуроченнымъ къ данному мѣсту и къ данному моменту актомъ рожденія русскаго народа и русскаго государства.

Великій князь Олегъ Кіевскій и Русскій—является историческимъ родоначальникомъ княжеской династіи (употребивъ это иностранное слово) или общерусской княжеской „задруги“ (слѣдуя удачной на нашъ взглядъ терминологіи Ѳ. И. Леонтовича), въ лицѣ которой русскій государственный строй получилъ элементъ для организаціи власти, въ лицѣ которой получила свое жизненное осуществленіе идея единства народа и государства, побѣдоносно прошедшая черезъ проявленія партикуляризма князей и волостей, черезъ всю пестроту и

кажущуюся хаотичность явленій и отношеній удѣльнаго періода русской исторической жизни.

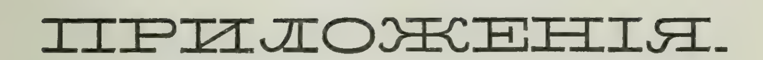
Княженіе Олега представляетъ особенно существенный интересъ для исторіи права русскаго народа. Въ предпослѣдній годъ этого княженія заключается, какъ мы знаемъ, первый письменный трактатъ между руссами и греками, извѣстный подъ названіемъ „Договора великаго князя Олега съ греками 912-го года“. Въ этомъ договорѣ русская историко-юридическая наука становится лицомъ къ лицу съ письменнымъ памятникомъ, въ которомъ впервые ясно отражаются основы политическаго, общественнаго и правоваго строя древнѣйшей русской земли, въ которомъ впервые письменно формулируются отдѣльныя положенія ея обычнаго права, въ которомъ впервые заявляютъ міру о своемъ существованіи—„законъ русскій“, „законъ и поконъ языка нашего“....

Если необходимо нужна „математическая точка“ и для науки исторіи русскаго права—въ такомъ случаѣ „Договоръ Олега съ греками 912-го года“ могъ бы съ наибольшимъ правомъ заступить ея мѣсто.

Исходя изъ этой начальной точки, вправѣ оказался бы историкъ русскаго права, повторивъ извѣстныя слова составителя нашего древняго лѣтописнаго свода:

Отселѣ почнемъ и лѣта положимъ......

Такъ, именно, мы и поступимъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Добавленія къ тексту.

(Случайные пропуски и неточности и факты, послѣдовавшіе уже послѣ напечатанія соотвѣтствующихъ листовъ книги).

I.

Къ страницѣ 29-ой (строки 16—18 св.).

Съ 1894-го г. въ г. Мышкинѣ (Ярославской губ.) мѣстною земскою библіотекою предпринято новое изданіе Древней Россійской Вивліоѳики, котораго по 1897 годъ выпущено въ свѣтъ 5 томовъ.

II.

Къ страницѣ 34-й (стр. 14—15 сн.).

Пятая часть Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ (248 стр.) выпущена въ свѣтъ въ 1894 году.

III.

Къ страницѣ 36-ой (стр. 1—27 св.).

Дополнительныя данныя объ изданіяхъ Археографической Комиссіи:

Въ 1884 году вышелъ въ свѣтъ III-й томъ „Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи“.

Въ 1894 году вышелъ XV-й томъ „Русской Исторической Библіотеки,“ а въ 1897 году X-й и XI-й томы „Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей“ (продолженіе Никоновскаго свода).

Добавить изданіе: „Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи“, котораго съ 1861 по 1895 годъ появилось X томовъ.

IV.

Къ страницѣ 37-ой (стр. 1—5 снизу).

И. Г. Нейманъ былъ профессоромъ Казанскаго университета и до (1809—1811 г.г.) и послѣ (1814—1817 г.г.) своей службы въ Дерптѣ, до послѣдней преподавая въ Казанскомъ университетѣ россійское правовѣдѣніе и политическую экономію, а во второе служеніе свое здѣсь—права естественное, политическое и народное.

V.

Къ страницѣ 44-й (стр. 1—4 св.).

Къ „Исторіи Россіи“ Д. И. Иловайскаго непосредственно примыкаетъ дополняющій ее трудъ того же автора: „Смутное время Московскаго государства. Окончаніе исторіи Россіи при первой династіи“ (М. 1894).

VI.

Къ страницѣ 59-ой (стр. 4 св.).

Въ минувшемъ 1898-мъ году предпринято, подъ редакціею академика А. А. Шахматова и прив.-доцента Ф. А. Вальтера, изданіе полнаго собранія сочиненій покойнаго А. Д. Градовскаго. Все изданіе расчитано на 8 томовъ, изъ числа которыхъ первые два вмѣстятъ въ себѣ статьи по исторіи русскаго права. Первый томъ („Собраніе

сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ первый. Спб. 1899“) вышелъ въ свѣтъ въ концѣ прошедшаго года.

VII.

Къ страницѣ 60-й (стр. 8—10 сн.) и 127-ой (стр. 2 св.).

Новыя изданія трудовъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Христоматія по исторіи русскаго права“, вып. I (изд. 5-ое, К. 1899) и „Обзоръ исторіи русскаго права“ (изд. 3-е, К. 1899).

VIII.

Къ страницѣ 65-ой (стр. 15—19 св.).

Слѣдуетъ добавить позднѣйшіе труды проф. М. А. Дьяконова:

„Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія“ (Спб. 1893).

„Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ“, вып. I—II (Юрьевъ, 1895—1897).

„Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣкахъ“ (Спб. 1895).

„Бобыли въ XVI и XVII вѣкахъ“ (Спб. 1896).

Новѣйшій трудъ его: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI — XVII вѣковъ“ (Спб. 1898, изд. Археогр. Коммиссіи).

Послѣднія работы г. Дьяконова сосредоточились, такимъ образомъ, на весьма важномъ вопросѣ о русскомъ крестьянствѣ въ XVI и XVII вѣкахъ.

IX.

Къ страницѣ 65-й (стр. 19—27 св.).

Изъ другихъ трудовъ проф. А. Н. Филиппова добавить:

„Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Часть I: Сенатъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта“, Юр. 1895.

„Къ вопросу о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ“, М. 1896 (изъ журн. Русск. Мысль).

„Кабинетъ министровъ и Правительствующій Сенатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, 1731 — 1741 г.г. (Сборникъ Правовѣдѣнія, т. VII, 1897).

„Императоръ Николай I и Сперанскій“ (рѣчь, 1897 г.).

„Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ“ (Актовая рѣчь, 1898).

Въ послѣднее время проф. А. Н. Филипповъ приступилъ къ изданію документовъ Кабинета министровъ, изъ которыхъ документы 1731—1732 г.г. напечатаны имъ („Бумаги Кабинета министровъ“) въ томѣ 104-мъ „Сборника Императ. Русскаго Историч. Общества“, съ препровожденіемъ предисловія, излагающаго внѣшнюю исторію названнаго учрежденія.

X.

Къ страницѣ 66-ой (стр. 17—19 сн.).

Профессоръ русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ Н. А. Ѳирсовъ скончался 24 апрѣля 1896-го года.

XI.

Къ страницѣ 67-ой (послѣ стр. 19 св.).

Въ настоящее время съ Д. А. Корсаковымъ трудъ чтенія лекцій по русской исторіи раздѣляетъ приватъ-доцентъ, магистръ Н. Н. Ѳирсовъ, авторъ монографіи „Русское законодательство о хлѣбномъ винѣ въ XVIII столѣтіи“ (Каз. 1892 и Уч. Зап. Каз. Унив.), изслѣдованія: „Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую половину XVIII столѣтія“ (Каз. 1896) и нѣкот. др. болѣе мелкихъ работъ.

XII.

Къ страницѣ 70-ой (къ концу рубрики А).

Добавить: 12) Милюковъ П.—Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ I (М. 1898).

XIII.

Къ страницѣ 70-й (стр. 11 сн.).

Обзоръ содержанія капитальнаго труда проф. В. С. Иконникова: „Опытъ русской исторіографіи“ (Томъ I, книги 1-я и 2-я, Кіевъ, 1891—1892):

Томъ I, книга 1-ая. *Отдѣлъ первый:* глава 1-ая—введеніе; глава 2-я—вспомогательныя знанія и историческая критика; глава 3-я—вопросы внутренней исторической критики, философія исторіи, труды по русской исторіографіи; глава 4-я—начало книжнаго дѣла въ Россіи; глава 5-я—значеніе первой четверти XIX в., графъ Румянцевъ, Археографическая Экспедиція; глава 6-я Археографическая Коммиссія, мѣстныя коммиссіи, статистическіе комитеты; глава 7-я—ученыя общества, періодическія изданія, сборники, библіографія изданій.—*Отдѣлъ второй:* глава 1-я—архивное дѣло въ Россіи; глава 2—3-я—архивы правительственные, общественные, духовные; глава 4-я—библіотеки духовнаго вѣдомства; глава 5-я—библіотеки правительственныя и общественныя.

Томъ I. книга 2-я. *Отдѣлъ второй* (продолженіе): глава 6-я—библіотеки, архивы и музеи ученыхъ и учебныхъ учрежденій; глава 7-я—архивы и библіотеки частные; глава 8-я—музеи правительственные, общественные, церковные и частные; глава 9-я—иностранные архивы, библіотеки и музеи, касающіеся Россіи.

Въ концѣ второй книги имѣются обширныя дополненія и подробные алфавитные указатели личныхъ именъ и географическихъ названій.

XIV.

Къ страницѣ 71-й (къ окончанію главы).

Въ дополненіе къ указаннымъ на стран. 70-й и 71-й пособіямъ по исторіографіи и библіографіи, не безполезнымъ считаемъ указатъ также и нѣкоторые труды, посвященные біо-библіографическимъ свѣдѣніямъ объ отдѣльныхъ авторахъ, имѣющихъ соотношеніе къ наукѣ исторіи русскаго права:

1. Костомаровъ Н. И.—О значеніи критическихъ трудовъ Константина Аксакова по русской исторіи («Русск. Слово» 1861, № 2, и отд. Спб. 1861.

Историческія сочиненія К. С. Аксакова сведены въ первомъ томѣ его «Сочиненій» (изд. 1861 и 1890 гг).

2. Андреевскаго И. Е. списокъ трудовъ въ статьѣ: «И. Е. Андреевскій», въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полут. 7-ой.

3. Козеко П. А.—Указатель литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева—Рюмина. (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, № 2).

4. Бѣляева И. Д. списокъ трудовъ въ «Энциклопед. Словарѣ» Брокгауза и Ефрона, полут. 9-й, стр. 258—259.

5. Коркуновъ Н. М.—З. А. Горюшкинъ, россійскій законоискусникъ («Журн. Мин. Юст.» и отд. Спб. 1895).

6. Памяти А. Д. Градовскаго («Юридич. Вѣстн». 1889, т. III).

Очеркъ его научно-литературной дѣятельности см. въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полут. 18-й, стр. 491—492.

7. Коркуновъ Н. М.—С. Е. Десницкій, первый русскій профессоръ права («Журн. Мин. Юст.» 1894 и отд. Спб. 1894).

8. Дьяконовъ М. А.—Ив. Ив. Дитятинъ, съ перечисленіемъ его трудовъ («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1893, № 1).

9. Л. Н. Майковъ.—Ег. Ег. Замысловскій, некрологъ («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1896, № 8)

10. Иванишева Н. Д. списокъ трудовъ въ собраніи его «Сочиненій» (Кіевъ, 1876)

11. Списокъ научно-литературныхъ трудовъ К. Д. Кавелина въ Энциклопед. Слов. Брокгауза и Ефрона, полут. 26, стр. 808—809.

«Памяти К. Д. Кавелина» («Юрид. Вѣстн.» 1885, т. 19).

12. Востоковъ А. А.—Литературная дѣятельность Н. В. Калачова («Историч. Вѣстн.» 1887, № 5).

«Калачевъ Н. В.» (Энциклоп. Слов. Брокгауза и Ефрона, полут. 27, стр. 7—8)

13. Лучицкій И.—Труды А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права («Кіевская Стар.» и отд. К. 1895).

14. Библіографическій указатель сочиненій Н. И. Костомарова въ книгѣ: «Литературное наслѣдіе Н. И. Костомарова», Спб. 1890.

15. Пташицкій С. Л.—Некрологъ В. А. Мацѣевскаго («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1883, ч. 226).

16. Некрологъ Н. Н. Мурзакевича («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1883, ч. 230).

17. Усовъ.—Очеркъ ученой и служебной дѣятельности Конст. Андр. Неволина. Спб. 1855.

18. Сокольскій В. С.—Алексѣй Степановичъ Павловъ. Съ указаніемъ его трудовъ («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1898, № 10).

19. Срезневскій В.—Списокъ сочиненій В. В. Пассека («Книговѣдѣніе» 1894. № 4).

20. Никольскій Б. В.—Литературная дѣятельность Конст. Петр. Побѣдоносцева (По поводу 50-ти лѣтняго юбилея). Спб. 1896.

21. Милюковъ П. Н.—Мих. Петр. Погодинъ (Историч. записка Императ. Московскаго Археологич. О-ва за первые 25 лѣтъ существованія. М. 1890).

22. Списокъ трудовъ Нила Алекс. Попова («Памятная книжка Москов. Архива Мин. Юст.», М. 1890).

23. Собѣстіанскій, Ив. Мих. Харьк. 1896.

24. Библіографическій обзоръ трудовъ Серг. Мих. Соловьева. Въ приложеніи къ его «Сочиненіямъ», Спб. 1882.

25. К-нъ Н. Н.—Библіографическій указатель сочиненій и статей А. П. Щапова («Книговѣдѣніе» 1894, № 6).

26. Иконниковъ В. С.—Алек. Густ. Брикнеръ («Чтенія въ Общ. Нест. Лѣтоп.», кн. XII, и отд. Кіевъ, 1898).

XV.

Къ страницѣ 102-ой (стр. 3 св.).

Изъ новѣйшихъ работъ въ области славянскаго обычнаго права отмѣтимъ: Milcětić I. и Radić A.—„Zbornik za narodni život i obicaje južnih Slovena“ (Загребъ, 1896—1897) и Бобчевъ С.—„Сборникъ на българскитѣ юридически обичаи. Часть I: Гражданско право, Огд. 1-й: Семейно право“ (Пловдивъ, 1897).

Сюда же должны быть причислены труды чешскаго ученаго К. Кадлеца: „Nekolik kapitol z oboru slovanského práva“ („Osvety“ и отд. Прага 1894) и „Rodinny nedil cili zadruha v pravu slovanském“ (Пр. 1898), а также интересная работа J. Preux: „La loi du Vinodol, traduite et annotée“ (Paris, 1897).

Изъ раннихъ славянскихъ трудовъ слѣдуетъ упомянуть объ изслѣдованіи О. М. Утешеновича на нѣмецкомъ языкѣ: „Die Hauscommunionen der Südslaven, eine Denkschrift zur Beleuchtung der volksthümlichen Acker—und Familienverfassung des Serbischen und des Croatischen Volkes“ (Вѣна, 1859). Разборъ этого труда подъ заглавіемъ: „Семейная община южныхъ славянъ“, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 г., кн. 4.

XVI.

Къ страницѣ 102-ой (къ ея концу).

Добавить трудъ А. Н. Ясинскаго: „Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ X—XIII вѣковъ“ (К. 1896).

XVII.

Къ страницѣ 111 (стр. 8 св.).

Новѣйшимъ трудомъ въ области вопроса о рецепціи византійскаго права является изслѣдованіе Н. Тиктина „Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 г. и Новоуказныхъ статей“ (Од. 1898).

XVIII.

Къ страницѣ 114 (послѣ стр. 29 св.).

Добавить къ предшествовавшимъ литературнымъ указаніямъ еще слѣдующіе изъ трудовъ въ области русско-литовскаго права:

Ѳ. И. Леонтовича: „Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права“ (Спб. 1893); „Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права“ (Спб. 1894); „Источники русско-литовскаго права“ (Варш. Ун. Изв. 1894); „Сословный типъ территоріально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины“ (Спб. 1895); „Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ“ (1896—97); „Сельскіе промышленники въ литовско-русскомъ государствѣ“ (1897).

Д. И. Багалѣя: „Магдебургское право въ лѣвобережной Украйнѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1892).

С. Л. Пташицкаго: „Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута“ (Спб. 1893) и „Къ исторіи литовскаго права послѣ третьяго Статута“ (Ж. М. Нар. Пр. 1893 г., № 10).

М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Очерки изъ исторіи литовско—русскаго права“, вып. III (К. 1893).

Н. Максимейко: „Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута“ (Кіевъ, 1894).

У. Малиновскаго: „Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту“ (К. 1894).

Г. В. Демченко: „Наказаніе по Литовскому Статуту въ трехъ его редакціяхъ". Часть I (К. 1894).

Ѳ. В. Тарановскаго: „Обзоръ памятниковъ Магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ Литовской эпохи" (Варш. 1897).

Сюда же относится и трудъ на нѣмецкомъ языкѣ д-ра A. Halban'a: „Zur Geschichte des deutschen Rechtes in Podolien, Wolhynien und der Ukraine" (Берлинъ, 1896).

XIX.

Къ страницѣ 122-ой (стр. 7 св.).

Добавить изданіе В. И. Сергѣевича: „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права" (Спб. 1894). Здѣсь излагается авторомъ лишь до-петровская исторія права, съ исключеніемъ вошедшаго въ его же „Юридическія древности" и съ др. сокращеніями, измѣненіями и исправленіями сравнительно съ изданіемъ лекцій 1883-го года.

XX.

Къ страницѣ 125-ой (послѣ стр. 25 св.), также къ страницѣ 54-ой (стр. 6 сн.).

Необходимо дополнить свѣдѣнія о трудахъ Д. Я. Самоквасова указаніемъ на новѣйшія его работы, вышедшія въ свѣтъ уже послѣ отпечатанія соотвѣтствующихъ листовъ нашей книги:

„Лекціи по исторіи русскаго права (студенческій конспектъ). Выпускъ II: Происхожденіе и содержаніе общихъ законовъ русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ. Выпускъ III: Мѣстное законодательство удѣльныхъ государствъ и законодательство Московскаго государства и Россійской имперіи" (М. 1896).

„Изслѣдованія по исторіи русскаго права. Выпускъ I: Предисловіе, введеніе, критическій обзоръ теорій догосударственнаго быта русскихъ славянъ. Выпускъ II: Средства познанія системы русскаго права языческой эпохи" (М. 1896).

XXI.

Къ страницѣ 125-ой (стр. 15—5 сн.).

Въ концѣ минувшаго года вышелъ въ свѣтъ новѣйшій трудъ проф. В. Н. Латкина въ области систематизаціи исторіи русскаго права: „Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи (XVIII и XIX ст.)“, Спб. 1899.

XXII.

Къ страницѣ 126-ой (къ стр. 6—11 сн.).

Проспектъ II-го тома „Русскихъ юридическихъ древностей“ В. И. Сергѣевича (Спб. 1893 и 1896):

Выпускъ I: „Вѣче и князь“. Книга III: „Вѣче“ (Главы: 1) Гдѣ и когда было вѣче?; 2) Вѣчевое устройство; 3) Вѣчевая жизнь пригородовъ). Книга IV: „Князь“ (Главы: 1) Владѣтельные князья; 2) Распредѣленіе волостей между князьями; 3) Служебные князья; 4) Княжескія отношенія съ точки зрѣнія теоріи родоваго быта). Спб. 1893.

Выпускъ II. Книга V: „Совѣтники князя“ (Главы: 1) Княжеская дума; 2) Литература вопроса о старой думѣ; 3) Духовенство; 4) Литература вопроса объ исторической роли духовенства). Спб. 1896.

XXXIII.

Къ страницѣ 127-ой (послѣ 2 стр. сн.).

Добавить сборникъ Я. Г. Сѣверскаго: „Памятники древне-русскаго законодательства (Русская Правда, Судныя грамоты Псковская и Новгородская, Судебники). Съ предварительными замѣчаніями и краткимъ словаремъ“. (Спб. 1893).

XXIV.

(*Къ страницѣ 165-ой (стр. 18 св.*).

По 1897 годъ вышли въ свѣтъ еще X и XI томы „Полнаго Собранія Лѣтописей“, заключающіе въ себѣ продолженіе Никоновской лѣтописи.

XXV.

Къ страницѣ 170-ой (*стр. 7 св.*).

Добавить труды: *Польнова*—„Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей“ (Спб. 1850), *Сухомлинова М. И.*—„О древне-русской лѣтописи“ (Спб. 1856) и Тихомирова И. А.—„Обозрѣніе лѣтописныхъ сборниковъ“ (Спб. 1896).

XXVI.

Къ страницѣ 176-ой (*стр. 14—16 св.*).

Въ 1891 году вышелъ IV-й томъ „Докладовъ и приговоровъ, состоявшихся въ Правит. Сенатѣ въ царствованіе Петра В.“

XXVII.

Къ страницѣ 177-ой (стр. 14—26 св.).

По 1898 годъ выпущено въ свѣтъ изданій: „Родъ Шереметевыхъ“—7 томовъ, „Семейство Разумовскихъ“—5 томовъ, „Архива князя Воронцова“—40 томовъ.

XXVIII.

Къ страницѣ 196-ой (стр. 13—18 св.).

Въ области библіографіи обычнаго права русская наука располагаетъ превосходнымъ трудомъ Е. И. Якушкина:

„Обычное право“, выпуски I и II (Яросл. 1875 и 1896), къ которому мы и отсылаемъ читателей, желающихъ ближе ознакомиться съ литературою русскаго обычнаго права.

XXIX.

Къ страницѣ 197-ой (къ концу главы III).

Говоря о разработкѣ нашего обычнаго права, нельзя умолчать о новѣйшемъ починѣ С. Петербургскаго Юридическаго Общества, взявшаго это дѣло въ свои руки и предпринимающаго изслѣдованіе обычно-правоваго матеріала по губерніямъ. 24 сентября 1898 г., какъ сообщали въ свое время газеты, одобренъ и самый планъ изслѣдованій, поручаемыхъ членамъ и сотрудникамъ Общества при ближайшемъ содѣйствіи студентовъ университета. Нельзя не пожелать этому благому начинанію, общее руководство которымъ принято на себя проф. А. Х. Гольмстеномъ при ближайшемъ сотрудничествѣ, въ качествѣ руководителей отдѣловъ, А. А. Башмакова, В. Ф. Мухина, В. И. Срезневскаго и А. Н. Харузина—полнаго успѣха и тѣхъ положительныхъ результатовъ, которыхъ вправѣ ждать русская юридическая наука отъ столь широко задуманнаго опыта изслѣдованія нашего обычнаго права.

XXX.

Къ страницѣ 228-й (стр. 3 св.).

IV-й выпускъ изданія: „Письма русскихъ государей“ вышелъ въ свѣтъ въ 1896 г. (письма царя Алексѣя Михаиловича, изданіе Коммиссіи печатанія госуд. грам. и догов.).

XXXI.

Къ страницѣ 251-й (стр. 17—21 св.).

Объ этомъ архивѣ смотри: Ясинскаго А.—„Московскій государственный архивъ въ XVI в." (Кіевскія Ун. Изв. 1889, № 3) и Лихачева Н.—„Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи" (Спб. 1894).

XXXII.

Къ страницѣ 254-ой (стр. 15—16 св.).

За послѣдовавшею (въ 1896 г.) кончиною А. Н. Труворова, званіе директора Археологическаго Института несъ профессоръ В. И. Сергѣевичъ, а въ настоящее время несетъ его профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Н. В. Покровскій.

XXXIII.

Къ страницѣ 255-ой (10—11 сн.).

Баронъ Ѳ. А. Бюллеръ скончался въ 1896 г. Преемникомъ его по управленію Архивомъ Министерства Иностранн. Дѣлъ состоитъ въ настоящее время князь П. А. Голицинъ.

Съ 1880 года издается „Сборникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ" (вып. I—V, 1880—1893).

XXXIV.

Къ страницѣ 257-й (стр. 1—3).

Въ 1896 году вышла X-ая книга этого изданія Архива М—ва Юстиціи.

XXXV.

Къ страницѣ 258-ой (стр. 8 сн.).

Добавить слѣдующія изданія центральныхъ правительственныхъ архивовъ:

„Сенатскій Архивъ", т. т. I—VIII, 1888—1897.

„Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Е. И. Величества Канцеляріи", вып. I—VII, 1876—1895.

„Описаніе дѣлъ архива Морскаго министерства", вып. I—VIII, 1877—1898.

„Журналы Комитета министровъ", т. т. I—II, 1888—1891.

XXXVI.

Къ страницѣ 261-ой (стр. 1—2 св.).

Весьма обстоятельныя указанія въ области библіографіи русской палеографіи, съ краткимъ изложеніемъ сущности содержанія отдѣльныхъ трудовъ по этой части, желающіе найдутъ въ изданіи сенатора Н. П. Смирнова: „Библіографическіе матеріалы. Палеографія, книгопечатаніе и пр". (Спб. 1898).

XXXVII.

Къ страницѣ 263-ей (стр. 21 св.).

Добавить труды Дювернуа А.—„Матеріалы для словаря древне-русскаго языка" (М. 1894) и Карскаго Е. О.—„Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библіографическій очеркъ" (Вильно, 1893).

XXXVIII.

Къ страницѣ 266-ой (стр. 25 св.).

Добавить трудъ А. А. Шахматова: „Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ" (Ж. М. Н. Пр. 1897, кн. 4).

XXXIX.

Къ страницѣ 268-й (стр. 1—5 св.).

Добавить труды: Н. Н. Оглоблина—„Обозрѣніе географическихъ матеріаловъ въ книгахъ Разряднаго приказа“ (Описаніе докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. IV) и А. Сапунова—„Рѣка Западная Двина. Истор.-географ. обзоръ“, съ картами, планами и рисунками (Витебскъ, 1893).

XL.

Къ страницѣ 270-й (стр. 14 сн.).

Добавить труды: Лобанова-Ростовскаго, А. Б. кн.—„Русская родословная книга, т. т. I—II (изд. 2-ое, Спб. 1895) и Савелова М. Л.—„Опытъ библіографическаго указателя по исторіи и генеалогіи россійскаго дворянства“ (М. 1893).

XLI.

Къ страницѣ 271-ой (стр. 10—13 св.).

Добавить трудъ П. фонъ-Винклера: „Русская геральдика“, со мн. рисунками гербовъ, вып. I—III, Спб. 1892—1894.

XLII.

Къ страницѣ 289-й (стр. 16 св.).

Добавить новѣйшее изданіе проф. В. Н. Латкина:

„Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи (XVIII и XIX ст.)“. Спб. 1899“.

II.

Алфавитный указатель личныхъ именъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Л.

Р.

С.

Замѣченные недосмотры и опечатки.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Должно читать:
14	19 св.	читались	читалась
15	14 сн.	твердый	твердой
—	2 сн.	права	народа
16	4 св.	Владимірскова	Владимірскаго
17	4 сн.	XVII	XVIII
19	17 св.	нзвѣстнымъ	извѣстнымъ
—	12 сн.	мысль о составленіи	мысль о необходимости составленія
20	11 сн.	послѣднихъ	послѣднимъ
27	13 сн.	ргсскихъ	русскихъ
32	3 сн.	настолько	настольною
34	3 св.	Потровича	Петровича
45	5 св.	оспоривая	оспаривая
48	16 сн.	умеренными	умѣренными
49	13 св.	словянофильскую	славянофильскую
55	1 сн.	лишь н	лишь на
60	8 св.	несомнѣный	несомнѣнный
61	15 сн.	Украннская	Украинская
62	6 и 2 сн.	заподной	западной
—	3 сн.	Гилицкой	Галицкой
66	18 сн.	въ теченіи 32-хъ лѣтъ занимаетъ	въ теченіи 35 лѣтъ занималъ
69	13 св.	изложенія	изложенія,
—	15 и 16 сн.	такихъ сравнительныхъ еще юныхъ отраслей	такихъ, сравнительно еще юныхъ, отраслей
73	1 и 2 сн.	когда и эти мѣры не привели	когда и эта мѣра не привела
74	19 сн.	въ числѣ предметовъ въ немъ	въ числѣ предметовъ преподаванія въ немъ
75	14 сн.	появплось въ свѣтъ	появилось въ свѣтъ

Стран.	Строка:	Напечатано:	Должно читать
77	10 сн.	что переводъ рѣчи Струбе не замедлилъ	что рѣчь Струбе не замедлила
78	4 сн.	Библіотеки	Вивліоѳики
80	8 св.	цитированнлго	цитированнаго
86	11 и 12 сн.	выразилось	выразилась
88	9 св.	ограничить	отграничить
91	10 св.	къ общественнымъ	къ общиннымъ
—	4 сн.	не утратило еще своего значенія	не утратило своего значенія
100	6 сн.	Stowianskich	Slowianskich
—	1 сн.	обстоятельствамъ	обстоятельствомъ
102	11 сн.	Истори-ческій	Историческій
105	4 св.	двадцатилѣтіе	тридцатилѣтіе
116	19 сн.	въ видѣ изданія	въ видѣ изданій
123	17 св.	большою подробностъю	большою дробностью
131	5 сн.	семи рубрикахъ	шести рубрикахъ
156	11 св.	относящемуся	относящемся
169	21 сн.	спискахъ;	спискахъ
173	14 сн.	XVI в.	XVII в.
180	8 св.	(1846 г.)	(1846 г.
—	10 св.	за 1846—1847 гг.	за 1846—1847 гг.).
—	21 сн.	Договоровъ	договоровъ
196	10 сн.	правовй	правовой
197	7 св,	слвесности	словесности
200	6 св.	называется	называются
219	17 св.	характеризующія	характеризующіе
230	20 св.	*Корнелій Тацитъ*	К о р н е л і й Т а ц и т ъ
256	1 св.	сосредочиваетъ	сосредоточиваетъ
257	1 св.	дументовъ	документовъ
—	3 св.	вышло 7 книгъ	вышло 10 книгъ
—	8 и 9 св,	Н. А. Попова	Н. А. Поповѣ
272	11 св.	1890—1893	1890—1896
287	3 св.	Петербурскій	Петербургскій
—	24 сн.	другихъ памятниковъ права	другихъ источниковъ права
296	3 сн.	П. Н. Милюковъ	*П. Н. Милюковъ.
299	7 св.	Н. В. Калачовъ	*Н. В. Калачовъ
312	8 сн.	какъ мѣсто	какъ мѣтко
313	15 св.	(Днѣпра	(Днѣпра)
316	19 сн.	этнографическій характеръ	этнографическій хаосъ
333	20 сн.	преспокойнѣйшимъ образомъ обходится	преспокойнѣйшимъ образомъ обходился

Стран.	Строка:	Напечатано:	Должно читать:
337	11 св.	празнанными	признанными
—	13 и 14 сн.	друженниковъ	дружинниковъ
341	14 св.	имемемъ	именемъ
342	13 и 14 св.	Nordmannosvocamus	Nordmannos vocamus
343	15 сн.	жили такіе то	жили какіе то
350	4 сн.	указаніе тѣ какіе то	указаніе на какіе то
353	16 св.	на пѣлыхъ	на цѣлыхъ
368	18 св.	формѣ.	формѣ,
375	14 св.	рускому	русскому
382	18 св.	обосновывается,	обосновывается
384	19 и 20 сн.	къ самоопредѣленію всего	къ самоопредѣленію воли всего
395	5 св.	наслѣдственного	наслѣдственнаго
398	13 и 14 св.	юридического	юридическаго
404	12 сн.	сбросываютъ	сбрасываютъ
408	16 св.	преурочивается	пріурочивается
409	16 св.	собѣ	себѣ
410	18 сн.	на одинъ	ни одинъ
413	15 св.	скиндинавы	скандинавы
—	1 сн.	очечества	отечества
428	7 сн.	анологичное	аналогичное
434	17 св.	начестіе	нечестіе
437	11 сн.	Бонкѣ	Боянѣ
440	14 св.	Права	Право

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 01 24 09 015 6